

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ
ПРИ ЦК КП ЛАТВИИ —
ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА
МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

**Борцы
Латвии
в Испании**

1936—1939

Воспоминания и документы

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.К. Березин В. Ю. Вецгайлис. Ж. К. Грива,
С. В. Зиемелис (ответственный редактор).
Я. Д. Палкавниек, А. Т. Ратниек, Е. Г. Шварц.

Редактор С. Суворова Худ. редактор А. Липин Техн.
редактор Л. Энгере. Корректор С. Фуксис.

Сдано в набор 7 июля 1970 г, Подписано к печати
15 декабря 1970 г. Бумага для глубокой печати 75 г
Формат 69X84/16 37, 13 физ. печ л.; 34,53 усл. печ л.:
32.54 уч.-изд. л. Тираж 4000 экз. Цена 1 руб 60 коп.
Издательство «Лиесма». г. Рига, бульвар Падомью. 24
Изд. зак. № 23790/SZ-1123 Отпечатано в типогра-
фии № 2 Комитета по печати при Совете Министров
Латвийской ССР, г. Рига. ул. Дзирнаву. 57. Заказ
№ 1933

ПРЕДИСЛОВИЕ

Национально-революционная война испанского народа в 1936—1939 годах была в Европе первой большой вооруженной схваткой между силами демократии и фашизма.

Испанский народ во главе с Коммунистической партией защищал не только свою родину от фашистского порабощения, но и дело мира и демократии во всей Европе.

Национально-революционная война испанского народа приобрела большое международное значение. Она превратилась в борьбу международного пролетариата и прогрессивных демократических сил мира против вооруженной интервенции фашистской Германии и фашистской Италии. Трудящиеся всех стран, все борцы за демократию и мир горячо сочувствовали справедливой борьбе испанского народа, поддерживали ее материально и морально. Тобы с оружием в руках помочь испанскому народу в борьбе против фашизма, в Испанию спешили добровольцы. Плечом к плечу с испанским народом сражались представители многих стран. В Испанию прибыло более 35 тысяч добровольцев из 54 государств. Всех их, независимо от Национальности, партийной принадлежности и профессии объединила решимость защитить демократические свободы, преградить путь фашизму, отвратить угрозу мировой войны. Они понимали, что, защищая свободу и независимость испанского народа, они сражаются и за независимость своей страны. Воины интернациональных бригад совершили поистине героический подвиг, который вошел в мировую историю как ярчайший пример пролетарского интернационализма.

Подавляющее превосходство вооруженных сил фашистских агрессоров, интервенция, которая поощрялась реакционными кругами американской, английской и французской буржуазии, привели к поражению защитников республиканской Испании. Но марксизм-ленинизм учит, что отдельные по-

ражения революционеров не могут изменить закономерности исторического развития.

Четверть века назад фашистские Германия и Италия были полностью разгромлены! В этой борьбе решающая роль принадлежала советскому народу. И хотя до сих пор в Испании еще существует режим генерала Франко, нет сомнения, что трудящиеся этой страны сбросят с себя ярмо фашистского рабства.

Национально-революционная война народа Испании и мощное движение солидарности с ним, охватившее почти все страны мира, являются историческим уроком, не потерявшим своего значения и сегодня, когда реакционные империалистические круги вынашивают планы новой мировой войны, пытаются ликвидировать демократические и социалистические завоевания народов. Это напоминает о том, что в борьбе с международным империализмом, против реакции и агрессии необходимо сплочение коммунистических и рабочих партий, тесное единство всех сил демократии, мира и социализма.

Республиканской Испании в ее борьбе с фашистскими мятежниками и интервентами большую моральную и материальную помощь оказывало первое в мире социалистическое государство – Советский Союз, который во всех международных организациях неуклонно отстаивал интересы законного правительства Республики Испании, разоблачал роль германо-итальянских фашистских интервентов и «политику невмешательства» западных империалистов, снабжал республиканскую армию вооружением и боевой техникой. Добровольцы из Советского Союза помогали армии республиканской Испании в качестве советников, они сражались и как воины с оружием о руках. Их самоотверженная борьба явилась вдохновляющим примером и важнейшим звеном движения интернациональной солидарности в антифашистской борьбе испанского народа.

Национально-революционная война испанского народа оставила неизгладимый след и в истории революционного движения Латвии.

Ныне Латвия – одна из пятнадцати советских социалистических республик. а тогда власть в стране находилась в руках националистической буржуазии. Трудовой народ Латвии боролся против господства буржуазии, за то, чтобы восстановить на своей земле Советскую власть, провозглашенную после победы Великой Октябрьской социалистической революции, но затем подавленную вооруженными силами международного империализма. Рево-

революционную борьбу трудового латышского народа возглавляла нелегальная Коммунистическая партия Латвии. С 1934 года эта борьба проходила в условиях фашистской диктатуры, когда полностью были ликвидированы буржуазно-демократические свободы, однако коммунисты Латвии добились установления единого фронта рабочего класса, а в конце тридцатых годов — также и антифашистского Народного фронта.

Коммунистическая партия Латвии разъясняла трудящимся правду о войне в Испании, призывала активно поддерживать антифашистские силы этой страны, тем самым способствуя расширению и укреплению антифашистского Народного фронта в Латвии. «Защита трудовым народом Испании своей земли, против кровавого нападения фашистов, поддерживаемых капиталом, является и делом антифашистов Латвии», говорилось в воззвании Рижского комитета КПЛ, выпущенном в августе 1936 года.

В труднейших условиях подполья и жестоких репрессий росло и крепло движение солидарности трудящихся Латвии с героическим испанским народом. Этим движением руководила Коммунистическая партия, ее активными помощниками были Союз Трудовой Молодежи Латвии и «Красная помощь» — Латвийская организация МОПРа, о чем свидетельствуют опубликованные в этой книге документы. В республиканскую Испанию из Латвии посылались нелегально собранные средства, туда уезжали латвийские добровольцы, чтобы с оружием в руках сражаться против фашизма.

«Сражаясь здесь за республиканскую Испанию, я воюю и за Советскую Латвию», — писал в своем письме из Испании доброволец Карл Эдуардович Розенберг.

В Испанию отправились также и многие участники революционного движения в Латвии, прожившие и работавшие в то время в Советском Союзе. Среди них были Д. С. Бейка, Я. К. Берзинь, К. И. Янсон, В. И. Кумелан, П. И. Пумпур, Х. И. Салнинь, Г. К. Шпонберг, П. М. Арман и другие.

Больше всего добровольцев из Латвии — около 30 человек — сражались в артиллерийских подразделениях Интернациональных бригад. В противотанковой батарее 13-й Интернациональной бригады им. Я. Домбровского была создана группа из латвийских добровольцев, названная именем революционного поэта Леона Паэгле. Часть латвийских добровольцев входила в батарею им. Коларова 1-го Славянского дивизиона тяжелой артиллерии. Они организовали группу, которую называли именем выдающегося деятеля революционного движения Латвии — Яниса Янсона-Брауна. В

батальоне им. Димитрова 15-й Интернациональной бригады им. Линкольна боролись 16 добровольцев из Латвии. Многие сражались и в других подразделениях Интернациональных бригад, а также и в испанских частях республиканской армии. В госпиталях и на фронтах самоотверженно трудились 11 врачей и медицинских сестер из Латвии.

Латвийские добровольцы прошли трудный и славный боевой путь, начиная с обороны Мадрида осенью 1936 года и кончая последними сражениями в Каталонии в январе-феврале 1939 года. Известны четырнадцать добровольцев из Латвии, отдавших свою жизнь за свободу испанского народа и навечно оставшихся в земле Испании.

Советский народ победил немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг). Среди воинов, которым не довелось дожить до славного дня победы, было 24 бывших латвийских добровольца, участника национально-революционной войны в Испании. Их героическая жизнь, так же как жизненный путь всех борцов-антифашистов, есть образец беззаветного служения великому освобождению человечества, неумолкающий призыв к борьбе с империализмом, к высокой бдительности народов

Сборник воспоминаний и документов «Борцы Латвии в Испании» впервые вышел в свет на латышском языке в 1966 году, в связи с 30-летием начала национально-революционной войны в Испании против фашистских мятежников и интервентов.

Сборник знакомит читателей с боевым путем, который прошли в Испании латвийские добровольцы.

Опубликованные в этой книге воспоминания, авторы которых в основном были рядовыми бойцами, не могут дать полного обзора военных действий и героической эпопеи Интернациональных бригад. Это рассказы воинов об отдельных сражениях и боевых эпизодах, о фронтовой жизни беспримерной армии добровольцев свободы. В них выражена большая любовь к испанскому свободолюбивому народу, утверждается могучая сила дружбы народов и пролетарского интернационализма.

Кроме воспоминаний, написанных авторами в последние годы, в сборник включены и письма непосредственно с поля боя, отчеты, написанные по свежей памяти тотчас по возвращении из Испании. Опубликованы и несколько сокращенные дневники бойцов артиллерийской группы

им Я. Янсона-Брауна, комиссара и командира саперов М. Я. Шварца, артиллериста Б. Х. Кура. Эти документы написаны на фронте, в часы коротких передышек между боями.

Несколько статей добровольцев из Советского Союза рассказывают о совместном боевом пути в Испании с латвийскими борцами. Таковы воспоминания генерал-майора Л. Ю. Новака, переводчиц А. К. Стариновой и Е. А. Паршиной.

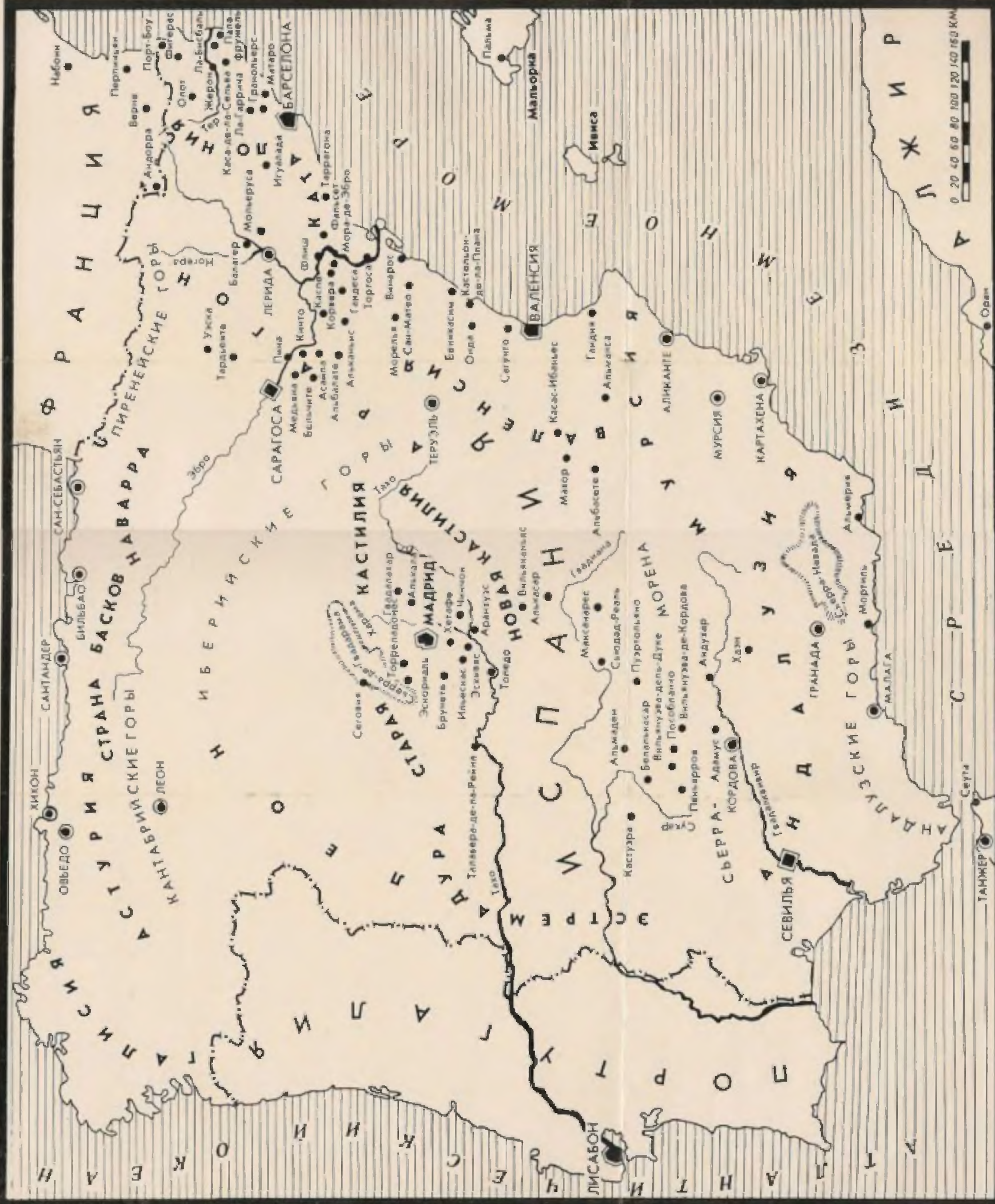
В новом издании помещены волнующие строки Долорес Ибаррури, посвященные воинам-добровольцам из Латвии и написанные для настоящего сборника. Сборник несколько пополнен новыми материалами.

Большую помощь в подготовке книги к печати оказал председатель Испанской Секции Комитета ветеранов войны СССР И. И. Нестеренко. В подготовке материалов приняла участие научный сотрудник Института истории партии при ЦК КП Латвии В. П. Элстынь. Именной указатель и краткие биографические сведения об авторах составил Я. А. Менде.

*Институт истории партии при ЦК КП Латвии —
филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС*

ИСПАНИЯ

(Схематическая карта, на которой отмечены географические названия, упомянутые в тексте)

NO OS OLVIDAMOS...

La guerra del pueblo español en defensa de la República y la democracia frente a la sublevación de la reacción fascista española apoyada por las dos potencias fascistas de la época, la Alemania de Hitler y la Italia de Mussolini, suscitó entre la clase obrera y fuerzas progresivas de todos los países, un emocionante movimiento de solidaridad con los combatientes republicanos españoles.

No se conoce en la historia de las luchas contemporáneas de los pueblos por su libertad un hecho de tan hondo contenido humano y revolucionario como fue la formación de las Brigadas Internacionales que participaron en nuestra guerra nacional revolucionaria.

Entre esos heroicos y gloriosos brigadistas estais vosotros, amigos de Letonia, que arriesgando la libertad y la vida, vinisteis a nuestro país a luchar contra el fascismo español, que era luchar por la libertad de vuestro país y de vuestro pueblo.

Fuisteis a España caminando por los difíciles y peligrosos caminos de Europa donde os acechaba la prisión y la muerte. Y no todos volvisteis a vuestros hogares, a vuestras familias. Muchos de vosotros quedaron para siempre fundidos con nuestra tierra, allá donde se luchaba por la libertad de todos los pueblos.

No es posible olvidar vuestra aportación a nuestra lucha, vuestro sacrificio heroico, vuestra abnegación y vuestra solidaridad.

Y en nombre del Partido Comunista de España inspirador de la resistencia popular republicana; en nombre de todos los que luchamos, en nombre de las madres y de las mujeres de España que os quisieron como hijos y como hermanos, yo os digo con el alma: ¡Gracias por todo, camaradas letones! ¡España no ha olvidado y jamás olvidará vuestro sacrificio, vuestra heroica solidaridad!

Dolores Ibárruri

Moscú, abril de 1969

МЫ НЕ ЗАБЫВАЕМ ВАС...

Война *испанского* народа в защиту Республики и демократии против испанской фашистской реакции, поднявшей мятеж при поддержке фашистских держав — гитлеровской Германии и Италии Муссолини, вызвала в рабочем классе и среди прогрессивных людей всех стран мира волнующее движение солидарности с испанскими республиканскими борцами.

История современной освободительной борьбы народов не знает события, равного по глубине общечеловеческого и революционного содержания созданию Интернациональных бригад, участвовавших в нашей национально-революционной войне.

В рядах этих героических, овеянных славою бойцов Интернациональных бригад были и вы, латышские друзья. С риском для своей свободы и жизни вы прибыли в нашу страну, чтобы бороться против испанского фашизма и тем самым за свободу своей страны и своего народа.

Вы пробирались в Испанию по трудным и опасным дорогам Европы, где вас подстерегали тюрьма и смерть. И не все из вас возвратились домой, к своим семьям. Многие остались навсегда в нашей земле, на которой они боролись за свободу всех народов.

Нельзя забыть ваш вклад в нашу борьбу, ваши героические жертвы, вашу преданность и вашу солидарность.

От имени Коммунистической партии Испании — вдохновителя народного республиканского сопротивления, от имени всех нынешних борцов, от имени матерей и женщин Испании, которые вас полюбили как своих сыновей и братьев, я говорю вам от всей души: спасибо за все, товарищи латыши!

Испания не забыла и никогда не забудет вашего самопожертвования, вашей героической солидарности!

Долорес Ибаррури

Москва, апрель 1969 г.

Ф. РОКПЕЛНИС

ИСПАНИЯ

Нет глубины у боли.
Если один ты болен.
Тяжести нет в той ноше.
Что давит тебе лишь
На плечи.
Да знаешь ты только горести будней.
Как же они ничтожны!
Да знаешь свои только, мелкие радости.
Ты всю их ничтожность увидишь.
Когда обретешь величайшее горе и радость.
Которыми там провожают каждый бросок гранаты
И отступление полка, уходящего в горы,
И бомбовоза яростный рев.
 Бьются сердца миллионов
 И жаждут победы.
Глубока их боль.
Это боль миллионов.
Ноша их тяжела,
Высоки их порывы.
И великою верой в победу исполнен их гнев.
 Не оставайся один!

Перевод И. Р. Авраменко

РАССКАЗЫВАЮТ УЧАСТНИКИ СРАЖЕНИЙ

Танкисты

С винтовкой и пулеметом

Истребители танков

Тяжелая артиллерия

Саперы и военные инженеры

Работники медицинской службы

Советники, инструкторы,

переводчики

ВСПОМИНАЯ ИСПАНИЮ...

Письмо другу народному артисту СССР С. Михоэлсу с фронта Великой Отечественной войны

(Отрывок)

...Пылающий как факел танк мчится на артиллерийскую батарею. Экипаж горит, но команда «В атаку!» заставляет забыть об ожогах и страшной боли. Батарея уничтожена. Обожженное тело болит. Губы сухие и трескаются. Смазываю вазелином и тавотом. Тавот как будто немного унимает боль, но малейшее прикосновение к ранам жжет. В ход идет шелковое белье, разорванное на полосы, как бинты. Теперь, обмотавшись, можно снова продолжать бой. Но Мерсон не держится на ногах. У Лысенко разбита ладонь правой руки, переломаны три ребра. Решение: пересесть в другой танк, а Мерсона и Лысенко, как вышедших из строя, уложить на дно танка и вывезти к своим. Лысенко спрашивает:

— Почему, товарищ командир, вы пересаживаетесь в другой танк? Наш от огня не пострадал, а только закоптился.

— Танк закоптился, но вы-то обуглились. Кроме того, у вас не действует правая рука, Мерсон не может сидеть за рычагами, потому что у него обгорела даже поясница, не только спина.

Передо мной стоят Лысенко и Мерсон в изодранных в клочья спецовках, сквозь эти лохмотья видны наскоро перевязанные раны, кровь и обнаженное обгоревшее тело. По их лицам, покрытым сажей, текут слезы обиды.

— Значит, вы нам не доверяете — мы плохо дрались и недостаточно стойко вели себя в атаке? Вы не лучше нас

выглядите и не лучше чувствуете себя, но остаетесь же в бою, а мы поедем пассажирами?..

Милые, дорогие Мерсон и Лысенко, я не знал, что в ваших двадцатитрехлетних сердцах столько отваги и героизма. Я недооценивал вас, полагая, что вам не под силу подчинить тело чувству воли. Оказывается, мне у вас надо учиться выдержке. Где же вы сейчас, мои славные Мерсон и Лысенко? Где давите вы фашистов, освобождая наши села и поля?..

Письмо родным

Действующая армия. 31 декабря 1942 года

Получил три Ваших письма. Получил их, когда находился в бою, и не мог прочесть. Вчера приехал а штаб и только кое-как пробежал. Отчаянно устал, весь был и грязи и срочно поехал мыться. После бани меня развезло так, что проспал шесть часов. А вот сейчас читаю и перечитываю.

Сегодня, вернее вчера, я имел искушение прорваться к вам находился всего в трех часах езды на машине от Москвы. Но во мне сразу заговорила совесть дисциплины и воинской чести. Ты же знаешь, родная, что я могу всем в мире пренебречь, но я не могу идти против совести, тем более, высшего выражения совести воинской чести.

Врага мы бьем сейчас все усерднее и настойчивее. Уже у него трещат ребра, доберемся и до позвоночника. На войне тоже есть свои радости. Вот противник, хорошо подготовившись, все распланировал, пошел, чтобы смять тебя. Он приближается уверенно. Завязывается отчаянная схватка на переднем крае. Часть танков противника горят как факелы, но остальным удастся прорваться. И вот они уже торжествуют — мчатся в глубину обороны. Лежишь в небольшом окопчике или щели и жадно затягиваешься папиросой или дымишь как паровоз трубкой. Передние танки промчались мимо, смяв бруствер окопа и порвав телефонный провод. Еще раз затягиваешься во весь объем легких. Курить так вкусно! Табак отсырел и с плесенью. А кажется, никогда не курил такой хороший табак. Впереди, в двухстах метрах, куст можжевельника. Какой он красивый! Точно такой же видел я в детстве на пригорке возле болота, когда вместе с отцом зимой ходил рубить лес.

...Это было очень давно. Я бежал рысцой, чтобы не отстать

от широко шагавшего отца. Глядел на можжевельный куст и мечтал — вырасту большой, буду сажать деревья... Мечтал — и ногой попал мимо кочки в незамерзшее болото...

А сейчас лежу и смотрю на куст можжевельника и оцениваю его. Мне хочется, чтобы главные силы разворачивались на рубеже куста. Хочется также, чтобы центром развертывания танков был этот куст. Куст одинок, поэтому он хороший ориентир. А враг — ему нужно все, что только отчетливо видно. А вдруг я попаду, как в детстве, мимо кочки? Тогда я получил от отца трепку за то, что промочил ноги. Если сейчас промахнусь, то трепка будет беспощадной. По нет, фрицы делают так, как я предполагал. Все в порядке.

Короткий радиосигнал — и моментально сзади, справа, слева раздаются резкие звуки выстрелов из противотанковых орудий. Многие фашистские танки останавливаются, вертятся, дымят. Еще сигнал, и сзади раздается гул тяжелых танков, которые неудержимой лавиной врываются в боевые порядки врага. Мощью своих орудий и ударной силой наши танки добивают противника, уничтожают идущую сзади пехоту. Довольно тобой любоваться, можжевельник, и тебя смяла могучая гусеница.

Теперь меня интересует несколько сосен вдали, на горизонте. Откуда покажутся резервы врага — справа или слева от них? Но это мне все равно. Исход боя ясен — во фланг я их ударю так, все аж затрещит...

Вот и показались резервы противника. Несколько танков слева от сосен. Дудки — не обманешь, значит, основной удар будет справа. Так записано в уставах, так учат в академиях, и так делают фашисты, потому что сами выдумать что-нибудь они не могут. Демонстративный удар с одного фланга, основной — с другого. Мы можем смело начать наступление, не ожидая, пока главные силы перевалят справа от сосен.

Представляю себе радость противника, который надеется, что угадал, с какой стороны мы ударим, что мы так же, как и он, ударим справа и попадем в засаду, в огневой мешок. Радуйся, радуйся, мы еще подбавим перца и совсем оголим свой правый фланг, чтобы всей силой разгромить тебя слева. С нарастающей скоростью все наши быстроходные танки мчатся слева. Нате, получайте, «ученые» дрессированные автоматы. Теперь тому, кто командует своими оловянными механизмами, ясно, что бьют их слева. Они сделают потом вывод, что русские не знают устава и плохо учатся в академии. И на здоровье — в следующий раз мы будем громить вас по-другому.

На днях один философ заметил, что фашисты дают четкие приказы. Что это за приказы? Там ставится задача и отмечается: если этот вариант не получится, то делай по другому варианту. А если и этот не даст успеха, то по третьему, и так далее. То есть начальник даст подчиненному до четырех рецептов.

Тупице, не обладающему инициативой и ясным умом, надо давать рецепт для каждого случая. Но больше четырех вариантов не дашь, иначе получится не приказ, а хрестоматия для военных училищ. Поэтому не приказ надо перенимать у врага, а бить его до тех пор, пока у него не выйдут все четыре рецепта. Пятого он сам не придумает и будет разбит окончательно. Я их в 1936 году в Испании всегда бил по «пятому варианту», для которого у них рецепта не находилось. И сейчас пятый вариант очень эффективен.

Нельзя писать такие длинные письма: чего доброго, не доползут. Крепко целую тебя, Иночку и маленькую Капельку¹.

Поль

*Газета «Красная Звезда», № 215 (12738)
12 сентября 1965 г.*

¹ Письмо адресовано жене П. Армана Елене Федоровской, дочерям Инге (род. в 1931 г.) и Ольге (род. в 1942 г.). *Ред.*

АНАТОЛИЙ НОВАК

**КОМАНДИР ТАНКОВОЙ ЧАСТИ
ПОЛЬ АРМАН**

Жизнь Героя Советского Союза Поля Армана (Петра Тилтиня), полная борьбы и разносторонней деятельности, несомненно станет предметом изучения историков-биографов, ею заинтересуются писатели, художники. Я расскажу здесь лишь то, что сохранилось в моей памяти о совместной службе в Советской Армии и в мирное время, и в дни войны. Добавлю лишь кое-что, почерпнутое из документов и личных записей Армана, с которыми мне довелось ознакомиться в разные периоды.

С 1932 по 1936 год я служил в танковой бригаде Белорусского военного округа. Вначале нес строевую службу, а затем перешел в техническую часть. В 1934 году к нам на должность командира танкового батальона был переведен из соседнего гарнизона капитан Польш Арман.

С первых дней появления в батальоне он вызвал к себе живой интерес у нас, «стариков». В его биографии было много необычного.

Мы, например, не понимали, почему у Поля две фамилии — одна латышская, другая французская. Кроме латышского и русского, новый командир батальона владел еще тремя иностранными языками. Где и когда он сумел изучить их? Кем был раньше?

Арман не впускался ни в какие объяснения. Однако нельзя сказать, чтобы он чуждался нас, замыкался в себе. Наоборот.

он был хорошим товарищем, жизнерадостным, общительным. Часто рассказывал нам разные захватывающие истории, при этом никогда не упоминал о себе, хотя нетрудно было догадаться, что сам он являлся активным участником этих событий. Как командир Поль был строг, требователен и справедлив ко всем одинаково, вне зависимости от воинского звания и занимаемой должности подчиненных, от личных своих симпатий или антипатий к ним.

Как-то раз мы вместе с ним были на праздновании дня рождения одного из командиров. Домой вернулись поздно. Я немного проспал и пришел на следующее утро в штаб, чуть запоздав. Дежурный сообщил, что меня уже спрашивал командир батальона и приказал, как только приду, явиться к нему.

Когда я зашел к Арману, он с минуту смотрел на меня молча. В его серых глазах я прочел упрек. Не повышая голоса, Арман спокойно сказал:

— Вчера мы сидели в гостях за одним столом, но это ничуть не значит, что на следующий день можно явиться на службу с опозданием.

И так же спокойно добавил, что я свободен и могу идти.

Этот случай глубоко врезался в мою память. Замечания Поля я всегда ценил очень высоко. Для меня он был не только начальником, но и другом, старшим братом и учителем.

Строгая требовательность к себе и другим, аккуратность, дисциплинированность и организованность сочетались в Поле Армане с вниманием и отзывчивостью, умением понимать товарищей, широкой эрудицией и партийностью в решении любых вопросов. Благодаря всему тому он сплотил вокруг себя образцовый коллектив. Вскоре он стал одним из лучших командиров в бригаде.

Наши отношения с Полем становились все ближе. Он предложил мне вместе готовиться к поступлению в военную академию. Я согласился. С этого дня мы все свободное время посвящали учебе; частенько беседовали о жизни, о делах и военной службе.

В 1935 году осенью, сдав вступительные экзамены в округе, мы оба уехали в Москву. Там Поль познакомил меня со старыми друзьями, с которыми он провел годы детства и юности в Латвии. Теперь это были зрелые люди коммунисты, много лет проработавшие в подполье в буржуазной Латвии.

В одном из ломов на Миусской улице, где обычно собирались старые большевики, Поль познакомил меня со своим

старшим братом Альфредом Тилтинем, которым сыграл большую роль в воспитании Поля, в формировании его мировоззрения. В эту пору Альфред Тилтинь был командиром бригады, и его очень высоко ценило командование Белорусского военного округа.

И лишь в эти дни я узнал кое-что о прежней жизни Поля.

Под влиянием старшего брата Альфреда Поль еще в 1919 году вступил в комсомол, а в 1920, в семнадцатилетнем возрасте, стал членом Коммунистической партии Латвии. В 1925 году ему из-за активной политической деятельности запретили проживать в крупных городах Латвии. Он эмигрировал во Францию. Здесь Петр Тилтинь стал называть себя Полем Арманом. В Париже он изучал радиотехнику. В 1926 году уехал в Советский Союз, где окончил военное училище и стал командиром Красной Армии.

Лето 1936 года. Интервенция фашистских агрессоров против законного правительства республиканской Испании и испанского народа, который завоевал себе свободу, глубоко взволновала все прогрессивное человечество и особенно советский народ. От Москвы до самых отдаленных уголков нашей необъятной Родины прошла волна митингов протеста; советские люди выражали солидарность с Испанской республикой, рабочие и колхозники, интеллигенция и учащиеся начали сбор средств на продовольствие, одежду, медикаменты для испанских женщин и детей — жертв фашистской агрессии.

И мы также жили этими событиями. С глубоким волнением читали о том, как со всех концов света в Испанию едут добровольцы. чтобы помочь Народной армии Испанской республики.

Это активное проявление интернациональной солидарности особенно остро воспринял Арман. Как только приходили свежие газеты, он торопливо искал в них сообщения об Испанской республике.

Как-то в конце августа Поль спросил меня:

— Как ты посмотришь на то, если и мы добровольцами отправимся в Испанию?

— Я-то с радостью, но кто нас отпустит? с грустью возразил я.

— Садись, давай писать рапорт. Ты пиши, а о дальнейшем уж я позабочусь. — горячо сказал Поль.

Стали ждать ответа. Наконец долгожданный день настал. Случилось это в конце сентября.

А в октябре нас, небольшую группу добровольцев, отправили в Испанию.

Вместе с добровольцами из других городов наша группа насчитывала 55 человек. Старшим группы был полковник танкист Семен Кривошеин, его заместителем — капитан Поль Арман.

Теплоход «Комсомол» доставил нас в Испанию, в портовый город Картахену. Вместе с нами прибыли танки Т-26, запасные части к ним, боеприпасы, горючее, а также транспортные машины ЗИС. Все это было закуплено правительством Испании у Советского Союза.

Быстро выгрузили все, что привезли. Завели моторы и по асфальтированным дорогам Испании вскоре добрались до подготовленной для нас базы в городке Арчена.

Все мы стремились скорее попасть на фронт, вступить в бой с фашистами, напавшими на испанский народ. Но правительство республиканской Испании поставило перед нами другую задачу: в самый кратчайший срок предстояло подготовить кадры испанских танкистов, чтобы они сами могли вести танки в бой.

В Арчене был создан учебный центр. Сюда прислали бойцов Народной милиции («милисианос»), которые имели специальности артиллеристов или шоферов и уже участвовали в боях. Все они были горячими защитниками республики, хотя принадлежали к разным партиям и во многих вопросах придерживались разных убеждений. Среди них были коммунисты и социалисты, республиканцы и анархисты.

Курсантов разделили на группы (в зависимости от специальности) и сформировали роты механиков-водителей, командиров машин, башенных стрелков, мотористов. В каждую роту входило по 50 человек, командовали ими испанские офицеры. К каждой роте в качестве инструктора были прикреплены наши добровольцы.

Во главе учебного центра и танковой базы стоял полковник регулярной испанской армии Санчес Паредес.

Руководитель нашей группы добровольцев полковник С. Кривошеин был назначен советником при начальнике танковой учебной базы. Его заместитель капитан П. Арман стал советником при штабе учебного центра.

П. Арман энергично взялся за выполнение своих обязанностей. Он разработал учебный план, согласно которому подготовку танкистов надлежало провести за 15 дней. Арман строго следил за тем, чтобы его план точно выполнялся.

Для практических занятий выделили четыре танка. На этих машинах офицеры, командиры танков и башенные стрелки изучали материальную часть вооружения и практиковались в стрельбе. Механики-водители знакомились с устройством машин, учились вождению.

Большую помощь учебному центру оказывали органы местного самоуправления — гражданский губернатор города Мурсии и областной комитет Коммунистической партии.

Занятия шли успешно. Соблюдался двенадцатичасовой рабочий день. Будущие испанские танкисты учились с большим энтузиазмом и быстро овладевали искусством вождения машин и стрельбой. Труднее было с изучением теоретических основ материальной части танка и стрелкового вооружения. Мешало то, что мы еще не говорили по-испански, не было и переводчика, который бы владел технической терминологией. Но инструкторы старались, не жалея сил, да и курсанты были настойчивы. Режим дня был четко регламентирован: занятия начинались и заканчивались в точно указанные сроки. Курсанты приучались к соблюдению норм военной дисциплины.

Поль Арман и здесь, в Испании, с самого первого дня служил для всех нас образцом дисциплинированности, четкости, собранности.

Полковник Паредес, глядя на нас, советских командиров, обычно говорил:

— У вас железная дисциплина.

Мы отвечали на это, что воины революционной армии должны стать самыми дисциплинированными воинами в мире.

Полковник С. Кривошеин и капитан П. Арман преподавали офицерам тактику, теорию и методику стрельбы. Занятия велись на французском языке, которым большинство испанских офицеров довольно хорошо владело: они сами переводили тем, кто не понимал по-французски.

Комиссариат учебного центра организовал и политзанятия. Все наши курсанты живо интересовались деятельностью правительства республиканской Испании и историей революционного движения. Ежедневно проводились беседы и о положении на фронте.

Регулярные занятия в учебном центре начались 17 октября 1936 года. К началу ноября намечалось закончить подготовку первой группы танкистов. Командование Испанской республиканской армии возлагало большие надежды на эту свою первую танковую часть, оснащенную новейшей техникой. В первые дни ноября республиканская армия предусматривала

начать большое контрнаступление против фашистов, рвавшихся к столице республики — Мадриду.

Положение Испанской республики все ухудшалось. Немецкие «юнкеры» и итальянские «савойи» каждый день бомбили Мадрид и позиции оборонявших его войск. При поддержке итальянских танкистов, немецких артиллеристов, марокканской кавалерии мятежники теснили недостаточно обученные и плохо организованные части Народной милиции.

Катастрофа приближалась быстрее, чем это можно было предвидеть. Необходимы были чрезвычайные меры, чтобы отразить нападение фашистской армии, поднять дух защитников столицы, вернуть «милисианос» и населению веру в свои силы.

Из шести бригад республиканской армии, которые по плану главного командования должны были нанести контрудар по противнику, пять бригад еще не были полностью сформированы и вооружены. Сборка самолетов, присланных из Советского Союза, еще не была закончена. Над Мадридом они могли появиться и дать отпор фашистским воздушным пиратам не раньше чем дней через семь десять. А чем помочь сегодня?

26 октября ночью в учебном центре Арчены объявили тревогу. Был получен приказ военного министра: срочно сформировать для военных действий танковую роту в составе 15 танков.

Командиром роты был назначен Поль Арман. Обслуживающий состав танков был укомплектован так: командиры взводов, командиры танков и механики-водители советские добровольцы, башенные стрелки испанцы.

Рота поступала в распоряжение командующего Мадридским фронтом.

В ночь с 26 на 27 октября пятнадцать машин танковой роты Поля Армана были погружены на платформы на железнодорожной станции Арчены. К вечеру следующего дня танки находились на станции Вильяканьяс, а оттуда утром 28 октября, пройдя 80 километров своим ходом, прибыли на Мадридский фронт в район городка Чинчон.

Мне поручалось автомашинами доставить из Арчены на фронт необходимые запасные части к танкам, боеприпасы, горючее и продовольствие для танкистов.

В 15 часов того же дня Арман получил первое боевое задание. По приказу генерала Посаса танковая рота должна была ночью прибыть в район Вальдеморо, в 20 километрах южнее Мадрида; утром 29 октября занять исходные позиции и совместно

с бригадой, которой командовал Э. Листер, атаковать противника в направлении от Вальдеморо на Сесенью, с целью отбросить врага к югу и юго-западу.

Еще до получения этого приказа Арман пытался уточнить обстановку. Однако республиканские командиры не имели достоверных данных о силах противника, так как разведка здесь не велась. Предполагалось, что враг занял населенные пункты Ильескас, Эскивиас, Борокс и, возможно, Сесенью.

Точных сведений не было даже о наших собственных воинских частях. Никто достоверно не знал, где проходит передовая линия фронта, где кончаются фланги частей.

Выехав из Вальдеморо в направлении Сесеньи, Арман убедился, что передовые подразделения республиканской колонны находятся не далее километра к югу от Вальдеморо. Впереди не было ни аванпостов, ни разведгрупп. Такое же положение было и в батальоне, занимавшем Съемпо-Суэлос; и здесь также не были выдвинуты передовые посты. Занята Сесенья фашистами или нет — в батальоне не звали.

Обстановка осложнялась еще и тем, что в ночь на двадцать девятое одну из колонн должна была сменить бригада Листера.

Только после боя участники его получили полные данные о силе и планах мятежников. В районе Сесеньи противник сосредоточил до двух тысяч штыков, до пяти эскадронов кавалерии, три—пять артиллерийских батареи и около тридцати итальянских танков «ансальдо». Эта вражеская группировка 29 октября должна была участвовать в общем наступлении на Мадрид, действуя в направлении на Вальдеморо.

Республиканское командование решило упредить противника и утром 29 октября перейти в контрнаступление. При этом главный контрудар в направлении Сесенья—Эскивилс—Ильескас наносился бригадой Листера, усиленной замковой ротой Армана.

В ночь на двадцать девятое рота сосредоточилась в роще под Вальдеморо. Арман установил связь со штабом бригады Листера.

Листер полагал, что его передовой батальон находится километрах в двух от Сесеньи и на рассвете обязательно ее займет.

Был разработан такой план наступления: артиллерийская подготовка в 7.00. Одновременно танкисты начинают атаковать противника, действуя в направлении Сесенья—Эскивиас—Борокс. Задача: уничтожить в этом районе группировку

противника. Район сбора танков после выполнения боевого задания — сады в треугольнике дорог, связывающих Сесенью, Эскивиас и Борокс.

...Рассвет 29 октября. Занимается день боевого испытания советских танкистов. Обстановка предстоящей схватки, конечно, несравнима с той, к какой мы привыкли на учебных полигонах и маневрах на Родине. Арман, как всегда, внешне спокоен, собран, решителен. Вся его воля, энергия сконцентрированы на одном — успешно выполнить боевую задачу, разгромить противника.

В указанное время артиллерия огня не открыла. Не слышно было и республиканских «потезов»¹. Однако приказ надо было выполнять.

Рано утром Арман выслал в направлении предстоящей атаки боевую разведку в составе трех танков. Разведку возглавил командир первого танка лейтенант И. Лобач, командиром второго танка был лейтенант А. Соловьев, третьего А. Климов. Остальные танки под командованием Армана следом за разведчиками выступили маршевой колонной по шоссе.

В 7 часов 30 минут танки остановились в километре к востоку от Сесеньи, чтобы проверить готовность машин к бою. Разведчики по радио сообщили: «В Сесенье противника нет, но с севера и востока к Сесеньи движутся пехотные части».

В восемь часов наши танки с открытыми люками рванулись по шоссе к Сесенье. Пересекая высоту метрах в ста пятидесяти от окраины Сесеньи, Арман увидел на дороге орудие, ствол которого был направлен на танки. Среди орудийного расчета Арман заметил двух офицеров, а налево от дороги, у часовни, стояло около двухсот солдат.

Арман не сомневался, что это бойцы из бригады Листера, которые уже заняли Сесенью и организуют ее оборону. Боясь, как бы орудие не начало обстрел танков, Арман поднял правую руку и, сжав кулак, крикнул:

— Salud!

В грохоте танков, офицеры, видимо, не расслышали приветствия Армана. Подъехав вплотную, Арман по-французски попросил убрать с дороги орудие и освободить танкам путь. Офицеры не поняли, ответили что-то по-испански. Один из

¹ «Потез» — бомбардировщики устаревшего типа, которые были на вооружении республиканской Испании до прибытия советских самолетов. *Ред.*

них, подполковник, подошел к танку. Произошел такой разговор:

Подполковник (по-испански):

— Куда направляетесь?

Арман:

— Вперед!

Подполковник:

— Итальянцы?

Арман, думая, что подполковник спрашивает о противнике:

— Да.

Подполковник:

— Фашисты?

Арман:

— Да, да!

Подполковник:

— Идемте в штаб, поговорим.

Арман (по-французски):

— Нет времени, тороплюсь. Неужели здесь нет никого, кто говорил бы по-французски?

Подполковник не понял, громко кого-то позвал. От группы военных, стоявших у часовни, отделился офицер. В этот момент Арман увидел на одной из улиц Сесеньи группу марокканцев.

Он понял, что перед ним не республиканцы, а фашисты, и отдав механику-водителю команду «Вперед!», быстро опустился в танк и захлопнул люк. Еще мгновение — и танк подавил орудие и его расчет. Лишь несколькими солдатам удалось отскочить в сторону. Танк Армана открыл огонь. Это послужило сигналом — всем танкам начать бой.

Как выяснилось потом, фашисты ждали прибытия итальянских танков и были уверены, что к ним приближаются итальянцы.

Арману трудно было с первого взгляда опознать фашистов, так как форма у них была такая же, как у республиканцев. Фашисты вошли в Сесенью уже после того, как наши танки-разведчики, пройдя оврагом, пересекли ее с юго-запада, со стороны Борокса.

Так вступила в бой танковая рота Армана. Танки с закрытыми люками ворвались в Сесенью. В узких улицах уничтожили они захваченную врасплох вражескую пехоту, машины с грузами, офицерские легковые автомобили, кавалерию и орудия. Танки-разведчики, заняв северо-западную окраину

Сесеньи, почти полностью уничтожили два кавалерийских эскадрона марокканцев.

Как только танки вышли на западную окраину Сесеньи, командиры танков повернули орудия на городок и открыли огонь по уцелевшим группкам противника и неподавленным еще огневым точкам. Наконец противник прекратил организованное сопротивление. Арман выпустил несколько белых ракет, это сигнал своей пехоте: «танки следуют дальше».

Прежде чем двинуться в Эскивиас, Арман приказал перерезать все телефонные провода, соединяющие Сесенью с Эскивиасом.

Доброволец С. Павлов получил несколько легких ранений. Испанец, башенный стрелок, тяжело ранен. Слегка был поврежден движущий механизм танка, но Павлов быстро сам исправил повреждение.

После боя в строю осталось одиннадцать танков. Двенадцатый — лейтенанта Селицкого — был поврежден и застрял в Сесеньи.

Бой в Сесеньи длился до половины одиннадцатого. Затем танковая рота полным ходом двинулась по шоссе в Эскивиас. Из городка продолжала доноситься беспорядочная винтовочная и пулеметная стрельба. Арман полагал, что это бригада Листера, не встречая серьезного сопротивления, уже занимает Сесенью. Но, как выяснилось позже, бригада Листера так и не заняла Сесенью.

на пути Сесенья—Эскивиас танкам встречались отдельные марокканские кавалерийские группы, машины с грузом и легковые автомобили. Все это было уничтожено.

Второй бой начался близ Эскивиаса в одиннадцать часов. Здесь танки Армана застигли врасплох пехоту и артиллерию противника и два итальянских легких танка «ансальдо». Одного из них танк лейтенанта С. Осадчего таранил и сбросил в овраг.

Рассеяв живую силу противника и уничтожив его технику, танки Армана направились на Борокс. В пути над колонной появилась фашистская авиация. Чтобы обмануть врага, танкисты принялись махать белыми платками. Это помогло: покругив над танками, самолеты ушли в направлении Мадрида.

В Бороксе танкисты не обнаружили противника. Арман направился к условленному месту сбора танков. В назначенное время сюда подошло одиннадцать танков. Не вернулись танки-разведчики и машина лейтенанта Селицкого.

Их прождали до трех часов. Все попытки обнаружить отсутствовавшие машины оказались безуспешными. Следы указывали, что один из танков от Эскивиаса повернул на юго-запад. Далее следы обрывались. Одну из машин увидели со сборного пункта: на большой скорости она прошла из Эскивиаса в направлении Сесеньи. Позже выяснилось, что это был танк Соловьева.

Обстановка была неясной. Неизвестно было, где батальоны бригады Листера. Из Сесеньи все еще доносились одиночные выстрелы. Арман решил вернуться к своим пехотным частям.

Пять танков под командованием Армана направились в Сесенью, чтобы пройти через нее. Остальные пошли в обход городка с севера. Назначенное место сбора в километре к востоку от Сесеньи. Чем ближе подходили танки к городку, тем явственней слышались выстрелы танкового орудия и короткие очереди вражеских пулеметов. В самом центре Сесеньи с балкона в танк Армана швырнули заткнутую горячей тряпкой бутылку с бензином. Бензин разлился по корпусу танка и вспыхнул, по щелям просачиваясь внутрь машины. Загорелись резиновые прокладки. Пламя приближалось к снарядам Экипажу с трудом удалось предотвратить грозивший взрыв и погасить огонь в танке. Командиру танка Лысенко обожгло руки и лицо. Не избежали ожогов Арман и другие товарищи. Но машину удалось спасти. Танк, шедший следом за Армано, прямой наводкой сокрушил балкон.

На одной HS узких улиц Сесеньи застыл танк Селицкого — недвижимый, почерневший от огня. Рядом погибшие смертью храбрых наши товарищи — лейтенант Селицкий, механик-водитель Мозилев и испанский боец — башенный стрелок. Вокруг них трупы фашистов. Недешево отдали танкисты свои жизни.

Выйдя из Сесеньи. Арман еще издали увидел наш танк, врезавшийся в канаву. Вокруг него толпились марокканцы. Заметив надвигающиеся танки, они разбежались, но только часть их успела спастись.

Это был танк Соловьева. Потерпев аварию, экипаж более двух часов отбивал атаки марокканцев, которые пытались заставить их сдаться в плен. У экипажа кончились боеприпасы, и только появление колонны Армана спасло наших танкистов от верной гибели. Взяв на буксир поврежденный танк. Арман повел свою колонну по шоссе в Вальдеморо.

Фашистов и их марокканских наймитов наши танки на своем пути больше не встречали. Но не встретили они и

республиканскую пехоту. Оказалось, что она подверглась налету итальянских и немецких бомбардировщиков и истребителей, которые с небольшой высоты бросали бомбы и вели по пехоте пулеметный огонь. Не выдержав такого напора на открытой местности, пехотные подразделения повернули назад в Вальдеморо. Здесь танковая рота Армана наконец встретилась со своей пехотой, когда наступили сумерки.

Кончился первый день героических боев советских добровольцев на испанской земле. Это был день героизма и тяжелых жертв. С поля сражения не вернулись лейтенанты Н. Селицкий, И. Лобач, А. Климов, три советских механика-водителя, три испанских патриота. К сожалению, в памяти не сохранились их имена.

Отважные танкисты Армана уничтожили и рассеяли около восьмисот фашистов, уничтожили два танка, двенадцать орудий, несколько десятков легковых и грузовых автомобилей, нарушили связь противника и дезорганизовали руководство военными действиями. Начатое утром наступление фашистов было парализовано: врагу не удалось продвинуться к Мадриду, как это намечалось его планами.

Тридцатого ноября танковая рота Армана расположилась у подножья горы Серро-де-лос-Анхелес, чтобы отремонтировать машины. Положение на фронте оставалось напряженным, поэтому времени на отдых не было. Каждый день фашистская авиация бомбила Вальдеморо, Хетафе, Пинто и другие населенные пункты близ Мадрида. Части Народной милиции продолжали отступать.

Танки были единственным подвижным резервом командования Мадридского фронта. Их все время перебрасывали с одного участка на другой то на одном участке необходимо ликвидировать прорыв фронта, то на другом поддержать контрнаступление, а на третьем просто подбодрить пехоту. Танкисты Армана уже несколько суток подряд не покидали своих боевых машин. Без отдыха, без сна, в непрерывной спешке, под грохот гусениц, в громе орудийных залпов переходили они из одного сражения в другое. Вновь и вновь они стремились туда, где защитникам Мадрида требовалась срочная помощь. Огромная выдержка командира Поля Армана вдохновляла танкистов.

В короткие передышки между боями нужно было много успеть: пополнить запасы боеприпасов, заправиться горючим, проверить машины. О том, чтобы танки всегда были в боевой готовности, заботились военные техники советские добро-

вольцы. Часто им приходилось работать даже во время вражеских воздушных налетов.

Вот некоторые эпизоды этой героической борьбы.

31 октября враг двумя пехотными батальонами повел наступление на участке Сесенья—Гриньон. Наступление поддерживали 19 танков «ансальдо» и две авиационные эскадрильи. В 8 часов утра Арман получил приказ генерала Посаса: всем танкам немедленно идти в Фуэнлабрада и оттуда совместно с пехотой атаковать противника.

На пути к Фуэнлабрада Арман встретил отступающих к Хетафе бойцов Народной милиции в составе до батальона. В этот момент Арман получил новый приказ генерала Посаса: ударить по фашистам, которые преследуют батальон Народной милиции.

Где противник? - осведомился Арман у одного из офицеров отступающей пехотной части.

— В Парла, в Парла! — отвечает тот.

Отовсюду поступают подтверждения: да, значительные силы противника заняли возвышенности к северо-востоку от Парла.

Изготовившись к бою, десять наших танков понеслись к указанным высотам, однако противника там не обнаружили. Не было его и в Парла. Подоженная вражеской авиацией пылала железнодорожная станция Парла. Вскоре по танкам открыла огонь фашистская артиллерия, расположенная к юго-западу от Парла.

Наши танки продолжали встречать на своем пути небольшие группы отступавших республиканцев, убежденных в том, что их преследуют вражеские танки. По вражеских танков не было.

А из штаба поступали все новые приказы: нападать на противника то в одном, то в другом направлении. И почти всюду наши танки встречались лишь с отступавшими группами республиканцев.

Бригада коммуниста Э. Листера одна из наиболее стойких, но ее батальоны тоже отходят. На развилке дорог, ведущих к Мадриду и на Хетафе, Арман встретил Листера и его штаб. Появление танков Армана подняло настроение бригады.

К вечеру того же дня, находясь с десятью танками близ железнодорожной станции Парла, Арман получил сообщение, что противник начал продвигаться от Вальдеморо к Пинто и Серро-де-лос-Анхелес.

Танки Армана немедленно направились туда. К северу от Вальдеморо, вырвавшись на шоссе, они обрушились на

вражескую колонну, разбили и рассеяли ее, затем помчались в направлении Пинто. Атака фашистов была предотвращена. Далеко за полночь танки возвратились на базу.

Утром первого ноября Арман послал свои танки в разведку в направлении Пинто. Оказывается, Листеру не удалось продвинуть свои батальоны в Пинто, и теперь здесь не было ни республиканских частей, ни фашистов. Бригада Листера осталась на прежних позициях по склонам Серро-де-лос-Анхелеса. Фашисты, которым наши танки накануне нанесли значительный урон, пока не осмеливались продолжать наступление. Справа, в населенных пунктах Хетафе, Леганес и Фуэнлабрада, расположены части республиканской армии.

В 8 часов разведчики сообщили, что противник начал продвижение к северу от Парла. Арман получил приказ поддержать контрнаступление двух батальонов от Хетафе. Сильно пересеченная местность была выгодна фашистам, а для действия танков мало пригодна. К тому же наступление противника поддерживалось плотным артиллерийским огнем.

Хотя обстановка и не благоприятствовала республиканцам, но два батальона, поддержанные двенадцатью танками, осуществили умелый обходный маневр и атаковали врага с флангов, успешно выполнив свою боевую задачу. Противник вынужден был отступить. Республиканская пехота заняла выгодные оборонительные рубежи.

Днем был получен новый приказ: приостановить продвижение фашистов в районе Мостолеса, без боя оставленном частями Народной милиции из опасения, что противник обойдет их справа.

Мостолес расположен совсем в другом направлении по дороге, ведущей в Эстремадуру, к юго-западу от Мадрида. Танковой роте пришлось совершить маршевый бросок вдоль фронта, через Хетафе—Леганес на Алькоркон. Полковник, который руководил этим сектором фронта, уверил Армана, что значительные силы противника форсировали реку Гвадаррама и заняли Вильявисьоса-де-Одон.

Арман направил несколько танков в разведку. Оказалось, что фашисты находились пока в шести километрах юго-западнее Мостолеса; Вильявисьоса-де-Одон ими еще не была занята. Республиканская пехота возвратилась в Мостолес: под защитой танков, стрелковые подразделения уже не боялись возможности вражеского окружения. К концу дня танки расположились восточнее Леганеса. Ночью танкисты привели в порядок технику, пополнили запасы снарядов и горючего.

Мадрид

Бронемшины интернационалистов (первый слева И. Вельков)

Группа добровольцев из Латвии. В первом ряду слева — Б Цинис. Ю. Климкан, во втором ряду — Э. Якобсон, Я. Аболс, Я. Тилак

2 ноября рота получила задание: поддержать контрнаступление пехоты в направлении Фуэнлабрада. Фашисты укрепились на высоте, в километре от Фуэнлабрада, заняв оставленные республиканцами окопы, и открыли по нашим наступающим частям сильный оружейным огонь, сдерживая их продвижение. Наша пехота залегла в 500-800 метрах от фашистских позиций. Вражеским снаряд попал в танк Т. Садченко, повредив машину: экипаж контузило. Все остальные танки роты Армана достигли позиции противника, подавили его огневые точки и истребили живую силу. Части Народной милиции бросились вперед и заняли фашистские позиции.

Но когда танки повернули на базу за боеприпасами, произошло нечто неожиданное: пехота бросила только что завоеванный рубеж и следом за машинами вернулась на свои исходные позиции. Арман готовился повторить танковую атаку, но получил новый приказ генерала Посаса: немедленно вернуться в Мостолес и выправить создавшееся там положение. Оказывается, части Народной милиции, оставшись без поддержки танков, дрогнули. Арман с десятью танками поспешил туда, параллельно линии фронта. В штабе этого участка фронта достоверных сведений о противнике не было. Отряды милиции снова оставили Мостолес и через Алькоркон отступили на Мадрид.

Арман направил в Мостолес разведку — несколько танков и мотоциклов. С северной окраины Мостолеса немецкая противотанковая батарея открыла по нашим танкам огонь. Один из снарядов попал в танк лейтенанта С. Осадчего, смертельно ранив командира.

Наши танки рассеяли наступающие группы вражеской пехоты. К концу дня республиканские части заняли оборонительную линию в двух километрах впереди железнодорожной станции Алькоркон.

3 ноября танковая рота Армана возвратилась в район Парла—Пинто и приняла участие в контрнаступлении республиканских частей. В этих боях под Фуэнлабрада танки Армана за день уничтожили семь фашистских орудий, пять пулеметов и около трехсот марокканских наемников. В бою были ранены лейтенант Н. Колосов и командир танка Ф. Лысенко. Ранило в ногу и легко контузило и самого Армана. Но все они остались в строю.

К концу дня рота Армана получила пополнение. Из Арчены пришло десять танков под командованием лейтенанта Погодина. Их экипажи состояли исключительно из испанцев.

На следующий день эта группа приняла участие в наступлении на противника в направлении Вальдеморо. Хотя группа и понесла потери, но испанские танкисты с честью выдержали свое первое боевое испытание.

К этому времени из 15 танков роты Армана, которые 28 октября прибыли на Мадридский фронт, в строю осталось лишь 8 машин. Их экипажи, всю неделю сражаясь без сна и отдыха, чрезмерно устали. Танки все чаще требовали ремонта, а условия на главном эвакуопункте все осложнялись. Поврежденные танки приходилось эвакуировать под сильным артиллерийским и пулеметным огнем; чтобы уменьшить потери, это делалось по ночам. Не хватало ремонтников, и вместе с ними почти без отдыха работали офицеры — военные техники А. Шабохин, В. Шахурин, К. Гонценбан. В. Глушков, Д. Удальцов. Д. Решетцев и возглавлявший группу инженер третьего ранга Н. Алымов.

Наступали решающие дни, когда предстояло защищать столицу республики. Франко рвался к Мадриду и готовил сокрушающий удар. Фашистские дивизии получили новые подкрепления в живой силе и технике. В их распоряжении оказалось большое количество итальянских и немецких самолетов, танков, много артиллерии и противотанковых орудий. Но сопротивление республиканцев крепло с каждым днем. Бойцы Народной милиции научились воевать.

5 ноября танкисты Армана вновь приняли бой, разбили и рассеяли фашистскую колонну, которая из Вильявисьоса-де-Одон наступала на Алькоркон.

На следующий день противник, перегруппировав силы, предпринял наступление на западные и юго-западные подступы к Мадриду. К концу дня ему удалось достичь Карабанчель-Альто (предместье Мадрида) и овладеть Вильяверде и высотой Серро-де-лос-Анхелес.

Танковая группа Армана в этот день действовала в двух направлениях. Девять танков контратаковали врага из Курто-Вьентоса в направлении Вильявисьоса-де-Одон, Мостолес и Карабанчель-Альто. Застав противника врасплох, танкисты Армана стремительным натиском истребили роту фашистских пулеметчиков с двенадцатью крупнокалиберными пулеметами, уничтожили артиллерийскую батарею противника и вывели из строя несколько итальянских танков «ансальдо».

Пять других танков Армана под командованием П. Мянковского помогли бригаде Листера сдержать продвижение фашистских колонн в районе Вильяверде.

6 ноября фашисты впервые пустили в ход противотанковые пулеметы и особые противотанковые ружья, способные пробивать броню наших танков. Но и это оружие не причинило сколько-нибудь серьезного урона танкам республиканцев.

8 ноября развернулись упорные бои в парке Каса-де-Кампо. Танковая группа Армана была переброшена в этот район в подчинение командиру 11-й Интернациональной бригады, которому поручалось руководство боевыми действиями на этом секторе фронта. До прибытия 11-й Интернациональной бригады Арман действовал в районе Араваки совместно с 3-й бригадой майора Хосе Галана.

Противник упорно стремился проникнуть в глубь парка Каса-де-Кампо. Танки Армана контратаковали и уничтожили к югу от Умеры вражескую полевую артиллерийскую батарею и несколько противотанковых орудий.

9 ноября бой продолжался в том же районе. Прямым попаданием гаубичного снаряда вывело из строя одну из машин. Были убиты командир танка П. Куприянов и водитель С. Быстров. Танк загорелся, но башенный стрелок испанец, рискуя жизнью, погасил пламя и спас машину.

В течение трех последующих дней танкисты Армана вели разведывательные бои на открытом фланге нашего фронта в районе шоссе Ла-Корунья.

12 ноября фашисты неоднократно и настойчиво атаковали республиканские позиции у мостов Толедо и Принцессы, пытаясь форсировать реку Мансанарес. Взаимодействуя с танкистами Армана, республиканские части отбили все атаки врага, нанеся ему тяжелые потери. В этом бою мы потеряли один танк: прямым попаданием была разбита башня и убито два члена экипажа — испанские патриоты. Танк удалось эвакуировать и отремонтировать.

Танковая группа Армана получила новое пополнение. С 13 ноября в его распоряжении было уже 19 танков и 15 броневиков.

В этот день вся группа поддерживала контрнаступление 11-й Интернациональной бригады и 3-й бригады из района Посуэло и Умера. Танкисты уничтожили большое количество вражеских автомашин и четыре горных мортиры.

Утром 14 ноября на северной окраине Аравака на наши танки обрушилась вражеская авиация. Трехмоторные «юнкеры» бомбили район расположения танковой группы и 11-й

Интернациональной бригады с высоты 600- 800 метров, сбросив примерно 75 бомб разного калибра. Но и этот массированный удар с воздуха не вызвал паники в наших рядах. Поэтому особого урона он нам не нанес.

Во второй половине дня республиканские войска при поддержке танков продолжали наступление на юг. Одновременно шесть броневиков под командованием лейтенанта П. Мянковского помогли республиканской Народной милиции отбить наступление фашистов в районе моста Толедо, где противник упорно пытался форсировать реку Мансанарес.

15 ноября танковая рота Армана, вновь перегруппированная, атаковала противника в районе Университетского городка; поддерживая подразделения 11-й Интернациональной бригады, танкисты сильным контрударом рассеяли и уничтожили фашистов, пытавшихся овладеть Французским мостом, чтобы переправиться через Мансанарес.

В ходе боя фашистская авиация совершила шесть налетов на наши танки. Но экипажи, умело укрывая машины под деревьями, и на этот раз избежали потерь.

16 ноября республиканская пехота при поддержке танков отбила новые атаки фашистов в районе моста Толедо. В бою был подбит один танк; его экипаж (интернационалисты - два испанца и один немец) погиб. Семь наших танкистов были ранены; вражескими бронебойными пулями с расстояния 70—200 метров смертельно поражены расчеты еще трех машин. Несколько легкораненых советских добровольцев отказались покинуть поле боя.

19 дней танковая рота Армана непрерывно находилась в боях. За эти дни танки проделали более 500 километров, их техническое состояние было совершенно неудовлетворительным.

На пределе были и физические силы людей. Даже ночью экипажи не имели возможности отдохнуть. У некоторых танкистов началось расстройство нервной системы. Их пришлось эвакуировать в Мадрид и поместить в госпиталь.

В ночь с 16 на 17 ноября танки находились в двух километрах к северу от моста Сап Фернандо. Здесь части противника, прорываясь на Университетского городка и парка Каса-де-Кампо, ночью обрушили сильный пулеметный огонь на расположение наших танков.

Танкисты, совместно с польским батальоном Интернациональной бригады и испанскими артиллеристами, отбили эту

атаку врага. Для группы Армана это была последняя ночь на Мадридском фронте. Настал двадцатый день ее непрерывного участия в боях. 17 ноября утром Арман получил приказ соединиться с группой полковника С. Кривошеина в районе к востоку от Мадрида.

Поля Армана командировали в Валенсию с заданием военного министерства.

Вот как оценила действия наших танкистов Долорес Ибаррури (Пасионария):

«...Танкисты вели бои непрерывно... Республиканские части внезапно обрушивались на врага, сеяли панику в его рядах, уничтожали артиллерийские батареи.

С рассвета до заката танкисты очищали от противника подступы к городу, возвращались с темнотой, за ночь приводили в порядок машины и, опрокидывая все технические нормы и нормы человеческой выносливости...на следующее утро возвращались и бой.

Многие из этих героев были советскими танкистами... Не жалея ради Испании ни крови, ни самой жизни, они отважно сражались бок о бок с испанцами. То были благородные, проникнутые революционной романтикой, воспитанные и закаленные великолепной советской школой герои...

Среди танкистов особо отличалась группа майора Армана, полковника Кривошеина и танкисты Новиков, Цаплин и Юдин...»¹

Мужество и героизм, проявленные при защите Мадрида Полем Арманом и другими советскими добровольцами, были высоко оценены Советским правительством.

Все участники этих героических сражений награждены орденами Советского Союза, а Полю Арману, Д. Погодину, С. Осадчему, Н. Селицкому, П. Куприянову, С. Быстрову постановлением Президиума ЦИК СССР от 31 декабря 1936 года было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и особой Почетной грамоты.

В Почетной грамоте, присвоенной П. Арману, записано, что он заслужил высокую награду за необыкновенный подвиг, который проявил, сражаясь в качестве добровольца в рядах испанской республиканской армии против фашистов.

Вернувшись на Родину, Поль Арман рьяно взялся за учебу. В Министерстве обороны СССР и в военных академиях читал лекции о событиях в Испании; переписывался с испанскими товарищами, продолжавшими борьбу с фашизмом.

¹ Долорес Ибаррури. Единственный путь. Политиздат, 1962, стр. 336 — 337.

С первых же дней Великой Отечественной войны Поль Арман был на фронте. Он принимал участие в обороне Москвы, командовал танковой бригадой, корпусом, затем был командующим бронетанковыми и механизированными войсками 4-й армии Волховского фронта.

Седьмого августа 1943 года в одном из боев под Волховом в районе Поречье наш Поль погиб. Память о нем всегда будет жить в сердцах тех, кто близко знал этого неутомимого и мужественного человека, пламенного коммуниста.

1965 г.

На русском языке публикуется впервые

ИВАН ГРИГОРЬЕВ

В БОЯХ ЗА МАДРИД

В 1934 году, в возрасте 22 лет, я был призван в Красную Армию и попал в учебный батальон танковой части, откуда меня направили в танковый батальон, которым командовал капитан Поль Арман (П. Тилтинь). С капитаном Армано́м мы встречались по несколько раз в день. Он был среднего роста, худощав, с низким, немного хриплым голосом. Энергичный и подвижный, он всегда был серьезен и почти никогда не улыбался. Арман был очень строгим командиром, иной раз даже резким, но не злым. Никогда незаслуженно не наказывал бойцов. Подчиненные его уважали, держались дисциплинированно и очень старались не нарываться на замечания. Отдавая приказы, командир кратко пояснял каково задание, как его выполнить. Он часто проверял боевую готовность людей и машин.

В конце сентября 1936 года мы, группа бойцов, во время военного учения показавших лучшую подготовку, попросили направить нас в Испанию. Нашу просьбу удовлетворили.

Вместе с нами в путь отправились и несколько командиров, среди них Арман, Беляев, Лобач, Селицкий, Погодин, Колосов и другие.

В Феодосии мы две недели грузили на пароход «Комсомол» танки, боеприпасы, различные машины и другое военное снаряжение, которое Советский Союз посылал в Испанию, чтобы

помочь республиканцам подавить фашистский мятеж. В 16 часов, когда пароход принял весь груз и мы поднялись на борт, судно вышло в море. Это был тот самый «Комсомол», который позже, во время третьего рейса в Испанию, был затоплен фашистами в Средиземном море.

...Весь день шли Черным морем. К вечеру достигли Босфора. Проверка документов в турецкой таможне прошла без всяких осложнений. На восьмой день мы причалили в испанский порт Картахена.

На берегу собралось множество народа, нас восторженно встречали, кричали «Viva Rusia!»¹. Когда мы приступили к разгрузке, в небе появились итальянские бомбардировщики. Мы попрятались кто куда.

Я забежал в туннель, битком набитый какими-то продолговатыми металлическими болванками. Вслед за мной сюда забрался лейтенант Колосов. «Куда тебя занесло! — сказал он. — Ты знаешь, что здесь? Это же морские глубинные мины!»

Мне стало не по себе, но деваться уже было некуда. К счастью, ни одна фашистская бомба не попала ни в наш пароход, ни в этот туннель. Никаких значительных повреждений не причинила бомбежка и порту. Когда налет кончился, мы продолжили разгрузку.

Мощные краны опускали на берег танки с уже запущенными моторами. Едва коснувшись земли, они под приветственные крики испанцев уходили в заданном направлении.

На следующий день в двадцать три часа наша советская танковая часть в полном составе прибыла в курортный городок Арчену, примерно в 30 километрах от Картахены. Городок расположен в горах среди олив.

Мы занялись подготовкой испанских солдат. Знакомили их с техникой, обучали управлять машинами, вели тактические занятия.

Утром 29 октября наша колонна в составе 15 танков под командованием капитана Поля Армана направилась на фронт. Врываемся в городок Сесенью. В ходе боя возникают непредвиденные трудности: улицы старого городка так узки, что танки не могут развернуться. Фашисты укрылись в домах и швыряют в нас бутылки с зажигательной смесью. Кое-где с крыш открывают огонь по люкам наших танков. Но нам повезло. Первые танки проскочили невредимыми, а шедшие

¹ «Да здравствует Россия!» (исп.)

сзади открыли огонь по домам, откуда строчили пулеметы. Крыши снесены, пулеметы валяются в развалинах домов.

Танк командира Селицкого, не успев притормозить, скатывается в ров. Ему удастся выкарабкаться, но сползает одна из гусениц, и танк застревает. Арман отдает распоряжение оказать Селицкому помощь. Я подъезжаю к машине Селицкого справа, Пермяков слева, чтобы прикрыть его от фашистского огня. Но Селицкий отказывается от нашей помощи.

— Следуйте своим путем! говорит он.

Уезжаем. Экипаж Селицкого пытается надеть сползшую гусеницу, никто пока танкистов не тревожит.

Из Сесеньи движемся дальше, на Эскивиас. Противник оказывает все более упорное сопротивление.

Присоединяемся к остальным машинам нашей колонны. Обнаруживаем вражескую пехоту и артиллерию. Завидев нас, фашисты разбегаются. Мы углубились уже на двенадцать километров в тыл врага. Здесь вылезаем из машин, чтобы размяться и освежиться. Пока мы наскоро перекусываем, нас догоняют остальные машины. Движемся дальше, в направлении Борокса, но не встречаем больше никакого сопротивления и поворачиваем назад.

На дороге в Сесенью стоит машина командира взвода Соловьева, окруженная марокканцами. При виде нас марокканцы разбегаются. Оказывается, водитель этой машины забыл убрать коврик, лежавший на лобовой броне. От сотрясения коврик сдвинулся и закрыл смотровую щель, так что водитель не мог следить за дорогой; в результате гусеница сползла в канаву, машина остановилась. Марокканцы окружили машину, взобрались на нее, пытались штыками открыть люк. Но это им не удалось. Под огнем, в окружении врага, лейтенант Соловьев с товарищами просидел в задраенном танке четыре часа, лишенный возможности что-либо предпринять. В щелях машины торчали поломанные штыки, рубаха на Соловьеве была разодрана в клочья, на обнаженной груди болтался галстук.

В Сесенье мы наткнулись на танк Селицкого. Надеть гусеницу танкисты не успели — их настиг враг. Селицкий был мертв. Фашисты вырезали ему язык, а на груди — пятиконечную звезду. Рядом лежал убитый водитель.

Завоеванные позиции нам удержать не удалось, потому что пехота, которая должна была следовать за танками, оказалась неподготовленной к бою и осталась на исходных рубежах. И все же мы заметно подавили наступательный порыв

фашистов. Атакующим частям фашистской армии на много километров в глубь фронта был нанесен тяжелый удар. Так закончился первый день наших танковых боев под Мадридом.

В последующие дни мы продолжали сражаться на Мадридском фронте, успешно помогая Народной армии сдерживать наступление мятежников на столицу. Защитники республики, которых вначале объединяла лишь добрая воля, вскоре стали в боях под Мадридом образцовым соединением формирующейся республиканской армии.

В памяти сохранился эпизод, который ярко характеризует вспыльчивый, но справедливый характер командира П. Армана.

Наша танковая колонна форсировала небольшую речку в районе Харамы. Впереди шли разведчики, исследуя русло реки и отмечая переправы. Моя машина шла шестой в колонке. Арман, стоя на другом берегу реки, указывал танкам место переправы. Танк, за которым должен был следовать я, с трудом достиг противоположного берега. Его днище касалось грунта реки, разворошенного тяжелыми гусеницами. Глушитель танка дымил. Арман с другого берега этого видеть не мог, но я понимал, что мне по этому месту ехать нельзя — обязательно сяду. И я решил взять на полметра вправо, несмотря на то, что Арман с пистолетом в руке сердито и настойчиво указывал намеченное им место.

Когда моя машина вышла из воды, Арман застучал по лобовой броне танка, требуя, чтобы я открыл люк. Но я не подчинился. За Арманом стоял командир моего взвода Беляев, подавая мне знаки: «не вылезай». Прошло минут 20, все танки уже перебрались, и Арман поспешил в свой танк: надо было идти в бой. Мы прошли рожицу, развернулись на поляне и встретили врага.

После боя мы собрались в пальмовой аллее на заправку и осмотр машин.

Как сейчас помню — я закладывал снаряды в стаканы, когда меня окликнул Арман: Григорьев, вылезай из машины! Вздрогнув, я бросил взгляд на его руки: пистолета нет! Я вылез. Арман, уже совсем спокойно, спросил:

— Почему не открыл люк? Почему не пошел указанным путем?

— Боялся, что вы меня пристрелите, — ответил я и объяснил, почему форсировал речушку выше указанного им места. Он хлопнул меня по плечу, слегка улыбнулся и сказал:

— И правильно сделал!

Герой Советского Союза генерал-лейтенант С. Кривошеин в своих воспоминаниях о первых советских танкистах в Испании рассказывает, что по его настоятельному требованию группа танкистов, которой командовал капитан П. Арман, была отозвана с фронта. Эта группа, пишет С. Кривошеин, действуя в секторе Мадрида с 29 октября и ведя ежедневные бои, так устала, что ее участие в дальнейших боях было совершенно невозможно¹.

Одновременно с непосредственной боевой помощью, которую мы в эти тревожные дни должны были оказывать героическим защитникам Мадрида, мы готовили кадры для республиканской армии. Вторым водителем моей машины вначале был Педро — горячий и смелый двадцатилетний испанец. Мы были вместе направлены разведать парк Каса-де-Кампо в предместье Мадрида. Он всегда рвался вперед, работал увлеченно, с огоньком. В одну из передышек между боями его убило осколком при налете вражеской авиации. Я отделался контузией. Второй испанец, которого я обучал, был мадридец Антонио. Я часто бывал у него в доме и там всегда меня принимали как дорогого и желанного гостя.

Однажды Поль Арман приказал мне разыскать в Мадриде известного советского журналиста Михаила Кольцова и передать ему в подарок пистолет. Долго я блуждал, пока, наконец, поздно вечером отыскал Кольцова в номере гостиницы. Встретил он меня как старого знакомого:

— Приветствую вас, Иван Семенович!

Очевидно, он уже знал, что я к нему приеду. Поблагодарил за то, что я навестил его, долго расспрашивал о положении на фронте. Угощал коньяком. Отпустил он меня не скоро.

19 марта 1937 года, когда прибыла новая группа танкистов-добровольцев, мы возвратились в Советский Союз. В Валенсии сели на испанский пароход «Sarho-Barko» и шли одиннадцать суток. К этому времени морские пути уже стали небезопасными, всегда можно было ждать нападения фашистских подводных лодок. Но мы благополучно добрались до Одесского порта. Оттуда специальным поездом выехали прямо в Москву. Нас приняли в Кремле, где нам вручили награды. Меня наградили орденом Красного Знамени.

На одной из московских улиц мы неожиданно встретили большую группу испанских детей. Они, как видно, с трудом понимали, что им по-русски говорит их воспитательница. Мы

¹ Под знаменем Испанской республики. 1936—1939 гг. М., 1965, стр. 463.

заговорили с детьми по-испански: находясь в Испании, мы немного овладели языком.

Глаза детей радостно заблестели, они громко приветствовали нас и один за другим принялись расспрашивать: а не знали ли мы кого-нибудь из их близких? Не встречали ли в Испании их сестру, отца, мать...

Так на улице Москвы я в последний раз встретился с Испанией.

1965 г.

На русском языке публикуется впервые

ИЛЬЯ ВЕЛЬКОВ

ПОД БРУНЕТЕ И САРАГОСОЙ

Автозаводец и танкист

Я прибыл в Москву летом 1931 года и остановился в Доме эмигрантов на Воронцовом поле № 5 (ныне улица Обухова). Политические эмигранты, приезжая в Москву из разных стран, обычно на первых порах жили здесь, пока не устраивались на работу или на учебу. Здесь я познакомился и сдружился с немецким коммунистом Вилли Вальтером, политическим эмигрантом из Берлина.

Сидим мы как-то вечером с Вилли вдвоем за столом в нашей большой комнате. Все остальные куда-то разошлись. Вилли рассказывает, как работают коммунисты в Берлине, где партия легальна; я ему в свою очередь о партийной и комсомольской работе в Риге, в условиях подполья. Разговор заходит о наших днях, о нашей жизни в Москве. Вилли спрашивает:

— Где думаешь работать?

— Я обувщик, думаю пойти на «Парижскую Коммуну». Там работает Пурен, мой старый знакомый из Риги, бывалый подпольщик. Он говорит, что «Парижская Коммуна» — образцово оборудованная обувная фабрика.

— По-моему, это неразумно. Ну какой сознательный парень идет в наше время в легкую промышленность? Основа строительства социализма — тяжелая индустрия. Из истории революционного движения известно, что металлисты самая

революционная часть пролетариата. Я на автозавод собираюсь. Пошли вместе!

Ну, не скажи! В революции 1905 года текстильщики Иванова по революционной активности не отставали от петербургских металлистов. И в Латвии, в Риге, обувщики несколько лет назад такую забастовку провели, что весь город гремел! Двое из депутатов-коммунистов в сейме Янис Балодис и Рудольф Лапинь — обувщики...

Пытаюсь опровергнуть мнение Вальтера о превосходстве революционного сознания металлистов, но, по правде говоря, меня и самого тянет на какой-нибудь крупный московский машиностроительный завод. Просто мне самому и в голову не пришло, что я, заготовщик, могу переквалифицироваться и стать металлистом. А ведь когда-то и об этом мечтал.

...Летом 1916 года мы с матерью приехали из Себежа в Ригу, к моему брату.

Мне было восемь лет. Отец за несколько лет до того умер. Брат работал в Риге портным и жил в нужде.

Окончив четыре класса начальной школы, я стал думать о работе. Мне очень хотелось стать металлистом-фрезеровщиком или токарем. Но брат послал меня учиться сапожному делу. Через несколько лет я уже приобрел специальность заготовщика. Работал в различных рижских мастерских и на обувных фабриках.

В эти годы я вступил в Рижский профсоюз обувщиков. Стал посещать вечера, организуемые революционно настроенными рабочими. Познакомился со многими прогрессивными молодыми людьми. И сам стал выполнять различные общественные поручения.

В 1928 году меня, активного молодого рабочего, приняли в ряды нелегальной комсомольской организации Латвии. Я участвовал в забастовках, демонстрациях, распространял воззвания и другую нелегальную литературу. Много раз подвергался арестам. Руководители комсомольской организации рекомендовали мне, чтобы избежать суда, нелегально оставить Латвию. И вот я в Москве.

...Под влиянием Вальтера и других товарищей во мне опять ожила мечта далекого детства — стать металлистом. На этот раз она сбылась.

Вместе с Вилли Вальтером я поступил на Московский автозавод. Я стал рабочим основной отрасли промышленности в первом в мире социалистическом государстве.

Жил я по-прежнему в Доме эмигрантов. В свободное время

знакомился с Москвой. Выполнял различные общественные поручения заводского комсомольского комитета. Часто на своем и на других заводах рассказывал о жизни и условиях труда молодежи в буржуазной Латвии.

С Вальтером мы стали близкими друзьями. Вместе обсуждали новейшие события, делились жизненным опытом, совместно формировали свое политическое сознание.

Часто к нам, в Дом эмигрантов, приходили известные деятели Коммунистического Интернационала — Пальмиро Тольятти, Вильгельм Пик, Клара Цеткин и другие. С огромным интересом мы слушали их доклады о международном положении.

В Европе фашизм переходил в наступление. В 1933 году Гитлер установил фашистскую диктатуру в Германии. Фашистский режим установился в Польше и в Румынии. 15 мая 1934 года в результате государственного переворота фашистская диктатура утвердилась и в Латвии. Эмигранты из Австрии рассказывали о вооруженных схватках рабочих с фашистами на улицах Вены в феврале 1934 года. Понимаем, что фашизм начинает угрожать рабочему классу всего мира и первому социалистическому государству.

Весной 1936 года мы ликовали по поводу победы единого Народного фронта в Испании. Но радости нашей скоро пришел конец. 18 июля в Испании начался контрреволюционный фашистский мятеж. Каждый новый день приносил все более тревожные вести с Пиренейского полуострова.

Вскоре в Доме эмигрантов начали говорить о добровольцах, которые с разных концов земного шара отправляются в Испанию, чтобы помочь законному правительству единого народного фронта.

— Может, и нам податься в Испанию? — спросил меня однажды Вилли Вальтер.

Я уже давно об этом думал и ответил:

— Надо бы поговорить с секретарем заводской парторганизации.

Когда я поделился своими мыслями с секретарем заводского парткома, он мне ничего определенного ответить не смог, но обещал все выяснить и сообщить.

Вскоре меня вызвали в партком. Секретарь долго расспрашивал о подпольной работе в Латвии и в заключение поинтересовался:

Каковы вообще ваши дальнейшие планы? В Латвию возвращаться не думаете?

Я ответил, что, конечно, думаю вернуться в Латвию, но полагаю, что в настоящий момент важнее ехать в Испанию — защищать республику от фашизма.

Секретарь обещал, что мое желание будет учтено.

Вскоре нас, добровольцев, выразивших желание ехать в Испанию, направили на специальную учебу. Оказывается, что сюда до нас уже прибыли представители разных национальностей; болгары, поляки, венгры, греки, румыны, чехи, югославы, но особенно много немцев и австрийцев. Все мы были в основном политические эмигранты, стремившиеся принять участие в войне против фашизма в Испании, всем нам поэтому необходимо было овладеть военными знаниями.

Теперь с утра до позднего вечера мы усердно изучали военные науки — тактику, топографию, теорию стрельбы и т. д., знакомились с различными видами оружия. Нас обучали хорошо подготовленные, умелые преподаватели военных училищ Красной Армии. Один из них, обучавший нас тактике ведения войны, настойчиво повторял:

Главное во всех случаях — как в нападении, так и в оборонительном бою — не терять ориентации и поддерживать связь с соседями с левого и с правого флангов. Поэтому очень велика роль разведки: разведка и еще разведка! В боях она имеет одинаково большое значение и для малых, и для крупных подразделений. Необходимо также помнить: надо всегда стремиться сделать что-то неожиданное для противника. История войн учит, что успеха добиваются тогда, когда соблюдают эти важнейшие условия.

В начале 1937 года мы выехали из Советского Союза во Францию.

Создание добровольной армии интернационального пролетариата сильно обеспокоило буржуазию Западной Европы. По предложению премьер-министра Франции правого социалиста Леона Блюма было принято решение о так называемом невмешательстве в испанские дела. Это осложнило наш путь в Испанию.

Из Парижа группами отправлялись на юг Франции. Я ехал вместе со своим другом Вилли Вальтером. В нашей группе — немцы, австрийцы, болгары.

В Перпиньяне мы переночевали в гостинице. Нас глубоко тронула хозяйка; подавая ужин, она сказала:

— Вы едете в Испанию. Передайте привет и от меня.

Мы скрывали, куда едем; пытались ее убедить, что мы обычные туристы.

— Не бойтесь, я знаю, что вы едете в Испанию. Вчера тоже уехала большая группа. Я сама испанка и охотно вернулась бы на родину, но у меня ребенок, поэтому пока работаю здесь.

Мы все же не признались. На прощание она сказала:

— Ну, как хотите! Желаю вам счастливого пути и благополучного возвращения.

...В начале 1937 года мы прибыли в Барселону. Большинство прибывших отправились дальше, в Валенсию и Альбасете — центр сосредоточения интернационалистов. Нас — металлистов, умеющих обращаться с моторами, — направляли в интернациональную роту бронетанкового подразделения, которая там формировалась.

Командиром роты назначают бывшего гамбургского металлиста Бубе. Политический комиссар роты — старый болгарский коммунист. Мы с Вилли Вальтером и испанцем Малино составляем экипаж одного из броневиков. Малино водитель, я стрелок, а Вальтер — наш командир.

В нашей роте десять броневиков. Примерно треть роты — испанцы. Две трети немцы, чехи, поляки, австрийцы, болгары и представители других народов. Мы, приехавшие из Советского Союза, разговариваем между собой по-русски и усердно изучаем испанский язык. В остальных ротах — только испанцы. Мы интернационалисты, почти все коммунисты, поэтому вступаем в Коммунистическую партию Испании и оформляем свою партийную организацию. Обсуждаем все актуальные политические вопросы. Наша партийная организация всегда информирует испанских коммунистов о своей деятельности. Эта живая партийная связь очень способствует нашему интернациональному сотрудничеству.

На формирование роты уходит около недели. Несколько дней изучаем свои машины, а затем получаем приказ отправляться в путь через Валенсию в Мадрид.

Наша бронеколонна выглядит внушительно. В испанских городах и селах она вызывает восхищение, восторженные возгласы:

— Смотрите, смотрите! Настоящие крепости на колесах!

В пути и на привалах добровольцы Интернациональной бригады знакомятся со своими испанскими товарищами. Рассказывают о том, кто как попал в Испанию, вспоминают о прежней жизни. Испанцы живо интересуются своими новыми друзьями, делятся планами дальнейшего развития демократии в своей стране.

Оказывается, почти всем интернационалистам пришлось преодолеть много препятствий, чтобы приехать в Испанию. Многие попадали в сложные ситуации. Ганс, двадцатилетний австриец из Зальцбурга, жил с матерью и сестрами. Самым ценным их имуществом были две козы. Ганс решил ехать в Испанию. Но на заграничный паспорт и железнодорожный билет до Парижа не было денег. Ганс уговорил мать продать одну козу.

Коза ужасно упрямое животное, — рассказывает Ганс, — никогда не хочет идти, куда ее ведут. Я весь взмок, пока дотянул ее наконец, до рынка, но там никто на нее не польстился. Городские парни, глядя, как я торгую козой, принялись точить языки по моему адресу. Я не стерпел и продал козу первому же покупателю — значительно дешевле, чем рассчитывал. Вот и вышло: коза продана, а денег все равно не хватает.

Чтобы добыть необходимые на дорогу деньги, пришлось продать и вторую козу.

Испанцы живо обсуждают вопрос о том, следует ли уже сейчас создавать в Испании колхозы или позже. В испанской роте броневиков в одном из экипажей служат братья-андалузцы. У младшего горячий характер, он в спорах быстро вспыхивает. Как-то он пришел к нам и, узнав, что многие из нас жили в Советском Союзе, спросил:

— Скажите, правильно ли это? В Советском Союзе революция произошла в 1917 году, а коллективизация в широких масштабах началась только в 1929; а наши анархисты начинают проводить объединение крестьян в колхозы уже сейчас, когда война против фашизма еще не кончилась!

От исчерпывающего ответа мы воздерживаемся: в интересах единого фронта наше вмешательство в какие-либо политические споры нежелательно. Отвечаем, что коллективизация в каждом конкретном случае — дело самих крестьян.

Для испанцев — мадридцев, барселонцев и жителей Валенсии — постоянным яблоком раздора является вопрос: какой из городов Испании самый красивый и значительный — Мадрид, Барселона или Валенсия.

— Ни в одном городе нет столько памятников, столько прекрасных бульваров и парков — парк Каса-де-Кампо на реке Мансанарес, парк Ретиро... К тому же Мадрид — столица Испании, — горячится рабочий из Мадрида.

— Барселону с одной стороны омывает море, с другой — вплотную высятся горы. А сам город! Какие здания, какие

широкие и прямые улицы! Нигде таких нет... Кроме того, Барселона — главный промышленный и торговый центр Испании, — утверждают барселонцы.

— А в Валенсии, кроме моря, еще и река. Климат мягкий, как ни в одном другом городе. Таких апельсиновых и лимонных плантаций, как вокруг Валенсии, нет нигде. Валенсия — гордость Испании!

Спорят порой с такой горячностью, что несведущему человеку кажется вот-вот начнется потасовка. Уж таков нрав испанцев. Они темпераментны, споря, очень увлекаются.

В Валенсии налицо следы фашистских воздушных налетов. На улицах — груды щебня. Разрушено немало пяти-, шести-этажных домов. Словно кто-то огромным молотком стукнул по дому и отсек половину. А вторая половина по-прежнему стоит, хотя окна выбиты, лестничная клетка разрушена и квартиры будто разрублены пополам.

В Валенсии мы пробыли недолго, но успели почувствовать гостеприимство испанцев. Как-то мы втроем Вальтер, наш командир роты Бубе и я обедали в ресторане. Разговаривали по-русски. Попросив разрешения, к нашему столику подсел солидного вида испанец с дамой. Поняв, что мы разговариваем по-русски, испанец спросил, не из Советского Союза ли мы? Мы объяснили, что какое-то время все там жили, хотя родом мы из Германии и Латвии.

Испанец подал нам свою визитную карточку. Он оказался мэром города Сагунто, расположенного километрах в тридцати от Валенсии в направлении Барселоны. Этот город мы проезжали.

С подошедшим официантом испанец, невзирая на все наши протесты, расплатился за всех.

— Сегодня вы мои гости. Вы не должны отказывать мне в этой маленькой любезности, — отверг новый знакомый наши возражения.

Его дама, прощаясь с нами, просит нас, когда мы в следующий раз проездом окажемся в Сагунто, отобедать у них.

— Отказывать даме в такой просьбе вы не имеете права. В нашем доме вы всегда будете желанными гостями, — добавил испанец на прощание.

Через Сагунто нам довелось проехать полгода спустя. Мы не забыли о приглашении гостеприимного мэра. Но фашистская авиация так разбомбила городок, что сохранились лишь отдельные дома в центре да небольшие домики на окраинах.

Приглашением любезного мэра нам так и не пришлось воспользоваться.

При выезде из Валенсии мы услышали вой сирены, затем взрыв бомб и залпы зенитной артиллерии: город снова подвергся налету фашистской авиации.

Боевой путь броневиков

Чем ближе к Мадриду, тем явственней ощущается фронтовая атмосфера. Все чаще попадаются военные лагеря и наспех оборудованные аэродромы, где базируется наша авиация. Но все замаскировано, чтобы нельзя было обнаружить с воздуха.

Близ лагерей оборудованы убежища, вырыты узкие щели. Города и поселки тоже изрыты щелями и подземными траншеями глубиной в несколько метров. В этих примитивных убежищах население спасается от вражеских налетов.

Мы расположились под Мадридом, недалеко от Эскориала, дачного района столицы, на южном склоне Гвадаррамских гор. Постоянно ощущаем дыхание войны. Непрерывно раздаются артиллерийские залпы и разрывы снарядов. Почти каждый день наведываются немецкие «юнкерсы» и итальянские «капрони». Обычно их сразу же атакуют наши шустрые курносые истребители. Короткие воздушные бои кончаются тем, что то одна, то другая машина падает вниз, оставляя за собой длинный хвост огня и дыма. В небесной синеве раскрывается белый парус парашюта. Падение сбитых фашистских самолетов мы сопровождаем криками радости и аплодисментами.

Мы провели здесь, под Мадридом, месяца два, почти не участвуя в боях. Раз-другой несколько наших машин выезжало в боевую разведку.

В июле начались бои, которые в истории испанских событий известны под названием Брунетской операции. Она была предпринята республиканской армией с целью атаковать с севера группировку противника.

Наше соединение принимало активное участие в этих боях. Это было для нас боевым крещением — проверкой нашей боевой мощи. Здесь мы понесли и первые потери.

В машине жарко. Сквозь узкую смотровую щель видна только позиция противника, которую надо обстрелять и уничтожить. Что происходит вокруг, нам, по правде сказать, не видно. Со всех сторон лишь слышится грохот разрывов, удары

пуль и осколков о броню. Вот и все, — если не произойдет ничего чрезвычайного, например, попадания снаряда или мины. Тогда броневик остановится или загорится. Но пока сидишь в машине и выполняешь боевое задание, думать об этом некогда: надо наблюдать за огневой позицией противника и подавлять его огонь.

Наши бронированные машины очень прочны. Даже скользящее попадание снаряда не способно вывести машину из строя.

Бои под Брунете не обошлись без жертв. Подвозя боеприпасы, командир роты чуть-чуть свернул с проложенного пути и наскочил на мину; машина подорвалась, и весь экипаж погиб.

Прямым попаданием снаряда разворотило башню броневика братьев-андалузцев. Стрелок и командир погибли. В живых остался только младший брат. Убедившись, что мотор, как ни странно, не поврежден, он вывел с поля боя подбитую машину.

Нас часто бомбит фашистская авиация. Умелым маневрированием и маскировкой нам удастся избежать ее прямых попаданий. Воздушные налеты фашистов во время Брунетской операции никакого ущерба нам не причиняют.

В начале наступления наши броневики ежедневно принимали участие в боях; мы помогли пехотным частям занять сперва Вильянуэва-де-Каньядо, затем Брунете. В дни, когда фашисты пытались перейти в контратаки, мы помогали пехоте удерживать занятые позиции.

В августе и сентябре наше подразделение принимало участие в боях под Сарагосой. Главный удар республиканской армии направлен на юг от Сарагосы на Бельчите, Кинто, Фуэнтес де-Эбро. А наша задача — наступать в направлении на север от Сарагосы, перерезать фашистские коммуникации между Сарагосой и Уэской.

Наши броневики действуют совместно с танками. Такое взаимодействие оказывается весьма целесообразным.

От водителей требовалась большая выдержка, ловкость и хладнокровие. Чтобы подойти к передовой, мы должны были преодолеть высокий горный хребет. Движемся по узким горным дорогам, которые вырублены в скалах и выются змейкой то вверх, то вниз. До сих пор в этих местах передвигались в основном на мулах и на ослах. Редко проходил легковой или грузовой автомобиль, а бронемшины или танки — никогда. Малейшая невнимательность — стоит отклониться от

дороги хотя бы на 20—30 сантиметров — и скатишься и пропасть в несколько десятков метров глубиной.

Преодолев горы, мы очутились в русле высохшей реки. Броневики и танки вязнут в песке. Колеса буксуют, с танков слетают гусеницы. Помогая друг другу, водители бронемашин и танков выбираются из песка. Возможности маневрирования весьма ограничены. Здесь нельзя развернуться; чтобы повернуть назад, надо дать задний ход. Все время приходится спешить; если пойдет дождь, преодолеть горную речку будет невозможно.

Несмотря на все, мы наконец благополучно добрались до указанных нам исходных позиций. На участке Суэры фашисты прочно укрепились. У них здесь много артиллерии и пулеметов. Все прежние попытки наших частей атаковать Суэру до сих пор были неудачными. Фашисты не ожидали нападения с этой стороны, зная о трудных дорожных условиях.

Наши позиции — на одной из высот. За ней небольшая долина. Дальше, на противоположной высоте — окопы фашистов. Перед нами задача: помочь нашей пехоте преодолеть долину и выбить врага из окопов. Мы должны подавить и уничтожить его артиллерийские и пулеметные огневые точки.

Наступление начинаем рано утром. Артиллерии у нас мало. Поэтому решено обойтись без артподготовки. Рассчитываем застигнуть врага врасплох. Чуть свет наши танки и броневики, а следом за ними и пехота устремляются через долину на вражеские позиции.

Но фашисты быстро спохватываются и открывают интенсивный артиллерийский и пулеметный огонь. Пехота вынуждена залечь. Наши машины, на большой скорости преодолев долину, мчатся прямо на фашистские пулеметные гнезда и артиллерийские орудия. Противник не выдерживает Лобового удара, бросает позиции и бежит.

Едва смолк вражеский огонь, наша пехота устремляется вперед и выбивает фашистов из окопов.

Противник в спешке не успел даже вывести из строя свои пушки. Мы берем их на буксир и со всеми снарядами увозим в распоряжение наших артиллеристов. Захват пушек окрыляет наших пехотинцев и артиллеристов. Они встречают нас громкими восторженными возгласами:

— Viva los tankistas! (Да здравствуют танкисты!)

Наш стремительный бросок и захват орудий вызывают среди фашистов смятение. В середине дня огонь открывает вражеская противотанковая артиллерия. В небе над нами

появляются самолеты. У нас нет ни зенитной артиллерии, ни авиации. Обнаружив это, фашистские летчики настолько обнаглели, что не только бомбят нас, но и обстреливают из пулеметов. Нашей пехоте остается только стрелять по вражеским самолетам из пулеметов. Один фашистский самолет загорелся и падает. Другой, получив повреждение, уходит. Вскоре улетают и все остальные.

В этом бою мы несем потери. Несколько машин вышло из строя. Есть погибшие и раненые. У австрийца Антона Фестеля — участника венского восстания — лицо и тело в тяжелых ожогах: фашисты обстреливали нас какими-то воспламеняющимися снарядами.

Командир машины Вильгельм Затлер отделался более удачно и остался при броневике, не оставил фронт. Машину пришлось ремонтировать на ходу. Вильгельм Затлер всегда был с нами на передовой. Он, как и другие бывшие шуцбундовцы, не забывал о вооруженной борьбе в Австрии, когда австрийская молодежь взялась за оружие и поднялась на борьбу с фашизмом в своей стране. Теперь эта борьба продолжалась здесь, недалеко от Сарагосы.

Во время боя прямо перед машиной я вдруг увидел бегущего к нам человека. Одежда на нем пылала ярким пламенем. Останавливаем машину, срываем с несчастного горящую одежду и оказываем ему первую помощь. Пострадавший оказывается французом. Он совсем еще молод, ему и двадцати лет не исполнилось, а он перешел Пиренеи, чтобы защищать демократическую Испанию.

Без поддержки авиации наступление развить не удастся. Вскоре, поняв, что наши силы иссякают, утихают и фашисты.

В ходе боев несколько наших машин выведено из строя. Но бывший авиамеханик поляк Казимир, механик из Праги чех Блажек и другие наши специалисты быстро отремонтировали поврежденные машины. У ребят золотые руки. Наши броневики снова готовы к бою.

Нас перебрасывают на Арагонский фронт, в сектор Бельчите. Взятую республиканцами Бельчите фашисты яростно контратакуют. Мы должны помочь пехотинцам удержать дорогу, по которой идет снабжение наших войск. Эта дорога каждый день подвергается обстрелу фашистской артиллерии.

Здесь сражаются части 11-й, 12-й и 13-й Интернациональных бригад. Они принимали участие во взятии Бельчите и целый месяц, без отдыха, находятся в бою. В ежедневных

тяжелых сражениях они несут все новые потери. И, несмотря на это, удерживают завоеванные позиции.

Не добившись успеха фронтальными ударами, фашисты начинают атаковать наши фланги. Бронеподразделение мы разбиваем на группы по 2—3 машины в каждой; группы эти распределены по всему сектору фронта. Мы оказываем помощь везде, где противник предпринимает атаку, всюду, где создается угрожающая ситуация. Республиканские части сражаются героически. В конце концов контрнаступление фашистов захлебывается.

Немного удалось отдохнуть. В Арагоне мы снова среди гостеприимных испанцев, чувствуем их сердечное отношение к бойцам Интернациональных бригад. Особенно расположены они к нам, экипажам бронемашин.

Поздняя осень. В Испании идет сбор богатого урожая винограда. Где бы мы ни появлялись, нас угощают самым сочным и самым лучшим виноградом.

Как-то мы сделали обеденный привал в большой деревне. Заходим в крестьянский дом пополнить запасы вина: там в горах вино является единственным средством утоления жажды. Хозяин ни за что не хотел взять с нас деньги за вино.

— С военных мы денег вообще не берем, тем более с героев-танкистов Интернациональной бригады, да еще с тех, кто говорит по-русски, — объясняет он.

— Но ведь правительство республиканской Испании платит нам, — стараюсь я убедить хозяина. — Если не примете денег, мы не сможем взять у вас вино.

Крестьянин слегка растерян; он берет песеты, лукаво смотрит на меня и спрашивает:

— А ты из цантимплоры пить умеешь?

Цантимплора — это глиняная или кожаная фляга с одним широким и одним узким горлышком. Испанские крестьяне всегда, в пути и на полевых работах, носят такую фляжку с собой на ремне. Через широкое горлышко флягу наполняют вином, из узкого — пьют, держа ее на вытянутых руках высоко над головой так, чтобы тоненькая струйка текла прямо в рот. Это требует известной сноровки. Вначале, когда мы только приехали в Испанию, у нас этой сноровки не было. Испанцы всегда дружески потешались над нашей неловкостью.

Я подумал, что крестьянин хочет добродушно надо мной посмеяться, поэтому уверенно отвечаю:

— Да, умею.

— Тогда напейся, — говорит крестьянин, протягивая мне цантимплору.

Беру ее, откидываю голову, подымаю руки вверх и направляю в рот вкусную прохладную струнку арагонского вина. Испанец хвалит меня за отличное умение пить.

Забираю посуду с вином и возвращаюсь к нашим машинам, довольный тем, что крестьянин в конце концов все же взял у меня деньги.

В машине Вальтер спрашивает:

— И что ты своими песетами похваляешься?

— Я не хваюсь! Неужели ты хочешь, чтобы я задаром взял у крестьянина вино? — отвечаю я, думая, что Вальтер знает о моем разговоре с хозяином и упрекает меня в излишней настойчивости.

— Почему же задаром! Конечно, надо платить, но бахвалиться и всем показывать, что у тебя есть песеты, не стоит.

Смотрю на карман куртки и вижу: действительно оттуда торчит несколько купюр. Оказывается, крестьянин затеял проверку моего умения пить из цантимплоры, чтобы незаметно сунуть мне в карман полученные песеты.

Покидая деревню, проезжаем мимо дома, где я купил вино. Хозяин машет нам на прощание рукой и лукаво улыбается, как бы говоря: «Видишь, я все-таки добился своего».

В декабре 1937 года части республиканской армии стремительным, хорошо подготовленным наступлением занимают Теруэль. Но уже через несколько месяцев мы вынуждены его оставить. В марте 1938 года фашисты в этом секторе фронта начинают новое крупное контрнаступление. Ведя непрерывные ежедневные бои, они оттесняют наши части, нанося нам большие потери. 15 апреля фашисты занимают городок Винарос на берегу Средиземного моря. С потерей этого городка Каталония оказалась отрезанной от центральной Испании.

В тяжелых мартовских и апрельских боях принимает участие и наше подразделение. Мы опять переброшены на Арагонский фронт, в сектор Бельчите. Город снова захвачен фашистами. Наши пехотные части отходят.

Для помощи отступающим частям нас делят на группы. Однажды на рассвете наша группа в составе трех машин прибывает в назначенное место, в расположение пехотной части. Но мы никого здесь не находим, кроме горстки отступающих бойцов. Один из них рассказывает, что линия фронта прорвана и впереди нет никаких наших частей.

Останавливаемся на восточном склоне небольшой возвышенности. Фашисты наступают где-то западнее. Пригорок порос редким лесом и кустарником, завален большими камнями. У подножия раскинулась пашня, а дальше — невысокий холм. Отступающие бойцы уходят, и вокруг нас воцаряется тишина. Нигде ни выстрела.

Связи у нас нет, мы не знаем, что делается вокруг. Решаем вдвоем с Вальтером разведать противоположную высоту. Остальные будут ждать у машин. Если мы обнаружим врага, выстрелом дадим сигнал и товарищи на машинах поспешат нам на помощь. Если же сигнал дадут они, мы тотчас вернемся к машинам.

С пистолетами наизготовку продвигаемся по пашне, соблюдая интервал метров в сто. Уже поднимаемся по склону холма, как вдруг сверху раздается выстрел. Вальтер падает. Я тоже припадаю к земле.

Товарищи, услышав выстрел, заводят моторы и спешат к нам. Я бегу к своей машине. Когда мы подъехали к Вальтеру, он был уже мертв. Из раны на голове сочилась тоненькая струнка крови. Вальтер ушел от нас, не успев произнести ни слова.

По машинам никто не стреляет. Вокруг снова щемящая тишина. Один-единственный снайперский выстрел — и не стало моего друга, с которым я делил в последние годы и радости и трудности.

Возвращаемся на прежнее место. Мимо проезжают три машины. Передаем им тело Вальтера и посылаем доклад о неясном положении на участке. Просим дальнейших указаний.

Настает полдень. Никаких распоряжений мы еще не получили. Приближается небольшая группа пехотинцев. Они сообщают, что выехать на дорогу мы уже не сможем: на высоте, которую мы с Вилли сегодня утром хотели разведать, засели марокканцы. Это значит, что нашим машинам обратного пути нет. Но броневики наши в полном порядке и обеспечены боеприпасами.

Под вечер нас начинают обстреливать с противоположной высоты. Мы отвечаем тем же, и марокканцы умолкают. Вероятно, увидя машины и отведав нашего меткого огня, они не хотят продолжать поединок. Но затишье не успокаивает нас: по всей вероятности, вокруг нас смыкается кольцо окружения. Вечером встречаем еще одну группу отступающих пехотинцев. Это поляки из 13-й Интернациональной бригады. Они говорят по-русски. Среди них я вдруг замечаю знакомое лицо:

преподаватель в Красной Армии, который когда-то нас обучал. Оказывается, он не только учил нас воевать, но и сам приехал защищать Испанскую демократическую республику. Сейчас он советник при штабе одного из корпусов. Он узнал меня. Но теперь не время для воспоминаний. Он быстро сообщает нам о том, что ему известно:

— Фронт прорван. Связь между штабами нарушена. Небольшими группами все отходят на вновь создаваемую линию обороны. Прорваться на дорогу с машинами у нас нет никакой возможности. Если не сумеете отойти горным путем, машины придется вывести из строя и бросить. Пешком выбраться можно: фашисты пока захватили только главные пути сообщения и населенные пункты. Видите, как плохо, когда нарушена связь и нет ориентировки! Но ничего, на войне всякое случается, настоящий воин, пока жив, не теряет надежды найти выход из любого положения, — говорит преподаватель, прощаясь с нами.

Дольше оставаться здесь ни к чему. Начинаем путь по горному кряжу и оврагам. Всю ночь работаем лопатами, прокладываем для машин дорогу по труднопроходимой местности. Частенько оказываемся перед такими препятствиями, что кажется дальше никак не пройдем, зря затратили столько усилий. Бросаемся то в одну сторону, то в другую ищем, нет ли более подходящего пути? И находим! Снова работаем лопатами и снова преодолеваем очередное препятствие.

Вместе с нами чех Блажек. Он всегда удивительно хладнокровен, всегда находит правильный выход, позволяющий уберечь машины от повреждений. С нами также испанец Франциско. Испанцы ему очень доверяют и без возражений выполняют каждое его распоряжение. Согласованность, быстрота действий и дисциплина имеют в таких условиях огромное значение.

Наши старания увенчались успехом. Вечером следующего дня мы вышли на Барселонское шоссе и примкнули к главной колонне своей части. Хотя наши машины совершили очень трудный переход, но все они в полной исправности.

Летом 1938 года республиканская армия Испании переживала трудные дни: в результате тяжелых боев в Арагоне фашисты прорвались к Средиземному морю, нанеся нам большие потери. Необходимо было пополнение в живой силе, оружии, боеприпасах. Но трудности в снабжении с каждым днем возрастали: граница с Францией перекрыта, морские порты блокированы фашистскими подводными лодками.

Преодолевая серьезные трудности, республиканская армия в июле предпринимает новое большое наступление, форсирует реку Эбро и закрепляет на ее правом берегу значительный плацдарм. Это вынуждает фашистов отказаться от дальнейшего наступления в центральной Испании на Валенсию и Мадрид — и сконцентрировать все свои силы на фронте Эбро, чтобы сдержать натиск республиканской армии.

Наша рота в это время принимала участие в боях на северном Каталонском фронте.

Прощание с Испанией

Бои у Эбро свидетельствуют о стремлении испанского народа продолжать борьбу за свободу и демократию. За эти два года выросли, набрались опыта вышедшие из народа командиры республиканской армии. Бойцы овладели военным искусством. Главное теперь снабжение оружием, боеприпасами и продовольствием.

Понимая это, правительство республиканской Испании отказывается в дальнейшем от помощи добровольческих Интернациональных бригад с условием, чтобы из Испании были выведены также немецкие и итальянские войска, которые сражаются на стороне мятежников.

Сентябрь. Выполняя решение правительства, передаем машины испанским экипажам, прощаемся с испанскими друзьями, с которыми вместе воевали полтора года. Обмениваемся адресами. Обещаем не забывать друг друга, писать письма и после победы обязательно встретиться. Обмениваемся фотографиями, памятными подарками.

Мечта моей жизни увидеть Москву, Советский Союз. После войны я обязательно поеду в Москву, к тебе в гости, пожимая мою руку, говорит Франциско.

Глядя в ясные, полные затаенной мечты глаза испанца, чувствую, что слова его идут от самого сердца.

По возвращении в Москву я действительно получил от Франциско несколько писем, которые до сих пор храню как дорогую память. Но встретиться нам пока не довелось.

Из наших добровольцев многих уже нет в живых. Погиб мой друг Вальтер, нет нашего первого комиссара, всеми уважаемого, опытного болгарского коммуниста, нет и многих Других.

Демонстрацией дружбы провожает нас в Барселоне испанский народ. Улицы, балконы полны цветов. Из открытых окон и с балконов нам машут, бросают цветы.

Несколько месяцев мы прожили в поселке на севере Каталонии. Добровольцы Англии, Америки, Франции, Швеции и других стран уезжают. А тем, чья родина под фашистским игмом, ехать некуда.

Некуда деваться и тем, кто прибыл из Латвии. Латвийское правительство приняло специальный закон, по которому все участники войны в Испании лишаются латвийского гражданства. Некоторые из них готовятся ехать в Мексику: правительство выразило готовность дать убежище нескольким тысячам добровольцев Интернациональных бригад.

В январе начинается новое наступление фашистов на Каталонию. 26 января захвачена Барселона. Мы перебираемся в приморский городок Палафружелъ. Сюда прибывают многие из добровольцев, которые оставались в центральной Испании. Здесь наконец собрались вместе все выходцы из Латвии. Встречаюсь со своими старыми товарищами по подполью — Бенямином Куром и Леоном Черниным. Все мы были участниками Рижской комсомольской районной конференции, где меня и арестовали.

Правительство республиканской Испании отозвало с фронта все добровольческие Интернациональные бригады, а Франко об эвакуации воинских частей Германии и Италии и не думает. Учитывая это, мы просим и получаем разрешение вернуться на фронт. Но это уже не может повлиять на ход дальнейших событий.

9 февраля 1939 года мы покидаем Испанию. Переходим французскую границу. Нас помещают в Сенсиприенский концентрационный лагерь на берегу Средиземного моря. Часть добровольцев находится во втором, Аржелесском лагере, в десяти километрах от нас. Никакой связи с внешним миром у нас нет. Что с нами будет дальше — не знаем.

Все мы, добровольцы из Латвии, находимся вместе. Тайно храним радиоприемник. Он в распоряжении Б. Кура (Бинки). Каждый вечер Бинка передает нам известия из Москвы, Лондона, Парижа и Берлина. Обмениваемся мыслями о новейших событиях, организуем учебу. Изучаем языки, экономику, историю.

С большим интересом следим за работой XVIII съезда партии. Международный комитет помощи республиканской

Испании позаботился о том, чтобы мы получали газеты и письма из Латвии и из Советского Союза. Вскоре узнаем, что все, кто прибыл в Испанию из СССР, могут вернуться.

Мы расстаемся. Я уезжаю в Советский Союз. Б. Кур и другие добровольцы из буржуазной Латвии остаются в лагере. Но мы верим в скорую встречу.

1965 г.

На русском языке публикуется впервые

ЛАТВИЙСКИЕ СТЕКОЛЬЩИКИ НА ФРОНТАХ В ИСПАНИИ

Так же, как отец и три брата, я работал на стекольной фабрике. Жизнь стекольщиков в буржуазной Латвии была нелегкой: тяжелые условия труда, низкая заработная плата. Труженики стекольной промышленности отстаивали свои права забастовками и под руководством профсоюза рабочих стекольной промышленности.

Этот профсоюз был одной из сильных революционных организаций, работавших под руководством Коммунистической партии Латвии. Я стал членом этого профсоюза. Там и приобрелся к революционному движению. Работал в кружке организации «Красная помощь».

Когда началась гражданская война в Испании, мы приступили к сбору денег в помощь защитникам Республики в их борьбе против фашистских мятежников.

В 1936 году нелегальное собрание стекольщиков обсудило вопрос о борьбе против фашизма и оказании помощи Испанской Республике. Собрание приняло решение поддержать республиканскую Испанию не только материально, но и послать добровольцев, имеющих военную подготовку. На призыв ехать в Испанию откликнулись Альберт Спалан, Янис Трокша, Янис Ванаг, Болеслав Дукальский и я. Все мы уже отслужили обязательную воинскую службу в латвийской армии.

Я отправился первым. Поехал будто бы в гости к дяде в Париж. Был конец 1936 года, едущих в Испанию было еще

немного. Мне легко удалось получить заграничный паспорт. Организация выдала мне билет и несколько долларов на дорогу. 20 декабря 1936 года я выехал из Латвии, а 23 декабря был уже в Париже. Здесь встретился с Янисом Палкавниеком и Машей Зильберман. Они тогда поддерживали связь с Комитетом помощи республиканской Испании.

Группами до ста человек — представителей разных наций — мы почти легально, где поездом, а где автобусом, доехали до Перпиньяна, а там перешли границу.

Вначале прибыли в Фигерас. Отсюда нас через три дня переправили дальше, а в конце декабря мы оказались в окрестностях Альбасете, где прошли двухмесячное обучение. Меня зачислили в формирующуюся тогда 15-ю Интернациональную бригаду, в батальон имени Димитрова. Спустя две недели сюда прибыли также Альберт Спалан и Янис Ванаг.

Первое боевое крещение мы получили возле деревни Марата-де-Таханья, у реки Харамы, где целый месяц шли кровопролитные бои. Фашистам тогда не удалось прорваться к Мадриду, им пришлось на долгое время оставить надежду быстро и легко овладеть столицей Испании.

Командиром нашего батальона был болгарин Гребенаров. Комиссаром — старый, опытный коммунист болгарин Табаков.

Позже, во время Гвадалахарской операции, в наш батальон прибыло еще несколько латышей: моряк Янис Тилак, Борис Цинис, Антон Пекайнис, Николай Гусаров, Юрий Климкин и другие.

Я был в одном взводе и одной группе с Альбертом Спаланом. У Харамы Спалана тяжело ранило, и он шесть месяцев пролежал в госпитале в Мурсии. Наш батальон охранял центральную часть дороги. Справа от нас находился батальон им. Эрнеста Тельмана, слева — франко-бельгийский батальон. Нашему батальону имени Димитрова пришлось выдержать главные, самые тяжелые бои.

К нам частенько наведывались два добровольца из Латвии, офицеры по особым заданиям штаба 15-й бригады — Михаил Шварц (Эгон Шмидт) и Александр Тройслит, который ведал контрразведкой.

Вскоре меня и Ванага направили в школу связистов. После двух месяцев обучения меня назначили в испанскую часть, а Ванага — на наблюдательный пункт. Здесь мы участвовали в Брунетской операции (июль 1937 года) и в боях под Бельчите (август—сентябрь).

**Александр Березин
(Чиспа)**

А. Березин подает Д. Ибаррури на подпись памятную книгу Интернациональных бригад

Карл Эмбрикис

Янис Абол

Вскоре мы снова встретились с Александром Тройслитом. Он был направлен в партизанскую школу «Красный партизан», которую создали в августе 1937 года. Зачислили в эту школу и нас с Ванагом. Тройслит был руководителем нашей группы. Партизаны группами от восьми до сорока человек в зависимости от сложности задания пробирались в тыл к врагу, переходя Гвадаррамские горы в секторе Сеговия. Эти операции проводились по ночам, и надо было за ночь успеть перейти фронт, выполнить поставленную задачу и возвратиться к своим.

В 1938 году мадридскую группу разведчиков и школу «Красный партизан» расформировали. Меня перевели в противотанковую батарею 13-й бригады, где командиром был Александр Березин (Чиспа). С ним мы принимали участие в наступлении у реки Эбро. Вскоре меня назначили командиром противотанкового орудия, присвоили звание сержанта.

В ночь на 30 июля 1938 года мы готовились к предстоящему бою. В 50 метрах от меня на наблюдательном пункте находился Янис Ванаг. Никто не обращал внимания на одиночные винтовочные выстрелы. Но оказалось, что это стреляют вражеские снайперы. Одна из пуль угодила Янису Ванагу в висок. Так мы потеряли своего товарища.

Весь день шел ожесточенный бой. Действовала и авиация противника. Яниса Ванага мы смогли похоронить только вечером. Каменистая земля Испании навеки приняла моего товарища по работе и борьбе.

...Вскоре начались тяжелые бои в Каталонии, а за ними и отступление. Вместе со всей 13-й бригадой мы перешли франко-испанскую границу. Для нас начались черные дни в концентрационных лагерях Франции.

1965 г.

На русском языке публикуется впервые

МОЙ ОТЧЕТ ОБ ИСПАНИИ

Я уехал из Латвии в 1936 году, в конце ноября. Ехал через Литву, Германию, Бельгию и Францию. Отсюда, благодаря содействию Французского Комитета помощи Испании, я в декабре выехал в Испанию. В Альбасете меня направили на санитарные курсы, где я проучился больше месяца. После окончания курсов был определен в 15-ю бригаду, в батальон им. Димитрова. 7 февраля отправился на Харамский фронт.

В бой мы вступили 12 февраля. В бою я всегда находился на передовой. Санитаром проработал до апреля. По моей просьбе был переведен в пулеметную роту.

1 июля наш батальон отправился на Брунетский фронт, а 6 июля снова в бой. Здесь я был легко ранен осколком. После перевязки у батальонного врача вернулся в роту.

16 августа нас перебросили на Арагонский фронт. 24 августа мы штурмовали город Кинто. Ротный командир тов. Гошняк поручил мне вести наблюдение, чтобы никто не отстал; но и снова был ранен. После лечения в госпиталях Барселоны и Беникасима вновь добровольно вернулся на фронт. В роту меня не пустили, потому что признали нестроевым. Назначили меня заведующим складом. Ранение в лицо вскоре дало о себе знать, и доктор отправил меня обратно в госпиталь. Там я находился до 30 октября, оттуда был направлен в Альбасете на медицинскую комиссию, которая признала меня непригодным для фронта и заявила, что я должен работать в тылу.

После долгих просьб и споров 15 декабря мне было разрешено вернуться на фронт.

Батальон им. Димитрова находился тогда в резерве. При батальоне я снова был назначен на склад. Больше трех месяцев мы стояли в резерве. 26 марта пошли на фронт. В первых боях я не участвовал, а 5 апреля без разрешения перешел в пулеметную роту. Разрешение на переход в роту получил уже через несколько дней. Наш батальон до 8 сентября непрерывно находился в разных секторах Левантского фронта. В районе Монте-Негро меня легко ранило осколками противотанкового снаряда в обе ноги и в руку. В нашем расчете одного убило и четверых ранило, и я остался у пулемета... Наш батальон получил приказ зайти фашистам в тыл, взять пленных и военные материалы. В этой операции должны были участвовать только добровольцы. При первой попытке нам ничего не удалось сделать. На другой день мы решили зайти глубже в тыл и оттуда атаковать намеченную высоту. Мы атаковали гору и заняли ее за десять минут. Здесь мы взяли в плен фашиста с легким пулеметом и еще одного, раненного в руку, остальные успели удрать...

Через два дня нас, 30 человек, снова направили туда же, но безуспешно, потому что фашисты сильно укрепились.

8 октября 1938 года нас сняли с фронта и направили в Валенсию. Оттуда 17 января 1939 года в Барселону.

Участвовал я также в обороне Каталонии.

При переходе французской границы вместе с остальными я попал в концлагерь Сенсиприен. Здесь изучал историю Испании, историю Латвии, историю ВКП(б). С октября был экономом латышской группы. 4 июня меня перевели в концлагерь Вернет. Здесь я учился латышскому языку, начал изучать математику. Благодаря ходатайству советского консула я был освобожден и 11 марта 1941 года покинул концлагерь.

1941 г.

На русском языке публикуется впервые

ЮРИЙ КЛИМКАН

БОЕВОЙ ПУТЬ БЕЗДОМНОГО РИЖАНИНА

В буржуазной Латвии я перебивался случайными заработками. Их не хватало для оплаты даже кроватного места, поэтому приходилось ночевать в ночлежках, на железных конках, иногда даже без матраца. Зато стоило это всего несколько сантимов. В ночлежке ничего, кроме кипятка, получить нельзя было. В шесть утра все должны были освобождать помещение и днем находиться в ночлежке не разрешалось.

Встречаясь в Рижском порту, в Милгрависе с моряками, я стал подумывать о том, чтобы устроиться на какое-нибудь судно и пойти в плавание. Хотелось повидать другие страны, да и безработица, нужда окончательно меня одолели. Чтобы попасть на судно, я в начале тридцатых годов обзавелся моряцким удостоверением, вступил в профессиональный союз моряков. Моряки снабжали меня издаваемой за рубежом коммунистической литературой; я начал собирать пожертвования для «Красной помощи». Вскоре мной заинтересовались шпики из политического управления. Однажды — вскоре после того, как я побывал на судне, — меня арестовали и доставили в 1-й полицейский участок. К счастью, при обыске ничего не нашли. Но это еще больше обозлило шпииков и полицейских.

— Ты что, дурачить нас думаешь! Думаешь, мы не знаем, чем ты занимаешься, проклятый коммунистический агент! — кричал один из полицейских, тыча кулаком мне в лицо.

Я попытался увернуться, но получил с другой стороны сильный удар резиновой дубинкой. Меня основательно избили, затем отпустили, пригрозив:

— Будешь тут шататься, схватим тебя с поличным. Насидишься тогда в «централке» за решеткой, годами солнышка не увидишь.

...Летом 1935 года мне удалось в Милгрависе незаметно пробраться на английское судно. Я забился в какой-то чулан с пустыми мешками, рядом с машинным отделением. Устроил себе под мешками нору, улегся, замаскировался и заснул.

Перед выходом в море суда осматривают — нет ли посторонних. Открылась дверь моего чулана, и полицейские принялись длинными острыми щупами прокалывать мешки. Жду. — вот-вот острие щупа вонзится в меня! Все равно не выдам себя, не издам ни звука! К счастью, меня не задели. Когда дверь за полицейскими закрылась, я облегченно вздохнул.

Вскоре судно вышло в море. Я вылез из своего укрытия. В таких случаях, по неписаным морским законам, моряки кормят «зайца» и используют его на различных работах. В ближайшем порту «зайца» обычно высаживают на берег. Судно пришло в польский порт Гдыню. Там меня и оставили. Потом на одном из латвийских судов мне — на этот раз с помощью экипажа — удалось добраться до французского портового города Кале. Со мной были еще два латыша. Один из них нанялся на какое-то судно и ушел в плавание. С другим земляком мы через несколько дней добрались до Дюнкерка. Здесь меня задержала французская полиция. Будь при мне хоть небольшая сумма денег, меня бы не тронули. Но денег предъявить я не мог, и меня «за бродяжничество» посадили в тюрьму на два месяца и один день.

По выходе из тюрьмы я встретил латышского моряка Александра Тимме. Он посоветовал искать работу в Антверпене. И действительно, мне удалось наняться помощником кочегара на шведское судно.

Проработал я там несколько месяцев, а потом меня уволили.

В поисках заработка я на небольшом шведском суденышке перебрался в Амстердам. Оттуда на автобусе — в Роттердам. Здесь я установил связь с Роттердамским интернациональным клубом моряков. В распоряжении клуба был склад коммунистической литературы.

В Москве незадолго до того состоялся VII съезд III Коммунистического Интернационала. На складе хранились

материалы съезда на различных языках, в том числе — на латышском. Я нашел выступление на съезде Г. Димитрова. П. Тольятти, В. Пика и других руководителей коммунистических партии. В Роттердаме издавался коммунистический журнал латышских моряков «Вака» («Маяк»), а также журнал «Cinas Biedris» («Боевой товарищ»).

Мне поручили распространять коммунистическую литературу среди латышских моряков. Через них я пересылал эту литературу и в Латвию. Связь с моряками мне приходилось налаживать самому. Для этого я прежде всего стремился бывать на латвийских судах, но там был очень строгий контроль.

— Гоните прочь этого коммунистического агента! в полный голос орал на палубе какой-то холуй, когда я поднялся на судно компании Грауда. И матросы уже не решались со мной встречаться.

На всех латвийских судах за моряками строго следили, тщательно охраняли от коммунистической пропаганды. Если выследят, что кто-то из членов экипажа за рубежом интересуется коммунистической литературой, то его по возвращении в Латвию непременно ждут неприятности. Даже если у моряка и не найдут коммунистическую литературу, он все равно рано или поздно будет уволен. А уж если у него обнаружат какое-либо коммунистическое издание, то не избежать ему суда и нескольких лет тюрьмы. И все же на нескольких латвийских судах существовали нелегальные коммунистические организации. Они формировали классовое сознание моряков, возглавляли их борьбу против самодурства капитанов и эксплуатации судовладельцев.

Гораздо легче было распространять коммунистическую литературу среди тех латышских моряков, которые служили на иностранных судах, где никто, кроме них, не знал латышского языка. Поэтому нелегальная литература чаще всего пересылалась в Латвию через них.

...1936 год шел к концу. Весь мир говорил о событиях в Испании. Я в это время снова находился в Антверпене. Здесь повстречал Антона Пекайниса, кочегара с парохода «Катвалдис». Он решил отправиться в Испанию. Договорились ехать вместе. Установили связь с добровольцами, которые собирались туда же. Из Брюсселя нас направили в Льеж. Там дали адрес в пограничном французском городе Лилль. Пошли. Дождь лил как из ведра. Нас обнаружили французские пограничники, задержали и отправили обратно в Бельгию. Усталые, промокшие, мы не могли найти себе пристанища. Наконец

какой-то таксист взялся доставить нас в Лилль по только одному ему известной дороге.

Данный нам адрес оказался приемной зубного врача. Мы с Пекайнисом решили было, что это какое-то недоразумение. Опасаясь, как бы нас опять не выгнали снова в Бельгию, мы к врачу зайти не решились. Вконец измученные, скитались мы по улицам Лилля. Неожиданно встретили поляков, тоже добровольцев, которые на день раньше нас уехали из Льежа. У них в кармане уже были билеты на Париж. Поляки уверили нас, что адрес зубного врача — правильный.

И действительно, нас там накормили, указали, где можно отдохнуть, и обеспечили билетами, так что уже на следующий день мы отправились дальше, в Париж.

В Париже нас собралось около 200 человек разных национальностей. Эта большая «туристическая» группа уселась в поезд и отправилась на юг Франции. Из Нарбонна мы на автобусах небольшими группами поехали к подножию Пиренейских гор. Вечером, после недолгого отдыха, начали переход через Пиренеи. Испанцы и французы, руководившие переходом, предупредили, что в пути надо соблюдать тишину.

Шли всю ночь. С первыми лучами солнца добрались до пастушьей хижины. Это уже Испания! Мы напились кофе, передохнули. Спустились с гор и в небольшой деревне снова сели в автобусы. Через час мы были в испанском пограничном городке Фигерасе и расположились здесь в старой крепости.

Два дня отдыхаем, знакомимся с городом. Повсюду бродят шумные, бесцеремонные парни в красно-черных шарфах вокруг шеи и с пистолетами на бедрах. Это — анархисты. Мы знали, что в предместьях Мадрида идут суровые бои. Мы не могли понять беспечности этих молодых людей и их пустой бравады. «Почему они не на фронте?» — спрашивали мы друг друга. Но никто на этот вопрос ответить не мог.

На третий день садимся в поезд и следуем дальше — через Барселону и Валенсию. Спустя два дня высаживаемся; неподалеку от Альбасете проходим краткую боевую подготовку — вместе с поляками, болгарами, югославами, несколькими эстонцами, литовцами, румынами, финнами и представителями других национальностей. Говорим по-русски, по-французски или по-английски. Примерно через месяц в составе батальона Димитрова отправляемся на Мадридский фронт. Занимаем позиции по берегу реки Харамы у Мораты-де-Тахунья. В сущности, никаких позиций тут нет.

Окапываемся кто как умеет. Готовимся идти в наступление: глубоко рыть нет смысла. Да и времени мало.

Но еще до начала наступления мы попадаем под интенсивный огонь фашистской артиллерии. Один из снарядов разрывается неподалеку от меня. Чувствую удар в левое бедро, сквозь одежду проступает кровь. Я ранен. Санитарная машина отвозит меня в Мадрид, в госпиталь для интернационалистов.

Ранение нетяжелое. Обслуживающий персонал госпиталя — испанки. Начинаю изучать испанский язык. В госпиталь приходит много испанок, они добровольно помогают ухаживать за ранеными, разносят газеты, стирают и чинят белье, оказывают раненым много других услуг. Одна пожилая испанка частенько сиживала подле моей койки, терпеливо помогая осваивать испанский язык. Она рассказала, что в бригаде Листера сражаются три ее сына.

Дело идет на поправку. В Мадриде встречаю Бориса Циниса, Жаниса Артмана (Теллера) и еще некоторых товарищей из Латвии. Через два месяца я настолько поправился, что мог вернуться на фронт. Батальон им. Димитрова все еще стоит на прежнем месте — под Моратой-де-Тахунья. Батальон в боях сильно потрепан. Наше наступление не удалось, но и фашистские атаки оказались безуспешными.

Пекайнис все еще здесь; в батальон прибыли и другие латыши. Встречаю Екабсона, Спалана, Тихомирова, Ванага и Михаила Шварца из Риги. Он командует саперной ротой

Бедро у меня еще не совсем зажило, и общее состояние тоже неважное. Меня назначают поваром в саперную роту.

Первые дни июня 1937 года. Наш батальон переводят за Мадрид, к подножию Гвадаррамы. Идет подготовка к Брунетской операции.

На другой день после начала наступления меня контузило разорвавшейся авиабомбой. Прихожу в сознание лишь несколько дней спустя в госпитале небольшого приморского городка. Затем я попал в госпиталь в Мурсию, где встретил Фрициса Пуце, Леона Черника и одного латыша из Америки. Через три месяца, поправившись, возвращаюсь на фронт.

Наступила весна 1938 года. Фашисты предприняли новое наступление, заняли Теруэль и продолжают продвигаться по направлению Винароса к морю, чтобы разделить Испанию на две части, отрезать центральную Испанию от Каталонии.

Неожиданно встречаюсь с Я. Палкавниеком из Риги. Он зовет меня в латышскую группу противотанковой артиллерии,

которой командует А. Березин (Чиспа). Становлюсь артиллеристом. Но не везет мне! На фронте у Эбро я снова контужен, в третий раз попадаю в госпиталь.

Вскоре интербригадовцев отозвали с фронта. Но я еще продолжал лечение в госпитале на берегу Средиземного моря. Руководит госпиталем Брайна Рудина (Фосс), комиссар — Жанис Артман (Теллер).

В январе 1939 года фашисты заняли Барселону и начали быстрое продвижение к французской границе. Те из раненых, кто способен передвигаться, получают приказ уходить к границе. 9 февраля сдаем оружие и переходим французскую границу. Под охраной французских жандармов нас препровождают в Аржелесский концентрационный лагерь на берегу Средиземного моря. Меня посылают в больницу, но не лечат. Возвращаюсь обратно в лагерь. Затем нас переводят в Гирсу.

Сентябрь 1939 года. Начинается вторая мировая война. Вначале у нас все остается без изменения. Но вот немцы оккупировали Бельгию, потом Францию. Появляются бельгийские беженцы. Французы не передают нас гитлеровцам, а эвакуируют дальше, на юг.

1940 год. Узнаем, что в Латвии восстановлена Советская власть. В лагерь прибывает представитель Советского Союза и официально объявляет, что все бывшие латвийские граждане становятся гражданами Советского Союза. Нам выдают небольшое пособие и обещают уладить вопрос о возвращении на родину. Все мы бесконечно счастливы.

Наконец наши документы на отъезд в Советский Союз оформлены. Едем через Италию, Югославию. Бельгию, Закарпатскую Украину. Из Львова через Киев прибываем в Москву. В Монино под Москвой отдыхаем в санатории. Меня из Монино посылают долечиваться в другой санаторий. Когда возвращаюсь в Монино, вся наша группа уже готовится к отъезду в Ригу.

В весеннее утро 1941 года московским поездом прибываем в Ригу. На вокзале много народу; улыбки, дружеские объятия, цветы... Многих встречают знакомые, родные. У меня никого нет. Жизнь меня не баловала. Но я не грущу, я рад, что возвратился на родину.

1965 г.

На русском языке публикуется впервые

АЛЬБЕРТ СПАЛАН

**ПЕХОТИНЕЦ, ПАРТИЗАН,
СВЯЗИСТ¹**

В 1936 году, когда поднялся мятеж против народного правительства испанского народа, я с большим интересом следил за событиями в Испании.

Когда фашистские страны начали посылать мятежникам войска и вооружение, а на стороне Республики начали создаваться интернациональные части, у меня возникло желание быть там, среди испанского народа, вести борьбу против фашистов. Я обратился в МОПР, членом которого являлся, за разрешением ехать в Испанию. МОПР еще не имел директив на этот счет, и разрешение я получил только в декабре 1936 года, но средств для поездки МОПР мне предоставить не мог. Я обратился к рабочим-стекольщикам, они собрали сумму, достаточную для двоих, и 13 декабря 1936 года мы — Янис Ванаг и я выехали из Риги во Францию, снабженные справками МОПРа и парижским адресом политэмигрантов из Латвии, которые и оформили дальнейшую поездку из Парижа в Испанию.

В Альбасете нас — Ванага, Тройслита и меня — зачислили рядовыми в батальон им. Димитрова и после краткого обучения отправили на фронт.

12 февраля 1937 года мы вступили в первый бой, на Харамском

¹ Отчетный доклад.

фронте. 17 февраля я был ранен в ногу. Более четырех месяцев я провел в госпиталях.

В июне мне по моей просьбе после медкомиссии разрешили выехать в бригаду, но только для вспомогательной работы в тылу, потому что к строевой службе я был признан негодным.

25 июня я явился в батальон им. Димитрова, откуда меня перевели в дивизию, в команду связи, начальником секции телефонистов. В июле участвовал в Брунетской операции. В октябре 1937 года получил звание лейтенанта.

16 ноября того же года я с разрешения командира дивизии перешел в партизанскую группу в Мадриде, где начальником был Тройслит. Меня назначили начальником хозяйства и поручили выполнение других ответственных работ.

В апреле 1938 года, во время фашистского наступления на Арагонском секторе, работа нашей группы прервалась, и я обратился к начальству за разрешением вернуться в Интербригаду. Вместе с Ванагом и Тихомировым мы вернулись в Альбасете, откуда были направлены в 35-ю дивизию, оттуда — в 13-ю бригаду, где я был зачислен в команду связи и назначен инструктором по обучению новобранцев.

От интенсивной работы и холодных ночей состояние моей раненой ноги ухудшилось и меня направили на лечение в больницу. Когда с фронтов были отозваны интербригадовцы, наш госпиталь отправили во Францию, но французские власти вернули нас обратно.

В конце декабря 1938 года меня направили в 13-ю бригаду, где концентрировались национальные группы для отъезда из Испании.

Но в январе 1939 года я добровольно записался на фронт и был зачислен в штаб 13-й бригады как штабной офицер. В бригаде состоял до 8 февраля 1939 года, то есть до перехода французской границы.

Был в концлагере Сенсиприен. В июне 1940 года меня перевели в концлагерь в Вернет, а в октябре того же года — в лагерь для советских граждан, где я находился до отъезда в СССР.

1941 г.

На русском языке публикуется впервые

КАРЛ РОЗЕНБЕРГ

В ИСПАНИИ И ВО ФРАНЦИИ¹

В начале 1937 года, после двух лет работы в подполье на нелегальном положении, я получил указание ЦК партии эмигрировать из Латвии. По моей просьбе мне дано было разрешение ехать в Испанию: там я в то время мог делать наиболее полезное для революционного движения дело. Из Латвии уехал, спрятавшись вместе с тов. Ф. Пуце в бункере латвийского грузового парохода «Спорт». Благополучно выбравшись на берег в Копенгагене, мы разыскали организацию МОПРа, которая дала нам связь с Комитетом помощи республиканской Испании. Нас снабдили паспортами и билетами, и мы выехали во Францию. Французский Комитет помощи Испании уже на другой день (19 февраля 1937 года) направил нас из Парижа в Испанию. Два-три дня я провел в Фигерасе, потом поехал в Альбасете.

Я хотел как можно скорее отправиться на фронт. Но в секции кадров мне объяснили, что необходимы политически крепкие командиры для Интербригад, и меня зачислили в офицерскую школу, где я провел два месяца, максимально используя это время для приобретения военных знаний, которых совсем не имел. Участвовал в общественной жизни школы и усиленно изучал испанский язык. Школу окончил в начале мая 1937 года в звании лейтенанта.

¹ Из отчета.

Я оказался среди тех курсантов, которые были отобраны в качестве инструкторов для работы в испанских частях. Работали мы под непосредственным руководством советников. Я получил назначение в 130-ю бригаду, на Арагонский фронт.

Прибыл в свою часть в середине мая. Работать было трудно. Мешали слабое знание языка, особенности обстановки и т. д. Но бригада состояла из добровольцев-коммунистов и социалистов, и отношения создались хорошие.

Дружеские отношения наладились и с руководящими работниками коммунистической организации этой части. Я им помогал советами. Моя работа заключалась в следующем: обучать находящиеся в резерве части, средних и младших командиров — испанцев; инспектировать оружие, позиционные укрепления на фронте и т. п.

Я принимал участие во всех боях этой бригады и в боевой обстановке обучал и контролировал командиров. Самому мне тоже пришлось много учиться, так как в школе я получил только основы военных знаний.

На время наступления на Сарагосу в августе 1937 года меня прикомандировали к 246-й бригаде 27-й дивизии в качестве боевого инструктора. Я участвовал во всех боях этой части. По окончании боев я возвратился в 130-ю бригаду, где продолжал прежнюю работу.

В октябре 1937 года я узнал из писем товарищей, что я в Латвии исключен из партии «за троцкистскую подрывную работу», т. е. как провокатор. Это был тяжелый удар, потому что с 17 лет вся моя жизнь была посвящена делу партии. И другой жизни я даже представить себе не мог. Используя первую возможность, я обратился к ЦК испанской Компартии с просьбой помочь мне через ИККИ выяснить дело и поставить его на пересмотр. Это мне обещали: обещали также переслать в Москву отчет о моей работе с 1935 до 1937 года...¹

В 130-й бригаде организовали партизанский отряд, и я добровольно вызвался на это дело. Два месяца участвовал в партизанских походах в качестве командира отряда и за успешное выполнение задач был вместе со всем отрядом премирован семидневным отпуском. Годом позже я узнал, что фашистский военный трибунал заочно судил меня вместе с 24 испанцами (из 130-й и 43-й дивизий), но приговора я не знаю.

¹ Обвинение в троцкизме было сфабриковано против К. Розенберга — видного партийного и комсомольского работника — провокатором. К. Розенберг, погибший геройской смертью в Великой Отечественной войне, был посмертно реабилитирован. *Ред.*

В январе 1938 года мне присвоили звание капитана и доверили командование пулеметной ротой. Командуя ротой, я фактически продолжал также исполнять при батальоне обязанности инструктора и советника.

О моей работе свидетельствовали успехи батальона во время Арагонского отступления.

130-я бригада за боевые действия получила орден «Medaila de Valor»¹.

Моя рота, отрезанная вместе с батальоном от остальных частей, две недели продолжала вести бои с наступающим врагом. Батальон в полном составе с ежедневными боями прошел от Уэски до Трэмпя, сохранив почти все оружие. Конечно, главное в том, что ребята были отличные.

В Каталонии весь батальон включили в состав 38-й бригады (72-я дивизия). С этой бригадой я участвовал в боях под Балагером (в мае) и на Сегре (в августе). Тогда же стал временным командиром батальона. Не ограничиваясь прямыми обязанностями, я помогал остальным командирам, поддерживал тесную связь с парторганизацией батальона. С фронта я уехал 1 ноября 1938 года в связи с отозванием Интербригад и прибыл в Бельсерат, на базу 13-й Интербригады. Я участвовал в культурной работе, руководил кружком по изучению истории и географии Испании.

В январе 1939 года вместе с другими явился добровольцем для обороны Каталонии в составе 13-й бригады как командир пулеметной роты, принимал участие во всех боевых действиях этой бригады и вместе с ней 9 февраля 1939 года по приказу перешел границу Франции.

Я был помещен в лагерь Сенсиприен (затем — в Гирсу и в Аржелес). Был принят в коллектив латышской группы, вел там культурную работу. Занимался самообразованием. Изучал историю ВКП(б), марксистско-ленинскую литературу, которую можно было достать в лагерях; изучал французский язык, читал книги о Франции и т. д.

Все время, как в Испании, так и в лагерях я старался держаться по-большевистски, и тт. Пуце, Брозинь, Липкин и другие, с которыми я жил вместе, могут засвидетельствовать, что мое поведение всегда было поведением коммуниста.

1941 г.

На русском языке публикуется впервые

¹ Медаль за героизм, (исп.).

БОРИС ЦИНИС

СТАНЕМ ЯДРОМ ГРЯДУЩИХ СРАЖЕНИИ В ЛАТВИИ...

Из фронтового письма

...Несмотря на сложность выезда из Латвии (любому сколько-нибудь «подозрительному» человеку трудно получить заграничный паспорт, и в путь придется отправляться нелегально) по всей Испании нас все же наберется немало. В батальоне нас сейчас четверо. Попробую кое-что рассказать о каждом. Абол — комсомолец из Лиепаи. Тилак — моряк, часто бывал в Испании. Гуревич — из Риги, в рабочем движении никогда не участвовал. В инженерно-саперном батальоне — Шмидт (Шварц), единственный лично мне знакомый по работе в Латвии... В дивизии еще человек пять латышей. Двое, с которыми имеем связь, находятся на Кордовском фронте.

Знаю, что несколько человек из Латвии на Гвадалахарском и Гвадаррамском фронтах. В батальоне им. Димитрова было поначалу 12 человек из Латвии, но многие из них ранены. Во время моего пребывания здесь погиб Эдгар Екабсон, актер Рижского художественного театра — глубоко уважаемый и порядочный товарищ. Он был в социал-демократической организации Латвии, но затем стал полностью нашим человеком. Из Стокгольма мне писали, что там арестовано 6 латышей, которые на лодке переплыли море, чтобы попасть сюда... Сейчас прибыло еще 6—7 человек, мы ждем их. Из Рижской

центральной тюрьмы получил письмо. «Ритс»¹ пишет, что полковник Озол организует в Испанию целую бригаду из латышей, литовцев и эстонцев².

Когда я уезжал (19. 11), желающих ехать было немало, но дорога действительно очень трудна. Лично мне пришлось ехать с чужим паспортом, так как мне заграничный не выдали: пришлось обращаться в политуправление, а оно наложило свое вето. Товарищ Абол был в дороге целых два месяца — нелегально. Пешком прошел почти всю Европу. Сколько я здесь видел и слышал, никто из Латвии не посрамил латышского пролетариата. Надо надеяться, что и впредь будет так.

...В Испании я с 5 марта. На Харамском фронте — два месяца, все время командиром взвода. Сейчас отдыхаем. Капитан штаба нашей дивизии Саша пытается собрать всех латышей вместе. Это было бы неплохо, но осуществить, кажется, очень трудно. Если и не удастся — ничего, станем ядром грядущих сражений в Латвии. Так нам наказывали и при отъезде из Латвии: очистить Испанию, затем Германию, а потом и «нашу волость»...

1937 г.

На русском языке публикуется впервые

¹ «Ритс» («Утро») — еженедельная буржуазная газета. *Ред.*

² Такая бригада не была организована. *Ред.*

ТАК ОНИ СРАЖАЛИСЬ И ПОГИБАЛИ¹

...В 129-й бригаде сражался лиепайчанин Эмиль Кемпе. Он закончил офицерские курсы. В Брунетском наступлении Кемпе был ранен в ногу. По окончании курсов командовал взводом в батальоне им. Димитрова в звании сержанта. Когда фашисты обрушились на Кастельон и Валенсию, Кемпе вместе с сорока другими бойцами отбил у фашистов высоту в 20 километрах от приморского города Онда, но за ночь не подошли наши резервы. На другой день фашисты контратаковали высоту, но встретили упорное сопротивление. Здесь сражался Кемпе со своим взводом, тут он пал с простреленной грудью. Перед смертью он дал свой адрес А. Пекайнису и попросил сообщить матери в Лиепая, что до конца выполнил свой долг и погиб в суровой борьбе с фашистами. Но Пекайнис потерял в бою его адрес и матери Кемпе не написал.

...Эдгар Екабсон был актером Рижского художественного театра. Он, кажется, был одним из первых, если не самым первым латышом в республиканской армии Испании. Это был активный и смелый боец. Если не ошибаюсь, 16 апреля 1937 года в полдень фашисты на Харамском фронте открыли артиллерийский огонь. Бойцы укрылись в убежище, звали туда и Екабсона, но тот доделывал что-то в окопах и продолжал работать. Недалеко от него находился литовец Петрайтис.

¹ Фрагменты из письма.

В окоп угодил фашистский артиллерийский снаряд, который разорвал Екабсона. Петрайтиса контузило и легко ранило. Товарищи откопали Екабсона из-под земли и мешков, но нашли только туловище и голову.

...Когда батальон им. Димитрова перебросили из Харамы в Брунете 6 июля 1937 года, в первый же день нашего наступления, в первом бою, около 6 часов 30 минут утра, недалеко от Вильянуэва-де-ла-Каньяда у горы Москито был убит латыш Борис Цинис.

Борис Цинис в 1932 году принимал участие во Всемирном конгрессе мира в Амстердаме как представитель Латвии. Он был хорошо известен среди студентов Латвии, а также в рижских рабочих организациях. В Испанию он уехал через Швецию в феврале 1937 года с несколькими неизвестными мне латышами. В Харамских боях он участвовал с первых дней. Командовал 1-м взводом 1-й роты батальона им. Димитрова.

Некоторые товарищи говорили, что Борис всегда был отчаянным, но не было в батальоне лучше, отважнее бойца, чем он. Поэтому командир 15-й бригады послал Бориса и человек 20 отборных бойцов в разведку в тыл врага. Насколько я помню, это было на Харамском фронте, они проникли в тыл противника примерно на 20 км и за 3-4 дня выполнили свое задание, не потеряв при этом ни одного человека.

Когда утром 6 июля на Брунетском фронте недалеко от горы Москито началось наше наступление, в бой вступили и танки. Выполнив свою задачу, они подняли условный сигнал — красные флажки, что означало: пехоте идти в атаку. Борис дал приказ своему взводу подняться из окопов и идти вперед. Сам он первым выскочил из окопа. Позиции фашистов находились от наших всего в 70—80 метрах. Эти 70 метров ровной местности противник держал под пулеметным огнем, преграждая нам продвижение. Наши пробежали вперед 30—40 метров. Многие были убиты. Раненый в ногу, упал и Борис. Опираясь на руку, он приподнялся и крикнул нам: «Вперед, товарищи, вперед, не останавливайтесь!» Тут он получил еще два ранения — в плечо и грудь. Борис упал. К нему на помощь, чтобы сделать перевязку, подбежал комиссар, словак Загорда, но и сам упал, раненный в спину.

Наша атака не удалась. Уцелевшие бойцы отступили. Оставшимся на поле боя раненым нельзя было оказать помощь. Все, кто пытался это сделать, были убиты. Борис и Загорда, раненные, оставались под палящим солнцем до часу дня, когда нескольким бойцам все же удалось, рискуя жизнью,

подползти к ним и вытащить их из-под обстрела. Только около пяти часов дня их поместили в санитарную машину, чтобы увезти в госпиталь в Мадрид. Не доехав даже до первого перевязочного пункта, Борис Цинис умер в 30 километрах от Мадрида. Загорда скончался в тот же день в госпитале. Слишком много крови потеряли они, лежа на поле боя.

Впоследствии, когда я учился в военной школе, капитан Табаков, комиссар из батальона им. Димитрова, на военных занятиях ставил нам Бориса Циниса в пример, говоря о взаимодействии с бойцами на поле боя...

1938 г.

На русском языке публикуется впервые

ГЕОРГ БРОЗИНЬ

В БОЯХ И НА УЧЕНИЯХ¹

Из Риги я выехал 4 февраля 1937 года; ехал через Польшу, Австрию, Чехословакию, Швейцарию, Францию и 15 февраля 1937 года добрался до Испании.

20 февраля в Альбасете меня зачислили в 20-й Интернациональный батальон Испанской Народной армии и направили на обучение в Мадригерас. Я был назначен командиром отделения.

31 марта нас направили на фронт — в сектор Пособланко. Мы расположились во втором эшелоне. 14 апреля приняли участие в боях. Во время наступления меня назначили командиром взвода. В ходе этих боев батальон понес большие потери. Его реорганизовали в Дос-Торресе, где формировалась 86-я сборная бригада.

Перед новой отправкой на фронт мне присвоили звание заместителя офицера и назначили адъютантом командира взвода.

С 2 мая до 20 октября я находился на фронте в Ла-Гранхе. Этот период явился суровой проверкой наших физических и моральных сил: климат был для нас непривычно жаркий, на передовой мы провели беспрерывно больше пяти месяцев; наши позиции были растянуты в длину, и это требовало особой

¹ Сообщение о деятельности в Испании и Франции с февраля 1937 по март 1941 года. Перевод с испанского языка. Ред.

бдительности. Меня назначили командиром роты. 7 октября фашисты перешли в наступление и заставили нас отойти на один километр. Боевые действия продолжались 3-4 дня. Затем я заболел и месяц лечился в госпитале в Белалькасаре.

В ноябре мне присвоили звание капитана и, когда я вышел из госпиталя, назначили командиром роты пулеметчиков 341-го батальона. Батальон проходил обучение в Вильянуэва-де-Кордова. Через несколько недель меня назначили командиром 342-го батальона.

С 20 декабря 1937 года до 4 января 1938 года мы проходили обучение в Дос-Торресе. Положение с кадрами батальона было тяжелым. У нас было всего четыре офицера, несколько сержантов и капралов. Командирами групп, отделений и взводов назначались недавно призванные бойцы, не имевшие никакой военной подготовки.

4 января нас направили на фронт. Мы расположились на второй линии обороны и продолжали обучение.

Оттуда нас перевели в сектор Эспьель, где мы заняли позиции по обе стороны шоссе, ведущего на Альмаден. Батальон в составе 400—500 человек прикрывал фронт длиной в 16 километров. Лишь на немногих позициях были оборудованные фортификационные сооружения. Большая часть позиций располагалась на гребнях гор, и здесь не было обзора простреливаемого пространства. Таким образом, нашей главной задачей было создание опорных пунктов. Пока батальон оставался на этих позициях, он проделал большую фортификационную работу...

...Успехи фашистов в этот период вызвали деморализацию неустойчивых элементов батальона. Требовалась большая, неустанная политическая работа. Был выдвинут лозунг: каждый офицер должен стать политическим комиссаром. Интенсивную деятельность среди бойцов развернули коммунистическая партия, организации Объединенной молодежи и «Красной помощи». Мы использовали все возможности, чтобы улучшить питание личного состава, предоставить кратковременные отпуска отдельным группам и подразделениям, стоявшим на передовой (весь 1938 год батальон беспрерывно находился на передовой). Благодаря этим мерам батальон сохранил политическое единство и боеспособность, что полностью проявилось в боях в конце сентября.

20 мая мне присвоили звание манора. В сентябре нас сменили и с сектора Эспьель направили в сектор Кордовы, в Адамус. В конце сентября батальон участвовал в наступлении,

дошел до Гвадалквивира, но арьергардные части не сумели продвинуться вперед, и наступление захлебнулось. Причина этой неудачи — плохая подготовка операции. Так, например, подразделения вынуждены были идти в атаку без передышки, сразу после тяжелого шестичасового перехода по горной дороге. Командиры частей не имели никакой информации о противнике. У них не было карт. Руководил этой операцией Перес Салас, который в ту пору командовал 8-м корпусом.

6 октября все добровольцы 86-й сборной Интернациональной бригады были демобилизованы. 17 января 1939 года нас пароходом эвакуировали в Барселону. Оттуда направили в Палафружелъ. Вместе с другими я выразил желание добровольно отправиться на фронт, но мне этого не разрешили: меня назначили начальником военной полиции Палафружелъ. Затем с частями, которые отходили во Францию, я 8 февраля перешел границу и попал прямо в Сенсиприенский лагерь.

Здесь, как впоследствии и в других лагерях, я находился в латышской группе и в первое время руководил ею.

Спустя неделю после прибытия в лагерь, я обратился в Латвийское посольство во Франции с просьбой о репатриации. Выполнил все формальности, которые потребовало от меня посольство, но разрешения на возвращение в Латвию так и не получил.

Затем меня вместе с другими интернационалистами перевели в Гирсу. В этом лагере я был руководителем группы интербригадовцев из Прибалтики.

В Сенсиприене мы занялись повышением своего политического образования: изучали материалы XVIII съезда ВКП(б), провели ряд занятий по истории Испании; позже, в Гирсу — цикл занятий о Латвии и по истории ВКП(б) с дополнительными материалами, в том числе с трудами Фр. Энгельса и В. И. Ленина.

В Сенсиприене были созданы партийные ячейки. В Гирсу партийные организации укрепились, избрали комитеты латышской и прибалтийской групп.

В июне меня перевели в Вернетский лагерь. Здесь наши политические занятия ограничивались изучением актуальных материалов по международному положению и о Франции. Для более углубленных занятий нам не доставало книг.

Из Вернета меня и всех других новых советских граждан перевели в Карпианью, а затем — в Лемиль. Культурная и политическая работа здесь активизировалась: мы изучали Конституцию СССР, повторяли историю ВКП(б). Мы

отметили наиболее торжественные даты — 7 ноября, 5 декабря и т. п., — чествовали Интернациональные бригады.

Знакомясь с международным и внутривойсковым положением, проводили дискуссии о нашей деятельности в лагере Гирсу. В ту пору я был членом комитета латышской группы и членом контрольной комиссии.

11 марта я выехал из Лемиля и 15 марта прибыл в Советский Союз.

1941 г.

На русском языке публикуется впервые

ФРИЦИС ПУЦЕ

**МОЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ЗА ГРАНИЦЕЙ ¹**

Из Латвии в Копенгаген я выехал в январе 1937 года на теплоходе «Спорт». Уехал по разрешению партии. Выбраться пришлось тайно, потому что 25 февраля 1937 года меня должны были призвать на военную службу в латвийскую армию и полиция меня искала.

Дальше добираться мне помогли товарищи из Коммунистической партии Дании: они обеспечили меня паспортом и деньгами.

В Испанию я прибыл 19 февраля 1937 года. В Альбасете меня зачислили в 20-й Интернациональный батальон, которым командовал Моранди. Три недели батальон проходил военное обучение в Мадригерасе, а затем 10 дней в Пуэртольяно. Меня зачислили в немецко-славянскую роту.

29 и 30 марта 1937 года 20-й Интернациональный батальон отбыл на Пособланский фронт. Фашисты здесь были разбиты, но наш батальон продолжал атаковать врага, неся большие потери. В середине апреля батальон сняли с фронта. В городе Дос-Торрес батальон был реорганизован и укреплен испанскими новобранцами. Меня включили в пулеметный расчет.

2 мая батальон снова отправился на фронт. Теперь он

¹ Сообщение о деятельности в Испании и Франции. Перевод с испанского. *Ред.*

входил в 86-ю смешанную бригаду. Нас дислоцировали в секторе Фуэнтеавехуна. На этом не очень активном участке батальон находился до сентября 1937 года, и этот период был разумно использован для обучения призывников и налаживания партийной работы.

Здесь я получил звание сержанта. Некоторое время я служил в спецотделе батальона (патрулирование и разведка). Был секретарем партийной организации 3-й роты. Главная задача партийной организации состояла в усилении партийного влияния среди испанцев.

В конце сентября всех добровольцев, которые прибыли из-за границы, отозвали из батальона. Сам батальон был передан 115-й смешанной бригаде. А из нас и новобранцев был сформирован новый батальон, который тоже вошел в состав 86-й смешанной бригады. Новому подразделению пришлось отправиться на фронт необученным. Новобранцы не успели познакомиться с нами, а мы — с ними. 3 сентября батальон расположился на старых позициях 20-го Интернационального батальона. Меня назначили комиссаром роты. Всего в роте было 5 интернационалистов и столько же опытных бойцов. Все остальные — необученные новобранцы. 7 сентября противник атаковал наш сектор. В первый же час боя я получил ранение в грудь. Меня эвакуировали.

Я лечился в госпитале в Белалькасаре, а затем в Мурсии, в госпитале «Универсарио». Выписался 4 февраля 1938 года. В госпитале состоял в немецкой партийной организации и учился на партийных курсах. Занятия были посвящены войне в Испании. Длилась эта учеба один месяц, руководил ею комиссар госпиталя.

Из госпиталя я возвратился в 342-й батальон 86-й бригады. Мне присвоили звание лейтенанта и назначили командиром роты. Батальоном командовал капитан Георг Брозинь.

Почти все бойцы роты были испанскими новобранцами.. Пришлось много поработать, чтобы организовать и обучить команду.

8 февраля 1938 года батальон был направлен на фронт, в сектор Эспьель (в Эстремадуре). На этом фронте в то время активные военные действия не велись.

С марта по апрель я был адъютантом командира 342-го батальона, а с августа командиром роты пулеметчиков того же батальона. За это время мы, оставаясь на том же фронте, несколько раз передислоцировались, но в военных действиях участия не принимали.

Вскоре по возвращении из госпиталя мне поручили наладить партийную работу в батальоне. Партийная организация в общем-то была слабой, потому что среди мобилизованных было очень мало членов партии... Начался прием в партию молодежи из новобранцев, многие из них стали самоотверженными борцами-коммунистами.

В последние дни сентября 1938 года батальон принял участие в Адемусской операции в районе Кордовы. Атакуя противника, батальон понес большие потери. Рота пулеметчиков в бою участия не принимала. Вся эта операция не дала положительных результатов.

5 октября я покинул фронт. Направился в место сбора добровольцев и был здесь секретарем партийной организации латышской группы.

Защищать Каталонию пошел добровольно. Меня зачислили командиром подразделения артиллерийской противотанковой батареи 13-й Интернациональной бригады. В этой батарее было много латышей.

Во Франции я с первых дней был интернирован в Сенси-приенский лагерь. Здесь оказалась большая часть латышской группы. Некоторые товарищи тотчас написали в Латвийское посольство, чтобы выяснить возможность репатриации. Мы изучали в те дни материалы XVIII съезда ВКП(б) и проводили беседы об Испании.

Когда иностранных добровольцев эвакуировали в лагерь в Гирсу, я был болен: возобновились приступы малярии, которую я схватил в Испании. В мае 1939 года после выздоровления меня также перевели в Гирсу. Латышская группа этого лагеря установила широкие связи с латышскими эмигрантами в Америке, Париже и Швеции. От них мы получали большую материальную и моральную поддержку. Что касается репатриации, то все, кому не угрожала непосредственная опасность ареста, направили заявления в Латвийское посольство. Некоторые пытались выяснить возможность эмиграции в Швецию, чтобы быть поближе к родине.

В лагере мы продолжали политические занятия.

С весны 1939 года я был ответственным за политическую и культурную работу в латышской группе.

В январе 1940 года меня выбрали секретарем парторганизации латышской группы.

Начавшееся вторжение немецких войск во Францию исключило возможность легальной репатриации, и я дважды

пытался бежать из лагеря, чтобы самостоятельно добраться до Латвии. Но мне не везло: оба раза я был схвачен.

В мае полиция перевела в Вернетский лагерь наших товарищей, которых считала наиболее активными и опасными, в том числе и шесть человек из латышской группы.

Во время перемирия иностранных добровольцев концентрировали в Аржелесском лагере. Здесь мы изучали историю народов СССР, продолжали овладевать русским языком.

27 сентября 1940 года меня признали советским гражданином, перевели в Карпианью, а затем в Лемиль. Здесь мы продолжали изучать историю ВКП (б) и Конституцию СССР.

Я был избран партийным секретарем латышской группы и председателем контрольной комиссии новых советских граждан в этой группе. В объединенном партийном комитете всех советских групп я отвечал за политическую и культурную работу.

1941 г.

На русском языке публикуется впервые

ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕРОЯХ

Георг Брозинь и Фрицис Пуце

Как-то летом 1938 года я уехал с передовой в город Пособланко, чтобы перепечатать на пишущей машинке статьи, которые были переведены на испанский язык и предназначались к опубликованию в журнале «Fuego» («Огонь»), издававшемся группой нашей тяжелой артиллерии. Журнал печатался в Валенсии, но готовили мы его на фронте. Перед печатанием все рукописи тщательно редактировала и перепечатывала на машинке жена одного испанского капитана, бывшая учительница. В обеденный час я прибыл в интендантство, чтобы получить положенный мне продуктовый паек, и там встретился с одним австрийцем, который возвращался из госпиталя. Узнав, что я латыш, он радостно воскликнул:

— Что?! Тогда вы наверняка знаете командира нашего батальона Георга Брозиня и его адъютанта Фрициса Пуце?

Когда я ответил, что слышал об этих людях, но лично с ними незнаком, австриец вытащил из кармана несколько заснятых на фронте фотографий и, показывая их мне, сказал:

Вот эти два офицера, которые здесь сфотографированы, — командиры моего батальона, латыши.

Он рассказал о 20-м батальоне Интернациональной бригады, которая состояла из немецких и австрийских антифашистов, а командирами там были два латыша — Георг Брозинь и Фрицис Пуце. Австриец рассказал, что Фрицис Пуце,

сражаясь в 1937 году за освобождение Пособланко где-то в горах вблизи Пеньяррой, был ранен, но теперь снова в строю. Оба они с Брозинем хорошие товарищи и смелые люди, к тому же отличные командиры. Я передал австрийцу небольшое письмо для Брозиня и Пуце с приветами и обещанием навестить их в одну из передышек между боями. Но выполнить это обещание мне не довелось, так как начались суровые бои в предместье Альмадена и у тяжелой артиллерии было много работы.

В середине сентября нас, интернационалистов, отозвали с фронта и направили в тыл. Так как Центральный фронт был отрезан от Каталонского, мы собрались в Валенсии. Здесь нас проверила военная комиссия Лиги Наций, и мы стали ждать, когда нас на судах перебросят в Барселону, чтобы оттуда эвакуировать во Францию и другие страны. Из латышской группы имени Янсона-Брауна никто не желал добровольно уезжать из Испании. Мы добивались, чтобы нас оставили здесь. Но это нам не удалось. В Валенсии собралось очень много интернационалистов, и вскоре мы встретились с теми латышами, которые сражались на других участках Центрального фронта. Мы, наконец, встретились с майором Георгом Брозинем и с лейтенантом Фрицисом Пуце.

Георг Брозинь был небольшого роста, светловолосый парень, очень подвижный, щедро наделенный светлым юмором. Он всегда был вместе со своим бывшим адъютантом Фрицисом Пуце. Я и сегодня как живого вижу перед собой Фрициса Пуце — его мощную фигуру, синие, беспокойные, все понимающие глаза, светлые волосы, широкий и умный лоб, тонкий длинноватый нос, энергичные губы и подбородок. Георг Брозинь был молодым членом партии, а Фрицис Пуце уже имел солидный стаж подпольной работы в буржуазной Латвии. У обоих теперь накопился богатый опыт, полученный на фронтах гражданской войны в Испании. Георг Брозинь как-то рассказывал мне, что лучшего боевого товарища и друга, лучшего организатора и коммуниста, чем Фрицис Пуце, ему трудно себе представить. Георг Брозинь и Фрицис Пуце хорошо говорили по-немецки и по-испански, немного хуже — по-русски.

Валенсию тогда ежедневно по несколько раз бомбили итальянские самолеты. Городской квартал порта был почти полностью разрушен. Однако это не мешало нам в свободное от работы время бродить по Валенсии. В те дни в городе работал театр, а эвакуированный из Мадрида симфонический

оркестр давал концерты. Вспоминаю, как мы вместе с Беникисом, Брозинем и Пуце бывали на этих концертах, как смотрели спектакль «Дон-Кихот»; частенько заходили мы и в кинотеатры, где демонстрировались советские фильмы; купались в Средиземном море, знакомились с достопримечательностями города.

В декабре нас перевели из Валенсии в отдаленное предместье города. Там мы организовали небольшой хор, с которым выступали на вечерах интернационалистов в ближайших деревнях. Если память мне не изменяет, то этим хором руководил Фрицис Пуце, бывший тогда секретарем нашей партийной группы. «Гвоздями» хора были Янис Беникис и Болеслав Дукальский. Хотя Георг Брозинь и не обладал звучным голосом, но он тоже басил вместе с нами.

В то время Брозинь жил у одного весьма влиятельного лица из городского управления — социалиста. Это был очень гостеприимный дом, и мы частенько туда заходили. Хозяин и его семья уважали нашего друга, и он у них чувствовал себя как дома. Когда пришло время нам уезжать, и Георг Брозинь прощался с ними, все всплакнули, даже хозяин.

В новогоднюю ночь 1939 года интернационалистов, находившихся в Валенсии, перебросили пароходом в Барселону. Оттуда нас эвакуировали дальше, в пограничный с Францией район, чтобы там переодеть в гражданскую одежду, обеспечить документами и вывезти из Испании. Но правительство Франции не пропускало через границу эшелоны с интернационалистами. А в это время началось наступление фашистов на Барселону. Естественно, что мы как бывшие бойцы Народной армии не могли к этому относиться равнодушно, поэтому мы просили правительство Испанской республики разрешить нам выехать на фронт. Разрешение мы получили, срочно вооружились и выехали на передовые линии фронта. Но было уже поздно: Барселона пала и была захвачена врагом, а фашистская моторизованная лавина покатила дальше, к французской границе. У республиканцев не было никакого оружия, кроме винтовок и пулеметов. Поэтому последние сражения были особенно трудными. Мне не довелось в этих боях быть вместе с Георгом Брозинем и Фрицисом Пуце: я попал в другое соединение. Но товарищи, которые сражались в части, где командиром был А. Березин (Чиспа), рассказывали, что Брозинь и Пуце, как и все остальные товарищи, действовали героически как в обороне, так и прорываясь из вражеского окружения.

За этими суровыми боями последовало заключение в концентрационные лагеря Франции, длившееся более двух лет. Хотя режим здесь был тяжелый, царили голод и холод, но я никогда не видел, чтобы Брозинь или Пуце вешали нос. Однажды Пуце вместе с Палкавниеком и Розенбергом попытались бежать из лагеря. Янису Палкавниеку с величайшим трудом и осложнениями это удалось, а Пуце и Розенберга жандармы схватили и бросили в карцер. Там мы встретились и целый месяц были вместе. Мои товарищи в карцере держались замечательно. Конечно, о побеге оттуда нечего было и думать, так как лагерный карцер охранялся особенно строго. За попытки к бегству вся латышская группа была осуждена на месяц карцера. Вместе с нами там находился и Георг Брозинь.

В лагере мы старательно изучали историю партии, учились русскому и французскому языкам. Занятия по истории партии организовал Фрицис Пуце, а нашим главным учителем по языкам был Карл Розенберг. Под его руководством была переведена с французского языка на латышский и от руки переписана в нескольких экземплярах история ВКП(б).

По возвращении в Советскую Латвию мы часто встречались, хотя каждый из нас по горло был занят своими делами. Георг Брозинь работал в Кировском районном исполнительном комитете, Фрицис Пуце в Управлении трудовых резервов. Время тогда было грозное. В воздухе вновь запахло порохом. Поэтому главной темой наших бесед при встречах было международное положение и что будем делать, если грянет война.

Война началась раньше, чем мы думали. Уже на третий день войны мы все как один находились в батальонах рабочей гвардии, чтобы подготовить их к большим сражениям. Георг Брозинь и Фрицис Пуце снова были вместе, как в Испании. Ведя тяжелые бои, они отступали с батальонами рабочей гвардии до самого Ленинграда. Фрицис Пуце командовал полком и пал смертью храбрых у деревни Ропша; Георг Брозинь был начальником штаба того же полка. Я с Брозинем встретился вскоре после гибели Фрициса Пуце. Мы очень тяжело переживали эту утрату, потому что лишились не только хорошего друга, но и смелого, до конца верного борца против фашизма. Мы потеряли большого человека, истинного интернационалиста, самоотверженного бойца партии.

С Георгом Брозинем позже мы много раз встречались в 43-й Латышской гвардейской дивизии, где он долгое время

был начальником штаба 121-го, а затем 125-го полков. Я в 125-м полку служил помощником начальника штаба, так что мы все время были в самом тесном контакте. И хотя бои были очень тяжелыми и трудностей на фронте хватало, Георг Брозинь всегда сохранял глубокое спокойствие, острый ум, бодрый дух и завидное чувство юмора. Когда зимой 1943 года меня тяжело ранило и пять собак, запряженных в санитарные сани, дотащили меня до штаба полка, Георг Брозинь вышел попрощаться из дота, где размещался штаб.

И ты тоже! воскликнул он. — Видно, из всех «испанцев» до Риги придется добираться мне одному.

Отдавая ему свой бинокль, автомат, два пистолета и ремень, я сказал:

— Тогда возьми, донеси все это до Риги.

Но не пришлось Георгу Брозиню дойти до Риги. Из действующей армии он перешел в штаб партизанского движения; в одном из полетов в тыл врага самолет потерпел аварию. Георг Брозинь сгорел вместе со своими боевыми товарищами.

1965 г.

На русском языке публикуется впервые

ХАИМ ПЕРМАНД

БОИ У ЭБРО

Моя подпольная деятельность началась в Даугавпилсе. Мне было 11 лет, когда я вступил в пионерскую организацию. В 1934 году меня приняли в комсомол. Несколько месяцев я работал в нелегальной типографии.

В 1935 году, по окончании ремесленной школы, я отправился в Ригу искать работу. Здесь установил связь с комсомолом. Вместе с сестрой Эсфирью, тоже комсомолкой, мы включились в подпольную работу. В квартире, которую для нас наняли, устроили кладовую нелегальной литературы. На этой квартире 7 января 1937 года меня и арестовали.

Привезли в политохранилище. Отсюда меня, совсем избитого, переслали как несовершеннолетнего в детскую тюрьму. Здесь удалось установить связь с политзаключенными Срочной тюрьмы. По их совету, я отказался выйти на работу. За это меня посадили в карцер. Постоянные побои, голод, холод и темнота подорвали мое здоровье. Через некоторое время меня перевели в Центральную тюрьму и поместили в третий, а затем в пятый корпус — к психически больным. Как и большинство заключенных пятого корпуса, я был обречен на смерть. За тюремными стенами никто не знал, куда я делся. Сестра была арестована, родители умерли. Меня спасла «Красная помощь». Товарищ Риц, который выдал себя за моего двоюродного брата, стал заботиться обо мне, добился, чтобы меня перевели в больницу. «Красная помощь» давала средства на

мое лечение. Удалось добиться перевода в больницу. Мне нужен был инсулин. Товарищи собрали необходимую сумму и сумели получить инсулин из Австрии. После нескольких месяцев лечения я понравился. В 1937 году осенью я вышел из больницы и был помещен в частный пансионат, но находился под наблюдением полиции, в любой день меня снова могли заключить в тюрьму.

Товарищи решили, что мне нужно эмигрировать. Советовали поехать в Швецию, но я убедил их, что будет правильнее, если я поеду в Испанию, где шла вооруженная борьба с фашизмом.

Приготовился к отъезду. Мне достали паспорт на имя Болмата, купили билет до Парижа, загримировали, нацепили очки, приклеили усики. Я стал неузнаваем...

12 января я уже был в Париже. Отправился по указанному мне адресу, чтобы разыскать товарищей из Латвии. Друзья, знавшие, что мне недавно пришлось пережить, старались отговорить от поездки в Испанию. Военная комиссия, которая работала при Комитете помощи Испании, также отказалась направить меня в Испанию из-за плохого состояния здоровья. Мне предложили подлечиться в санатории. Я отказался и делал все возможное, чтобы комиссия изменила свое решение. В мае военная комиссия дала наконец согласие направить меня в Испанию.

28 мая 1938 года мы выехали в Испанию. В нашей группе было 90 человек. Американцы, словены, австрийцы; из Латвии я один. Как и все группы добровольцев, мы также проделали большой и сложный путь, пока достигли испанской границы и районе города Перпиньяна. Пешком перебрались через Пиренеи и наконец 1 июня 1938 года добрались до Фигераса. Оттуда нас направили на обучение.

Мы прибыли в Испанию в самый критический для Республики момент. Каталония была отрезана от центральной Испании. Республиканская армия и Интернациональные бригады понесли огромные потери. 9 июня к нам на место учений прибыл испанский комиссар. У него была забинтована голова, видно, он совсем недавно был ранен. Комиссар обратился к нам на митинге с призывом скорее отправиться на фронт. Из его пламенной речи мы поняли, что отправляться надо без промедления, хотя обучались мы всего 9 дней. Всю нашу группу в 50 человек направили в сектор Тортосы у реки Эбро. Попали мы в отдельный батальон 45-й дивизии, которому

поручали выполнение особых заданий. Меня определили в первый взвод первой роты, где большинство бойцов были болгары. С ними я быстро подружился. Так началось мое участие в тяжелых боях у Эбро; этой операцией защитники Республики вписали одну из самых ярких страниц в историю Испанской революционной войны.

В нашу задачу входило прикрывать левый фланг Республиканской армии, не дать фашистам форсировать реку Эбро. До конца июля, то есть до того времени, когда Республиканская армия форсировала Эбро и начала наступление, здесь шла позиционная война. В августе наш батальон сражался вместе с 14-й Интернациональной бригадой в секторе Ампосты, неподалеку от моря.

8 сентября мы совместно с 45-й дивизией форсировали Эбро и заняли позиции в горах в районе Гандесы. Тут развернулись главные бои. 10 сентября в час ночи 1-я и 2-я роты нашего батальона пошли в атаку. Мой взвод продвигался впереди. Достигнув подножия высоты 452, мы буквально наткнулись на передовой пост фашистов-итальянцев. Они открыли пулеметный огонь. Обойдя врага с тыла, мы во главе с комиссаром 1-й роты испанцем Сен-Хуаносом ворвались в расположение фашистов и уничтожили их. Таким образом, наша задача занять высоту 452 была выполнена. Но когда мы дошли до подножия следующей высоты, фашисты обрушили на нас ураганный огонь из мортир и пулеметов. Многие из наших бойцов пали или были ранены. В санитарном поезде умер тяжелораненый комиссар Сен-Хуанос.

Мне удалось добраться до последней террасы следующей высоты. Здесь фашисты прикрыли подступы к своей позиции тремя рядами проволочных заграждений. Противник непрерывно вел огонь. Снаряды и гранаты падали у самых заграждений. Рядом со мной находились добровольцы из нашей роты. Финкельман и один испанский боец. Мы ждали, когда подтянутся наши, чтобы подняться в новую атаку, но из-за больших потерь наши стали отходить. Один из пулеметчиков батальона принял нас за фашистов и открыл огонь. Так мы оказались под обстрелом со всех сторон. Испанский товарищ потерял самообладание, встал во весь рост и закричал: «Ну-эстрос!» (Свои!). Тяжело раненный в голову, он упал. Меня легко ранило в голову, в левую руку и ногу. Видя, что можем попасть в плен, мы с Финкельманом поползли обратно. Неожиданно рядом разорвался снаряд, и я потерял из поля зрения своего боевого друга. Позже я узнал, что он был тяжело

ранен в ногу. Когда я спустился еще ниже, меня сильно ударило в левый бок, в бедренную кость, и я потерял сознание.

Пришел я в себя рано утром и увидел, что лежу на самом краю пропасти. Поблизости ни живой души. Стал ползти по камням кверху, залез в кусты и вдруг вижу, идут двое невооруженных — один маленький, другой повыше. Форменная одежда у нас, защитников Республики, и у фашистов была почти одинаковой, и я не мог понять, наши это или враги. Они же побоялись подойти ко мне, лишь движением руки показали, куда мне двигаться. Я пополз в указанном направлении и добрался до перевязочного пункта 12-й Интернациональной бригады. Там снова потерял сознание. Пришел в себя от ощущения, будто меня жгут на костре: это товарищи оказывали мне первую помощь — все мои раны смазали йодом.

Обо мне позаботился связной штаба нашего батальона. Он доставил меня в батальон, откуда меня эвакуировали в Барселону. В пути мы были целых два дня, потому что поезд шел только ночью, а днем укрывался в туннелях: противник непрерывно совершал воздушные налеты. С каждым днем они усиливались.

В Барселоне меня поместили в 9-й госпиталь, затем перевели в Интернациональный госпиталь. Здесь я вступил в Коммунистическую партию Испании.

В ноябре 1938 года я покинул госпиталь. К этому времени Интернациональные бригады, в том числе и демобилизованная 13-я, были уже отозваны с фронта. После выхода из госпиталя меня назначили в батальон им. Палафокса, в составе которого были товарищи из Прибалтийских республик, больше всего латыши.

28 ноября 1938 года мы прощались с Испанией. Перед нами с пламенной революционной речью выступила Долорес Ибаррури. Те из участников Интернациональных бригад, которым разрешено было вернуться к себе на родину, — американцы, канадцы, французы, англичане, бельгийцы и некоторые другие — уехали. Поляки, прибалтийцы, болгары, немцы, австрийцы остались: всех нас лишили гражданства, и ни одно государство не пожелало нас принять. Мексика, правда, обещала принять 1500 участников Интернациональных бригад. Вместе с другими и я записался на отъезд в Мексику. Нам надо было добраться до Марселя и там сесть на специальный пароход. Но французское правительство не дало нам разрешения

на проезд через Францию, и все мы, 1500 добровольцев, вернулись.

В начале января 1939 года нас, оставшихся борцов Интернациональных бригад, перевели в Палафружел. Фашисты уже заняли Таррагону и приближались к Барселоне. Жители готовились эвакуироваться. Больно было смотреть на страдания народа. Мы созвали митинг и приняли решение — послать телеграмму премьеру Негрину с просьбой разрешить нам вернуться на фронт. Разрешение получили. Всю ночь простояли в очередях за винтовками. 13-я Интернациональная бригада имени Домбровского была реорганизована; в ее состав включили два польских батальона, венгров и прибалтийцев. Товарищ А. Березин (Чиспа) и все мы, из Латвии, были зачислены в эту группу.

21 января мы выехали в направлении Гранольерса, на Каталонский фронт. Фашистская авиация начала бомбить наш поезд. Мы вынуждены были выйти из вагонов и укрыться. 28 января мы заняли позиции в поселке Ла-Гаррига. Враг форсировал реку Тер, атаковал нас с тыла, и мы начали отступать в направлении Каса-де-ла-Сельва. Обладая значительным перевесом в военной технике, фашисты вынудили нас отойти к французской границе. 9 февраля мы перешли границу Франции и сразу же попали в Сенсиприенский концентрационный лагерь. В апреле 1939 года нас перевели в Гирсу.

В апреле сорокового года нас насильно хотели записать в рабочие команды французской армии, а когда мы отказались, — пытались нас избить в присутствии местных жителей. Это вызвало возмущение французской общественности. Об этом писали в газетах. Нас отправили обратно в лагерь. Весной и летом многие участники Интернациональных бригад бежали из лагеря. Еще когда мы находились в Гирсу, лагерь покинули С. Стекол, Л. Чернин, Я. Палкавниек и другие. Вся наша группа тоже решила бежать. За час до намеченного нами для побега времени в лагерь неожиданно ворвались жандармы, вывели нас и загнали в товарные вагоны. Никакие протесты и сопротивление не помогли. Мы думали, что нас повезут к границе Испании и передадут Франко. Решили живыми в руки не даваться. Разработали план восстания. Чтобы выяснить, куда нас везут, решено было; троим из нас — Антону Пекайнису, Жанису Фолманису и мне — залезть на крышу вагона и наблюдать, в какую сторону поезд свернет, чтобы в случае необходимости остановить его. Мы перевязались друг с другом веревкой и, ежеминутно рискуя сорваться,

начали наблюдение. Поезд свернул в сторону Тулузы. Успокоенные, мы спустились в вагон. В Тулузе жандармы, к нашему изумлению, принесли нам вино и колбасу. Выяснилось, что Петэн подписал капитуляцию¹ и из ненависти к Петэну жандармы зачислили нас в «друзья». Нас поместили в Аржелесский лагерь. Бараков здесь не было, мы строили их сами.

Осенью 1910 года к нам явились жандармы, чтобы вывезти из лагеря. Посыпались вопросы, протесты. Нас привели на площадь, на краю которой толпилось городское население. Подъехала машина с красным флажком; изумленные, мы увидели, что из нее вышел советский консул. Он сообщил, что в связи с восстановлением в Прибалтийских республиках Советской власти мы находимся под защитой Советского Союза. Мы ему рассказали о нашей жизни в лагерях.

Благодаря заботам советского консула нас двести новых граждан Советского Союза, у которых не было еще советских паспортов, поместили в Лемильский лагерь, где мы провели зиму 1940—1941 годов.

Вечером 28 февраля 1941 года внезапно вызвали нашего старосту; ему сообщили, что нас отвезут в Сахару — строить железную дорогу. Но этого не произошло. Позже мы узнали, что посол СССР опротестовал это решение и добился его отмены. 10 марта приехал консул. Привез одежду для двухсот новых советских граждан. 12 марта мы поездом выехали к итальянской границе.

Недалеко от итальянской границы мне и моим товарищам пришлось пережить еще одно большое потрясение. Поезд здесь должен был простоять несколько часов, и нас послали на рынок закупить продукты на дорогу. Купив все необходимое, довольные успешно выполненной задачей, мы возвратились на станцию. Но нашего поезда здесь не оказалось: он неожиданно ушел раньше чем предполагалось. Вдруг появились жандармы, схватили нас, отвезли в полицейский участок и заперли в камеру. Ни наши протесты, ни заверения в том, что мы советские граждане, ни к чему не привели. Никаких документов при нас не было. Спустя два часа мы вдруг слышим: трезвонит телефон, суется жандармы, затем дверь нашей камеры раскрылась, нас вежливо попросили выйти. У дверей полицейского участка ждал автобус, в котором нас

¹ В мае 1940 года военные силы фашистской Германии вторглись во Францию. 22 июня представители французского правительства и главного командования во главе с маршалом Петэном подписали акт о капитуляции Франции. *Ред.*

в сопровождении жандарма отвезли в Гренобль. Автобус подошел к станции в последнюю минуту, перед самым отходом поезда к итальянской границе. На подножке вагона стоял взволнованный Жанис Фолманис, он радостно обнял нас. Мы еще раз удостоверились в настойчивости, с которой действовал советский консул, чтобы всех нас, отставших, доставить к поезду.

Мы проехали через Италию, Югославию, Венгрию, Западную Украину и 15 марта прибыли на территорию Советского государства.

На границе нас встречали красными транспарантами, и лозунгами «Привет борцам Испании!». 11 мая мы уже были в Риге. Месяц я отдыхал в санатории, а в конце июня вновь пришлось встать в ряды воинов, чтобы защищать от фашистов свою Родину, куда все мы так стремились.

1965 г.

На русском языке публикуется впервые

ЭДУАРД УПЕСЛЕЯ

ИЗ БИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА¹

В 1936 году я проживал в Елгаве... Принимал активное участие в работе литературной и драматической секции... Написал больше 10 статей для «Brīvā Jaunatne» («Свободная Молодежь») и «Cīņa» («Борьба»),

В августе 1936 года меня призвали на военную службу. Из Курляндского артполка меня откомандировали в трудовую команду Курляндской дивизии. Здесь меня терроризировало управление тайной военной разведки...

Осенью 1937 года я закончил военную службу и возвратился в Елгаву. От Временного секретариата КПЛ получил задание установить с Елгавскими городскими партийными и молодежными организациями связь, нарушенную в 1937 году перестройкой руководящих органов партии; эта перестройка понадобилась из-за арестов в Риге в 1937 году. Сравнительно быстро я установил связь с елгавскими товарищами, но новый городской комитет был выбран только в марте 1938 года. В конце марта связь между вновь избранным в Елгаве комитетом и Временным секретариатом партии была налажена.

Сам я, помимо этой организационной деятельности,

¹ Публикуемый отрывок автобиографии Э. Упеслея (написанной им в 1940 г.) содержит данные о деятельности автора в 1936—1940 гг. Неопубликованная здесь часть биографии относится к 1929—1935 гг. и касается в основном революционной деятельности автора в Алсунге (Латвия). *Ред.*

продолжал принимать активное участие в работе драматической секции и посещать драмстудию при Елгавском театре.

В марте 1938 года полицейское управление Елгавы арестовало двух товарищей, и из-за их неконспиративного поведения был скомпрометирован и я... 23 апреля, когда я был на явке в Риге, на моей квартире в Елгаве (ул. Видвуда, 10, кв. 20), в мое отсутствие был произведен обыск. Нашли много нелегальной литературы, которая принадлежала моему соседу — технику одной из ячеек. Когда я возвращался домой, меня на станции Елгава успели предупредить, и я вернулся в Ригу. Работал на стройке, имея документы на имя Александра Озолия. Временный секретариат КПЛ дал мне разрешение и средства для отъезда в Испанию.

В июле нелегально морским путем приехал в Роттердам; пешком, через Бельгию и Францию, прошел около ста километров. Трижды меня задерживали на франко-бельгийской границе, хотели отправить в Марокко. Через Комитет помощи Испании я, по рекомендации Яниса Абола, 13 августа прибыл в Испанию, в Фигерас. Был в 51-м батальоне 13-й Интербригады. 9 сентября в бою на фронте Эбро был ранен ручной гранатой в правую ногу, бедро и руку. До 18 декабря лечился в испанских военных госпиталях Таррагоны. Фигераса и других. В ноябре 1938 года меня приняли в ряды КП Испании. Принимал участие в партийной работе...

В январе 1939 года, в критические для Каталонии дни, я добровольно вместе с другими интербригадовцами вызвался ехать на фронт. Но так как я еще сильно хромотал, меня не пустили на фронт, а дали работу в тылу при штабе 13-й дивизии. Исполнял обязанности связиста. 9 февраля вместе с другими интербригадовцами и частями Народной армии Испанской Республики перешел французскую границу. Меня поместили в концлагерь Аржелес, в апреле перевели в Гирсу. Здесь меня, Яниса Палкавниека, Леона Чернина и Фрициса Пуце выбрали от латышской группы в партийный комитет. Я редактировал стенгазету, делал записи в коллективном дневнике, которые каждый вечер зачитывал. Писал также в газету «Strādnieku Cīņa» («Борьба рабочих») в Америке.

7 июля меня освободили из концлагеря. На пароходе «Сибирь» 17 июля я прибыл в Ленинград. С 28 августа 1939 года работаю токарем на Челябинском тракторном заводе...

1940 г.

На русском языке публикуется впервые

АЛЕКСАНДР ТРОЙСЛИТ

ПРОЩАНИЕ С ИСПАНИЕЙ¹

У меня сегодня есть время, и я смогу рассказать о своей жизни в Центральной зоне. Я вылетел из Барселоны и через два часа был в Альбасете, а под вечер — в Валенсии. Все это время прожил там, разъезжая, как и в Мадриде, по фронтам: был советником у партизан.

Могу сказать, что ребята совершили здесь много славных дел. Фашистам пришлось мобилизовать особые батальоны, чтобы парализовать активность партизан. Ну, к примеру, партизаны проникли на 40 км в тыл противника, окружили и заняли станцию, дождались пассажирского поезда, вытащили из него 25 фашистов, забрали почту, деньги, затем подожгли весь состав и без потерь возвратились к себе. Или — остановили автомобиль и взяли в плен двоюродного брата самого Франко. Они провели много других блестящих операций.

3 марта 1939 года я получил приказ выехать из Испании. В этот же день уехали — кто как сумел оставшиеся из советников. Валенсия в последнее время очень страдает от фашистской авиации, которая делает по 3-4 налета в день и столько же за ночь.

4 марта и прибыл на Аликантский аэродром, но до 7 марта не мог попасть на французский самолет: они приходили переполненные. На аэродромах в Оране и Аликанте стояли очереди

¹ Из письма к А. Спалану. Ред.

в 150—200 человек. Поняв, что здесь нет никаких перспектив на вылет, я бросился в Аликантский порт, но судно только что ушло. Оставаться в порту дольше не было смысла, можно было попасть в руки к фашистам и тогда «прощай, Видземите!»¹. Возвращаемся обратно на аэродром.

К счастью, на аэродроме находился частный французский самолет. Поговорили с пилотом. Он обещал за два часа доставить нас в Оран, ему все равно лететь туда. Через несколько часов мы сели в самолет, уже поднялись в воздух, но тут начался фашистский налет бомбардировщиков на Аликанте. При посадке наша машина потерпела аварию. Легко себе представить, какое у нас было настроение: в Картахене — фашистский мятеж, в Мадриде — хунта Касадо², в Аликанте — перестрелка и т. д. Пока чинили нашу машину, прибыл самолет «Эр Франс», направлявшийся в Тулон. Этим самолетом губернатор Аликанте собирался улететь во Францию, но карабинеры³ силой вытащили его из самолета и, кажется, арестовали. На аэродроме в Аликанте мы видели много трагедий, слез, отчаяния. К утру нашу машину привели в порядок. Мы уже сели в самолет, когда к нему подъехали 15 гвардейцев «асальто»⁴ с пулеметом. Они окружили самолет и, угрожая оружием, приказали всем выйти. Я подумал, что это конец, сжал в кармане пистолет и решил сперва отправиться на тот свет нескольких врагов. Положение спас наш пилот. Он поручился за нас, пояснив, что мы не испанцы, а иностранные дипломаты. Все же ему пришлось ехать в Аликанте, к коменданту «асальто» за специальным разрешением на вылет. Наконец мы в воздухе. Когда мы летели уже над морем, я с облегчением вздохнул.

8 марта, приземляясь в Орране, наша машина со всей силой врезалась в канаву за пределами аэродрома; мы чудом остались в живых, хотя и разбились основательно. Моторы самолета, пропеллер, крыло и кабина водителя — все вдребезги. Через 10 минут прибыла помощь, и мы выбрались из-под обломков. Нас поместили в гостиницу. Через несколько дней мы теплоходом прибыли в Марсель. Оттуда, согласно указаниям, приехали в Париж и теперь ждем скорого отъезда.

¹ Слова из латышской народной песни. Видземе — область в Латвии.

² Хунта, руководимая полковником Касадо, объявив низложенным правительство Негрина, совершила предательство и капитулировала перед фашистами.

³ Карабинеры — войска пограничной охраны. *Ред.*

⁴ «Гвардия де асальто» — полиция. *Ред.*

Это весь мой рассказ с «Unhappy end»¹. Но я уверен, что скоро это кончится, и всех нас ждут жизнь и дела, получше, чем здесь, на взморье Франции.

P. S. Мы здесь читаем русские газеты о XVIII съезде ВКП(б), и мне много приходится читать вслух нашим ребятам.

1939 г.

Но русском языке публикуется впервые

¹ С несчастливым концом (англ.) *Ред.*

БОЕВОЙ ПУТЬ ПРОТИВОТАНКОВОЙ БАТАРЕИ¹

В один из последних дней 1935 года мать встревожено сообщила мне, что к нам приходили из полиции и оставили мне повестку о явке в участок. В первую минуту я подумал, что это недоразумение. Уже десятки раз меня искали шпики латвийской охранки, неоднократно арестовывали, но с гражданской полицией мне никогда еще не приходилось иметь дело. Я постарался успокоить мать, а сам стал думать, что же делать. Медлить нельзя. Решил сейчас же исчезнуть, скрываться у друзей, пока не выяснится причина розыска.

Долго ждать не пришлось. Уже на следующий день мне сообщили: вокруг дома слоняются шпики, дворничихе приказано немедленно доложить, как только я появлюсь. За матерью и братом установлена слежка.

В Риге в эти дни арестовали много коммунистов.

21 января 1936 года в газете «Jaunakās Zinas» («Последние известия») появилась статья «Прокурору переданы деятели коммунистической организации». В статье, между прочим, упоминалось, что я являюсь руководителем четвертого рижского юродского района Коммунистической партии.

Было ясно — мне угрожает многолетняя каторга. Продолжать партийную работу невозможно, даже если перейти на

¹ В этой статье использованы воспоминания командира противотанковой батареи Александра Березина (Чиспы).

нелегальное положение. Десять лет партийной деятельности в подполье, работа в революционных профсоюзах, легально существовавших до фашистского переворота клики Ульманиса¹ — все это меня очень скомпрометировало в глазах нынешних властей. В «Valdibas Vestnesis» («Правительственный Вестник») мое имя числилось в списке разыскиваемых лиц. Что делать?

Решить вопрос помогли события в Испании. Революционная молодежь Латвии, прогрессивно настроенные люди всем сердцем были с героическим испанским народом в его справедливой борьбе. Я тоже стремился в Испанию.

При содействии «Красной помощи» я получил заграничный паспорт с транзитной визой, железнодорожный билет до Парижа и валюты на 15 латов. Я старательно упрятал английские фунты, приобретенные друзьями на собранные ими деньги. Еще тщательнее я запрятал в шов пальто небольшой, написанный на папиросной бумаге документ, который удостоверял мою партийную принадлежность. Если покажу этот документ в Париже французским товарищам, они окажут мне необходимую помощь.

Наступил день отъезда — 11 октября. Товарищ из «Красной помощи» приносит билет. Прощаюсь со всеми и с мамой, затем с Рудольфом Бруганом и его женой Наташей, нанимаем извозчика и едем на вокзал. Я как сумел изменил свою внешность: на вокзале обычно бывают шпики. Опасаясь неожиданностей, заграничный паспорт беру в последнюю минуту, уже входя в вагон. Прощальный привет друзьям и Риге, раздаётся свисток кондуктора, поезд трогается...

Транзитный вагон полупустой, устраиваюсь подальше от всех, у окна. Тщательно изучаю новый паспорт — теперь я Иесалниек, мне 24 года. На семь лет моложе, чем в действительности. Ох! Только бы все сошло благополучно!

К вечеру поезд подходит к Мейтене². В вагоне появляются пограничники и таможенники — проверка документов и багажа. Забирают паспорт, осматривают портмоне. Мои несколько фунтов вызывают у них недоумение — уж слишком их мало; так же недоверчиво выслушивают они мою легенду, что еду в отпуск к богатой тетке, которая перед смертью хочет отписать мне завещание. Чиновники производят тщательный обыск: пришлось снять даже туфли. Может, они приняли

¹ 15 мая 1934 года. *Ред.*

² Пограничная станция буржуазной Латвии *Ред.*

меня за спекулянта валютой. Проверяя содержимое чемодана, они продырявили чем-то буханку хлеба, масло, сыр и ветчину. И все-таки ничего не нашли. Многолетний опыт партийной подпольной работы и конспирации взял верх над искусством ищеек.

Наконец поезд миновал пограничные ворота Латвия — Литва. Хотя паспорт мне еще не вернули, все же я облегченно вздохнул. И как ни странно, но в эту минуту мне совсем не жаль расставаться с родиной. Чувствую себя так, будто вырвался из тюрьмы, от преследователей и выпущен на волю!

Пока поезд следует по территории тогдашнего Польско-Данцигского коридора, двери вагона заперты. До германской границы нас сопровождают польские пограничники. На границе — снова обыск.

Только здесь мне вернули паспорт.

Дальнейший путь был без осложнений. Попутчики — группа «гитлерюгенд», едущая в трудовые лагеря. Они восхваляют нацистский строй. Приходится слушать.

В Берлине пересадка. До отхода поезда — несколько часов. Решил посмотреть город. Он кажется мне угрюмым; что-то мне не по душе здесь, будит неприятные воспоминания. Времени мало, боюсь заблудиться в незнакомых улицах. Возвращаюсь на вокзал, чтобы продолжить путь в Париж.

В Париже

Большая площадь Северного вокзала в Париже, шумные людские потоки, многочисленные автобусы, такси — вся эта столичная суэта привела меня в замешательство. Называю шоферу адрес, и вскоре мы подъезжаем к маленькой эмигрантской гостинице недалеко от площади Клиши. Хозяйка гостиницы указывает мне комнату, в которой живут эмигрантки из Латвии Маша Зильберман и Маня Лоцова. Они извещены о моем приезде, ждут меня, и этажом выше для меня уже нанята комнатка. Уплатила за нее «Красная помощь» Франции — организация, впоследствии переименованная в «Народную помощь». В гостинице живут политические эмигранты из разных стран, в которых к власти пришли фашисты. Кроме нас, здесь итальянцы, немцы и другие. Пособие нам, латышам, выплачивают в одном из отделений «Красной

помощи» в рабочем районе города, прямо у стойки небольшого кабачка.

Началась моя эмигрантская жизнь.

Вскоре приехала Люба Блус, преследуемая за коммунистическую деятельность, несколько позже — Марта Пуце, скрывшаяся от преследований политохранки, а также Рива Волшонок (Лейбович). В нескольких кварталах от нас жил выпущенный из тюрьмы под залог и еще в июле прибывший сюда Арон Липкин из Валмиеры. В Париже он учился в консерватории по классу скрипки.

Я предложил создать антифашистскую группу, в которую можно было бы включить и других прогрессивно настроенных товарищей, эмигрантов из Латвии. Для более целенаправленного руководства деятельностью этой группы я предложил создать партийную фракцию, включив в нее Машу Зильберман и Арона Липкина, которого я хорошо знал как сознательного, преданного и отзывчивого товарища.

Мы еще не могли полностью включиться в насыщенное богатыми событиями рабочее движение Франции, в революционную борьбу, руководимую Коммунистической партией, но с каждым днем участвовали в ней все активнее. В Париже — сердце Франции, колыбели первой в мире Коммуны, революционный героизм открылся для меня совсем по-новому.

Меня поразили революционный размах французского рабочего класса, мощное единство, с каким Народный фронт выступал против реакции, — всеобщие забастовки, демонстрации.

К югу от Франции, по ту сторону Пиренеев, испанский народ героически сражался против мятежников Франко.

Париж стал центром, откуда антифашисты разных стран на поездах, самолетами, а позже, после запрета, наложенного тогдашним премьер-министром Блюмом, нелегально переправлялись через Пиренеи на помощь испанскому народу. По всей Франции в знак солидарности со справедливой борьбой испанского народа проходили митинги, демонстрации. Когда я впервые поехал на зимний велодром, где должен был состояться один из таких митингов, и обратился в метро к французу с вопросом, где пересечь, он ответил просто: «Пересаживайтесь и выходите там, где все».

На велодром тогда я попал, но внутрь пробраться не смог. Это самое большое в Париже помещение (на 30000 мест) было переполнено. Тысячи людей заполнили прилегающие улицы и площади. Громкоговорители на домах и уличных

фонарях передавали речи ораторов, в которых звучало настойчивое требование разрешить Испанской Республике приобретение оружия во Франции. Тысячи участников митинга непрерывно скандировали: «Les avions pour l'Espagne!»¹

На одном из митингов Всеобщей Конфедерации труда должен был, по требованию Народного фронта, выступить премьер-министр Блюм², чтобы ответить за свои действия, но говорить ему не дали. Зал потрясло тысячеголосое: «Оружие Испании!» Руководство митингом пришлось взять на себя Морису Торезу. Мне запомнились его мощная, атлетическая фигура и улыбающееся открытое лицо. Торез — совесть французских рабочих — разоблачил политику нейтралитета и подчеркнул, что блокада Испанской Республики является преступлением. Он требовал оружия и самолетов для Испании, чтобы испанские рабочие и крестьяне могли разгромить мятежников Франко, которых Муссолини и Гитлер с избытком снабжали вооружением.

Говорилось о том, что борьба против фашизма в Испании — дело всего прогрессивного человечества.

В заключение митинга все присутствующие пели «Марсельезу» и «Интернационал».

Возвращаясь домой, рабочие в вагонах метро пели революционные песни.

Вскоре я завязал переписку с К. Дирбе и Я. Лейманисом — руководителями выходившей в США рабочей газеты «Strādnieku Cīņa» («Борьба рабочих»). Я и не предполагал тогда, что в Испании, а позднее и во французских концентрационных лагерях их помощь окажется своевременной и необходимой нашей латышской группе.

Условиями работы Коммунистической партии в фашистской Латвии живо интересовались французские коммунисты и прогрессивная интеллигенция. В памяти сохранилась встреча с Роменом Ролланом в клубе, носящем его имя, где нас просили рассказать о революционном движении в Латвии. Ромену Роллану тогда было 70 лет. Он слушал нас с таким живым интересом, что пришлось рассказывать несколько часов.

В ноябре и декабре 1936 года в одиночку и небольшими группами прибывали борцы из Латвии, намеревавшиеся отправиться в республиканскую Испанию. Первыми явились

¹ Самолеты для Испании (франц.).

² В президиуме от социалистов были Блюм а другие, от коммунистов — М. Кашен, М. Торез, Ж. Дюкло и другие.

Борис Цинис и Александр Тройслит; позже приехали стекольщики Альберт Спалан, Михаил Тихомиров и Янис Ванаг. В январе 1937 года приехали моряк Эмиль Кемпе, актеры Художественного театра Эдгар Екабсон и Адольф Акис. Это были последние латыши, уехавшие в Испанию легально, по железной дороге.

Следующей группе коммунистов члену Лиепайского городского комитета партии Фрицису Пуце, секретарю ЦК КСМЛ Карлу Розенбергу, Рудольфу Шмидту и другим пришлось уже нелегально преодолевать Пиренейские горы, чтобы попасть в Испанию. Проездом из Чехословакии в Испанию у нас побывали Михаил Шварц и Абрам Барон. Об их дальнейшем пути позаботилась Коммунистическая партия Чехословакии. Мишу я знал с 1929 года по совместной работе в пропагандистской коллегии Рижской городской партийной организации.

Мы старались, чтобы товарищи перед отъездом из Парижа успели познакомиться с достопримечательностями города: с Пантеоном, где похоронен Жан Жорес, с кладбищем Пер-Лашез, где покоятся коммунары, с площадью Бастилии и расположенным там музеем революции. Обязательным было посещение Лувра и многих других примечательных мест. Мы с Ароном Липкиным, и по нашему собственному мнению, и по отзывам отъезжавших товарищей, стали заправскими гидами.

В начале апреля 1937 года и я заявил о желании ехать в Испанию.

По дороге в Испанию

В одном из кафе в предместьях Парижа нашу группу в 20 человек разбили на маленькие группы, и мы полулегально как туристы в сопровождении французского гида шагаем на станцию. Едем в Бордо, чтобы оттуда или из какого-либо порта поменьше морским путем добраться до республиканской Испании. Располагаемся в гостинице. Выясняется, что избранный маршрут надо менять: некоторые товарищи были задержаны на этом пути. Нас маленькими группами размещают в окрестностях Бордо. Меня вместе с Ароном направляют в небольшой городок на берегу реки Дордонь, в красивой местности километрах в 25 от Бордо. Кафе — двухэтажный домик, в котором мы остановились, — находится на окраине города, хозяин его коммунист. Нам отводят комнату на верхнем этаже.

В гости к нам пришел со своей женой секретарь местной партийной организации Коммунистической партии Франции; мы рассказали им о жизни и борьбе латвийских рабочих.

Отпраздновав Первомай, прощаемся с этими сердечными товарищами. Теперь нам от берега Атлантического океана надо добраться к Средиземному морю. Едем в Каркассонн, а оттуда через несколько дней по проселочным дорогам автобусами отправляемся в Перпиньян. Дальнейший путь мы должны проделать пешком. Ночуем недалеко от подножия Пиренейских гор, в каком-то сарае, отдыхаем. Это наш последний вечер во Франции. Еще раз проверяем рюкзаки: не слишком ли тяжелы. Нам советуют взять с собою лишь самое необходимое. За одну ночь надо перейти французскую границу, преодолеть Пиренейские горы и с рассветом ступить на испанскую землю. В нашей группе около 20 человек разных национальностей — англичане, американцы, немцы и другие. После краткого инструктажа мы отправляемся в путь, соблюдая небольшие интервалы. Наш проводник хорошо знает местные условия и каждую горную тропку. У подножия горы — широкая долина. Ее пересекает дорога, по которой на машинах и мотоциклах обычно ездят пограничники. Кое-где приходится ползти по-пластунски. Ноги промокли. Вот проводник поднял руку — мы ложимся в канаву. А затем по одному, перебежками, как в наступлении, вперед! Укрываемся в горах. Здесь чувствуем себя уверенней. Проводник просит прибавить шаг. Надо быть очень внимательным, чтобы не свалиться в ущелье или не выйти на открытые гребни, которые пограничники время от времени освещают прожекторами. Проводник хорошо знает все опасные места, иногда он просит нас на минуту остановиться, переждать, пока луч света скользнет в сторону и можно будет идти дальше. Приходится преодолевать и горные потоки. Вода ледяная, дно каменистое. Подвернув брюки, бредем, едва удерживаясь на ногах под напором сильного течения. Вокруг темная ночь. Тропинки еле видны. Малейшая невнимательность и скатишься в ущелье.

Поднимаемся все выше, все ближе к границе. Некоторые устали, хотели бы остановиться, передохнуть, но проводник торопит. Скорее! Кто повыносливее, взваливает на себя рюкзаки уставших товарищей, и мы продолжаем путь. Тяжело всем, ведь среди нас нет альпинистов. Холодно. Показался снег.

Надо подтянуться, еще и еще раз подтянуться.

На рассвете мы увидели вдали небольшой каменный домик испанский пограничный пост. Становится как-то легче.

Одного уставшего англичанина мы оставляем отдохнуть. Проводник обещает прислать за ним санитаров с носилками.

Наконец мы на пограничном пункте. Первое испытание выдержано! Обнимаемся. Привет, Испания!

Пограничники угощают нас горячим кофе. Немного отдохнув, идем дальше. Дорога ведет вниз, там ждут машины, они отвозят нас в небольшой городок Фигерас.

Располагаемся в старой крепости, сложенной из больших каменных глыб. В помещении прохладно и даже сыро, а за стенами крепости — зной и песок.

Небольшая передышка.

Первые шаги в Испании

После нескольких дней отдыха покидаем крепость. Едем в городок Мадригерас, где бойцы Интернациональных бригад проходят военное обучение. По дороге останавливаемся в столице Каталонии — Барселоне. Здесь только что был подавлен мятеж анархистов. Везде следы уличных боев: опрокинутые трамваи, баррикады, развалины домов. В боях тут принимали участие броневики, танки и артиллерия.

Как это могло случиться?..

В Мадригерасе чувствуем себя как в настоящем военном лагере: здесь собрались антифашисты всех стран, говорят на разных языках польском, французском, английском, немецком, итальянском и многих других. Надо решать, к какой группе нам подключиться. Предлагаю вступить в батальон им. Димитрова, где основной состав славяне.

Обучение проходим за городом, шагаем туда в строгом строевом порядке, поем революционные песни. Многие из наших еще не проходили поенной службы. Окапывание, перебежки, развертывание в цепочку, построение колонной — всем этим надо овладеть хотя бы в основном. Надо освоить пехотное оружие, его материальную часть, теорию и практику стрельбы. Это очень трудно, так как оружия не хватает. В учебных стрельбах на 50 человек приходится всего несколько винтовок старой системы включая берданку¹. Патронов тоже не хватает.

¹ Винтовка Бердана (старой системы), заряжаемая одним патроном.

Всем хочется набить руку в стрельбе. С интересом наблюдаем, как пойдет у новичков стрельба из берданки. Если не прижать ее крепко к плечу, можно заработать основательный синяк. При стрельбе стоя новички, случалось, даже падали — у «стариков» это вызывало взрывы хохота.

Как я уже говорил, из-за недостатка оружия нам мало довелось тренироваться в стрельбе. И тем не менее все мы рвались на фронт.

В середине мая мы выехали в Альбасете. Длинный путь до Валенсии идет вдоль берега Средиземного моря, по красивейшим местам Испании, по ее апельсиновым рощам. Испанские крестьянки несут к поезду большие корзины с ярко-желтыми блестящими сочными плодами. Поезд замедляет ход. Испанки буквально засыпают нас апельсинами.

На остановках нас приветствуют рабочие и молодежные делегации. Митинги, овации. Лес поднятых кулаков. Звучат возгласы: «Salud!» «No pasaran!»¹

Какая-то бабуся, запыхавшись, подбегает к товарищу, стоящему рядом со мной, и подает ему большое старинное ружье кремневку со словами: «Бери, сынок! Смерть фашистам!» Трудно передать восторг, радость народа в связи с прибытием интернационалистов, решивших сражаться вместе с сынами Испании против ненавистного франкистского режима.

В Валенсии поезд делает остановку на несколько часов. Мы можем осмотреть этот красивый город, залитый южным солнцем, его стройные здания, сады и парки.

На следующее утро мы уже в Альбасете.

В Альбасете

Провинциальный город Альбасете с населением около 70 тысяч жителей был базой Интернациональных бригад.

Здесь проводилась перегруппировка добровольцев — по роду оружия и специальностям. Сюда же прибыли противотанковые орудия. Для них нужно подготовить расчеты, поэтому был создан учебный противотанковый центр. Обучающихся разделили на три группы: 1-я — романская (французы, итальянцы, бельгийцы), 2-я англо-германская (англичане, немцы, австрийцы), 3-я — славянская (поляки, представители балканских и прибалтийских стран, русские эмигранты).

¹ Привет! Не пройдут! (исп.).

Я в буржуазной Латвии проходил действительную военную службу в команде минометчиков и закончил инструкторские курсы. Поэтому здесь, в Испании, я был зачислен в 3-ю группу Центра, где готовили расчеты противотанковых орудий

Программа обширная, надо овладеть всеми видами пехотного оружия — винтовкой, ручной гранатой, пулеметом и новыми полуавтоматическими 45-миллиметровыми пушками, закупленными в СССР.

Живем в хорошо оборудованных казармах, в бывшем пасадо (заезжий двор). Стараемся соблюдать строгую дисциплину, особенно на военных учениях. Даже в ближайший монастырь, который превращен в столовую для бойцов, идем строем, по трое в ряд.

Лето выдалось особенно жаркое и сухое. Иногда даже в тени термометр показывает 30°. После интенсивных военных занятий под открытым небом здесь, под сводами монастыря, приятная прохлада.

В Альбасете была сформирована первая в Испании многочисленная группа добровольцев из Латвии. Тут были Клаудиус Чиспа (Александр Березин), Арон Липкин, Леон Чернин, Янис Кадикис, Карлис Эмбрик и другие.

Клаудиусу Чиспе присвоено звание «тениенте» (старшего лейтенанта). Он назначен командиром батареи. На другой день ему с батареей предстояло отбыть на фронт в распоряжение генерала Лукача.

Но утром 12 июня мы получили сообщение о смерти генерала Лукача. Он погиб накануне от вражеского артиллерийского снаряда. Скорбим, клянемся отомстить. Отъезд откладывается.

Пять батарей с тремя орудиями в каждой отправились на фронт. Командиром орудия 4-й батареи был назначен Соломон Стекол.

Командир батареи, инженер Чиспа, закончил командирские курсы Красной Армии. Своими знаниями, инициативой, решительностью он завоевал в Испании непререкаемый авторитет еще во время учений. Каждую поставленную задачу он не только разъяснял, но и практически показывал. В основном расчеты батареи составляли словены. Расчетом 1-го орудия командовал студент из Югославии Латинович; расчетом 2-го орудия — Креманович; расчетом 3-го — Я. Палкавниек.

17 июня общее собрание батареи избрало своим политдепутатом Бранко Кремановича.

Вечером, после общего собрания батареи, я собрал орудийный

расчет. Обсудили положение на фронтах. Меня выбрали старостой группы. Я высказал мысль, что и наш оружейный расчет следовало бы назвать именем какого-нибудь выдающегося революционера. Обсудив несколько предложений, мы единодушно остановились на имени революционного поэта коммуниста Леона Паэгле. Вскоре вышел наш боевой журнал в несколько страниц, отпечатанных на шапирографе. Здесь отражалась внутренняя жизнь батареи, говорилось о наших политических и боевых задачах и обязанностях.

Мы прослушали несколько лекций по теории артиллерийской стрельбы; обучались подготавливать боевую документацию, оборудовать наблюдательные пункты, рисовать схемы местности, рыть окопы.

За время учений мы успели немного познакомиться с жизнью города. Удалось посмотреть бой быков.

От Михаила Шварца, который навестил нас по пути с фронта, мы получили точную информацию о сражениях под Мадридом. От него мы узнали о гибели Эдгара Екабсона и Адольфа Акиса.

Удалось также встретиться с Жанисом Фолманисом и Беньямином Куром. С Куром я попал в политохранилище в буржуазной Латвии, а затем сидел в тюрьме; повидали мы и других наших товарищей из подразделений тяжелой артиллерии. Это были очень теплые встречи, какие могут быть только вдали от Родины перед большими сражениями.

В ночь на 6 июля едем на вокзал, чтобы отправиться на Мадридский фронт. В нашем арсенале выданные нам орудия и два (!) снаряда. Погружаем орудия и все остальное имущество в два товарных вагона и выезжаем в направлении Центрального фронта. Ночью прибываем в городок Темблек. Военное командование выделило нам три автомашины ЗИС — из числа машин, купленных Испанской Республикой у Советского Союза. Утром мы получили приказ выехать в Викальваро. Дорога идет через Аранхуэс (бывшую летнюю резиденцию короля), которую теперь охраняет «Гвардия де Асальто». На отдых останавливаемся в красивом парке Аранхуэса, купаемся в реке, обедаем, а вечером продолжаем путь.

Слышны раскаты артиллерии. По возвышенностям едем с погашенными фарами, чтобы нас не заметили фашисты. Мы недалеко от передовой. Оставив батарею в Викальваро, наш командир уехал в Мадрид, к начальнику артиллерийского управления, где был встречен с истинно испанской любезностью и щедростью — ему подарили легковую машину. Получив

направление в 45-ю дивизию, он отправился в штаб. Там праздничное оживление: дивизия пополнилась двумя Интернациональными батальонами — им. Джуро Джаковича и им. Палафокса. Радовало и назначение, полученное батареей. Нас придали 150-й бригаде имени Я. Домбровского.

Вечером получаем приказ выехать на фронт, едем вдоль берега реки Энарес; на полевом складе боеприпасов, оборудованном в скалах, нам выдают первые артиллерийские боекомплекты: 240 бронебойных и 100 фугасных снарядов. Ночью снова с погашенными фарами выезжаем в Мадрид. Город бомбят, темно, только в небе скрещиваются лучи прожекторов, нащупывающих вражеские самолеты. Вдали вспыхивают ракеты, гремит артиллерия. В автопарке шоферы проверяют новые машины, пополняют запасы масла и горючего.

Наш маршрут к месту сбора частей бригады — Кольменар—Вьехо—Конгосто— идет вдоль передовой линии фронта. Только что кончился налет вражеских бомбардировщиков, с гор еще морзят прожекторы. Кое-где горит лес, подожженный термитными бомбами. Огонь уже перебросился на шоссе, и водители отказываются ехать. Мы вынуждены ждать. Когда огонь стихает, едем дальше. Все сильнее чувствуем дыхание войны. На рассвете проезжаем Мадридское водохранилище. Останавливаем машины. Ребята бегут заполнить посуду прозрачной животворной влагой. Шоферы заливают воду в радиаторы. Уже в Альбасете мы начали понимать, что значит вода. А здесь она ценится еще дороже.

9 июля с восходом солнца мы уже в Конгосто.

Батарее необходима проверка орудий, а нам — небольшой отдых. Наши орудия еще не опробованы. Стволы и затворы не очищены от вазелина. Старые испанские винтовки, которые мы получили лишь по две на каждый оружейный расчет, также не проверены и не пристреляны. Располагаемся вблизи штаба бригады. Ночью фашистская авиация совершает безрезультатный налет.

Когда мы выехали на передовую, в нашей батарее было 38 человек, из них 8 ребят из Латвии.

Брунетская операция

Брунетская операция началась 5 июля 1937 года, в день нашего отъезда из Альбасете. Это было самое крупное с начала войны наступление Республиканской армии. Она имела

на главном направлении наступления 40 тысяч воинов, 94 полевых орудия. 66 противотанковых пушек, 70 танков, 40 бронемашин и 140 самолетов. Мы находились в резерве в нескольких километрах от передовой линии. Во время полтинформации мы узнали, что части нашей армии прорвали вражеский фронт и успешно развивают наступление. Всех охватило радостное волнение и желание поскорее померяться силами с врагом.

Ночью фашистская авиация бомбила наше расположение, но снова безуспешно.

Утром 10 июля, изготовив макеты, мы выехали с орудиями на пригорки провести учебную стрельбу и проверить в действии материальную часть и оптические прицелы.

Кроме меня, практически никто еще не стрелял. Но результаты хорошие: все макеты танков продырявлены противотанковыми снарядами. Пристреляв винтовки, собираемся в обратный путь. Неожиданно прибежал крестьянин и, запыхавшись, сообщил, что на поле, где он работает, по ту сторону пригорка к его ногам с шипением упал снаряд. Нам не верится: ведь все наши выстрелы поразили цели у подножия горы! Бежим на место происшествия — и действительно находим снаряд: пробив макет танка, снаряд, ударившись о скалу, рикошетом перелетел через пригорок.

Это было нам наукой.

Вечером получен приказ: автомашины передать в распоряжение командования. От вернувшихся на следующий день шоферов мы узнали, что в бой брошен батальон им. Гарибальди 12-й бригады. В тяжелых уличных боях он, сражаясь вместе с испанскими частями, занял Вильянуэва-дель-Пардильо; взято в плен более 600 мятежников, захвачено много боеприпасов. Мы пока чувствуем близость фашистов только по их ночным налетам. Продолжаем учения, стараемся сплотить орудийные расчеты. Тов. Чиспа с часами в руках засекает время, проверяя, как быстро мы разворачиваемся на огневых позициях.

12 июля командира батареи вызывают в Конгосто, где тяжелобольной командир бригады им. Домбровского Гераси передал командование бригадой командиру первого батальона Яну Барвинскому, которого все называют Янеком. Тут же Янек сообщил, что фашисты подтянули подкрепления и готовятся к контрнаступлению. Он приказал батарее двумя эшелонами выехать на передовую линию фронта в район реки Гвадаррамы.

В первый эшелон назначен сильный, всегда спокойно улыбающийся Латинович с первым орудием и я со своим третьим орудием. В пути немецкие «хейнкели» два раза совершают налет на нашу колонну. Мы уже научились различать эти машины по гулу и заблаговременно успели укрыться в тени под пригорком; бомбы упали за нами.

Мы на передовой! На наблюдательном пункте узнаем, где проходит передовая линия противника, как расположены его огневые точки. Вначале трудно что-либо разглядеть: лишь очень внимательно приглядевшись и разобравшись в приемах вражеской маскировки, начинаем замечать то, что нам показывают. Вскоре открываем огонь. При приближении фашистской авиации оттаскиваем орудия в укрытия. Вечером даем еще 60 выстрелов и умолкаем. Укрепляемся, укрываем боеприпасы.

Не можем привыкнуть к жаре. Вблизи ни одного колодца, в бинокль видны лужи в пересохшем русле реки Гвадаррамы, но нам и они недоступны, а наши алюминиевые фляги уже давно опустели. Ничего не поделаешь! Надо терпеть. Выставляю боевое охранение орудия, и мы ложимся спать.

На другой день прибывает второй эшелон.

К вечеру третьего дня получаем приказ перейти в распоряжение первого батальона, который расположен недалеко от Баранко-ла-Муэрте (Долина смерти), вправо от дороги на Вильянуэва-дель-Пардильо. Ночью окружным путем (45 километров) добираемся до указанного места — к высоте 640. Это широкое плоскогорье, северную часть которого занимает батальон им. Домбровского. Им командует старший лейтенант Франек. Он указывает нам позиции, а сам ведет батальон в атаку.

Неимоверных усилий стоит перетащить через нагромождения каменных обвалов тяжелые орудия; кое-где приходится чуть ли не с рук на руки передавать их через расщелины. Кроме того, нужно сделать выемки для того, чтобы установить лафет, а каменистая почва не поддастся даже кирке. Боеприпасов тоже еще недостает. А фашисты тем временем переходят в контрнаступление. Враг открывает ураганный артиллерийский огонь. Вокруг рвутся снаряды. Свист снарядов, падение каменных осколков создают адский шум. Наша пехота отступает на исходные рубежи. Командир батальона ранен. его заменяет болгарин Ярымов. Кое-кому из фашистов удастся перебежками приблизиться к нам на расстояние в несколько десятков метров. Вражеская артиллерия переносит

огонь глубже в наш тыл. Невзирая на огонь, мы расстреливаем вражеские ряды прямой наводкой из всех наших орудий. Это не так-то просто: после каждого выстрела лафет выскакивает из каменистого ложа и его приходится водворять на место. И у нас и у пехоты кончаются боеприпасы. Подносчики торопятся. У нас еще есть патроны, но на восемь бойцов всего две винтовки. В броневой щит орудия со звоном ударяются винтовочные и пулеметные пули. Бойцы то здесь, то там запевают «Интернационал». Держим наготове ручные гранаты. кое-где уже завязались рукопашные схватки. Тут подошли боеприпасы. Наш огонь усиливается. Попадания меткие. Под артиллерийским и пулеметным огнем в рядах врага начинается смятение, он отступает.

В этот момент с орудием приключилась беда. Негабаритный снаряд застрял в стволе, и мы не можем закрыть затвор. Чем глубже заталкиваем снаряд, тем прочнее он застревает. Приказываю Эмбрику банником и киркой выбить снаряд обратно через ствол. Старый морской волк, нисколько не растерявшись, выполняет приказ под огнем противника и выбивает снаряд. Продолжаем сокрушать бегущего врага.

Первый серьезный бой мы выдержали с честью. Ночью батальон им. Домбровского вместе с подошедшим франко-бельгийским батальоном переходит в наступление, занимает Долину смерти на правом берегу Гвадаррамы.

Утром 16 июля — тревога. Снова отбиваем контратаку. Наши первые раненые — Михаил Чемазар и стрелок моего орудия Виктор Фейгин из Эстонии — остались в строю.

17 июля фашисты, подтянув подкрепления, непрерывно атакуют, но мы отбиваем их атаки. Около десяти часов утра начинается массированный налет фашистской авиации. Над головами кружат немецкие «юнкерсы» и «мессершмиты». Вокруг рвутся авиабомбы, одна из них падает почти рядом с нашим орудием. Воздушной волной подняло орудие и перевернуло его колесами кверху. Мы сами отделываемся легкими контузиями.

После полудня вслед за ураганным артиллерийским огнем фашисты и марокканцы на участке батальона им. Палафокса с криками идут в психическую атаку. Мы подпускаем их на расстояние 50—100 метров и открываем огонь из всех видов оружия. Берем пленных. Подбито несколько фашистских танков и танкеток. Но и мы понесли первые тяжелые потери. Разрывной пулей тяжело ранен в левую руку командир развед-

группы. Вечером погиб боец расчета первого орудия словен Иван Беронич из Канады.

18 июля в небе над Брунете мы наблюдали воздушный бой. Наши истребители стремительно атаковали бомбардировщиков и истребителей интервентов. Иногда в таких боях принимало участие до 50 и более самолетов. Мы видели, как за падающими самолетами интервентов тянулись длинные клубистые шлейфы дыма и огня.

Приказом по бригаде 19 июля нам придают противовоздушную батарею. Вечером получаем приказ перейти на новые позиции. На рассвете 20 июля располагаемся в 800-900 метрах от левого берега реки Гвадаррамы. Днем нас инспектирует советник артиллерии 18-го корпуса, осматривает позиции, секреты, состояние орудий, размещение боеприпасов, наблюдательных пунктов. Получаем благодарность за проведенные бои и за правильную дислокацию. С наступлением темноты зарываемся и укрепляем орудийные позиции.

Фашистские контратаки утихают. На нашем участке наступает тишина.

28 июля вечером получаем приказ переместиться в резерв, недалеко от штаба бригады.

В непрекращающихся, непривычных сражениях мы переутомились. Порцию вина, получаемую по утрам вместе с кофе, мы не умеем, как испанцы, растянуть на весь день. Они, выпив глоток вина, долго держат его во рту, не проглатывая, или пьют очень тоненькой струйкой из бутылки.

Тяжелые бои закалили нас и сплотили в единый интернациональный коллектив. Мы готовы, если нужно, отдать друг за друга жизнь. Приучились спокойно воспринимать налеты авиации, грохот танков и артиллерии. По свисту снарядов легко определяем, будет перелет или недолет; по жужжанию винтовочных и пулеметных пуль — направление их полета. Вражеские выстрелы становятся для нас ориентирами при определении огневых точек врага и прицельной стрельбы по ним. Мы уже не те, какими были в первые дни выхода на передовую: теперь мы закаленные бойцы с солидным боевым опытом.

Днем в батарею присылают пополнение из 9 человек — 6 испанцев, 2 поляка и один украинец. Распределяем их по орудийным расчетам. Комиссаром батареи утвержден Бранко Креманович.

31 июля нам выдают винтовки и ручные гранаты. Наконец-то мы все вооружены! Я получаю малый испанский карабин.

Вечером нам приказывают выехать в Вильянуэва-де-ла-Каньяда, в распоряжение французского батальона. Прибываем ночью, в непроглядной тьме. Хоть и коротки в разгар лета испанские ночи, но они так темны, что, подняв руку, собственной ладони не увидишь. Пахнет гарью. Расставив посты, валяемся, утомленные, прямо на землю. Надо выспаться! Лишь на рассвете обнаруживаем, что провели ночь среди трупов фашистских солдат.

Утром осматриваем городок. Он сильно пострадал: кое-где еще дымится развалины. Разместив орудия, мы расположились в булочной, в которой огромный погреб. Во дворе глубокий колодец — будет вода! Приводим в порядок водочерпалку и зачерпываем; радость оказалась преждевременной: колодец засорен. Очищаем его, чтобы иметь воду хотя бы для умывания и стирки белья. Погреб служит нам хорошим, прохладным и приятным убежищем во время налетов. Пока мы во втором эшелоне. У нас много свободного времени, и мы помогаем испанским бойцам убирать пшеницу и большой желтый горох «гарбанзо». Изучаем испанский язык. Регулярно обсуждаем вопросы международного положения — в этом нам, латышской группе, надо ориентироваться самим, так как комиссар слабо владеет русским языком. Иногда к нам попадают французские газеты, тогда Арон, наш полиглот, читает ее вслух всему расчету.

Почти каждый месяц от латышей в Америке получаю то газету, то посылку с продуктами и сигаретами. Я отвечал им «корреспонденциями с поля боя». Позже это стало обязанностью Яниса Кадикиса.

В первых числах августа получили пополнение — 19 бойцов. Среди них — десять словенов во главе с Рудольфом Штейнбергом, участником Октябрьской революции, и латыши — Янис Волков и Вольдемар Бржозовский (Витол).

6 августа происходит реорганизация батареи. Ее делят на взводы. Командир батареи — Клаудиус Чиспа, комиссар — Бранко Креманович.

В расчете первого орудия имени Леона Паэгле теперь девять латышей и один голландец.

8 августа на смену нашим первому и второму батальонам пришли батальоны имени Джуро Джаковича и отдельный батальон 45-й дивизии. Мы остаемся в обороне и продолжаем укрепляться. Ночью батальонные саперы протягивают несколько рядов проволочного ограждения. Углубляем окопы.

15 августа 69-я испанская бригада сменяет батальоны

нашей бригады. 20 августа прибываем в Альбасете. Оттуда едем дальше, в Каспе на Арагонском фронте.

Оценивая в целом бой под Брунете, надо признать, что это было самое значительное наступательное сражение республиканцев за первый год войны. Во время Брунетской операции противник был вынужден перебросить сюда с Северного фронта около 30 батальонов пехоты, всю свою авиацию и много военной техники, что дало возможность передышки республиканской Северной армии, находящейся в тяжелом положении. Если все прежние бои противник навязывал нам, то большое июльское наступление Республиканская армия развивала по своей инициативе, ведя внезапные наступательные бои. Здесь сражалась новая, в ходе войны родившаяся Народная армия.

Сарагосская операция

Чтобы облегчить положение республиканцев на севере, у Сантандера и в Астурии, командование предприняло наступление на Сарагосу — столицу Арагона, вынудив фашистов снять часть своих сил с Северного фронта.

Для Сарагосской операции Народная армия сконцентрировала 25 пехотных бригад, 3 кавалерийских полка, 126 полевых орудий, 140 самолетов и 69 танков.

23 августа наша батарея получила пополнение из 9 человек: пяти словенцев, четырех поляков и двух испанцев. Вечером выехали на фронт.

Дивизия выделила моторизованную ударную группу, в которую вошли батальоны им. Домбровского и им. Палафокса, артиллерийская батарея Славянского интернационального дивизиона и два противотанковых орудия — мое и Дойча. Вся ударная группа подчинялась капитану Яну Ткачеву. Прикрывать наступление должна была бригада им. Гарибальди, но она еще не прибыла.

Перед нами стояла задача — прорвать фронт и двигаться к Сарагосе. Мы закрепили орудия на машинах, обложили их мешками с песком. Я беспокоился, как стрелять с машин, особенно бронебойными снарядами с их большой отдачей? Не взлетит ли на воздух шофер вместе с кабиной? Может быть, лучше взять орудия на прицеп?

И вот в воздухе показывается вражеский самолет-разведчик. С рассветом, заметив нашу моторизованную колонну, фашисты открывают артиллерийский огонь. Чтобы выйти из-под прямого обстрела, сворачиваем с дороги, замаскировываемся и ждем. Наконец выясняется, что батальоны 12-й бригады им. Гарибальди в ночном переходе по ошибке отклонились вправо и потеряли связь с дивизией. Момент, выгодный для наступления, упущен, поэтому атака отменяется, и мы возвращаемся в распоряжение своей бригады.

Вечером получаем приказ выехать в направлении Вильямайор-де-Гальего. Местность гористая. Камни, только камни...

На рассвете 25 августа я устанавливаю первое орудие в расположении франко-бельгийского батальона; слева от меня — Дойч. Вскоре открываем огонь по позициям фашистов и по их пулеметным гнездам.

В ночь на 26 августа батальоны им. Домбровского и им. Палафокса, обойдя долиной укрепленные вражеские пункты, проникли километров на десять в глубь тыла противника к Вильямайор-де-Гальего, в нескольких километрах от Сарагосы. Наши захватили много пленных.

Наступление вызвало панику в фашистском гарнизоне. Попав в окружение, оба республиканских батальона после двухдневных боев прорвались обратно.

На рассвете 26 августа остальные три батальона бригады при поддержке нашей батареи переходят в наступление. Справа наступает бригада им. Гарибальди, слева — испанские части. Удачным обходным маневром взламываем вражескую оборону и занимаем несколько высот, опоясанных окопами. Вечером передислоцируемся. Для более действенной поддержки пехоты нам приходится часто менять позиции. Тем самым мы и противника вводим в заблуждение: лишаем его возможности определить численность наших орудий.

Не помню, кого из наших ребят, ответственных за боеприпасы, осенила мысль приобрести «бурро» (ослика). Наш старый, седой бурро необычайно сообразителен, и здесь, а горах, он оказался незаменимым подносчиком боеприпасов. Два тяжелых, груженных снарядами ящика на спине — для него сущие пустяки. Кроме того, он прекрасно ориентировался на местности: где хоть раз побывал, туда пройдет даже в самую глухую ночь по самым узким горным тропинкам. Не видишь дороги — держись за его хвост! Если где произошел обвал — бурро, чтобы не упасть в ущелье, сперва пощупает копытом, надежен ли грунт, и только тогда ступит ногой на землю;

задние ноги он осмотрительно ставит на следы передних. Добрый старый бурро...

Усиливаются налеты вражеской авиации. Падают бомбы, нас обстреливают из пулеметов. Два фашистских самолета, — то ли спасаясь от огня наших зенитных орудий, то ли по другой причине — столкнулись в воздухе, загорелись и, объятые пламенем, упали. Один летчик успел выпрыгнуть с парашютом. Это был командир эскадрильи, и мы взяли его в плен.

Батальон им. Джуро Джаковича при поддержке моего орудия захватил хорошо укрепленную, окруженную окопами высоту. От нее начинается широкое плато. Чтобы установить орудие на этой высоте, потребовались усилия всего расчета. Опясываемся брезентовыми поясами, которые привязываем к лафету и колесам, и тащим, толкаем, поднимаем орудия через камни. Над головой рвется шрапнель. Едва только мы преодолели высоту, фашисты при поддержке четырех танкеток переходят в контратаку. Командиры нашего пехотного подразделения ранены; пехотинцы, оглушенные гулом танкеток шрапнельным и пулеметным огнем, начинают отходить. Мы помочь не можем: у нас нет боеприпасов, мы еще не успели перенести их на высоту. С большим трудом Чернину, Эмбрику и мне удается перетащить орудие обратно, на прежнюю позицию. Рвущиеся кругом снаряды производят в ущелье страшный шум. Разрывом снаряда я контужен. В ушах жужжит, ничего не слышу.

Располагаемся на старых позициях. Командир батареи что-то говорит мне. Я думаю, что это новый приказ и невпопад отвечаю: «Будет выполнено». Никто еще не понимает, что со мною случилось. Прошу Чернина, чтобы он прокричал мне в ухо то, что сказал Чиспа.

В этот день орудия сделали почти по 200 выстрелов каждое.

Прямым попаданием в командный пункт батальона тяжело ранен командир югослав Бауман, контужен комиссар Стефан Велич.

29 августа продолжают ожесточенные бои. Враг подтянул подкрепления и с самого утра открывает сильный артиллерийский огонь по всему участку. Слева от нас героически сражаются бойцы испанских подразделений. Они идут в атаку во весь рост! На фронте они впервые, поэтому не хотят окапываться и не подчиняются командам «ложиться», «перебежками».

Много убитых и раненых.

Лощину и ущелье, по которым проходит дорога к складу

боеприпасов, фашисты держат под непрерывным пулеметным и артиллерийским огнем. Начинаем ощущать нехватку боеприпасов.

Надо засечь фашистский пулемет. Слева высокая возвышенность, с которой наверняка можно разглядеть пулеметное гнездо. Пытаюсь взобраться на гору. Уже немного осталось до вершины, но внезапно получаю сильный удар в голову и в челюсть. Чувствую, что истекаю кровью. Подбегает Чернин и помогает спуститься вниз. Мне оказывают первую помощь, кладут на носилки.

О том, что произошло в батарее, пока я находился в госпитале, могу рассказать только по материалам А. Березина.

Командиром орудия вместо меня Чиспа назначил Леона Чернина.

Утро 30 августа началось ураганным артиллерийским огнем врага. Снаряды с дистанционными трубками и шрапнель рвались над головами наших бойцов. Шрапнелью тяжело ранило в бедро Чернина. Командование орудием принял Волков, которого затем утвердили командиром. Тяжелые потери понес и батальон им. Джуро Джаковича: в строю осталось всего около 30 бойцов. Его сменило подразделение 97-й испанской бригады карабинеров. Поддерживаемое орудием Волкова, оно перешло в контратаку. Волкова легко ранило, но он отказался эвакуироваться.

Вечером наша батарея получила из испанской части 70-миллиметровую горную пушку, шутливо прозванную «Белла Берта»¹.

Теперь батарея могла вести прицельный огонь по врагу, засевшему в горных ущельях и по укрытиям.

Такие же ожесточенные бои продолжались и в последующие дни. Наша артиллерия открыла огонь по окопавшимся фашистским танкам, да так, что орудийные стволы перегревались.

Тяжелые бои, бессонные ночи, когда приходилось доставлять боеприпасы и закрепляться на новых позициях, переутомили людей. Но и фашисты на этом участке, как видно, исчерпали силы и прекратили атаки.

В этих боях орудийный расчет им. Леона Паэгле находился на самых трудных участках фронта. В условиях гористой местности то и дело приходилось перебрасывать орудие и боеприпасы из расположения одного батальона в расположение

¹ «Прекрасная Берта» (исп.).

другого, а также поддерживать героических испанских карабинеров. Все это требовало от каждого бойца огромной выдержки.

3 сентября нашу бригаду, переименованную в 13-ю, сменили испанские части. Батарею отвели к Сампер-де-Каланде.

Суровые бои шли к юго-востоку и югу от Сарагосы. 35-я дивизия генерала Вальтера заняла сильно укрепленный город Кинто.

6 сентября 35-я дивизия вместе с испанскими частями под командованием генерала Вальтера заняла после упорных боев город Бельчите. защищенный железобетонными укреплениями. Наша армия взяла в плен около 1500 мятежников и захватила большое количество военной техники.

7 сентября Чиспа вместе с командиром бригады Янеком выехал в штаб командира 5-го корпуса Модесто, расположенный неподалеку от Бельчите. Для подготовки к возможным контратакам противника командование армии и прибывшие командиры частей выехали на рекогносцировку местности. Командиров ознакомили с ходом всей операции по взятию города; с ними была Пасионария. Она приехала, как часто делала это, чтобы узнать о положении на этом трудном участке фронта и чтобы подбодрить бойцов.

Хотя Сарагосской операцией и не удалось осуществить все задуманное, но она частично облегчила положение наших войск на других фронтах. Победы у Кинто и Бельчите доказали, что Народная армия может и умеет успешно вести наступательные бои.

Под Уэской

На берегу Средиземного моря в тихом городке Беникасиме, окруженном пальмами, мои раны быстро зажили. Пуля, застрявшая между легкими и позвоночником, меня не беспокоила. Надо было решать, куда ехать. Я получил два письма. Михаил Шварц предлагал ехать к нему в Посорубио, в школу комиссаров. Чиспа звал обратно к себе: в батарее нехватка кадров. Решил вернуться в батарею. 22 октября я снова среди старых боевых товарищей, в расчете им. Леона Паэгле. Батарея вместе с бригадой только что прибыла после наступления на Фуэнтес-де-Эбро и находится в резерве.

Чиспа и комиссар Штейнберг созывают совещание. По предложению комиссара 13-й бригады С. Матуцака батарее

присваивается почетное название имени Антони Коханека, героического командира батальона им. Домбровского, погибшего при обороне Мадрида в январе 1937 года.

В ночь на 24 октября выезжаем в Бинефар и дальше в Бинасед. Здесь, недалеко от штаба бригады, Чиспа расположил зенитный взвод «Эрликон» для охраны от вражеских воздушных налетов. Мы, расчеты противотанковых орудий, располагаемся в близлежащем имении.

5 ноября перебазировались ближе к фронту у города Уэска и переходим в распоряжение 141-й бригады. Наступает период дождей. Сельские дороги развезло, на глинистых склонах они совсем размыты. С огромным трудом устанавливаем орудия; орудие командира Кавы — у кладбища на возвышенности под Уэской. Орудие командира Пшездецкого — справа, у проселочной дороги на Уэску. Третье орудие, командира Эмбрика. — у шоссе Сарагоса—Уэска. против города Альмадовара. Таким образом, каждое орудие придавалось одному из батальонов. Штабы батальонов расположились несколько поодаль от передовой.

С наблюдательного пункта у железнодорожной насыпи просматривается дорога в расположение противника. Наблюдатели подсчитывают, сколько фашистских машин проехало по ней за день. Вражеская линия фронта близко, но кругом непривычная тишина.

Это необычный фронт. Передовая вьется по широкой равнине. Укрепления сооружены из мешков с песком, а в отдельных местах это просто насыпь. Ходы сообщений залиты водой. Чтобы добраться до передовой, надо кое-где идти открытым полем, на виду у противника. В дождливые дни только посты укрывались за мешками с песком; остальные бойцы оставались в землянках и палатках.

С нашего наблюдательного пункта замечаем, что фашисты заняты оборонительными работами. С каждым днем их передовая приближается к нашей. Мы хотели непосредственно с наблюдательного пункта открыть из винтовок огонь по фашистам. Но этому воспротивились бойцы испанского батальона, из-за чего у Витола и Волкова возник с ними конфликт.

В этом батальоне хозяевами положения были анархисты. Они не позволили нам открыть огонь: мол, в ответ начнут стрелять и фашисты, тогда не будет никакой возможности пробраться на передовую, даже обед доставить никто не сможет. Вот если бы фашисты перешли в атаку, — тогда другое дело, тогда, пожалуйста, стреляйте хоть из пушек!

Когда же в один из дождливых дней вражеская пуля ранила испанского бойца, полетели отменные ругательства за нарушение неписаного договора. Многие анархисты считали, что в дождь вообще воевать невозможно.

1 декабря нас сменила противотанковая батарея бригады им. Гарибальди, а 5 декабря мы вместе со своей бригадой снова прибыли на фронт южнее Уэски. У штаба бригады Чиспа размещает зенитчиков старшего лейтенанта Селихара.

Чиспа, Кава, Пшездецкий, водитель Карл Вейхманис и я едва не въехали в расположение фашистов. Часовой на повороте дороги отошел с поста; заграждения (козлы) оказались сдвинутыми, мы их не заметили и промчались мимо. То ли тишина вокруг, то ли интуиция вовремя подсказали нам, что надо повернуть.

Орудия Кавы и Пшездецкого расположили в секторе Суэры, а третье орудие, Эмбрика, — напротив монастыря Санта-Китерья. «Берту» Родека установили в горах, против города Альмадовара.

На фронте сравнительно тихо. Залетающих сюда фашистских воздушных пиратов прогоняют наши зенитчики. Однажды случилась серьезная неприятность. Над штабом нашей бригады появилась эскадрилья фашистских бомбардировщиков. Зенитчики, ведя непрерывный огонь, переоценили прочность пушечных стволов. Оба «эрликона» вышли таким образом из строя.

С хорошо замаскированных, выдвинутых вперед наблюдательных пунктов мы контролируем каждое движение врага, на схемы наносим их пулеметные гнезда, ходы и другие ориентиры. Особенно хорошо это получается у Витола, его красочные схемы, как картины, на которых любой вражеский объект ясно виден, обозначено и расстояние. Наш систематический прицельный огонь полностью парализовал движение фашистов.

Наши орудия каждый день беспощадно обрабатывают позиции противника, особенно хорошо работает старая «Берта».

Холод по ночам пробирает до костей. Иногда по утрам бывают заморозки, а на воде появляется ледяная корка; здесь в тени гор она не тает почти весь день.

В ночь с 22 на 23 декабря нас и бригаду сменяют испанские части. Уезжаем на отдых.

Провели учения. 5 февраля из Альканьис поездом отправляемся на далекий Эстремадурский фронт.

В Эстремадуре

8 февраля на одной из станций к нашим вагонам подошел паренек лет шестнадцати. Он представился нам и стал горячо умолять, чтобы ему разрешили ехать с нами: отец его уже на фронте, мать — прачка. Паренек так просил, что мы не в состоянии были его отговорить.

9 февраля мы покинули свои вагоны и расположились в районе станции. Здесь частично на базе нашей 13-й бригады им. Домбровского организуется 129-я Интернациональная бригада. Командиром ее утвердили Вацлава Комара, командира батальона им. Домбровского. Комиссаром батальона им. Масарика, входящего и новую бригаду, назначен рижанин Гинцбург, которого я знал по партийной работе в Латвии. Комиссар роты пулеметчиков А. Барон из Даугавпилса безмерно счастлив, что вырвался наконец с тыловой работы из Альбасете на фронт. Все это мы узнали, когда приехали к ним в гости вместе с Липкиным. Это была наша последняя встреча, в арагонских сражениях Гинцбург и Барон погибли смертью героев.

11 февраля выезжаем в Белалькасар. Здесь в наши ряды вливаются товарищи из Латвии: активный член КП Латвии Сергей Поташов из Даугавпилса, член международной профсоюзной организации моряков и портовиков Александр Тимме и другие.

Я подхватил ангину, поэтому на день раньше остальных выезжаю на новое место сбора.

Красивые белые домики, гостеприимные жители — все это согревает сердце. Здесь чувствуешь себя как дома. Принимают везде доброжелательно. Устраиваюсь у местного учителя, он обещает сделать все возможное, чтобы я скорее поправился и хорошо отдохнул. Мы становимся сердечными друзьями.

Так принимали везде. Заходи в любой дом — будешь желанным гостем; испанские труженики охотно делились с нами последним куском хлеба, ни за что не соглашались принимать от нас деньги. Мы приноровились оставлять деньги незаметно или насильно запихивали в карман.

Утром 14 февраля прибыла батарея. Мы начали прокладывать дорогу, чтобы подвести орудия в ближайшую деревню Пераледу — предполагаемый исходный рубеж наступления. 15 февраля в семь часов вечера Чиспу вызвали на совещание в штаб бригады, и через час мы получили приказ ночью

занять позиции на высоте вправо от дороги, идущей в Гранхаде-Торреэзмоса.

Командование 45-й дивизии, готовясь к наступлению, сформировало группировку «А» под командованием Яна Барвинского — командира бригады им. Домбровского, дополнив эту группировку 249-м и 252-м батальонами 63-й испанской бригады и 423-м батальоном 106-й испанской бригады. Всего в группировку вошло семь батальонов. Сменив испанские части и преодолев три километра по топкой долине, через которую протекает небольшая речушка, они начали наступление, застигнув врага врасплох. Батальоны им. Палафокса и им. Мицкевича заняли высоту Сьерра-Асебуче, а батальон им. Домбровского вместе с венгерским батальоном — высоту Сьерра-Кемада. Было захвачено более ста пленных. С нашей стороны потерь не было.

Чтобы и в дальнейшем поддерживать наши атаки, на рассвете приходят бронемашины. Из-за плохой дороги они не могут преодолеть долину. Одна машина увязла. Мы же со своих нынешних позиций не в силах поддержать дальнейшее продвижение батальона.

Около десяти часов получен приказ Чиспы перебазироваться. Прицепив орудия и машины и погрузив боеприпасы, шаг за шагом, иногда подталкивая орудия руками, добираемся до подножия высоты. Отцепив пушки, отправляем машины обратно, чтобы вражеская артиллерия не разбила их. По узким тропкам поднимаем орудия в гору. Мы подоспели в самый последний момент. Не успели еще оборудовать свои позиции, как на нас и пехоту обрушивается шквал огня, рвутся мины и снаряды; затем появляются танкетки. Враг, собрав силы, начал контратаку и направил главный удар на наш правый фланг — против выдвинутой далеко вперед за Сьерра-Асебуче первой украинской им. Тараса Шевченко роты батальона им. Палафокса. Через ущелье прорвался марокканский кавалерийский полк — до тысячи кавалеристов. Они обходят батальон им. Палафокса и батальон им. Мицкевича. Отражая фронтальный удар, мы не можем сразу переместить орудие на правый фланг.

Завязывается ожесточенный бой. Батальон им. Мицкевича окружен с трех сторон. Над нашими головами и батальоном им. Домбровского пули стали лететь из тыла нашего правого фланга. Справа от меня убит испанский товарищ, слева ранен наблюдатель. Я остался невредим. Марокканская кавалерия прорвалась на Сьерра-Кемада, в тыл нашего правого

фланга, а мы с этой же горы, поддерживая батальон им. Домбровского и венгерский батальон, отражаем фронтальную атаку. Товарищ Чиспа, заметив прорывающуюся вражескую кавалерию, открывает огонь из орудий второго взвода. Только исключительное хладнокровие и смелость позволили, несмотря на превосходство вражеских сил, остановить атаку. Противник выбит из ущелья и понес большие потери.

Но мы тоже тяжело пострадали. Вся, до последнего бойца, погибла рота им. Тараса Шевченко. Заметно поредели ряды батальона им. Мицкевича и батальона им. Палафокса.

После полудня фашисты вновь переходят в контратаку. При нашей поддержке пехотный батальон им. Домбровского и венгерский батальон отбивают ее и захватывают пленных.

Под вечер обращаюсь к командиру венгерского батальона «Чапаеву» (Михаил Салваи) за дальнейшими указаниями. «Чапаев» отвечает: «Ждем распоряжения командира бригады». По его интонации догадываюсь, что придется отступить. Возвращаюсь на высоту и приказываю тащить орудия вниз, к подножию. Вернувшись в батальон, уже не застаю командования. Арьергард, прикрывающий отступление, уничтожает боеприпасы, чтобы не оставлять их фашистам.

Вокруг темно. Пехота отошла. Расставив посты, жду прибытия машины. Проходит час за часом, а машины все нет. Нервничаем. По грохоту снарядов фашисты могут догадаться, что республиканцы ушли, и в любую минуту застигнуть нас здесь. Что делать? Четыре километра тащить орудие в непроглядной тьме невозможно, даже бросив боеприпасы. Бросить орудие? Никогда мы этого не делали, нам этого не позволяет наша воинская честь и совесть. Товарищ Чиспа всегда находил выход, он должен знать, где мы находимся. Так это случилось и на сей раз. В полночь Чиспа отправился искать нас. Он взял с собой командира второго орудия и еще нескольких бойцов, знавших дорогу. Около двух часов ночи они с шофером Вейхманисом при потушенных фарах подъехали к подножию Сьерра-Кемада. Трудно передать нашу радость.

Погрузив свои и оставленные пехотинцами боеприпасы — сколько удалось прихватить, — прицепляем орудие к машине и по топкой грязи, то и дело подталкивая машину, возвращаемся на старые позиции. Это была крупнейшая неудача бригады им. Домбровского. Много убитых, раненых и без вести пропавших.

19 февраля. Ясное утро. Горы окутаны синей дымкой. Ставим на выгодную позицию орудие Эмбрика. Вдруг вижу

Жаниса Фолманиса (Гриву), который со своими людьми спешно оборудует наблюдательный пункт. Это наша с ним первая встреча на фронте!

Вечером следующего дня враг молчит. «Браунинцы»¹ приглашают нас, группу им. Леона Паэгле, к себе в гости, в небольшой крестьянский дом. За разговорами и песнями время проходит незаметно, уже светает. Прощаемся, в это время раздастся сигнал тревоги.

По Кампильосской дороге в нашу сторону мчится марокканский кавалерийский полк. Отразив его атаку, занимаем оборону.

После полудня я получил приказ первому орудию перейти в распоряжение 190-й испанской бригады. Через несколько дней нас передают в распоряжение третьего батальона 106-й испанской бригады. Случайно наш путь проходит мимо новых позиций «браунинцев». Снова короткая, но радостная встреча!

Продвигаемся глубже в горы, к испанскому батальону. Командир роты, молодой черноволосый лейтенант, ведет меня вдоль откоса горы, чтобы ознакомить с передовой линией противника длиной километра в два. Фашисты стреляют, пули ударяются о камни совсем рядом с нами или со свистом зарываются в кусты. Предлагаю лейтенанту идти по другой стороне горы, чтобы нас не подстрелили. Он отвечает: «Ничего, они здесь плохие стрелки!» Местность парень знает хорошо, главные огневые точки отмечены. Укрепления возведены только на гребнях гор или на высотках.

4 марта собираемся, чтобы отправиться обратно в Арагон.

Арагон

Путь к Арагону лежит через Альбасете, Валенсию, Таррагону, Каспе, и через четыре дня пути 8 марта утром снова прибываем в Сампер-де-Каланда.

На следующее утро проверяем оружие и боеприпасы. У всех отличное настроение, батарея в полном составе, что бывает не так часто: в боях нас обычно распределяют по батальонам. Чиспа информирует о положении на фронте. Мятежники и интервенты собрали большие силы и начали наступление. Народная армия, не выдержав сильных и неожиданных ударов, кое-где отходит.

¹ Группа им. Янсона-Брауна в тяжелом артиллерийском дивизионе.

Мы даже представить себе не могли, что находимся накануне тяжелых и драматических сражений. Мы не знали, что фашисты после победы на севере и занятия Теруэля сконцентрировали здесь, на Восточном фронте, огромные силы — около 200000 человек, 700 орудий, 200 танков и 600 самолетов. Мы и не догадывались, что придется сражаться с превосходящими во много раз — особенно в технике — силами противника.

Вечером 9 марта приказ подготовиться к отъезду на фронт. Ночью получена команда выехать в Лесеру, затем продвигаться вперед до встречи с нашими батальонами. Вместе с ними занять оборону, а при появлении противника принять бой.

Кухню и другие тыловые подразделения, ненужные в бою, оставляем во втором эшелоне и отправляемся в путь. 10 марта около пяти часов утра минуем городок Лесеру, где пока все спокойно. Выезжаем на большую дорогу и по открытой местности едем на юг, в Муньесу. Здесь никакого движения. Лишь изредка попадаются одиночные отходящие бойцы. Они рассказывают, что впереди ожесточенные бои, но где конкретно проходит фронт, — никто из них сказать не может...

Мы проехали значительно дальше указанного нам места, но наших батальонов не видно. Решили вернуться и сообщить об этом штабу бригады.

Обратный путь значительно труднее. Как только мы въехали в горы, начался налет фашистской авиации. Нам некуда свернуть с машинами: по правую сторону — высокая гора, слева — овраг. Жмемся к скалам, в тень. Сбросив бомбы, фашисты на бреющем полете открывают по нас пулеметный огонь. Но и наши пулеметы не молчат. После небольшой паузы последовал новый трехкратный налет. Над нашими головами воют «хейнкели» и «мессершмиты». Эскадрилья следует за эскадрильей. Адский шум. Рвутся бомбы, трещат пулеметные очереди, в нескольких десятках метров от нас горы в сплошном пламени. Но на этот раз выходим невредимыми. Могло быть значительно хуже: если бы врагу удалось разрушить мост впереди нас, мы очутились бы в «мешке».

В лесочке под Лесерой натыкаемся на штаб нашей бригады. Чиспа идет туда с докладом. Не успели мы еще как следует замаскироваться, как начался новый налет. И снова нам повезло. Смертоносный груз падает недалеко от нас в овраг, никого не задев.

После полудня устанавливаем орудие Фейгина справа от дороги на Лесеру, орудие Эмбрика получает направление в Летукс. В первых стычках отражаем удары вражеского авангарда.

Утром 11 марта Родека с «Бертой» и Пшездецкого с другой пушкой посылаем в 15-ю бригаду им. Линкольна. С высот за бельжитским кладбищем открываем огонь по продвигающимся вперед фашистам. Еще раз отбрасываем их.

Положение с каждой минутой осложняется. Никто не знает, что происходит на флангах. Укрепленные оборонительные позиции не подготовлены. В воздухе постоянно кружится рой фашистских стервятников.

В ночь на 12 марта, после суровых боев против значительно превосходящих сил противника, оставляем Лесеру. Едва успели занять оборону, как получаем новый приказ — отступить вплоть до Альбалате-дель-Арсобиспо.

Ночь. Пехота нашей бригады уже отступила. Неизвестность о положении на фронте, угроза окружения порождают тревогу, мрачное настроение. Проезжаем мимо измотанного в недавних боях британского батальона 15-й бригады.

На рассвете приступаем к оборудованию позиций, устанавливаем орудия. У Карлюка (К. Вейхманиса) выходит из строя машина. Чиспа, что поблизости находится «кладбище автомобилей», срочно посылает туда Вейхманиса, чтобы «смонтировать новую». Пока Чиспа докладывал Янеку о расположении батареи, в штаб бригады на мотоцикле примчался ординарец командира дивизии Вальтера с пакетом. Оказывается, на правом фланге дивизии фашистская кавалерия опять прорвала фронт. Бригада получает распоряжение отойти на восток через реку Мартин. Мне позвонил Чиспа и приказал сейчас же, ни минуты не медля, собрать людей на Лесерской дороге.

Наши пехотные части давно уже отошли.

Во втором эшелоне мы никого не застаем. Машины полностью загружаем боеприпасами. Кухню приходится бросить ее куда прицепить, потому что у всех машин на прицепе орудия. Артиллерийская батарея дивизии все еще продолжает занимать предгорные позиции. В батарее не знают, что пехота уже отошла, поэтому мы спешим туда и сообщаем об отходе.

Въезжаем в городок. Он в развалинах. Ни живой души. Отправляемся дальше, в Ихар. Дорога изрыта глубокими воронками от налетов авиации. Много погибших. Мост через реку Мартин также пострадал: он весь в больших пробоинах

и кое-где уцелел лишь на ширину колес. Но проехать по нему надо, иного выхода нет. Медленно идем впереди машин, показывая им дорогу. Благополучно перебираемся на ту сторону, в Ихар. Здесь тоже только пепелища.

Миновав опустевший городок, выезжаем на высокое плоскогорье. По дороге и по обочинам отходят небольшие группы бойцов. Какая-то артиллерийская батарея стреляет по фашистам.

Оставляем комиссара Штейнберга, чтобы он навел здесь порядок и остановил отступающих бойцов, а сами едем дальше. На седьмом километре за Ихаром занимаем оборону

После тяжелых боев, прорвавшись из окружения, мы снова со своей бригадой.

13 марта нашу батарею посетил главный комиссар Интернациональных бригад Луиджи Лонго (Галло). Он информировал нас о начатом интервентами большом наступлении и о положении на фронте.

В это время наблюдатель сообщил, что в пяти километрах от нас фашистский кавалерийский полк пошел в атаку с целью прорвать оборону венгерского батальона и обойти наш правый фланг. На нашем участке появились два вражеских танка. Мы вызвали огонь тяжелой артиллерии и отразили атаку фашистских танков и кавалерии.

Остаток дня прошел спокойно.

Ночь на 14 марта. Отходим по Альканьисской дороге. Начинаем закрепляться на правом берегу горной речушки Ригальо, но через несколько часов получаем приказ отойти и вместе с бригадой развернуть оборону на подступах к Альканьис. На рассвете перед нами на перекрестке дорог показывается вражеская танковая колонна.

Не вступая в бой, поворачиваем к северу от шоссе и вдоль озера, по полям направляемся к противоположным высотам, где и выбираемся на дорогу.

Положение скверное. Пехота отошла прямо через горы, но мы на машинах с орудиями этого сделать не можем. Вскоре нас настигло новое неприятное известие: дорога перерезана и взорвана. Впереди — скалистые гребни гор, налево — болотистая лощина. Чтобы не оставлять врагу военную технику, республиканцы здесь ее уничтожают. Отрывается страшная картина: горят автомобили, мотоциклы.

Кое-кто из советников приказывает и нам уничтожить машины и орудия, грозят Чиспе расстрелом за неповиновение. Мы протестуем. Неужели действительно нет другого выхода?

Надо добраться до Каспе. Въехав на болотистый луг, мы с Чиспой ищем, нет ли какой-нибудь дороги, но кругом только скалистые овраги.

Группе менее боеспособных бойцов командир батареи решил под командой комиссара Штейнберга отходить через горы.

Мне повезло: я встретил крестьянина, который согласился вывести нас через поле по узким каменистым тропкам на проселочную дорогу, ведущую в Каспе.

Но для этого нам предстояло преодолеть луг и канаву, размытые и затопленные весенними дождями. Выставив охранение, мы соорудили мостки, перенесли боеприпасы и перетащили орудие. Общими усилиями, одну за другой, переволокли через болото машины.

Наконец мы в Каспе. Город частично разрушен, кругом тишина, на улицах ни души. Где же наша бригада? Чиспа уезжает искать ее в направлении Альканьиса. Я с одной из машин остаюсь на берегу реки ждать группу Штейнберга.

Проверяем состав батарей: из 68 человек нас осталось при орудиях всего 29 — 11 поляков, 10 латышей, 4 испанца, 2 каталонца, один словен и один украинец. Чиспа узнал местонахождение бригады, и мы спешим туда. В пути одна машина выходит из строя. Чиспа остается с ней, а я с остальными мчусь в бригаду. В штабе докладываю командиру бригады Янеку, что батарея противотанковой артиллерии прибыла.

Он кричит:

— Тебя мне не надо. Где орудия? Где командир батареи?

Отвечаю, что орудия здесь, на дороге, а командир батареи скоро прибудет с последней машиной.

— Так бы сразу и сказал, — обрадовался Янек и обнял меня.

Оказывается, из сообщения нашего комиссара он сделал вывод, что мы бросили технику.

Вечером получаем горячую еду. Спокойно ночуем в излучине реки Гуадалупе недалеко от оборудованных в горах укрытий для боеприпасов. На фронте тихо. На другое утро начальник штаба бригады приказывает нам выехать за перекресток дорог юго-западнее Каспе и связаться с батальонами бригады. Нам приказано установить там орудия для отражения врага. Вместе с командиром второго орудия Пшездецким и шофером Вейхманисом мы разведываем указанный участок, но не найдя там ни одного бойца, докладываем об этом Чиспе. Следует повторный приказ — выезжать! Снова

идем в разведку. Никого нет! Все же нам приказывают ехать, угрожая, что за невыполнение боевого приказа мы будем наказаны по законам военного времени. Приказ есть приказ. Надо его выполнять. Дорога узкая. Внизу маленький ручеек, дальше горы, по обеим сторонам густой кустарник и мелколесье. Наших нет. Вдруг натыкаемся на фашистскую танкетку, которая тотчас же открывает огонь. Мы залегли в придорожной канаве и отстреливаемся. Вблизи рвутся мелкокалиберные снаряды. Строчит пулемет.

Нашему шоферу Карлюку я приказываю развернуть машину.

Минута — и Карлюк уже в кабине, машина развернута, и мы, по канаве, выбираемся без потерь.

Орудия Фейгина и Эмбрика располагаем в горах в 6-7 километрах от Каспе, недалеко от моста. Во второй половине дня замечаем вышедшую из леса группу фашистских офицеров. Они разведывают местность. Очевидно, готовят наступление и хотят обойти Каспе с юга. Замаскировав орудия, ждем что будет. Вскоре в открытом поле у реки показывается группа фашистов. Подпускаем их на несколько сот метров и открываем огонь. Почти все фашисты уничтожены. У нас погибает смелый испанец Хосе Рондан.

16 марта около восьми часов утра по приказу Янека перебазировываемся, чтобы расположить орудия на высотах у моста. На седьмом километре, где шоссе вдоль реки взбегает на пригорок, нас задерживает заслон, выставленный генералом Вальтером. Дальше ехать запрещено из-за вражеского артиллерийского огня. Чиспа объясняет, что мы обязаны выполнить приказ командира бригады. Едем дальше. Едва мы достигли плоскогорья, как начинается налет вражеской эскадрильи. Залегает. Нас бомбят. Проносясь на бреющем полете, фашистские летчики поливают все вокруг пулеметным огнем и забрасывают нас связками итальянских ручных гранат.

Вернувшись после налета к машинам, находим тяжело раненного осколками в голову и спину Арона Липкина. Останавливаем проходящую мимо машину с боеприпасами и отправляем Липкина в ближайший госпиталь.

Едва мы успели наметить место для орудия Эмбрика и расположиться в котловине у дороги, как нас опять настиг налет. Снова и снова в воздухе кружат фашистские стервятники, на бреющем полете сбрасывают бомбы, строчат из пулеметов. Мы укрываемся в расщелинах скал. Недалеко от меня воздушной волной подбрасывает Карлюка. Он контужен. Большая

глыба, козырьком висевшая над узкой щелью, разбита вдребезги и обрушилась на коммуниста Сергея Поташова. Спасти его невозможно.

Вечером налеты возобновились. Возле хранилища боеприпасов погибли сержант Петар Хретич и Хосе Лопес Санчес. Тяжело ранен любимец нашей батареи, связист и телефонист шестнадцатилетний Пабло Мора, которого мы приняли на батарею по пути в Эстремадуру. Он скончался, не доехав до госпиталя.

Утром 17 марта мы с воинскими почестями похоронили погибших товарищей под оливами, в семи с половиной километрах от Каспе. Переходим во второй эшелон, у Батеи, недалеко от Гандесы.

Ночью 20 марта выезжаем в резерв на границу Каталонии, где сооружены железобетонные укрепления. Нам нужен отдых.

На следующее утро узнаем об изменениях в командовании бригадой: командиром назначен бывший советник бригады.

21 марта получаем из бригады приказ: одному орудию выехать на фронт в распоряжение 33-й бригады 3-й дивизии. Чиспа посылает Пшездецкого с орудием и меня в качестве заместителя. Отправляемся в путь. Последние десять километров дорога тянется вдоль нашей передовой. Справа — отвесные темные горы, слева — противник. В случае прорыва фронта отступить можно будет только через горы, бросив орудие, но этого мы не сделаем.

Добравшись до штаба бригады, мы увидели, что наши танкисты охраняют главную дорогу; мы поняли — все будет в порядке. Командир бригады дал нам связного и направил в расположение 131-го батальона. Командир батальона, энергичный молодой испанец, встретил нас радостно и повел показать линию обороны; она вьется до шоссе по небольшим пригоркам налево от дороги, а справа — крутой горный хребет. Перед нами задача — защищать от атак вражеской пехоты и кавалерии позиции, занятые нашими войсками, и передовые посты, расположенные в низине за крестьянскими домиками. Мы оборудовали несколько укрытий для орудия и его расчета. День проходит сравнительно спокойно.

На другой день с утра начинаются непрерывные налеты вражеской авиации, артиллерийский и пулеметный обстрел. Фашистская пехота идет в атаку, но наши пулеметчики еще молчат. Огонь ведут пока только передовые посты. Когда фашисты приблизились к нам на расстояние в несколько метров,

сразу заговорили все наши пулеметы. А мы, нащупав огневые точки противника, громим его пулеметные гнезда и орудия. Отражаем две атаки.

Вечером с наступлением темноты сменяем передовые посты, выносим раненых. Санитары их перевязывают. Легкораненые отказываются идти в полевой госпиталь. Им выдают горячий ужин и сухой паек на завтра, а также боеприпасы. До рассвета надо заменить людей на аванпостах.

Днем фашистам удавалось кое-где продвинуться на несколько десятков метров вперед, а ночью республиканцы в рукопашном бою вынуждали их вернуться на исходные рубежи.

После суровых героических дневных сражений мы все с нетерпением ждали наступления темноты, когда прекращались фашистские налеты, артиллерийские обстрелы и атаки пехоты. В укрытии, высеченном в скале, размещался штаб батальона, и бойцы могли здесь обсудить все пережитое за день и еще затемно вернуться на свои места.

Утром 25 марта после налета фашистская кавалерия и пехота под прикрытием мощного ураганного артиллерийского огня перешли в атаку. На правом фланге марокканская кавалерия с дикими воплями докатилась почти до наших окопов. Но меткий огонь наших винтовок, стрельба прямой наводкой из орудия сорвали атаку. Терпя большие потери, враг отступил.

В непростреливаемой зоне у подножия горы мы в наших убежищах были неуязвимы для вражеской артиллерии. Снаряды, ударяясь о гору, сотрясали взрывами воздух, а при перелетах разрывались где-то далеко за нами. Едва стихали раскаты артиллерии, мы по траншеям возвращались на свои места, чтобы достойно встретить фашистов.

В полдень меня срочно вызвали в штаб батальона: на правом фланге, по Альканьисской дороге, приближаются фашистские танки. Получаю приказ — срочно вывести орудия на дорогу, навстречу вражеским танкам.

До сих пор эту дорогу охраняли наши танки. Чтобы сдержать рывок противника в наш тыл, нужно было под огнем его танков вывести наше орудие на другой участок, метров на 50 впереди пехоты. Вражеские танки встретила также ударная группа. Она забросала их бутылками горючей смеси и связками ручных гранат. С горы открыли огонь пулеметы. Слева от дороги, на склоне, мы к этому времени успели поставить орудие и закрепить лафет. Командую: огонь! Все

решают секунды. Сплоченный в боях расчет Пшездецкого действует молниеносно. Наши бронебойные снаряды один за другим поражают колонну фашистских танков и танкеток. Вокруг нас рвутся мелкокалиберные снаряды, по орудийному щиту стучат пулеметные очереди, но в стволе уже новый снаряд, и все дальнейшее происходит как будто само по себе. Танки задержаны. Залегает и ждем, что будет, когда фашисты прекратят стрельбу. Огонь танков затихает. Уцелевшие ищут обратный путь. Это не так просто — маневрировать среди подбитых танков. Справа — скалы, слева откос. Мы перетаскиваем орудие на новое место за скалой. Немного отойдя, вражеские танки почему-то останавливаются на проселочной дороге слева. Мы яростно стреляем по неподвижным вражеским машинам. Атака отбита. Из 18 фашистских танков мы уничтожили по крайней мере четыре. Когда стемнело, мы подошли к трем танкеткам, которые застряли недалеко от нашей передовой. Они изготовлены к бою; в них засели заядлые фашисты, вооруженные ручными гранатами и другим оружием. Приказываем им открыть люки, сдаться. Фашисты не отвечают. Наконец, когда мы пригрозили, что взорвем танкетки, люки открылись. В танкетках было по одному итальянцу и испанцу. Трое из них ранены, командир танкового отряда итальянец убит. На рассвете подошли наши танки и отбуксировали танкетки в тыл. Одну из них снаружи украшала надпись на итальянском языке «Vado e ritorno» (Иду и возвращаюсь).

Это боевая победа была праздником для нас и для всей бригады.

Прибыли корреспонденты газет. Мы рассказали им о коротком, но суровом сражении, в котором мы вместе с героическим 131-м испанским батальоном одержали победу. В честь победы в журнале 35-й дивизии «Vinceremos» («Мы победим») в номере от 9 мая был опубликован гимн, посвященный бойцам противотанковой батареи.

А дальше следовало: «Этот гимн пели товарищи из противотанковой группы бригады им. Домбровского. Наши отважные артиллеристы не пели только тогда, когда стреляли, а стреляли они очень метко. Расчет одного орудия за один день уничтожил четыре итальянских танка. Несколько танков было захвачено».

В честь успеха мы на следующий день выпустили по фашистским позициям еще 400 снарядов.

После удачно отраженной атаки на этом секторе наступило затишье.

Республиканцы умели воевать и крушить противника, где бы его ни застали. Народная армия закалилась в двухлетних непрерывных боях и выросла в мощную силу. Но не хватало оружия, мешала капитулянтская политика военного министра Прието, а иногда и нарушение единства действий командования.

В ночь на 29 марта мы распрощались с испанской частью и выехали в направлении Мольерусы. Свою батарею и бригаду мы нашли недалеко от городка, в поле, заросшем кустарником. О наших успехах — подбитых и захваченных танках уже известно в бригаде. Все рады нашему возвращению. 31 марта командир бригады в приказе объявил благодарность мне и всему расчету орудия Пшездецкого и предоставил нам месяц отпуска для отдыха в санатории.

Мы выехали по указанному адресу, но санаторий эвакуировался глубже в тыл. Вместо него здесь госпиталь. Нас приняли очень приветливо. Отдохнув, продолжаем поиски санатория. Напрасно проискав его три дня, решаем вернуться на батарею. На дорогах толпы беженцев: эвакуируются учреждения, плачут дети, еле-еле плетутся измученные старики, женщины, все, кому пришлось оставить родной кров.

7 апреля с большим трудом находим свою батарею. За время нашего отсутствия бригада и батарея в составе 46-й дивизии выдержали тяжелые оборонительные бои под Леридой. В этих боях тяжело ранило Рудольфа Штейнберга из Хорватии и Виктора Фейгина из Таллина (он погиб в Великой Отечественной войне).

Атаки фашистов на нашем участке приостановлены. Стоим в резерве, возле деревушки в низменной, заросшей кустами лощине, километрах в 20 от Таррагоны. Здесь, в южной части Каталонии, тропический климат. Днем очень жарко и кусают комары. А ночью мерзнем. В свободное время ездим в Таррагону на экскурсии.купаемся в Средиземном море.

Жизнь вошла в непривычно спокойное русло. Читаем «Frente Rojo» («Красный фронт»), «Mundo Obrero» («Рабочий мир») и другие газеты. Ведем дискуссии о новом правительстве Народного фронта. Министр обороны, капитулянт Прието, не вошел в его состав, премьер Негрин принял на себя и функции военного министра; его заместителем по управлению войсками назначен испанский кадровый офицер

коммунист Кордон. Мы надеемся, что эти изменения в правительстве благотворно скажутся на положении на фронтах.

После тяжелых боев нашу бригаду реорганизуют. Начальником штаба назначен Генрих Торунчик. Комиссаром нашей батареи утвержден бывший командир «Берты» — добродушный, уравновешенный поляк шахтер Владислав Родек. Как полагается подлинным интернационалистам, мы клянемся сражаться под лозунгом: «Por Vuestra libertad y la Nuestra!» *Za volnosc vasza i nasza!*» — «За вашу и нашу свободу!»

12 апреля наша боевая семья пополняется двумя сержантами из бывшего республиканского партизанского отряда. Это Янис Ванаг и Михаил Тихомиров. Оба из Латвии, стойкие, дисциплинированные товарищи с большим боевым опытом. Тихомирова назначают командиром «Берты», Ванага наблюдателем.

Мы получаем два 50-миллиметровых миномета. Продолжаем учения и ждем отправки на фронт.

Ранним утром 25 апреля устанавливаем орудия на высоте у городка Мекиненса, в расположении батальона им. Палафокса, который сменил затем батальон им. Домбровского. Справа от нас — 145-я испанская бригада. Мы в обороне. Враг молчит. В ночь на 1 мая перемещаем орудие Фейгина в расположение венгерского батальона, против Файона.

1 мая наша бригада возвращается в подчинение 35-й дивизии, которой теперь командует прославленный боевой командир, испанец Педро Матэо Мерино. Позиции хорошо оборудованы. С наших наблюдательных пунктов фашистская оборонительная линия на другой стороне реки видна как на ладони. Боеприпасы получаем без ограничения, и Тихомиров и Фейгин каждый день систематически и метко обрабатывают своими орудиями траншеи и движущиеся цели вокруг Мекиненсы и Файона. Это полностью парализует движение врага. Бывают дни, когда каждое орудие выпускает по сто и более снарядов.

18 мая мы отошли в резерв.

Эбро

В чередовании суровых боев и в кратких передышках между боями мы совершенствовались боевое мастерство.

Прошел год. Настало 1 июня, годовщина создания нашей батареи. Отмечаем ее в окрестностях городка Фальсет. К нам

прибыли командир дивизии, его заместитель и Торунчик. Встречаем их в строю. Приветствуя командиров поднятым на высоту плеча кулаком, как это здесь принято. Чиспа рапортует... Проводим собрание. Командир бригады объявляет батарею благодарностью за пройденный боевой путь. Отступившие из Арагона войска прочно заняли оборону вдоль рек Эбро и Сегре. Франкисты и интервенты, разрезав территорию страны на две части, ведут бои на Левантском фронте и готовят наступление на Валенсию. Мы это знаем... и обещаем отдать все силы в борьбе за свободу республиканской Испании. До поздней ночи звучат испанские, польские и латышские песни.

Чтобы в случае налета авиации вся наша бригада не была сосредоточена в одном месте, мы на следующий день передислоцируемся в орешник недалеко от деревни. Здесь еще не видели интербригадцев. Знакомимся с деревенскими властями. Через несколько дней они созывают в нашу честь митинг. После митинга слушаем рассказы крестьян о том, как они делили помещичью землю, как боролись за ручей, протекающий по территории помещика. Деревенские власти, поддержанные всеми присутствующими, берут шефство над нашей батареей. Мы обещаем защищать завоеванную ими свободу и землю.

Ширится вражеский клин между Левантом и Каталонией...

Пал Беникасим — красивый курортный городок. Вспоминаю дни, проведенные там вместе с лиепайчанином Янисом Аболом, который в боях под Гвадаррамой лишился ноги. Я носил его на руках купаться в море...

19 июля отмечаем двухлетие войны Республиканской Испании с фашистскими мятежниками. Из Таррагоны и ближайших деревень съехались делегаты с цветами и подарками. Встреча превратилась в совместный праздник.

21 июля получаем еще 11 минометов. Чиспа срочно создает четыре группы.

Из резерва артиллерии нам придают противотанковую батарею с бронебойными снарядами.

23 июля получаем еще один 81-миллиметровый миномет и вечером следующего дня переходим в наступление.

В составе армии «Эбро» под командованием Хуана Модесто были лучшие республиканские части и Интернациональные бригады, из которых в этих боях не принимала участия только 129-я бригада. Главную ударную силу составили 15-й и 5-й корпуса.

Задача нашего наступления — облегчить положение республиканских войск на юге, где мятежники, сконцентрировав огромные силы, готовились к удару на Валенсию.

Форсирование реки Эбро было одной из крупнейших наступательных операций республиканской армии. Эта операция еще раз доказала, что испанский народ, овладев военным искусством, умеет сражаться за свободу, и что в этой борьбе он полон решимости и неиссякаемой энергии.

25 июля, в четверть первого ночи, наша бригада форсировала реку Эбро в районе Аско. Тихо, без шума, на воду были спущены лодки. Тщательно подготовленная переправа армии «Эбро» прошла успешно. Враг, застигнутый врасплох, отступил.

По мосткам, ловко возведенным саперами на бочках, через реку темной лентой движутся бойцы. Мы, артиллеристы, должны ждать, пока саперы наведут мост. На дороге вытянулась длинная, почти с километр, очередь машин. Мы с орудиями и несколькими бронемашинами продвигаемся поближе к реке. 27 июля мост уже наскоро наведен, но он не выдерживает веса тяжело нагруженных машин и рушится. Саперы сколотили плот и стали переправлять на другой берег броники и боеприпасы. Но фашисты у Тремпа открыли затворы плотины, и вода, постепенно прибывая, поднялась на три метра и затопила все вокруг; а тут еще начались налеты... Надо было срочно спасти оставленное на берегу имущество. В поисках переправы мы поехали во Флиш, в 3-ю дивизию. Но и здесь наводнение мешает навести мост. Отправляемся к переправе 11-й дивизии. Мост тут разбомблен, его надо восстанавливать.

Только на рассвете 29 июля нам удалось переправиться на другой берег.

Наши части ведут бой в предместье Гандесы. Получив информацию о расположении батальона, мы вместе с командирами орудий быстро отправляемся на передовую. По дороге встречаем капитана из бригады им. Линкольна коммуниста из Латвии Эгона Шмидта, который ночью руководил оборонительными работами. Он сообщает необходимые нам сведения о расположении врага. От него узнаем, что за первые дни наступления республиканцев на Эбро в плен захвачено около пяти тысяч франкистов и марокканцев.

Выбираем место для позиций и наблюдательного пункта.

Когда стемнело, шоферы тихим ходом и выключив фары ведут машины к передовой. Личные составы расчетов идут

впереди машин, соблюдая интервал в несколько шагов. Огоньки их сигарет показывают направление. Малейшая невнимательность — и колеса машин могут соскользнуть в канаву. В километре от передовой разгружаем машины. Дальнейший путь расчеты с боеприпасами и орудиями должны преодолеть самостоятельно. Работы много. До рассвета надо оборудовать позиции, окопаться, замаскироваться, привести все в полную боевую готовность...

Утром 30 июля на наблюдательном пункте погиб от фашистской пули наш сержант Янис Ванаг. Это был активный, одаренный человек. Невредимым он выходил из многих боев. Трудно сообщить это печальное известие товарищам. Вечером хороним его в ближайшей долине. Тихомиров дает по вражеским укреплениям три выстрела из «Берты». На следующий день наши части предпринимают наступление; главный удар направлен на Гандесу. Но взять ее не удастся.

Борьба обостряется, переходит в позиционную войну. Днем передвижение невозможно, так как шоссе хорошо просматривается из Гандесы. Только санитарные машины проскакивают, вывозя раненых. Нас мучают зной и жажда; солдатская фляга мала, воды на 24 часа не запасешься.

Фашисты перебросили сюда с Левантского и Андалузского фронтов много дивизий — артиллерию, танки и авиацию. Бывают дни, когда «юнкерсы», «мессершмиты» и «хейнкели» безраздельно господствуют в небе. Мятежники под прикрытием артиллерийского огня и танков все чаще переходят в атаки. Но хотя ряды наших батальонов поредели и бойцы измучены боями, они героически отражают каждую атаку врага. Мы, не жалея снарядов, ведем точный прицельный огонь по фашистам.

3 августа занимаем новые позиции, окапываемся. Перед нами обширные виноградники. Созревает красивый, крупный виноград. Он спасал нас от жажды, а иногда и от голода: случилось, что другой еды у нас не было.

13 августа нашу батарею на несколько дней сменили, и мы устроились на отдых у реки, в бывших фашистских окопах. После двух недель мы наконец снова возле воды. Примерно в километре от нас — мост, а выше по течению саперы натянули через реку тросы, навешали на них тряпье и пустые мешки, подвели из тростника подходы, чтобы противник принял это за второй мост. Утром целая эскадрилья фашистских бомбардировщиков сбрасывает на этот «мост» весь свой груз.

Ребята по траншейным ходам бегут туда: на поверхность всплывает много оглушенной рыбы. В обед вся батарея накормлена рыбой. Долина реки Эбро богатейший фруктовый сад Каталонии. Здесь персики, гранаты, крупный вкусный миндаль и другие фрукты. Но от воздушных налетов почти все погибло. От красивых деревень остались только руины. Подожженные термитными бомбами горели неубранные хлеба.

В ночь на 16 августа, переместив базу и кухню в горы, мы выехали в распоряжение 42-го батальона бригады им. Тельмана. Фашисты непрерывно атакуют. окопы нашей пехоты кое-где разделяют от врага всего несколько сот метров. Закаленные в боях тельманцы при поддержке нашей «Берты» и минометов отбивают атаки. Ночью возвращаемся в расположение своей бригады. Почти каждую ночь непрерывно ведем огонь по врагу с разных позиций. От усталости я то и дело засыпаю, иногда на время перестаю слышать взрывы бомб и снарядов, но стоит кому-нибудь назвать мое имя моментально вскакиваю, как по сигналу тревоги.

Немецкие и итальянские фашисты испытывают здесь свое новейшее оружие, как на полигоне. У них на этом фронте раз в десять больше артиллерии, самолетов, танков, чем у нас; а оружие, закупленное Испанской Республикой, задержано во Франции: премьер Даладье закрыл границу и «соблюдает нейтралитет».

Вечером 28 августа снимаемся с передовой и уходим на отдых.

В начале сентября снова возвращаемся в расположение бригады им. Тельмана.

Несмотря на большие потери, фашисты продолжают атаковать, вводя в бой свежие резервы. Их превосходство в технике слишком велико. Наши батальоны уже второй месяц отчаянно дерутся без резервов, лишь на короткий срок подменяя друг друга. За это время их ряды сильно поредели. Их оттеснили к окраинам Корберы. Не жалея боеприпасов, орудийная и минометная батарея делает все, что в наших силах.

13 сентября, отразив ночную атаку фашистов, перемещаем первое орудие на высоту 287. Справа, на высоте 356, расположен французский батальон.

Над нашими позициями показывается фашистский самолет-разведчик. Видим, что по ту сторону дороги взвод мелкокалиберного зенитного орудия ведет прицельным огнем по этому самолету, на небе вокруг самолета вспыхивают белые облачка. Ждем, не попадут ли. И действительно, самолет вдруг

накрывается и падает. Еще минута — и от него отделяется черная точка, над которой раскрывается парашют. Берем в плен итальянца. На все вопросы он отвечает, что ничего не знает, только что закончил летную школу. Ребята уводят его в штаб дивизии.

16 сентября на наблюдательном пункте вражеским пулеметом легко ранен в обе ноги Чиспа.

20 сентября фашисты, сконцентрировав несколько дивизии, под прикрытием 50 танков широким фронтом переходят в наступление. На нашем участке танки прорвались в расположение батальона им. Мицкевича. Завязывается рукопашный бой. Орудия Тихомирова и Драбика бьют смертоносным огнем по танкам противника, а второй и четвертый минометы расстреливают вражескую пехоту. Атаку отбиваем. Подбито несколько вражеских танков.

С утра эскадрилья фашистских бомбардировщиков не раз бомбит нашу передовую. После ураганного огня артиллерии фашисты под прикрытием танков бросаются в атаку. На мгновение мы теряемся, не знаем, что делать, так как над батальонами им. Малафокса и им. Мицкевича висит сплошное облако песка и дыма от разрыва вражеских бомб и снарядов. Стреляем по пристрелянным ранее ориентирам. Снова рукопашная схватка. Героические бойцы батальона отражают атаку фашистов. Высота удержана. Враг вынужден отойти на исходные рубежи. Уже несколько суток мы не ели и не спали как следует. Батальонам не успевают подвозить даже боеприпасы в нужном количестве.

22 сентября фашистские «юнкерсы» и «мессершмиты» снова бомбят нашу батарею. У них неиссякаемое количество боеприпасов и военной техники. Опять грохочет их артиллерия. Под прикрытием танков повторяются атаки. Батальон им. Мицкевича, который в предыдущие дни понес сильные потери, попадает в частичное окружение и вынужден отойти. На горе справа французский батальон, подняв над сосной красный флаг, героически прикрывает их отступление. И мы, расстреляв последние снаряды, отходим на новые позиции. Ночью нашу бригаду сменяет 15-я бригада им. Линкольна.

За героизм, проявленный в боях у Эбро, правительство наградило нашу бригаду орденом «El Distintivo del Valor»¹.

¹ «За отвагу» (исп.)

23 сентября 1938 года дивизия получает подписанное Негрином постановление правительства Республиканской Испании об отзыве с фронта и демобилизации всех Интернациональных бригад. Нашу 35-ю дивизию сменяет 46-я испанская дивизия.

Переправляемся на другой берег реки Эбро. Здесь Галло объясняет нам, что основанием для такого постановления правительства послужило принятое в Женеве Лигой Наций решение о выводе из Испании всех иностранных солдат и офицеров — как сражающихся на стороне республиканцев, так и франкистов.

Прощание

5 октября прощаемся с испанскими товарищами. Внешне держимся как положено солдатам, но на самом деле все это не так просто. В совместных боях мы сплотились в единую дружную семью. Расчет новой испанской батареи — 61 человек — выехал на фронт Эбро. Мы пожелали им высоко держать старые боевые традиции.

Мы формируем батальон им. Палафокса, включающий три отряда украинский, белорусский и прибалтийский. Командиром назначен Чиспа.

Времени у нас теперь предостаточно. Как-то утром наши шефы приглашают нас с Чиспой посмотреть овечье пастбище; мы охотно соглашаемся.

Горы, наверно, всюду обманчивы: кажется, до вершины рукой подать. Но подниматься приходится долго, пока достигнешь цели. Накрапывает дождь. Наконец мы на небольшом плоскогорье, где нас ожидает пастух. Рассаживаемся вокруг костра, сушим промокшие под дождем куртки. На углях шипит бараний шашлык... Едим и слушаем рассказ каталонского крестьянина о его горькой судьбе. Стараемся убедить его, что победит Республика, ведь все так ждут этого.

10 октября мы, группа представителей бригады, выехали в городок Фальсет, где состоялся прощальный митинг 35-й дивизии. Открывая его, Мерино зачитывает приказ, в котором благодарит Интернациональные бригады за большой вклад в борьбу против фашистов и интервентов. Очень просто, но с глубоким чувством говорит Пасионария о той большой роли, которую сыграли воины Интернациональных бригад в освободительной войне испанского народа.

Многие из тех, кто сражался в составе дивизии, получили

«Carnet de Honor de las combatientes Internacionales de la 35. divison».¹

Через несколько дней, 25 октября, в Эсплуге происходит прощание с командованием армии Эбро. В президиуме — Негрин, Модесто, Пасионария и другие. Получаем много благодарностей. Негрин зачитывает декрет правительства о награждении Интернациональных бригад золотой медалью «Medalla de Valor». После выступления Пасионарии у президиума выстраивается очередь: все мы хотим на одном из наших документов иметь автографы нашего командования.

Через несколько дней перемещаемся в центр бригады, в поселок Бельсерата. 28 октября рано утром, приодевшись, выезжаем прощаться в столицу Каталонии — Барселону. На широком бульваре Диагоналес, подняв боевые знамена, бригады готовятся к параду: 11-я бригада им. Тельмана, 12-я — им. Гарибальди, наша 13-я — им. Домбровского, 14-я — им. Марсельезы и 15-я — им. Линкольна. Недостаёт только 129-й бригады, которая находится ещё в центральной части Республики. Звучит команда «Смирно!». Президент Асанья и Негрин, принимая парад, медленно проезжают мимо наших рядов.

Перестроившись в широкие шеренги, строгим парадным шагом идем к правительственным трибунам. Проводить нас собрались сотни тысяч трудящихся Барселоны. Много молодежи. Девушки бросают нам цветы. Дойдя до трибун представителей правительства и партии, мы с трудом сохраняем строй. Крутом скандируют слова прощания: «Salud! Muchas felicidades! Hasta la vista!»² За трибунами наши ряды смешиваются с провожающими. Сердечные выражения дружбы, рукопожатия, улыбки и слезы, объятия — все это вызывает щемящую боль.

7 ноября мы торжественно отмечаем 21-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Выпускаем специальный номер стенной газеты. Из Барселоны и ближних деревень приехало много делегаций. Командование бригады проводит большой митинг.

8 ноября прибыла военная комиссия Лиги Наций, чтобы проверить, демобилизованы ли мы. В составе комиссии подполковник генерального штаба фашистской Латвии. Мы во

¹ «Почетное удостоверение борца 35-й Интернациональной дивизии» (исп.)

² Привет! Много счастья! До свиданья! (исп.).

главе с Чиспой, запевая песню «Через старые ворота города»¹, бравым шагом пересекаем площадь, идем к контрольному столу, где нас проверяют по длинным спискам.

Шведы и датчане уезжают к себе домой; а нам путь домой заказан: мы нарушили принятый латвийским буржуазным правительством закон о «невмешательстве» в дела Испании и теперь лишены права въезда в Латвию. Даже демократическая Франция, где я жил до выезда в Испанию, не дала мне разрешения на въезд. Польские товарищи составляют списки на отъезд в Мексику.

15 декабря был организован праздник прощания бригады с Испанией. По приглашению руководства к нам приехала Долорес Ибаррури. Нас растрогали ее сердечные слова: «Плечом к плечу с испанским народом в его тяжелой освободительной войне вами пройден большой боевой путь, испанский народ вас никогда не забудет, вы будете желанными гостями в каждом честном испанском доме». Она говорит, и на ее глаза навертываются слезы. Некоторые из нас смахивают слезу с ресниц.

После речи Долорес Ибаррури мы у знамени бригады даем клятву: мы, бойцы бригады им. Домбровского, борцы за свободу, воины армии героического испанского народа, навсегда останемся верны тем идеалам, за которые сражались здесь, в Испании. Мы навсегда останемся смертельными врагами фашизма и будем вести борьбу с ним везде, где бы ни довелось нам жить. Мы навсегда сохраним в сердцах память о героической борьбе испанского народа и об Испании, где остались могилы дорогих нам боевых товарищей...

Еще один этап борьбы

Франкисты получили из Италии и Германии новые транспорты оружия, танков и самолетов и 23 декабря совместно с регулярными итальянскими моторизованными дивизиями начали наступление на Каталонию. В нескольких местах они прорвали фронт. 18 января 1939 года мы вынуждены переместиться в городок Палафружелъ.

Польским товарищам не удастся уехать в Мексику, хотя разрешение на въезд получено: Франция не даст транспорта и транзитной визы на проезд до порта Бордо, где ожидает

¹ Песня латышских красных стрелков. Ред.

судно. Французская граница закрыта. Оставить Испанию нет никакой возможности.

Фашисты в стремительном наступлении приближаются к Барселоне.

23 января. В переполненном кинозале, прослушав информацию о положении на фронтах, мы высказываем желание снова вступить в бой с фашистами. Вечером получаем разрешение правительства. До поздней ночи продолжается запись добровольцев.

Из батальонов им. Домбровского и им. Мицкевича создан 1-й батальон во главе с майором «Чапаевым». Из батальонов венгерского и им. Палафокса — 2-й батальон под командованием капитана Мольнара. Наши бойцы из противотанковой артиллерии им. Антони Коханека составляют отдельное подразделение под командованием капитана Чиспы.

24 января все записавшиеся, кто в состоянии носить оружие, едут в направлении фронта к железнодорожной станции Гранольерс. Фашистские самолеты бомбят станцию и ее окрестности.

Размещаемся вблизи местечка Ла-Гаррига. Недалеко от нас и другие добровольческие интернациональные отряды.

Вскоре приходят машины с оружием. Мы получаем совершенно новые винтовки, автоматы, обмундирование, а главное — новые сапоги, ведь обувь почти у всех у нас уже изношена.

Командование объединенными интернациональными отрядами поручено Генриху Торунчику.

Во главе нашего отряда — по традиции его продолжают называть батареей — Чиспа. У нас около 60 человек. Нас подразделяют на три взвода, командирами назначают Фрициса Пуце, Соломона Стекола и меня. Начальником штаба отряда становится Арон Липкин. В состав нашего отряда вступают эстонские товарищи — Йоханн Силленберг, Йоханн Нейо, Айн Микельсоо, Йоханнес Саар и другие; вместе с нами они вплоть до перехода французской границы участвовали во всех оборонительных боях.

26 января, заняв Барселону, фашисты продолжают стремительное наступление.

28 января перед нами поставили задачу: создать за Ла-Гарригой вдоль железной дороги оборонительную линию. Группа Эмбрика, выдвинувшись вперед, сообщает, что приближаются итальянские танкетки. Открыв огонь из винтовок и автоматов, мы их задерживаем. С наступлением темноты враг отходит. Выставив секреты, ждем новой атаки. У нас нет противотанковых

орудий. В полночь должны подойти испанские части, но не дождавшись их, мы переходим на более выгодные позиции, в горы.

Ночи холодные, непрерывно льет дождь. У большинства из нас нет ни шинелей, ни одеял. Многие промокли до костей. Чиспа где-то раздобыл зонтик, накинул на плечи испанскую шинель накидку, спокойно шагает впереди.

Около восьми утра «Чапаев» приказывает вернуться на старые позиции.

Занимаем оборону в низине. Мы лишены широкого обзора и не видим, что происходит наверху, на шоссе, у противника.

После обеда вдруг раздался рев моторов. Как потом выяснилось, это была вражеская разведка — четыре или пять мотоциклов и одна санитарная машина. Им удалось проскочить через пулеметный огонь. Мотоциклы прорвались, а машину задержал стоявший впереди нас батальон. В машине, кроме водителя, оказались генерал — инспектор итальянской авиации и его телохранитель. Последний был убит при попытке оказать вооруженное сопротивление, а водитель и итальянский генерал были доставлены в 35-ю дивизию.

Фашисты активизируют действия, бомбят станцию и ее окрестности.

На дороге снова рев моторов. Под вечер на высотке показались три вражеские машины с солдатами. Они попадают под огонь наших пулеметов и винтовок. В сумерках видим издали, как из машин выскакивают солдаты. Враг, очевидно, стал более осторожным. Мы молчим.

После двухдневных упорных оборонительных боев продвижение противника на этом участке фронта приостановлено. Ночью получаем приказ отойти.

Пройдя около сорока километров, насквозь промокшие останавливаемся на отдых, сушим одежду. Наконец-то горячий обед! Занимаем оборону.

Опять два дня оборонительных боев и снова получаем приказ отходить. Несколько приходим в себя, да и дождь утихает. Продвигаясь горными дорогами, ребята даже запевают песни.

Утром 2 февраля нам дали машины и вечером въезжаем в Каса-де-ла-Сельва. После отдыха в каком-то пустом ресторане к 11 часам вечера располагаемся на позициях.

Впереди нас 49-й испанский батальон. Он создан на базе бригады им. Домбровского, которая понесла тяжелые потери

в суровых четырехмесячных боях против моторизованных отрядов интервентов.

Обстановка на нашем участке фронта сложная, вокруг 49-го батальона стягивается кольцо вражеского окружения. «Чапаев» дает задание Чиспе разведать возможности прорыва и выхода из окружения.

Ночью Чиспе удается обойти отряды интервентов и вывести бойцов из окружения.

Колонны фашистских танков вплотную подступают к городку. Фронтальную его оборону осуществляет 1-й батальон. Занимаемая нами линия обороны тянется от аэродрома через шоссе до горы. После налета авиации и артиллерийского обстрела фашисты сомкнутыми рядами бросаются в атаку. Первый батальон, поддержанный нами, отбивает атаку.

Под вечер отходим и в ночь на 4 февраля выезжаем в сторону Ла-Бисбаля. К нам присоединяются инженеры — офицеры Вольдемар Вецгайлис и Август Ратниек. Вечером совместно с бригадой организуем оборону в горах. Недалеко отсюда, на складах бригады, запасаемся боеприпасами и продуктами.

Утром 5 февраля отступаем горными тропинками, пробираясь к дороге на Ла-Бисбаль. В этой лесистой и гористой местности почти невозможно ориентироваться. Только с помощью местного крестьянина находим нужную нам дорогу. Вступая по пути в короткие стычки с врагом, взрывая за собою мосты, чтобы задержать фашистские танкетки, добираемся до городка Ла-Бисбаль.

Под покровом ночи отступаем по горным тропам. Внизу, у костров, греются фашисты. Мы с Вецгайлисом вооружаемся автоматами и залегает, прикрывая отступление.

Выходим на дорогу. Неожиданно появляются вражеские танкетки и разрезают нашу колонну на две части. Не вступая в бой, обходим небольшую деревню, куда выехали танкетки, и продвигаемся дальше. Ночь темна. Слева замечаем движущуюся черную полосу. Кто это? Отрезанная часть колонны Чиспы или фашисты? Подготовившись к бою, приближаемся — выясняется, что это наши. Идем дальше вдоль реки, на рассвете встречаем 49-й испанский батальон. Его командир сообщает нам, что надо поторопиться, так как мост через реку Тер утром будет взорван. До моста еще далеко, а мы всю ночь шли через горы быстрым шагом, поэтому очень устали. Несколько минут отдыхаем вместе с испанскими товарищами.

а затем, прибавив шагу, через широкое поле, кое-где поросшее кустарником, торопимся к месту. Едва заметен вдали его силуэт. Спешим. Осталось всего несколько сот метров от него, но раздаётся мощный взрыв: мост взлетает в воздух. На противоположном берегу бойцы нашего отряда.

Медленно, по одному, как акробаты, кое-где держась только на руках, ползем по железным фермам взорванного моста, и так перебираемся через широкую реку. Майор Торунчик и другие товарищи нас радостно встречают. Наспех завтракаем и располагаемся в только что вырытых траншеях.

После обеда отходим, чтобы избежать окружения. Вечером, выставив караулы, устраиваемся на ночлег недалеко от дороги, у крестьянской усадьбы.

На следующий день продолжаем отход.

С запада у Фигераса ещё слышны разрывы артиллерийских снарядов. Тысячи людей, оставив родные места, движутся в сторону французской границы.

Утром 9 февраля приходим в Порт-Боу. Здесь, у подножия Пиренейских гор, по приказу командования грузим оружие в поезд для отправки в Центральную зону республиканской Испании.

Из боевых подразделений организованы маршевые батальоны для перехода границы. Латвийские группы попали в батальон им. Палафокса во главе с командиром Чиспой. Вечером у самой границы проводим прощальный митинг бывшей 35-й дивизии.

К вечеру нам открыли границу. Строевым маршем проходим мимо трибуны, на ней представители республиканского командования, французских властей и комиссия Лиги Наций. Во Францию мы, окруженные мобильной гвардией, входим с поднятыми головами: мы не побеждены. Мы идем навстречу новым сражениям. Борьба с фашизмом продолжается.

1966 г.

На русском языке публикуется впервые

АРОН ЛИПКИН

**ПРОТИВОТАНКОВАЯ
АРТИЛЛЕРИЯ
НА УЧЕНИЯХ И В БОЮ¹**

Из Латвии я выехал 13 декабря 1935 года, преследуемый полицией как член организации «Красная помощь». Я должен был вскоре предстать перед судом, и Центральный Комитет «Красной помощи» разрешил мне покинуть Латвию. С фальшивым паспортом на имя Левинсона я через Таллин и Щецин прибыл в Прагу.

В Праге жил нелегально. 20 мая 1936 года меня арестовали и вывезли к австрийской границе. Через Австрию и Швейцарию, путешествуя в основном пешком, я 17 июня 1936 года добрался до Парижа.

В то время во французской столице латышских политических эмигрантов не было. Они появились месяца три спустя. Я за эти месяцы несколько овладел французским языком, установил связь с французской организацией МОПра, которая позаботилась о моей легализации. Когда в Париже появились первые политэмигранты из Латвии, я уже мог помочь им здесь обосноваться.

Позже, когда приток эмигрантов увеличился, мы в Париже создали антифашистскую группу, которая проводила беседы, собирали деньги для «Красной помощи» и т. п. Входившие в эту группу коммунисты сформировали коммунистическую фракцию, которой удалось наладить связь с Коммунистической

¹ Из докладной. Перевод с испанского языка. Ред.

партией Латвии. С помощью этой фракции товарищи, следовавшие из Латвии в Испанию, через Париж устанавливали контакт с испанским комитетом. Я официально не был членом партии, но меня зачислили во фракцию и избрали в ее комитет.

Эта организация, созданная при моем участии, продолжала свою деятельность и после моего отъезда в Испанию, сделавшись центром латышской эмиграции. Она поддерживала связь с компартиями Латвии, Чехословакии, Швеции, а также с Интернациональными бригадами в Испании. Впоследствии, когда мы очутились в концентрационных лагерях, Центр оказывал нам существенную помощь.

Других интернациональных связей у меня в Париже не было. Я усердно занимался политическим самообразованием.

Я решил ехать в Испанию и получил на это согласие французского комитета. Из Парижа выехал в составе группы из 20 человек и был назначен ее ответственным лицом. Из латышей в группу входил Я. Палкавниек. Почти месяц — с конца апреля до 23 мая мы провели в окрестностях Бордо. Затем перешли через Пиренеи.

Пробыв неделю в Мадригерасе, мы были направлены на обучение в Альбасете, где сформировалась 6-я славянская батарея противотанковой артиллерии; батареей командовал Клаудиус Чиспа (настоящее имя Березин). Это была моя единственная военная школа. Большинство артиллеристов батареи составляли добровольцы из Латвии и Югославии.

6 июля 1937 года нас отправили на фронт. Я был назначен связным при командире батареи. Впервые принял участие в боях под Вильяфранка-дель-Кастильо и Вильянуэва-дель-Пардильо (15 и 17 июля 1937 года).

В той же должности связного при командире я служил и на другом участке фронта, в Вильянуэва-де-ла-Каньяда, одновременно выполняя и обязанности секретаря батареи. Ту же должность я занимал и в боях под Вильямайор, близ Сарагосы. Противотанковое орудие, которым командовал я, Палкавниек, было придано стоявшему на переднем крае батальону им. Джаковича. Оно попало под сильный огонь противника. Были ранены командир орудия сержант Я. Палкавниек, его заместитель Л. Чернин и один боец. Огонь советских противотанковых орудий сыграл в этих суровых боях немалую роль, поддерживав пехоту и в боевом, и в моральном отношении. После этих боев нас перевели в резерв и направили в Сампер-де-Каланду.

Митинг интернационалистов в связи с возвращением на фронт для защиты Каталонии в январе 1939 года

Бойцы батареи тяжелой артиллерии имени Коларова на Эстремадурском фронте 1 мая 1938 г.

Жанис Фолманис (Грива) и Леон Клейман (справа) на Эстремадурском фронте в 1938г.

Артиллерийская группа им. Я. Янсона Брауна на Эстремадурском фронте в 1938 г.

Здесь произошла реорганизация батареи. В сентябре югославские товарищи во главе с Бранко Кремановичем (командиром батареи) вышли из бригады и сформировали отдельное югославское подразделение. В батарею прибыли 20 только что мобилизованных каталонских товарищей и человек 15 поляков, совершенно не подготовленных для службы в противотанковой артиллерии... Командиру батареи К. Чиспе был дан десятидневный срок для подготовки батареи к боям. Я в то время был чуть ли не единственным, кто мог ему помочь, особенно в организации наблюдения и связи... Мне присвоили звание сержанта (товарищ Чиспа был в звании старшего лейтенанта). Комиссаром батареи был югославский товарищ Штейнберг.

В эти дни я подал заявление о принятии меня в Испанскую коммунистическую партию. Партийный комитет бригады им. Домбровского¹ мою просьбу удовлетворил. Партийный билет мне вручили в январе 1938 года.

В последующих боях под Фуэнтес-де-Эбро наша реорганизованная батарея отличилась храбростью. Командование бригады и дивизии присвоило батарее имя Антони Кохана — одного из первых командиров батальона им. Домбровского, погибшего смертью храбрых от вражеского противотанкового снаряда. У Фуэнтес-де-Эбро мне впервые пришлось командовать орудийным расчетом. В декабре мне присвоили звание лейтенанта. В последующих боях на участке Уэски (в секторе Тардьенты) я был непосредственным помощником командира батареи.

В феврале мы находились в Эстремадуре. 16 февраля совместно с 13-й бригадой принимали участие в наступлении в секторе Пераледы. Плохо подготовленное наступление было неудачным. Мы лишились командира батальона им. Палафокса, комиссара роты им. Мицкевича и многих других офицеров и бойцов. Наша батарея вышла из этих боев без потерь, главным образом благодаря умелому руководству командира Чиспы.

Из Эстремадуры нас вместе с 13-й бригадой перебросили в Арагон. Сразу же по прибытии мы подверглись массированному налету вражеской авиации. Наши противотанковые орудия заняли позиции под Бельчите. У нас было мало транспортных средств. Орудие, с которым я занял позицию примерно в 4—6 километрах от Бельчите, тотчас же пришлось

¹ Батарея входила в состав этой бригады.

отвести обратно из-за панического бегства пехоты. Не имея транспорта, мы не сумели вместе с орудием увести и боеприпасы. Чуть позднее я обнаружил с наблюдательного пункта, что оставленная нами позиция еще не занята фашистами. Я взял у интендантов небольшую машину и в сопровождении пяти бойцов вернулся туда. Под интенсивным огнем противника нам все же удалось вывезти боеприпасы.

16 марта 1938 года, после девятидневного отступления, наша батарея пересекла шоссе под Каспе, чтобы закрепиться на далеко выдвинутом вперед плацдарме... и подверглась бомбежке и пулеметному обстрелу с вражеских самолетов. Я был тяжело ранен. Как потом узнал, в этот день погибло три товарища из нашей батареи: связист С. Поташов из Латвии, П. Хретич из Югославии и испанец Хосе Лопес Санчес.

До 14 апреля я находился на излечении в пяти госпиталях: в госпитале 35-й дивизии, затем в Тортосе, в Беникасиме, в Гандии и в окрестностях Валенсии.

14 апреля я ехал в санитарном поезде в Барселону. Неподалеку от Винароса поезд подвергся бомбежке и пулеметному обстрелу. Многие раненые были убиты или получили новые ранения. Поезд остановился и застрял. Это был последний поезд из Валенсии в Барселону: фашисты, заняв 15 апреля Винарос, перерезали Испанию надвое. Ночью 14 апреля я в первый раз после ранения поднялся с санитарных носилок и, выйдя из вагона, в нижнем белье добрался до шоссе. Меня на машине увезли в Барселону и отправили в госпиталь в Матаро, где я оставался до июля до полного выздоровления.

В этом госпитале я был избран секретарем партийного комитета по массовой работе, т. е. по руководству такими организациями, как «Красная помощь», «Общество дружбы с СССР» и другие. Эта работа шла в госпитале довольно успешно. Затем я стал секретарем по пропаганде. Мы создали пропагандистскую комиссию, проводили в палатах политические беседы, организовали конкурс стенных газет и т. п.

По выздоровлении меня направили в Лас-Планас, в главные казармы Интернациональных бригад. Здесь было много офицеров интернационалистов, которых, как и меня, пока еще на фронт не посылали. Я был назначен начальником секции и, кроме того, секретарем казарменного парткома по оргработе. Почти каждый день сюда прибывали и отсюда отбывали на фронт десятки товарищей. В этих условиях организационная партийная работа была сложным делом. Все же

удалось создать партийные ячейки, регулярно проводить собрания, взять на учет многих товарищей. После мюнхенского сговора мы созвали и Лас-Планасе партийную конференцию. Первым секретарем партийного комитета избрали румынского товарища.

После демобилизации Интернациональных бригад меня направили в демобилизационный центр, к месту сбора 13-й бригады. Здесь меня назначили начальником штаба батальона им. Палафокса. Разумеется, штаб наш не занимался ни военными вопросами, ни военными операциями; он руководил организацией лагерной жизни, подготовкой к предстоящему отъезду в другие страны и т. п.

Когда в январе 1939 года Интернациональные бригады снова отправились на фронт, я был во вновь организованной противотанковой батарее. Но у нас уже не было орудий, и последний этап мы прошли как пехотинцы. Я оставался в отряде до последнего дня. Перешел границу у Порт-Боу 9 февраля 1939 года с последней группой 13-й бригады. Мы попали в Аржелесский лагерь.

Когда в лагере создалась партийная организация, я стал секретарем прибалтийской парторганизации.

Затем нас перевели в лагерь в Гирсу, где мы объединились с товарищами из Сенсиприена. Партийное руководство оставалось тем же, что в Сенсиприене. Секретарем прибалтийской группы был Я. Палкавниек.

В Гирсу мы активизировали культурную и политическую деятельность. Организовали комиссию по культурной работе, которая запланировала серию лекций о Латвии; создали курсы по изучению языков, физики и математики, начали выпускать периодические издания, стенные газеты и т. п. Ответственным за культурную работу был В. Кур. Мне поручили вести культработу в прибалтийской группе. Самым значительным из того, что мы делали, было серьезное изучение истории ВКП(б). Занятия длились около трех месяцев (до начала войны) и намного повысили наш политический уровень. Все латышские товарищи (как члены партии, так и беспартийные) принимали участие в занятиях. Большинство получило при этом первое понятие о ленинизме. Более подготовленные товарищи параллельно с историей партии изучали первоисточники, в том числе труды В. И. Ленина. Руководя этими занятиями, я и сам значительно углубил знания по теории марксизма-ленинизма.

С началом второй мировой войны в лагере прекратилась вся культурная и политическая работа. Отчасти это произошло потому, что мы лишились многих легальных возможностей, которыми пользовались раньше, но в первую очередь потому, что не сумели найти новые методы работы и без возражений выполнили ошибочное указание руководителей нашей секции — прекратить какие бы то ни было собрания, уничтожить все материалы по политзанятиям и т. д. Это отрицательно сказалось на внутренней жизни всего коллектива...

В январе 1940 года мы взялись за перестройку работы латышской партийной группы. Делегат по культурной работе Ф. Пуце, руководитель группы А. Спалан, я и еще некоторые товарищи потребовали созыва актива латышской группы, но осуществить это не удалось: руководство секции считало такое совещание недопустимым по соображениям конспирации. Секретарь секции, выяснив ситуацию в нашей группе, заменил некоторых товарищей в комитете. Ф. Пуце стал секретарем, а я — членом комитета. Нам удалось возобновить экономическую и, хотя и очень незначительно, культурную работу.

В марте я с разрешения организации попытался вдвоем с Палкавниеком бежать из лагеря. Меня жандармы поймали, а Палкавниеку удалось уйти. Многие товарищи из нашей группы тоже бежали из лагеря с разрешения организации.

В апреле меня перевели в Вернетский лагерь, где я был назначен начальником секции 48-го барака. Был секретарем парторганизации прибалтийской группы; в ней было две ячейки — латышская и литовская.

В августе на базе национальных групп из стран, вошедших в состав Советского Союза, была создана единая партийная организация. Меня избрали членом комитета этой организации (секретарем по пропаганде). Основным содержанием нашей пропагандистской деятельности стала политическая подготовка новых советских граждан.

Мы потребовали от государственных властей Франции разрешения направить делегацию в Виши, в консульство СССР. Меня избрали делегатом от прибалтийцев, бессарабов, украинцев и белоруссов. Но французские власти поездку не разрешили.

В Вернетском лагере мы боролись за то, чтобы французские органы власти разрешили нам хоть частичный контроль над снабжавшим нас интендантством, где процветало воровство. Мы требовали, чтобы органы власти признали не только назначенных ими начальников барачных, но и избранных нами

представителей. 48-й барак, где жили польские, итальянские и немецкие товарищи, выбрал своим представителем меня.

Партийная организация Вернетского лагеря приступила к серьезному делу: была избрана комиссия из представителей наиболее значительных групп, чтобы критически оценить всю партийную работу в лагере. Комиссия должна была выработать резолюцию, которую надлежало передать на обсуждение всем членам партии. Материалы о латышской группе подготовили для этой комиссии Г. Брозинь и я. Резолюция еще не была готова, когда нас, новых советских граждан, перевели из Вернеты в Карпианьский лагерь.

В Карпианьском лагере нас поместили вместе с теми советскими гражданами, которые прибыли из Аржелесского лагеря. Здесь мы также создали партийную организацию. В комитет латышской группы были избраны Ф. Пуце, Г. Брозинь и я. Кроме того, меня избрали руководителем латышской группы. В Карпианье, а также в последующем Лемильском транзитном лагере режим не был столь тяжелым, как в предыдущих лагерях, а следовательно, и условия для политической работы оказались более выгодными. Самое значительное, что успели там сделать — серьезное изучение Конституции СССР, углубленное повторение курса истории ВКП(б) и самокритика проведенной нами работы на основании резолюции, принятой в Вернете. Эта резолюция была нами получена в Лемильском лагере. В латышской группе изучение Конституции СССР и истории ВКП(б) проводилось в кружках из 4—6 человек в каждом... Провели также ряд бесед, лекций и индивидуальных занятий. В латышской группе кружками руководил я.

Проведенная в лагерях партийная работа рассматривалась на партийных собраниях национальных групп. На собрании латышской группы комитет сложил свои полномочия с тем чтобы избрать новый состав. В новый комитет был единогласно избран весь прежний состав — Ф. Пуце, Г. Брозинь и я.

Это произошло накануне нашего окончательного выезда из лагеря.

1941 г.

На русском языке публикуется впервые

ПИСЬМА ИЗ ЛАГЕРЯ

(Отрывки)

Аржелес, 28 февраля 1939 года

I

Милый друг!¹

Итак, мы оказались во Франции, совсем недалеко друг от друга, но связь между нами прервана. Думаю, что ее надо наладить, хотя бы даже только письменную. В первое время мы надеялись, что нас вот-вот объединят всех в одном лагере, но, как видно, это дело затянулось.

Я в этот лагерь попал через дня два после перехода границы вместе с другими, которых, так же как и меня с Ильгисом, отделили из наших частей. Здесь я застал небольшую группу латышей, с которыми и живу вместе. Тут Теллер, Упеслея, Эмбрик, Кадикис, Карлитис, Дукальский, Тихомиров, Цинис и я. Столько же здесь и литовцев (вместе с Ильгисом) и 8 эстонцев. Был здесь и Климкан, но с первой же эвакуацией увезен в больницу.

Первое время тут было очень скверно. Пища скудная, барак нет, вообще не было никакой организации. Но понемногу мы стали все больше ощущать плоды усилий, которые предприняты в нашу пользу за пределами лагеря. Теперь нам своевременно и в достаточном количестве доставляют питание. Из выделенных материалов мы построили бараки; организована доставка почты, избраны наши представители и т. д. Мы, латыши, живем все в одном бараке. Готовим отдельно, на нашей кухне. У нас чудесное содружество и единомыслие. Ни разу еще за все время не было никаких ссор, никакого разделения на фракции, ничего такого, что зачастую случается при длительной совместной жизни группы людей...

Никакой организованной политической или культурной работы наша группа не ведет, да в этом и нет нужды, если принять во внимание, что целые дни и ночи мы проводим в беседах...

¹ 1-е и 2-е письма написаны Я. Палкавниеку.

...Мы расставались с нашим «стариком»¹. Произошло это совершенно неожиданно. Сперва все притихли, задумались, потом запели: «Так вспомним, товарищ, как вместе сражались...» И Даже старый морской волк Климкан низко склонил голову, словно трубку закуривает. Ох, хоть бы это и впрямь стало началом всеобщего «переселения народов»². Чтобы место не пустовало, у нас появился «новичок» — знаменитый турист Пецис, он всем вам шлет привет. Теперь-то мы его тут «посадим на якорь».

Организованной культурной работы мы не ведем, но в последнее время целыми днями коллективно читаем. Надеюсь, что окончание периода ветров не сорвет этого нашего занятия. Верный наш союзник в этом деле — дождь. Ну, а понемногу народ пристрастится к чтению. Газетных сообщений уже и теперь ждут с таким интересом, что каждое утро — хоть дождь, хоть ветер — кто-нибудь сам вызывается тащиться по песку на большое расстояние, чтобы купить «Депеш» или «Пари-Суар». Появились у нас и учебники — французского языка и по другим предметам.

Только что принесли свежую газету, все ждут, чтобы я начал читать. Поэтому заканчиваю. Всем сердечные приветы! Записку для меня в письме Теллера я не получил. Но теперь уже действительно пора кончать письмо: ребята желают знать, что происходит в Мемеле³.

Жму руку. Твой Липкин

III

Дорогой товарищ!⁴

Получил твое письмо еще в Аржелесе. Оно нас обрадовало. Теперь мы тут вместе с сенсиприенскими товарищами. Жалко, что объединение в одном лагере не произошло раньше, когда вы еще были здесь, и нам не удалось лично хотя бы только попрощаться. Здесь у нас сложился замеча-

¹ «Старик» Ж. Артман (Теллер). Ред.

² Выезда из лагеря домой. Ред.

³ Речь идет о Клайпедской (Мемельской) области, которую фашистская Германия в марте 1939 года отторгла у Литвы. Ред.

⁴ Письмо написано Р. Лацису. Ред.

тельный коллектив. Порой удивляюсь, откуда у нас, в столь тяжелых условиях, берется сила воли и такая жажда труда и учебы. Учимся и здесь, как в вашем лагере, но более организовано, чем в Аржелесе, об этом ты сам очень хорошо знаешь. Никаких особых перемен нет и в остальной нашей жизни. Сегодня льет дождь, места здесь болотистые, когда нет солнца, холодно...

Очень ждем писем из дому — от тебя и остальных товарищей.

С сердечными приветами

твой Липкин

ЛЕОН ЧЕРНИН

У ГВАДАРРАМЫ И ЭБРО

В двадцатых годах рабочим Даугавпилса жилось трудно. В результате войн — мировой и гражданской — город сильно пострадал. Счастливы были те, кому с большим трудом и за ничтожную плату удавалось получить работу в какой-нибудь мелкой мастерской или на небольшом предприятии.

В еврейском ремесленном училище, в котором я учился, мы, будущие рабочие, очень быстро прониклись пролетарским сознанием и уже в 1926 году организовали забастовку, длившуюся две недели. Мы требовали улучшения условий труда и учебы.

В 1928 году, закончив училище, я отправился в Ригу искать работу. Там я вскоре сдружился с рабочей молодежью, которая посещала легальные революционные клубы. Стал ходить туда и я. Деятельностью этих клубов нелегально руководила Коммунистическая партия Латвии. Мы слушали лекции на политические темы, в кружках изучали политэкономию и основы революционного марксизма так у нас тогда называли марксистско-ленинское учение. Спустя некоторое время я вступил в комсомол.

В 1930 году Рижская комсомольская конференция была застигнута полицией. Вместе с другими делегатами арестовали и меня.

Отбыв по приговору буржуазного суда срок в Рижской срочной тюрьме, я в январе 1934 года вернулся в родной

Даугавпилс. Тотчас установил связь с Даугавпилсской организацией ЛКСМ. Меня назначили «техником»¹ городского комитета комсомола. В моем ведении было хранение и распространение нелегальной литературы по ячейкам. В ноябре 1935 года меня начал выслеживать шпик политохраники. Надо было скрыться. Я получил разрешение городского комитета комсомола выехать в Ригу. Здесь некоторое время работал на велосипедном заводе «Латвелло». Продолжал свою комсомольскую деятельность, но политохраника вскоре снова напала на мой след. Пришлось перейти на нелегальное положение. Жил без прописки, часто менял квартиру. Так продолжалось до 1937 года.

События, которые тогда разыгрались в Испании, взволновали революционную молодежь Латвии. Многие стремились туда, чтобы помочь испанскому народу в открытом бою сразиться с фашизмом. Решил отправиться в Испанию и я. Друзья и товарищи помогли мне осуществить мой замысел.

В мае 1937 года в Париже проходила Всемирная промышленная выставка. Это был хороший повод для выезда из Латвии во Францию. Оттуда можно было перебраться в Испанию. Но явиться в официальное государственное учреждение, чтобы получить заграничный паспорт на свое имя, я не смел. Что делать? Выручил меня приятель. Он получил заграничный паспорт, конечно, на свое имя и отдал его мне. Рискую быть разоблаченным по пути, я все же поехал и благополучно выехал за пределы Латвии. Мне в Риге дали адреса проживавших в Париже латышских товарищей — Марты Пуце, Маши Зильберман и других.

В Париж я прибыл накануне 1 Мая 1937 года. 1 Мая миллион участников Народного фронта Франции демонстрировал свою революционную готовность бороться с фашизмом до полной победы². В рядах парижских демонстрантов я прошел от площади Республики до исторической стены Коммунаров, где все мы поклялись быть верными революционной солидарности. Один из основных лозунгов демонстрации был: «На помощь республиканской Испании!». Многие французы и

¹ «Техник» подпольной организации — связной, обеспечивающий доставку нелегальной литературы. *Ред.*

² Народный фронт, который по предложению Коммунистической партии Франции был создан в 1934 году коммунистами, социалистами и радикалами Франции, успешно боролся с фашистами, пытавшимися захватить власти. Народный фронт добился больших успехов на выборах в парламент и 1936 году. *Ред.*

француженки так складывали трехцветное знамя Республиканской Испании, что получалось подобие большого сосуда, в который они собирали пожертвования в помощь Испании. Французские пролетарии со всех сторон щедро бросали франки. Здесь же, в колонне, двигались десятки машин «скорой помощи» и машин с амбулаторным оборудованием, подготовленных к отправке в Испанию. Трудно описать чувство, охватившее меня, впервые увидевшего подобную мощную демонстрацию, революционный подъем, всколыхнувший весь Париж. Вот такой же революционный накал когда-то вел французов на баррикады!

Демонстрация продолжалась весь день. Я был бесконечно счастлив. Не чувствовал ни усталости, ни голода.

Это незабываемое переживание еще больше разожгло во мне стремление поскорее оказаться в Испании, желание как можно быстрее броситься в революционную борьбу.

Маша Зильберман, официальный представитель латвийской «Красной помощи» во Франции, поддерживала связь с Комитетом помощи Республиканской Испании. При ее содействии я был внесен в список добровольцев.

В группе добровольцев, насчитывающей 70 человек, были представители различных национальностей. Из Латвии там был Беньямин Кур, который прибыл в Париж из Праги несколько позднее меня. К испанской границе мы ехали и поездом, и автобусом, и в легковых автомобилях. В пограничной зоне шли пешком. В некоторых местах задерживались дольше, меняли направление, чтобы не привлекать к себе внимания. Границу в Пиренейских горах мы пересекли пешком, без вещей. Шли целых 18 часов. Молча. Сопровождал нас лишь один проводник. Все 70 добровольцев стойко выдержали трудности перехода. Наконец мы добрались до испанской пограничной крепости Фигерас.

Наше прибытие в Испанию совпало с путчем анархистов в Барселоне. Поговаривали, что нас отправят на ликвидацию путча, но к этому времени страсти уже улеглись, дело обошлось без нашей помощи. Нас направили в Альбасете, где бойцов Интернациональных бригад ускоренно готовили к боям. Чтобы военное обучение проходило быстрее и лучше, нас разделили на национальные группы. Бойцов из Прибалтики определили в противотанковую батарею. Нас обучали вести огонь по танкам бронебойными снарядами из 45-миллиметровых противотанковых орудий, стрелять фугасными и осколочными гранатами по живой силе. Командиром батареи

был латыш А. Березин (Чиспа). Из Латвии там еще были заместитель командира батареи и командира орудия Я Палкавник, К. Эмбрик, К. Вейхманис, А. Липкин (адъютант А. Березина), В. Витол и другие.

В Альбасете мы проходили обучение примерно месяц, до 5 июля 1937 года. 7 июля мы отправились на фронт, в бригаду им. Домбровского, по дороге приняли участие в Брунетской операции. До 12 июля стояли в резерве, а 12 июля заняли позиции у реки Гвадаррамы, в расположении 5-го франко-бельгийского батальона 150-й бригады им. Домбровского. В районе Вильянуэва-дель-Пардильо произошел жестокий бой, здесь мы получили первое боевое крещение. В боях у Вильяфранка-дель-Кастильо враг нас безжалостно бомбил. Поблизости разорвалась бомба. Взрывной волной опрокинуло наше орудие. Суровый бой нам пришлось выдержать 17 июля, когда противник под прикрытием танков перешел в атаку. Вскоре нас под авиационным и артиллерийским огнем противника перебросили на левый берег Гвадаррамы, здесь мы находились в обороне до 28 июля.

31 июля мы вступили в городок Вильянуэва-де-ла-Каньяда, который республиканские военные части заняли уже в начале Брунетской операции. Враг теперь разрушал городок бомбами и артиллерийскими снарядами. Положение здесь создавалось ужасное: здания разрушены, колодцы засорены. Жара стояла невыносимая, а водой из колодцев нельзя было пользоваться. Во дворах валялись трупы людей и мулов.

С большим трудом удалось разыскать наполовину уцелевший дом. Здесь и расположился наш оружейный расчет, примерно неделю выдерживая оборонительные бои. Вскоре нас перебросили на Восточный фронт, где в строжайшей тайне готовилось наступление на Сарагосу.

18 августа на поезде мы отправились в Арагон. Из Каспе на машинах двинулись на Сарагосу. На этом участке фронта с 25 августа шли ожесточенные бои, особенно кровопролитные на подступах к Сарагосе. Мы находились в 8 километрах от города. С пригорка он был хорошо виден.

30 августа при поддержке авиации и артиллерии враг в районе Вильямайор-де-Гальего перешел в контрнаступление. Еще до начала боя был ранен заместитель командира нашей батареи командир орудия Я. Палкавник. На его место назначили меня. В тот же день я получил легкое ранение в левую ногу. После перевязки я остался на поле боя в качестве

наводчика и командира орудия, но несколько часов спустя меня вторично ранило в бок, и я выбыл из строя. Санитарная машина увезла меня в медпункт, а оттуда в госпиталь. Тогда же были ранены Волков и другие товарищи. В госпитале в городе Мурсия я находился вместе с Я. Аболом, который на Брунетском фронте лишился ноги, с Ф. Пуце и Я. Климканом. В госпитале нас навестили М. Шварц и А. Гинцбург. Михаил Шварц поздравил меня с победой, так как в бою, в котором я принимал участие как наводчик противотанкового орудия, было уничтожено много фашистов. За этот бой мне присвоили звание сержанта.

В госпитале мы, латыши, держались вместе.

В батарею я вернулся в марте 1938 года, когда она стояла в резерве на Арагонском фронте. 30 марта, когда батарея переходила на другое место, я снова был легко ранен осколком снаряда. Через день, вернувшись из медпункта, я уже не смог разыскать свою батарею. Присоединился к 11-й Интернациональной бригаде, которая дислоцировалась здесь. Пробыл тут недолго. Однажды, стоя на посту у штаба, я окликнул проходившего мимо человека, а когда он отозвался, я по голосу узнал своего командира А. Березина (Чиспу). Он, договорившись со штабом 11-й бригады, вернул меня в противотанковую батарею.

В 11-й бригаде я встретился с доктором С. Швалбе. Она лечила бойцов в полевой санитарной машине, в которой был оборудован зубоврачебный кабинет. А во время боев она работала как хирург.

Вскоре меня назначили командиром минометного расчета в батальон 11-й бригады. Я обучал бойцов 11-й бригады стрельбе из миномета. Вместе с батальоном принимал участие в героическом наступлении в районе реки Эбро. 22 июля мы на лодке форсировали реку, заняли Корверу и дошли до подступов к Гандесе. В этих боях наш миномет вышел из строя: ствол его перегрелся и разорвался. Оставшись без миномета, я вновь вернулся в противотанковую батарею.

Наши товарищи-испанцы были очень молоды, но многие из них уже основательно закалились в боях. Когда Интернациональные бригады были отозваны с фронтов. А. Березин передал командование батареей юноше — смелому, преданному коммунисту, нашему всеобщему любимцу; ему было всего 18 лет.

Нас, интербригадовцев, собрали вблизи Барселоны, чтобы оттуда отправить домой. Англия. США. Франция. Бельгия,

Чехословакия и некоторые северные государства разрешили своим гражданам вернуться на родину, но нам, латышам, такого права не было дано.

В конце января 1939 года мы, интербригадовцы, находясь в городе Палафружелъ, собрались на митинг и решили добровольно прийти на помощь истекающей кровью республиканской армии. У нашей батареи уже не было орудий, были только винтовки, шесть пулеметов и два миномета. Фашисты же были вооружены немецкой и итальянской военной техникой, их превосходство в вооружении было очевидным. Республиканская армия вынуждена была с боями отступить. Наша батарея прикрывала с фланга отходящие республиканские части. Так мы оставили Каталонию. 8 февраля французское правительство разрешило нам перейти границу.

Нас отправили в лагеря — в Сенсиприен и Аржелес. Бараки мы должны были строить сами, а до того спали на голлом песке. В Сенсиприенском лагере нас, из Латвии, было 40 человек. Столько же латышей находилось и в Аржелесском лагере. Позже нас всех перевели в лагерь Гирсу.

В феврале 1940 года мы с Б. Куром бежали из лагеря, как и все, кто мог. В городе Бордо мы с Б. Куром, выдав себя за латышских моряков, сами изготовили удостоверения и попытались наняться на какой-нибудь пароход, чтобы добраться до Латвии. Ночевали в приюте. Наконец мы нанялись на датский пароход «Герда Тофт» в надежде, что он выйдет в Балтийское море; но в это время Германия оккупировала Данию, пароход был национализирован, и мы вынуждены были остаться в Бордо. Снова начали искать возможность уехать. На пароходе «Герда Тофт» попытался уехать из Бордо и Р. Шмидт. Вскоре и я нанялся на этот пароход, так как он уходил в рейс с французским капитаном. Я все еще надеялся, что пароход отправится в Данию, но он неожиданно взял курс на Сенегал. Не смея раскрывать себя, я был вынужден отправиться в Африку. Работал помощником кочегара, помощником кока и т. д.

В июне 1940 года в Латвии была восстановлена Советская власть. В августе Латвия вместе с другими прибалтийскими республиками была принята в состав Союза Советских Социалистических Республик. Теперь ничто не препятствовало моему возвращению в Латвию. Но как туда добраться? Помог случай. В непривычном климате я заболел малярией. Несчастье помогло мне — меня освободили от работы и даже выдали бесплатный проездной билет до Марселя; по французскому

закону заболевшие моряки имеют право бесплатной репатриации из колонии в метрополию. В начале февраля 1941 года я прибыл в Марсель.

Все интербригадовцы из новых советских республик были собраны в лагере в Лемиле, а оттуда они выехали на Родину.

Когда я приехал в Марсель, меня тоже включили в число советских граждан, но в список отъезжающих я попасть не успел: они уже получили заграничные паспорта.

Советский консул стал добиваться, чтобы мне разрешили индивидуальный въезд в Советский Союз, но пока продолжалась переписка с Швейцарией. Италией и Германией — со странами, через которые я должен был проезжать. — началась Великая Отечественная война и путь на Родину для меня снова закрылся.

В ноябре 1942 года фашистская Германия с согласия правительства Виши оккупировала южную зону Франции. Коммунистическая партия Франции призвала французский народ начать вооруженную борьбу против фашистов. Я в то время нелегально проживал в Марселе, руководя Марсельской эмигрантской секцией Коммунистической партии Франции. Меня назначили политическим комиссаром 5-го партизанского батальона в Гренобле. После гибели командира мне доверили командование батальоном.

Наш батальон действовал в самом городе, в очень трудных условиях. Мы взрывали фабрики, заводы и электростанции, которые работали на немцев, разрушали железные дороги и пускали под откос немецкие транспортные эшелоны, проводили вооруженные налеты на местные органы власти, забирали продовольственные карточки для партизан и тех жителей, которые скрывались от властей.

Летом 1944 года мы были вынуждены оставить Гренобль и переместиться в горы. Вернулись мы в Гренобль только в августе, но уже законными жителями города. После освобождения Франции и капитуляции Германии я стал работать в миссии, которая занималась репатриацией советских граждан из Западной Европы.

В августе был составлен эшелон с возвращавшимися на Родину советскими гражданами. Вместе со всеми выехал и я. Прибыл на Украину, оттуда в Ригу. Это было в начале 1946 года.

**СРАЖЕНИЯ В АРАГОНЕ
И В КАТАЛОНИИ**

В 1935 и в первой половине 1936 года я работал в Бельгии. Был членом бельгийской Компартии, состоял в секции портовых рабочих Гента и руководил латышской секцией Интернационального клуба моряков. С июля 1936 по ноябрь 1937 года я плавал кочегаром на датских судах. В конце 1937 года получил разрешение секретаря партии на выезд в Испанию.

Ехали мы, группа добровольцев, через Францию. Границу Испании пересекли нелегально, ночью пешком преодолели Пиренеи. Из пограничного городка, где провели несколько недель, отправились через Барселону в Альбасете. Здесь сменили гражданскую одежду на военную форму. Меня определили в 13-ю бригаду и направили в Касас-Ибаньес. Там мы усердно учились, готовясь через несколько недель отправиться на фронт. Я узнал, что в противотанковой батарее бригады много латышей, и договорился, что буду проситься к ним. Так и сделал. Артиллеристов нашел без особого труда. Под оливами расположилась группа военных с орудиями. Один из военных, коренастый капитан с планшетом, оказался командиром батареи А. Березиным (Чиспа). Стояла ранняя весна 1938 года. Батарея отправлялась далеко — на Эстремадурский фронт. Меня включили в расчет третьего орудия. Его командиром был Эмбрик. Несколько недель простояли где-то у подножия горы. За это время я освоил материальную часть орудия.

В марте вся батарея поездом отправилась на север — на Арагонский фронт. Несколько недель мы провели в горной лесистой местности на берегу реки Эбро. За рекой располагался старинный городок Файон, где засели фашисты. По ночам мы несколько раз обстреливали их из орудий.

Трудно было с питьевой водой. Доставляли ее на осликах. Как-то раз я отправился искать воду. Заметив в горах домик, направился к нему. Я попросил питьевой воды у женщины, сортировавшей оливы. Я заметил, что она нервничает. Значит, с водой и здесь плохо. Все же, ни слова ни сказав, она указала мне колодец, большой и очень глубокий. Но воды в нем было мало, да и та мутная.

Нашу группу отправили на отдых, мы расположились у подножия горы, в нескольких часах ходьбы от Средиземного моря. За горой, у моря, мы тренировались в стрельбе по мишеням из орудий, пулеметов и карабинов, загорали, купались в теплой воде Средиземного моря. Так мы провели примерно около месяца.

Случались и очень приятные дни — когда прибывали посылки от рабочих Латвии, Франции и Америки: консервы, сигареты и табак. Еще раз сердечное спасибо всем, кто нам их посылал!

Вскоре мы выросли численно. Пришло время отправляться на фронт.

Расчет третьего орудия получил приказ закрепиться под Каспе. Нашим командиром был А. Липкин. По дороге нас атаковал фашистский самолет. Едва мы успели укрыться, как самолет с бреющего полета засыпал нас мелкими ручными гранатами. Их взрывы подняли столб дыма и пыли. Покружив над нами еще немного, он скрылся. Мелкими осколками был ранен в голову наш командир. Мы отправили его в госпиталь.

В тот же день. 17 марта, погиб Сергей Поташов, только что прибывший к нам. Мы тяжело переживали эту утрату.

Спустя некоторое время наше орудие направили в один из батальонов. Поехали туда. Нам указали позиции на вершине высокой крутой горы. Взобраться наверх нам помогла чуть ли не рота бойцов. С горы осмотрели местность: налево по южному склону вилась мощенная гравием дорога на запад. Ее пересекала широкая, но мелкая, в галечных отмелях река, через нее перекинут бетонный мост. Направо — поросший деревьями и кустарником склон, за ним лесистый холм. У подножия горы — оливковая плантация. Вдоль южной ее

окраины — дорога. За дорогой до самой реки — лес. Позиция была скверная, нас легко могли обойти с обеих сторон.

Несколько дней прошло спокойно. Мы укрепились. Фашистские разведчики летали над нами почти каждый день. Однажды они с большой высоты бомбили мост. Все бомбы попадали в реку.

На пятый день после полудня мы увидели фашистов. Разреженными цепями они бежали через оливковую плантацию. Мы открыли огонь из орудий, из тяжелого и из легкого пулеметов. Наш огонь был меток, но итальянцев-чернорубашечников было очень много, вся плантация кишела ими. Они вели по нашей высоте плотный винтовочный огонь. Наше орудие действовало на полную мощность, да и пулеметы не молчали. Но выяснилось, что с флангов нас не поддерживают. С обеих сторон было тихо, даже винтовочные выстрелы не раздавались. Первые ряды фашистов уже исчезли из нашего поля зрения. Было ясно, что эту лавину мы остановить не сможем. Ничего другого нам не оставалось, как отойти с орудием.

Сделать это удалось с большим трудом. У подножия горы стояла наша машина. Мы прицепили орудие и поехали к штабу, который расположился примерно в полутора километрах от оставленной нами высоты. Там нас встретили упреками: «Кто вам разрешил оставить позиции?» Грозилась разоружить нас и расстрелять. Пришлось объяснить, что мы вели огонь до последней секунды, у нас не оставалось времени просить разрешения на отход. Все успокоились. Нам приказали пешком отправиться обратно, проверить, где теперь фашисты. Уже на полпути мы увидели, что оставленная нами высота занята чернорубашечниками. Обнаружив нас, они открыли пулеметный огонь. По оврагам вдоль подножия горы мы продвигались вперед.

Во второй половине следующего дня фашистский танк обстрелял нашу позицию. Но прямых попаданий не было, все остались невредимы. Вечером мы получили приказ отступить. Прошли пешком несколько километров, до ближайшего городка. Там собрались наши бойцы.

Теперь мы находились километрах в 20 за Каспе, в направлении Мадрида. Здесь раскинулись два сельских городка с общим названием Ихар. Под одним из них нам уже доводилось стоять. В тот раз фашистские самолеты бомбили мост близ городка. Я вспомнил, что какой-то человек был разорван на куски и взрывной волной заброшен на телефонные провода. Мы проехали мимо городков. Затем разъехались —

каждый орудийный расчет в свою сторону. Третье орудие осталось охранять дорогу, по которой мы ехали. Но еще до восхода солнца нам приказали продвинуться примерно на километр вперед. Имущество наше осталось на месте. Мы залегли на обочине и изготовились к стрельбе. Впереди, в каком-нибудь полукилометре, виднелось несколько строений, окруженных старыми деревьями. С этой стороны мы и ждали врага.

Через несколько часов фашисты открыли слева фланговый пулеметный огонь по нашей пехоте. Началась заваруха. Мы не могли увидеть, что там происходит, хотя это было и не очень далеко. Справа — ни души. Мы забеспокоились: если за нами не придет машина, придется самим втаскивать орудие на пригорок. Мы взвалили боеприпасы на орудие и впряглись в оглобли. Продвигались медленно. Дорогу начали обстреливать, кажется, с танка. Но выстрелы были редкими и не попадали.

Вся наша батарея съехала к песчаным пригоркам у реки. Туда подошли и другие отряды, все на машинах. В горах были выставлены посты. Под вечер по сигналу тревоги мы двинулись в путь. Километрах в полутора за городком наш командир батальона А. Березин (Чиспа) приказал свернуть с дороги. Мы свернули направо и остановились в нескольких сотнях метров от шоссе, на поле. Нашему примеру последовали другие, расположившись по обе стороны дороги.

Во второй половине следующего дня из Ихара показалась лавина черных всадников. Она неслась на нас через пригорок. Командир Чиспа приказал: «К орудиям!» Прошло несколько минут — и наши снаряды начали точно ложиться среди передовых рядов фашистов. Они в страхе обратились в бегство. Мы преследовали их выстрелами, пока они не исчезли из виду.

Ночью мы патрулировали на местности. Рано утром уехали в сторону Каспе. Я заметил, что наша колонна намного выросла. Продвигались мы медленно, с остановками. Прошел слух, что дороге угрожают фашистские танки, возможно, она уже перерезана. Немного продвинулись вперед. Затем снова остановились. Нашему командиру посчастливилось встретить испанца, который согласился показать проселочную дорогу в Каспе. В поле машины увязли, но общими усилиями мы их вытащили.

Нам повстречалась крупная воинская часть. Из автомобиля вышли офицеры и стали рассматривать карту. Я подумал, что мог бы им помочь. Подошел и сказал, что нас обещал довести до Каспе местный житель. Один из офицеров ответил мне

по-русски: «В ту сторону ехать опасно, а вот здесь ближе и вернее».

Я пожелал им счастливого пути и побежал догонять своих. Но наши машины уже развили скорость и завернули за каменный кряж.

Забравшись на высотку, я осмотрел местность. В той стороне, куда уехала батарея, тянулся лес, а впереди — поле. За ним высилась огромная башня, вероятно, старинная крепость. Я направился туда и прошел мимо самой башни. Стоявшие на башне республиканцы окликнули меня: «Куда?» Я ответил, что на Каспе. «Из какой бригады?» — «Из противотанковой батареи 13-й бригады». — «Ну, иди». Я зашагал дальше.

Вскоре я вошел в город, почти совсем безлюдный. Миновав окраину, на перекрестке дорог я остановился. Стал расспрашивать встречных военных, не видели ли они четыре автомашины с орудием. Никто ничего не знал.

Наконец мне удалось разыскать один из батальонов 13-й бригады. Я рассказал о своих невзгодах командиру. Он предложил остаться у них и шутя сказал, что скоро батальон разживется собственным орудием и меня сделают его командиром. Но не суждено мне было командовать батальонным орудием. К вечеру следующего дня подошли машины. Да ведь это мои орлы — Янис Палкавинек, водитель Карл Вейхманис и вся батарея.

Утром мы выехали из Каспе. Время от времени даем фашистам жару — из одного орудия или из всех четырех.

Август 1938 года. На несколько недель нас оттеснили за Эбро. Затем мы форсировали реку.

Продвигаемся в сторону Гандесы. Наша пехота расчистила дорогу. От фашистов только и осталось, что пленные да трупным запахом. Наша передовая протянулась за Корверой недалеко от Гандесы. Оба эти селения расположены на холмах. Гандеса — по краю плоскогорья. Селения разделяет широкий овраг. В сторону моря тянутся поросшие лесом высокие горы и скалистые кряжи. Через несколько дней мы заняли позиции справа от Корверы, на широко раскинувшемся лесистом плоскогорье. С нашей стороны его склон порос виноградниками. Ниже — овражек и тропинка в Корверу. По ней мы втащили сюда орудие и на муле подвозим боеприпасы. Вечером мы обстреляли фашистские позиции. Противник стал нащупывать нас: какой-то снаряд разорвался совсем рядом. Мы укрылись за мешками с песком.

На другой день мы с самого утра открыли огонь Орудием

командовал сержант Фейгин. В расчете два испанца заряжающий и стрелок, я — подносчик снарядов да испанский парнишка — связист. Еще несколько фашистских снарядов разорвалось возле нас. Пулей ранило в бедро заряжающего, Гомеса. Он не в состоянии передвигаться, я унес его вниз, в укрытие, и стал подносить снаряды и сам заряжать орудие. Вскоре у нас иссякли боеприпасы. Мы перетащили орудие в укрытие и присоединились к своим. Санитары уже унесли Гомеса.

Все чем-то опечалены, ходят с опущенными головами: погиб Янис Ванаг. Его и похоронили здесь же, на винограднике. Жаль отважного партизана!

Заняли новые позиции налево от Корверы. Меня назначили наблюдателем. Вместе с товарищем-поляком мы забрались на гору. С этого места просматривались Гандеса, дорога на Корверу и частично вражеские позиции. Устроились мы в круглой яме под деревьями. Перед нами — песчаный склон. Слева группа наших бойцов.

Спим посменно. Я засек вражескую танкетку. Только сообщил о ней и сразу раздался взрыв. Зазвонил телефон, Палкавниек спрашивает:

— Ну, как?

— Эх, жаль, чуть бы пониже, так пощекотали бы ей бока!

Во второй половине дня фашистский бомбардировщик пронесся низко над Корверой, и наша зенитка подожгла его. Самолет упал. Летчика на парашюте относило ветром в нашу сторону. Я схватил карабин и побежал вниз. Фашист только что отцепил парашют и хотел скрыться в лесу. Подоспевший Янис Палкавниек с ребятами из нашей батареи и я заставили летчика сдаться.

Мы сменили позицию — взяли еще левее. Наблюдательный пункт оборудовали на скалистой вершине высокой горы. Ночью мы, два наблюдателя, прорубили в расщелине выемку — укрытие. Подзорную трубу выдвинули над укрытием и замаскировали, чтобы стекло не блестело на солнце. Мы решили, что здесь-то уж по-настоящему надежно от пуль и снарядов. Утром нас навестил сержант Фейгин. Мы не могли его пригласить в наше убежище — для троих там места не хватало. Фейгин предложил нам спуститься метров на 20 ниже. Мы спустились. Не прошло и пяти минут, как гору стали обстреливать шрапнелью. Снаряды ложились перед нами, справа, слева... Несколько их разорвалось на краю скалы, прямо над нашим наблюдательным пунктом. Вниз на нас посыпались

камни. Казалось, тут нам крышка! Штук тридцать снарядов разорвалось. Когда фашисты прекратили обстрел, мы побежали к расщелине посмотреть, что там. Ничего, полный порядок! Богатырям все нипочем. Мы остались на этой позиции.

Вскоре наша батарея получила краткую передышку. Это было на самом берегу реки Эбро.

Отдохнув, мы отправились на участок фронта вправо от Корверы. Заняли позиции на горе, далеко вытянутой в сторону Корверы.

Вначале было тихо. Я с наблюдательного пункта изучал местность. Однажды фашистские бомбардировщики начали настойчиво бомбить один из участков нашего фронта. наших бойцов там уже не было, но фашисты остервенело бомбили весь день. Грохот разрывов эхом отдавался в горах, то приближаясь, то отдаляясь, пропадая и снова возвращаясь.

Как-то утром показались наши маленькие орлята — «москитос». Они пронеслись над высокой горой и, почти касаясь верхушек деревьев, помчались к позициям фашистов. Днем появились шесть наших бомбардировщиков впереди командир, остальные косяком за ним. Есть и у нас техника! Но под одной из высоток притаилась вражеская зенитная артиллерия. Когда наши самолеты приблизились, она открыла концентрированный огонь из четырех орудий. Самолет командира эскадрильи был сбит, остальные ушли.

Фашисты подтянули силы. По дороге на Корверу я увидел фашистские танки. За оврагом фашисты рыли окопы. Враг стал обстреливать нас из тяжелого четырехствольного пулемета. Мой друг уступил наш наблюдательный пункт пулеметчикам. Рано утром республиканская артиллерия к северу от нас открыла сильный огонь началось наступление, а может быть его инсценировка. Наша батарея перебазировалась на Корверскую дорогу.

Осенью 1938 года всех интербригадцев отозвали с фронта и направили в тыл. Мы расположились за Барселоной в маленьком городке недалеко от моря. Организовали политучебку. К нам приезжала Долорес Ибаррури. Затем прибыла комиссия из представителей ряда государств, чтобы решить, что с нами делать. Был среди них и чиновник из Латвии. Но нам не дали разрешения возвратиться домой. Мы стали готовиться к отъезду в Мексику. Но и туда также не удалось выехать: французское правительство не хотело пропустить интербригадцев через Марсель.

Мы остановились в Каталонии. Через несколько недель получили неприятное известие, что фронт прорван. Фашисты, кажется, уже в Барселоне. На собрании мы единодушно решили прийти на помощь республиканцам.

Л. Березин (Чиспа) стал командиром латышского отряда. Мы были вооружены карабинами и пулеметами. На дороге возле небольшого городка мы устроили засаду. По фашистскому грузовику открыли огонь. Фашисты удрали за пригорок, бросив машину; ночью они ее уволокли.

На следующий вечер мы с этого места ушли. Шли долго. Завернули во двор большого сельского дома. Там оказалось все наше воинское подразделение. Рано утром встретили крупную воинскую часть. После небольшой передышки поехали дальше. По обе стороны дороги — большие крестьянские дома. Через несколько часов сделали в одном из них привал. Потом двинулись навстречу фашистам. Проехав немного назад, свернули на запад. Расположились на опушке березовой рощи. Впереди — поляна, за нею лес. Стало холодно, рощу продувало ветром. Я осмотрелся: слева — солнцепек и безветрие. Пошел туда погреться и уснул. Проснулся от грохота взрывов и боли в руках. Но руки оказались только поцарапанными.

Вечером мы узнали, что попали в окружение. Всю ночь шли полями, горами и низинами. Солнце уже поднялось высоко, когда мы заняли позиции на дороге, чтобы задержать продвижение фашистов. В нескольких километрах от нас находился город. Весь день мы стояли у дороги. В тылу вдоль гор к югу вела еще одна дорога. По ней мчались в город автомашины. Одну фашистскую танкетку каким-то образом занесло к нам, и она начала строчить из пулемета. Непрошенную гостью мы все же прогнали плотным винтовочным огнем.

Мы отправились в город. Оттуда раздавались выстрелы. В городе я отстал от других. По улице, пересекавшей город, идти было нельзя: она сильно простреливалась. Я направился на окраину. Встретил Эмбрика, и мы вместе вышли из города. Шли проселочной дорогой на северо-запад. Ночь была светлая. Через несколько часов мы вышли на шоссе. Там встретили наши воинские части.

Пошли дальше, перешли быструю реку, мост через нее был заминирован. На другом берегу мы встретили еще нескольких наших ребят.

Прошло немало недель, пока нас отозвали из арьергарда

и на машинах отвезли к Пиренейским горам. После прощальной церемонии на каталонской стороне ночью мы перешли границу Франции. Потом судьба забросила нас в концентрационный лагерь на берегу Средиземного моря. Так кончилось наше участие в Арагонских и Каталонских боях. Эти тяжелые бои стоили жизни многим нашим товарищам, но и мы нанесли врагу немало потерь. Мы сделали все, что было в наших силах, чтобы оказать испанскому народу действительную помощь в его борьбе против фашистов.

1965 г.

На русском языке публикуется впервые

ДНЕВНИК ГРУППЫ ТЯЖЕЛОЙ АРТИЛЛЕРИИ ИМЕНИ Я. ЯНСОНА-БРАУНА¹

(сокращенный)

Сегодня. 25 августа 1937 года, мы, группа тяжелой артиллерии имени Янсона-Брауна, начали вести дневник. Он расскажет о нашей жизни и борьбе в Испании. Но полноценным дневник этот будет только, если отразит всю жизнь нашей группы, проделанную работу, наши замыслы и ошибки, накопленный опыт, наши мысли и чувства.

Все это одному человеку не под силу. Дневник группы — дело всего коллектива. Каждый товарищ должен принять в нем активное участие.

Задача состоит не просто в записывании, а в том, чтобы *правдиво отобразить в дневнике жизнь группы*. Этого мы добьемся, если в наших записях ничего не будет выдуманно или преувеличено, если они будут правдивым отражением фактов и всего того, что нам пришлось испытать. Дневник — не роман, в котором допускается вымысел. Дневник должен сделаться историей нашей группы, а обязательным элементом любого исторического очерка, любого описания фактов является правдивость.

На артиллерийской базе в Альмансе встретились две небольшие группы добровольцев из Латвии. В первой были братья Дукальские и Янис Трокша. Вторая группа, так называемая пятерка — Янис Беникис (Ионас долговязый сержант), Жанис Фолманис — наш писатель, подпольщик, Рувим Фельс (Роберт-Робис) и Леон Клейнман. Первым в Альмансу приехал Бениамин (Бинка, Макс) Кур, который покинул Латвию уже два года назад. В Альмансе началась подготовка латышской группы. Другие добровольцы уже прошли два курса артиллерийской подготовки, изучали испанский язык, а мы еще и не приступали к учебе. Нашим ребятам не терпелось взяться за учебу, но это было невозможно, так как на базе проходило

¹ Я. Янсон-Браун (1872—1917) — видный латышский революционно-демократический литератор и общественный деятель. *Ред.*

переформирование, перегруппировка, и руководить нашими занятиями было некому. Этим мог бы заняться Кур, но он был настолько перегружен, что у него не оставалось времени. Часы, когда Кур бывал свободен, мы использовали для занятий испанским языком, но этого было мало. Мешала нам учиться и другая причина: наша группа еще не стала коллективом. Некоторые товарищи своей ленцой тормозили общую работу группы.

За это время прибыли еще два латышских товарища: Янис Цинис и Александр (Саша) Циелен.

В военных занятиях мы не могли принимать участия, так как надо было укомплектовать оружейные расчеты. Мы остались, так сказать, в резерве, за исключением Беникиса и Фолманиса, которых зачислили на курс топографии. Все мы входили в славянскую артиллерийскую группу 3-й Балканской батареи. Когда группа была сформирована, наши орудия погрузили на поезд и мы уехали в Темблек, где пробыли два дня; на третий день вечером погрузили орудия на автомашины и ночью выехали в Мадрид. Орудия были размещены в Венском парке Мадрида, а расчеты — в предместье столицы Викальваро. Из Мадрида мы поехали дальше, в Эскориаль. Там разместился штаб, а батарея заняла позиции немного поодаль. Фолманис и Беникис отправились на наблюдательный пункт, остальные остались в резерве. Мы устанавливали орудия на позициях, работали на кухне, несли сторожевую службу. Мы делали все возможное для того, чтобы и нас зачислили в оружейные расчеты. Наконец Грокше удалось попасть в расчет второго орудия. Позже настал черед Фельса и Циелена: Циелена определили в расчет первого орудия, Фельс заменил Дукальского, а тот перешел в расчет второго орудия.

Мы были очень заняты. Рыли траншеи. Обсуждали последние известия, читали. Я. Циниса пришлось оставить в Мадриде, так как он заболел. Клейман остался санитаром в санчасти.

На этих позициях мы провели неделю. Наша батарея стреляла очень метко. Это признавали все. Вскоре наш дивизион переместился на Западный фронт. Снова мы в пути. Снова Мадрид; от Мадрида до Темблека, а затем поездом до станции Педроче. Здесь мы немного задержались. Провели общее собрание и постановили: проводить политические занятия, повышать культурный уровень, а главное заниматься военной подготовкой. Для руководства всей этой работой выбрали

культкомиссию. С этого времени в группе проводились тактические занятия, практика на наблюдательном посту и совместное обсуждение известий.

Из Педроче уехали в Альмаден, где и расположились недалеко от городка. Здесь занятия стали более планомерными и систематическими. Фолманис занимался с товарищами, никогда не служившими в армии; они изучали материальную часть винтовки и основы пехотных боевых действий. Кроме того, Фолманис проводил занятия по математике. Беникис вел курс артиллерии и обучал товарищей обращению с артиллерийскими приборами.

Группа проводила беседы о положении на фронте и по вопросам внутренней и внешней политики. Участвовали наши товарищи и в работе всей батареи в целом. Новые бойцы, которые прибывали на станцию Педроче, включались в работу нашей группы.

26 августа

Сегодня учимся вести наблюдение. Этими занятиями латышской группы руководит товарищ Беникис, который посещает курсы по ведению огня. Все, что он там узнает, он объясняет нам, остальным. Сегодня на занятиях участвуют товарищи Трокша, Циелен, Фельс и Марко¹. На втором уроке, с трех часов дня, тов. Фолманис преподает геометрию тем, кто окончил всего по 2—3 класса начальной школы. Сегодня изучаем углы: Фолманис объясняет нам, какие углы бывают. На уроке присутствуют товарищи Трокша, Циелен, Дукальский... В семь часов вечера состоялись занятия по испанскому языку для всей латышской группы.

Затем мы провели собрание латышской группы; тов. Лео высказал мнение, что занятия испанским языком важнее, чем изучение основ пехотного боя даже для тех товарищей, которые не служили в армии. Все-таки, чтобы не разбрасываться, решили обучение этих товарищей продолжать.

27 августа

Сегодня продолжаем изучать стереотрубу; учимся определять дистанцию и угол прицела, вычислять расстояние.

Так же проходит второй час занятий. На уроке геометрии

¹ Марковников.

сегодня учимся рассчитывать треугольники. Вечером проводим короткое собрание. Товарищ Циелен рассказал о работе Валмиерской комсомольской организации.

После доклада и прений полчаса отдыхаем.

28 августа

На первом занятии снова изучаем правила наблюдения. Второе посвящено дальнейшему изучению геометрии. Вечером заслушали доклад Фолманиса о жизни и деятельности Яниса Янсона-Брауна.

29 августа

Получили приказ подготовиться к выступлению на позиции. В дороге ничего особенного не произошло, благополучно добрались до станции Вальсекильо. Здесь привели в боевую готовность орудия. Работали всю ночь, закончили к утру 30 августа. После завтрака отправились прямо на позиции. Выбрали место для установки орудия. Начали рыть траншеи. Работа не очень приятная. Твердая почва трудно поддается кирке, мы натерли мозоли на руках. С наступлением темноты работу прекращаем. Уснуть не удастся из-за рева моторов: прибывают орудия и боеприпасы. Выясняется, что батареи оставили на дороге по орудию со сломанными колесами. Колес в резерве нет, и каждая батарея а всего их три остается при пушке. Пока устанавливаем свое орудие и выгружаем боеприпасы, наступает утро.

31 августа

Управившись с орудием, продолжаем рыть траншеи. Все наши автомашины используются для переброски пехоты. Беникис и Фолманис уходят на наблюдательный пункт, а мы остаемся при орудии. Продолжаем рыть траншеи, но готовы в любую минуту открыть огонь по врагу.

1 сентября

Начали наступление у Пеньяррой. В этот первый день оно было успешным, пехота продвинулась вперед и заняла важную высоту. Взято в плен восемьдесят фашистов, захвачено

несколько пулеметов, три орудия, много винтовок и боеприпасов. Наша артиллерия стреляла весь день с перерывом только на обед, когда мы немного перекусили. Так как у нас на две батареи всего одно орудие, то с обеда до позднего вечера работал расчет второго орудия. Фашисты не ожидали на этом участке фронта такого орудийного огня, поэтому в рядах противника началась явная паника. Было видно, что одни бегут в беспорядке, другие, подняв белые флаги, машут ими в воздухе. Над нами пролетел вражеский самолет, разведывая наши позиции.

2 сентября

Рано утром снова начали стрельбу по фашистским укреплениям. К утру было установлено второе орудие нашей батареи, и мы усилили огонь. Из обеих пушек бьем по противнику, укрепившемуся на горе. Снаряды ложатся точно в цель. Вскоре после этих метких попаданий над нами показались три вражеских бомбардировщика. Фашистские стервятники сбросили бомбы, но безуспешно. Бомбы упали далеко от наших батарей и от НП. Затем самолеты облетели все наши позиции, намечая цели для другого налета. На этом участке фронта они чувствуют себя уверенно, так как у нас здесь нет авиации. Поэтому фашисты летали низко, осматривая расположение нашей артиллерии. Когда они наконец убрались, мы продолжали стрелять до самого позднего вечера. Испанская легкая артиллерия вела огонь всю ночь.

3 сентября

Сразу после завтрака показался вражеский самолет, за ним еще четыре, они сбросили бомбы примерно в километре от наших позиций. Эти бомбы никакого вреда нам не причинили. Наши зенитки вели ожесточенный огонь по самолетам, но тоже без успеха: не сбили ни одного.

Как только самолеты улетели, орудийные расчеты получили команду возобновить огонь. Стреляли и сегодня до позднего вечера, вражеская авиация нас больше не тревожила. Выпустили мы нынче вдвое меньше снарядов, чем в первый и во второй дни. Второго сентября заболел тифом товарищ Фельс, его увезли в больницу. В тот же день недалеко от нас упало семь фашистских бомб, но только три из них разорвались.

На налет наша артиллерия ответила огнем, и, к нашему удивлению, фашистские бомбардировщики в тот день нас больше не беспокоили.

4 сентября

Нас подняли рано утром, и мы начали стрельбу. Весь день мы нащупывали обстреливавшую нас фашистскую артиллерию, но только вечером выпустили по ней по шесть снарядов из каждого орудия. И этот день не обошелся без налетов вражеской авиации. Сегодня бомбы сбрасывались в районе расположения испанской артиллерийской части. Никакого урона они не нанесли, лишь подожгли высохшую траву, которая горела ночью довольно долго.

5 сентября

Снова встали в пять утра. Позавтракали, напились кофе. Только собрались было открыть огонь, как показались фашистские самолеты, пришлось отложить стрельбу и укрыться. Вражеский разведчик летал очень низко, и на этот раз ему удалось засечь приблизительное расположение нашей артиллерии.

Наконец самолет скрылся, и мы открыли огонь, ожидая, что вот-вот покажутся фашистские бомбардировщики. Но они не появились, зато враг начал артиллерийский обстрел. Снаряды ложились в винограднике справа от нас, совсем близко, многие не разорвались. Впервые снаряды падали так близко, поэтому мы немного испугались и отбежали на несколько сот метров от своих орудий. Но когда поступил приказ стрелять, мы возобновили бой. Пока мы разворачивали пушки в направлении фашистов, нам несколько раз приходилось залечь, так как противник все еще вел по батарее огонь. Мы выпустили по снаряду из каждого орудия и сразу замаскировали их. Прислушиваемся, ждем, что будет дальше. К нашему удивлению, замолчали и фашисты. Мы все облегченно вздохнули и тут же завели патефон, который во время обстрела принес товарищ Кур. Радует, что фашистские снаряды никакого вреда нам не причинили.

6 сентября

С самого утра мы вынуждены молчать, так как нас бомбят фашистские самолеты и обстреливают орудия. Мы сегодня не ведем огня, так что у нас свободный день.

7 сентября

С утра над нами летают фашистские самолеты, после бомбежки нас обстреливает фашистская артиллерия. Но недолго. После трех выстрелов она умолкает. Не отвечаем и мы. Ждем, кто начнет первый — они или мы? Пользуясь затишьем, заводим патефон, танцуем, веселимся, но что будет дальше? Наконец мы первыми нарушаем тишину. Двумя выстрелами открывает огонь вторая батарея, за нею наши — третья и первая. Фашисты ответили, но и на этот раз, к счастью, их огонь не точен. Вероятно, прицелились выше, чем следовало. Их снаряды сперва ложились за горой, против нас, а потом — правее, метрах в пятидесяти. Вдруг мы услышали свист пролетающего совсем недалеко снаряда, потом взрыв. Снаряд разорвался возле второй батареи. Подумали было: «Ну, накрыли фашисты вторую батарею!» Но тут же услышали ее ответные выстрелы. Радостно кричим: «Держитесь, товарищи!»

После нескольких наших залпов фашистская артиллерия замолкает. Но и наши батареи, сделав по два-три выстрела, затихают. С наблюдательного пункта сообщают: попадания точные... К вечеру получаем приказ передислоцироваться. Ребята работают вовсю, собирают пожитки, готовят орудия к перевозке. Когда все было готово, нам сообщили, что поедет только вторая батарея, третья и первая остаются на месте.

8 сентября

С утра все тихо. Только после завтрака появляются фашистские самолеты и снова бомбят испанскую батарею. Сбросив бомбы, самолеты исчезают. До полудня тишину не нарушают ни одна, ни другая стороны. Спокойно обедаем, а потом опять открываем огонь. Стреляем по горе, где укрепились фашисты. Выпустив двенадцать снарядов, маскируем орудия и ждем, что будет дальше. Долго ждать не приходится. На этот раз фашисты выпускают всего четыре снаряда, которые падают далеко, за высотой впереди нас.

9 сентября

Поднимаемся утром бодрые и веселые, скатываем одеяла, маскируем место ночлега. Впятером уезжаем на станцию в Валкасильо за боеприпасами. Благополучно доставляем их, сгружаем, маскируем, завтракаем, спокойно ждем обеда. Отобедав, собрались было отдохнуть, но не удалось: слышались залпы фашистских батарей и разрывы снарядов.

Сидим в траншеях и слышим, что снаряды рвутся все ближе и ближе, вокруг нас. Волнуемся из-за боеприпасов: они не припрятаны как следует — просто сгружены в овраг и прикрыты ветками. Фашистских снарядов мы не так боимся: их осколки при взрыве взлетают вверх. А наши разрываются иначе: осколки разлетаются во все стороны на небольшой высоте. У нас тут большое скопление их в одном месте! Но нам опять повезло: вражеские снаряды ложатся близко, но в цель не попадают. К шести часам стрельба несколько стихает. Подождав немного, вылезаем из своих убежищ. Снова слышен сигнал «Воздух!» и снова мы лезем в свои щели. Видим, летят четыре самолета. Совсем недалеко от нас они разворачиваются. И в этот момент фашисты дают три артиллерийских залпа. Снаряды ложатся справа метрах в ста от нас. Бомбардировщики атакуют станцию, но не наносят ущерба. Сразу после налета вторая батарея открыла огонь со своей новой позиции. Несколько выстрелов сделала и наша батарея. Потом мы замолчали. Это был удачный ход: мы сбили фашистов с толку, они теперь не знают, где нас искать. Совсем недавно их снаряды ложились близко вокруг нас, а теперь фашисты перенесли огонь вглубь и обстреливают пустое пространство вдали от нас. С наступлением темноты снова воцаряется тишина.

10 сентября

Встаем бодрые и веселые. День проходит спокойно, не слышно фашистских батарей. Молчат и наши. Во второй половине дня над нами проносятся два фашистских самолета-разведчика...

11—17 сентября

Эти дни проходят очень спокойно. Мы уже начинаем скучать по стрельбе и налетам!

Янис Беникис

Февраль 1939 г. Республиканцы переходят испано-французскую границу

В Сенсиприенском концентрационном лагере во Франции

Разрушенная Брунете

18 сентября

С утра фашистские атаки возобновляются. Идет ожесточенная перестрелка, снаряды рвутся рядом с нашей позицией. Но мы уже боимся меньше, чем в первый день. Изумление вызывают испанские бойцы, их смелость и энергия. Иногда снаряд разрывается так близко от испанской батареи, что кажется — все, накрылись! Но не успеет и дым рассеяться от взрыва, как видна вспышка оружейного ответа. Вскоре и пехота наша двинулась в наступление; винтовочная, пулеметная, минометная стрельба слилась в общий гул. После обеда начался дождь, и мы промокли. Однако, несмотря на дождь, настроение у нас радостное, потому что сегодня впервые показались наши долгожданные самолеты. Трудно передать, как мы все радовались, увидев в небе своих помощников. Мы были очень довольны: сейчас они зададут перцу трем фашистским бомбардировщикам. Но на сей раз счастье улыбнулось и фашистам: немного покружив над нами и не обнаружив фашистских самолетов, наши скрылись из виду.

Несколько выстрелов из тяжелых орудий сделала наша вторая батарея, но вскоре умолкла.

20 сентября

Рано утром открыла огонь испанская артиллерия. Изготовились к стрельбе и мы. В это время к нам с наблюдательного пункта пришли товарищи Беникис и Дукальский. Едва они до нас добрались, как фашистская артиллерия начала обстрел долины, по которой они к нам шли. «Ладно, — говорим мы, — пусть себе фашисты стреляют по пустому пространству, где никого нет!» Тут поступает команда «Огонь!» Стреляем из всех тяжелых орудий. Но недолго длится наша радость: у нашего орудия лопаются ободья колес. Нам остается одно — замаскировать орудие и наблюдать за работой тех двух пушек, которые еще держатся «на ногах». Огонь фашистов подбирается все ближе, но и наши стрелки не зевают. Наконец показались республиканские самолеты, вражеские пушки замолкают. Наши орудия делают еще несколько выстрелов и тоже прекращают огонь. Бой теперь ведут самолеты. Когда наши «ястребки» уходят, фашисты выпускают еще около двадцати снарядов, но из них разорвались только четыре. Такая неудача фашистам, видимо, не по нутру, они

замолкают, больше их сегодня не слышно. Трудно даже представить себе, как фашистская авиация боится наших самолетов. Пока у нас не было авиации, фашисты летали над нами каждый день и с бреющего полета забрасывали нас бомбами. Но стоило появиться нашим самолетам — и фашисты больше не осмеливаются летать над нашей территорией...

21 сентября

Тихий, спокойный день, не слышно ни нашей, ни фашистской артиллерии. Впрочем, на пехотных позициях перестрелка идет каждый день. Сегодня впервые мы видели, как наш бомбардировщик в сопровождении трех истребителей полетел бомбить фашистов. Мы довольны: настало время нашего господства в небе. Теперь наши летчики то взлетают вверх, то снижаются, а фашистские «фуксы» даже взлететь боятся. Сегодня, например, шесть наших истребителей летали над фашистской территорией, вели обстрел с бреющего полета, вновь взмывали ввысь, а фашистские «фуксы» и не показывались. Фашисты сегодня вообще молчат. Наступает тихий вечер.

30 сентября

На нашем секторе все время полное затишье. Наступление приостановлено...

7 октября

С самого утра активизировалась пехота. Оживление понемногу охватило весь фронт. Мы тоже получили приказ открыть огонь. Все утро обстреливали вражеские позиции. Стреляли и во второй половине дня... Фашисты сделали несколько залпов, но их снаряды ложились далеко за нами, в виноградниках, и снова многие из них не разорвались. Наблюдатель сообщает, что не взрывается до 80 процентов фашистских снарядов...

8 октября

...Едва расчет занял свои места, как фашисты начали обстрел нашей позиции. Попадания были исключительно точными, снаряды рвались на батарее, между орудиями, в

нескольких метрах от палаток, осыпая их песком. Один снаряд разорвался возле коммутатора. Там находилось три бойца. Их засыпало песком и камнями... Вечером провели короткое собрание. У нас были гости. Пили вино и пели песни — арабские, венгерские, еврейские, русские и латышские. На собрании мы информировали ребят о положении в нашем дивизионе....

9 октября

Еще затемно отправляемся прокладывать новую дорогу. Над горами медленно занимается утренняя заря. Мы идем с песнями и на рассвете достигаем дороги.

Она теперь с каждым днем делается длиннее. Сегодня прошла первая машина, ребята радостно приветствуют ее, взмахивая кирками и лопатами: довольны, что дело сделано.

После обеда приезжают испанцы. Это вызывает новый подъем. Западнее, за горой, гремит канонада, непрерывно трещат пулеметы. Фашисты идут в атаку...

Получаем приказ сменить позиции. Маленькими группами идем домой и готовим орудия к перевозке. Сегодня будет трудная ночь.

Вечером с наступлением темноты отправляемся в путь. Едем медленно, так как дорогу нельзя освещать. На противоположной горе фашисты: они могут нас заметить.

Наши новые позиции расположены у реки в оливковой роще...

10 октября

Утром строили платформу. Пришел командир батареи и сказал, что она должна быть ниже. Разобрали и начали строить заново, но и эта платформа оказалась слишком высокой. Пришлось перестраивать еще раз, было не легко, мы сильно устали. После обеда вели огонь.

13 октября

Весь день были заняты уборкой. Неожиданно пришел Кур...

...Замечательно пел Ионас, потом он читал стихи Чака.

Провели собрание. Намечалось провести латышский вечер, но

Кур пришел очень поздно. Перед собранием созвали всю батарею, политкомиссар сообщил, что в связи с празднованием годовщины Интернациональной бригады надо послать делегацию в Альбасете. Мы от своей группы послали делегатом Жаниса... Провели серьезное собрание. Говорили о дальнейшей деятельности группы. Так как мы теперь не все вместе, не в одной батарее, то решили разделить группу на две части. Одну — при штабе, и вторую — на батарее. У каждой будет свой политический руководитель и свой план работы¹.

14 октября

С утра все заняли свои места. Стрельба велась как обычно. Только у второго орудия что-то не ладилось: многие снаряды не разорвались. Лопнула цепь на колесах, и пришлось прекратить стрельбу. Все же результат был отличным — прямое попадание в расположение одной из вражеских частей. Фашисты бросились бежать, но мы ударили и по другой позиции. Так мы гоняли их с места на место и основательно потрепали. В это же время в поле обзора подвернулась фашистская автоколонна. Наши снаряды легли точно — среди машин. Со стрельбой мы покончили быстро. Больше ничего существенного не произошло.

18 октября

Сегодня, годовщина Интербригады. Вся испанская и, вероятно, мировая пресса отмечает этот юбилей. «Мундо Обреро»² называют нас, интербригадцев, «почетными испанцами» («Españoles de honor») и большими буквами на первой полосе пишет: «Los Combatientes de las Brigadas Internacionales son el simbolo de la solidaridad internacional» («Бойцы Интернациональных бригад являются символом интернациональной солидарности»). — *Ред.*)

Мы, ребята из Латвии, помня о царящем на родине ульманисовском режиме террора и голода, о муках латышского

¹ В плане были предусмотрены доклады о Великой Октябрьской социалистической революции, о государственном устройстве СССР, о победе социализма в СССР, о положении в Испании, Германии, Италии и др. *Ред.*

² «Мундо Обреро» («Мир рабочих») — центральный орган печати ЦК КП Испании. *Ред.*

народа в фашистском рабстве и о тысячах наших товарищей, томящихся в тюрьмах, с особым упорством будем сражаться здесь против фашистских сил, а, значит, и против латвийского фашизма. Это наше общее революционное дело.

22 октября

...Девятнадцатого и двадцатого фашисты пошли в наступление. В эту ночь враг продвинулся вперед на два километра и занял две небольшие высоты. В ночь на двадцатое октября в батарее была объявлена тревога. Вся батарея собралась в дорогу. Затем выяснилось, что опасность не так велика, и мы остались на прежнем месте. Пошел дождь, нам пришлось под дождем вернуться с вещами обратно в домик. Двадцатого октября с утра наши пошли в контратаку и вернули свои позиции. В эти дни велась ожесточенная перестрелка. Двадцать первого октября наша батарея с самого утра открыла огонь. Долго ждать не пришлось, вскоре и через наши головы пролетело два фашистских снаряда. Разорвались они в тылу батареи, метрах в ста от нас; осколки засыпали батарею, по счастливой случайности никто не был задет... Наконец наша батарея прекратила огонь, а фашисты, не зная нашего расположения, перенесли свой огонь на станцию Вальсекильо. Все эти дни — с 18 по 21 октября — фашисты готовили наступление. Но они ничего не добились, несмотря на то, что их поддерживали двадцать три самолета, а у нас нет ни истребителей, ни зенитных орудий. Сегодня, 22 октября, утром мы услышали залпы гаубиц: фашисты выпустили десять или двадцать снарядов. После обеда было тихо. Под вечер, часов в пять, фашисты возобновили стрельбу. Первый снаряд упал в нескольких метрах от нашего дома, но не разорвался. Последующие ложились вокруг батареи со всех сторон, но довольно далеко.

Что же такое с фашистскими снарядами? До наступления темноты над нашими головами со свистом пронеслось штук двадцать, а разорвалось всего четыре.

Когда фашисты наконец угомонились, нам привезли ужин.

25 октября

Сегодня с самого утра льет дождь, горы в тумане. Из-за дождя и тумана нам не видно поля боя. Сегодня под вечер несколько снарядов упало на расстоянии двух десятков метров

от нашего домика. Ночью нас разбудили разрывы снарядов. Мы были встревожены, так как не могли разобраться в обстановке и понять, кто атакует. Когда обстрел прекратился, мы снова уснули.

26 октября

...Фашисты выпустили несколько десятков снарядов, но разорвалось только три или четыре. Когда наконец кончится война, фашистские снаряды можно будет выкапывать как картошку.

27 октября

Как уж осенью, небо затянуло тучами, ветер, дождь, словом, холодная сырая погода. Сегодня поднялись в половине седьмого утра, попили кофе и приступили к занятиям. Кто читает книгу, кто газету, кто вносит записи в дневник. Перед тем, как мы взялись за это важное дело, фашисты как бы в приветствие прислали нам два снаряда... Ночь проводим также тревожно, но без потерь: снаряды пролетают над нами и ложатся в чистом поле, где никого нет. Земля размякла, и наши тяжелые орудия не могут вести огонь, так как при отдаче они глубоко оседают. Пользуясь нашим молчанием, фашисты обстреливают батарею.

28—31 октября

За эти четыре дня ничего нового не произошло, каждый новый день похож на предыдущий. Мы не можем вести огонь, а противник, как уже было сказано, изредка выпускает по снаряду. Тридцать первого октября во второй половине дня мы получаем приказ оставить наш домик. Собираем пожитки и перемещаемся на бывшие позиции польской батареи; это примерно в полукилометре от наших орудий. Нас перевели из соображений безопасности: противник все время ведет огонь по району, где стоит наш домик, и всех нас могли накрыть... Чтобы подготовить ночлег до наступления темноты, ставим палатку, не слишком-то хорошую, но это все-таки лучше, чем ничего.

1 ноября

Просыпаемся очень рано, так как спалось не особенно уютно. Небо затянуто тучами, накрапывает дождь. После завтрака прослушали доклад о Дальнем Востоке; после обеда т. Беникис вел с латышской группой занятия по артиллерии. Так прошел день; ночью снова раздалось несколько вражеских залпов, свистели снаряды, ложившиеся у станции Вальсекильо. Грохот их разрывов эхом отдается далеко у склонов гор...

5 ноября

Как и накануне, сегодня ясная погода. Вдали раздаются разрывы снарядов, но у нас довольно тихо. Сегодня после обеда изучаем под руководством товарища Лео испанский язык. Позже приехала делегация высшего командного состава из Альбасете...

6 ноября

Как обычно, встаем в 7 часов утра. Одеваемся, вылезаем из палатки, умываемся и ждем завтрака. Вскоре начинаются занятия по артиллерии, их проводит т. Беникис. Затем т. Лео проводит урок испанского языка. Товарищ Лео хорошо знает немецкую грамматику, поэтому, пользуясь испанско-немецким словарем, довольно понятно обучает нас испанской грамматике...

На исходе второго часа занятий мы увидели, что к нам из штаба идут товарищи, прибывшие из Альбасете. Всю нашу третью батарею созвали на краткое совещание, проводил его капитан, прибывший в составе делегации из Альбасете. Он разъяснил нам некоторые вопросы. Поздравил нашу батарею, как лучшую из трех. Отметил нашу хорошую стрельбу и дисциплину...

7 ноября

Сегодня праздник, юбилей нашей пролетарской революции. Этот день следовало бы отметить. Но ведь мы на фронте, на позициях. После обеда идем к орудиям и стреляем по

фашистам. Когда пушки умолкают, мы в своих группах проводим беседы о значении этого дня. Вечером общее собрание всей батареи.

8 ноября

До обеда все тихо, после обеда фашисты начинают стрельбу. Мы тоже не можем сдержаться и открываем ответный огонь. Вечером доклад т. Лео о Советском Союзе...

9—11 ноября

Стоят дождливые дни, наши тяжелые орудия по самую ось увязают в земле, и мы не можем вести огонь. Фашисты каждый день выстреливают по несколько снарядов; один перелетает над нашей батареей, другие даже не долетают до нас, и только некоторые из них разрываются. Нам следовало бы ответить фашистам, но под нашими орудиями нет твердого грунта, и стрелять мы не можем.

12 ноября

Часть товарищей на дежурстве, а мы, оставшиеся, проводим день в палатке за чтением газет.

13 ноября

Немного распогодилось, и вся наша батарея у орудий. Разыскав несколько больших камней, мы подкладываем их под орудия. Укрепив их, принимаемся строить блиндажи для укрытия от осколков и защиты от взрывной волны: в траншее больше шансов остаться в живых при близких разрывах снарядов.

14 ноября

Фашисты, как и раньше, изредка постреливают, а наши ребята роют окопы...

15 ноября

День, как и предыдущий, проходит без каких-либо событий. Товарищ Жанис готовится в дорогу, но так как нет транспорта, он отъезд отложил. Сегодня вечером он сделал нам доклад о шпионаже. Если бы уехал, долго бы пришлось этого доклада ждать... Фашисты изредка постреливают. Так в работе и дежурствах проходят дни...

22 ноября

Лео и Роберт дежурят у телефона. Остальные чинят палатку. День ясный, фашисты упражняются в стрельбе. Несколько их снарядов ложатся в чистом поле, оно, о господи, скоро станет одной сплошной воронкой. Но третий снаряд падает метрах в двадцати, а четвертый — в десяти от коммутатора. Леон звонит на наблюдательный пункт и хладнокровно докладывает о результатах: никто не пострадал. Мы решили, что попадания эти случайные. Следующий же выстрел подтверждает это: опять стреляют по чистому полю. В полдень Ионас уходит на наблюдательный пункт и проверяет ранее полученные сведения. Кто его знает, наверно, готовится дать ответ...

25 ноября

...Вечером Марковников сделал доклад, который уже два раза откладывался. Тема — Япония. Он читает довольно хорошо, но слишком кратко и неполно освещает положение рабочих...

27 ноября

Почти вся латвийская группа добровольно принимает участие в чистке второго орудия...

30 ноября

С утра Роберт дежурит у телефона. Остальные чинят дорогу.

1 декабря

Кур делает доклад на тему: «Последний пленум Коммунистической партии Испании и речь Хосе Диаса». Это очень важное событие...

...Вечером Кур продолжает переводить речь Хосе Диаса. Товарищи почти всю речь записывают, она имеет большое значение для будущего.

3 декабря

Снова уходим на работу. После обеда ничем не занимаемся. Вечером Климберг делает доклад об артиллерийской тактике. Потом у нас урок испанского языка. Надо сказать, что с изучением языка у нас дела идут не совсем гладко. Многие товарищи сильно отстали, и занятия продвигаются медленно.

Составляем план докладов.

4 декабря

...Утром батарее приказано подготовить орудия для перехода на другие позиции. Все идут работать. К сожалению, у нас нет подъемного крана. В поте лица ребята сами сооружают его из деревьев! Но, как это часто бывает, когда мы основательно потрудились и почти все уже сделали, подъехал настоящим подъемный кран.

5 декабря

С утра собираем все оставшиеся приборы, детали и боеприпасы. Связисты сматывают провода. С наблюдательного пункта возвращаются в лагерь. Упаковываем вещи. У нас их много. До и после обеда играем в волейбол. Ждем. Уже шесть часов, а приказа выехать все нет. Кто-то жарит лук, сейчас закусим. Скоро занятия по артиллерии...

6 декабря

Проводим занятия по артиллерии...

Леон второй раз делает доклад о строительстве социализма в Советском Союзе. В первый раз доклад был недостаточно

хорошо подготовлен и по настоянию товарищей Леон повторил его. На этот раз Леон читает понятно, просто, но слишком кратко... Обсуждаем порядок подготовки дальнейших докладов... Пели латышские народные песни; потом улеглись и лежа долго еще читали книги и газеты.

7 декабря

...После обеда проводим под руководством Ионаса занятия по артиллерии.

8 декабря

Пришло печальное известие — в госпитале в Пособланко после тяжелой операции скончался один из лучших бойцов нашей батареи товарищ Смук. Мы спели «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

Представители групп выехали попрощаться с погибшим товарищем. От латвийской группы поехал Жанис. Ненастен осенний день, и на сердце печально. Вспоминаем, как товарищ Смук рассказывал нам историю своей жизни. Это повесть о тяжелой жизни пролетария.

Смук из Югославии. Он покинул родной край и эмигрировал в Бельгию. Десять лет работал шахтером в Льеже. Школу и дня не посещал. На тяжелой физической работе ссутулился, сгорбился. Полгода назад из Бельгии через Пиренеи перебрался в Испанию, на фронт гражданской войны. И вот умер.

Нам вспоминается вечер, когда проездом в Париж мы побывали в Льеже. Казалось, весь город поет, ликует; дома тонут в море света. На улицах смеющиеся, веселые люди; в ярко освещенных ресторанах играет музыка. Могли ли мы думать, что где-то на окраине бедный, измученный работой в подземной шахте человек мечтает включиться в борьбу за свободу!..¹

Прибыли в Пособланко, купили гроб и красную материю, чтобы обернуть тело товарища. Все по очереди стоим в почетном карауле. Оказать последние почести умершему приходит и персонал больницы.

¹ Подробно о похоронах товарища Смука рассказывает Жанис Фолманис. *Ред.*

В сумерках подъехал автомобиль. Мы поднимаем на плечи черный гроб и ставим в машину. Заводят мотор, и мы в последний раз салютуем нашему дорогому товарищу. Медленно скользит машина по тихим улицам городка. Когда больничный автомобиль исчез в темноте, мы уезжаем. Да будет земля тебе пухом, боевой друг!

10 декабря

Едем примерно тридцать километров. Кое-где дорога очень плохая. Когда надо будет перевозить орудия, дорогу, конечно, придется основательно подправить. Находимся в чудесной местности. После обычной суеты и неразберихи располагаемся в домиках. Начинаем работать.

12 декабря

Вечером обсуждаем корреспонденции для нелегальной печати Латвии. Намечаем темы, но ждем, пока соберутся все, чтобы их обдумать и распределить.

18 декабря

С утра поехали за колесами для орудий и подъемником. После обеда работаем все на строительстве дороги. У Яниса и Роберта руки в сплошных мозолях. Вечером приезжает Макс. Важное сообщение: он снова на старом месте, в канцелярии штаба. Рассказывает о событиях в Китае...

19 декабря

Дома новости: надо выбрать совет группы из трех человек, а одного человека — в редколлегию стенной газеты. В совет выбираем Лео, Яниса и Жаниса, в редколлегию стенгазеты — Роберта. Перестраиваем план докладов, так как изменилось положение, иная ситуация. Первыми темами будут: «Конституция СССР», «Литература Советского Союза». «Театр в СССР». Затем доклады прочитают товарищи из коллектива, работающего на кухне. Делаем это потому, что у них очень

мало свободного времени. Решаем послать Циелену, который работает при кухне штаба, материалы для доклада «Положение молодежи в капиталистических государствах и в Советском Союзе».

20 декабря

Утром строим дорогу. Штабной связист рассказывает, что наши заняли Теруэль. Мы не верим. Думаем, что это ложный слух, такой же, как летом о Сарагосе.

Жанис дробит камни: подбирает осколки для коллекции. Другие грозятся выбросить ее, а то завалит камнями всю комнату, спать негде будет.

Вечером получили письма и газеты.

Из Парижа пишут, что наши письма в Латвии контролируются, некоторые даже отосланы обратно в Париж. Это значит, что мы должны искать новых путей для отправки корреспонденции. Из Латвии сообщают, что некоторых товарищей преследуют за наши письма.

Янис получил письма из Америки, от редакции латышской газеты «Страдниеку Циня»¹ («Борьба рабочих»). Его корреспонденции там получены и обе опубликованы. Американские товарищи интересуются латышами, сражающимися в Испании, и делами на нашей родине. Интересуют их и наши мысли о том, как способствовать совместной борьбе. Вечером приятная неожиданность: приходят два товарища, которые были в городе, и рассказывают, что Теруэль действительно пал. Леон читает сообщение об окружении Теруэля. Все кричат: «Ура!»

21 декабря

С утра снова строим дорогу. Чудесное утро. Все любуются голубыми горами Эстремадуры в утренней дымке.

Связисты Марко и Роберт уходят тянуть провода. Вечером чиним дорогу.

¹ «Страдниеку Циня» — издание латышского объединения рабочих Латвийской революционной эмигрантской организации в Америке. *Ред.*

22 декабря

...После обеда ребята уезжают в Инохосу за водой. Когда возвращаются, рассказывают: «Теруэль наш». Весь городок празднует эту победу: улицы украшены флагами, на домах плакаты, бойцы на радостях ноют песни. Даже старушки повторяют: «Теруэль наш».

Все веселы: лейтенант Климберг получил для нашей группы увольнительные в город. Одеваемся и идем...

Когда возвращаемся, уже издалека замечаем свет: на позициях идут работы, очевидно, готовятся платформы для орудий...

Мы очень довольны, что работа начата лишь полчаса назад. Еще только начали монтировать подъемник, который нужен для того, чтобы поднять ствол на лафет.

Когда стволы подняты, беремся за установку лафета.

23 декабря

Работа продолжается всю ночь, но продвигается медленно, так как в темноте дело не ладится. Единственные источники света — факел из корпуса шрапнельной гранаты да несколько свечей...

Наши повара-латыши подготовили приятный сюрприз: в два часа ночи сварили всем кофе. Кофе всех освежает, и работа спорится. На рассвете почти все готово: орудия установлены на новых платформах, стволы их обращены в сторону фашистов: будет итальянцам «римская баня!»

Только около 8 часов утра ложимся спать. После обеда приводим в порядок затворы, измеряем углы на дополнительные цели. Все готово, завтра мы можем вести огонь.

25 декабря

Весь день работаем у орудийных платформ, мы должны довести их до 37°, чтобы обстрелять гору «Тяжелая голова». Вечером на кухне наша группа слушает доклады о литературе Советского Союза (Роберт) и о музыке (Жанис). Посреди кухни — картошка. Все слушают и чистят картофель.

26 декабря

Янис принес из штаба фотоаппарат и один экземпляр «Яунакас Зиняс» («Последние известии») от 11 декабря. Это для нас большой сюрприз, но у нас нет свечей, поэтому читать не можем. Потом мы изготовили газолиновую лампу. Снова читаем, как раньше. «Бурбульмате», речи министров о «Третьей звезде» и т. д. В Латвии очень снежная зима, туристские поезда, как и прежде, ходят в Цесис и другие места, дети бедняков пишут письма Деду-Морозу, а Тимушка читает доклады на тему «Испания в огне». В своем докладе он уже, конечно, как обычно собьет не менее тысячи республиканских самолетов. Бедный Тимис, ему все равно уже никто не верит!

27 декабря

Под синим небом Андалузии все спокойно, все по-старому. Наши повара потеряли хромую овцу, барана и маленького поросенка, которые, видно, перешли к фашистам; это у нас важнейшее событие...

28 декабря

Днем строим платформы. Вечером Янис делает нам доклад о театрах Советского Союза. А мы чистим картошку и слушаем. Леон на заседании культурной комиссии, приходит только к концу доклада. Сообщает, что нашей группе поручено подготовить к Новому году выступления: одну декламацию и две песни. Янис берется прочесть часть поэмы Цеплиса¹ «Дороги». В праздновании Нового года примут участие и представители «Socorro Rojo» («Красной помощи» — *Ред.*) из Инохосы.

29 декабря

Строим платформы. Работа тяжелая, утомительная. Вечером Климберг, Роберт и Янис спорят о литературе, восхищаются Джеком Лондоном. Сегодня на повестке дня Достоевский.¹

¹ Цеплис — латышский писатель. *Ред.*

30 декабря

Сегодня холодно. Лейтенант Климберг ведет наблюдения за климатическими условиями: измеряет толщину льда и температуру воздуха. Оказывается, температура воздуха — 1°, а толщина льда 13 миллиметров. Весь день работаем у платформ. Вечером расчет второго орудия проводит собрание и избирает Жаниса политделегатом. Света нет, в темноте заводим патефон и учимся танцевать.

31 декабря

Весь день украшаем помещение для встречи Нового года. Этой работой руководит специалист — старый бородач-румын. Он свое дело знает, и вскоре темная испанская изба становится со вкусом украшенным «залом для торжеств».

Около десяти часов вечера всей батареей собираемся на встречу Нового года. Красиво украшенное помещение освещается двумя прикрепленными к стене автопрожекторами.

Вскоре приезжают гости из Инохосы — представители «Красной помощи» Испании и Испанской Компартии. Встречаем их криками «ура!» и пением «Интернационала». Приезжают также политкомиссар штаба дивизиона и наш Макс.

Наш кухонный коллектив «выступает» с горячей картошкой, свиной и салатами. Ко всему этому — вино.

Начинаются выступления — каждая группа поет и декламирует. Сегодня лучше всего получается у ребят из Югославии. Они поют свою «Марианну», звучит она замечательно. Наша группа поет латышскую революционную песню «С боевым призывом на устах», а Янис декламирует стихотворение Цеплиса «Дороги». В 24.00 политкомиссар Попов поздравляет всех с Новым годом, символом которого для нас сейчас является большая пятиконечная звезда над камином. В своей речи политкомиссар говорит о наших боевых успехах. Он упоминает нашего Яниса и некоторых других товарищей. Снова песни и речи. А нашим ребятам на кухне приходится трудно, у них много дел. Около двух часов ночи прощаемся. Испанские делегаты сердечно жмут всем руки. Провожая их, поем «Интернационал».

1 января 1938 года

Новый год принес нам сюрприз — ночью выпал тонкий-пре-тонкий слой снега. Все вокруг голубовато-белое.

Жанис с Робертом уходят в штаб к Циелену, Макс и Марко организовать доклады.

Состояние товарища Циелена значительно улучшилось. Хорошее питание и легкая работа на кухне положительно сказались на его здоровье. Он мечтает о возвращении на батарею. Циелен хочет учиться, но в штабе культурная работа не организована. Его не пускают на учебу и к нам, так как его некем заменить...

2, 3, 4, 5 января

Все эти дни трудились над устройством блиндажа. Первый блиндаж затопило водой, поэтому приходится строить новый...

7 января

Днем строим блиндаж.

Вечером нам позвонили из штаба: приехал латышский парень, Рудольф Шмидт, и уже завтра прибудет на батарею. Наши ребята очень этому рады.

Из штаба приходит политкомиссар и рассказывает нам, что под Теруэлем взято в плен много фашистов; ожидаются еще более радостные известия.

8 января

Сегодня к нам из штаба пришел наш новый товарищ, Рудольф Шмидт. Это опытный боец, принимал участие во всех больших сражениях.

Вечером приходит Кур, приносит нам новые пластинки. Вместе с коллективом кухни мы проводим «задушевный вечер». Кур рассказывает о том, как брали Теруэль, все с большим вниманием слушают. Больше всего радуется Болюк, он от счастья прямо сияет как солнышко. Теруэль пал, это действительно свершилось! Нам даже трудно оценить значение этого факта.

Макс заканчивает свой рассказ, мы все воодушевлены. На столе появляется шампанское, и ребята поднимают стаканы в честь большой победы. Рудольф рассказывает анекдоты.

О взятии Теруэля фашисты сообщают следующее: «Разбитые под Харамой банды красных при беспорядочном бегстве

налетели на Теруэль и заняли его. Наше непобедимое войско в полном порядке оставило город».

В день, когда наши заняли Теруэль, берлинское радио сообщило: «Теруэлю больше ничто не угрожает». Фашисты невольно сказали правду, ибо Теруэль уже был в наших руках. Рудольф сообщил, что в бригаде им. Димитрова погибло 15 латышей. Наши ребята решили начать сбор материалов о борьбе латышей в Испании и о погибших товарищах. Жанис взял на себя организацию этого дела.

Товарищ Шмидт, который жил некоторое время в Альмансе, рассказывает, что городок полон орудий немецких и французских. День и ночь идет их сборка. Этот факт нас радует. Кто знает, может быть, скоро получим новые пушки!

11 января

...Сегодня получили письмо от латышей из Америки. Оно адресовано Я. Цинису, но написано для всех нас.

«Ванкувер,

28 ноября 1937 г.

Дорогой товарищ Цинис!

Мы, маленький отряд латышей из Ванкувера в Канаде в рождественские дни посылаем тебе и всем латышским борцам в Испании самые сердечные товарищеские приветы. Мы глубоко уверены в единстве нашего с вами фронта. Разница только та, что ваш фронт проходит на поле боя. У орудий, под градом снарядов, и открытой схватке с фашистским чудовищем. Ваша победа над фашизмом будет победой над фашизмом везде, во всех капиталистических странах

Товарищи! Мы приветствуем Вас — самых отважных борцов нашего класса и уверены, что вы победите.

Посылаем небольшой подарок, чтобы вы видели, что во всех уголках капиталистических стран имеются товарищи, которые помнят о своих героях

С товарищеским приветом... (подписи)».

Купим фотоаппарат! Тогда в нашем дневнике появятся и фотографии.

12 января

Сегодня мы получили из Латвии новые вырезки из газеты «Яунакас Зиняс», в которых есть статьи о Теруэле. Беньямин¹

¹ Беньямин — владелец и издатель газеты «Яунакас Зиняс». *Ред.*

нашу армию уже называет не «красными бандами», а вполне прилично — «республиканцы».

Болюк получил от одного рижского рабочего восторженное письмо в связи со взятием Теруэля. Он пишет об огромном подъеме и интересе к событиям в Испании. Чтобы получить хоть более или менее правдивые сведения о нашей борьбе, они ночи напролет слушают радио...

14 января

Сегодня в нашей группе состоялся вечер критики. Попов говорил, что в свое время наша группа сыграла большую роль в жизни всей батареи. Своим примером, взаимоотношениями в коллективе, культурной работой мы побудили и другие группы организовать жизнь на таких же принципах. Но теперь выросли и остальные группы. Если мы не хотим отстать, то должны сильно подтянуться...

15 января

Сегодня был вечер сближения латышской и румынской групп. За стопкой коньяка и сладостями собственного производства прошли часы в рассказах о жизни и борьбе на родине. Румынский товарищ вспомнил об организации и ходе большой демонстрации, проведенной в 1933 году в Бухаресте. Товарищ Макс рассказал о нескольких случаях из своей жизни, которые кончились трагически из-за несоблюдения конспирации.

Вечер затянулся допоздна. Много смеемся и поем.

16 января

Леон повторил свой доклад о коммунистической морали. Доклад вызвал дискуссию.

20 января

У нас организовано для всех батарей систематическое обучение артиллерийскому делу. Занятия начинаются с утра, сразу после зарядки, и кончаются в половине двенадцатого.

Новички тренируются у орудий, а мы, старички, учимся вести огонь. Послеобеденные часы у нас свободны, и мы группами ездим в кино в Инохосу.

Сегодня вечером Трокша в первый раз читает доклад и доставляет нам радость: свой первый доклад он подготовил старательно.

21 января

Сегодня вся батарея готовится к торжественному вечеру, посвященному памяти В. И. Ленина, К. Либкнехта и Р. Люксембург. Мы с Робертом весь день трудимся над большим монтажом, который должен показать жизнь и деятельность Ленина и его время. Работа удается, и мы довольны. На вечер явились и испанские делегаты из «Красной помощи». Для них речь политкомиссара Попова переводят на испанский язык. После торжественного вечера все едем в Инохосу смотреть фильм «Теруэль». Но фильм не произвел на нас ожидаемого впечатления, и мы возвращаемся обратно неудовлетворенными...

11 февраля

Мертвая тишина на всем участке нашего фронта. Болюк к Янка возвращаются с дежурства на наблюдательном пункте и тоже удивляются непривычной тишине. Ни один пулемет и ни одна винтовка не начинают своей боевой музыки. Вдруг около десяти часов раздаются громкие артиллерийские залпы. Нас сразу зовут к орудиям. Мы все уверены, что начинается давно ожидаемое наступление. Примерно часа три стреляли быстро, с воодушевлением. После обеда политкомиссар дивизиона созвал собрание и проинформировал нас о последних событиях на батарее...

...Вечером составили месячный план работы. Он был подготовлен раньше, но из-за перемещения батареи о нем пока не вспоминали. План таков: 10 занятий по артиллерии, 7 политзанятий (основы ленинизма), 6 уроков испанского языка и 3 доклада — «Народный фронт в Испании» (Рудольф), «История рабочего движения в Латвии» (Жанис), «Февраль 1917 года в России» (Роберт) — и отправка двух корреспонденций в антифашистскую печать Латвии — «Теруэль» (Леон) и «Народный фронт в Испании» (Рудольф).

14 февраля

Сегодня чертовски холодно, все ходят замерзшие. Справа раздаются разрывы бомб. У нас, как обычно, все спокойно. Фашисты начали большое наступление на участке 7-го корпуса. По всем признакам, они там обожгутся, так как наши подтянули большие силы, в том числе интернационалистов. Результаты еще неизвестны, но ожидается, что мы перейдем в контрнаступление и отобьем все атаки фашистов. После обеда неожиданно раздался сильный взрыв примерно в километре от нас, в тылу. Сначала мы предположили, что фашисты начинают нас обстреливать. Но воя снарядов не слышно. Мы подумали, что там с новичками проводятся занятия по взрывному делу. Позже выяснилось, что произошел несчастный случай. Пастушата нашли невзорвавшийся снаряд, бросили в огонь — и ждут. Снаряд взорвался, и стало не до шуток: у двоих ребят оторвало ноги. Нашли их только два часа спустя. Вечером они умерли...

17 февраля

...Сегодня рано утром прибежал маленький Рудольф с известием, что мы уезжаем. Все счастливы, надеются попасть на такой участок фронта, где идут активные боевые действия. Оказывается, что поедем туда, где, по рассказам, идет наступление. Вещи уже собраны. Через два часа к перевозке готовы орудия, и наше путешествие начинается. В городках наши большие «леди» вызывают всеобщее удивление. В глазах жителей радость и гордость. Едем чудесными горами, мимо старинных дворцов. Такое можно увидеть разве только в кино или во сие. Приходим к заключению, что природа Испании чертовски прекрасна. Под вечер въезжаем в городок побольше... К рассвету добираемся до позиций.

18 февраля

За ночь смонтировали орудия. Утром заканчиваем платформы. Рядом с нашими позициями — маленький городок. В его домиках мы и размещаемся. Здесь много интернационалистов: поляков, венгров и других. Позже узнаем, что на горе

расположены наши латышские артиллеристы. Каждому хочется с ними встретиться. Узнаем о ходе наступления. Оказывается, мы в начале действительно продвинулись вперед, но из-за отсутствия артиллерии потерпели неудачу — три батальона 13-й бригады почти полностью уничтожены. Итак, мы пришли слишком поздно. После обеда получили приказ открыть огонь. Пехотинцы, услышав нежный голосок наших «леди», очень обрадовались.

23 февраля

...На новых позициях мы узнали, что где-то здесь находится латышская противотанковая батарея. Все обрадовались — наконец-то можно будет встретить тех, кого давно искали. Протянули телефон. Беникис и Фельс ушли на наблюдательный пункт. Мы с Трокшей, закончив свою работу, хотели поискать истребителей танков. Но решили, что лучше это сделать после ужина. Поужинав, получили разрешение командира и пошли: Болюк, Янка, Трокша и Рудольф. До горы было с километр, да и сама гора довольно крутая и высокая. Пока взобрались, взмокли. Забрались наверх и смотрим, где же они, латыши? Обратились к какому-то бойцу, он оказался эстонцем. Ответил нам по-русски и крикнул своему товарищу: «Волков, к вам пришли гости, твои земляки». Видим — в нескольких шагах от нас спят бойцы. Они вскочили и смотрят на нас. Мы говорим по-латышски: «Привет, землячки!» Они радостно отвечают. Знакомимся, начинаем беседовать. Земляки рассказывают о многих боях, в которых они участвовали под Брунете, Сарагосой, Бельчите. А мы отчитываемся в своих делах. Так за разговорами просидели до темноты... Расставаясь, мы пригласили земляков завтра вечером спуститься вниз к нам на батарею. Обещали прийти.

24 февраля

...Беникис и Фельс ушли на НП. Леон, Рудольф и Жанис отправились к орудиям. Болюк с Янкой остались дома, они были свободны.

Днем мы довольно долго вели огонь по фашистской кавалерии, а затем по какому-то дому, в котором размещалась фашистская пехота. Дом мы совершенно разбили. Так подошел

вечер. Все вернулись с работы. Разожгли огонь, уселись вокруг и ждем гостей. Гости пришли, но не все, а только двое: Палкавниек и Жак. Спрашиваем, где остальные? Они отвечают, что остальные не могут спуститься, так как некому остаться при орудиях. Палкавниек расспрашивает, как мы живем, как идут дела на батарее, как мы учимся. Обо всем ему рассказали Жанис и Ионас. Сказали, что с культработой у нас дела обстоят неплохо, несмотря на все препятствия и трудности. Затем потолковали о Риге — как-то там сейчас. Проговорили допоздна, пора было идти спать. Гости попрощались и ушли на гору. Договорились, что завтра спустятся вниз другие товарищи. Мы заказали для них вино и апельсины.. Едва гости ушли, как началась ночная атака...

25 февраля

Туманное утро. Мы поднялись, напились кофе и разошлись по своим рабочим местам. Беникис и Фельс, как обычно — на НП. Рудольф, Жанис и Леон — к орудиям. Болюк с Янкой на батарею, дежурить у телефона. Стреляли сегодня мало. Никаких особых событий не произошло, если не считать, что пришла почта — газеты и письма...

...Болюк и Янка остались на ночь дежурить у телефона. Мы в ожидании земляков разожгли огонь. Нам привезли 125 килограммов апельсинов. Сидим, едим апельсины и обсуждаем, чем угостить ребят. Так просидели до 11 часов, но наши гости не явились. Решено было, что Беникис и Фелс отнесут наше угощение им наверх.

26 февраля

Утро ясное, но холодное. Беникис и Фельс, набив сумки апельсинами, понесли их наверх нашим землякам. Остальные пошли к орудиям. Болюк и Янка вернулись с дежурства, и мы, захватив вино, отправились вверх по горе к ребятам. Встретили многих других, еще нам не знакомых товарищей. Потолковали о делах. На фронте сейчас тихо. Мы выпили, закурили, спели латышские песни. Незаметно прошло время, и мы, попрощавшись, пошли домой. Поужинав, собрались вокруг огня. Договариваемся провести завтра внизу «вечер веселья»; соберем всех из Латвии, сколько их здесь есть.

27 февраля

Пришли Жак, Палкавниек, Поташов... Но тут поступил приказ переезжать на другие позиции...

...Надо подготовить орудия к переезду. Мы попросили, чтобы гости похозяйничали сами, они ответили, что будет полный порядок. Часа три спустя мы вернулись и, к нашему изумлению, застали у себя уже 22 человека из двух наших групп. Мы пели, болтали. Так продолжалось всю ночь, а утром мы уехали.

28 февраля

Утро выдалось туманное. Мы погрузили вещи, распрощались с товарищами, машина тронулась. В прощальном приветствии поднялись руки.

Мы отдаляемся: уже не видно наших друзей, автомобиль мчится вперед.

Приехали на новые позиции, дождались приказа, где размещать орудия, и принялись за работу. Одни тянут провода, другие возводят жилье, остальные приступают к оборудованию орудийных позиций. Так подошел вечер, надо было кончать работу..

1 марта

Утро очень холодное и дождливое. Позавтракали и отправились на работу. Пришли очень плохие известия — фашисты заняли Теруэль. Сообщение не из приятных, но что делать! Ребята готовы сражаться с еще большей энергией. ²

2 марта

...Пришло сообщение о большом морском сражении. Военные суда фашистов хотели обстрелять Таррагону, но в бой вступили республиканский флот и авиация. Сражение было ожесточенным, нашему флоту удалось потопить фашистский крейсер «Баларес». Второй вражеский крейсер, «Канарис», сильно поврежден. Это наша большая победа. Крейсера

были мощными боевыми единицами фашистов. Теперь благодаря храбрости наших моряков удалось потопить одно из этих пиратских судов. Наш флот от этого стал еще сильнее.

8 марта

Прошло восемь дней, каждый из них принес миру что-то новое. Нас всех потрясло известие о том, что гитлеровские войска вошли в Австрию. Все ближе и ближе ко всемирной войне...

Фашисты в связи с этим опьянены победой. Они прислали Франко много оружия и свежие подкрепления, и мятежники начали грандиозное наступление на Республиканскую Испанию. Положение на фронте не в нашу пользу: фашистам удалось занять Бельчите, Кинто, Альканьис, они быстро продвигаются вперед...

17 марта

Сегодня получили свежие газеты, с большим интересом читаем сообщения о последних событиях, особенно о положении на фронте; наступление фашистов приостановлено, но отбросить их на старые позиции пока не удалось. Хорошо уже и то, что задержано их продвижение, опасность уменьшилась вдвое.

Второе событие, которое привлекает наше внимание, это ультиматум Польши Литве из-за убитого пограничника. Срок — 48 часов; в случае невыполнения ультиматума Польша угрожает объявлением войны. Ясно, что все это — ухищрения фашистов, которые стремятся спровоцировать войну.

19 марта

Сегодня всей батареей изучали историю Испании. Потом позвонил Фельс и сказал, что к нам собираются гости, надо что-нибудь приготовить. Мы знали, что в гостях у нас будет испанский капитан и политкомиссар...

Вечером слышим: подъезжает машина, звучит веселая песня. Из машины выходят испанский капитан, три лейтенанта и политкомиссар. Все такие веселые, особенно капитан. Мы их угощаем французскими сигаретами и вином, они

довольны нашим гостеприимством. Парень из Югославии спел (а мы подпевали) «Марианну» — югославскую песню. Испанцам она очень понравилась, они в свою очередь спели песню собственного сочинения. Мы им бурно аплодировали. Побыв у нас немного, они стали прощаться, выпив на дорогу еще по стакану вина. Наш политкомиссар обычно никогда ничего не пил, но теперь в нашу честь и он, садясь в машину, выпил стакан вина. Мы поехали провожать их, а получилось так, что доехали до самого штаба и они пригласили нас зайти. Мы собирались немного посидеть и поехать домой. Зашли, они освободили одну комнату, внесли туда ящики и стулья. Затем капитан разыскал гитариста, и тот стал играть. Было чудесно. Потом раздобыли мандолину. Батальонный командир, а затем капитан играли с гитаристом, остальные пели. Мы все зачарованно слушали и чувствовали себя, как в театре. Когда они кончили, грянул гром аплодисментов. Потом капитан попросил, чтобы и мы спели что-нибудь. Мы затянули партизанскую песню и «Широка страна моя родная». Песни им понравились. Затем снова пели хозяева — много разных песен. Мы собрались ехать, но нас не отпускали: сейчас будет ужин. Вскоре капитан открыл дверь и приглашает нас. Смотрим: накрыто два стола, расставлены тарелки, разносят рисовую кашу с мясом. Поели, думаем — ну, хватит! Глядим — еще и жаркое несут, аппетитно так пахнет... Съели жаркое. Ну, теперь-то уж пора возвращаться восвояси. Но не пускают, говорит — сейчас кофе подадут. Мы только диву даемся: как это они ухитряются так быстро сварить его? Принесли черный кофе, удивительно вкусный, пьем и наслаждаемся. Наконец прощаемся и благодарим за гостеприимство. Наш политкомиссар произнес небольшую речь. «Такого чудесного вечера, как сегодня, я еще никогда не переживал. Мы приехали сюда в Испанию сражаться, наша обязанность — помогать испанскому народу и словом и делом, а то и жизнью своей пожертвовать, если понадобится, за свободу трудящихся Испании». Испанцы громко аплодировали, а потом краткое ответное слово произнес командир испанского батальона. «Для нас вы дорогие гости, ведь мы знаем, что Интернациональные бригады оказывают испанскому народу большую помощь. Вы оставили свою родину и своих близких, чтобы помочь нам в трудный час. Когда гибнет на поле боя испанский боец это его долг. Но когда погибает кто-либо из вас — это с вашей стороны огромная жертва, которой испанский народ никогда не забудет. Объединив усилия, мы одолеем фашистов!»

Мы спели «Интернационал», распрощались с боевыми друзьями и уехали, увозя с собой воспоминание о чудесном вечере.

20 марта

Утро дождливое, поэтому все сидят по своим конурам, никто не хочет вылезать. Сегодня были занятия по истории большевистской партии.

22 марта

Читаем газету о положении на фронте. Известия не из хороших, фашисты на Арагонском фронте продвигаются вперед. Но ребята не вешают головы, все готовы сражаться до последнего.

23 марта

Получен приказ переехать на новые позиции, в Талаверу. Путь довольно далекий, около 350 километров. Ребята радуются, что сумеют принять участие в бою и быстро собираются. Болюк и Янка отправились сворачивать телефонную линию. Остальные ребята снимают с лафетов стволы и поднимают их на грузовики. И вот уже свернута связь, погружены орудия и личное имущество. Наступил вечер. Поужинав, мы расселись по машинам и двинулись в путь. А часть товарищей осталась ждать грузовиков из Кастуэры. Когда наши четыре машины прибыли в Кастуэру, нам сказали, что остальные будут через час. Но оказалось, что машины заняты подвозом боеприпасов на другие позиции, и нам пришлось прождать всю ночь.

24 марта

Только с рассветом грузовики отправились за нашими товарищами. Командир приказал всем машинам выехать из города, так как возможен налет авиации и оставаться здесь небезопасно. Мы сели в машины и уехали. Километрах в семи от города мы сделали привал среди невысоких гор, позавтракали в ожидании товарищей. Часа через три они приехали.

Наконец-то мы смогли отправиться в путь всей колонной. Дорога поразила нас своей дикой красотой. Высокие горы, зеленые долины, река. В небе реют орлы и аисты. Много было на нашем пути городов, население везде встречало нас криками «ура!»...

25 марта

...На позиции приехали к вечеру. Одни разгружают машины, другие берутся за сборку орудий. Болюк и Янка тянут провода. Есть приказ: привести все в боевую готовность, чтобы в пять часов утра открыть огонь.

26 марта

...Едва забрезжил рассвет, как по телефону был отдан приказ: изготовить орудия к бою и ждать команды на открытие огня. Пехота уже ведет стрельбу и поднимается в атаку. Вступают в бой пулеметы, винтовки, противотанковые орудия. Все сливается в сплошной гул. Включается в дело и наша батарея: сотрясая воздух, с воем проносятся два тяжелых снаряда. Ребята веселые, работают как черти, покрикивая «оле!» Это испанское слово соответствует нашему «ура». Начинают стрелять и испанские батареи. Все кругом грохочет, снаряды сыплются, как из автомата. Фашисты ведут ответный огонь, но он слабее нашего. В 11 часов узнаем, что наши взяли в плен целый фашистский батальон и захватили много пулеметов. После обеда видим, как ведут пленных. Подходим ближе, кричим: «Салуд, камрада». Они в ответ поднимают руки. Они все испуганы, ничего доброго от нас не ждут. Мы предлагаем папиросы — они берут с опаской. Взяли, закурили, и их лица проясняются, они ободрились. Им наговорили, что республиканцы пытаются пленных. Теперь они убедились, что все эти рассказы о нас — ложь.

27 марта

Бой идет с самого утра, фашисты, подтянув силы и артиллерию, открывают плотный огонь по нашей пехоте. Мы сегодня отвечаем вяло — говорят, что у нас нехватка снарядов.

Управлять огнем со старого наблюдательного пункта уже нельзя, поэтому не можем помочь пехоте. Нашли хорошее место для нового НП, но не хватает кабеля. Когда мы наконец протянули провода, наступил вечер. Наши бойцы вынуждены были оставить занятые ими на правом фланге позиции. Как мы выяснили, виною этому был саботаж. Все это было сделано с умыслом, чтобы разбить нас.

Позиции, занятые на левом фланге, нам удалось удержать.

28 марта

Ночью пришел приказ вернуться на старые позиции, батарея была поднята на ноги, и снова началась погрузка. Когда закончили работу, уже рассвело. Мы напильсь кофе и прежним путем, минуя те же города, поехали обратно. Только один раз уже под вечер остановились на отдых, и к ночи добрались до старых позиций. В темноте были выгружены орудия и протянута телефонная линия.

29 марта

Рано утром получили приказ подготовиться к бою. Сюда подтянуто много войск: пехота, кавалерия, танки, броневики. Испанская батарея открыла интенсивный огонь, дан приказ на открытие огня и нашей батарее. Выпустили 5 снарядов. Пришел приказ прекратить стрельбу, умолкли и другие батареи. Не знаем, по какой причине, но наступление приостановлено. Ребята очень сожалели, что боя не получилось...²

2 апреля

Сегодня с курсов вернулся Леон, привез от Кура книги и другие заказанные вещи. Леон доставил нам печальное известие — наших латышей из противотанковой батареи на Арагонском фронте постигло большое несчастье: Палкавниек и еще один товарищ тяжело ранены. Поташов погиб. Нас потрясла смерть товарища. Поташов приехал в Испанию недавно, после Нового года, и успел принять участие только в одном бою. Второй бой для него оказался роковым.

3 апреля

На нашей батарее не произошло ничего существенного. Но на Арагонском фронте большие события. Сегодня получили газету и узнали неприятные новости. Фашисты продвигаются...

20 апреля

За это время ничего нового не произошло. Все идет по старому, проходят занятия, дискуссии, читаем в газетах про Арагонский фронт. Фашисты пробились к морю и всеми силами стремятся отрезать Каталонию... Будем ли мы достаточно сильны, чтобы быстро организовать войска и оружие и нанести решающий удар по проклятому фашизму, навсегда освободить людей от рабского ига? Борьба потребовала от пролетариата много жертв, лучшие борцы отдали свою жизнь на благо человечества. Мы знаем, что жертв от нас потребуется еще много, ведь мы ведем сражение с коварным и сильным противником...

21 апреля

День прошел, ничего нового не случилось. Вечером Леон читал нам об основах ленинизма.

24 апреля

Сегодня снова доклад Леона о ленинизме.

25 апреля

Все тихо, на фронте ни одного выстрела, на батарее идет учеба и совместная, и по группам.

27 апреля

Сегодня Кур делал доклад по истории Испании...

28 апреля

Вместе с бойцами испанской батареи усердно готовимся к Первомаю.

29 апреля

Доклад товарища Кура о Первомае.

30 апреля

Состоялся доклад о Первомае для всей батареи. Затем выступал болгарский товарищ... Потом мы делились воспоминаниями — как кто праздновал 1 Мая в разных странах. Один из нас однажды провел этот день в тюремном карцере. заключенные, чтобы выразить ненависть к фашизму, пели «Интернационал» и выкрикивали революционные лозунги. Другой — в Америке отметил этот день участием в демонстрации, которая подверглась нападению полиции. Многие демонстранты были тяжело избиты. В своем рассказе товарищ подчеркнул, что произошло *это* в государстве, которое кичится демократическими свободами. На этом наш вечер закончился.

1 мая

Утром, построившись, украсив машины флагами, лозунгами и стенгазетой, весь наш орудейный расчет отправился в испанскую батарею. Вместе с испанцами, распевая боевые песни, мы прошли через всю Пераледу и вернулись обратно. Командир батареи и политкомиссар выступили с речами. Спели «Интернационал» и испанский национальный гимн, сфотографировались, и на этом наша демонстрация закончилась. Вечером к нам пришли товарищи из испанской батареи. С песнями выступали наши ребята и гости. А потом мы пошли к ним. У них на батарее есть патефон, имеются боксерские перчатки. Они завели патефон и под музыку демонстрировали боксерское искусство. Вскоре мы вернулись домой и обсудили учебный план на май. Так мы отпраздновали Первомай...

15 мая

Идет проверка по курсу артиллерии; вечером у костра состоялось собеседование о прошедшей и будущей учебе. Учителя говорили о своих учениках, об их усердии, о допущенных ошибках и т. д. Ученики дали отзывы об учителях. В заключение состоялся «час веселья».

16 мая

Сегодня утром секретарь батареи перед строем зачитал приказ о присвоении некоторым из нас воинских званий. Беникису присвоено звание «teniente» (лейтенант). Фолманису — «sergento» (сержант). Вечером мы составили план учебы на месяц — с 15 мая по 15 июня.

19 мая

Нестерпимая жара. Днем обычные занятия, вечером лекция.

20 мая

...Политкомиссар информировал нас о военном и политическом положении в настоящее время... Вечером состоялось партийное собрание с участием всей батареи. Политкомиссар т. Попов сделал краткий обзор событий на батарее за прошедшие десять месяцев. Затем начались дискуссия и обсуждение...

21 мая

Обычные учебные занятия... Ночью у костра слушали лекцию по истории Испании. Читал т. Кур.

22 мая

На фронтах ничего существенного не произошло. Соревнуемся в учебе, преподаватели все те же. Намеченная на вечер лекция не состоялась, так как к нам пришли гости из испан-

ской батарее... Этот вечер мы провели очень хорошо и уютно. Пели песни, беседовали... В. Дукальский продемонстрировал свое поварское искусство: вместе с Рудольфом он испек очень вкусный хлеб, который преподнес гостям.

23 мая

Уже несколько дней мы не вели огня, но сегодня после ужина с НП сообщили о появлении вражеской кавалерии. Товарищ Беникис отправился на НП, приказав подготовить орудия; через полчаса поступила команда «Огонь!» Снаряды со свистом уходят на цель, но все это уже привычно, война есть война. Вечером у яркого костра — лекция по истории партии. Читает т. Марко.

24 мая

Обычные занятия. В полдень посылаем фашистам маленькое приветствие — один снаряд.

Поздно вечером ярко пылает костер, мы собрались на лекцию т. Кура по истории Испании. Лекция очень интересная и полезная.

25 мая

Обычные дневные занятия, вечером политчас: т. Марко делает доклад по истории Коммунистической партии.

26 мая

Почти совсем не стреляем, но зато усердно учимся. Стоит утомительная жара, но это не мешает нам готовиться к предстоящим боям. Вечером — урок испанского языка.

31 мая

Обычные дневные занятия; предусмотренная планом проверка знаний по различным обстоятельствам не проводится. Вечером был составлен и принят план дальнейшей деятельности на последующие 15 дней...

1 июня

Наши ребята готовятся приступить к работе на кухне, увозят весь свой громоздкий багаж — целых две машины. Выражение лиц у них такое кислое, что нам, остальным, становится жаль их.

2 июня

Утром — первый, сваренный нашими ребятами кофе. Ничего, довольно вкусно! Надеемся, что и в дальнейшем они не посрамят чести нашей группы.

3 июня

С утра все по-прежнему спокойно, но после обеда с НП была дана команда стрелять...

5 июня

Вечером после знойного дня все пошли в Пераледу, где Кур сделал доклад.

6 июня

На фронтах затишье, можно подумать, что война кончилась... Учимся, пополняем свои знания, чтобы быть готовыми к предстоящим боям...

13 июня

На нашем участке все тихо, если не считать небольших перестрелок... Жизнь на батарее проходит нормально, без особых новостей. Учебу продолжаем, как обычно, а по вечерам т. Кур читает лекции.

15 июня

С НП сообщают о концентрации сил противника, к вечеру насчитано около 170 бойцов да еще кавалерия...

10 июля

...После 15 июня дивизион и особенно батарея, расчет которой состоит из наших ребят, участвовали в тяжелых боях под Бласки и под Пераледой, где наступал враг. Наши части отходили, батарее приходилось менять позиции каждую ночь, а иногда и днем по два-три раза. Огонь батарея вела по несколько часов подряд. Это были самые драматические дни за всю нашу фронтовую жизнь.

25 июля

Беникис назначен командиром батареи. Кур опять откомандирован в штаб.

Август

Почти все время тихо, за исключением операции под Белалькасарой, когда наши опять наступали. Ребята дрались как черти.

Начало сентября

Беникис назначен командиром дивизиона. Начали приходить посылки из Америки подарки от наших заокеанских друзей. Это большая радость. Кур от имени группы послал благодарность в редакцию газеты «Страдниеку Циня» («Борьба рабочих»)...

Затем пришел приказ об отзыве с фронта всех интернационалистов. Неясно, куда и по какой причине...

13 сентября

С утра интернационалисты дивизиона. 217 человек, оставив всю материальную часть, сели в поезд и через два дня прибыли в Валенсию.

Все еще не знаем, что нас ждет. Мы надеялись, что нас снова направят на фронт, но вскоре прочитали в газете выступление Негрина в Лиге Наций. Стало ясно, что придется

покинуть Испанию. Многие (наши почти все) очень об этом сожалеют. Вопрос еще и в том, куда ехать. Возвращаться в Латвию нельзя без разрешения Компартии. Куда же? Обсуждаем, кому куда хотелось бы. Многие подумывают о Мексике...

1 октября

В дивизионе была проведена проверка знаний по артиллерии, чтобы отобрать людей для курсов, которые хотел организовать Беникис. Из Латвии проверку хорошо прошли Фолманис, Фельс, Клейнман, Кур и Дукальский.

4 октября

Кур работает переводчиком при советниках. У него есть шансы остаться в Испании. А другие?

11 октября

Пришел приказ подготовиться к отъезду... Так что все-таки надо уезжать.

12 октября в Валенсии

Пришел Кур забрать дневники, биографии и другие материалы, чтобы передать т. Вилку, который обещал переслать все это в архив Центрального Комитета КПЛ. Надеемся, что все эти материалы будут прочитаны не только для того, чтобы познакомиться с боевым путем латышских товарищей в Испании, но главным образом для того, чтобы узнать о людях — замечательных кадрах, закаленных в огнях сражений борцах. Пусть по этим материалам представят себе наш боевой коллектив, который с честью носил имя Янсона-Брауна. Пусть знают и об отдельных товарищах, которые доказали, что в борьбе против фашизма, в борьбе за свободу, за социализм они готовы идти на еще большие жертвы, в жестокий бой. Всегда и везде они будут революционными бойцами, такими же сильными, сознательными, жизнерадостными, какими

являются сегодня, готовыми к схваткам. Заканчивается один из важнейших этапов нашей жизни, когда мы выросли и возмужали. Заканчиваем мы и дневник, который, конечно, не полно, а лишь частично освещает наш путь, нашу жизнь, наши дела и бои в Испании. Надеемся, что в истории революционного движения в Латвия не будут забыты и те ее сыны, которые за освобождение своего родного края от ига фашизма, от диктатуры Ульманиса проливали кровь на полях Испании, в том числе и коллектив имени Янсона Брауна — группа латышских товарищей в дивизионе тяжелой артиллерии.

1937-1938 г.

На русском языке публикуется впервые

БОЛЕСЛАВ ДУКАЛЬСКИЙ

**БОЕВОЙ ПУТЬ
АРТИЛЛЕРИСТОВ**

После смерти отца в 1919 году мы, пятеро малолетних детей, остались на попечении матери. Из четырех братьев я был самым старшим. Мне минуло только 11 лет. Трудно приходилось. Надо было помогать матери зарабатывать на хлеб. Началась жизнь, полная нужды и лишений. Мы часто голодали. Только две зимы посещал я школу, о дальнейшем учении нечего было и думать.

Поняв, что из нужды нам не вылезть, мать переехала вместе с нами в Ригу. Сняли комнатку, но обставить ее было нечем, только рваное тряпье валялось на полу.

Я поступил учеником в слесарную мастерскую. Но вскоре пришлось искать другую работу: я должен был зарабатывать больше, семья голодала. Нанялся на стекольный завод, освоил ремесло стеклодува. За это время много довелось хлебнуть горя. Мастера были немцы, всячески издевались надо мной, часто били. Все это я вытерпел, изведаль горькую судьбу рабочего человека. Понемногу заработок мой начал увеличиваться, семья зажила несколько лучше.

Подожли призывные годы. После службы в армии я продолжал работать на стекольных заводах. Стал принимать участие в забастовках, вступил в профсоюз. Все отчетливее понимал, что добиться лучших условий труда и жизни можно только борьбой. Читал нелегальную партийную литературу, помогал подпольщикам хранить ее и распространять.

В 1936 году в Испании началась война против фашистских мятежников. Рабочие-интернационалисты стремились помочь испанским товарищам. У меня, как и у тысяч других тружеников, было только одно желание принять участие в борьбе против фашизма. Мы начали сбор средств в пользу борцов Испании. Приходилось остерегаться полиции, рабочие боялись открыто давать деньги. Поэтому сбор на нескольких стекольных предприятиях вели тайно. С большим трудом собрали 650 латов. Этих денег хватало на отъезд в Испанию только для троих. Кому ехать? Желавших было много, поэтому решили прибегнуть к жеребьевке.

Отправились в путь и мы с младшим братом. Мать собрала нам в дорогу все необходимое. Настал день отъезда, а для матери час расставания. Мать держалась твердо, старалась не плакать, а на прощание она сказала нам: «Я горда, что посылаю вас, на вашу долю выпала великая обязанность — защищать всех честных людей во всем мире. Будьте бесстрашными в боях, бейте без жалости наших смертельных врагов фашистов!»

12 июня 1937 года мы уехали. Нас было трое: я, мой младший брат и Янис Трокша.

Через несколько часов мы были за пределами Латвии. Почувствовали себя увереннее. Но конспирацию все же следовало соблюдать: в связи с договором о невмешательстве всех подозреваемых в том, что они едут добровольцами в Испанию, задерживали в пути.

Переезжаем границу Германии. В вагон зашли пограничники и таможенники. Вместо приветствия они вскидывают кверху руку и без конца орут: «Хайль, Гитлер!» Пассажиры отвечают тем же. Мы сидим молча.

В воскресенье утром прибываем в Берлин. Здесь пересадка. До отхода поезда — четыре часа. Мы пошли побродить по городу. На привокзальной площади огромный портрет — Гитлер с поднятой рукой. Внизу подпись, наверно, из какой-нибудь его речи: «Дайте мне четыре года, и я обеспечу немецкому народу счастливое будущее». По улице строем проходит группа эсэсовцев. Военных здесь очень много. Штатские выглядят хмурыми и подавленными.

Едем дальше. В вагоне много поляков и немцев. Большинство немцев щеголяют новенькой офицерской формой. Едут они в Париж. Туда же направляются и поляки. Подозреваю, что конечная цель у нас у всех одна — Испания. Но немцы едут к Франко, и мы окажемся по разные стороны фронта.

Снова пересекаем границу. Мы уже в Бельгии. В Льеже стоим два часа. Вышли в город. Впечатление такое, будто сюда мы попали, вырвавшись из огромного военного лагеря: здесь в форму одеты только полицейские, которые поддерживают порядок на улицах. Бельгийцы народ жизнерадостный, открытый, гостеприимный.

По пути в Париж заводим в вагоне беседу с человеком из Советского Союза. Он сразу становится центром всеобщего внимания. Бельгийцы наперебой расспрашивают его о чем-то. Стремятся чем-нибудь угостить. Но и он не остается в долгу и угощает всех папиросами «Казбек». В Западной Европе все привыкли к сигаретам. Папиросы тут непривычная новинка. Я впервые закурил советские папиросы.

Мне кажется, что и наш новый знакомый не останется в Париже, а поедет дальше. «Может быть, встречу его где-нибудь в Испании», подумал я.

Утром 15 июня приезжаем в Париж. В узле галстука у меня запрятана записка адрес Маши Зильберман и пароль. Находим Машу. Она угощает нас завтраком, жадно расспрашивает о рижских новостях. Когда мы немного отдохнули. Маша отводит нас в одно из отделений Французской Коммунистической партии, где мы должны зарегистрироваться.

Меня поражает обширное, удобное, светлое помещение, где на стенах висят портреты К. Маркса. Ф. Энгельса. В. И. Ленина. Г. Димитрова, М. Тореза. На столах — коммунистические газеты, в том числе и советские: «Правда». «Известия», «Комсомольская правда» и др. «Вот где широкое поле деятельности для партийной пропаганды и агитации», — подумал я. Конечно, радуемся и, вспоминая Ригу, завидуем трудящимся Франции, завоеванной ими демократии.

Когда мы зарегистрировались, нам указали гостиницу, где остановиться. Выдали талоны на обед. За обеденным столом сидим мы, три латыша, один англичанин, один поляк и один русский — эмигрант. Впереди у нас одна цель. Хотя мы не владем ни французским, ни английским языками, но все же беседуем, кажется, даже понимаем друг друга и чувствуем себя прекрасно.

В Париже задерживаемся дня четыре.

Успеваем посмотреть прославленную международную выставку 1937 года. У нас вызывает восторг внушительная, великолепная скульптура Мухиной над павильоном Советского Союза — юноша и девушка с серпом и молотом в поднятых

руках. Напротив — павильон Германии. Над ним черный орел с распростертыми крыльями.

Когда на четвертый день нас спрашивают, готовы ли мы к отъезду, отвечаем, что с нетерпением ждем продолжения пути. Нам, конечно, нравится Париж, мы с удовольствием провели бы здесь несколько дней, но мы же не в туристической поездке, нас зовет долг. Может быть, на обратном пути у нас будет больше времени...

Не буду рассказывать, как мы добирались до Испании. Об этом много сказано в предыдущих статьях.

Наконец мы в Альбасете.

Нас размещают в казармах для интернационалистов. Проводим здесь с неделю. Встречаемся с М. Марковниковым, Я. Палкавниеком, А. Березиным (Чиспой), с врачом П. Бернштамом. Нас с братом и Трокшу зачисляют в дивизион тяжелой артиллерии и направляют в Альмансу.

В Альмансу вскоре прибывает много других из Латвии Я. Беникис, Ж. Грива (Фолманис), Л. Клейнман, Б. Кур, А. Циелен, Р. Фельс и другие — всего нас здесь 12 человек из Латвии. Решаем свою группу назвать именем Я. Янсона-Брауна.

Все мы мечтаем попасть в расчет орудия, и я в том числе. Но мне поручают обязанности начальника связи: я отвечаю за бесперебойную телефонную связь артиллеристов с наблюдательным пунктом и штабом. Связисты — Я. Трокша, А. Циелен и мой брат.

Получаем приказ отправиться на фронт. Едем сначала поездом, потом перегружаем орудия на грузовики. Ночью вдоль передовой линии фронта едем по направлению к Мадриду. Слышно, как строчат пулеметы, слева и справа раздаются пушечная пальба и разрывы снарядов. На северном участке фронта под Брунете идут ожесточенные бои. Слева, из Университетского городка, доносится грохот боя.

Рано утром наши орудия занимают позиции у подножия Гвадаррамских гор. В горах — наблюдательный пункт батареи. Штаб расположен в Эскориале, Беникис и Фолманис отправляются на наблюдательный пункт. Нам, связистам, надо срочно протянуть линии связи.

Вначале все идет хорошо. Но когда солнце поднимается выше, нас начинает мучить жара. Не успели мы закончить работу, как налетела фашистская авиация. Бомбят передовую и артиллерийские позиции. Завязывается воздушный бой. На

фашистские самолеты набрасываются республиканские тупорылые истребители «чатос» — так испанцы прозвали присланные из Советского Союза боевые самолеты. Несколько вражеских машин загорелись и упали, оставив за собой густой хвост черного дыма.

Фашистские самолеты сбросили много зажигательных бомб. От зноя все вокруг высохло и легко вспыхивает. Начинаются пожары. Горят дома, горит пересохшая трава. В нескольких местах сгорели и наши, только что протянутые провода.

Наконец связь налажена. Наши пушки начинают стрелять. С наблюдательного пункта сообщают, что попадания точные. Мы прибыли в самый раз. Фашисты подтянули подкрепления, перешли в контрнаступление, пытаются отбить потерянную в предыдущие дни территорию. Снаряды нашей тяжелой артиллерии наносят им большие потери. Хотя врагу и удалось снова захватить Брунете, но все же дальше продвинуться он не может. За меткую стрельбу мы получаем особую благодарность.

Бои идут каждый день и на земле, и в воздухе. Обе стороны несут тяжелые потери. Но наша батарея потерь не имеет. Свое первое боевое крещение выдерживаем успешно.

Эскориаль фашисты не бомбят. Это летняя резиденция бывшего короля Испании. В огромном королевском дворце теперь музей. В свободную минуту мне удастся его посмотреть. Богатая коллекция произведений искусства. Поражает роскошь ручки дверей и окон из золота или в позолоте. Вообще очень много золота и серебра.

Когда бои затихают, возвращаемся в Мадрид. Несколько дней проводим в красивом и обширном городском парке. Наши орудия установлены возле огромного бассейна.

Нам удалось повидаться с другими ребятами из Латвии. Тов. Баром привез почту из Альбасете, получаем письма. Навестил нас как-то Р. Лацис (Вилкс) инструктор при испанской бригаде.

Узнаем, что в Брунетской операции принимала участие латышская имени Леона Паэгле группа противотанковой батареи, которой командует А. Березин (Чиспа) и Я. Палкавниек. В одиннадцатой бригаде воюет Рудольф Шмидт, а рижский студент Георг Брозинь и лиепайчанин Фрицис Пуце находятся в испанских частях.

Получили приказ отбыть на Эстремадурский фронт. Идем на грузовиках, затем — поездом. Проезжаем Сьюдад-Реаль —

огромный железнодорожный узел, потом Альмаден — всемирно известный центр по добыче ртути. За Альмаденом, на станции Педроче, выгружаемся. Располагаемся на берегу реки.

Уже вторая половина августа. Но днем солнце печет сильнее, чем под Брунете. Речка совсем пересохла, ее русло занесено песком. Без воды очень трудно. Роем ямы в русле, и они постепенно заполняются водой.

Прошло около недели. Получаем приказ занять позиции против небольшого городка Пеньяррой, который находится в руках фашистов. От нас город закрыт горной грядой. На этом участке фронта республиканская армия до нашего прибытия вовсе не имела артиллерии. Пользуясь этим, фашистская артиллерия обстреливала республиканские позиции непрерывно и совершенно беспрепятственно, даже не маскируясь. Благодаря этому мы легко засекаем цели, и наши пушки за один день выводят из строя несколько вражеских батарей.

На следующий день показываются фашистские самолеты. Но наши батареи хорошо замаскированы среди деревьев. Ни самолетам противника, ни его артиллерии не удастся причинить нам вреда.

Заняв позиции, мы все в первые дни заняты рытьем окопов, ям и траншей. Ни у кого из нас нет опыта такой работы. Но эти убежища хорошо помогают нам укрываться от вражеской артиллерии и от налетов бомбардировщиков.

Готовимся к наступлению на Пеньяррою. Наши пушки занимают позиции совсем близко от передовой. Начинается наступление. Поддержанные огнем нашей артиллерии, пехотинцы вскоре занимают фашистские позиции под самой Пеньяррой. Фашистские части отступают в город. Начинаем его обстреливать.

Неожиданно получаем приказ: город не обстреливать, так как в нем находятся объекты международной концессии, которые нельзя уничтожать. Мы, в особенности Беникис, возмущаемся тем, что фашисты бессовестно пользуются этим для прикрытия своих войск и концентрации сил к контрнаступлению.

Для того, чтобы окружить город, у нас не хватает резервов. Фашисты же вскоре получают подкрепления и переходят в контрнаступление. Но отбить потерянные позиции им не удастся.

Наступает осень. Мы перебазировались на другие

позиции — на том же участке фронта, под городком Вальсекильо. Начинается период дождей. Дороги размокают. Возникают перебои в снабжении. Наши укрытия затопила вода.

Неожиданно фашисты начинают наступление. Наша пехота не выдерживает артиллерийского огня противника, налетов его авиации и атак превосходящих пехотных сил и начинает отходить. Отходит и штаб артдивизиона. Связь со штабом и с наблюдательным пунктом прервана, и я пешком иду сказать Янису Беникису, Жанису Фолманису и другим наблюдателям, чтобы они возвращались к орудиям.

Из-за отхода пехоты наши орудийные позиции вскоре оказываются на переднем крае. Очутившись рядом с орудиями тяжелой артиллерии, пехотинцы вновь обретают мужество, совместно с орудийными расчетами переходят в контратаку и приостанавливают продвижение фашистов.

Некоторое время находимся на отдыхе. Получаем неприятные известия. На севере фашистам удалось сломить сопротивление республиканцев. 20 октября пал последний республиканский город у Бискайского залива — Хихон. Возвращаемся обратно на позиции. В конце декабря приходит и радостное сообщение Республиканская армия заняла Теруэль. Захвачено в плен более двух тысяч бойцов фашистской армии. Но радость, связанная со взятием Теруэля, к сожалению, не продолжительна.

После Нового года фашисты переходят в контрнаступление, и Теруэль снова попадает в их руки. Фашисты продолжают наступление в направлении Средиземного моря, чтобы разрезать Республиканскую Испанию надвое, отрезать Каталонию и французскую границу от центральной Испании.

В феврале на нашем фронте снова чувствуется некоторое оживление. Готовимся к наступлению, — очевидно, чтобы облегчить положение Республиканской армии у Теруэля. Прибыли и некоторые части Интернациональных бригад. Когда наше наступление началось, мы делаем все, чтобы помочь продвижению нашей пехоты. Но фашисты хорошо укрепились. В их распоряжении много артиллерии. На второй день появляется вражеская авиация. Наших сил недостаточно, чтобы преодолеть сопротивление врага, и наступление на этот раз не дает никаких результатов.

После наступления на нашу долю выпала неожиданная радость: в наш сектор фронта прибыла противотанковая батарея с орудийным расчетом им. Леона Паэгле. Так встретились

две крупнейшие латышские группы. Приглашаем земляков в гости. Ставим на стол все, чем богаты. В Эстремадурских горах всю ночь звучат латышские песни.

За успешную деятельность на наблюдательном пункте Я. Беникиса назначают командиром батареи им. Коларова. Вскоре после нашего неудачного наступления фашисты переходят в контратаку. Неоднократно в бой вступает марокканская кавалерия. В одной из атак ей удается прорваться через нашу передовую. Марокканцы скачут прямо на нас. Беникис в этот момент находится на наблюдательном пункте. Он и не думает об отходе, а хладнокровно корректирует оружейный огонь. Мы, связисты, сидим в окопах, стреляем из винтовок и готовим к бою ручные гранаты. Я вижу, как наши снаряды один за другим рвутся в самой гуще марокканцев. В воздух взмывается дым и пыль, летят камни и в клочья разорванные кони и всадники.

Через несколько дней фашистское контрнаступление захлебывается, и на фронте вновь наступает тишина.

На короткое время нас направляют в Талавер-де-ла-Рейна, на берег реки Тахо. Но фашисты опять начали серьезное наступление на нашем прежнем участке фронта, и мы должны вернуться назад.

В нашем дивизионе много испанских бойцов. С ними ладим очень хорошо. Командует дивизионом испанский капитан, анархист. Его поведение все время вызывает подозрения не только у нас, но и у испанцев. Когда мы с наблюдательного пункта сообщили об оживленном движении машин в тылу противника, капитан обвинил нас в панике. Однажды ночью капитан явился на батарею и потребовал, чтобы мы сделали несколько выстрелов. Тем самым, конечно, были демаскированы наши орудия: при дневной стрельбе нас было трудно обнаружить, ночью же вспышки видны издалека.

Однажды утром обнаруживаем, что над нами на большой высоте кружат девять фашистских истребителей. Срочно сообщаем в штаб, чтобы наши бомбардировщики не попали в ловушку. Через несколько часов, пораженные, видим, что шесть наших бомбардировщиков медленно пролетают над нами — бомбить противника. Их сопровождает всего несколько истребителей. Наши летчики, конечно, не видят грозящей им опасности, а мы уже ничем не можем им помочь. Фашисты стремительно нападают — и три наших бомбардировщика сбиты. Произошло это потому, что штаб не передал нашего сообщения дальше.

Подозрения наши вскоре подтвердились. Капитан-анархист арестован. Оказалось, что он действовал по заданию пятой колонны. Командиром дивизиона назначают Яниса Беникиса.

Весной 1938 года одна за другой приходят тревожные вести. 15 апреля фашистам удалось прорваться к Средиземному морю и занять на его берегу городок Винарос. Начатое в конце июля контрнаступление республиканцев через реку Эбро не дало желаемых результатов и вскоре прекратилось. Ожесточенные бои Республиканская армия ведет на Левантском фронте, где враг рвется к Валенсии.

На Эстремадурском фронте фашистам, однако, не удастся добиться сколько-нибудь значительных успехов, здесь у наших настроение бодрое. Но снабжение продуктами и боеприпасами день ото дня ухудшается.

В сентябре узнаем, что всех интербригадовцев отзывают с фронта. Передаем свои орудия испанцам и готовимся к отъезду. На душе тяжело. У нас такое чувство, будто мы спокойно уходим, оставляя друзей в беде. Но сделать ничего не можем. Испанцы понимают, что уезжаем мы не по своей воле. Очень сердечно прощаемся.

Нас направляют в Валенсию, располагаемся неподалеку от нее, в городке Катарроха. Появляется военная комиссия Лиги Наций, которая считает людей и допытывается, кто куда хочет ехать.

В начале января нас пароходом перевозят в Барселону. Фашисты начали большое наступление через реку Эбро, приближаются к Барселоне, и нас направляют в Палафружелъ. Здесь впервые за время пребывания в Испании собираются вместе все наши соотечественники.

Встреча доставляет нам много радости. Со всех сторон сыплются вопросы — где кто был, что пережил. Но недолго мы предавались воспоминаниям: война продолжается. 26 января пала Барселона. Всех мучает вопрос, что будет дальше.

По нашей просьбе правительство Республиканской Испании разрешает нам вернуться на фронт. По пути, на одной из станций, мы видим несколько составов с оружием: на днях был разрешен их провоз через французскую границу. Почему же не пропустили их раньше, пока шли бои у Эбро и в оружии была такая нужда!

У нас нет орудий, нет даже тяжелых пулеметов. С боями переходя с одного участка фронта на другой, мы бродим по Каталонии в дождь и слякоть. Иногда попадаем в окружение и по ночам выходим из него. Нас почти не снабжают: не

достаёт боеприпасов. Наконец докатываемся до французской границы. Выбрасываем затворы винтовок, приводим в негодность стволы, делаем все возможное, чтобы нашим оружием не могли воспользоваться враги.

9 февраля переходим французскую границу. Попадаем в концентрационный лагерь в Аржелесе. Здесь латышей всего человек 15, остальные попали в концлагерь Сенсиприен.

Лагерь расположен под открытым небом. Мы ужасно утомлены, но отдохнуть негде. Спать ложимся прямо на песок, прижавшись друг к другу. Льет дождь. На другой день нам удастся раздобыть несколько листов шифера. Укрепив их на подпорках, сооружаем небольшой навес, чтобы хоть как-то укрыться от дождя. Но одежда на нас насквозь промокшая, а сушить ее можно только разве теплом собственного тела.

Проволочных ограждений вокруг лагеря еще нет. Нас бдительно охраняют французские солдаты и сенегальцы. Покидать территорию лагеря строго воспрещено. Продуктов у нас нет. Иногда жандармы привозят на машинах немного хлеба и бросают прямо в песок, как собакам. Даже питьевой воды часто недостает.

Редко, но некоторым из нас удается тайком выбраться из лагеря. Местные жители относятся к бежавшим с большим сочувствием, снабжают нас овощами и другой пищей.

Окончились дожди, и солнце пригревает уже довольно сильно. Но по ночам все еще холодно. Гонимый ветрами песок проникает сквозь одежду, забивается в рот, в уши, глаза, нос. Нигде от него нет спасения. Вскоре нас начинают одолевать паразиты: блохи, вши.

Кажется, что нашим мукам не будет конца. Но появляются представители общественных организаций Франции. Они привозят мыло, белье, топливо, посуду. Наконец-то мы отведали горячей пищи, постирали одежду.

Французские власти предлагают нам вступать во французский иностранный легион. Это означает, что мы должны подписать договор на пять лет, обязавшись воевать всюду, куда правительство Франции сочтет нужным нас послать. Это означает, что придется ехать в Индокитай или какую-нибудь другую колонию и там сражаться против тех, кто борется за свободу своего народа. Это означает, что придется стрелять во французских рабочих, если в борьбе за свои права они объявят забастовку или выйдут на демонстрацию. Нет, какие бы

мучения нам ни предстояло вынести — на это никто из нас не пойдет.

У нас есть своя внутренняя организация, свое коллективное руководство, без разрешения которого ни один из нас ничего не предпринимает. Через некоторое время нас пересылают в другой лагерь, на юг Франции. В болотистой местности в Гирсу в лагере за многорядным проволочным ограждением заключено несколько десятков тысяч бойцов — антифашистов-испанцев и участников Интернациональных бригад. Лишь некоторые из нас — те, кто прибыл в Испанию из Советского Союза (А. Ратник, В. Вецгайлис, А. Эглитис, Р. Ладис (Вилкс), А. Березин (Чиспа), И. Вельков), пробыв в лагере несколько месяцев, получили разрешение вернуться в Советский Союз.

Началась война. Фашизм проникает во все поры общественной жизни Франции. Запрещена газета Коммунистической партии Франции «Юманите». Запрещена и сама Коммунистическая партия, арестованы депутаты парламента коммунисты и активисты. Наша жизнь в лагере резко ухудшается. Нам больше не разрешают поддерживать связь с местными общественными организациями. Усиливается охрана, ухудшается питание.

Администрация вновь предлагает вступить в иностранный легион. Теперь на других условиях — только до конца войны против германского фашизма. Многие испанцы и некоторые интербригадовцы соглашаются. Многие уходят в трудовые батальоны. Вначале руководство нашего коллектива не возражает против этого. Из наших уходят Я. Трокша и еще некоторые. Оказалось, однако, что хотя война против Германии Францией объявлена, но на самом деле ее не ведут. Поэтому руководство нашего коллектива больше не дает согласия на вступление в иностранный или трудовые батальоны.

При отступлении меня контузило, а от сырости и холода я заболел. Очень болят ноги. Почти не могу ходить. Но среди нас есть врачи. Они лечат меня по мере возможности. Товарищи обо мне заботятся. Идти в больницу я не хочу: лечить меня все равно не будут, а позаботиться обо мне там некому.

Сильное волнение охватило лагерь, когда весной 1940 года фашистская армия начала оккупацию Франции. Боимся, как бы французские жандармы не передали нас в лапы оккупантов. Начинаем организовывать побег. Многим удается бежать. Среди них Б. Кур, Я. Палкавник, А. Тимме, Л. Клейнман, Р. Шмидт, Р. Фельс и другие. Французские власти все же

не передают нас фашистам, а переводят в другой лагерь, на территорию, которая подчинена правительству Виши¹.

Осенью получаем радостное известие о восстановлении в Латвии Советской власти. Но у нас нет никакой возможности что-либо предпринять, чтобы выбраться из лагеря. Государственные учреждения французского правительства Виши не обращают никакого внимания на наши протесты и требования. Жизнь в лагере становится все невыносимее. С тоской думаем о будущем. Не знаем, что нас ждет впереди.

В конце 1940 года к нам неожиданно прибыл консул Советского Союза. На его машине развевался красный флажок. Он поздравил нас, бывших граждан Латвии и других прибалтийских стран, с тем, что мы стали гражданами Советского Союза. Потом сообщил, что ему поручено урегулировать все вопросы, связанные с нашим возвращением на родину. Консул поговорил с каждым из нас в отдельности, спрашивая, нет ли особых просьб или желаний.

Трудно передать словами радость, с которой мы узнали обо всем этом. После всего, что мы вынесли и пережили, после того, как все наши требования оставались без внимания, после всяких мытарств, после попыток превратить нас в наемников — совсем неожиданно явилось спасение.

Поговорив с нами, консул обратился к администрации лагеря, чтобы для нас, как для граждан Советского Союза, был отменен бесчеловечный режим концентрационного лагеря, чтобы было улучшено питание.

Произошло нечто, казалось бы, совершенно невероятное. После отъезда советского представителя мы, счастливо улыбаясь, спрашивали друг у друга: «Неужели действительно конец нашим страданиям? Может, это только сон?..» Но ведь невозможно, чтобы всем нам снилось одно и то же! Нет, на сей раз — это правда, самая реальная и самая чудесная действительность. Как по мановению волшебной палочки наша жизнь сразу изменилась. Мы снова люди, со всеми человеческими правами.

Нас перевели в другой лагерь, выдали одежду, белье. Мы теперь свободные граждане, можем выходить за пределы

¹ Правительство Виши, которое возглавлял Л. Петэн. существовало во Франции с 1940 по 1944 год. Ему подчинялась треть территории Франции (так называемая «неоккупированная зона»). Правительство находилось в городе Виши; оно полностью подчинялось распоряжениям фашистской Германии. Французский народ вел борьбу как с немецкими оккупантами, так и против правительства Виши. *Ред.*

лагеря, нас снабжают даже деньгами на мелкие расходы. Готовимся к отъезду. Но мне все труднее передвигаться.

Наконец наступает долгожданный день. 12 марта 1941 года садимся в поезд и покидаем Францию. «Гостеприимство» французских властей мы испытывали на себе за проволочным ограждением целых два года. Однако французский народ всегда и везде выказывал нам сочувствие и помогал, чем мог. Когда мы валялись в песке у Средиземного моря, под дождем и ветром, первыми протянули нам руку помощи общественные организации Франции. Многие из нас бежали, и это им удалось только благодаря активной помощи французов. Моральную поддержку французского народа мы чувствовали повседневно. Поэтому, хотя наше «знакомство» с Францией в течение двух лет было ограничено железной проволокой, все же о Франции и французском народе мы сохранили самые лучшие воспоминания.

15 марта прибыли в Москву. Поступили в распоряжение МОПРа. Нас поместили в дом отдыха в Кучино, недалеко от Москвы. Меня направили в клинику по нервным болезням 1-го Медицинского института в Москве на Новинском бульваре и начали серьезно лечить. Скоро я почувствовал себя значительно лучше. Остальные товарищи уехали в Латвию, а я остался на лечении.

Началась война. Я эвакуировался в Чувашию, потом уехал в Бурят-Монгольскую АССР. Все годы войны я работал заместителем председателя колхоза «Красное знамя» в Тяхтском районе. В Латвию вернулся только после войны, в 1945 году.

1965 г.

На русском языке публикуется впервые

ЯНИС ТРОКША

НА ЭСТРЕМАДУРСКОМ ФРОНТЕ

В Альбасете меня вместе со многими другими добровольцами из Латвии зачислили в артиллеристы. В форменной одежде республиканской армии Испании мы прибыли в Альмансу, где создавался дивизион тяжелой артиллерии.

В Альмансе нас направили в славянскую батарею. Орудий у нас еще нет. Ждем, когда их привезут. Каждый день — учения. Осваиваем команды, испанский язык, теорию артиллерийской стрельбы.

Скоро к нам начинают прибывать другие товарищи из Латвии — Янис Беникис, Жанис Фолманис (Грива), Беньямин Кур, Янис Цинис, Леон Клейнман, Рувим Фельс, Александр Циелен. Всего нас здесь из Латвии 12 человек. В нашей батарее есть болгары, поляки, чехи и товарищи других национальностей. Вскоре получаем и орудия, но устаревшей конструкции. Их огромные деревянные колеса обиты узкими тяжелыми железными шинами, чтобы не увязали в мягком грунте. Ствол орудия лишен компрессорного амортизатора. А чтобы пушка при отдаче после выстрела могла скользить назад, лафет одним концом прикрепляется к массивному металлическому листу. Для прицела по вертикали ствол можно поднимать и опускать. Но для поворота по горизонтали лафет приходится перемещать в нужном направлении вручную. Для этого с обеих его сторон стояло по два бойца с шестами. Настолько же примитивны и все остальные детали прицельного устройства.

Готовых снарядов к орудию не было. Заряжали его так: прежде всего в казенную часть ствола закладывали снаряд, потом мешочек с порохом. Затем через затвор орудия (в нем именно для этой цели было небольшое отверстие) вставляли специальную капсулу. У заряжающего шнур, метра в три длиной. По команде «Огонь!» он дергает шнур, соединенный с бойком затвора, тот бьет по капсуле, она взрывается и поджигает порох. Раздается выстрел.

Все это, конечно, очень осложняет быстроту и точность стрельбы. Но мы настроены оптимистически и с нетерпением ждем отправки на фронт. А пока Я. Беникис обучает нас топографии и искусству меткой стрельбы, а Б. Кур — испанскому языку.

В середине июля получаем приказ отбыть на Мадридский фронт. Едем поездом. В городке Темблеке пересаживаемся в грузовики, так как по железной дороге, которая ведет в Мадрид, ехать нельзя: она захвачена противником. Ночью едем вдоль передовой линии фронта. Раздаются пулеметные очереди. Над головами свистят артиллерийские снаряды. Залпы орудий и разрывы снарядов слышатся с обеих сторон.

Останавливаемся в городке Викальваро. На другой день получаем приказ отправиться на фронт в район Брунете, где идут ожесточенные бои. Ночью проезжаем через Мадрид. Слева снова стрельба. К утру добираемся до Гвадаррамы.

Штаб дивизиона расположен в городке, а наши орудия занимают позиции на склоне гор под прикрытием густых деревьев. Наш наблюдательный пункт где-то наверху в горах. Связисты быстро устанавливают связь.

Днем мучает страшная, непривычная для нас жара.

Почти весь день идут непрерывные воздушные бои. Эскадрильи фашистских бомбардировщиков в сопровождении истребителей рвутся к нашим позициям. На нашей стороне их подстерегают зенитные батареи. Отважно бросаются в бой и республиканские тупоносые истребители. Это — советские машины, присланные испанской республиканской армии.

Фашисты забросали передовую и ближайший тыл республиканской армии зажигательными бомбами. Возникают пожары.

Нашим зениткам удалось сбить несколько фашистских самолетов. Они падают, хвосты черного дыма тянутся за ними. Падает, загоревшись, и несколько наших самолетов.

Телефонные провода сожжены. Приходится срочно восстанавливать поврежденную связь. Когда наконец наши артиллеристы

открывают огонь, дивизионный наблюдательный пункт сообщает, что попадание точное. Мы все гордимся этим. Первый боевой экзамен прошел успешно.

Примерно с неделю здесь все бурлит, как в огромном адском котле. Потом внезапно наступает затишье.

После боев под Брунете получаем приказ переправиться на южный фронт. Несколько дней проводим в Мадриде. Некоторым нашим орудиям необходим ремонт. Располагаемся в самом центре города, в большом красивом парке, на берегу огромного бассейна. Днем осматриваем город, видеть который мы все давно мечтали. Встречаем несколько земляков — А. Барона. Р. Вилкса (Лациса). Узнаем, что в Брунетских боях принимали участие латышские истребители танков под командованием А. Березина и Я. Палкавниека. В других частях тоже много ребят из Латвии. Получаем первое горестное известие, в Брунетских боях погибли рижане — студент Борис Цинис и актер Эдгар Екабсон.

Наши пушки отремонтированы. Сперва на машинах, потом по железной дороге едем в Эстремадуру. На станции Педроче, недалеко от Пособланко, выгружаемся и проводим несколько дней до получения приказа об отправке на фронт.

Занимаем позиции. Наша задача — огнем поддержать наступление республиканской армии на Пеньяррою.

Вначале наступление развивается удачно. Наши части окружают Пеньяррою с трех сторон. Нашим орудиям удастся подавить несколько вражеских огневых точек — пулеметов и противотанковых пушек. Но для решающего удара нужны резервы, а их нет, нет и авиации. Вражеские самолеты вступают в бой уже на следующий день. Вскоре фашисты получают подкрепления. Наше наступление парализовано.

В конце августа, сконцентрировав в своем тылу несколько дивизий, фашисты переходят в контрнаступление. Под вражеским огнем и натиском превосходящих сил наши части вынуждены отойти. Отступил и штаб нашего артиллерийского дивизиона. Но батарея не получила приказа об отходе и продолжает вести огонь. Наши позиции стали самым передним краем. Связисты и другие бойцы берутся за винтовки, орудийные расчеты продолжают вести огонь.

Отступающие бойцы республиканской армии, увидя, что тяжелые орудия продолжают поддерживать их, даже и не думая об отходе, осмелев, переходят в контратаку и оттесняют фашистов.

После этого боя Я. Беникиса назначают командиром батареи.

...Приходит приказ перебазироваться на другой фронт. Прибываем в Талавера-де-ла-Рейну, на берег реки Тахо. Спустя некоторое время враг возобновил атаки на нашем прежнем участке, заняв несколько населенных пунктов. Нас посылают на прежнее место.

На Эстремадурском фронте я все время работал связистом, действуя иногда и в орудийном расчете. Затем меня послали на шоферские курсы, откуда я снова вернулся на свою батарею.

Наступил сентябрь 1938 года. Положение Республиканской Испании с каждым днем ухудшалось. Особенно тяжелая обстановка складывалась на Центральном фронте — в полосе протяженностью в несколько сот километров — в апреле, после того, как фашистская армия прорвалась к Средиземному морю и отрезала от центра Каталонию с Барселоной — портом и важным промышленным районом. Заметно ощущалась нехватка вооружения, боеприпасов и продовольствия. Несмотря на это, у бойцов настроение было бодрое. Атаки фашистов на фронтах центральной Испании летом 1938 года сколько-нибудь заметных успехов не имели.

Как-то во второй половине дня к нам пришел комиссар дивизиона болгарин Попов и сообщил, что правительство Республиканской Испании внесло в Лигу Наций предложение отозвать с фронтов всех неиспанских граждан, сражающихся в обеих армиях. В связи с этим и нам придется покинуть фронт.

Сдаем свои орудия испанским расчетам и сердечно прощаемся. Нас направляют в Валенсию.

В Валенсии проводим около недели. Город каждый день бомбят, особенно район порта. Как-то мы с Р. Шмидтом, осматривая город, забрели туда. Вдруг завывла сирена. Мы не успели добежать до убежища, мощный взрыв сотряс землю. Недалеко от нас обрушилось большое здание. Мы бросились на тротуар, лежим, прижавшись к стене. Летят камни, осколки кирпича. Огромное облако пыли окутывает развалины дома. Слышим стоны, крики о помощи...

Нас переводят в городок Катарроху, километрах в 20 от Валенсии. Городок расположен в низине у моря, среди лимонных и апельсиновых плантаций и рисовых полей. Получаем войсковой паек. Живем в частных домах. Нас очень хорошо принимают. Женщины-испанки готовят нам еду, стирают

нашу одежду. Уже поздняя осень. Мы охотно помогаем в уборке урожая.

В начале января 1939 года ночью нас пароходом доставляют из Валенсии в Барселону. Там происходит торжественная встреча, митинг. Представитель Мексики заявляет, что для всех нас открыты двери в Мексику. Но через французскую границу пока никого не пропускают.

Барселону каждый день бомбят. Республиканцы сопротивляются ожесточенно, однако фашисты все же приближаются к городу. Через неделю уезжаем из Барселоны в Палафружелль. Здесь собрались все добровольцы из Латвии. Только раненые и больные находятся вместе с медицинским персоналом недалеко от нас, в Интернациональном госпитале.

26 января пала Барселона. Решаем просить у правительства Испанской Республики разрешения вернуться на фронт. Разрешение получаем. Теперь нами командует А. Березин (Чиспа). Но артиллерии у нас уже нет. Нет и тяжелых пулеметов, только винтовки и два ручных пулемета.

Прибыв на фронт, занимаем позиции у какой-то дороги. Всю ночь непрерывно льет дождь. Неожиданно на дорогу выскакивает фашистская санитарная машина, а перед ней мотоцикл. В короткой перестрелке погибли водитель машины и мотоциклист. Машина же, к нашему удивлению, невредима. Сидящего в ней итальянца берем в плен. Чиспа отсылает его в наш штаб.

В машине находим кое-какие продукты, табак и перевязочный материал. Все это нам очень кстати, потому что сейчас нас никто не снабжает.

Под утро узнаем, что наши фланги совершенно открыты. Получаем приказ срочно отходить.

Приходим в Херон. Там много испанцев. Нас направляют куда-то к морю. Попадаем в какой-то брошенный городок.

Занимаем за ним позиции. Ночью снова нарушается связь. Вдруг в горах, в сотне-другой метров от нас, раздались взрывы ручных гранат. А через несколько минут к нам подошла группа испанцев, отступавших через горы. Они поясняют, что отойти по дороге уже нельзя.

Отступаем уже несколько дней. Мы вконец измучены и голодны. Какая-то попутная машина неожиданно подбирает наших ребят в момент, когда мы с Циеленом отлучились. Вскоре и нам удалось остановить легковую машину, которая отвозит нас к границе. Но тут нас запирают в церкви; утром переводят в другую церковь и тоже запирают. Видим, что

мы попали в «подозрительные»: нас приняли за шпионов из пятой колонны.

К счастью, мы днем сквозь решетчатую церковную дверь увидели своих — Ф. Пуце и других. Позвали их. Пуце вызволил нас из неприятного положения. Испанцы, державшие нас взаперти, извинились и накормив, отпускают.

Уходим в горы. Фашистские самолеты не перестают обстреливать и бомбить нас. Какой-то встречный испанец помогает нам ориентироваться и указывает, где перейти границу. На последние песеты покупаем у пастуха двух баранов. Среди нас несколько итальянцев. Они чудесно умеют жарить баранину на костре. С виду — жаркое замечательно. Только совсем без соли!

На границе складываем оружие и попадаем в руки французских жандармов. После долгого перехода оказываемся в Сенсиприенском лагере на берегу Средиземного моря.

1965 г.

На русском языке публикуется впервые

РУВИМ ФЕЛЬС

ПУТЬ В ИСПАНИЮ И ОБРАТНО

О боевых действиях в Испании я не буду много рассказывать: этот вопрос достаточно освещен другими товарищами. Я хотел бы вспомнить лишь о некоторых событиях, пережитых мною и прямо или косвенно связанных с испанской эпопеей. И если мне удастся своим рассказом хоть немного зажечь читателя тем пламенем, которое в 1936 году зажгло миллионы сердец, захватило и увлекло с собой и меня, я буду счастлив.

В 1929 году, окончив начальную школу, я приехал в Ригу. Нашел работу на крупной торговой базе. Осенью поступил в вечернюю гимназию имени Шолом Алейхема¹. Здесь училась рабочая молодежь. Не из политических убеждений (таковых у меня тогда еще не было), а по своей наивности я попал под влияние социал-демократически настроенной молодежи и до 1934 года верил в ее пролетарскую революционность. 1934 год, когда произошел фашистский переворот, стал годом моих разочарований. Я убедился в предательстве лидеров социал-демократической партии. И если раньше я не мог разглядеть их крючкотворства, то теперь мне все стало настолько ясно, что я без колебания перешел в комсомол и сразу же включился в активную борьбу за идею, которая давно уже захватила меня.

¹ Шолом Алейхем (1859—1917) — еврейский писатель, реалист и гуманист. *Ред.*

Работа велась в кружках. Мне поручили организовать среди еврейской социал-демократической молодежи антифашистские группы. К концу 1934 года мы насчитывали уже 70 человек. Издавали небольшой нелегальный журнал. Сами писали, сами печатали и распространяли. Агитационную работу зачастую вели, используя вечеринки. Тогда и пригодился мой «талант» певца. Сочиняя песенки на злободневные темы, я их распевал, читал стихи и между прочим выступал с докладами. Комсомольская ячейка, в которой я состоял вместе с замечательной девушкой Симой Фридланд, проводила летучие митинги на заводах и фабриках, распространяла листовки, вывешивала по ночам красные флаги. Типографией ведал я. Поэтому часто менял квартиру. Большой склад, где я работал, был очень удобен для хранения шапирографа, листовок, краски. К тому времени я уже был старшим служащим. Хозяин был особенно доволен моей инициативой — совмещать должность служащего и коммивояжера. Я соорудил чемодан с образцами и разъезжал «по делам». Эти «дела» обычно совпадали с необходимостью перевозить литературу в другие города или передавать какие-нибудь директивы комсомола.

В 1935 году я вступил в ряды КПЛ. В 1936 меня призвали в армию. Связь я поддерживал через Симу Фридланд. Несколько раз она приезжала ко мне и привозила коммунистические листовки, которые я разбрасывал в казарме.

От нее же я узнал, что КПЛ призывает помочь испанскому народу в борьбе против фашизма и что некоторые товарищи уже уехали в Испанию бороться в рядах Интернациональных бригад.

Интернациональные бригады против фашизма! Интернационал! С того дня я ни минуты не сомневался, что поеду в Испанию. Газеты были переполнены сообщениями из Испании. О каждой неудаче республиканцев сообщали огромными буквами, они жгли, как ядовитые стрелы. Я их перечитывал, стараясь прочесть между строками. Неужели я опоздаю?

Служба кончилась. Я не думал искать работу. Надо было ехать, и немедленно. Властям стало известно о стремлении молодежи помочь Республике, и чтобы добиться разрешения на выезд за границу, молодому человеку требовались особенно веские причины.

Еще будучи в армии, я эту проблему для себя решил: в то время в Париже проходила всемирная выставка. Наплыв туристов со всего мира был большой. Но для простого человека

поездка в Париж была делом нелегким. Из Латвии обычным путем не разрешалось вывести валюту даже на пропитание. Как быть?

Я вспомнил вот о чем: мой старший брат, когда я еще был маленьким, часто рассказывал мне о том, что в Париже живет наша тетя. Адрес этой тети я припомнил.

Я писал одно письмо за другим. Писал ей, что хочу поступить в университет, что в Латвии это невозможно. А отец не разрешает мне уехать в Париж, пока она не согласится предоставить мне комнатку для жилья.

В конце концов я получил положительный ответ. Надо было получить разрешение от комсомола...

Ночью я встретился с товарищем, которому был подчинен. Встреча состоялась у вокзала. Товарищ готов был поддержать меня, но заявил, что касса пуста. Я его успокоил: «Денег у меня хватит». При второй встрече я услышал долгожданные слова: «Желаю тебе оправдать доверие комсомола, желаю успехов на фронте».

В 9 часов утра я уже был в отделе виз. Какой-то чинуша подверг меня тщательному допросу. Мои доводы были вески. «Еду на всемирную выставку. Валюта мне не нужна...»

Это было в четверг, а за паспортом я должен был явиться в субботу. Коротким письмом я известил отца и братьев, которые жили в селе Берзауне, о предстоящей поездке к тете. Их это не должно было удивить. Все годы я жил совершенно самостоятельно. За время моих кратких посещениях они уже давно убедились, что я стал отнюдь не таким, каким они мечтали меня видеть.

Еще один день. Я избегал знакомых и в одиночестве прощался с Ригой. Московский форштадт, район Юглы — основные места моей деятельности. Бродил по Межапарку и ждал, ждал... Бесконечный день и вечная ночь! Только на рассвете я задремал и тут же, как мне показалось, раздался звонок. Кто бы это мог быть? Выскочил из постели и... Старший брат! Пока я одевался, он приступил к «делу».

«Не упирайся. Мы все знаем! Пока только просим тебя: не делай эту непоправимую глупость. Не хочешь работать на хозяина — дадим деньги. Станешь самостоятельным... Отец болен — он этого не переживет».

Я обещал, что буду регулярно писать отцу, а брату сказал категорически: «Нет силы, которая могла бы удержать меня». Брат — в истерику: «Нет, говоришь? Врешь! Ты решил

бессмысленно погибнуть? Придется тебя на время запрятать за крепкие запоры»...

Уж стоя у двери, он твердо заявил: «Отсюда прямым путем иду в полицию».

Я перепугался не на шутку. От любви и задушить можно! А брата уже и след простыл. До двенадцати осталось три часа. Во всяком случае надо было быть начеку. Домой я больше не заходил. В 12.00 пошел за паспортом. Вдруг почувствовал — почва ускользает из-под ног: ясно видел, как к чиновнику за окошком подошла служащая, и услышал, как она сказала: «Вас вызывает Берзауне». Конец! Пропал!

В голове пронеслось: «Донесли!»

Я не заметил, как подошла моя очередь. Чиновник что-то говорил. Я ничего не понимал, и он закричал: «Уснули или оглохли?»

Наконец, будто издалека, я услышал: «Ваша фамилия?» Из последних сил я выдавил: «Фельс»...

Как я очутился у вокзала — не помню. Только там я опомнился, увидев в своих руках заграничный паспорт, понял, что чиновника вызывал к телефону не Берзауне, а скорее всего какой-то Берзинь...

На прощальный вечер я пришел «грудь колесом». Было очень весело. Я пропел весь свой «репертуар». Только поздно вечером я раскрыл тайну. Изумлению, вопросам и добрым пожеланиям не было конца.

Всем существом я чувствовал, что еду бороться не только за Испанию, но и за Латвию. Трудно мне сегодня передать все мысли и чувства, переполнявшие тогда мое сердце. Я отправлялся на войну, какой представлял ее себе по романам Ремарка — представление далеко не полное.

Поезд мчал меня по литовской земле, проплывали спокойные ландшафты.

Снова граница, проверка документов. Мы в логове фашизма — в гитлеровской Германии. Наш вагон переполнен. В коридорах столпотворение. Только наше купе свободно. Проводник заглядывает часто, но тут же закрывает дверь, молча, будто воды в рот набрал. Мы неслись по земле, где власть захватил ненавистнейший враг. В купе было свободно, а воздуха будто не хватало.

На одной из станций к нам заглянула изможденная старушка:

— Не уступите ли вы место старой женщине?

— Пожалуйста, мадам, садитесь.

Она не успела поблагодарить, как дверь распахнулась. Лицо проводника было искажено. «Verfluchte Hexe! Heraus von hier!»¹ И ничего не понимавшая старушка, которая села было рядом с евреем, мигом очутилась в коридоре. А оттуда доносилась громкая ругань проводника: «Verdammt noch einmal!»²

В ответ на это мы все, будто сговорившись, громко, вызывающе расхохотались. В конце концов, у нас были законные иностранные паспорта. Мы тогда еще не знали, какой плевков готовила эта фашистская нечисть на такие «устарелые» понятия, как паспорта, уважение к другим народам, мораль.

В вагоне-ресторане почти все столики были заняты эсэсовцами разных званий. Их форма не была для нас новинкой. Мы и раньше видали ее на балтийских немцах в Риге.

О чем только не говорили, чем не бахвалились охмелевшие зверюги! От их пьяного галдежа мысли путались.

Но и этот кошмар кончился. Мы пересекли германско-бельгийскую границу.

Париж после ульманисовской Риги и гитлеровской Германии произвел необычайное впечатление. В ресторанах и кафе, на бульварах, в садах, просто на улицах города чувствовалось дыхание свободы. Под тенью полосатых штор на открытых террасах, на тротуарах, в метро и даже между шоферами проезжающих машин и велосипедистами весело и свободно лился разговор. Нередко звучали и революционные песни.

Времени в моем распоряжении было мало. Свою богатую тетю я даже и не стал разыскивать. Но не побывать и Латинском квартале, не погулять вдоль мутной Сены, в Булонском лесу, на Елисейских полях, не взглянуть с Эйфелевой башни — такого я себе позволить не мог.

Я увез из Парижа неизгладимое впечатление, побывав на митинге коммунистов в честь Испанской республики. Я слышал пламенные речи Мориса Тореза, Жака Дюкло, Вайяна-Кутюрье. Французский язык я знал плохо. Но французов я понимал. В зале и на улице, все в полном смысле слова дышало революцией. Атмосфера была так накалена, что, казалось, вот-вот заговорят пулеметы. Как зачарованный я возвращался в гостиницу.

«Des avions pour l'Espagne!»³. Те же лозунги, песни, что и на митинге, звучали всю дорогу в метро. Я ехал долго, но

¹ Проклятая ведьма! Вон отсюда! (нем.)

² Черт побери! (нем.)

³ Самолеты для Испании! (франц.)

даже тогда, когда в метро остались считанные пассажиры, лозунги и песни не умолкали. Мне казалось, что на митинге побывал весь Париж.

В гостинице, куда поместил меня Комитет помощи Испании, я встретил гг. Яниса Беникиса, Жаниса Фолманиса (Грива) и Леона Клейнмана.

Из Парижа нас отправили поездом. Предупредили: соблюдать конспирацию. Но мне было смешно: сам французский воздух противоречил конспирации. А если уже конспирация, то я привык к совсем другой.

В вагоне нас было около ста человек. Мы вели себя так, будто не знаем друг друга. Однако я был уверен — достаточно взглянуть на нас, и любой легко догадается, что мы тут все отлично друг друга знаем. Но, очевидно, никто не искал разгадки. Я был убежден, что весь обслуживающий персонал был «свой».

Лион... Монпелье... Всюду остановки на несколько дней уже не в городах, а где-то в неизвестных мне местечках. Поезда сменялись автобусами, а гостиницы — гаражами, сараями на окраинах деревень и просто пустынными полями. Никто больше не инструктировал нас, как держаться. Да в этом и не было необходимости.

Вечерние сумерки. Автобус остановился где-то у одинокого сарая. Быстро, молча мы вылезли из автобуса и нырнули в сарай. На горизонте — силуэты величественных Пиренейских гор. Наконец!

Начался трудный четырнадцатичасовой переход...

Уже занялся рассвет. Казалось, иссякают последние силы. Привал. И тут Леон Клейнман элегантно, по всем правилам кавалера, подошел ко мне и... пригласил на вальс. Я понял его и на каменистом плато, под чуть-чуть посветлевшим небом мы закружились в стремительном вальсе. Товарищи отдыхали, но вскоре один за другим начали руками отмеривать такт. Лица просветлели, и я, увидев это, умудрился тихонько запеть. Вскоре на «площадку» вышла еще одна пара... Я был очень благодарен Леону за находчивость, за помощь другим и... мне.

Снова в поход. На наши вопросы, далеко ли еще до испанской границы, гид хладнокровно (совсем не по-испански) отвечая движением руки: «там!»

Наступал день. Уже четырнадцать часов шли мы по горам, вдруг гид остановился и, улыбаясь, объявил: «Мы в Испании».

Мы на испанской земле! И песни на разных языках зазвучали с такой силой, что отозвались окружающие скалы. Эхо отвечало нам, мы как беззаботные дети встретили восходящее солнце. Подъем еще продолжался, но мы ускорили шаг. С обледеневшего пика мы спустились вниз без промедления. Жители маленькой деревушки, мирно расположившейся у подножия горы, приняли нас со свойственным испанцам гостеприимством. Чувствовалось, что здесь нас ждали. Республика нуждалась в помощи.

Женщины подали нам воду. Мы помылись и привели себя в порядок. На нас смотрели дружески, приветливо. Через несколько часов мы уже сидели в грузовиках, и по извилистым, залитым солнцем дорогам ехали к какой-то станции. Там уже ждал нас паровоз.

В маленьком двухместном купе — нас пятеро. Очень хотелось спать. Но как? Где? Диван и пол возле дивана уже «окупированы». Все же я куда-то приткнулся. Проснулся на следующее утро.

В вагоне оживленный разговор. Кто-то «научно» доказывал, что «солнце» на испанском языке мужского рода — «el sol» — потому что оно не ласкает, а жжет. Свой довод этот человек пытался обосновать: «Крестьяне, когда обрабатывают поля, одеты в ватники. А крестьяне — народ хитрый: лучше потеть, чем сгореть».

Альбасете — база формирования Интернациональных бригад — выглядит в полном смысле слова интернациональным городом. На улицах звучала разноязыкая речь. Затрудняюсь перечислить народы, представители которых заполнили улицы. Люди, одетые в военную форму, часто плохо подогнанную, став под знамена Испанской Республики на глазах у всего мира сплывались в новый, единый, интернациональный народ.

Всех нас, из Латвии, включили в состав Славянского дивизиона тяжелой артиллерии, в батарею им Коларова¹. Там были Кур, Беникис, Циелен, Фолманис, Клейнман, братья Дукальские, Марковников, Шмидт, Трокша и я.

Буквально через несколько дней нас отправили на Мадридский фронт. Вернее, в направлении фронта. Расположились мы в каком-то монастыре. Сами монахи сбежали или попрятались. На следующий день наша группа, как и другие -

¹ Коларов В. П. (1877—1950) один из руководителей Болгарской КП. видный деятель международного рабочего движения. Ред.

национальные группы, приступила к изучению артиллерийского дела. С утра до ночи упражнялись в артиллерийских вычислениях, изучали правила и технику стрельбы. Кстати, освоить технику стрельбы из наших 155-миллиметровых пушек было делом совсем не шуточным: пушки были без компрессоров, и отдачей после каждого выстрела их отбрасывало в сторону, так что приходилось вручную ставить их в положение, заданное наводчиком.

Учеба, начавшаяся в монастыре, уже через две недели была перенесена на фронт и продолжалась в течение всей войны. Каждую свободную минуту мы, как в школе, проводили над чертежами, над расчетами у пушки или на наблюдательном пункте. Принцип взаимозаменяемости соблюдался с первого дня. Все учились всему, и мы стали неплохими артиллеристами. Вообще я убежден, что ни одна армия не в состоянии готовить кадры так быстро, как армия революции.

Пушки перевозили на трех грузовиках, в разобранном виде — ствол, лафет, колеса и боеприпасы. Мы сами соорудили и возили с собой подъемный кран, при помощи которого за несколько минут снимались с позиции. В стрельбе и в подготовке данных мы почти достигли совершенства, так что состязание с немецкой и итальянской техникой, имевшейся в изобилии у Франко, не всегда было в ее пользу.

Мы воевали почти на всех участках Андалузского и Эстремадурского фронтов. Нас перебрасывали с места на место, как самое подвижное подразделение. Часто путь от одного участка до другого измерялся десятками километров. Республиканцы всегда вынуждены были спешить, и, прибыв ночью на новую позицию, на рассвете уже должны были открывать огонь; для подготовки позиции, для выявления огневых точек противника и выяснения других данных оставались скудные и тихие ночные часы. Все приходилось наверстывать уже в ходе боя. Но боеспособность ребят была на высоком уровне.

Командиром батареи назначили Я. Беникиса. Мы очень радовались, что именно из нашей группы выдвинулся такой способный командир.

Я был разведчиком. Вместе с тт. Фолманисом, Шмидтом, Марковниковым мы лазили по горам со стереотрубой на спине. Засекали огневые точки врага, готовили данные для батареи. Наблюдали за малейшим движением в стане врага и немедленно направляли туда огонь наших пушек (если боеприпасов было достаточно).

Я решил не писать о боевых действиях, и слово свое сдержу. Хочу лишь вкратце вспомнить о фронтовой жизни. Она была насыщена не только боевыми делами. В нашей батарее были люди двенадцати национальностей. Через несколько месяцев совместной борьбы общим языком стал испанский. Я нашел время брать уроки у испанских товарищей, чтобы совершенствоваться и лучше понимать испанцев, которых я искренно полюбил. Ничто так не облагораживает и не обогащает людей, как совместная жизнь и борьба. А если это происходит под целеустремленным руководством, то результаты особенно внушительны. Фронтовая партийная организация была именно таким руководителем. Мы изучали историю партии, слушали и сами читали лекции и доклады по текущим проблемам и по теоретическим вопросам. Выпускали боевой листок «Fuego» — «Огонь». Рассказывали о своей стране, о своих народах и слушали беседы о других народах.

Разговоры о выводе интербригадцев из Испании шли давно. Политика «невмешательства», которую проводили руководители западных держав по подсказке английских консерваторов и французской реакции, душила республику сначала экономически, а затем и дипломатически. После прорыва фронта и выхода фашистов к морю, положение стало особенно критическим. Правительству Негрина пришлось маневрировать. Хочу сказать об одной, на мой взгляд, характерной черте. Будучи в начале войны малочисленной. Коммунистическая партия Испании в ходе войны выросла во внушительную силу. Правым социалистам, анархистам, троцкистам пришлось «терпеть» ее веское вмешательство в дела республики. За все время войны я ни разу не слышал от испанских товарищей какие-либо враждебные выступления против коммунистов. Но как только дела республики явно пошли на убыль, враги единства, как голодные крысы, начали вылезать на поверхность. В последние дни на фронте мне удалось познакомиться со злостными, явно враждебными выпадами против коммунистов и даже против интербригадцев. Листовки с такими выпадами троцкисты раскидывали и в расположении нашей батареи.

Интернациональные бригады были расформированы и отведены в тыл. Нас разместили в одном из пригородов Валенсии. Жили в крестьянских семьях. На расспросы, откуда мы, было очень трудно ответить. Слово «леттон» им было неизвестно. Нас просто звали «русси». Это слово произносилось с любовью и уважением. Различные партии и организации

устраивали в нашу честь торжественные прощальные вечера. Приветственные речи зачастую ставили нас в неловкое положение. Простой народ, ненавидевший фашизм, из благодарности за нашу помощь переоценивал нашу скромную роль.

Враг, расколовший республику надвое, остервенело рвался к французской границе. Пора было вывести нас из центральной отрезанной зоны. Но как?

18 января 1939 года под покровом ночи нас посадили, вернее, поставили в трюм грузового парохода. Трюм не особенно большой, а нас много. Пароход без освещения скользил по Средиземному морю, прячась от вражеских глаз.

Висеть между товарищами или в лучшем случае стоять на одной ноге всю ночь, да еще в глухом трюме на дне парохода не очень приятно. Но ночь, какая бы она ни была, кончается.

Мы в Каталонии, в недостроенной школе близ Барселоны. Через дверные щели видна Барселона. Если Мадрид производил впечатление прелестной кукольной шкатулки, в которую помещен миниатюрный город, то Барселона со своими просторными площадями казалась гигантом с широкой, мощной грудью.

Тревога!! Враг на подступах к Барселоне!

Нас призвали заново вступить в армию и защищать столицу Каталонии.

В огромном зале, где был назначен митинг всех интербригадовцев, я опять встретил товарищей Палкавниека, Донхина, Чиспу (Берзина), которые в свое время прибыли к нам в Андалузию со своими противотанковыми орудиями, чтобы поддержать наше наступление. Встретил и других товарищей из Латвии, о которых раньше не знал. Среди них — Липкин, д-р Шалит, д-р Бернштам, Брозинь, Пуце, Розенберг, Перманд, Чернобров, Пекайнис, Я. Цинис, Чернин, Израельсон.

Один за другим с пламенными речами выступали товарищи, призывая остальных вновь включиться в борьбу. Я выступил тоже.

Мы снова в строю, но уже в качестве пехотинцев. Барселону снасти не удалось, враг захватил ее 26 января, но мы арьергардными боями сдерживали, сколько могли, врага и тем самым дали возможность мирному населению спастись от фашистов. Поток беженцев к французской границе с каждым днем увеличивался. Деревни пусты. Наше боевое и продовольственное снабжение окончательно нарушилось. Питались тем, что находили на покинутых полях и в деревнях. Удерживать рубежи становилось все труднее.

Перед нами снова Пиренеи. Французские власти после длительного торга с представителями республики согласились пропустить нас через границу разоруженными. Разоружаться мы решили так, чтобы врагу от этого не было пользы. Все вооружение, которое не удалось переправить в центральные зоны, мы выводили из строя и сваливали в кюветы и на поля. Автомашину мы обливали бензином и подожженными опрокидывали в кюветы.

На короткое выступление провожавшего нас доктора Негрина мы ответили громким «Viva la republika!» и четким шагом через шпалеры французских пограничников вступили на французскую территорию.

Для нас, интербригадцев, война в Испании закончилась, но мы не чувствовали себя побежденными в борьбе против фашизма. Она будет продолжаться, и мы победим. Эта уверенность в нас не была поколеблена.

Пограничники не скрывали своей враждебности по отношению к нам. Тесным кольцом они окружили нашу колонну с видом отнюдь не покровителей. Мы шли час, два, полдня. Куда? На наши вопросы, сколько нам осталось идти, мы получали один и тот же издевательский ответ: «Катр» четыре. Эти «четыре» километра мы так и не преодолели за весь день. Голодные, усталые от бесконечной ходьбы, зноя, пыли, мы так и переночевали прямо на дороге и проснулись на рассвете.

Эти бесконечные «катр» продолжались и на следующий день. Но теперь на дорогах, в каждой деревне нас встречал французский народ. Его отношение было совершенно иным. Нам аплодировали, ругали испанских фашистов и французские власти, женщины угощали нас супом, хлебом, вином, фруктами...

Пустынный берег моря. За пулеметами, окружив нас полукольцом и прижав к морю, залегли сенегальцы. Ветер. Сухой песок проникал в глаза, в ноздри, в рот, в уши. Укрыться было некуда. У кого сохранились солдатские одеяла, те сооружали замысловатые «палатки». Несколько человек прятались от назойливого морского ветра под одним одеялом.

Проволочное ограждение начали устанавливать лишь через некоторое время. До этого мимо нас постоянно гарцевали марокканские кавалеристы в черно-красных туниках. «Гостеприимное» начальство не очень торопилось строить лагерь. Было холодно. Надо было что-то придумать. Скоро мы выяснили одну характерную особенность тупоумных пулеметчиков

и воспользовались ею: каждому из них была указана точная зона обстрела. Осмелся мы переступить границы этой зоны, они отравили бы нас на тот свет, даже глазом не моргнув. Но то, что происходило в метре влево или вправо от этой зоны, их уже не касалось. Эти-то метры мы выявили — и строительство развернулось вовсю. Конечно, о стиле сооружения «застройщики» меньше всего заботились, и наш лагерь превратился в цыганский табор. Но от назойливого ветра мы себя защитили.

Не спешили «дружественные» власти и с питанием. Мы избежали полного голодания лишь благодаря помощи Французской компартии и других прогрессивных организации, которые привозили нам кое-какие продукты.

Время шло. Парторганизация лагеря развернула систематическую работу, установила тесную связь с ФКП. Лагерь Сенсиприен так окончательно и не достроили. Нас перевели в новый лагерь — Гирсу, где уже было предусмотрено и проволочное ограждение в достаточном количестве, и электроосвещение такое, что ночью лагерь просматривался не хуже, чем днем. Он был разделен на строго изолированные островки, на 500 человек каждый. Полосатые будки вокруг лагеря (для охраны) между одной системой проволочного ограждения и другой выросли на зеленой поляне густо, будто грибы после дождя. Комендант и его штаб разместились в добротных строениях у главного въезда, а для нас, заключенных, построили дощатые бараки. Заселили их по национальному принципу. Нас, из Латвии, поместили в отдельный барак. Этот продуманный порядок нас больше всего тревожил. Значит надолго. Слухи были разные.

Америка, Англия, Франция. Бельгия своих граждан уже забрали. Мы же остались. Но времени зря не тратили. Изучали партийные и общеобразовательные дисциплины, французский язык, выпускали стенгазету. Вели обширную переписку с внешним миром. Жили коммунной, и это помогало нам держаться в «форме». В этот период мировой фашизм бешено наступал. В жертву была принесена не только Испания: ее участь разделили Австрия, Чехословакия, Польша.

Францию лихорадило. Прогрессивная пресса призывала к бдительности. Реакция наступала.

Мировая война!

Мы получили директиву ФКП вступать в ряды французской армии для борьбы против гитлеризма. Все, как один, записались добровольцами. Но эта директива, видимо, явилась

результатом мгновенного замешательства перед лицом мировой катастрофы. Через несколько дней мы получили другую директиву. Во Франции начались массовые репрессии против всех прогрессивных сил. Двух мнений быть не могло: борьба против фашизма в рядах французской армии немыслима. Но французские реакционеры нуждались в пушечном мясе. Их попытка силой заставить нас выполнить наше «обещание», естественно, ни к чему не привела. Не помогли ни ухищрения, ни провокации. Никто в армию не пошел. Нам теперь угрожала двойная опасность: от французских и от немецких фашистов, которых уже ожидали во Франции. Начались побег из лагеря с целью любыми путями вернуться на родину, чтобы там продолжать борьбу.

Ульманисовский посол во Франции в это время сыграл с нами злую шутку. Он, видимо, решил блеснуть прозорливостью и поудить в мутной водице. «Перед лицом германской агрессии долг каждого патриота содействовать сплочению народа...» Такого характера обращение, полученное от посла, ввело некоторых — и меня в том числе — в заблуждение. Я отправил в Париж свой паспорт для «продления и получения визы в Латвию». Но «дипломат» прервал с нами всякие «дипломатические» отношения. У меня остался лишь военный билет, даже без фотокарточки.

Надо бежать!

Лагерная парторганизация согласилась разрешить побег группе товарищей в составе. Брозиня, Пуце, Израельсона и меня. В подготовке побега принимала участие вся наша латвийская группа. Лучшая одежда, дополнительный паек — все отдавалось нам. План был простой: в лагере, кроме «бытового обслуживания» — изготовления разных столиков, светильников, матрацев, скамеек и других предметов обихода, наши умельцы занимались также изготовлением разных сувениров. Охранявшие нас французские солдаты (уже не сенегальцы) очень любили сувениры. Мы изготовляли из олова (добытого у них же) модель самого популярного самолета, участвовавшего в испанской войне — советского «Яка». За его боевые качества испанцы любовно окрестили его «чато» — курносый. За такой самолетик мы получали 5 пачек сигарет. «Курносый» должен был помочь нашему побегу.

Днем меткие стрелки из рогаток расстреляли в намеченном районе электролампочки на столбах. К вечеру начался оживленный торг самолетиками. Солдаты покинули свои полосатые «грибы» и сошлись на торг. В это время мы проделали

проход и проволочном ограждении и по водосточной канаве ползком перебрались через поляну, проделали проход во второй ограде и перевалили через шоссеюную дорогу. Все это произошло с молниеносной быстротой. Наконец мы в зарослях. Теперь надо было глядеть в оба, чтобы не попасться на глаза патрулирующим конным жандармам. Заросли были перегорожены живой колючей изгородью. Цокот копыт и лай собак пригнул нас к земле, и несколько часов мы были вынуждены продвигаться только ползком, до крови изранив себе руки и лица. Когда голоса в конце концов затихли, мы поднялись на ноги. Но лагерные прожекторы еще долго преследовали нас. Почти бегом мы отделились от ненавистного лагеря...

Перед рассветом наш путь преградила река. Это не было неожиданностью. Готовясь к побегу, мы не только изучали маршрут, но и нарисовали точные схемы местности. Каждый имел по чертежу, чтобы в случае необходимости продолжать путь самостоятельно. Мы заранее твердо решили не пользоваться мостами, так как знали, что они охраняются. И вдруг... Израельсон заявил, что не умеет плавать. Это было, как взрыв бомбы. На той стороне, в лощине, виднелся домик. В окнах слабый свет. Безусловно, охрана. Нашу ярость трудно преувеличить. Выбитые из колен, мы лежали на берегу реки и шепотом отчитывали растерянного Израельсона. Трудно сказать, на что он рассчитывал, скрыв от нас такой существенный недостаток. Остаться на месте — невыносимо. Искать брод невозможно. Что делать? Рассвет близок.

Без ропота он подчинился нашему единственному, вынужденному решению. Он должен был попытаться против здравого смысла перейти мост; попадетсся — ничего не поделаешь, а мы повернем на километр-два вправо или влево, чтобы переправиться вплавь. Если же этот мост случайно не охраняется, он громко кашляет и мы последуем за ним.

Застывшие в ожидании, мы через некоторое время с удивлением действительно услышали его кашель и смело пошли по мосту. «Де папье!» — «Документы!». Громкий окрик застал нас врасплох. Целое отделение солдат окружило нас, и мы последовали за ним как раз в тот домик со слабым светом в окне. Израельсон исчез, и первый их вопрос был: «Где четвертый?» Оказалось, что полусонная охрана, услышав одиночные шаги, не сразу отреагировала. Но когда затем показались мы трое, солдаты проснулись. Вызванное начальство подвергло нас длительному допросу. Мы, конечно, «не знали»

о каком-либо «четвертом», и нас посадили в машину для отправки обратно в лагерь. И тут Израельсон, который, спрятавшись в кусты, все видел, сам явился! Тут же в машине нас избили за обман, и на бешеной скорости мы отправились туда, откуда с таким трудом вырвались.

В лагере переполох. Неудачный групповой побег четырех заключенных жандармерия пыталась использовать, чтобы напугать остальных. Барак без крыши и пола, без нар и одеял тридцать дней служил нам карцером. Товарищи все же ухитрялись подбрасывать продовольствие и сильно нас выручали. По окончании срока нас опять перевели в прежний барак. Печальный опыт подвергся тщательному анализу. Групповой побег отныне не рекомендовался. К побегу готовился Палкавник. Однако Леону Клейнману и мне удалось опередить его. На сей раз мы воспользовались более выгодным приемом. В лагерном лазарете работал врач из Латвии. Он устроил нас грузчиками на автомашину, возившую продукты для лазарета.

Рано утром мы поехали в Гирсу и по дороге, выпрыгнув на ходу, взяли курс на Бордо. Через несколько часов мы уже мирно отдыхали в лесу, дожидаясь ночи. Мы решили идти только по ночам. Днем отдыхали в лесах. Маршрут нами был разработан с максимальной точностью. Мы знали названия пройденных и впереди лежащих населенных пунктов. Каждый из нас имел по два батона белого хлеба и по бутылке коньяку. Мы решили ни при каких обстоятельствах не обращаться за помощью к населению. Напуганные шпиономанией люди нередко выдавали наших беглецов властям. Разработанным план нами соблюдался точно, и ровно через семь дней мы очутились в роще на окраине Бордо. Привели себя в порядок, побрились и как мирные граждане вошли в Бордо. За время пребывания в лагере у нас завязалось знакомство с одной испанской беженкой из женского лагеря — девушкой по имени Анита. (Фамилию я, к сожалению, не помню.) Ее отец ненавидел Республику и сбежал во Францию, поселился там, бросив маленькую Аниту на произвол судьбы. Наученная нами, Анита согласилась из лагеря написать отцу; тот пожалел ее и добился ее освобождения. К ней мы и направились. Нам повезло: Анита оказалась дома одна. Но она с минуты на минуту ждала отца на обед и не разрешила нам даже отдохнуть. Красивая и энергичная, она весело взяла нас под руки, и мы зашагали по улицам Бордо. Обошли много квартир бывших испанских летчиков, которые работали на авиационных

заводах. (Они были нужны французам, и их освободили из лагеря). К сожалению, никого дома не застали. Мы смертельно устали, едва держались на ногах, и она это видела. Не сказав нам ни слова, она придумала оригинальный план.

Держа нас под руки, она, «полупьяная», перешагнула порог сомнительного заведения под названием «Два кота». Подозвав кельнершу, заказала бутылку вина с закуской для своих «друзжков», а сама ушла с ней посекретничать. Вскоре обе вернулись. В руках у кельнерши была толстая книга. Анита развязно обняла нас и продиктовала наши имена и профессии. Мы «стали» моряками; меня, как я тогда узнал, звали Альфредо Нюнес... Оставив недопитую бутылку, Анита повела нас на второй этаж и наспех попрощалась с нами...

Два франка сделали свое дело, и служанка оставила нас в покое.

Так сладко я уже давно не спал.

В последующие ночи неутомимая Анита пристраивала нас где-нибудь — то вместе, то порознь. Та же Анита познакомила нас в порту с одним греком. Человек этот владел небольшим баром, но главное его занятие заключалось в том, что он снабжал иностранные торговые суда продовольствием. Если же какой-нибудь моряк списывался с парохода на берег, капитан обращался к этому греку за сменой. На это мы и надеялись. Грек обещал устроить нас, но предупредил, что ждать придется долго. Из-за войны иностранные пароходы редко заходили в порт.

Его предсказания полностью подтвердились. Более двух месяцев мы жили где попало. Работали изредка, в основном в порту на погрузке и выгрузке пароходов, там, где не требовали паспорта. Аниту мы могли видеть в определенные часы, в отсутствие ее отца. С ее помощью я «узаконил» свой документ; у Леона сохранился настоящий паспорт. С него мы скопировали печать, и один испанский «специалист» перенес ее на мой военный билет, что придало ему хоть какой-то вид документа. Чаще всего мы проводили время за стаканом пива в баре у грека. Бездействие, неизвестность отравляли нам жизнь.

Но вот толстый грек, вызвав предварительно Аниту, позвал нас в свою каморку и сообщил, что на одном пароходе освободились два места кочегаров. Пообещав ему за эту услугу месячный оклад каждого из нас, мы побежали к причалу. Капитан бельгийского парохода «*Vae Victis*» встретил нас на палубе и сразу же потребовал наши документы. Капитан

держал наши паспорта и в недоумении спросил: «Как это понять? Оба вы из Латвии, а паспорта разные». Такого вопроса я никак не предвидел. Растерянность, к счастью, длилась всего несколько секунд. Я быстро нашелся и выпалил: «Господин капитан! Вы, вероятно, знаете, что Латвия, как Швейцария, состоит из кантонов. В каждом кантоне — свой образец паспорта»...

«М-да», — ехидно ответил капитан и вернул мне мой «паспорт». «Приму, если морское министерство завизировует твою книжку». Леону он велел принести вещи и стать на вахту. У причала нас ожидала Анита.

Как быть? Леон уедет, а мне снова ждать? Чего? Нет, будь что будет! Пойду в министерство.

В приемной комнате два офицера. Один сидел на столе, другой развалился в кресле; они играли в шашки. Мой приход был для них лишь помехой.

— Что мне делать? Я моряк с затонувшего греческого парохода. (Название я вычитал в газете). Все документы утеряны, а капитан бельгийского парохода «*Vae Victis*» требует вашу визу на этот единственный документ. Где я спасся? В Гавре!

Младший офицер, рассматривая мой паспорт, спросил:

— Где ваш пропуск?

— Какой пропуск?

— Вы, молодой человек, не знаете, что мы в состоянии войны с немцами? Чтобы в военное время переехать из Гавра в Бордо, необходим пропуск.

— Никакого пропуска никто от меня не требовал. Я сел в поезд и приехал.

При этих словах старший офицер даже спрыгнул со стола, выхватил паспорт и так заорал, будто во всем виноват младший офицер:

— И при таком кавардаке мы хотим победить? Подумать только: французам шагу не ступить без пропуска или другой чепухи, а иностранцы свободно катаются с одного конца страны в другой и никому нет дела до них!

Со злости он так стукнул печатью по моему «паспорту», что шашки запрыгали, как в мультфильме...

Вся эта сцена прошла в таком темпе, что я даже не успел расстроиться. Я передал свою завизированную самоделку капитану.

Через два дня мы с Леоном уже кочегарами стояли на

палубе в добротных спецовках; кочегары долго махали руками и посылали воздушные поцелуи нашей верной подруге Аните.

А в Антверпене наш капитан посчитал себя счастливым, выхлопотав для нас временное разрешение остаться в Бельгии. Ведь мы, когда узнали, что пароход держит курс на Гибралтар, где возьмет груз для Испании, решили бежать с парохода и, кое-как справившись с первой вахтой, без труда продемонстрировали наше полное несоответствие кочегарному ремеслу.

«*Vae Victis*» не только вывез нас из Франции, но снабдил нас настоящими удостоверениями. Отныне мы могли в любом порту подыскать в течение трех месяцев более подходящим пароход. Мы, естественно, хотели быстрее вернуться в Латвию и на завтра же отправились в Брюссель. Леон со всеми подробностями рассказал латвийскому консулу, где и когда он плавал. Признал свою вину: мол, из-за частой выпивки забыл продлить свой паспорт. Консул, пожурив немного, внял его просьбе о продлении.

Для Леона путь в Латвию был открыт. Иначе обстояли мои дела. Не помог «живой свидетель» — Леон, который «все годы плавал вместе со мною». Консул обещал поскольку я потерял свой паспорт — запросить обо мне в Латвии. Через некоторое время он сообщил мне, что я лишен гражданства за участие в испанской войне.

Некоторое время мы пытались найти пароход, идущий на Балтику. Но немцы превратили Балтийское море в самую опасную зону, и пароходы, прибывшие в Антверпен, не отправлялись в Балтийское море. Мы вторично поехали в Брюссель. Я решил обратиться к советскому консулу.

В воротнике моего пиджака был зашит документ, удостоверявший, что я — бывший интербригадовец. Консул дал мне понять, что ответа на ходатайство о разрешении на въезд в СССР надо ждать долго, а бельгийцы со дня на день ожидают немецкого вторжения в Бельгию. С тем мы и вернулись в Антверпен.

Леон нанялся на итальянское судно. Это была большая удача. Тем более, что матрос требовался только до Италии, откуда пароходная компания обещала отправить его в Латвию. «Доброта» эта объяснилась просто: в Италии морякам платили самую низкую ставку во всей Европе, и компании было выгодно нанимать только итальянцев.

Я остался один. Из Италии Леон выехал в Латвию, а заработанные деньги отправил в мой адрес. Я жил у одного

латыша — владельца пивнушки и маленькой гостиницы для моряков. Время шло. Целыми днями я дежурил в порту, но пароходов не было. Мне пришлось вспомнить свой старый певческий «талант»: днем я шнырял по порту, а по вечерам пел в баре и благополучно дождался прихода югославского парохода «Netti», где мне удалось наняться кочегаром. «Netti» длительное время курсировал между африканским континентом и Испанией.

Я побывал во многих испанских портах, став моряком-скитальцем.

Какие разительные перемены в разговорах, настроениях, на лицах испанцев произошли за этот короткий срок! Черные ризы монахов и монахинь, как чертополох, выросли на улицах, и казалось, само небо, яркое когда-то, почернело. Но испанский народ, голодный и бесправный, не потерял надежды пережить фашистскую чуму. В этом я неоднократно убеждался из разговоров в парках, в магазинах, на улице.

Июнь 1940 года я встретил на рейде в Гибралтаре. Радист парохода был культурный, прогрессивный парень. В свободное от дежурства время мы с ним о многом говорили. В тот июньский день он спустился в мою кочегарку и сообщил мне об историческом происшествии: в Латвии создано народное правительство!

С этого дня я, как говорится, потерял покой и сон. За несколько шиллингов какой-то мальчишка привел меня на каменистый берег Гибралтара. Я разыскал почетного консула Советского Союза. Предъявив свой документ, я уже не просил, а требовал отправить меня на родину. Однако почетный консул (англичанин по национальности) не имел прав и возможности снять меня с парохода. Тем более что через день судно отправлялось в Африку.

Оран, Алжир, Касабланка... Множество африканских портов. И везде я без разрешения капитана оставлял пароход, чтобы разыскать советского консула. Но, увы! Либо такую не оказывалось, либо по дороге меня перехватывала полиция. Не имея увольнительной, я повсюду знакомился с полицейскими участками. Мои неутомимые поиски вызывали ярость капитана, которому приходилось являться в полицию за своим матросом. Ругань, мордобой — ничто не удерживало меня от дальнейших поисков. Сколько бы ни было границ, сколько бы ни требовалось виз — я буду в Риге!

В Танжер наш пароход зашел в те дни, когда Франко наложил свою лапу на этот международный порт. Из города

бежали люди, которых не прельщала жизнь под сапогом фашистского диктатора. Таких была уйма. Наш пароход буквально осаждали всевозможными предложениями. Наш капитан внушал любому, что пароход не пиратский и «незаконного груза» или «зайца» не возьмет. Однако, когда мы вышли из Танжера, трюм нашего судна был переполнен ящиками с грузом, доставленным темной ночью.

Франко легко справился с международным статусом Танжера, но, чтобы справиться с международными компаниями, даже у него руки оказались коротки. А компании предпочли более надежные сейфы для своих капиталов.

Мы взяли курс на Нью-Йорк. Я был уверен, что делаю последний рейс в качестве скитальца: в Нью-Йорке — то уж я консула найду!

Мы остановились на рейде в трех милях от статуи Свободы. Катера и всевозможные лодки дружно окружили пароход, и под сильной охраной полицейских ящики из трюма перекочевали в Нью-Йорк.

Мне удалось благополучно сойти на берег. Когда из Риги прибыла выписка из архива, консул выдал мне визу, и я устроился пассажиром на греческий пароход «Кастор», державший курс на Владивосток.

Но на все это потребовалось четыре месяца. Я встречался в это время с прогрессивными латышами, выступал на собраниях.

В феврале 1941 года я прибыл во Владивосток.

И, совершив почти кругосветное путешествие. 9 марта 1941 года вернулся в Ригу.

На вокзале меня встретил мой брат Гилель.

Через три с лишним месяца началась Великая Отечественная война. Я остался верен приобретенной в Испании специальности разведчика, но уже в должности помощника начальника разведотдела стрелковой дивизии. С фашистской Германией воевал весь народ. Погибли миллионы, и среди них брат Гилель и Л. Клейнман. Погибли многие бывшие интербригадовцы.

Но те, которые выжили, никогда не забудут фашизм и никогда не допустят повторения этой трагедии.

1965 г.

На русском языке публикуется впервые

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА-ГЕРОЯ

Янис Беникис

Осенью 1931 года учащиеся вечерней гимназии им. Я. Райниса провели экскурсию в Сигулду. Там я познакомился с высоким, крепким парнем Янисом Беникисом. Он знал много стихов известного латышского поэта Александра Чака и охотно их читал — с огоньком, талантливо, как профессиональный актер. У меня сохранилась фотография, где Янис Беникис стоит, прижавшись к скале, у реки Гауи, изображая прикованного Прометея. Год спустя, осенью 1932 года, в нашей гимназии состоялся большой юбилейный вечер, посвященный пятидесятилетию со дня рождения Андрея Упита. В гости к нам пришел и сам юбиляр с женой Ольгой. Драматический коллектив гимназии показал в этот вечер его «Рассказы о пасторах». Одним из лучших исполнителей был Янис Беникис. Увлечение театром побудило молодого любителя бросить гимназию и поступить в театральный институт. Янис Беникис жил тогда в маленькой чердачной комнатке и работал ремонтником трамвайных путей. Труд этот был не из легких: работать приходилось обычно ночью.

После фашистского переворота 1934 года связь между нами на некоторое время прервалась. Боясь репрессий и арестов, кое-кто тогда отходил в сторону и занимал выжидательную позицию. Мне казалось, что это произошло и с Янисом Беникисом. Но в летний вечер 1935 года у моих дверей раздался непривычный звонок. Я подумал, что явились ищейки из политхранки, так как незадолго до этого меня уже арестовывали. Каково же было мое удивление, когда в дверях я увидел высокую фигуру Яниса Беникиса.

— Не ждал? — спросил он.

— Тебя — нет, — ответил я шутливо.

— А я пришел, — серьезно отозвался он. — Хочешь, не хочешь — пришел.

— А почему бы мне не хотеть?

— Кое-кто сегодня не хочет, чтобы к нему заходили, — продолжал он. — Но я не могу так жить, надо что-то делать. Фашизм наступает, а мы пикнуть боимся.

— Ну, ну, не преувеличивай. Тому, кто что-то делает, незачем громко об этом заявлять.

Надеюсь, ты меня знаешь, — продолжал Янис Беникис. — Скажи откровенно, есть ли возможность что-нибудь делать? Не могу я сейчас жить просто так, сложа руки.

У меня тогда лежало несколько номеров журнала «Целтне» («Стройка»), издававшегося в Москве латышскими советскими писателями. Журнал этот я получал от писательницы Анны Саксе, которая работала корректором в газете «Педея Бриди» («В последний момент»). В ее комнате в шкафу хранилась иностранная литература.

Несмотря на то, что журнал «Целтне» в Латвии был строго запрещен и за его распространение грозила суровая кара, Анна Саксе охотно давала мне читать этот журнал. На нем стояла печать редакции «Педея Бриди», поэтому следовало остерегаться, чтобы ни один экземпляр не попал в руки сыскной полиции. В эту же пору Анна Саксе через своего брата Александра передала для опубликования в подпольной печати несколько моих стихотворений. Тогда существовало нелегальное «Объединение революционных писателей, журналистов и художников Латвии», которое не только снабжало материалами партийную прессу, но издавало и свои подпольные журналы, в том числе «Фронт». Беникису я обо всем этом сразу не сообщил, сказав лишь, что кое-что пишу, и дал почитать один номер «Целтне».

В условленное время мы встретились снова. Журнал «Целтне» произвел на моего друга большое впечатление. Янис прочитал мне свое стихотворение. Мне оно понравилось, и я обещал передать его в подпольную печать. Так между нами постепенно установились тесный контакт и взаимное доверие. Вскоре была создана новая ячейка «Объединения революционных писателей, журналистов и художников», в которой очень активно стал работать и Янис Беникис.

В театральном институте, где он учился, выходил небольшой журнал, отпечатанный на шапирографе. Один товарищ из нашей группы, побывавший в начале тридцатых годов в Советском Союзе, написал для этого журнала восторженную статью о советском театре. Я сомневался, пропустит ли эту корреспонденцию дирекция.

— Обязательно опубликуют, — заверил меня Янис Беникис.

— Директор Янис Заринь горячий поклонник системы Станиславского и большой друг русского театра.

Статья, действительно, была одобрена и опубликована.

Осенью 1936 года, когда Мадриду грозила опасность, я в разговоре с Янисом как-то заметил, что и нам с ним, пожалуй, следовало бы отправиться на помощь республиканской Испании. Беникис тут же без колебаний согласился и попросил меня получить и для него согласие Коммунистической партии Латвии.

Как только разрешение было получено, мы начали усердно готовиться к отъезду. Знакомый таксист обучил нас водить машину: мы считали, что на фронте нам это пригодится. Продумали во всех деталях несколько вариантов отъезда. Думали поехать в Таллин, а оттуда пароходом в Швецию. Таким путем, насколько я помню, уехал в Испанию мой знакомый, Борис Цинис.

Однако мы получили указание в последний день апреля 1937 года прибыть в Лиепаяу, соединиться с другой группой и оттуда морем отправиться в Швецию. Но оказалось, что эта группа — в нее входили Янис Цинис, его друг Александр Циелен и другие — была полностью укомплектована и для нас в лодке не осталось места. В Швеции вся группа попала в руки пограничников и была арестована. Этот путь в Испанию был закрыт. Пришлось ждать, когда в Париже откроется всемирная выставка и попытаться выехать из Латвии легально, под видом туристов, направляющихся на выставку. Мы укомплектовали группу добровольцев из 4 или 5 человек, но получить заграничные паспорта и выехать из Латвии удалось только мне и Янису Беникису. В паспортах была оговорка: разрешается въезд во все страны Европы за исключением Испании.

Из Риги мы выехали 5 июня 1937 года. До Парижа ехали в одном купе с известным актером Жанисом Катлапом и его супругой. На Северном вокзале их встречал директор театрального института режиссер Янис Заринь. Увидев выходящим из вагона своего воспитанника, он, пораженный, воскликнул:

— И ты в Париже? Ну, прекрасно, парень, я вас устрою в какой-нибудь дешевой отель. Теперь с гостиницами трудно: выставка, много приезжих.

Мы поблагодарили, сказали, что у нас в Париже есть знакомые, и мы будем жить у них. В действительности же у нас был только зашифрованный адрес, по которому мы должны были явиться, чтобы уладить все вопросы, связанные с

отъездом в Испанию. Беникис сравнительно хорошо знал русский язык, а я мог объясниться на английском и немецком языках. Поэтому ориентироваться в Париже для нас не составляло особого труда. Вскоре мы нашли нужную улицу, разыскали указанный номер дома. Там нас ожидала Маша. Она тотчас же отвела нас в Комитет по оказанию помощи Испании. В небольшой гостинице мы встретили еще двух товарищей из Латвии: Леона Клейнмана и Рувима Фельса.

Янис Беникис — молодой актер и начинающий литератор — очень интересовался искусством. В этом наши вкусы полностью совпадали. Мы побывали во многих музеях и на выставках. Конечно, и на международной выставке тоже. Янис Беникис все время был в бодром приподнятом настроении. Несколько раз мы участвовали в больших митингах; возложили цветы на кладбище Пер-Лашез у стены Коммунаров, и у надгробного памятника Анри Барбюсу.

Недавний ремонтник трамвайных путей Янис Беникис сделался убежденным коммунистом, готовым к самым трудным, самым суровым боям с фашизмом. Он походил на птицу, которая вырвалась из тесной клетки на свободу и распрямляет крылья перед дальним полетом. Янис Беникис был очень дисциплинированным человеком. Он всегда и всюду приходил вовремя, чтобы другим не приходилось его ждать. В сложной поездке по Франции и трудном переходе через Пиренейские горы он показал большую физическую, духовную и моральную силу. Даже в труднейших условиях он не ныл, не вешал голову, всегда был душевно бодр и не терял присущего ему юмора. Надо сказать, что у него был на редкость острый и очень восприимчивый ум. В Испании на краткосрочных артиллерийских курсах он очень быстро зарекомендовал себя способным артиллеристом, хотя никогда не изучал тригонометрию. Вначале я помогал ему овладевать ею, но вскоре он и сам начал ловко оперировать тригонометрическими формулами и мог обучать других артиллерии и тригонометрии. Уже в первых упражнениях по стрельбе из тяжелых орудий он показал отличные успехи, поэтому его сразу назначили командиром наблюдательного пункта батареи. В этом отношении командиры полностью ему доверяли. Скоро он сделался лейтенантом артиллерии, в 1938 году его назначили командиром 1-й славянской группы тяжелой артиллерии. В группу входили три батареи — чешская, польская, болгарская.

У Яниса Беникиса было очень развито чувство ответственности. Он не выносил даже незначительного упущения или

неточности. Однажды в туманное утро, когда наблюдение было затруднено, Янис Беникис допустил ошибку: два наших снаряда легли в тыл, за окопами республиканцев. Эту ошибку он сильно переживал.

У меня уже был заряжен пистолет, признался он потом. — Если бы пострадал кто-нибудь из наших, я тотчас же пустил бы себе пулю в лоб.

Таким же требовательным он был и к своим боевым товарищам. Бойцы считали Яниса Беникиса образцом настоящего воина, борца за свободу.

В мае 1938 года Яниса Беникиса приняли в Коммунистическую партию Испании. Это произошло в городке Пераледа, в оставленном беженцами доме. Вражеская авиация бомбила улицы, где-то рядом рухнул дом, а Янис Беникис спокойно рассказывал свою биографию.

Беникис был исключительно смелым человеком и обладал выдающимися способностями ориентации. Сколько раз темной ночью нам приходилось отыскивать указанное для нового наблюдательного пункта место. Я не помню ни единого случая, чтобы Беникис ошибся. Он был очень вынослив. Его мучил радикулит, а летом 1938 года он заболел тяжелой формой малярии. Именно в это время началась какая-то операция местного значения. Нужно было срочно подняться на гору для управления огнем. Янис Беникис вытер потным от лихорадочного жара лоб и сказал:

— Пошли! Сейчас не время болеть!

Хватаясь за ветки кустов и острые камни, невероятным упорством, огромной силой воли он достиг вершины горы, где был оборудован наблюдательный пункт, и начал корректировать огонь. По окончании боя санитарная машина увезла его в госпиталь.

Такую же выносливость Янис Беникис показал и во время двухлетнего заключения в концентрационном лагере во Франции. Вспышки ишиаса и малярии иногда приковывали его к койке. Его большой и сильный организм ослабел, Янис очень похудел. Были моменты, когда он даже не мог подняться, и мы уже начали серьезно опасаться за его жизнь. И это кончилось бы трагически, если бы врачам-интернационалистам лагеря не удалось поместить его на лечение в госпиталь французского женского монастыря. Через несколько месяцев Янис Беникис вернулся из госпиталя заметно подлечившимся, физически окрепшим. Это дало ему силу выдержать все

дальнейшие испытания, каких в лагере на нашу долю выпало немало.

В начале Отечественной войны мы снова оказались с Янисом Беникисом в одном батальоне рабочей гвардии. Он был начальником штаба батальона, смелый, подвижный и решительный, как и прежде, в Испании. Он прибыл в батальон добровольно, прямо из передвижного театра, где работал политическим руководителем, и снова встал в боевой строй. События скоро разлучили нас, и мы встретились лишь осенью 1942 года, когда 43-я гвардейская дивизия находилась на отдыхе под Вышним Волочком. Янис Беникис командовал тогда артиллерийской батареей. Бойцы считали его очень смелым и хорошим командиром. В последний раз наши пути скрестились в тяжелой фронтовой обстановке. Мы с командиром нашего полка осматривали передовую, и вдруг на какой-то израненной осколками ели и увидел человека, который с верхушки дерева корректировал орудийный огонь. Я узнал его по голосу: это был мой друг Янис Беникис. С передовой свистя летели грассирующие пули, а Янис сидел на полуоголенном дереве, не обращая внимания на грозящую ему опасность. Я был в белом маскировочном халате, и он меня не узнал. Я крикнул:

— Янка, ты что там делаешь?

— Ах это ты, старый черт! — отозвался он, и через мгновение мы уже обнимались.

Это была наша последняя встреча. В начале марта 1943 года я был ранен, и меня эвакуировали в тыл. Позднее я узнал, что вскоре был тяжело ранен и Янис Беникис. В его позвоночник врезался осколок мины, у него были парализованы ноги. Вражеские самолеты подожгли санитарный поезд, возвращавшийся в тыл, вместе с многими другими ранеными сгорел и Янис Беникис.

Таков краткий рассказ о моем боевом товарище, коммунисте, герое сражений в Испании и Великой Отечественной войны Янисе Беникисе.

1965 г.

На русском языке публикуется впервые

ИЗ ПИСЬМА ФРОНТОВОМУ ТОВАРИЩУ

4 декабря 1943 г.

...Ты спрашиваешь, что меня побудило отправиться на помощь испанскому народу в его борьбе за свободу? Ты заблуждаешься, полагая, что на этот шаг меня толкнули «несколько грамм авантюризма». Но объяснить тебе это в нескольких словах я не могу. Позволь кое-что рассказать о себе — и ты все поймешь. За свои недолгий век я прошел длинный и извилистый путь развития. В школе мне посчастливилось попасть в хорошие руки: мой учитель ввел меня в мир литературы и искусства, полный чудесных сокровищ. Вначале я увлекался романтизмом, но позже, когда столкнулся с острыми конфликтами действительности, научился видеть жизнь такой, какой она есть. Далось мне это с трудом, я много заблуждался. В философии искусства я от идеализма перекинулся к псевдоматериализму Ипполита Тэна; из наивных романтических мечтаний — окунулся в нелегальную работу. В ней-то и сформировалось полностью мое диалектико-материалистическое мировоззрение...

В философии диалектического материализма я нашел ответ на все те вопросы, которые прежде казались мне неясными, которые я, выражаясь точнее, прежде неверно понимал. Я учился проникать в смысл, в глубокое значение тех великих слов, которые ты, иронизируя, называешь пустыми фразами: «коллектив», «готовность пожертвовать собой в интересах своего класса», «историческое назначение человека».

Семь лет я работал в революционном подполье, единственной наградой за что была, казалось, лишь возможность на несколько лет попасть за решетку. Конечно, это меня, как и многих других, не могло отпугнуть. Достоин сожаления человек, неспособный пойти на смерть за свою правду, за свои идеалы. Такие люди были, но я не желал стать одним из них. Я был готов ко всему.

В 1935 году (насколько мне помнится) Уго Скулме вернулся из поездки по Испании. Своими рассказами, многочисленными фотографиями и репродукциями он во всей полноте раскрыл передо мной величие творческого гения испанского народа. С испанской литературой я был знаком уже ранее. Особенно увлекали меня Лопе де Вега, Кальдерон де ла Барка и Сервантес. Теперь же передо мной открылся богатый мир Веласкеса, Мурильо, Эль Греко, Гойи (особенно захватил меня Гойя) — мир великолепных красок и линий, реалистических сюжетом, мир унаследованных от мавров ценностей культуры Кордовы и Гранады.

Когда в 1936 году началась борьба испанского народа за свободу, я из нелегальной печати и других источников узнал, что фашизм все эти ценности уничтожает, стремясь вновь загнать народ, создавший их, в ярмо рабства. Я не хотел уподобиться жалкому пустобреху, герою на словах, который в решающий момент, конфузливо краснея, трусливо отходит в сторону. Я быстро решился, и как жил тихо, так незаметно и исчез, чтобы завтра появиться там, где с оружием в руках нужно было бороться за свои убеждения, за тот духовный и материальный мир, который я люблю. Не думаю поэтому, чтобы был во мне хотя бы единый «грамм авантюризма».

В Париже, осматривая драгоценные сокровища Лувра и Музея Революции, познакомившись с «сердцем и мозговым центром мировой культуры» (так назвал Париж один французский журналист), я лишь уверенней утвердился в своих убеждениях... На нелегальной работе и на фронте в Испании я научился понимать, что значит крепко спаянный, идейно закаленный коллектив, что значат единомышленники, товарищи по идее, которые сражаются с тобой плечом к плечу...

Твой товарищ Фолманис

ПОЛЬСКАЯ БАТАРЕЯ И 3-я АРТГРУППА¹

В Испанию я приехал 19 сентября 1937 года. До 13 октября находился в военной школе Интербригад, откуда был переведен на артиллерийскую базу в Альмансе. В первое время здесь не было четкой военной организации, и я не имел определенного задания. По получении из Альбасете приказа о формировании трех батарей я, проработав короткое время командиром формировавшейся чешской батареи. 17 декабря 1937 года был назначен командиром только что сформированной польской батареи. С этой 3-й батареей 3-й артгруппы (дивизиона) Интербригады 16 января 1938 года я выступил на фронт.

В секторе Мотриль-Гранада Андалузского фронта я пробыл до 21 октября того же года. До 23 июня 1938 года командовал батареей, а затем, до момента снятия артгруппы с фронта, был командиром 3-й артгруппы. За все 9 месяцев пребывания на фронте в указанных секторах не было никаких операций и поэтому не пришлось участвовать ни в одном бою — не считая, разумеется, обычной артиллерийской перестрелки. Не был ни ранен, ни контужен. Не получал ни поощрений, ни взысканий.

При вторичном выступлении интернационалистов — в Каталонии, в последних числах января 1939 года — я был

¹ Из отчета о деятельности в Испании. *Ред.*

назначен командиром 2-й бригады 1-й польской артгруппы, а потом в связи с переформированием артиллерии в пехоту, командовал ротой в бригаде майора Флаттера. Франко-испанскую границу перешел в составе своей части.

В лейтенанты был произведен 24 сентября 1937 года.

1939 г.

На русском языке публикуется впервые

М. МАРКОВНИКОВ

ПИСЬМА ИЗ ИСПАНИИ И ФРАНЦИИ

Испания, Альбасете, фронт. 1 ноября 1937 г.

Здравствуй, папа! Твое письмо от 29/IX 37 г. и от 22/X 37 г. получил, но раньше никак не мог ответить. У нас в это время происходили жаркие бои, так что о письмах думать не приходилось. В моей военной жизни произошли временные перемены. Я больше не дежурю на обсервации (там больше не ведутся наблюдения), а сижу в долине, в лесу. Осень у нас в полном ходу. В 6 часов вечера уже темно, светлеет только к 7 часам утра. Небо почти всегда облачное, часто дожди. Становится все холоднее. Канавы и углубления, еще недавно пустые и сухие, наполнились водой. Струятся десятки ручейков и речек. Почва здесь глинистая, всюду большие болота, и земля вся размякла. Почти как в Латвии. Ноябрь месяц, но все стоит еще в зелени, растет свежая трава. Ночи очень темные, луна появляется только после полуночи. И в эти темные, дождливые ночи происходят бои — фашисты пытаются использовать ночи, но безуспешно. Мы, группа в 12 человек телефонистов, остались в лесу с нашим аппаратом. Мы почти отрезаны от внешнего мира. За километр от нас находится батарейная кухня, откуда три раза в день нам приносят еду. Устроились мы уютно. Мы с товарищем вычистили грязную хату (чистили целый день), поставили себе кровать из досок, развесили вещи на стене. В другой комнате поставили стол из

досок, зажгли камин, который вот уже целую неделю непрерывно топим днем и ночью. Аппарат мы поставили около камина. Имеем патефон и слушаем музыку. Жаль только, что иголки теперь кончились и патефон бездействует. Мы в дубраве. Но дуб здесь совсем не такой, как в Латвии. Он намного ниже, имеет маленькие листья и очень красив. Главное — это желуди, которые мы собираем и жарим на огне. Они становятся мягкими и очень вкусными, вроде картошки. Это национальная еда андалузцев. Здесь есть также грибы. Сегодня я ходил по грибы, но нашел мало. Пока живем спокойной жизнью. Местность красивая. В одной из речек, которая течет между отвесными скалами, мы умываемся, стираем белье. Только внезапная стрельба нарушает тишину. Часто свистят фашистские снаряды, эта сволочь и ночью непрерывно дует из артиллерии. Они стреляют во все стороны, без определенной цели, так сказать, для деморализации. Но большинство их гранат, к нашему удовольствию, не взрываются и с гулом зарываются в болоте. В нашем районе на днях ночью поймали двух заблудившихся марокканцев. У нас на всякий случай около телефона стоит карабин и достаточно патронов. Сейчас я сижу у стола, на столе — свечи, на стенке висят плакаты, фотографии Пасионарии. Народ мы веселый, не унываем, трудностей не боимся.

В Северной Испании, в Астурии, война временно закончилась. Под натиском интервентов мы оттянули наши войска. Война в Испании затягивается и неизвестно надолго ли. Пока в Женеве и в Лондоне заседают лицемерные болтуны и изобретают всякие комиссии и резолюции, гадают — есть ли в Испании интервенционные войска или нет, — здесь каждый день в борьбе с ними проливается кровь. Тысячи солдат и всякое оружие этих войск уже нами взяты в плен. И все они принадлежат той самой «неизвестной державе», чьи «неизвестные» пиратские подводные лодки топят пароходы. Они бомбят испанские города, убивают мирных жителей, не щадят ни больных, ни стариков, ни женщин, ни детей. Мы много уже сбили этих авионов «неизвестной» марки с пилотами «неизвестной» национальности. Все это остается «неизвестным» господам в «невмешательских комиссиях». Нам-то все известно, мы научились уже на высоте различать аэропланы — немецкий «юнкерс» или итальянский «фиат». Вот это — классическое лицемерие буржуазии: вместо невмешательства — открытая блокада республиканской Испании. Но, несмотря на все это, мы победим, и хотя всем этим

хищникам Испания кажется лакомим куском, но богатства Испании останутся испанскому народу!

17 октября была первая годовщина основания Интербригад. Я доволен тем, что могу в ее рядах участвовать в борьбе за свободу. Цель моей жизни — свобода! Не так легко дается борьба против таких сильных интервентов. Наша победа будет их гибелью. 7 ноября — день 20-летия Октябрьской революции хотелось бы посидеть, как всегда, у радио. Но здесь в боях, обливаясь кровью, рождается новая, свободная Испания!

Мое письмо к тебе шло 49 дней, оно в этом не виновато. Ведь я на фронте. Написал это письмо, а как послать не знаю — связи нет. Возможно, несколько дней и это письмо полежит в моем кармане, пока я сумею направить его в штаб для дальнейшей отправки. В штабе снова полежит пару дней, пока дальше покатится. Письмо проходит несколько инстанций, прежде чем оно дойдет до Парижа. Ведь время-то военное. Мы все получаем письма с большим опозданием. Так что не сердись...

Привет всем.

Миша.

Испания. Фронт. 30 ноября 1937 г.

Здравствуй, папа! Читал твои письма, действительно, у нас ничего нового. У нас на фронте также без существенных перемен. Стреляют, как обычно, днем и ночью, но более важные военные действия не происходят. В сводках так и отмечают; «На фронте легкая перестрелка». Но перемены всегда возможны. Если сегодня светит солнце, то завтра, может, будет дождь. Это война. Фашистские газеты в Латвии, — пишешь ты. — ликовали по поводу потери нами Астурии. Это понятно, латвийские фашисты — те же хищники, только они не имеют зубов и кусаться не могут. Поэтому и облизываются, глядя на любимое дело. Но ничего, все получают по заслугам. Недолго им осталось ликовать. Да, фашисты заняли Астурию, ежедневно уничтожают много людей, но это они делают не только в Испании. Разве в «мирной» Германии они не убивают, разве в фашистских тюрьмах не уничтожают ежедневно сотни людей? И во имя чего? Во имя какой морали? Кто им дал право? Но преступник сам себе берет это право. Тем позорней для человеческой совести, что они безнаказанно

хвастают своими убийствами. Но всему этому должен прийти и придет конец. Мы уничтожим бандитов их же средствами. Борьба, конечно, трудная и упорная, но для меня не существуют трудности в этой борьбе. Всякие мелкие недостатки остаются в тени перед нашей большой целью. Ты не должен унывать из-за затяжного характера нашей борьбы. Ведь в России дольше воевали, пока очистили всю страну от интервентов. Ты знаешь старый лозунг: «Без борьбы нет победы». И не обращай внимания на официальные сообщения. Что бы они ни писали, ты знай: «А земля все же вертится», и мы все-таки победим! Ни одной секунды не следует вам сомневаться в нашей победе.

Кто же вам рассказал такую ерунду, что я имею право писать ограниченное количество писем! Мы имеем право писать хоть 100 писем в день. Если только время позволит! Ведь бывает, что забываешь все на свете, и не до писем.

Так что не огорчайся. Если возможно, пришли мне 2 коробки папирос «Пальма» и 10 порошков «Первалин». А так у нас все имеется.

Здоровье у меня отличное. На всякий пожарный случай дал себе сделать вторую противотифозную прививку. Так что тебе обо мне не надо беспокоиться. Я думаю, что у тебя и без меня забот достаточно. Что пишут газеты о японо-китайской войне, на чью сторону склоняются симпатии в Латвии?

Привет всем друзьям.

Мы победим!

М. Марко

9 сентября 1938 г.

Здравствуй, мама! Письмо, которое вы с отцом писали, от 3 и 10 августа, я получил. Арест Тольки и Вульки¹ для вас большое переживание. Я знаю, что ваше положение ухудшилось и переживаете вы сильно. Теперь очень тяжелое время, соберитесь с духом, чтобы спокойно и терпеливо все пережить; ведь когда-нибудь всему этому придет конец. Фашизм не вечность. Борьба с фашизмом ведется во всем мире, у нас в Испании — с оружием, в Латвии — без, но жертвы имеются всюду, без этого борьба невозможна. Надо всегда быть готовым ко всему. У нас здесь люди погибают на фронте, в Латвии их сажают в тюрьмы. Толька и Вулька в тюрьме. Но ¹

¹ Толька и Вулька — братья М. Марковникова Анатолий и Савелий. *Ред.*

фашизм вечно жить не будет. Перелом произойдет скорее, чем мы это ожидаем. Обо мне не беспокойтесь, чувствую себя хорошо и свободно. Я счастлив, что нахожусь на фронте, воюю против фашизма. Я знаю, что в Латвии под влиянием буржуазной прессы нашу борьбу считают проигранной. Мы здесь на фронте вместе со всей антифашистской Испанией уверены в окончательной победе. Везде работают с напряжением, растет военная индустрия, на фронт уходят все, кто только может держать оружие, а десятки тысяч пожилых мужчин, которые не годятся для фронта, работают день и ночь, строят укрепления. Фашисты не пройдут. Фашисты наступают с такими силами, как никогда. Поэтому задача каждого честного человека и антифашиста бороться против фашизма, чтобы навсегда уничтожить самое дикое, к чему привел капитализм, — войну.

М. Марко.

Валенсия. 15 ноября 1938 г.

Здравствуй, папа! Я, кажется, довольно долго не писал. Это потому, что я надеялся скоро быть во Франции и написать уже оттуда. Но оказалось, что это не так. Как вам, наверно, известно, все иностранные добровольцы по решению испанского правительства отзываются из Испании. И поэтому я нахожусь в настоящее время в Валенсии. Интернациональные бригады уже расформированы и сняты со всех фронтов. Сейчас приходится только ждать день отъезда, который, как видно, еще довольно далек. И хотя война — дело далеко не приятное, все же мне трудно и больно уезжать из Испании, не дождавшись окончательной победы; все как будто стало своим, родным, так я здесь свыкся. Но придется исполнить решение правительства. Мы здесь все хорошо знаем, что произошло с Чехией. Знаем о той торговле, которую ведет Чемберлен с Муссолини за счет Испании. Но Испания — не Австрия и не Чехия. Уже более двух лет Испания борется за свою свободу и независимость. Ты, наверно, читал о последних успешных операциях Республиканской армии на фронтах. Это — ответ Испании интервентам. Война до полного изгнания ита-ло-немецких интервентов из Испании!

Здесь, в Валенсии, сейчас проходит зимняя кампания помощи фронту. Республика готовится к третьей военной зиме. Экономические и материальные трудности с каждым годом

увеличиваются. Вследствие чудовищной политики «невмешательства», Валенсии переживает недостаток в хлебе и продовольствии, хотя голода еще нет. Над Валенсией ежедневно днем и ночью, а иногда и по нескольку раз в день появляется фашистская авиация, бомбит порт и близлежащие к нему кварталы. Население и мы к этому привыкли.

У нас здесь очень тепло, приблизительно как март в Риге. Появился новый урожай апельсинов, которыми мы питаемся. Они здесь очень дешевы.

Провожу время в ознакомлении с городом и окрестностями. Посещаю кино, театры, музеи. Недавно кончилась неделя прощания с Интербригадами, которая прошла очень пышно, с прощальными вечерами в театрах и учреждениях.

Пока кончаю. Все письма из дома получил...

15 февраля 1939 г.

Здравствуйте, мама и папа!

В Испании в последнее время я жил в одном местечке в 25 километрах от Валенсии. После того, как нас проверила Международная комиссия, мы 17 января на пароходе приехали в Барселону. Дорога в Барселону была тяжелая и опасная. После долгого марша мы 8 февраля организованно перешли франко-испанскую границу. На границе нас обыскали — нет ли у нас оружия. Я думал, что я в полной безопасности, ведь я в демократической стране, но не тут-то было.

На французской границе нас взяли под строгий контроль и повели пешком, не говоря куда. Мы были очень утомлены, но шли без отдыха, до поздней ночи. Так прошагали километров 20 от границы. Ночью стало холодно, нам приказали ждать до утра. Голодные и усталые, мы легли «спать», просто легли, потому что спать было невозможно, так было холодно. Ночью нас подняли и погнали дальше. Теперь мы уже знали, что нас отправляют в концентрационный лагерь, но не знали, далеко ли.

Вся дорога была заполнена полицией. Останавливаться было нельзя. Кроме полиции, разъезжала кавалерия, которая нас подгоняла. По дороге было много народу, двигались вперед части испанской армии и испанское гражданское население. После того, как мы прошли больше 20 километров, измученные, мы пришли, наконец, в концентрационный лагерь...

Аржелесский лагерь. 7 июля 1940 г.

Милая сестра! Как видишь, я нахожусь в другом лагере. Это письмо и пишу тебе по-латышски в надежде, что оно придет менее зачеркнутым. Сейчас вкратце опишу, как я жил до сих пор и как живу сейчас.

Когда к лагерю в Гирсу приблизились немецкие оккупационные войска, соответствующие учреждения позаботились о нашем «спасении». Нас посадили в поезд, заперли вагоны, в которых было так тесно, что нельзя было вытянуть ноги. В таком положении мы ехали три дня, пока прибыли в лагерь в Аржелес. Тут-то и начались наши беды. Если допустить, что в Гирсу нам было «хорошо», то здесь очень плохо. Нас впахнули в маленькие будки, где так тесно, что некоторым пришлось спать снаружи. На нас напали огромные полчища блох. С блохами мы все еще продолжаем бороться, не можем от них избавиться. Но это была бы мелочь: мы познакомились с голодом, какого до сих пор не знали. Нам выдают по килограмму хлеба на пять человек и раз в день суп. Это на целый день! Голод, который мы ощущаем, ты и представить себе не можешь. Я хотел пойти купить хлеба, но меня поймали и наказали — заперли в помещение для репрессированных. Здесь я нахожусь уже 8 дней и не знаю, когда мое наказание кончится. Здесь суп дают три раза в день, но зато хлеба — по килограмму на 10—12 человек. Во всех тюрьмах Франции можно покупать продукты, в Гирсу тоже можно было делать покупки. Но в этом раю, хотя деньги у меня есть, нельзя ничего покупать. Бывает, что кое-кого здесь и колотят. Мне не разрешили пойти в барак взять одеяло, полотенце и мыло. Одним словом, живем в двадцатом веке! Но ты не огорчайся, я это все переживу. Сейчас меня интересует другой и главный вопрос — о моем возвращении в Латвию. Чтобы это дело шло быстрее, ты сразу по получении моего письма напиши домой, чтобы они пошли в министерство и постарались по возможности скорее получить для меня в Латвии заграничный паспорт. Я думаю, что сейчас для них это не представит особой трудности. Я хотел бы поскорее оставить «гостеприимную» Францию. Я давно не имел писем ни от тебя, ни из дому. Я сейчас прямо в Латвию не буду писать, так как мне кажется, что письма туда не доходят. Напиши им ты, опиши как здесь живет. Если будет письмо для меня, перешли его мне; чтобы было вернее, посылай заказным.

Пока я заканчиваю... *Миша.*

Карпианьский лагерь. 6 октября 1940 г.

Наш выезд из Аржелеса затянулся на несколько дней, и только 5 октября в час дня мы наконец выехали. Все товарищи лагеря нас торжественно проводили. В сопровождении 4 жандармов мы навсегда оставили лагерь. Нас было 52 человека — латышей, литовцев, эстонцев, бессарабцев и буковинцев. На вокзале нас впихнули в теплушки, довольно грязные. На теплушках было написано: 8 лошадей или 40 человек. В нашем поезде мы были единственными пассажирами, а в остальных вагонах везли в Германию лошадей, коров, овец. Медленно продвигались, простаивая долго на разных станциях, и наконец, в 9 часов утра прибыли в Марсель. Жандармы больше нас не охраняли, так что в дороге мы чувствовали себя совершенно свободно. На станциях мы даже уходили осматривать городки и деревни и покупать себе провизию. Всюду у нас спрашивали, кто мы и куда мы едем. Мы, конечно, их подробно информировали, что мы интербригадовцы, боролись в Испании, сидели в концентрационных лагерях и как советские граждане возвращаемся домой. В зависимости от того, как воспринимали нашу декларацию, было легко узнать о настроениях людей. А в общем мы себя вели как свободные советские граждане и не боялись говорить.

Наш новый лагерь в 10 км от Марселя. Здесь находятся польские легионеры, французские солдаты и офицерская школа. Нет проволочных заграждений, нет жандармов, местность очень красивая, гористая. Лагерь расположен на горе, окружен соснами (продолжаю писать карандашом, кончились чернила), вокруг высокие горы. Нас известили, что мы можем ходить куда хотим, нас не охраняют. Пока еда неплохая, из офицерской кухни. Нам даже дают вино. Все это благодаря советскому консулу, который заботится о своих гражданах.

Одним словом, у нас теперь полсвободы. На днях ждем советского консула. Мы еще не знаем, когда сможем выехать, я устал с дороги и не спал. Завтра пойду в горы...

Все газеты из Латвии, которые у тебя накопились, высылай немедленно. Я советский гражданин и я не боюсь никакой цензуры.

1937-1940 гг.

На русском языке публикуется впервые

¹ Письмо к сестре в Швейцарию *Ред.*

РУДОЛЬФ ШМИДТ

ИЗ БИОГРАФИИ

...В 1936 году мне удалось получить работу на велозаводе «Эренпрейс».

В том же году началась война в Испании.

Я обратился в партийную организацию с просьбой разрешить мне выехать в Испанию, чтобы там вступить в ряды Интернациональных бригад. В январе 1937 года я получил от КП Латвии разрешение на выезд. В начале февраля я легально выехал из Латвии, имея при себе латвийский заграничный паспорт. До Швеции добирался на личные средства, а дальше — с помощью Компартии Швеции. В Париже явился в комиссию по приему интернациональных добровольцев, отсюда меня направили в Испанию.

В Испанию я прибыл 19 февраля 1937 года. Меня назначили в пулеметную роту батальона им. Тельмана 11-й Интернациональной бригады. В марте 1937 года я был принят в члены Коммунистической партии Испании, членский билет мне выдали в октябре. Я принимал участие во всех военных операциях 11-й Интернациональной бригады: в Гвадалахарской, Брунетской, под Бельчите и др.

Так как в нашем батальоне я был единственным латышом, то в декабре 1937 года меня передали в Славянский дивизион тяжелой артиллерии, в батарею им. Коларова, где было 12 моих соотечественников. Наша батарея сражалась на

Эстремадурском фронте. В июне 1938 года я окончил созданные на нашей батарее месячные курсы наблюдателей-артиллеристов.

15 сентября 1938 года, когда добровольцы Интернациональных бригад были отозваны с фронтов, нас направили в Валенсию, а 15 января 1939 года на пароходе перевезли в Барселону.

Но когда началось большое наступление фашистов на Каталонию, мы вместе с остальными интернационалистами снова вернулись на фронт.

В феврале того же года мы перешли испано-французскую границу. Во Франции нас заключили в Сенсиприенский концлагерь. Во время пребывания в лагере я принимал активное участие в занятиях и других мероприятиях, которые там проводились. Те из нас, кто были членами Испанской Компартии, вступили во Французскую Коммунистическую партию. Так что с февраля 1939 года я состоял в ФКП.

14 сентября 1939 года мы с Янисом Цинисом бежали из лагеря Гирсу и добрались до Бордо. К этому времени все наши деньги кончились, работу получить было невозможно, и мы вынуждены были в поисках пищи побираться по судам, стоящим в порту. На одном из судов меня арестовали, догадались, что я бежал из лагеря, и отослали назад в Гирсу.

В ноябре 1939 года я из концлагеря отправил письмо латвийскому послу во Франции и приложил свой заграничный паспорт в надежде, что мне разрешат вернуться в Латвию. Через три месяца я получил ответ: правительство Ульманиса мою просьбу отклонило. В марте 1940 года я вторично бежал из лагеря. Снова добрался до Бордо. Работал в порту. Все находившиеся там латыши изготовили себе матросские удостоверения на чужие фамилии. Я стал Янисом Озолинем. 8 апреля меня арестовали и за нелегальное проживание во Франции приговорили к году тюремного заключения. Я обжаловал приговор, и мне снизили срок до 6 месяцев.

Я еще находился в тюрьме, когда Бордо оккупировали немецкие войска. По отбытии наказания я обязан был в 8-дневный срок покинуть территорию Франции. Но у меня не было ни денег, ни сколько-нибудь сносной одежды. Сказал немцам, что я латвийский моряк, отстал во Франции от судна и что судили меня здесь за отказ вступить в Иностранный легион. В те годы во Франции действительно буквально терроризировали иностранцев, вынуждая их вступить в Иностранный легион. И мне при аресте было предложено стать легионером, но я отказался...

**PARTIDO COMUNISTA
DE
ESPAÑA
(S. DE LA I. C.)**

**CARNET DE AFILIADO
1938**

Членский билет Коммунистической партии Испании (обложка)

Кристап Салнынь

Петерис Пумпур

Меня вместе со многими другими задержанными отправили в рабочем эшелоне в Берлин и определили транспортным рабочим на предприятие «Кнорр Бреме». Но я тотчас же по прибытии в Берлин, т. е. 21 октября 1940 года, добрался до посольства СССР, назвал свою настоящую фамилию и рассказал все о себе. Меня попросили заполнить анкету. В январе 1941 года из Москвы пришел ответ — мне разрешалось вернуться в Латвию. Я получил паспорт на имя Яниса Озолина и 25 февраля 1941 г. прибыл в Советский Союз.

8. VI. 1941 г.

Партиархив Института истории партии при ЦК КП

Латвии, ф. 2160, оп. 2, д. 274.

Копия
Рудольф Шмидт
Камп де Гурс. II отд. ГБП

27 11 1940 г.

ПОСОЛЬСТВУ ЛАТВИИ В ПАРИЖЕ

ПРОШЕНИЕ

Высокопочтимый господин Посол!

Почтительно прошу дать мне некоторые разъяснения:

1) В «La Deresche», в номере от 14 февраля с. г., я с большим волнением прочитал изложение речи вождя латышского народа Министра-Президента Карла Ульманиса. Из этой речи я понял, что положение в Латвии очень серьезное. Особенно большое впечатление на меня произвели слова вождя о том, что каждый латыш должен держать наготове военную униформу, рюкзак и запасы семенного зерна на один год.

Почтительно прошу Вас разъяснить, распространяется ли на меня, как на латыша и гражданина Латвии, хотя я и нахожусь сейчас во Франции, это дружеское обращение?

Униформа, т. е. воинская одежда, а также рюкзак у меня уже имеются, но вот семенное зерно на один год я не в состоянии приобрести, так как нахожусь здесь без средств и не имею оплачиваемой работы. Если приобретение этих запасов Вы считаете особо важным делом, то прошу выдать мне пособие на их покупку. Расчеты по этой ссуде я обязуюсь урегулировать по возвращении в Латвию.

2) В ответ на Ваше письмо от 23 февраля 1940 г. за № 861. 00/40/695 прошу вернуть мне мой заграничный паспорт, т. е. латвийский заграничный паспорт на имя Рудольфа Шмидта, который я Вам отослал в ноябре 1939 г.

К своему прошению прилагаю: 1) Удостоверение коменданта лагеря Гирсу о том, что я не имею здесь оплачиваемой работы. Выдано оно 3 ноября 1939 г. 2) Одну французскую почтовую марку достоинством в 90 сантимов, что соответствует стоимости одного франка: марка годна для пересылок в пределах Франции.

Остаюсь в надежде на Ваш скорый ответ

Приложение: 1 (одна) почтовая марка. *С уважением Р. Шмидт*

Подпись

Административному департаменту
Министерства внутренних дел в Риге

Копия
№ 861. 00/40/840

4 марта, Париж

В ответ на отношение Административного департамента Министерства внутренних дел от 13. 11. 1940 г. за № Р V. 10.62 посольство в Париже имеет честь направить Вам собственноручное наглое письмо Рудольфа Шмидта, которое посольство получило в ответ на сообщение о том, что не может выдать ему удостоверения личности. По мнению посольства. Р. Шмидта в связи с этим следовало бы лишить Латвийского гражданства.

Приложение: Упомянутое.

(О. Гросвалд)
Посол во Франции

ВОЗВРАЩЕНИЕ¹

1. Бои в Испании

Валенсия, 19 октября 1938 г.

Когда началась интервенционная война в Испании и туда начали съезжаться антифашистские добровольцы, я попросил (в сентябре 1936 года) послать меня туда. МОПР мою просьбу отклонил ввиду важности моей работы на месте². Я все же готовился к отъезду в Испанию и теоретически изучал артиллерию, куда хотел попасть...

В декабре 1936 года меня арестовали, и я три месяца просидел в тюрьме. Заступились МОПР, Комфракция и рабочие Кладно. Меня освободили и выслали из Чехословакии. Связавшись с Машей (в Париже она представляла Компартию Латвии по пересылке латышей в Испанию), я с помощью чешского МОПРа уехал в Париж и оттуда пароходом в Испанию. Пароход «Siudad Barselona» был вблизи Барселоны торпедирован итальянской подлодкой и пошел ко дну.

Я оказался среди спасенных.

1 июня 1937 года я прибыл в Испанию. Определенный в артиллерию Интернациональных бригад, я месяц пробыл в Альмансе и 15 июля выехал со Славянским дивизионом тяжелой артиллерии на фронт. Две недели мы были на Центральном фронте и 14 месяцев — на фронтах Эстремадуры. Я долго

¹ Отрывки из автобиографии.

² В это время Б. Кур как политический эмигрант находился в Чехословакии, в г. Кладно. *Ред.*

служил в штабе дивизиона: секретарем штаба, кассиром, интендантом, помощником и переводчиком комиссара дивизиона. В батарее им. Коларова был командиром орудия с обсервацией. Получил звание старшего сержанта (бригадира).

Насколько позволяли условия и время, я все свое внимание и силы уделял латвийскому коллективу — группе им. Янсона-Брауна при батарее им. Коларова. Группа жила сплоченным братским коллективом, посвящая все свое свободное время учебе: овладению артиллерийским делом, изучению политграмоты, испанского языка и др.

В группе воспитывались и выросли хорошо подготовленные в боевом и политическом отношении, закаленные в боях и трудных условиях фронтовой жизни ценные кадры революционного антифашистского движения. Особенно следует отметить Я. Беникиса, Б. Дукальского. Ж. Фолманиса и др.

14 сентября 1938 года наш дивизион был снят с фронта и переведен в Валенсию, где находится и сейчас.

С 4 октября я перешел на службу переводчиком в штаб советников при Левантской армии. Из Испании по собственному желанию не уеду, если со стороны партии на этот счет не будет никаких иных указаний.

Работал в штабной ячейке Испанской компартии...

Являюсь также членом ISU (Союза объединенной социалистической молодежи), членом «Союза друзей СССР» и членом МОПРа. Делал доклады на дивизионных батареях, в латвийской группе, участвовал в редактировании дивизионного журнала «Fuego» («Огонь»). Читал доклады в клубах Объединенной Социалистической Молодежи. Писал статьи и письма, которые были напечатаны в нелегальной прессе Латвии.

2. В лагере Гирсу во Франции¹

8 августа 1939 года

...Сейчас отдыхаю в лагерной больнице. Ничего особенного у меня нет, небольшая усталость и чувство слабости. Врачи сказали, что надо отдохнуть. Теперь отдыхаю в постели. Читаю, пишу письма. У меня «отпуск».

Сегодня исполняется 6 месяцев, как находимся в лагере

¹ Из письма Р. Лацису. *Ред.*

и ждем «жизни, которая должна начаться завтра». Но ничего конкретного о наших перспективах не знаем, надеемся, что зиму нам, возможно, уже не придется жить в этом лагере. Когда придет освобождение, как, — ничего не знаем. Некоторые из нас вырвались на свободу: Чернобров — в Латвию (у него был хороший паспорт). Тимме — в Бельгию, Донхин — во Францию, Упеслея — к вам...¹

Жизнь коллектива и учеба идут так же, как и раньше. В центре внимания занятия историей партии. Мы изучили уже семь глав, устроили экзамен. Ребята отвечали хорошо. Кроме того, изучение языков, сбор исторических материалов (о Латвии), стенные газеты и т. д. Культурная работа в лагере в общем идет успешно. Но ясно, что у каждого из нас на сердце огромная тяжесть. Многие пытаются бежать, хотя при поимке их передают суду. Если в ближайшие два месяца не будет решена наша судьба, бегство станет массовым явлением. Многие здесь болеют, так как питание и условия жизни явно не благополучны. А что будет осенью и зимой? Даже трудно себе представить. Но мы все же надеемся, что до октября наш вопрос так или иначе будет решен. Что касается лично меня, то ты уже наверное знаешь, что было много работы. Сейчас, как я уже писал, несколько дней нахожусь в «отпуске». О том, что наши дела улаживаются здесь, — знаем. Все будет в порядке. В этом смысле нам от вас ничего не надо только немного внимания, информацию о вашей жизни и, если это возможно, некоторая помощь, особенно книгами.

3. Путь на Родину²

14 марта. В 23 часа бежали из лагеря. Прошли через проволочное ограждение (миновали больницу), затем пересекли дорогу. Искали путь к мосту.

15 марта. В пять утра отправились в путь. Весь день лил мелкий дождь. Спали.

16 марта. Ночью шел сильный дождь. Днем было солнечно. Отдыхали. Все высушили.

17 марта. Переночевали в небольшом лесу. Днем продолжали путь, купили вина. Зашли в Мон-де-Марсан, поели в ресторане. Женщина показала нам дорогу, автобус. Спали в лесочке.

¹ В Советский Союз. *Ред.*

² Фрагменты из дневника. *Ред.*

18 марта. Сели в автобус. В 10.00 были уже в Бордо.

26 марта. Все работали на выгрузке мешков. Я носил мешки.

27 марта. Работал.

28 марта. Работал.

29 марта. Работал.

2 апреля. В поисках работы поднялся на датское судно «Gerta Toft».

3 апреля. Уже работаю на судне, драю медяшки.

4 апреля. На судне. Меня навестил Янка¹.

8 апреля. Прошли полицейский контроль. Все хорошо, хотя и живем нелегально. Лева² приходит на судно.

9 апреля. Сегодня в четыре часа судно должно было выйти на порта, но все изменилось: Германия напала на Данию и Норвегию... Остались в порту. Надолго ли, что будет дальше — не знаем. Хорошо, что утром подписали контракт и теперь официально считаемся членами экипажа. Сейчас нам нечего бояться. С нами ничего не может случиться. Хотя, кто его знает.

Так опять полностью меняются все наши планы. Снова нет никаких надежд попасть в Латвию.

11 апреля. Сегодня первый штурман сообщил мне, что придется оставить судно, так как правительство Франции его конфискует и на нем могут оставаться пока только датчане. Я весьма и неприятно поражен.

12 апреля. Сегодня я уже не работаю, хотя еще нахожусь на судне. Придется уходить. Но куда? Это очень неприятно. Опять почва уходит из-под ног. Вновь вся надежда на счастливый случай. Увидим, как все уладится с документами. Были в полиции. Капитану не разрешили нас отпускать, так что остаемся на ночлег на судне, но работать не будем, а следовательно, и кормить нас не станут. Придется здесь как-нибудь устроиться и искать место на другом судне.

15 апреля. Сегодня капитан отвел нас в полицию. Мы все дрожали. Что-то будет? Морская полиция доставила нас в главное управление полиции.

1 мая. Снова на «Gerta Toft», которую охраняли французские матросы со старомодными пистолетами.

7 мая. Датский капитан говорит нам, что не сможем остаться на судне, так как находимся под контролем полиции.

¹ Я. Палкавниек. *Ред.*

² Лева — Л Чернин. *Ред.*

8 мая. Самочувствие ужасное. Беспокоимся. Нервничаем.

17 мая. В конторе получили расчет. Оставили судно. Янка тоже сошел. Лева остался на пароходе.

19 мая. Говорил с капитаном шведского судна. Есть надежда попасть матросом. Ночевал у французского товарища. Капитан утром не пришел в консульство. После обеда я поехал на судно. Капитана уже не было. Я опоздал. Ухожу. С полпути возвращаюсь. Все же принят.

21 мая. В 21.00 уже в море на шведском судне «Warri». Держим курс на Испанию. Выстоял первую вахту у руля. Болит голова и живот, тошнит.

22 мая. Идем вдоль берегов Испании, в виду Астурии и Галисии.

23 мая. Море, Бискайский залив. В 16.00 миновали Финистерре.

25 мая. Вечером пришли в порт Уэльва. На борту испанский лоцман. Сердце застучало: не за мной ли? Теперь идем в порт, как по реке. Слушаю радио на испанском языке. Явно антигитлеровская передача — оказалось, это передавало французское радио из Марокко на испанском языке. Позже слушал радиопередачи из Севильи.

26 мая. Уэльва. Маленький портовый городок. Фактически там есть только предприятия Рио-Тиното.

1 июня. Вечером в 19.00 покидаем Уэльву. Капитан просит меня на время пути до Голландии заменить повара, который от нас ушел. Соглашаюсь. Так что сейчас в море работаю коком.

4 июня. Видим большой конвой французских судов. Приказывают нашему судну остановиться. Пришел контроль.

6 июня. Вечером увидели две подводные лодки: первая немного показалась из воды, у второй был виден только перископ. Немецкие или английские?

7 июня. Ночью вошли в Ирландское море. Видны скалистые берега.

8 июня. После полудня пришли в порт Дрохеда¹. Маленький городок — около 15 тысяч жителей.

9—10 июня. Находимся в Дрохеде. Красиво. Земля нейтральная. Но все же каждый тут спрашивает: «Что вы думаете о войне?»

15—16 июня. Многие здесь читают газеты, интересуются политикой.

¹ Ирландия. Ред.

17-18 июня. Латвия освободилась от фашистского гнета!!!

В Ирландии сильна ненависть к англичанам. Постоянно говорят о тысячах жертв, погибших от рук англичан четыреста лет назад. В газетах чувствуется влияние церкви.

21 июня. Как попасть домой? Скупые известия о Латвии. В Риге произошла небольшая перестрелка с полицией¹. Массы вышли на улицу! Латвия сбросила фашистское ярмо! Какое счастье!

23 июня. Скучно здесь. Говорят, суда пойдут в Америку. Но теперь это меня не радует, во что бы то ни стало хочется попасть в Латвию, домой.

Моя страна стала свободной, а я так от нее далеко.

29 июня. Вечером стало известно, что мы пойдём в Ливерпуль². а оттуда в Петсамо³. Это сообщение так обрадовало, что хотелось прыгать от счастья. Латвия будет так близко от нас, так доступна, какое счастье! Сажу в кафе, ем пирожные, так я отмечаю это замечательное известие.

3 июля. Приходим в Ливерпуль.

9 июля. Был в Манчестере.

20 июля. В 9 часов утра выходим из Ливерпуля в Петсамо.

23 июля. В пути.

24 июля. В пути.

25-26 июля. В пути. Приближаемся к северу.

Идем уже за полярным кругом. Ночи светлые. В 12 часов ночи читал книгу, как при дневном свете.

27—28 июля. Около пяти часов вечера над судном пролетел немецкий самолет. Вечером около 8 часов прилетели еще два немецких самолета. Приказали нам остановиться. Один из самолетов (гидроплан) сел на воду. Мы спустили шлюпку, немецкий офицер поднялся на борт. Осмотрел груз и улетел.

Спокойно продолжаем путь. Все это произошло недалеко от Нарвика⁴.

29 июля. Около 4 часов дня пришли в порт Петсамо. Большой канал с высокими гористыми берегами. Лишь несколько недавно возведенных барачков — и это все.

30 июля. Капитан отказывается списать меня с судна: не разрешает полиция. Я очень огорчен, настроение скверное;

¹ Речь идет о нападении полиции на трудящихся 17 июня на Привокзальной площади в Риге. *Ред.*

² Англия. *Ред.*

³ Финляндия. *Ред.*

⁴ Норвегия. *Ред.*

хотел ехать в Хельсинки, а оттуда домой. Теперь придется ждать черт его знает как долго!

5 августа. Сегодня вечером в каюте второго штурмана, включив приемник на московскую волну, неожиданно услышал выступление на латышском языке. Оказалось, идет сессия Верховного Совета Советского Союза, на которой обсуждается просьба латышского народа о вступлении Латвии в СССР. От радости сердце застучало, не мог спокойно усидеть на месте. Но мне здесь надо быть осторожным...

1938—1940г.

На русском языке публикуется впервые

МИХАИЛ ШВАРЦ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

От редакции

Дневник командира саперной роты 15-й Интернациональной бригады Михаила Шварца (Эгона Шмидта) — небольшая черная записная книжка-календарь с ежедневными записями; даты и месяцы в нем отпечатаны на испанском языке. Книжку Шварц купил в Мадриде, когда впервые туда попал. Он переписал в книжку все свои предыдущие заметки и продолжал регулярно записывать события и впечатления о них, порою не в тот день, когда они происходили, а позднее, когда позволяло время.

18 августа 1938 года Михаил Шварц погиб. Его товарищ Петр (Перси) Лудвиг в 1939 году увез документы и записи М. Шварца в Москву и передал их в Исполком Коминтерна. Там дневник был приобщен к личному делу М. Шварца. После Великой Отечественной войны дела всех бывших добровольцев из Латвии были переданы Партийному архиву ЦК КП Латвии,

15-я бригада, о котором идет речь в дневнике, была сформирована в конце января 1937 года в Альбасете; в ее состав входили испанский, английский, американский батальоны, а также Славянский батальон имени Димитрова, который М. Шварц сокращенно называет «Димитровым». В бои бригада вступила в середине февраля 1937 года.

Первая запись датирована 3 февраля 1937 года, последняя 15 августа 1938 года, за три дня до гибели М. Шварца. О периоде с середины ноября 1937 года по середину мая 1938 года записей не обнаружено. В этот период Шварц работал в тылу политкомиссаром офицерской школы в Посорубио.

Многие страницы дневника написаны в трудных фронтовых условиях, наспех, часто это недописанные фразы, намеки, в которых читателю разобраться трудно. Поэтому дневник публикуется с сокращениями и в небольшой литературной обработке.

8 февраля

События развиваются стремительно... После обеда Чопич сообщил мне, что я назначен политкомиссаром «Genie»¹ в его 15-й бригаде... и должен сейчас же ехать. Я быстро собрался и пришел в роту, когда та была уже в пути. Познакомился с двумя ее офицерами — Яворским и Рашевым. Рашев производит впечатление человека серьезного. Он болгарский эмигрант в СССР. Бывший партизан Яворский в общем душа-парень. Легкость в мыслях у него необыкновенная. Добряк и очень небдителный.

Первое знакомство с солдатами в поезде. Курить запрещено. Они курят. Я делаю им замечание. Они взъелись: «Ты кто такой? Почему не говоришь по-французски? Не признаем политкомов назначенных, сами выберем...»

9 февраля приехали в городок, так называемый Сила Рувия... Расположились в каком-то доме. Сразу провели электричество. Целый день лил дождь. Знакомлюсь с солдатами. Здесь группа немцев — очень интеллигентные ребята, группа чехов и поляков и доминирующая — французов. Есть еще группа «немых» — это одиночки шведы, англичане, голландцы и пр. Они почти ни с кем не говорят: не знают языка и поэтому молчат...

Ночью перебираемся в Чинчон. Здесь нас посетил Чопич. С этой поры все меняется... Яворский построил солдат и представил меня: политкомиссар — это как Фурманов из «Чапаева», он сравнил меня с ним — и еще вдобавок сказал: «Недаром нашего политкома зовут Шмидт — это великое имя. Всем вам известен полярный исследователь Шмидт...» и т. д. Совесть было слушать. Отношение солдат ко мне изменилось сразу, и они признали меня «начальством».

Много хлопот по организации жилья. Небольшие прифронтовые городки производят жалкое впечатление. Ни лавок, ни товаров. Чинчон фашисты не бомбардируют. По рассказам, здесь многие голосовали в свое время за них.

26 февраля

Я произведен в лейтенанты.

¹ «Genie» (франц.) — сокращенное название инженерно-саперной роты.
Ред.

13 марта

Рашев уехал в Мадрид привезти испанцев.

Пленные вяжут колючей проволокой козлы в ложине перед позициями. Я поехал проверить их работу.

На обратном пути только сел я на мотоцикл... чувствую удар камнем, тупой удар в правое бедро. Оглянулся, кто делает такие глупости. Это была пуля; теплая кровь разлилась по ноге. Моторист Сонли отвез меня на санпункт. Меня усадили в машину... В 4 часа дня я в госпитале в Таранконе...¹

Таранкон, 14 марта

Американский госпиталь. Врачи — американские евреи, сестры три испанки. Мария, с крашеными рыжеватыми волосами, замужем за немцем из батальона им. Тельмана. Черноокая красавица Кармен. Карл Франк — милый парень, иногда чересчур упорный и неотступный.

У испанца-железнодорожника гангрена. Вчера ему ампутировали сначала одну ногу, потом вторую, он все время кричал «Mi botas, mi botas» — требовал свои ботинки. В 5 часов утра он умер от потери крови.

15 марта

Карл Франк — любимец инфермерш². 2 года он прослужил в рейхсвере³. Увидев у меня значок лейтенанта, он улыбнулся:

¹ В связи с ранением М. Шварца (Э. Шмидта) в книге, изданной в Барселоне в 1938 г., «XI бригада» помещено следующее сообщение: «Эгон Шмидт ранен. Инженерной работе нанесен тяжелый удар. Выбит из строя один из самых выдающихся ответственных работников. В Эгоне Шмидте сочетаются глубокая политическая осведомленность, высокая интеллектуальность и здравый юмор. Будучи комиссаром роты, он был примером для всех окружающих.

13 марта он был ранен. Однако это не помешало ему вести все дела весьма аккуратно и передать их другим.

Фашистская пуля, пытавшаяся отомстить Шмидту за его геройство в тяжелые дни первого наступления на Хараме, за его неустанную активность, не добила своего.

Мы ждем возвращения Шмидта в нашу среду в ближайшем будущем.

Е. Рашев.

командир инженерной роты XV бригады.» *Ред.*

² Сиделки. *Ред.*

³ Рейхсвер — войско, создание которого было разрешено Германии после первой империалистической войны согласно Версальскому договору. *Ред.*

«У нас в батальоне Тельмана никто никогда не носит и не будет их носить». Спорили с ним на эту тему. Он упорен. Ругает тыл и тыловики.

Вечером отъезд. Я единственный, кто не может передвигаться. Все остальные — ранены в руки или голову. Когда подъезжаем к вокзалу, все выходят из санитарного автомобиля. Обо мне забыли. Вот так организация! Добираюсь до перрона при помощи штатских прохожих. Едем в вагонах 2-го класса, со всеми удобствами. Попутчики — два раненых поляка и один еврей. В 12 часов прибываем в Мурсию; «Универсида», палата № 10.

31 марта

Перехожу в палату № 16.

29 апреля

Переезжаю в Ориуэлу.

19 мая

Выезжаю из Ориуэлы в Мурсию.

Альбасете, 20 мая

Снова в Альбасете...¹

¹ Командир 15-й бригады Чопич по поводу возвращения М. Шварца на одном из собраний сказал: «Товарищ Шмидт, политический комиссар инженерной роты, о ранении которого мы сообщали, вернулся в бригаду и приступил там к выполнению своих обязанностей. Он зарекомендовал себя хорошим лейтенантом» (см.: книгу «XV бригада», изданную в Барселоне в 1938 году, стр. 118) *Ред.*

21 мая

Отъезд из Альбасете на фронт. Харама.

Гвадалахара. 13 июня

Торжественное открытие госпиталя «Коменский»¹ в Гвадалахаре. Поехали Чопич, Каган и я. Встретились со старыми друзьями. Соня Швальбе. Был также консул Чехословацкой Республики.

Узнал, что погиб генерал Лукач. Артиллерийский снаряд в автомобиль... Ночью еду к готвальдовцам².

14 июня

Мадрид. Столица! До самых Cuarteres caminas³ заготовлены баррикады на случай прорыва фронта. Подъезжая к Мадриду, чувствуешь это грозное и гордое «No pasaran». А в центре жизнь кипит, как будто войны и не было.

15 июня

...В 5 часов фашисты начали обстрел Мадрида. Город продолжает жить своей жизнью под глухую канонаду. Падают снаряды. Рушатся стены домов. Люди поспешно закрывают магазины, уносят убитых и раненых; все заняты обычными хлопотами, привыкли, как к дождю.

Бильбао не смеет пасть! Бильбао второй Мадрид. Фашисты уже кричат о взятии его.

¹ Госпиталь назван им. великого чешского педагога и гуманиста Яна Коменского (1592 – 1670).

² Готвальдовцы – добровольцы зенитной батареи имени Готвальда, прибывшие из Чехословакии.

³ Площадь в Мадриде, где начинаются четыре главные улицы города.

16 июня

Здорово набегался, пока раздобыл машину для возвращения в бригаду. Собрание политкомиссаров на Веласкесе¹.

Чопич уехал на похороны Лукача. Политработа хромает... Должно быть, Бильбао падет, надо подготовиться к этому.

3 июля

Поездка в Мадрид. Итак, Мадрид под боком. Чудесный Мадрид! Всегда радуюсь, когда подъезжаю к нему. А сегодня пересек его 2 раза. Вся бригада переехала, остался лишь один Ванденберг со своими людьми, причем Рашев угнал все средства сообщения... Вчера ночью приехал Каган, и мы отправились с ним на грузовике в Амбите за Ванденбергом. Задержались в Мадриде в поисках бензина... едем. Оказывается, Ванденберга уже увез бригадный автомобиль. На нашем месте поселилась испанская часть... Жены офицеров живут тут же и занимаются стряпней. Любопытнейшая ротная кухня «под ведомством» жен командиров.

4 июля

Ванденберг уехал на грузовике раздобыть компрессор и до позднего вечера не возвращался. В это время пришел приказ собраться батальонным командирам. Утром было объявлено о марше, дана предварительная диспозиция. Бригада реорганизована в два полка. Фор и Чараев — майоры... Вечером — полное изменение диспозиций, и в три четверти девятого объявлено, что марш назначен на 9 часов. У нас марш идет в полном порядке, да и вообще все прошло сравнительно хорошо, если не считать большого количества автомобильных фар.

5 июля

Расположились в лесу и спали целый день. Ночью поход. Позиции у Вильянуэва-де-ла-Каньяда, на 13-м км.

¹ Министерство обороны по ул. Веласкеза. *Ред.*

6 июля

Пришли рано. Перед отходом Фор выступил с речью. Сегодня в 12 часов он уже ранен.

Сразу много срочной работы. Клаус приказывает оборудовать наблюдательный пункт — помещение для штаба — «вон на той горе». Больше часу разыскивали «вон ту гору»... К вечеру Чопич послал меня в батальоны поторопить наступление: Вильянуэва до вечера должна быть взята во что бы то ни стало. Я присоединился к «Димитрову», сбросил свою лейтенантскую фуражку, взял каску и ружье. Нет силы воли бросить товарищей, которые идут в такую атаку... Незабываемая ночь, когда погибло столько прекрасных, благородных людей.

Мой нож спасает меня от осколка гранаты. Окруженные фашисты выбежали с гранатами на дорогу, на нас.

Ночью обстреливаем город. Под утро осматриваем трупы наших и фашистов. Среди тех, кто выбежал на дорогу, оказались фашистский офицер, женщина и ребенок лет шести. Очевидно, фашисты хотели прикрыться ими, да в темноте мы не заметили их... Ночью первыми входим в город, перерезав колючую проволоку со стороны нашего шоссе. Табаков перед атакой нервничал, но потом держал себя очень хорошо.

Я пошел с «Димитровым» дальше и здесь нашел своих «Genie». После обеда продолжение похода. Налет аэропланов отрывает наше «Genie» от батальонов. От разрывов пуль загорелась сухая как солома трава... Мы окапываемся от огня и тушим его. Догоняем американский батальон в русле высохшей реки. Солдаты роют яму в песке русла и докапываются до воды — радость!

Полная дезориентация, обнаружившаяся еще вчера. Маркович комиссар батальона им. Вашингтона не знает, где другие батальоны.

Случайно натыкаемся на Листера. Штаб несколько раз менял диспозицию. Усталые и голодные люди едва держались на ногах. К вечеру наконец появился Клаус и оставил вопрос «открытым» до завтра (т. е. до сегодня). День потерян. Это плохо отзовется на нашем походе.

Получил письмо, что умер папа.

Утром двинулись к мосту. Приехал Ванденберг. По дороге к нам перебежал один фашист. Говорит, что их пока мало на нашем фронте, но ждут прибытия 5000 марокканцев. Мы продвигаемся вперед, быстро наступая, фашисты бегут, оставляя

нам боеприпасы, вещи и трупы; мы строим мост через реку и расчищаем дорогу. Сооружаем пулеметные гнезда. В фашистской траншее расположился Чапаев. После смерти Фора он руководит группой.

8 июля

Атака продолжается, но безуспешно. Прошли километров 15. Как приятно чувствовать себя на отвоеванной земле! Рассматривал с Гранелем письма и документы фашистов, найденные в траншее... Ночью пошел с патрулем разыскивать «Димитрова», но нашли только пулеметную роту Кагана, и то рассеянную. Работали у них. Фашисты всю ночь бомбардировали и сигнализировали друг другу с помощью рефлекторов. Чувствуешь, что небо разговаривает на непонятном языке. Проснулся с кошмарным ощущением, что проспал отход наших и нахожусь у фашистов.

9 июля

Фортификационный корпус прислал в наше расположение роту в 120 человек. Я отправился связаться с ними. Осмотрел позиции «Димитрова» и застал картину полной паники. Часть пошла в бессмысленную атаку и пропала, оставшиеся в панике предполагают, что они окружены, и друг за другом покидают траншеи... Пришлось поставить вопрос остро: «Если нет приказа об отступлении и товарищи гибнут, почему я должен спасаться?» Вернулись. Я пролежал с ними в траншее часа 3, пока люди опять не собрались. Убит Тилак. Ранен Каган, видел, как его пронесли...

10 июля

По диспозиции батальоны сегодня вечером должны атаковать гору Москито и взять ее. Тогда откроется дорога на Мадрид. «Genie» должны немедленно по взятии горы укрепить ее. Взять вершину высоты не удалось, взяли только подступы к ней. Мы пришли укрепить взятую позицию лишь в 3 часа ночи... Никто точно не знает, где противник. Наш ординарец сбился с пути и едва не завел нас к фашистам.

11 июля

...Фашисты теперь открыли яростный артиллерийский огонь. Снаряды падают в нескольких метрах от нас. Много убитых и раненых. Вокруг загорелась трава. Огонь подбирается к ящикам с боеприпасами. Взрыв. Над нами кружат аэропланы. бомбят и стреляют из пулеметов, потушить огонь невозможно. Мы в фашистской траншее. По правде говоря, не знаем, выйдем ли живыми. Все-таки не теряемся, вытаскиваем и закапываем боеприпасы. Если до них (главного склада района этого фронта) доберется огонь — нам несдобровать. На ночь роем себе для сна глубокие ямы, как могилы. Не знал, что земля на глубине так воняет мертвечиной. Виден только четырехугольник неба и звезды. Неуютно в яме!

Вчера ездил за лопатами и мешками на прежнюю стоянку. Видел издали Вильянуэву и ржаное поле, по которому мы наступали. Таким родным кажется этот город. На подступах к нему погиб Борис Цинис. Видел там же женщину-танкистку. Испанка — тип совершенно отличный от тех, которых встречал до сих пор. Бомбардировка продолжается. Ранен Чопич... Ночью работаю у «Димитрова».

13 июля

Ночевал у «Димитрова», где мы в течение ночи строили коммуникационную траншею. «Димитров» пошел в однодневный отдых. На его месте — франко-бельгийский батальон...

Вечером Клаус внезапно сообщает, что наша бригада идет в резерв, и что необходимо фортифицировать вторую линию.

14 июля

Траншеи удались на славу. Целый день бомбежка. Почти все время спал, потом пополнял эту книжонку. Вечером так же случайно, как и всегда, получаю приказ от Клауса: переместиться на 2 км назад — наша бригада идет в резерв. Пришлось спасать лопаты, приготовленные мною для батальонов. Вечером переход. Если бригаду при переходе не перебьют самолеты и артиллерия, это будет просто случайностью, а не заслугой штаба, потому что мы не имеем никакого прикрытия нашими аэропланами.

15 июля

Паника среди шоферов: на шоссе в машинах многие убиты и ранены постоянно бьющей артиллерией и бомбовозами. Убит наш шофер француз, убит шофер «Димитрова», убит Лидле — политком транспорта... Его смерть произвела на меня особенно тяжелое впечатление. Замечательный был парень... Ванденберга переводит к американцам.

16 июля

Распоряжением штаба Ванденберг переводится в американский батальон помощником командира. Я назначен командиром «Genie». Устраиваем банкет в честь Ванденберга...

17 июля

Батальон им. Димитрова, франко-бельгийский и американский ушли вчера вечером, с ними и 50 человек «Genie» с бородатым архитектором-испанцем. Сегодня пришел на место американцев английский батальон...

18—25 июля

Сегодня, в годовщину восстания, фашисты предприняли атаку, вернее — контратаку по всему фронту. Утром 16-я бригада немного отступила, им послали в подкрепление английский батальон... Позже отогнали фашистов снова... Мы много работали у англичан днем и ночью. Наши мулы с коляскойгодились для развозки еды. Целый день аэропланы и артиллерия. Воздушные бои. Наши сббили 3 фашистских самолета. С аэропланов бросали листовки... Много беседую с чехами-телефонистами... 16-я бригада отступила на несколько сот метров под натиском фашистов. Неприятель угрожает нам с трех сторон. Брунете непрерывно горит.

Люди устали, командиры нервничают, они дезориентированы относительно расположения батальонов...

Работали до 4 часов утра. Пришли американцы с Ванденбергом. Усталые как собаки. В 10 часов вдруг паника.

Сколько бомб сегодня сбросили фашистские аэропланы, сколько было артиллерийского огня! В нескольких шагах от нас убило испанца... Вечером прибежал наш доктор Гросфельд, храбрый и самоотверженный фронтовой врач. Северную часть дороги фашисты отрезали. 68-я бригада отступила. В штабе нервничают. В результате приказ мне: 50 человек послать для фортификации штаба, а остальных — к американцам¹. У нас со вчерашнего дня работает новая рота саперов с испанским лейтенантом-архитектором. Интеллигентный молодой человек. До 4 часов утра работали у американцев...

Люди ужасно устали, изнервничались. Атаки и атаки, фашисты медленно окружают. Пули летят со всех сторон.

...Вечером должны были работать у «Димитрова». «Димитров» не прислал связиста, и мы заблудились. Дошли до белого домика 13-й бригады. Оттуда один связист взялся доставить нас к «Димитрову» и завел нас почти к фашистским траншеям. Те открыли огонь. Даже аэропланы стали кружиться над нами. Еле выдержав до конца огня, мы по одному разошлись и к 3 часам ночи вернулись домой без результатов, уставшие как собаки... Пошел к «Чапаеву». «Чапаев», понятно, признал, что днем работать невозможно. Дорога к «Димитрову», действительно, проста. Немного стыдно. Ночью работали хорошо... Пошел к американцам навестить Ванденберга... Бомбят целый день. Самолеты над самой головой. Столько раз в день приходится прощаться с жизнью...

В лесу у реки мы сложили на временной стоянке наши вещи, оставили автомобиль и патруль. Артиллерийским снаряжением испорчена часть материалов... Вчера фортифицировали новые позиции «Димитрова». Плохие позиции, не удержать их. К вечеру тревожное сообщение. 16-я бригада отступает. «Димитров» тоже. У нас тревога: в течение ночи надо укрепить новые позиции. Отступление происходит в обстановке почти торжественной. Димитровцы держали позиции до тех пор, пока 16-я освободила им достаточно большой фланг. Ждали приказа. Сведения неточные. Клаус колебался. Наконец из дивизии сообщают: приедет сам Гал. Прихожу в 8 часов вечера за приказом; Гал командует. Мы идем все на санитарный пост «Димитрова»... Приказ: 30 человек послать в американский батальон. Работаем перед позициями наступающего врага до 5 часов утра. Бомбежка отчаянная. Аэропланы, артиллерия. разрывают людей на глазах... Клаус дает приказ

¹ Батальон американцев-добровольцев. *Ред.*

отступить (связь с дивизией прервана). Наше «Genie» по приказу идет на новые американские позиции укреплять их... Приходим на позиции по этому берегу реки, а американцев нет. Отошли. Какие-то группы испанцев и англичан, часть моряков, человек 30.

...Мы возвращаемся в штаб, но штаб ушел. Батальоны неизвестно где. Мы сколачиваем группу, и вместе с моряками и частью «Тельмана» (капитан женщина) залегает на холме защищать эту позицию... Но основная вина ложится на 16-ю.

Находим штаб. Сколачиваем остатки батальонов и занимаем новую, совсем чудовищную позицию! Мы в открытом поле под Вильянуэва-де-ла-Каньяда. Отступили км на 4.

Своих нашел с трудом, разыскивая по полю целую ночь (ночь на 25-е).

Утром строим новые помещения для штаба. Получаю приказ ехать раздобыть мешки и колючую проволоку... Едем в дивизию за толком. Затем с некоторыми происшествиями — в Вальдеморилю. Дорога — ад! Бомбы, бомбы, бомбы. Понимаю теперь, как ужасна работа шоферов... У меня трудности с получением материалов. Какой-то лейтенант-испанец сообщает мне: «Наверху у нас сидят фашисты». Он дает мне «нелегально» 500 мешков. В Вальдеморилю получаю 3100 мешков и провод.

25 июля

Подъезжаю к Вильянуэве... Днем сотни автомобилей на дороге образовали пробку. А вдруг аэропланы?

Возвращаюсь в дивизию к Галу. Где бригада и что делать? Узнаю, бригада там же. Приказ материалы сложить здесь, мы их не используем. Надо ждать, пока затихнет, и ехать... Еду назад, в темноте издали видна Вильянуэва — огромное пожарище. На дороге нервотрепка, многие автомашины возвращаются...

26 июля

Приезжаю ночью. Штаб там, где мы копали землянку. Мы едем на отдых. Смена еще не пришла. На линии худо, еле-еле сдерживают. Самолеты бомбят, пускают ракеты, освещаю-

щие местность. Что-то жуткое и прекрасное в этой картине... Бомбой убивает доктора Грозева. Тревожные звонки. Наконец-то приходит на смену «Гарибальди»¹. Трогаемся в путь в 4 часа утра и без передышки проходим расстояние в 15 км. Приходим, еле волоча ноги, в то самое место, где расположилась наша кухня. Фашистские самолеты настигают нас уже на новом месте. Яростная бомбежка. Убит Натан... Не успели мы расположиться, как вдруг приказ: «Приготовиться к обратному маршу...» К вечеру большая часть готова. Все одеваются, ждут приказа о марше... Приходит приказ остаться на месте.

27 июля

Похоронили Натана, на похороны приехал Гал...

28 июля

...В общем люди немного отдохнули и воспряли духом. Большинство готовы снова идти в бой. Да бригада-то малочисленна. Я собираю остатки 95-й бригады, расформирую и беру в «Genie» пополнить ряды. Хочу создать роту в 120 человек.

29 июля

...Все еще неизвестно, что с нами будет. Приехал Гал. Собрали всех политкомов. Много говорил о значении нашего наступления, о том, что мы доказали: можем брать инициативу в свои руки...

30 июля

...Переезжаем в Торреладонес. Идем по старым следам. Разместились на том же месте, где с Рашевым настигли бригаду после поездки в Альбасете. Ничего не изменилось, даже наши мешки с цементом и «ныне там».

¹ Батальон имени Гарибальди.

31 июля

Мы в Торреладонесе — в ожидании дальнейшего направления... У меня в роте теперь состав испанский — 75 человек, рота, которую я сам набрал и организовал и которую доведу до нормального числа в 120 человек.

О нашей группе говорят, что она доказала наши способности брать инициативу в свои руки. Это факт...

1 августа

Снова Торреладонес. Ночью движемся пешком в дальний этап (12 км) в Хого де Мансарес. Эти бессмысленные передвижения только изматывают людей. Неопределенность приканчивает. 1 августа¹, а у нас никто и не вспоминает об этом дне...

2 августа, Хого де Мансанарес

Красивый городок. Виллы из массивного камня. Архитекторам удалось придать им, несмотря на материал, уютный вид. кое-где они выглядят кружевными. Госпиталь. Много знакомых среди медперсонала и больных... Все на фоне величественной Сьерры. Приехал Миаха. Американцы узнали его, остановили автомобиль и заставили старика выйти к ним...

3 августа

Ночью еду за цементом с симпатичным шофером-испанцем и остаюсь ночевать у него в деревушке... Снова проездом был в Мадриде и немного пришел в себя. Вид беспечного Мадрида действует на фронтовика успокаивающе. Хотя другие возмущены такой беспечностью.

4 августа

Наконец привезли цемент, есть надежда пожить две недели на месте. К фабричным рабочим пришли девушки, и я присоединился к их компании. Бойкие, веселые девчата, швеи.

¹ Международный антивоенный день. *Ред.*

Красивые своей простой испанской красотой. По бойким и интеллигентным лицам их в Чехии можно было бы принять за студенток. А они неграмотные, не умеют ни читать, ни писать. Войну и революцию они еще не понимают, больше говорит на обычные темы — о женихах, о танцах. Крестьянская молодежь еще не пробудилась, она еще не понимает, что без революции не изменится ни жизнь, ни развитие. Другое дело в Мадриде. Там рабочая молодежь уже поняла и взялась за винтовку и книгу.

5 августа

Еще о поездке. Наш автомобиль задерживает милиционер, спрашивает пропуск. Пишет номер автомобиля в регистрационный лист; пишет на книге. Прервал чтение, пальцем заложил страницу. Мне удалось увидеть название книги — это арифметика.

Сегодня в штабе было собрание всех офицеров и сержантов. Докладывал Клаус — об уроках кампании в общем. Доклад интересный и важным. По всему видно, что мы теперь так скоро в наступление не пойдём и будем вести позиционную войну. Приезжал майор из корпуса — вновь назначенный начальник оперативной части дивизии.

6 августа

Я созвал сегодня собрание всех офицеров, сержантов и капитанов. Докладывал о вчерашнем реферате Клауса и наметил основы организации роты; выработали программу занятий. Работа налаживается.

7 августа

Снова собрание всех начальников батальонов и отдельных частей. Клаус, между прочим, относительно «Genie» приходит к старому выводу. «Genie» должно работать только по ночам. Использовать «Genie» днем — большая ошибка...

8 августа

Все по-прежнему. Занятия идут хорошо. Люди дисциплинируются. Наконец-то мы имеем кадры младших офицеров. Без этого дисциплина никак невозможна...

9 августа

Стали давать отпуска. Люди хоть немного придут и себя...

10 августа

Простудился, у меня высокая температура. Утром выехал в автопарк. Черт знает, как далеко и высоко забрался парк. Ехать в город надо 3 километра по отвратительной дороге. Машины портятся...

11 августа

Лежу. Ночью бредил. Вообще по ночам у меня кошмары. Все вижу горящую траву, вокруг бомбы, плен и прочее. Лежу целый день... Вечером приехал Клаус. Он много заботится о бригаде. Никто, кроме него, не производит инспекции батальонов... У Клауса с военной точки зрения много преимуществ.

12 августа

...Решили с Рашевым ехать в Мадрид. Поехали в бригаду за разрешением... Чопич приехал. Обстоятельства меняются. При встрече Чопич заявляет, что меня надо освободить для Альбасете, так как меня (так сказал он мне лично) требует партия... Я попросил разрешения поехать в Альбасете, выяснить дело. Выехал тотчас же. С приездом Чопича в штабе сразу повеял новый дух. Сразу сошла натянутость. Я получил портсигар и похвальный лист от бригады за храбрость.

13 августа

Альбасете, Альбасете-мама! Мыли тебя, мыли, чистили тебя, чистили. Все с тобою делали, а ты все та же, и дух в тебе тот же!

14 августа

Я бы уже мог ехать, да неохота. Больше полудня провел в исторической комиссии, давая материалы (по этому дневнику) о последнем наступлении. Очень интересная картина получается: «Минувшее проходит предо мною»...

15 августа

Снова полдня провожу в исторической комиссии. Затем в госпитале. Приехал Шайка. Все тот же. Парень с противоречивыми чувствами и хорошей душой. Приехал и Вилкс. Говорили все на ту же тему — о возможности поездки. Если поеду, то неохотно... Ночью выезжаю в бригаду.

16 августа

Приехал. Уже в Пераледе знал: в бригаде перемены... Мэримен на месте Клауса. Нельсон политком. Ванденберг — начальник оперативного отдела. В таком составе штаб обещает быть хорошим и, право, неохота покинуть бригаду. Говорил с Чопичем. Все ему объяснил. Чопич предлагает мне идти политкомом к «Димитрову». Я сказал: это было бы для меня честью. Пока остаюсь командиром «Genie».

17 августа

У меня горячка. Лежу. Вечером приходит доктор и уводит меня в госпиталь. Приехал Рашев. Он уже точно уходит из бригады. Жаль расставаться с этим замечательным в своем роде человеком.

18 августа

Я в госпитале, который устроил наш милейший доктор Гросфельд. Редкий врач столько работает, сколько он. На фронте он делал перевязки под градом гранат и бомб. Рядом ранило людей, и он тут же оказывал первую помощь. Во время отдыха он тоже хлопочет неустанно. Отыскал оставленный помещичий дом на горе и по собственной инициативе устроил госпиталь, вернее — дом отдыха. Так вот и я в этом доме. После обеда вдруг тревога. Бригада трогается в путь.

Меня, как пойманного зайца, везут в госпиталь. В направлении Валенсии идет целая вереница грузовиков. Доктор хотел поместить меня в госпиталь, и отказался, но в пути чувствую себя плохо и попадаю все же в госпиталь, но в другой...

19 августа

В госпитале нудно. Я еще дня два пролежу здесь.

20 августа

Завтра поеду...

21 августа

Оказывается, надули. Утром транспорт не пошел. Сиди у моря и жди транспорта, как арестованный. Долго ругался с администрацией, наконец, достал все-таки индивидуальный пропуск... в Валенсию! Сначала ехал на грузовике с мебелью, потом пересел в автомобиль американского врача. Еду с ними. Приезжаю в чудесную Валенсию. Так хочется остаться на денек. Но бригада только что тронулась с вокзала в направлении на север. Разыскиваю остатки бригады, едущие вдогонку...

22 августа

Едем, едем, едем, тянется товарный поезд. На север, по пути Валенсия, Барселона, берегом моря — красота! Наконец-то густая зелень кругом. А то все были кустарники. За эти восемь месяцев я отвык от густой листвы. Оказывается, в мире и даже в Испании еще существуют деревья (настоящие лиственные деревья, а не редкие оливы). У Таррагоны поворачиваем на запад. Каталония как-то приятнее, благороднее, чем вся остальная Испания. Мужчины и женщины выглядят по-рабочему. У всех энергичные лица. Сегодня 22 августа. Дата почти святая у нас в Латвии. Как давно это было и каким дорогим осталось в памяти. Демонстрация — небывалая в истории Риги¹.

¹ Массовая демонстрация в Латвии 22 августа 1928 г. в связи с угрозой буржуазных властей закрыть революционные профсоюзы *Ред.*

23 августа

Проснулся на станции. Называется Файон. Стоим здесь уже часов 10. Станция забита составами и войсками. Один бронепоезд. Часам к 3 начинаем волноваться, не саботаж ли, как долго еще простои́м? Начальник станции говорит, что и следующая станция забита, все пути заняты, нас не принимают. Взял авто в гвардии de Asalto и отправился разыскивать батальоны. Едем вчетвером: я, шофер от «Димитрова», еще один застрявший шофер и человек из отдела снабжения местного городского управления. Шофер немилосердно гонит машину. Кончилась вода. Кругом сушь. Подталкивая автомобиль, мы добрались до какой-то станции. Она, как и все, забита составами. Исправляем автомобиль, двигаемся «на авось» и все же достигаем Каспе. На вокзале — та же картина, только в более крупном масштабе. Иду о комендатуру...

Там комендант сказал мне, где находится корпус...

24 августа

Спал очень плохо, чувствую наступление горячки, наверно, у меня малярия. Утром договорился, что автомашина 153-й бригады доставит меня в Асайла, где находится наш корпус. Приехал в Асайла, нашел корпус, а оттуда меня доставили в бригаду. Оказывается, мы ушли от Гала. Мы в 35-й дивизии.

Кольцов приехал в сопровождении двух женщин...

Наши войска атакуют Кинто, городок побольше Вильянуэва-де-ла-Каньяда. Наши артиллерия и авиация действуют очень активно. Но фашисты держатся в городе очень крепко. У меня приступ горячки начинается, и я иду в свою роту, где лежу остаток дня. К вечеру приходят вести, что наши уже в городе. Однако фашисты забаррикадировались во многих домах. Главное — в церкви и оттуда стреляют по нашим. Много жертв из-за неосторожности.

25 августа

Движемся дальше. Наши в городе, но фашисты в отдельных местах еще держатся. Мы прокладываем дорогу, исправляем повреждения, нанесенные нашей артиллерией. В траншеях фашистов находим письма, довольно интересного содержания...

Толпы женщин, детей, стариков и старух. Многих фашисты увели из города, многих заперли в домах, а всех молодых девушек отправили в тыл.

В одном домике я нахожу секретные военные документы. Материалы о разведке и контрразведке, шифрованные телеграммы и пр. Передаю их Марковичу... Листер занял соседний городок Медиану. До поздней ночи артиллерия обстреливала церковь, где еще гнездятся фашисты, но результаты ничтожные. Даже башню не удалось сбить. Стены-то метровой толщины... Привели пленного офицера и двух солдат...

26 августа

Сегодня наконец заняли церковь, госпиталь и другие пункты, где держались фашисты. Уходит население — сотни крестьян и крестьянок, стариков и детей... а сегодня уходят уже и молодые. Эвакуируем пока всех, т. к. фашисты, по всей вероятности, будут бомбить город. Все происходит при полном соблюдении порядка. Приехал солдат, уроженец этого городка. Он встретился с женой, детьми, родственниками.

Повели пленного 500 человек, офицеров — 18 человек отдельно. Построили. Солдаты-фашисты поднимают кулаки: «Салют!» В это время — налет фашистских аэропланов. Бомбят Кинто. Пленные разбегаются по траншеям, но их скоро собирают снова... Часам к 3 сдаются фашисты, засевшие на горе, — человек 300. Теперь мы починаем разрушенное шоссе на Сарагосу. Бригада через Кинто движется вперед.

27 августа

Еще вчера нам придали роту фортификаторов. Вместе с ними исправляли шоссе. Закончив работу ночью, выехали в штаб. По-партизански раздобыли 2 автомобиля, хотя ни бригада, ни дивизия не могли их нам дать. Мы в 8 км за Кинто. Листер сражается за городок Фуэнте. Целый день мы в резерве. Получили благодарность и признание от командира дивизии... Опыта у нас стало больше. У нас четверо убитых... Вчера они ехали с материалом, им указали дорогу, вдоль которой засели фашисты (до сдачи), те взяли их под пулеметный огонь. Четверо, спрыгнувшие на другую сторону оврага, погибли. Я выехал с Ванденбергом спасать бутылки с

нитроглицерином из Кинто. В Кинто картина полного разгрома. Дома наполовину разрушены, в квартирах все перевернуто вверх дном. Пытаются взять Фуэнте и все же не могут. Кажется, не обойдется без вмешательства нашей бригады.

28 августа

Сегодня собрание командиров. Чопич говорит: «Как только Листер возьмет Фуэнте, нам придется двигаться вперед, преодолеть небольшое препятствие и наступать на Сарагосу». Нам, «Genie», снова чинить шоссе. Еду собирать материал. Наши уже всюду укрепились и скучают по Сарагосе. Сидим, ждем, ждем. Вот уже прошли все сроки, а Листер еще города не взял. Я опять установил связь с приданной нам ротой. Нам раздают отпечатанные поздравительные телеграммы от начальства из Барселоны... Новый штаб, хотя и хромает в смысле военных специалистов, зато состоит из честных и преданных работников, прошедших рядовую службу. Солдаты и офицеры уважают их и доверяют им. А это сейчас самое главное... Ночью не спалось. Беседовал допоздна с Чопичем обо всяких делах. Его мнение о штабе такое же. Сожалеет только, что мало у них опыта...

29 августа

Мы все еще на том же месте, а Фуэнте все еще не взят. Чтобы использовать время, мы, наученные опытом под Брунете, фортифицируем дорогу на случай контратаки. Задание интересное, и мы его хорошо выполняем. Работы много, фашистская авиация становится активнее. Но и наша противовоздушная защита работает хорошо. Как только появляются фашисты, наши пушки и истребители действуют, и фашисты, не разгружаясь, уходят. Вечером пронесся слух, что Фуэнте мы обогнем и пойдем другой дорогой вперед. Но это так и осталось слухом. Ночью прибыло много автобусов (все испанские автобусы использованы для войны) и привезли рекрутов. Всю ночь продолжалось движение. В небе закружили аэропланы. Рекруты разбежались во все стороны... От обвала горы, происшедшего в 100 метрах от места, где я спал, погибли 4 телефониста.

30 августа

Сегодня мы все там же. Продолжаем работать, укрепляем дорогу. До обеда пришли две роты из батальона фортификаций. После обеда не пришли, т. к. получили приказ ночью работать на самом фронте. Мы работали сами. На станции Пина стоит прекрасно оборудованный санитарный поезд. С Рашевым пошли посмотреть. Санитарки, не стесняясь, купаются полуголые. Эмансипируются испанки! На вокзале хороший госпиталь. Видно, в медуправлении хорошая организация. Нас немного побомбили сегодня, но вообще это не Брунете. Вечером приказ приготовиться. Мы уезжаем, кажется, в Кодо. Значит, огибаем Фуэнте и идем другим путем, где Бельчите уже окружен. Едем ночью. В пути уже начинаю чувствовать наступление горячки. Значит, у меня действительно малярия.

31 августа

У меня горячка. Лежу целый день и не вижу, что делается в Кодо. Говорят, много трупов. Наши много работают, готовя помещение для штаба. Хоронят мертвых. К вечеру приходит приказ: сниматься с места и идти в направлении Бельчите. Будем брать этот город. Он окружен со всех сторон. Идем, я еду на нашем грузовике. Проходим 4 км по ужасной дороге и убеждаемся, что мы заблудились. Решили переночевать на месте и утром отправиться искать бригаду. Кухня работает очень плохо. Нас теперь кормят англичане и американцы (из-за недостатка автомобилей число кухонь сокращено, и мы не имеем кухни). Дивизионный политком сказал, что продуктовый паек увеличат на 50 процентов, а фактически, из-за головотяпства кухарей, мы, «Genie», получаем теперь плохую пищу и мало. А мяса-то и всякой жратвы кругом полно, другие батальоны питаются хорошо... хорошо работает доставка воды, не то что в Брунете, когда люди мучились от жажды.

1 сентября

Прихожу в себя от горячки. Прибыли на место, километрах в двух от Бельчите. Батальоны расположились над самым городом и собираются брать его. Самолеты понемногу бомбят

нас. Есть раненые, да и сюда долетают пули. Фашисты окружены, но, кажется, собираются сопротивляться. Они обречены. Городок большой 18 тысяч жителей. Наша артиллерия бьет основательно. Днем мы подвозим солому на автомобиле, сколько можно. При этом попадаем под обстрел. Вечером транспортировали для «Димитрова» и американцев взрывчатые вещества и эту солому. В американском батальоне руководит лично Мэримен. Политком Нельсон тоже на фронте... Ночью подвозим мешки для американского батальона. Часов в 12 ночи, как только вернулись усталые люди, звонит Мэримен, чтобы все вернулись работать! Мы вернулись. Делали ход в возвышенной местности. Мэримен немного нервничает. Кажется, зря.

2 сентября

Бельчите все еще не взят. Мы засиделись, а между тем фашисты начинают напирать на Медиану. С той стороны слышна канонада. Часто налетают на нас бомбардировщики. Бомбят. Сегодня здорово бомбят. Если мы еще задержимся под Бельчите, мы можем сами оказаться осажденными. Удивительно, что они так держатся. Говорят (со слов перебежчика), что они эвакуировали из города всех мужчин и всю молодежь. Черт возьми, как у нас мало политработы, агитации. Нашего автомобиля с радиоустановкой именно теперь нет, когда он мог бы сослужить нам большую службу. Вечером (в 6 часов) идем приготовить мешки для прибывающей артиллерии. Попадаем под бомбежку. Всю ночь работаем в американском батальоне и на укреплении подступов к Бельчите, где больше всего раненых и убитых. Люди работают до 5 часов утра, почти до упаду. Питание из рук вон плохое. Я не попал на собрание командиров. На нем говорили о выделении ударной группы для занятия города.

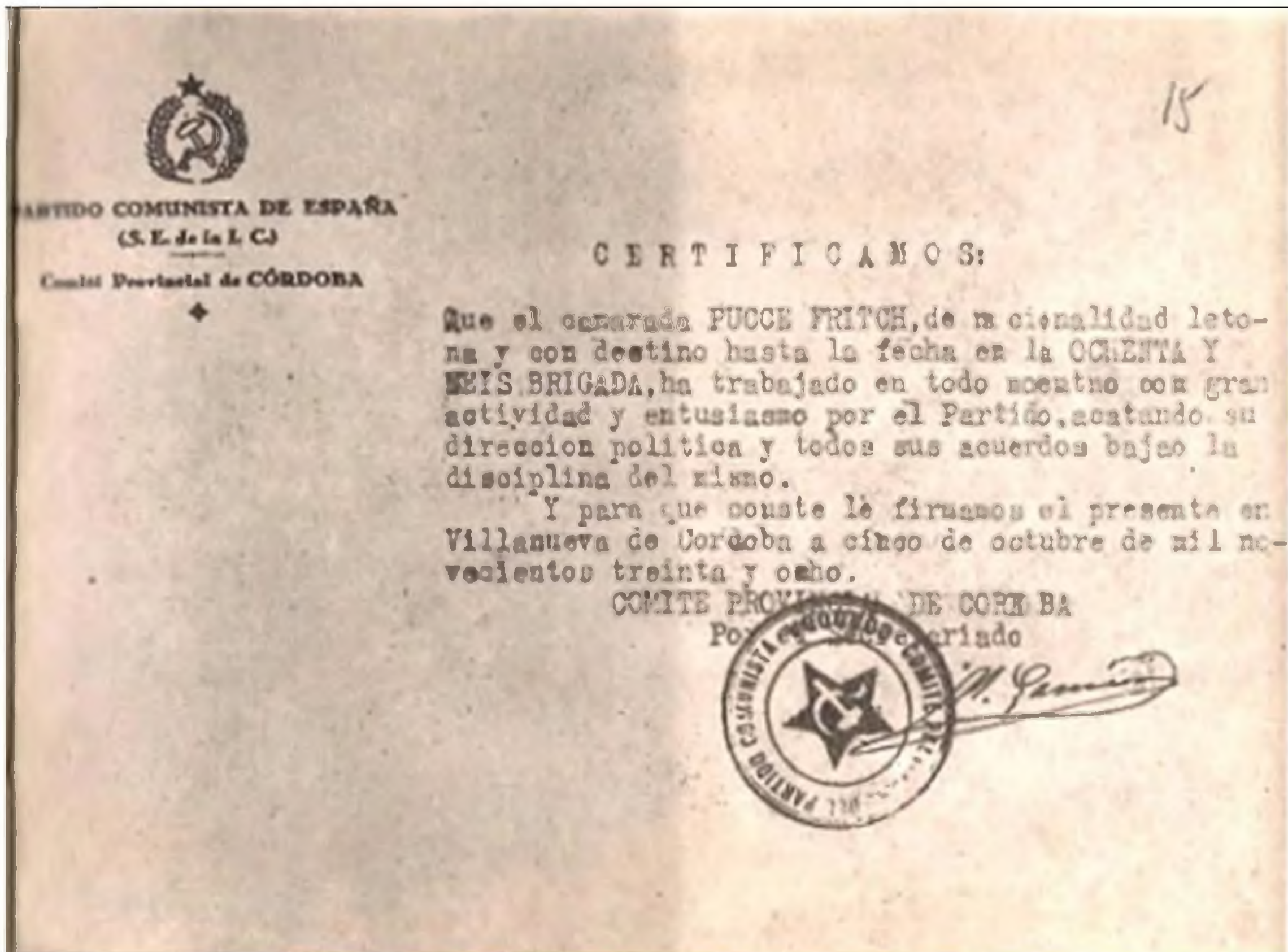
3 сентября

Утром я отправился на розыски английского батальона, который направлен на 8-й км в сторону Медианы для резерва. Там 11-я бригада и Листер. Фашисты напирают... Положение серьезное. К Бельчите продвигаемся понемногу и с

Борец-интербригадовец В. Затлер

Характеристика на Ф. Пуце, выданная Коммунистической партией Испании

Членский билет Коммунистической партии Испании интернационалиста Я. Беннкиса

Благодарность Р. Теллеру от правительства Республики Испании

потерями. Узнал, что убит Вернус, командир пулеметной роты им. Жижки¹ — грек². Чудесный был парень.

Ванденберг жаловался на нерешительность Мэримена — начальника штаба. Собственно, и Чопич говорил мне, что Мэримен — профессор, а не военный. Американский батальон сильно деморализован. Много жертв. Чопич требует атаки, ведь уличные бои требуют совершенно другой тактики. Мэримен вместо того, чтобы поднять дух батальона, фактически поддается его настроению: люди устали, атаковать невозможно. Об этом рассказал Ванденберг. Ночью мы строим для «Димитрова» через улицу баррикаду и коммуникации. В этом районе много жертв. Похоронили политкома 24-го батальона.

4 сентября

Сегодня до обеда батальоны почти не продвинулись вперед. Это нас задерживает, а т. к. фашисты со стороны Медианы (17 км отсюда) продолжают наступать, то наше промедление может стать роковым. Чопич энергично берется за дело, командует, ругает Мэримена. Артиллерия наша бьет вовсю. Показалось штук 27-30 наших самолетов. Это подняло дух, ведь нас сегодня здорово бомбили. Наши бомбардировщики летели в сторону на запад от Медианы и бомбили там... К вечеру американцы взяли церковь. Мы доставляем батальонам боеприпасы и взрывчатые вещества, а также строим лестницы и прочие коммуникационные сооружения в разрушенных домах. Пробиваем в стенах дыры для пулеметов...

5 сентября

С утра пошли в Бельчите. Батальоны заметно продвинулись вперед, и мы разобрали свою баррикаду. Расчистили дорогу от трупов людей и лошадей и отремонтировали ее. Теперь машины могут ехать до фабрики, где расположился «Димитров». Пущены в ход танки... После обеда я вернулся в Бельчите, продолжал работу. Взятие города продолжалось, но продви-

¹ Пулеметная рота имени чешского национального героя Яна Жижки (1360-1424) *Ред.*

² Здесь и в других местах автор употребляет условные названия национальностей. Вернус — чех, а не грек. *Ред.*

галось медленно. Приехал сам Чопич, обошел позиции... Ставил в пример «Чапаева». И заслуженно.

Фашисты еще держались в десяти-пятнадцати центральных трех- и четырехэтажных домах. Улицы так узки, что танки не могут въехать.

«Димитровцы» пробивают дыры в домах, бросают гранаты. Ночью везем гранаты. Из агитационной машины несется обращение к фашистам: «Сдавайтесь, или будет поздно».

Я вернулся. Только заснул, будит Ванденберг; надо ставить охрану из «Genie»: среди сдающихся в плен и штатских прорвалась группа вооруженных фашистов.

Очень тревожная ночь. Бодрствуем и в боевой готовности. Всю ночь идут пленные и гражданское население.

6 сентября

Наконец утро. Тревога была преувеличена. Моток пленных идет непрерывно. Город взят. Население радостно приветствует нас. Идут женщины и дети.

Поехали в город за материалами для роты... Город выглядит ужасно. Буквально нет ни одного дома, не поврежденного артиллерией. Развалины, трупы на каждом шагу. Дохлые лошади. овцы. Смрад непередаваемый. Батальоны выходят из города.

Собрание командиров. Чопич поздравляет: 15-я бригада взяла город. Не заслуга. Наполеон не мог взять Бельчите. Действительно. Бельчите и Кинто — это две естественные крепости. Пленных около тысячи. Чопич хвалит всех командиров и солдат... Предлагает производить солдат и унтер-офицеров в офицеры. Теперь — отдых, а в ближайшие часы или дни нам, пожалуй, придется защищать Бельчите. Посылаю людей опорожнить мешки. Этим спасли 2000 мешков. Еду осматривать дороги. Они в ужасном состоянии. Придется нам исправлять их.

7 сентября

Мы в ожидании. Никуда не едем, никуда не идем. Дела на фронте поправляются. Кажется, обойдутся без нас. Английский батальон тоже должен сняться с позиций. Поговаривают о том, что мы пойдем в отпуск. Люди мечтают о Валенсии...

А пока мы лежим на пыльной дороге и ждем. Ехали в Коло, на кухню «Димитрова». Я сочинил гимн для бригады.

Оказывается, когда фашистские офицеры бежали в ночь на 6-е, они напали на наш телефонный пост и убили испанского лейтенанта, который был прикомандирован к нам в Амбите. Это был молодой типографский рабочий, он много читал нашей литературы...

8 сентября

Мы все ждем на том же месте. Приехал Шайка, получил назначение к «Димитрову». Целый день я маялся от бездействию. Вечером поздно беседовал с Чопичем о делах минувших, о «Genie» и прочем... Очень много делает английская партия и лично Гарри Поллит в деле усвоения опыта Испании...

9 сентября

После обеда — приказ двигаться. Наконец-то. Едем километров за 25, в какую-то оливковую роту. Значит, опять не в город. Едем на отдых, одновременно и в резерв. Каждую минуту можем сняться. Нам, «Genie», предстоит построить помещение для штаба и делать прочие мелочи. Ночью сильный ветер.

10 сентября

Проснулся с ужасной болью в правом боку. Доктор подозревает у меня плеврит и направляет в госпиталь в Ихар. Госпиталь дрянненький. Народ в основном из 11-й бригады, немцы. Встретил здесь чешскую делегацию, Шверму и других.

11 сентября

Все лежу в госпитале. Из окружающих людей внимание привлекает капитан Мюллер из «Эдгара Андре»¹. Типичный

¹ Батальон имени Эдгара Андре.

немецкий офицер, с проседью (лет 40—45), с аристократическими чертами лица. Был заключен в концлагерь в Гамбурге...

Рассказывают, будто в Кинто найдены скрывавшиеся фашисты и будто их было 50.

12 сентября

Госпиталь в Ихаре. По-прежнему лежу. Приехали Абрам и Липкин. Палкавниек ранен — рассказал Липкин. 12-я и 15-я бригады передвинулись дальше в тыл, в Альбалате. Липкин рассказывает, что у них югославы из противотанковой хотят перейти в формирующуюся югославскую бригаду...

Мой сосед Мюллер в восторге от голландцев, он долго жил в Голландии как эмигрант.

13 сентября

Все еще в госпитале... Ездил с Абрамом в Альбалате, где расположилась наша бригада. Вернулся в госпиталь. Завтра возвращаюсь в бригаду...

14 сентября

В обед вернулся в бригаду в Альбалате. Оказывается, бригада готовится в путь. Собрание командиров. Чопич сообщает: в Сарагосу прибыли «черные пики»¹. Собираются делать контратаку на Бельчите и Кинто. Части, находящиеся там, слабы. Многие только на передовой впервые получили винтовки. Резерв и теперь часто без винтовок. Мы вернемся на свое место, чтобы в случае надобности ударить на Кинто или Бельчите. «Димитров» остается пока у нас, даже отголо-совал, что хочет остаться... Батальон «Димитрова» — костяк бригады. Рашев уходит. Чопич согласился его отпустить. В полночь приходит наша очередь отправляться. Нам дают автомобиль для материалов... Он застрял в узкой улице, и мы до утра провозились с ним. В 6 часов утра приехал на старое и новое место бригады.

¹ Марокканские наемники. *Ред.*

15 сентября

Приехали на старое место в Винасете. Слышна артиллерийская канонада. Раньше ее не было. Значит фашисты продвинулись. Батальоны прибывают очень медленно. Штаб еще не приехал. Гранель говорит, что ямы на шоссе у моста Альбалате сделали анархисты. Будто анархисты, узнав, что мы приезжаем в город, хотели взорвать мост и шоссе, воспрепятствовать нашему приезду, но в последний момент испугались нашей силы. Так будто бы рассказывают все жители города. Анархисты будто бы засорили здешний источник соломой, чтобы мы не имели воды. Теперь солдаты «Димитрова» должны чистить источник. Это факт. Да и ямы на шоссе — факт...

16 сентября

Сегодня мы на том же месте. Строили помещение для штаба. Он все еще торчит в Альбалате. Рашев вместе с нами ждет штаб, чтобы уехать. Думаю в политкомы выдвинуть Аранхуэте, парень он рабочий. Скромный, трудовой. Член партии. Участвовал в забастовках, был волонтером. В политике пока не силен, но чутье имеет... К вечеру Рашев уехал и вернулся с Чопичем. В Чопиче подкупает его абсолютная простота и ненатянутость в отношениях. Чопич говорит, что Листер формирует свой корпус, и потому наш корпус будет реорганизован...

17 сентября

Штаб переехал наконец в соседнее местечко. Мы, «Genie», теперь в хвосте. Рашев приехал вместе с ними, все еще не выехал в Альбасете. Я был рад видеть его еще раз. Вернулся Каган, теперь он политком «Димитрова». Молодец парень...

В Сампере много материалов для «Genie»...

18 сентября

Вчера вечером — срочное собрание командиров у Чопича: готовиться в путь. Кроме того, привести в порядок картотеку.

Все мы наконец получили легитимации¹. Сегодня весь день готовился к отъезду, да так никуда и не поехал. Ездил в Сампер, получил материалы. В газетах сообщение, что умер Масарик (15-го)...

19 сентября

В мою роту прикомандированы новички. Это все штатские каталонцы, по большей части те, кто своевременно не явились по призыву. Из 15 человек 6 жалуются, что «неспособны к службе». Придется отправить их к доктору. Видно, атмосфера Каталонии разъедает людей. С Чопичем и Стефановичем (они приехали сюда на день) ездили за Каганом в батарею им. Готвальда, да не застали ее. Они уже снялись с места. Штаб бригады заметно организуется на военный лад, да людей военных в штабе не хватает... В Альбасете все еще идет реорганизация...

20 сентября

Сегодня исправляли дорогу. Мы все на том же месте. Долго ли еще? У «Димитрова» — торжественное собрание и смотр в честь Масарика. Каган сказал: «У свежей могилы замолкают разногласия»... Я (от имени «Genie») сказал: «Чехословакия находится накануне испанских событий»... А Чопич произнес часовую речь, кончил хорошо...

21 сентября

Я собрал людей, растолковал им смысл новых приказов. Возражений не было. Ждал Мэримена, чтобы выехать в Бельчите. Хотят там захоронить в общей братской могиле погибших бойцов 15-й бригады и поставить памятник. Мэримен не приехал. Вернулся Нельсон. Уже здоров. Возвращается в Америку. Мельчает бригада. Мы все еще в положении неизвестности. Беседовал с солдатами-испанцами... Разницу между коммунизмом и анархизмом улавливают каким-то природным чутьем, говорят — идеал анархистов: «*avanzado*»², но он недостижим. А раз недостижим, то это пустое слово...

¹ Удостоверения.

² Прогрессивный, радикальный. *Ред.*

22 сентября

Ездили за материалом в Сампер. Получили зимние вещи в интендантстве...

24 сентября

Рано утром созвали командиров и секретарей. В регистратуре нет порядка, поэтому Альбасете не дает денег. Канцелярская работа надоела по горло...

Люди тревожатся из-за отпусков. Томят бригаду в роще, в город не пускают, а враг не дремлет, агитирует. Люди не спокойны. Приехала Фрида Гинцбург. Узнаю печальную новость: «Димитров» уходит. Приехала югославская делегация — писатель Цесарец. Пришел приказ отдать «Димитрова». Трогательное прощание. Парады, речи. Чопич, политком, я и Мэримен...

25 сентября

Все старики разъезжаются... Славяне расходятся по другим бригадам... Приехал Ванденберг. Теперь он переходит не то в корпус, не то в дивизию в отдел фортификации. Вечером был у Чопича. Он высказывает опасение за судьбу батальона «Димитрова», потому что в 45-й дивизии теперь слабые бригады («Гарибальди». «Домбровский»)¹...

26 сентября

Чопич сказал вчера, что завтра, т. е. сегодня, начинаются операции и что «Димитров» примет в них участие. Мы начинаем наступление, но не на Сарагосу... После обеда ездил в Пуэбло-де-Ихар получать материал для организации конкурса стрельбы по цели. Днем делали траншеи для этого стрельбища. К вечеру пошел сильный дождь. Ливень наполнил наш гараж водой, и все одеяла промокли. В кухне нельзя было развести огня. Пришлось переместить кухню в городок, где помещается штаб, в бывшую кухню «Димитрова». Туда же

¹ Батальоны им. Гарибальди и им. Домбровского.

перевезли и материалы. Несмотря на проливной дождь, я все же ночью вернулся в поле к своей роте. Спал в палатке у Гранеля...

28 сентября

...Получили новые палатки чудесной конструкции. После обеда выехали в Бельчите за столами и мебелью. Городок все такой же, весь в пробоинах. Нет дома, куда бы попал только один снаряд. Минимум 2—3 пробоины. Трупов больше нет. Охрана соблюдает порядок... Мы посетили опустелые дома. Зажиточно жили люди в вековых гнездах. Тут же документы на собственность с XVIII столетия, завещания, собранные целыми поколениями. Все это валяется на полу среди вещей. Много католических реликвий. Вернулся в Альманвель. Получен приказ двигаться...

29 сентября

В дороге. Едем. «Genie», 24-й батальон первая часть конвоя. 24-й затерялся, пошел по другой дороге. И пока его разыскивали, мы стояли в Сарпыне. Хороший гостеприимный городок. Зашли поесть в частный дом... Вечером двинулись дальше. Организация перехода плохая. Никого из штаба не видно. Части идут и возвращаются. Уже и так мы опоздали на сутки. В городе Граньене встретили Чопича. Ему нездоровится. Велел ехать в Сенес. Прибыли ночью. Разместились в церкви и в доме... Создается вторая рота им. Масарика. Чопич предлагает назвать именем Масарика батальон, а именем Димитрова бригаду.

30 сентября

...Нас навещают бомбардировщики. В полукилометре стоит Лаштовичка со своей частью. Получил от Лены¹ письма. Наконец-то она кое-как устроилась. У нас появляются новые лица. Пулеметный инструктор — мексиканец². Простой, симпатичный человек. Видел Лаштовичку

¹ Елена Шварц. Ред.

² Здесь и дальше в дневнике: «мексиканский» — советский. Ред.

1 октября

Съехались. Итак, Сенес, новое наше местопребывание. Прилетели фашистские бомбардировщики и улетели восвояси. Ходил в Готвальдовскую батарею... Лаштовичку не видал. У них ужасная организация. Люди сидят без пищи и одежды... Днем получили приказ о создании корпуса с генералом Вальтером во главе. Вечером срочно созывается собрание комбатов. Завтра начинаются операции. Наша бригада должна передвинуться на несколько километров, оставаясь в резерве. Мы, «Genie», должны двинуться на рассвете в 5 часов. Исправляли в пути дорогу, которая в очень плохом состоянии. Принимаю нужные меры и иду спать. Ночью будят меня. Льет проливной дождь. Операция невозможна. Марш отменен. У Лаштовички в болоте завязли машины, и он просит нас помочь вытянуть их. Решили отложить это до рассвета.

2 октября

На рассвете всей ротой идем в батарею им. Готвальда. Вытаскиваем машины из топи. Готвальдовцы промокли до костей. Нет палаток, нет одежды, почти босиком в насквозь мокрой обуви. Без хорошей пищи... Вернувшись, спрашиваю у Мэримена, надо ли работать на дороге. Он говорит, не надо. За это после обеда на него обрушивается Чопич... Я расставил людей для работы на дороге, а сам поехал с Чопичем посмотреть позиции. Поехали командиры батальонов... Позиции пока крепкие. Мы были уже дальше, да откатились под напором танков. Теперь мы собираемся вновь взять потерянное, да вот дожди мешают. Вечером и ночью снова проливной дождь.

3 октября

Все дождь и дождь. Работать невозможно. Дорога вся залита водой. В «Frente Rojo» поторопились сообщить, что мы атакуем Зуэру и заняли те высоты, занять которые действительно было предусмотрено в диспозиции. Но все это не было осуществлено из-за дождя... Все время льет дождь. Вечером

¹ «Красный фронт» — орган Компартии Испании.

встретили батарею им. Готвальда. Она вернулась назад. Дело в том, что вчера Лаштовичка выбрал для нее новое место, и они туда перебрались. Но после дождя и там тоже образовалась топь, с пушками они еле-еле выбрались оттуда... Вечером пригласил Чопич к ужину, и мы засиделись до поздней ночи. Спорили...

4 октября

Весь день работали на дороге. После дождей она как резервуар с водой. Мы делаем сток, выравниваем понемногу ухабы, поднося камень там, где может образоваться или образовалась топь. У Лаштовички пропал один трактор с инструментами, и он, бедняга, мечется в поисках... Вечером и всю ночь снова лил проливной дождь.

5 октября

Целый день продолжали работать на дороге. В пять часов раздавали подарки солдатам, отличившимся под Кинто и Бельчите. Был парад, и Чопич объявил, что меня произвели в капитаны. Сегодня был первый солнечный день. Если погода удержится — операции смогут начаться. Все солдаты и сержанты поздравляли меня с повышением...

6 октября

Сильный ветер и холод. Не у всех есть шинели и теплое белье. Продолжаем работать. Беседовал с Чопичем о работах «Genie»...

7 октября

Ездил с Гранелем в Буньоль раздобыть трубы и материалы. Материальный парк возглавлял здесь капитан-анархист. Он выдал мне все, что я просил, совершенно не смещаясь тем, что наша бригада относится к другому корпусу. Было видно, что он рад освободиться от «лишних материалов», так необходимых на каждом шагу в военном деле. Вечером в церкви мы устроили вечер импровизации и декламации. Удивительно, сколько песен и частушек сочинили испанцы про 15-ю бригаду. Кинто и Бельчите.

8 октября

Сегодня приказ оставить работы на дороге и приступить к фортификации 2-й линии. Наша дивизия занимает резервную позицию. Ездил с Чопичем и Мэрименом обследовать эти места... Были представители 11-й и 32-й бригад. После обеда сразу же приступили к фортификации и проделали большую работу. Мюльман привез мне подарок от Бинки (Кур) — «Маленькие трагедии» Пушкина. Прекрасно.

9 октября

Продолжаем фортификацию. Вечером внезапный приказ: сниматься, готовиться в далекий путь. Автомобили должны были подойти в 10 часов вечера, но не явились, и мы не спим и не бодрствуем на сложенных вещах, готовые к отъезду и усталые от ежедневной работы. Во время работы днем прилетали бомбардировщики и бомбили нас. Кружились около часу, как под Брунете.

10 октября

Автомобили приехали в 4 часа утра, и мы двинулись. С разными приключениями прибыли в Кинто. Как будто на родину вернулись! Каждая развалина мила. Войск здесь до черта. Много кухонь и лазаретных пунктов. Очевидно. «Димитров» со своей бригадой на фронте. Во всяком случае интендантство здесь... Встретились с саперами, с которыми работали под Брунете. Действительно, теплая встреча!

11 октября

Мы в Кинто. Это одно из самых приятных мест в наших бесконечных переходах. Мы зачислены в армейский резерв. 45-я дивизия на фронте, она должна взять Фуэнтес-де-Эбро, а мы в резерве и должны использовать время для учения. И снова без нас, «Genie», не обойтись. Мы делаем мишени и роем траншеи для стрельбища. Инструктор «мексиканец» — прекрасный парень, просто самородок. Крестьянин: до 18 лет был неграмотным, впрочем, таких уже нельзя называть само-

родками. Это кадры, закаленные республикой. Он много рассказывает о своей жизни, и это самое интересное, что мне когда-либо приходилось слышать! Здесь где-то «Димитров», а я не видал его. В разрушенном Кинто собрали материалы и создаем при «Genie» столярную мастерскую. Был в разрушенной церкви, которую долго не сдавали фашисты. Там много старинных документов, которые валяются по земле. Надо собрать.

12 октября

Кинто. Продолжаем рыть учебные траншеи... Будет организовываться чешский батальон. Уже есть люди для второго батальона, который назовут именем Масарика. Комбригом хотят назначить Чопича. Меня хотят послать в другое место, кажется, политкомом в батарею им. Готвальда.

13 октября

После полуночи расстались с Чопичем. Отправились спать... вдруг приказ. Мы движемся в сторону Фуэнтес-де-Эбро. Мы, «Genie», переехали на 33-й км, там мы уже рыли когда-то окопы. Артиллерия немного опоздала, все же подготовлена она неплохо и наших аэропланов много. К 12 часам прибыло много танков, на каждом — отделение солдат из 24-го испанского батальона. План таков — на танках высадить десант в тылу противника. Много шума и преждевременного ликования. Результат эффектного начала плачевный.

«Макензи-Папино»¹ прекрасный батальон — замена «Димитрову». Он продвинулся вперед. Я пошел к «линкольновцам», но англичане — ни с места. В первые же минуты убиты политкомиссар и командир английского батальона. Ранен политкомиссар 24-го батальона. Десант потерпел ужасное поражение. Почти весь 24-й батальон ликвидирован (убитые, пленные). 26 танков застряли у противника. Погибло много танкистов. Вся эпопея получила название «авантюра с танками». Ночью мы долго работали в батальонах.

¹ А. Макензи У. Л. (1795 -1861). Папино Л. Ф. (1786-1871) — руководители освободительного движения в Канаде.

14 октября

Огорчение из-за неудавшейся «авантюры» всеобщее и ужасное, хотя люди не представляют себе размеров потерь и их морального значения. Сегодня тихий день, не наступаем. Нам придают две роты саперов, 400 человек...

15 октября

Пришел утром с работы, немного поспал. Потом меня вызвали в штаб. Прикомандированные к нам саперы ушли в Кинто, и я выехал наладить связь с ними. Говорят, создается план обороны, а наши позиции придется оставить и отступить... Вечером узнаем, что план обороны действительно существует и наша работа напрасна. Мы уйдем. Хотел даже отозвать своих «Genie», работавших у «Макензи-Папино», но Мэримен не разрешил.

16 октября

Нового ничего, что подтвердило бы информацию, полученную вчера вечером. Чопич все еще в Кинто. Командует Мэримен. В 4 часа была назначена атака 6-й бригады, мы должны поддержать огнем. Это — операция с ограниченной целью: спасти увязшие на территории противника танки... Несмотря на перестрелку, мы работали ночью и закончили все, что было задано.

17 октября

Работу окончили лишь в 5 часов утра, сделали для английского батальона пулеметное гнездо и 80-метровую коммуникацию перед позициями. Несколько человек увильнули от работы, явно переоценив опасность ситуации. Я поставил их перед ротой и заставил роту судить их проступок. Это подействовало. Весь день они ходят пристыженные и как в воду опущенные... Присутствовал на конференции при утверждении нашей линии... Ночью продолжали работу.

18 октября

Продолжаем напряженные фортификационные работы. Днем сильно бомбили с аэропланов. Била скорострельная артиллерия. Стреляют по окопам и по резерву. В американском батальоне разрушены окопы, засыпало людей. Трое убитых и 17 раненых. Возле штаба неожиданно разорвались вражеские артиллерийские снаряды. 5 раненых. Особенно запечатлелся в памяти испанец с окровавленным лицом... Вечером приходит капитан и сообщает, что получил внезапный приказ всецело подчиниться 15-й бригаде и работать по ее указанию. Отправляемся на работу. Полная луна. Неприятель ясно видит работающих. Стреляют пулеметы. В результате в батальоне фортификации двое убитых и трое раненых, у нас один раненый...

19 октября

Продолжаем работать, завоеывая территорию инженерным способом... Многие линии потом оказываются излишними. Поэтому конфликты с батальоном фортификации. Они хотят сделать стабильные линии и кончить. Но исходные пункты стабильной фортификации еще не завоеваны... Вечером их политком хотел со мною поговорить о положении у них, но наедине побывать не удалось. Мы успели только сообщить друг другу, что оба мы — коммунисты. Был в Кинто...

20 октября

Работа идет полным ходом. Ведем подкопы, продвигаемся вперед, занимая более выгодные холмы и укрепляя их. Ночью на работе снова одного ранило. Тем не менее ребята работают самоотверженно. День проходит все в той же возне с батальоном саперов. Штаб переезжает в новое помещение, приготовленное нашей ротой. Работы тьма. Не спишь, не ешь...

21 октября

Ездил в Сампер за материалами. Ничего там не нашел. Встретил чехов, «новобранцев», ожидающих направления на фронт. Хорошие ребята. Остановился в Кинто. Наслушался

«чудес» о походе димитровцев. Славные ребята. Главное, что есть у чехов — это внутренняя сплоченность... Ночью продолжали работать над коммуникационными траншеями. Вообще наша бригада уже имеет теперь прекрасные, добротные сделанные позиции.

22 октября

Приехал Чопич. Я был у него. Он сообщил коротко о результатах своей поездки. Он смещен. Приказ еще не опубликован. На него взваливают ответственность за неудавшуюся акцию под Фуэнтесом 13 октября. Это для него удар. Он еще надеется на повышение (дивизия!). Но это вряд ли вероятно. Встретился я с «мексиканским» фортификатором. Между прочим, во главе здешних инженерных войск стоит «мексиканский» майор... Вечером не работали — дождь! Беседовал с нашими ребятами на политические темы. Они слушали с большим интересом.

23 октября

Чопич едет на несколько дней в Валенсию. Я с ним. Выезжаем в 12 часов ночи. Пока я провожу вечер в обществе «мексиканских» фортификаторов. Спорили о засоренности русской научной терминологии. Латыш Вецгайлис перевел спор на другие рельсы.

24 октября

Валенсия. Приехали в воскресенье. Всю ночь проболтали с Чопичем. Он легко раскрывает душу. Заехали к представителю американской партии (не помню его имени)... Встретил Рашева. Он работает в министерстве электриком. Видно, устал от фронта. А мне пока неохота сюда.

Встретился с Листером.

Фронт очищает душу. А у тыловиков это такое чувство самоуничижения. Ужинали с Чопичем и югославами...

25 октября

Чопич, как видно, огорчен и все живет надеждами. До обеда — покупки и встречи. Обед...

Едем в Барселону. Чопич рассказывает свою биографию... Он полагает, что его переведут комендантом на базу и предлагает и впредь работать вместе. Когда я уезжал с Чопичем, Доран, политком бригады, сказал мне: «Ты, Шмидт, должен остаться у нас, ты не уходи из бригады!»... Были в Беникасиме. Ночью — в Барселоне. Шофер — испанец, хороший парень. коммунист.

26 октября

Барселона. Жемчужина Средиземного моря. Чудные отели. Сытные обеды — за огромные деньги. Магазины полны... После обеда уехали «домой», в Кинто. Астурия пала. А политкомиссариат не разъясняет этот вопрос массам. Люди кормятся слушками. Слабая политработа сыграет с нами злую шутку. Забыл написать, что 24-го познакомился с Листером. Чапаев? Нет, не Чапаев. Все же видна «мексиканская школа».

27 октября

В Кинто вернулся в роту, как в свою семью. Приятно видеть, что люди выросли... Работали хорошо. Гранель теперь поедет в отпуск. Однако бригада должна двинуться, и по всей вероятности — на Центральный фронт. Мы в ожидании отъезда. Люди бродят ни то ни се. Приказа об уходе Чопича еще нет, он и сам не знает, что ему делать... Приезжал атташе американского посольства. Это, конечно, широкий жест. Политическое значение американской бригады очень велико...

28 октября

Гранель уехал в отпуск... В 8 часов Чопич назначил конференцию «Урок Фуэнтес-де-Эбро». Критиковал действия корпуса. Было интересно, но грустно. Вечером в штабе стихийно получилась вечерника с песнями... Мэримен поднялся первым, прекратив этим вечеринку.

Чувствуется, что Мэримен совсем не расположен брать бригаду в свои руки. Все же это приятный, добродушный и честный работник: при всех его слабостях можно гордиться таким кадром!

29 октября

...Меня хотят назначить политкомом лагеря офицерских школ. Неожиданность. Пошел посоветоваться с Чопичем. Он советует съездить и присмотреться... А уходить с моей работы, как от детища — страсть, как не хочется! Все же поеду и посмотрю, что там. Очевидно, Чопич собирается отметить мои «заслуги» в приказе, а мне-то что до них, хотя приятно сознавать, что принес пользу. Вечером у нас ужинали Чопич и его гости (югославы и русские), было очень уютно. В тот же вечер отъезд машин, отправляющихся в Мадрид.

30 октября

Ехали всю ночь. Река разлилась, и пришлось сделать большой крюк.

Машина на полпути сломалась, и я пересел на первый попутный грузовик. В нем крестьяне едут в Кастельон. Критикуют коллективизацию. Рассказывают о распавшихся колхозах. В Испании колхозы невозможны, говорят они. Объясняю им, как проходила коллективизация в СССР; рассказываю о роли индустрии и о «головокружении от успехов»... Соглашались. В Кастельоне обедаю и на попутной машине еду в Валенсию. Встречаю Рашева. Он работает все там же. Работа мелкая и теперь несвоевременная для нас, а в частности, думаю, для него. Ужинаем на базе. Там встречаю санитарок из Мурсии... Приехали на съезд женщин-антифашисток. Кино. Чудесный фильм. Танцор-пират. Я уже отвык от этого.

31 октября

Ночевал у Рашева. Утром выехал на базу искать транспорт на Альбасете встречаю Кагана и Шайку. Они мне рады. Едут с планом организации чехословацкой бригады. Их план; Чопич — командир, я — адъютант, Каган — политком... Приехали в Альбасете. Там совещание кадров.

1 ноября

Белов в Валенсии, и я вынужден ждать. Ожидание проходит в разговорах и встречах. Как скудна жизнь здесь, в Альбасете... Вечером Каган был у Белова (я его прозевал) и

пришел разочарованный. Белов поставил вопрос по-другому. Обещал поговорить с Галло, а пока вопрос открыт. Возникла новая идея: оставить меня в бригаде, послав политкомом в батальон им. Масарика.

2 ноября

Сегодня утром был смотр на площади. Потом я пошел к Белову. Он удивлен, зачем я приехал... Белов сказал: «Чехо-словацкие кадры свободны от шовинизма, чехи политически в этом смысле на высоте. Батальон «Димитрова» — фактически — чешский, с этим надо считаться. Нужно сперва процентуально пополнить батальон им. Джаковича¹ балканцами, а потом можно говорить о пополнении чехами батальона «Димитрова». Обо мне решено — назначить политкомом в батальон Масарика. Для этого ехать в бригаду за увольнением. Ночью выезжаю в Мурсию...

3 ноября

В Мурсии. Старые знакомые места. Утром виделся с товарищами. Абол потерял ногу. Хороший парень. Ему обязательно нужно учиться. Предполагают направить его на работу к латышам. Другие ребята тоже хорошие. Околачиваюсь в городе, к вечеру уезжаю в Альбасете.

4 ноября

Утром я выехал в Валенсию, встретил Чопича и всю бригаду. Значит бригада тронулась. Чопич не хотел отпускать меня в батальон им. Масарика. Вопрос остается открытым. Встречаю готвальдовцев. Их почти распустили. Во всяком случае, все в отпуске...

Еду назад в Альбасете вместе с Чопичем. В письме, которое и передал ему от Белова, Белов предлагает Чопичу занять его, Белова, место. Сам Белов хочет уезжать. Мы говорим о кадровой политике.

Приехали...

¹ Джуро Джакович (1886—1929) — деятель югославского рабочего движения, секретарь ЦК КПЮ. убит полицией.

5 ноября

Утром снова в путь. Встреча с Модесто. Испанец кажется простаком, но, видно, настойчивый и злой... Изменение диспозиции. Бригада должна разместиться ближе к Мадриду. Едем встречать бригаду. Она прибывает поездом. Едем дальше. В Мадрид приезжаем поздно. Гостиница, где живут «мексиканцы». Встреча с Тройслитом. Он привел двух пленных. Уезжаем на улицу Веласкеса, к Галлу. Ночуем в гостинице «Флорида». Все верхние этажи забронированы артиллерией, поэтому есть свободные комнаты.

6 ноября

Утром трогаемся в путь. Бригада снова будет на мельнице, на старом месте. Выезжаем ей навстречу. Встречаем ее в пути... Вечером в Альбасете. Едем встречать праздник¹ к «мексиканцам». Полковник-испанец, ветеран 98-го года², кубинец, 60 лет, на фронте потерял двух сыновей. Губернатор Альбасете молодой парнишка, не глупый. Его жена и родственники все коммунисты. Сердечное отношение к русским.

7 ноября

...Вечером Чопич сообщил мне, что может меня передать в распоряжение базы и рекомендовать Белову, очевидно, для организации бригады. Не исключена политработа в офицерской школе.

Праздновал 7-е у поляков. Разошлись за полночь. Альбасете, как и Мадрид, украшен флагами и транспарантами. В Альбасете все магазины закрыты.

8 ноября

...В исторической комиссии встретил двух героев. Они пришли из Хихона (Астурия) через Францию. Работали на оружейном заводе. Рассказывают — в последний момент пришел

¹ 20-летие Великой Октябрьской социалистической революции.

² Имеется в виду 1898 год — война между США и Испанией.

транспорт: 800 пулеметов и много батарей. Все досталось франкистам. Когда стало известно, что командование погрузилось на пароход, началась настоящая паника. Люди грузились на пароходы, сбрасывая друг друга в воду. Правда ли это? Во всяком случае, так они рассказывают... Передо мной дилемма — идти политкомом в школу (Клаус — директор) или в батальон им. Масарика.

9 ноября

Решили — политкомом в школу иду я. Вечером отнес предложение Белову. Велел зайти завтра. Будет издан приказ с назначением одновременно Клауса и меня. Почему-то болит раненая нога. Очевидно, осенняя погода. Врач велел сделать рентгеновский снимок.

10 ноября

Встретил Клауса... Договорились ехать завтра в Посорубио. Приехал Гранель. Он возвращается в роту. Счастливец!

11 ноября

Были в Посорубио... Явились без документации. Нас принял комендант итальянец. Кажется, хороший человек, энергичный, честный и скромный... Вернулся в штаб. Там уже приказ обо мне и о Клаусе. Поговорили с итальянцем за кофе. Оказывается, он учитель географии. Своеобразный человек. Клаус едет еще в Валенсию, а я послезавтра в школу.

12 ноября

Время проходит в беготне по штабу за бумагами и документацией. Неприятная история: оказывается, три дня назад политкомом в школу заявился какой-то австриец. Пришлось выяснять недоразумение. Немецкие кадровики послали его туда, не уведомив Белова. Случайно ли?

14 ноября

Приехал в школу. Итальянец привязался ко мне сразу. Не отстаёт. Почти не даёт говорить с другими. Работа тут заковыристая. Национальные бараки живут почти изолированно друг от друга. Пришел приказ из штаба поехать в соседний городок Торсильо и связаться с рабочими электростанции Гарсия насчет знамени, которое они хотят нам передать. Были в Торсильо...

1938 год

Э Б Р О

24 мая

Был в дивизии. Атака подвигается с частичным успехом... Вечером пошли к латышам в агитпункт. Повеяло «давно минувших дней» делами. Вдруг тревога! 15-я дивизия двигается. Спешим назад. Оказывается, тревога учебная.

25 мая

Вновь назначен командиром «Genie». Гранеля переводят в дивизию. Он недоволен. В город привели пленных. Много, около тысячи. Целый батальон сдался: наваррцы, андалузцы, с Канарских островов.

Читаю Мачадо. Замечательный поэт!

26 мая

Приказ быть готовым к маршу. Вечером двинулись. Идем добрых 25 километров пешком. В общем бригада движется образцово. Ходят слухи о крупных успехах на фронте. Что нам эти слухи! И все же хочется верить, что и на нашей улице будет праздник...

2 августа

Убит Мюльман.

5 августа

Переходим к обороне. Окопы, колючая проволока.

6 августа

Работаем на укреплениях; окопы, колючая проволока.

7 августа

Бригада сменена, но мы еще ночью работаем, теперь собираемся в бригаду. Приходится ждать ночи. Артиллерия и самолеты не позволяют двинуться.

8 августа

Бригада на отдыхе, в резерве.

9 августа

Отдых не удастся, приходится работать, чинить дорогу... Ночью еду в Фальсет. Приезжаю в Гинистар — мост разбит. Едем назад, во Флиш.

10 августа

Еду за материалами в Фальсет. Город разбомбили. Много раз налетали бомбардировщики, и мы скрывались в «refugio»¹. Там люди не скучают. Молодежь забавляется в темноте, пока фашисты бомбят город.

11 августа

Вернулся из Фальсета. Ну и путешествие! Мост в Флише каждый день бомбят, а по ночам ремонтируют, приходится ждать. Встреча с Эрнстом Толлером, Он настроен пессимистически. Эх, Толлер!

¹ Бомбоубежище (исп.)

12 августа

Ночью работаем на укреплениях 2-й линии. Утром еду за лесоматериалами в Мора-де-Эбро. Город неузнаваем, разрушен, кругом дым. Вчера его бомбили зажигательными бомбами. Население ушло в деревни и горы...

13 августа.

Мора-де-Эбро окончательно сожжено зажигательными бомбами. Укрепляем.

На русском языке публикуется впервые

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

В годы первой мировой войны меня, двадцатилетнего парня, призвали на военную службу, и я уехал из Латвии. После Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны работал в советских учреждениях, но никогда не забывал родную Латвию, меня не покидала надежда, что и там будет восстановлена Советская власть и я смогу вернуться обратно.

Но события в Европе в начале тридцатых годов изменили мою судьбу. В 1933 году власть в Германии захватил Гитлер. Фашистская диктатура установилась и в других странах Европы. В 1934 году Ульманис совершил фашистский переворот в Латвии. Казалось, нет никаких надежд в ближайшее время вернуться на родную землю.

В 1935 году я окончил в Москве Институт водного хозяйства (теперь — Институт гидромелиорации) и получил диплом инженера-гидротехника. Был оставлен при институте в аспирантуре.

События в Испании летом 1936 года всколыхнули весь мир.

Ни в Германии, ни в Латвии, ни в других странах приход фашистов к власти не был связан с вооруженной борьбой. В Испании же фашистский мятеж против законного правительства Единого Народного фронта встретил ожесточенное сопротивление всего народа.

В 1937 году, будучи на последнем курсе аспирантуры, я,

как и многие другие, выразил желание отправиться в Испанию, чтобы помочь испанскому народу в его борьбе с мятежниками. Моя просьба была удовлетворена.

В конце апреля меня и других товарищей разных национальностей направили в военно-инженерное училище. Там в это время учился Аугуст Ратник, с которым я уже был знаком. В середине августа аттестационная комиссия проверила наши знания. Она признала меня подготовленным к выполнению обязанностей командира саперного батальона.

...28 августа в Ленинграде мы погрузились на французский лайнер «Бретань», который взял курс на Гавр. Официально — мы туристы, выехавшие в Париж на всемирную выставку. Я ехал вместе с Фрицем Вальтером из Чехословакии. На судне было еще примерно 10 таких же «туристов», как мы.

Мы были очень озабочены тем, как пройдет проверка документов в Гавре, опасались осложнений при высадке. Собравшись в одной из кают, решили, что у борта корабля постараемся затеряться среди других пассажиров и что первыми должны уладить формальности товарищи, владеющие французским языком, а затем остальные.

В действительности все произошло иначе. При спуске на берег создалась толчея. Мы с Фрицем выжидали прохода кого-либо из наших «лингвистов», но вдруг увидели, что один из товарищей, не владевших французским языком, благополучно миновал контроль. Набрались смелости и мы. Контролер записал, немного исковеркав трудно произносимые для него фамилии, и вот мы уже на берегу.

Немного погуляв по Гавру, мы с Вальтером сели в поезд и через несколько часов прибыли в Париж. Хотя мы уже стали «законными французами», но по парижскому вокзалу долго блуждали в поисках выхода: стены, двери и даже потолки так пестрели кричащими рекламами, что скромные надписи практического назначения почти терялись. Наконец выбрались на привокзальную площадь. Перед нами был Париж оживленный, беспечный, весь в движении.

В какую сторону идти? Ничего непонятно! В Москве мы получили указание — не стоять на месте, не глазеть в недоумении по сторонам, и поэтому мы отправились вдоль площади. вполголоса переговариваясь по-русски. Иначе нельзя: Вальтер не знал латышского языка, а я не говорил по-немецки.

Вдруг рядом с нами притормозило такси, и шофер на чистом русском языке спросил:

— Куда господа желают?

Мы сели в машину и поехали. Шофер был очень разговорчив. Мы узнали, что он бывший белогвардеец, после Октябрьской революции уехал из России. Теперь, изведав трудности эмигрантской жизни, жалеет, что оставил родину.

Мы подъехали к гостинице на бульваре Гренель...

Спустя три дня в одном из кафе в центре Парижа встретились с представителем организации, которая переправляла добровольцев из Парижа в Испанию. Все прошло без осложнений.

8 сентября поездом мы прибыли в Перпиньян. В небольшом ресторане нас собралось девять человек. Все мы должны были перейти через Пиренеи.

Почти все мы были знакомы по военно-инженерному училищу в Подмосковье, кроме Фрица Вальтера, с которым мы весь путь проделали вместе. Здесь же были Якоб Фройнд и Эрвин Крамер, с ними и позже длительное время был вместе.

Фройнд — политический эмигрант из Германии с большим стажем партийной работы. Еще до создания Коммунистической партии Германии он в 1918 году активно работал в Союзе «Спартак», руководимом Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом. Он моряк, во время первой империалистической войны служил на немецкой подводной лодке, с которой дезертировал. По профессии кузнец, он, однако, хороший знаток литературы и театрального искусства. В Советском Союзе Фройнд работал директором кинофильмов и совместно с режиссером М. Донским ставил фильм о Максиме Горьком Широкоплечий, медлительный в движениях, неразговорчивый, но отзывчивый товарищ.

Эрвин Крамер — инженер, железнодорожник-энергетик, коммунист, политический эмигрант из Германии. Крамер был еще сравнительно молод, очень подвижен, всегда аккуратен и дисциплинирован, хотя и без физической закалки и опыта, которыми обладал Фройнд. Наверно, поэтому мы прозвали его «Мальчик».

Ратниека здесь не было, он ехал с какой-то другой группой. Остальные — болгары, чехи и представители некоторых других национальностей.

Под вечер, часов около шести, мы сели в небольшой автобус и как медицинские работники-туристы отправились «ознакомиться с водолечебным учреждением», расположенным глубоко в горах, в ущелье горной речки. Добрались туда часам к 11 вечера и, покуда больные не улеглись спать, усердно

«изучали методы водолечения». Затем хозяин санатория пригласил нас поужинать. Он познакомил нас с гидом-испанцем, который в дальнейшем о нас позаботится.

Недолгий ужин прошел в сердечной обстановке. Совершенно очевидно, что и хозяин санатория, и вся его семья были истинными антифашистами и готовы были сделать все, чтобы бороться с ненавистным фашизмом. Здесь заботливо было подготовлено все, чтобы помочь нам успешно преодолеть Пиренеи.

Проводник рассказал нам, как вести себя при переходе, и мы пустились в трудный, многочасовой ночной путь. Благополучно миновав французский пограничный пост, наконец добрались до пограничного столба и, тепло встреченные испанскими пограничниками, спустились вниз — на испанскую землю.

13 сентября мы прибыли в Альбасете, в штаб Интернациональных бригад. Оказалось, что все данные о нас здесь уже получены. Нам присвоили звание, и через несколько дней мы уже обмундированы в форму Республиканской армии Испании. Я стал старшим лейтенантом саперной службы.

Затем в сборном пункте Посорубио, близ Альбасете, добровольцев сгруппировали по видам оружия и направили на фронт. Тех, у кого не было никакой военной подготовки, отправили на краткосрочные курсы для овладения какой-нибудь военной специальностью.

Нам, инженерам — А. Ратниеку, Ф. Вальтеру и мне поручили составить конспекты кратких курсов по военно-инженерным дисциплинам. Никаких учебных пособий с собой мы привезти не смогли, но к такому заданию подготовились уже в Москве: каждый из нас хорошо заучил необходимые формулы, чертежи и прочие данные по какой-нибудь дисциплине.

Только что закончились ожесточенные наступательные бои на Арагонском фронте. Хотя задуманный план не был выполнен (Сарагоса нами не была освобождена), однако были достигнуты значительные тактические успехи: очищено от врага не менее тысячи квадратных километров, включая несколько городов. В том числе — Бельчите, город, которым даже Наполеон в свое время не сумел овладеть.

Фашисты под руководством немецких инструкторов превращали захваченные ими города в настоящие крепости, применяя для фортификационных работ даже бетон и металл.

Командование Республиканской армии на практике убедилось,

какое большое значение имеют при обороне выгодно расположенные и хорошо оборудованные полевые фортификационные укрепления и какую важную роль при этом играют военно-инженерные и саперные части.

В сентябре военный министр издал приказ о формировании саперных подразделений (рот, батальонов) при всех соответствующих боевых соединениях. Этот приказ надо было реализовать. Требовались специалисты, руководители саперных работ, особенно в частях, сформированных из испанцев.

В начале октября меня вместе с немецкими товарищами Якобом Фройндом и Эрвином Крамером отправили на Арагонский фронт в распоряжение командования инженерно-технической службы фронта, а затем в 44-ю дивизию, входившую в состав 12-го корпуса и укомплектованную исключительно из испанцев.

Дивизия состояла из недавно сформированных и малообученных подразделений. Она занимала район Бельчите Ла-Пуэбла-де-Альбертон—Медиана—Асайла. Эта территория была освобождена от фашистов только с месяц назад. Здесь прошли кровопролитные бои, в которых рядом с испанскими частями героически сражались добровольцы Интернациональных бригад.

Активные военные действия прекратились, шла работа по укреплению новой линии фронта.

Из штаба дивизии нас всех троих вначале прикомандировали инструкторами к одной из саперных рот для оказания технической помощи в фортификационных работах.

Испанские командиры роты встретили нас очень дружески. Но большие трудности создавало нам слабое знание языка.

Через несколько дней офицеры испанской саперной роты где-то разыскали мальчишку лет 12, который довольно сносно говорил по-русски. Примерно с неделю мальчик был нашим переводчиком, но потом ему нужно было уехать в город в школу, и мы снова остались без посредника.

В испанских книжных магазинах можно было купить немецко-испанские и испано-немецкие карманные словари. Эрвину и Якобу они помогали, но мне от них было мало проку.

Крамер несколько лет учился в одном из высших учебных заведений Парижа, хорошо говорил по-французски, и поэтому довольно быстро овладел испанским языком. Уже через несколько недель он свободно объяснялся с испанцами и даже служил переводчиком для нас.

В дивизии мы провели около месяца. Видя, что не хватает

офицеров и специалистов, мы попросили командование доверить нам руководство каким-нибудь небольшим подразделением. Нас назначили командирами саперных рот.

В качестве командиров рот мы получили задание создать вторую оборонительную линию в гористом районе Лос-Чаркос в 6-7 километрах от Сарагосы, которая находилась в руках фашистов. В ясную погоду с наблюдательного пункта передовой отчетливо были видны силуэты высоких зданий города и купола церквей.

Вторую линию обороны мы строим всего в 300—400 метрах от передовой. Фронт в то время стабилизировался, ни одна из сторон не делала попыток начать наступление. Лишь изредка кое-где раздавались одиночные винтовочные выстрелы или короткая пулеметная очередь. Инициативу, как видно, проявляли только снайперы.

Мы вели работы в расположении 44-й дивизии, но подчинялись штабу инженерно-технических войск фронта. Строительство второй линии обороны являлось заданием штаба, однако никаких конкретных указаний представитель штаба нам не дал, и все вопросы мы решали сами. В фортификационных работах использовали местные материалы. Никаких мощных железобетонных огневых точек, никаких дотов мы не возводили.

В тылу, в нескольких километрах от строительства нашей оборонительной линии, — городок Кинто. После прошедших боев от него остались одни развалины. В городке почти нет жителей, но «алькальдо» (глава местного самоуправления) — на месте.

В конце октября в Кинто на несколько дней прибыла 15-я Интернациональная бригада. Для нас троих, единственных здесь интербригадовцев, это было настоящим праздником. С иностранными добровольцами мы на фронте встретились впервые, а до тех пор имели дело только с испанцами. Фройнд и Крамер встретили несколько своих знакомых и очень этому радовались.

Я не надеялся встретить знакомых, но и мне прибытие Интернациональной бригады в Кинто очень было приятно. Неожиданно в разговоре с командиром бригадной саперной роты Шмидтом я узнал, что он — рижанин. Звали его Михаил Шварц. Хотя я и не был с ним знаком раньше, но незаметно у нас завязался долгий и интересный разговор. Передо мною был не только знающим, способный инженер, но и задушевный, сердечный товарищ, человек высокой культуры, способный

увлечь собеседника. Михаил и математик, и поэт, и талантливый пропагандист. Встретить его мне больше не довелось. Через несколько месяцев Михаил погиб в бою у Эбро. Почти тридцать лет прошло с тех пор, как мы бродили с ним по узеньким улочкам разбитого Кинто. Но и сегодня он сохранился в моей памяти таким, каким был в жизни: небольшого роста, подвижный, улыбающийся, он оживленно рассказывал мне о впечатлениях от Испании, о подпольной работе в Риге, о жизни в Праге.

В конце ноября нас зачислили в саперный батальон, которому были поручены работы по укреплению первой линии фронта в секторе населенных пунктов Роден, Фуэнтес-де-Эбро (вдоль реки Эбро).

Формируя саперные роты, командирами взводов и отделений мы назначили специалистов-строителей, каменщиков, плотников и горняков, которые умели обращаться со взрывчаткой, так как саперные роты комплектовались из простых тружеников, у которых не было никаких познаний в инженерных работах. Готовить кадры приходилось на ходу.

Пока командиры наших взводов и отделений овладевали первыми навыками фортификационных работ, в нашу задачу, помимо осмотра местности и решения — как выгоднее разместить укрепленный объект активной обороны — входило личное участие (вместе с бойцами) в рытье окопов и сооружение укреплений. Таким образом мы одновременно обучали своих саперов, как устраивать огневые точки, как обеспечивать широкое поле обстрела бойницам для легких и тяжелых пулеметов, как рыть ходы сообщения, убежища и щели для защиты от налетов авиации и обстрела артиллерии, как сооружать другие элементы обороны позиций. Так понемногу в наших ротах создавались подготовленные специалисты инженерно-технических частей.

Отобранные нами командиры взводов и отделений быстро освоились со своей задачей, хотя наши разговорные возможности все еще были весьма ограничены. Вскоре командиры начали выполнять работы уже совсем самостоятельно. Рядовые, люди, в прошлом привычные к физической работе, трудились усердно. Несмотря на трудности, работы на каменистом грунте, где часто приходилось применять взрывчатые вещества, наши роты справились с полученным заданием гораздо быстрее, чем это предусматривал командир саперного батальона — майор регулярной испанской армии.

В совместной работе у нас с бойцами установились очень

близкие, товарищеские взаимоотношения. Это не соответствовало традициям бывшей испанской армии, где политические и прочие организации были отдельными для офицерского и рядового состава. Такой порядок еще сохранялся и в частях Республиканской армии. Поэтому офицеры жили обособленной от бойцов жизнью. Кадровые офицеры считали «ниже своего достоинства» принимать участие в физической работе, да они обычно и не умели ее выполнять. Однако мы, принимая участие в физической работе, только укрепили свой авторитет в глазах бойцов.

Обыкновенно бойцы обращались к нам с самыми различными вопросами: не только о работе, но и о жизни, о политике. Так мы одновременно с выполнением прямых обязанностей начали вести в своих ротах широкую разъяснительную и политико-массовую воспитательную работу.

Бойцы обычно очень внимательно слушали наши объяснения. Особенно живо проходили беседы о военном и политическом положении в Испании, о международных событиях. Бойцы охотно участвовали в обсуждении, те, кто посмелее, высказывали свои мнения. Очень много разных вопросов задавали о жизни в Советском Союзе. Правдивые сведения о Советском Союзе были для испанских бойцов каким-то первооткрытием, чудом.

Мне посчастливилось в Барселоне подписаться через Францию на «Известия». И я в своей роте мог проводить информации о жизни в Советском Союзе, так сказать, прямо из первоисточников.

В нашей новой неофициальной работе — политическом воспитании бойцов мы должны были все же принимать во внимание, что имеем дело с людьми различных политических взглядов и убеждений. В составе нашей роты были убежденные социалисты и старые профсоюзные деятели, синдикалисты, анархисты, коммунисты. В одном вопросе все они были едины — своим злейшим врагом считали фашизм. Этим мы и руководствовались в беседах: наши действия были направлены к тому, чтобы объединять всех на борьбу против фашизма.

Когда работа на берегу Эбро была закончена, мы попали в новые условия. Нас откомандировали в третью бригаду. Теперь мы должны были с помощью вольнонаемных рабочих срочно отремонтировать дорогу между пунктами Асайла—Ласайда: расширить ее, убрать слишком крутые повороты, разровнять подъемы. Эта дорога соединяла шоссе Ихар—

Кинто с Састаго, где через реку Эбро был перекинут металлический мост.

Теперь нашим непосредственным начальником был руководитель дорожно-строительных работ, испанский капитан-анархист. Командир рабочей бригады испанский майор — убежденный социал-демократ. Часто к нам наведывался испанский лейтенант — коммунист.

В новых условиях мы в свободное время чаще общались с испанскими офицерами. Активно обсуждали с ними актуальные политические события в Испании и в международной жизни. Активнее всех в этих дискуссиях участвовал Эрвин Крамер. Он уже хорошо овладел испанским языком и объяснялся по-испански так же свободно, как по-русски. Мы с Якобом Фройндом так бегло говорить еще не умели, поэтому больше слушали.

В сравнительно спокойных условиях мы вели дорожные работы до марта 1938 года. Неожиданно мы узнали, что 9 марта фашисты начали наступление. Подтянув большие силы и технику, они прорвали фронт республиканцев в районе Бельчите. Спустя три дня, 12 марта, нам стало известно, что фашисты заняли городок Асайла и продолжают продвигаться. Их цель, как видно, — занять Састаго и захватить мост через реку Эбро.

Сообщение о неожиданном наступлении фашистов мы получили неофициально. Городок Асайла, где до сих пор располагался наш штаб, фашисты уже заняли. Где штаб теперь, неизвестно. Связь с начальством прервалась. Все наши попытки получить какие-нибудь руководящие указания результатов не дали.

Мы самостоятельно приняли решение эвакуироваться.

Погрузили весь свой инструментарий на повозки, впрягли имевшихся в нашем распоряжении мулов и двинулись в направлении Састаго. Рабочие-дорожники, работавшие по найму, поступили каждый по своему усмотрению: одни отправились по домам, другие отступили вместе с нами.

Чем ближе к Састаго, тем оживленнее было движение. Отошли разрозненные воинские части, потерявшие связь с командованием. Ушли мирные жители: они не хотели остаться под игом фашизма. Машины, повозки, пешеходы — все смешалось. Все спешили скорее добраться до моста через Эбро. Движение на дороге не регулировалось.

Бельчите

Командиры 15-й Интернациональной бригады

Торжественный марш интернационалистов на прощальном митинге в Барселоне в октябре 1938 года

Испанский народ прощается с интернационалистами в Барселоне в октябре 1938 года

Внезапно в небе появились фашистские самолеты, они бомбили, на бреющем полете обстреливали дорогу из пулеметов. Волнение большое, но паники нет.

Наши мулы удивительно спокойны. Даже совсем близкие разрывы бомб их не тревожили. Чуть встряхнув длинными ушами, они потихоньку продолжали свой путь. Почти все наши рабочие разбрелись кто куда, с нами осталось лишь несколько человек, в том числе владельцы мулов и повозок.

Поблизости не было ни зенитной артиллерии, ни каких-либо других средств противовоздушной обороны. Впрочем, ни бомбежка, ни пулеметные обстрелы большого ущерба не нанесли. Даже мост, который фашистские самолеты бомбили уже десятый день, был еще цел, когда мы до него добрались. Лишь кое-где от осколков разорвавшихся поблизости бомб появились пробоины в его металлических фермах.

Не было никого, кто поддерживал бы порядок на мосту. Мы поражались выдержке и самодисциплине испанского народа. Медленно и спокойно через узкий мост непрерывным потоком отходили машины, повозки, бойцы и гражданское население. Наконец и мы со своим обозом оказались на другом берегу реки.

Там нам удалось разыскать майора Интернациональной части, который организовал оборону на берегу реки Эбро. Доложили о прибытии и ждем дальнейших распоряжений.

Майор обрадовался нашему появлению и попросил оказать помощь в фортификационных работах, так как у офицеров его саперной роты не было никакого опыта. Нашли саперную роту, представились командиру, познакомились с офицерами.

Вечером саперная рота получила приказ отправиться на участок фронта одного из ближайших батальонов, где на левом берегу реки Эбро необходимо срочно укрепить первую линию обороны. По полученным данным, в секторе этого батальона фашисты готовились форсировать реку Эбро.

К нашему большому удивлению, командир саперной роты не только не готовил роту к выполнению полученного приказа, но начал обсуждать со своими офицерами — выполнять его или нет. Несколько минут мы слушали эту необычную дискуссию, а потом вмешались. Пытались доказать, что необходимо немедленно приступить к выполнению приказа, предложили пойти вместе с ротой. Но офицеры роты растерялись и бездействуют.

Что делать? Рота не наша. Мы только что прибыли. Мы могли давать советы, но не имели никакого права принять на

себя командование, а дискуссия между тем развернулась. Приказ уже широко обсуждался и младшим командным составом и рядовыми бойцами. Моему терпению пришел конец.

Я подошел к роте и коротко сказал о том, что интересы Испанской Республики и Единого фронта требуют незамедлительного выполнения приказа.

— Всем, кто готов выполнять свой долг перед Республикой, построиться! — приказал я и добавил: — Хочу идти с вами.

Бойцы и младшие командиры один за другим начали подниматься, около 40 человек встали в строй. Лишь небольшая часть осталась. Я надеялся, что это подействует и на офицеров. Но мои ожидания не оправдались. Ни один из офицеров саперной роты не поднялся.

Мне ничего другого не оставалось, как возглавить роту и отправиться выполнять приказ. Это я и сделал.

Когда рота двинулась, к нам присоединился Якоб Фройнд.

— К черту все формальности, Володя, я тоже иду вместе с вами, — сказал он.

Наступил вечер. Начал накрапывать дождь. Я вел отряд, состав которого мне совершенно неизвестен. Даже фамилий людей не знал. Но заниматься формальностями было некогда. Надо было поскорее найти батальон, который нуждался в нашей помощи.

Точное расположение батальона никому из нас не было известно. Мы знали только, что идти надо вверх по левому берегу реки Эбро. Пошли наудачу. Совсем промокли под дождем. В темноте то один, то другой спотыкался и падал, так как дороги здесь не было, а берег изрыт воронками от авиационных бомб. Ямы наполнились водой, и в темноте их трудно заметить. Но добровольцы безропотно следовали за мной. Я лишний раз убедился в выдержке испанского трудового народа, в его решимости вести борьбу против ненавистного фашизма.

Наконец встретили бойцов, с их помощью нашли штаб нужного нам батальона.

Вместе с Якобом разыскали командира батальона, капитана, он, оказывается, из 11-й Интернациональной бригады. Он был рад нашему появлению. Пояснил, однако, что им только что получен приказ быть готовым к отступлению, поэтому строить здесь какие-либо укрепления уже нет смысла. Он предложил нам отдохнуть, обещая сообщить, как только будет получен приказ об отступлении. Вскоре мы узнали, что

враг во многих местах прорвал наш фронт и стремится окружить и уничтожить республиканские войска по частям.

Рано утром мы получили приказ отступить. Возвратились в расположение своей роты. Застали Эрвина Крамера, офицеров и оставшуюся часть роты. Все вели себя так, словно ничего особенного не произошло.

Практически я ничего не добился. Но никто из бойцов не ворчал по поводу казалось бы ненужного ночного перехода. Мы втроем, обсудив это, пришли к заключению, что главной причиной неудач Единого фронта испанского народа является недостаток единства действий. Резервы выносливости и боевых возможностей народа далеко не исчерпаны.

Наступили трудные дни — больше месяца длилось отступление по всему Арагонскому фронту. 15 апреля фашисты заняли Винарос — небольшой городок на берегу Средиземного моря.

Центральная Испания была отрезана от Каталонии и полностью потеряла сухопутную связь с Европой.

Саперные части во время отступления оказались в незавидном положении. У них не было никакого оружия, только лопаты, кирки и другой инструмент. В бой с ними не пойдешь, мы оказались никому не нужными.

В это время мы часто подвергались вражеским налетам. Фашистские самолеты совершенно безнаказанно бомбили отступающие республиканские части, забрасывали их ручными гранатами, обстреливали из пулеметов. Потери были небольшими, но непрерывные воздушные атаки держали отступающие войска в постоянном напряжении и действовали деморализующе. Все время отступая, мы к середине марта дошли до Бухаралоса и Пеньяльбы, расположенных на шоссе Сарагоса—Лерида.

Фашисты, достигнув моря, взяли направление на север, на Барселону. Наконец фронт стабилизировался вдоль берегов Эбро и ее притока Сегре. Нас троих придали оборонительной группе «Сур»¹. Наше задание — возвести фортификации на новой линии фронта. Почти месяц ушло на разъезды с места на место для утрясения различных организационных вопросов. Наконец, приступили к выполнению непосредственно саперных работ.

Мы строили укрепления второй линии обороны на берегу Сегре, под городом Лерида, который уже с 4 апреля находился

¹ Сур — юг. Ред.

в руках фашистов. Работали на левом берегу Сегре недалеко от селения Миралкамп. На правом, возвышенном берегу, укрепились фашисты.

Моей роте достался самый невыгодный участок — несколько километров равнинной местности вдоль берега реки. Справа и слева, где работали мои товарищи, берег гористый.

Нам поручено было участвовать в создании позиции передовой линии фронта и увязать обе линии в единую укрепленную оборонительную систему.

Окопы нашей передовой вытянулись вдоль самого берега реки по огородам и фруктовым садам. Вражеские позиции на другом берегу, на расстоянии не более 200—250 метров от нас. Река в этом месте неглубокая. Можно было ожидать, что в случае наступления враг попытается форсировать реку именно здесь.

Все это создавало очень напряженную обстановку. Как саперы, так и бойцы на передовой постоянно должны были быть готовыми к новым испытаниям.

Ни днем ни ночью на нашем секторе не прекращался винтовочный и пулеметный огонь и, так как позиции противника были близки, в результате перестрелки мы нередко терпели потери.

Мы совсем рядом с Леридой, на взгорье за рекой. Одна из улиц предместья Лериды на левом берегу реки. Ее мы еще держали в своих руках. Так же, как весь город, здания и на этой улице сильно пострадали от налетов фашистской авиации. Жители покинули и те дома, которые еще не пострадали от авиационной бомбежки и артиллерийского обстрела.

Днем ходить по улице на нашем берегу реки было опасно. Здесь непрерывно свистели пули и рвались мины. Квартиры покинутых домов не заперты, двери и окна, как правило, открыты, внутри — полный порядок. Очевидно, совсем еще недавно здесь протекала обычная мирная жизнь.

Работать приходилось в основном ночью или в сумерки, поздно вечером или рано утром, так как днем нас обстреливали. Но при выборе площадки для наиболее целесообразного размещения позиций и для расстановки огневых точек с возможно более широкой зоной обстрела разведку приходилось производить днем. Чаще всего я делал это между 12 и 13 часами дня. Ходили вдвоем — с одним из сержантов оба без головных уборов и поясов, но с котелками в руках, будто с обеда. Шли не прячась, открыто, но нас не обстреливали: в Испании с самого начала войны выработался обычай

— во время «комиды» (обеда) не воевать. На нашем участке фронта этот обычай свято соблюдался.

Проработали мы здесь недели две. Успели создать довольно хорошие оборонительные позиции. Но фашисты вдруг начали наступление на соседний район, где к фортификационным работам еще и не приступали. Наш укрепленный район был обойден, и мы вынуждены были его оставить.

Нас троих направили в 3-й саперный батальон группы «Сур». Меня назначили командиром 1-й роты, поручили создание укрепленной линии в районе Торрес, Поляргес, Торрес де Флювиа. Одновременно на меня возложили обязанности начальника инженерной службы батальона.

Эту обязанность я выполнял в качестве инструктора пяти саперных рот, командиры которых — архитекторы или инженеры-строители — не были военными специалистами.

Ни рядовые, ни старшие командиры почти не имели понятия о маскировке и ее необходимости.

На перекрестке дорог у селения Поляргес мы оборудовали оборонительную позицию с устройством дотов, применяя бетон и железобетон. Зона обстрела охватывала дороги на ровной местности в трех направлениях. Как-то к готовому объекту подкатила машина — приехал генерал инженерной службы. Я вышел навстречу и отрапортовал, что работы по сооружению оборонительных позиций согласно приказу выполнены.

Но где же эти ваши укрепления? — спросил генерал.

— Мы на них и находимся, — ответил я.

— Я ничего не вижу! — недовольно пожал плечами генерал, оглядываясь вокруг.

— Мой генерал, — сказал я, как это здесь принято при обращении к высшему начальству. — мне очень приятно, что даже стоя здесь, вы ничего не видите. Это значит, что в случае наступления и враг ничего не заметит. Мы нанесем ему тяжелые потери, а он ничего не добьется.

Приоткрыв вход, замаскированный мешком и ветками, я пригласил генерала спуститься и осмотреть подземный ход, ведущий к огневым точкам. Генерал был удивлен и очень доволен маскировкой позиции.

С середины сентября 1938 года наш саперный батальон работал на строительстве новых оборонительных линий в районе населенных пунктов Игуалада, Вич, Панс де Вальс и Лас Планас. Работа шла без каких-либо осложнений. Все саперы

полностью овладели различными фортификационными работами и трудились на совесть.

В первых числах октября пришло сообщение об отзыве с фронта иностранных добровольцев. Вначале мы думали, что к инженерам это не относится и что мы останемся

Но однажды к нам пришел испанский майор — командир нашего батальона. Я построил роту. Он перед строем зачитал приказ об отзыве меня с фронта.

Я хотел выступить, сказать хоть несколько теплых слов на прощание. Но из этого ничего не получилось. Вся рота окружила меня, со всех сторон раздались возгласы недовольства, просьбы остаться.

Да ведь и я, как все интернационалисты, совсем не хотел уезжать. Но таково решение правительства. Попытался успокоить товарищей, что теперь они уже и сами умеют сооружать замечательные укрепления. Но чувство у меня при этом было, как у человека, который, прикрываясь какой-то надуманной причиной, покинул друзей в трудный момент, оставляя их одних накануне тяжелейших испытаний.

Но приказ есть приказ.

Я вынужден был проститься и отправиться в глубокий тыл, в пункт сбора добровольцев.

Для интернационалистов из прибалтийских стран пунктом сбора был назначен лагерь 13-й Интернациональной бригады в населенном пункте Бельсерата. В окрестных деревнях размещались лагеря других Интернациональных бригад.

20 января 1939 года мы, оставшиеся в Испании бойцы 13-й бригады, т. е. почти вся бригада в полном составе, так как мало кто уехал на родину, согласно приказу перемещаемся в приморский городок Палафружелъ.

Сюда прибыли и интернационалисты из Центральной Испании. Среди них — мой знакомый из Москвы, Аугуст Ратник. Радость встречи омрачалась положением на фронте. Окружающая атмосфера очень тяжела. Франко не выполнил обещания отозвать и эвакуировать с фронта иностранцев. 23 декабря фашисты возобновили наступление, используя полученные подкрепления.

Каталония подверглась налетам самолетов и наступлению танков гитлеровской Германии и фашистской Италии: пять моторизованных дивизий итальянской фашистской армии «Литторио», «23 марта», «Черная стрела», «Зеленая стрела» и «Синяя стрела» под командованием генерала Гамбара; части немецкой армии «Легион Кондор», а также

переброшенные из Марокко марокканцы и иностранные легионы. Процент испанцев в составе наступающей армии Франко был ничтожно мал. 15 января фашисты заняли Таррагону и начали продвигаться вперед крупными силами, угрожая Барселоне. При таком положении дел мы не могли остаться равнодушными. В ночь на 23 января на общем собрании бригады было принято решение просить правительство Республиканской Испании выдать нам оружие и разрешить вернуться на фронт.

26 января пала Барселона. У правительства больше не было оружия. Десятки тысяч испанцев, рвавшихся в бой, не имели винтовок. За границей, на территории Франции, стояло несколько эшелонов с оружием, закупленным Республиканским правительством. Но французское правительство Даладье не пропускало через границу ни одного вагона. В конце концов кое-какое вооружение для нас все же нашлось, и мы получили разрешение вернуться на фронт.

Возвращение на фронт проходило по принципу строжайшей добровольности: каждый лично должен был подать заявление с просьбой разрешить ему вновь встать в ряды сражающихся. Но неподавших заявлений было мало — это главным образом раненые или больные. В лагере остались совсем немногие добровольцы, только для охраны и поддержания порядка. Все остальные возвратились на фронт.

Мне с Ратниekom и еще одним капитаном поручили организацию саперных работ. Нам придали двух добровольцев, которым после ранений строевая служба не под силу.

С 24 по 30 января 13-я бригада заняла позиции у местечка Ла-Гаррига. Штаб бригады расположился в наскоро приспособленном подземном убежище, которое фашистская авиация непрерывно бомбила. Противовоздушной обороны у нас не было никакой. Не было и авиации. Фашистские самолеты налетали беспрепятственно. Нас от них спасали лишь грузные низкие дождевые тучи, которые в эти дни, будто с плачем, тяжело проплывали над Каталонией.

Получив задание, мы с Ратинekom отправились проверить позиции двух пулеметов, установленных для охраны штаба. Убедившись, что огневые точки, расположенные наверху горного склона, оборудованы правильно и имеют обширное поле обстрела, а для прикрытия точек умело использованы оливковые деревья, мы пошли обратно.

Внезапно начался очередной налет фашистской авиации.

Снова бомбили наш штаб. Бомбы падали довольно точно, что фашистским летчикам удавалось сравнительно редко. Вся высота, под которой было расположено убежище нашего штаба, покрылась воронками от взрывов бомб. Одной бомбой, сброшенной на дорогу недалеко от входа в штаб, ранило крестьянина, застигнутого в пути.

Вообще в эти дни все здесь кипело как в адском котле, но, как ни странно, мы почти не несли потерь.

Выяснилось, что у фашистов, кроме танков, был еще и бронепоезд. А для нас — единственно возможный путь отхода — узкое ущелье между гор, по которому проходят железная дорога и шоссе; а по обе стороны ущелья возвышаются непроходимые отвесные скалы.

Взвесив обстановку, мы с Ратниekom предложили бригадному командиру Чапаеву¹ разрешить нам произвести замаскированное повреждение путей, чтобы в случае атаки бронепоезда спустить его с рельсов.

После недолгих колебаний бригадный командир одобрил эту операцию.

К вечеру наше саперное подразделение: Ратниек, я и два сапера (капитан, который вначале был в нашей группе, затем был переведен в другую часть) — отправились на выполнение задания. Надо было торопиться, чтобы все подготовить до темноты.

Начались поиски нужных инструментов. Это не так просто. Остались только такие железнодорожники, которые ждут не дождутся прихода Франко, и они отвечали неохотно. Где кладовая железнодорожных инструментов, они и знать не знают. Нашли кладовую сами, но она оказалась запертой. У кого ключи? Опять никому не известно. Только когда начали взламывать дверь, ключ нашелся. Какого размера гаечные ключи и какой именно набор инструмента нам нужен — никто из нас не знает. Пришлось забрать целый комплект различных инструментов.

Прежде всего спилили несколько телефонных столбов вывели из строя линию связи с фашистами, чтобы никто им не мог сообщить о наших действиях. Затем, захватив с собою инструменты и кое-что из провизии, отправились по железнодорожным путям в направлении фронта. Нашли место, подходящее для задуманной нами операции. Для этой цели надо использовать какое-нибудь закругление железнодорожной линии.

На передовой встретились с земляками — капитаном Карлом Розенбергом и его ребятами. Сориентировались на местности. Позиции фашистов от нас на расстоянии примерно в полкилометра. Впереди, в нейтральной зоне, крутой поворот железнодорожных путей, который подходит для нашей цели.

Один из бойцов Розенберга, который, оказывается, сражался вместе с Л. Ратниekom на Левантском фронте (Павло), пошел сопровождать нас с легким пулеметом. Он занял позицию на краю насыпи, за кустом, в 25—30 метрах впереди нас. Мы принялись за работу.

Темно. Кругом тишина и глубокий ночной покой. Казалось, ничто не в состоянии потревожить это нерушимое спокойствие. Ключ с заржавевших гаек то и дело срывался, и стук от ударов по рельсам передавался как по натянутым струнам.

Вначале мы были очень осторожны. После каждого стука долго выжидали и прислушивались, не вызовет ли это какую-нибудь реакцию со стороны противника, не замечены ли наши действия? Но у противника все по-прежнему тихо, и мы осмелели. Наконец, одно рельсовое звено освобождено. Разбросали по траве гайки и ключи, попрятали ненужные уже инструменты. Осталось замести следы. Прodelали это очень старательно.

Я еще раз проверил все ли сделано правильно. Затем я снял пулеметчика с поста, попрощались с ребятами Розенберга и отправились в свой штаб доложить, что задание выполнено.

Приблизившись к штабу, услышали оживление, хотя еще темная ночь. Оказывается, получен приказ отступить. Наши бойцы быстро снялись с позиций, и мы отошли узким ущельем по шоссе к селению Эспиналве. Но вскоре, еще до рассвета, над ущельем нависли тяжелые серые тучи и начался дождь. Стало совсем темно, ничего не было видно. Мы шли впритык друг к другу, на ощупь. Все промокли до нитки. От переутомления клонило в сон. То и дело кто-нибудь, споткнувшись, падал в придорожную канаву. Приходилось следить, чтобы никто не отстал.

Второго февраля пополудни благополучно достигли пункта назначения в Каса де ла Сильва. Только благодаря ненастью нам посчастливилось выбраться из вражеского окружения, в котором мы, сами о том не зная, находились прошлой ночью. О результатах наших трудов на железнодорожной линии мы так и не узнали...

Мы заняли позиции у Каса де ла Сильва. Фашисты, обнаружив наши новые рубежи, начали артиллерийский обстрел. С одним из наших саперов я отправился в разведку уточнить, как лучше организовать оборону. Ратник и второй сапер остались на позициях противотанкового подразделения, которым командовал капитан Чиспа.

В городке почти никого не осталось. Жители, наверно, укрылись где-нибудь в горах. Никаких надежд на помощь местного населения для строительства оборонительных укреплений.

Артиллерийский огонь все усиливался. Я едва успел вернуться с неудачной разведки, как фашисты перешли в наступление, и мы вынуждены были покинуть городок.

Наша бригада расположилась за городком.

Штаб бригады разместился на небольшой, поросшей деревьями высотке. Фашисты прекратили обстрел. Очевидно, им важно было занять городок и, достигнув своей цели, они замолкли.

Бригадный командир поручил мне организовать охрану штаба: связь с батальонами еще не налажена. В моем распоряжении команда из 12 человек, главным образом санитары. На вооружении команды винтовки и два легких пулемета системы Дегтярева.

В городок непрерывно прибывали новые фашистские силы: пехота на автомашинах, танки и другая военная техника. Здесь действовали силы, численностью не менее моторизованной дивизии.

Вдруг мы заметили, что к правому флангу нашей сторожевой охраны приближается группа фашистов. Сконцентрировав силы, мы подпустили их как можно ближе и в выгодный для нас момент открыли огонь. Оставив несколько убитых, фашисты отошли.

Они сделали еще одну попытку приблизиться к нашей высотке слева. Получив достойный отпор и с этой стороны и убедившись, что высота охраняется, фашисты больше нас не беспокоили.

Наступила тревожная ночь. Поднялся легкий ветерок. Видимость становилась лучше, а слышимость — хуже. Посты охраны были расставлены далеко один от другого, и бойцы стали беспокоиться. Я все время переходил от одного поста к другому и наблюдал за врагом.

Из городка иногда доносились пьяные крики, стоны, выстрелы. Но около нас все оставалось спокойным...

К двум часам ночи начальник штаба бригады начал обходить сторожевые посты. Он сказал, что и в штабе тревожно, до сих пор не установлена связь с батальонами. Вместе с начальником штаба мы до рассвета продолжали обходить наши сторожевые посты и наблюдать за врагом.

Рано утром связь с батальонами установлена. Они заняли указанные позиции. В городке тихо. Вдруг с наших позиции раздался пушечный выстрел — и купол городской церкви сбит. Немного погодя — второй выстрел. Снаряд взорвался в колонне фашистских автомашин. Третий — попал в один из фашистских танков. Эти три попадания так перепугали фашистов, что они в страхе разбежались во все стороны. Но больше стрельбы не было слышно.

Было непонятно, откуда стреляли, ведь у нас орудий не было. В распоряжении нашей бригады только два миномета. Оказывается, ночью к нам присоединилось испанское артиллерийское подразделение с одной пушкой и тремя снарядами. Свои последние снаряды они мастерски использовали, здорово напугав фашистскую моторизованную дивизию.

Утром нас сменили, и сторожевую охрану заняло подразделение одного из наших батальонов. Бригадный командир принял решение, что в данных условиях заниматься фортификационными работами нет смысла, и прикомандировал меня к подразделению капитана Чиспы.

Чиспа и Палкавниек командовали противотанковой батареей, которая все время находилась в арьергарде бригады. В распоряжении Чиспы два миномета старого образца и два легких пулемета.

День прошел спокойно. К вечеру выяснилось, что фашисты начали обход наших позиции. Видно, пулеметный огонь наших сторожевых постов накануне и три сегодняшних оружейных выстрела создали у фашистов убеждение, что мы хорошо укрепились, и они от фронтального наступления отказались.

Ночью бригаде предстояло выйти из окружения. С наступлением темноты начался отход. Единственная дорога проходила по ущелью вдоль горной речки, через которую был проложен мост. Но для нас отступление по дороге отрезали фашисты. Надо было пробираться по горным тропкам. В пути фашисты могли напасть.

Чиспа поручил мне и Палкавниеку разведку и охрану дороги и моста, чтобы обеспечить отступление бригады. В нашей арьергардной группе было всего шесть бойцов из противотанковой батареи, вооруженных двумя легкими пулеметами.

За время войны в Испании они приобрели богатую боевую закалку. Но тревожная обстановка и серьезное задание даже их волновали.

Была лунная ночь, с ясным небом и звездами. Мы заняли позиции недалеко от моста. Установили там передний пулемет. Палкавниек с другим пулеметом выбрал место за нами так, чтобы в случае нападения прикрыть огнем первый пулемет. Тихая светлая ночь только усиливала тревогу бойцов. У меня тоже было беспокойно на душе. Чтобы выяснить обстановку, я оставил на месте пулемет с расчетом, а сам ушел вперед по дороге, чтобы обследовать местность. Дошел до моста. Никаких признаков врага. Все тихо. Вернулся. Бойцы как будто успокоились. Разведку я повторил несколько раз. Согласно распоряжению командира бригады, после отхода последнего подразделения по горным тропам мост, заминированный саперным взводом, будет взорван. Взрыв моста послужит сигналом, что задача наших сторожевых постов выполнена и мы можем следовать за бригадой.

Со своих постов мы внимательно наблюдали за окружающей местностью. Тревога прошла. Но время тянулось бесконечно медленно. Вдруг мы заметили, что кто-то приближается к нам с тыла. Оказалось, что это Ратниек. Его прислал к нам командир Чиспа. Ратниек принес немного коньяка и хорошие известия: два батальона уже отошли, отходит третий, последний батальон. Ратниек оставил нам связных, чтобы мы ночью, оставшись последними, не заблудились.

После ухода Ратниека все снова стихло. Нам казалось, что все давно уже отошли. Из тыла к нам пришел испанец из саперной части, которая минировала мост. Выслушав его краткое сообщение, мы отправились взрывать мост.

Быстро подожгли шнур. Отбежав на соответствующее расстояние, залегли за камни и стали ждать. Каждая минута казалась вечностью. Взрыва все не было. Неужели погас шнур?

Вдруг огромный столб огня поднялся в воздух. Страшный взрыв сотряс местность. На какое-то мгновение все закрыло облако дыма. Полетели камни и взорванные конструкции моста. Моста как не бывало.

Мы облегченно вздохнули. Задание выполнено. Бригада вышла из окружения без помех. Опять воцарилась тишина. В расположении врага — ничего подозрительного...

Вот уже пять дней мы были в непрерывных боях. Днем

обычно занимали где-нибудь позиции, а ночами отходили, чтобы не попасть в окружение.

5 февраля, после очередного ночного перехода, добрались до городка Бисбал. Вместе с Я. Палкавниекком заняли со своей группой сторожевое охранение в арьергарде противотанковой группы Чиспы. В ее распоряжении было два миномета, а в нашей группе всего два легких пулемета.

Днем противник обнаружил наши позиции. Поздно вечером началась фашистская танковая атака. Нас обстреливали из танковых пулеметов. Мы могли отвечать только огнем легких пулеметов и винтовок. Более эффективных противотанковых средств у нас не было. Ни та, ни другая сторона никаких потерь не понесла. Танки продвигались по дороге, ведя пулеметный огонь. Тем самым наша с Палкавниекком группа и некоторые другие части оказались отрезанными от бригады. Мы получили приказ отойти.

К счастью, начало темнеть. Используя темноту и пересеченную местность, маскируясь, мы благополучно выбрались из зоны действия вражеских танков.

Ночью танки сконцентрировались в городе. За городом — ровная местность. Пользуясь ночной темнотой, мы должны были по ней пройти километров 8—10 и добраться до моста через реку Тер. Заминированный мост после перехода наших частей будет взорван. Нам надо было спешить. Кроме того, нас в любую минуту могли начать преследовать вражеские танки.

До моста оставалось всего несколько километров, когда он взлетел в воздух на наших глазах. Раздался мощный взрыв. Земля вздрогнула под ногами. Через четверть часа мы подошли к месту взрыва. Ширина реки достигала не более 100—150 метров, но течение, как во всех реках Испании, было очень бурное. У нашего берега один пролет моста уцелел. По нему мы добрались до взорванной части. Последний пролет недалеко от средней опоры словно был срезан и сброшен в реку. Верхний пояс упавшей фермы очутился в нескольких метрах под концами металлических балок уцелевшей части моста.

Всего нас собралось человек 50, не успевших перейти через мост. На другом берегу расположилось одно из подразделений нашего батальона.

Что-нибудь срочно следовало предпринять, чтобы еще затемно перебраться через реку. Ведь фашисты тоже слышали грохот взрыва. Ночью они, может быть, и не станут

нарушать свой покой, но как только рассветет, танки наверняка появятся здесь.

Кратко обсудив положение, мы решили организовать переправу, спускаясь на ферму по канату. Канат пришлось изготовить наскоро, разорвав на полосы брезентовые палатки и связав их. Мы начали переправу. Первыми спустились те, кто не умел плавать, остальные в случае тревоги попытались бы форсировать реку вплавь. Все нервничали, но дисциплина соблюдалась строго. Мы с Палкавниekom следили за обстановкой и за ходом переправы. Наше спокойствие передалось остальным. Бойцы медленно, один за другим, спускались по брезентовому канату вниз и исчезали в ночной темноте.

Наконец, наступил и мой черед. Нельзя сказать, чтобы легко было в темноте пройти три-четыре метра по высоко торчавшей над водой балке — металлической полосе шириною всего в 25—30 сантиметров, — потом, нагнувшись, нащупать канат и, ухватившись за него, спуститься вниз! Темнота, однако, очень помогла нам: она скрадывала высоту, а ведь именно из-за высоты обычно появляется неуверенность.

На следующий день утром бригада заняла позиции на другом берегу реки, возле города и железнодорожной станции Коломеса. Почти весь день прошел спокойно. Фашисты не форсировали реку без танков и артиллерии. Нас бомбили только с воздуха.

На другой день снова приказ отступить. Фашисты где-то все же форсировали реку, и нам снова грозило окружение.

Так продолжалось до 9 февраля, когда мы уже недалеко от французской границы нашли автомашины, погрузились и, согласно приказу, направились в Порт-Боу. Дорога была запружена отступающими бойцами республиканской армии, гражданским населением, уходящим от фашистов. Не сосчитать груженых поклажей ослов, ручных тележек, медлительных и невозмутимых мулов, запряженных в арбы с огромными колесами, велосипедистов, мотоциклистов, автомобилей... Дорога проходила в горах, по одну сторону — крутой подъем, по другую — глубокое ущелье. Оно «помогало» быстро ликвидировать часто возникавшие пробки: машины проворно очищали дорогу, сталкивая вниз все, что оставлено, все, что невозможно было увезти с собой. В ущелье летели ненужное уже оружие, запасы продовольствия и горючего, застрявшие почему-либо машины и повозки. Все это мы портили или поджигали, чтобы фашисты не могли использовать. То и дело ярко вспыхивало и горело разное имущество.

У самой испано-французской границы нас встретил представитель Коммунистической партии Франции. Он приветствовал нас, интернационалистов, которые до последней возможности боролись за демократию Испании.

Без оружия, но организованно мы переходим границу. Во Франции мы сразу попали в руки жандармов. Вначале мы шли молча. Потом начали потихоньку петь «Марсельезу». Жандармы не обратили никакого внимания на наше пение. Мы запели испанские песни. Жандармы нам снова не мешают. Совсем осмелев, мы начали петь революционные песни на испанском и других языках. И это жандармы не пытались запретить, делают вид, будто не слышат. А я подумал: «Да, во Франции — демократия! Но ведь именно она задержала на границе оружие, купленное законным правительством Испании, и дала возможность фашистским интервентам Германии и Италии уничтожить демократию в Испании. Поистине — демократия, да только буржуазная!».

Мы шли строевым порядком. После боя, длительных переходов и бессонных ночей вид у нас одичалый: небритые, невымытые, одежда на многих изодрана... Сочетание этого вида с четким воинским шагом, сомкнутыми рядами и пением производило сильное впечатление.

Жители населенных пунктов южной пограничной полосы Франции горячо приветствовали нас.

На улицах, заполненных народом, слышались дружеские возгласы, аплодисменты. Нам протягивали фрукты, молоко, вино. Со всех сторон самое дружеское отношение. Как видно, идея единого фронта, пропаганда о помощи Испанской Республике оставила во французском народе глубокие следы.

На третий день после перехода границы мы дошли до Средиземного моря.

Нас разместили в Сепсиприенском концлагере. Бытовые и санитарные условия оказались очень тяжелыми. Мы создали нелегальную парторганизацию, наладили связь с Компартией Франции и постепенно добились улучшения условий жизни и наладили сносный быт. В лагере я пробыл недолго.

20 марта нас, группу товарищей, отвезли в Перпиньян. Несколько дней нам пришлось провести здесь в какой-то пустой конюшне, на соломе. К нам приехал посол Советского Союза. Под охраной жандармов нас отвезли в Гавр. Шесть дней мы прожили в небольшой приморской гостинице. Затем погрузились на советский танкер «Сибирь» и 6 апреля прибыли в Ленинград. День спустя мы уже в Москве.

Я возвратился в Москву к близким и друзьям с противоречивыми чувствами. Я бесконечно счастлив снова находиться среди своих, в столице своего социалистического государства. Хочется как можно скорее снова вместе со всеми продолжать строительство социализма.

Но хорошее настроение и радость были омрачены мыслью об испанском народе, о стране, которую я успел полюбить, которая сделалась для меня близкой.

Мою радость омрачала также мысль о товарищах, которые остались за железной проволокой во Франции, на берегу Средиземного моря.

1965 г

На русском языке публикуется впервые

НА САПЕРНОЙ СЛУЖБЕ В ИСПАНИИ

В 1937 году я работал руководителем лаборатории по электромеханизации животноводства Всесоюзного научно-исследовательского института электрификации сельского хозяйства в Москве.

Читая в газетах телеграммы, очерки М. Кольцова и И. Эренбурга, мы в институте горячо обсуждали события в Испании. Нас восхищал героизм испанского народа и воинов Интернациональных бригад.

Я был одним из многих, выразивших желание сражаться с оружием в руках против наступающего фашизма. Боевая страда была мне знакома. Еще в 1916 году я в составе 7-го Бауского латышского стрелкового полка, принял первое «боевое крещение» у Пулеметной горки¹. Участвовал в гражданской войне в качестве пехотинца, пулеметчика, кавалериста. Вышел в запас командиром.

Я получил разрешение на выезд в Испанию добровольцем.

...Несколько дней ушло на выполнение всех формальностей. Затем меня направили на военные курсы под Москвой. Здесь проходили подготовку представители ряда иностранных

¹ Пулеметная горка — высота под Ригой, где во время первой мировой войны героически сражались сибирские полки и латышские стрелковые части. Ред.

коммунистических партий, которые в последние годы проживали в Москве.

Из латышей здесь, кроме меня, был Волдемар Вецгайлис, которого я знал еще со времен гражданской войны.

Курсы готовили офицеров инженерно-технической службы. Мы изучали теорию и практику различных фортификационных работ. У всех нас было одно желание: как можно шире овладеть нужными знаниями, чтобы впоследствии успешно выполнить свои обязанности. Работали много и серьезно.

За три месяца мы прошли учебный курс. Квалификационная комиссия, оценив результаты испытаний, признала Вецгайлеса, венгерского коммуниста Фрица Вальтера и меня годными к исполнению обязанностей командиров саперных батальонов. Да это и понятно. У нас, у всех троих, за плечами опыт гражданской войны. В Советской стране мы все приобрели также технические знания. Вальтер в первую империалистическую войну попал в Россию в плен, участвовал в гражданской войне до самого ее окончания, а затем стал инженером.

После курсов в августе мы вернулись в Москву. В начале сентября Арнольд Эглитис, один болгарский товарищ и я начали свое путешествие в Испанию.

Через Финляндию, Швецию, Данию и Бельгию добрались до Франции. Несколько дней провели в Париже. 19 сентября мы уже были у подножия Пиренейских гор. Вечером начали переход через горы. После 7-часового марша на рассвете 20 сентября подошли к испанской границе.

Все трое получили разрешение продолжать путь дальше, в Альбасете, где находилась база Интернациональных бригад.

Там нас снабдили служебными удостоверениями и выписками из приказа, согласно которому нам присваивалось звание лейтенантов Республиканской армии Испании. Но мы еще не знали, в какую воинскую часть будем зачислены.

А пока нас направили в лагерь интернационалистов Посорубио неподалеку от Альбасете.

В лагере мы застали почти всех, с кем вместе учились на курсах в Подмосковье. Большинство еще не имели назначения. Встреча была радостной. Мы делились друг с другом своими дорожными переживаниями. В последующие дни наши товарищи один за другим получили предписания выехать в воинские части на различные участки фронта. Через неделю нас осталось здесь всего несколько человек, и я

отправился в Альбасете, чтобы выяснить дальнейшие перспективы.

Меня принял начальник интернациональной базы и сообщил, что решил назначить меня командиром саперного батальона, расположенного здесь же в Альбасете. Вначале я не понял, что же это за тыловой саперный батальон. Оказывается, что в действительности — это лагерь деморализованных солдат, из которых необходимо организовать саперный батальон, перевоспитать их и вернуть на фронт полезными солдатами. Конечно, на помощь испанскому народу в его борьбе с фашизмом из многих стран мира едут в основном коммунисты, самоотверженные борцы. Но приезжают и незрелые, романтически настроенные юнцы и всякие любители приключений. Наивно было бы думать также, что события в Испании остались без внимания со стороны разведок капиталистических стран. Они направляют сюда своих агентов с самыми различными заданиями. Одним поручается выследить, что здесь происходит; другим — подорвать воинскую дисциплину интернационалистов. Впрочем, большинство нарушений дисциплины происходит не из-за злого умысла. Просто, впервые оказавшись на фронте, некоторые, возможно, немного оробели или неосознанно попали под влияние какого-нибудь подстрекателя. Таким людям мы должны помочь. Подлинных же врагов следует разоблачить.

...Осмотрев лагерь батальона, я решил, что первым делом необходимо людей занять работой и организовать по строго определенному плану.

Я понял, что мне одному не справиться хотя бы потому, что недостаточно владею языками, а состав батальона многонациональный. На следующий день снова отправляюсь в Альбасете. Прошу командование дать мне несколько помощников. Добиваюсь, что ко мне прикомандировали Фрица Вальтера. Кроме того, генерал прикомандировал мне в помощь еще двух коммунистов — итальянца и немца.

Весь батальон я разбил на роты и взводы, назначил командиров. Установил внутренний распорядок по образцу, существующему в Красной Армии, и строго требую соблюдения воинской дисциплины и исполнения приказов как от командиров, так и от солдат.

Через несколько дней мне в помощь направили венгерского лейтенанта. Он хороший хозяйственник. Я поручил ему обязанности интенданта. С его появлением у нас заметно улучшилось продовольственное снабжение.

Нескольким группам я дал задание привести в порядок территорию брошенного дома, где в дальнейшем разместится батальон. Остальные группы направил на ремонт дороги и моста или рытье окопов, чтобы научились выполнять саперные работы.

Вскоре батальон расположился в новом помещении. Оно для батальона тесновато, но все же пришлось зал оставить под клуб для культурного отдыха.

Для обмена опытом часто встречаюсь с товарищами из офицерского училища в Посорубио. Хочется, чтобы в нашем батальоне был такой комиссар, как товарищ Эгон Шмидт (Шварц). Он тоже сапер, и мы часто обсуждаем с ним возможности создания саперной службы в Республиканской армии Испании. Шмидт — настоящий комиссар: хорошо подкованный политически, отличный психолог, он руководит воспитательной работой в училище и умеет найти правильное решение в любой ситуации.

Наконец и радостное событие: к нам приехал французский товарищ на должность комиссара — коммунист (к сожалению, не помню его фамилию).

Разговаривали мы при помощи переводчика; но как коммунисты мы понимали сложность поставленной перед нами задачи и всегда находили взаимопонимание для ее решения.

В том, что впоследствии деморализованные солдаты стали полноценными бойцами и вернулись на фронт, большая заслуга нашего комиссара и моих ближайших помощников.

Наступал январь 1938 года. В Испании мороза нет, но солнце скрылось и идут дожди. Снежная зима только в горах. В новогоднюю ночь в Альбасете и в ее окрестностях выпал снег, который пролежал несколько дней.

С фронта пришли хорошие известия. Республиканская армия в декабре провела наступление, окружила и заняла город Теруэль. Было взято несколько тысяч пленных. С Вальтером все же чувствуем себя неловко. В Испании мы уже почти полгода, но ни одного дня еще не были на фронте. Мы неоднократно просили генерала сменить нас и отправить на фронт. Обычно он отвечает:

— Хорошо, хорошо, потерпите! Когда батальон выправится, пустим и вас на фронт.

Наконец наша просьба удовлетворена! В конце января меня направляют во вновь формируемый чешский батальон

им. Масарика, который размещен примерно в 40 километрах от Альбасете.

Командир батальона, узнав что я латыш, сказал, что комиссар пулеметной роты Барон тоже из Латвии. С Бароном я до той поры не встречался. Знал только, что он работает в штабе. Теперь мы познакомились.

С Бароном, как и со Шмидтом, очень быстро нашли общий язык по всем вопросам. От Барона я узнал и о других добровольцах из Латвии. Их, оказывается, довольно много.

Скоро в батальон прибыл Александр Гинцбург, он тоже из Латвии, коммунист. Гинцбурга назначили комиссаром батальона им. Масарика.

В первых числах февраля наш батальон направляют на Эстремадурский фронт. Располагаемся в городке Чильоне, в трех километрах к северу от города Альмадена — известного центра по добыче ртути. Сюда прибывают батальоны 45-й дивизии им. Димитрова и им. Джаковича. Все эти батальоны объединяются в 129-ю бригаду.

Вскоре прибыл командир бригады майор Вацек.

Через несколько дней меня назначили инструктором саперной роты. Командир роты — болгарин. Я нашел его с группой младших командиров у пылающего камина. Все сидят на ящиках, пьют кофе и беседуют... Я представился.

Ознакомившись ближе с положением дел в саперной роте, пытаюсь убедить командира в необходимости срочно организовать обучение саперов...

Испанским языком я владел еще слабо, поэтому прошу, чтобы мне дали переводчика. Из батальона им. Димитрова ко мне откомандировали Павло, молодого сержанта. Он родился в России. В 1914 году, когда он был совсем еще маленьким мальчиком, родители его уехали в Палестину. Потом Павло отправился во Францию, а оттуда — в Испанию. Он владеет всеми основными европейскими языками. С Павло у нас быстро установились товарищеские отношения. Он стал моим незаменимым помощником. Я ему очень многим обязан...

Долго сидеть в резерве не пришлось. В начале марта бригада получила приказ отправиться на фронт в сектор Кабесадель-Буэй, где фашисты пытались наступать в направлении Альмадена. Но не успели мы занять позиции, как бригада получила новый приказ. Мы должны отбыть на Арагонский фронт.

В это время для Республиканской Испании наступили тяжелые дни. Фашистская армия, сконцентрировав в Арагоне

огромные превосходящие силы и преодолевая сопротивление Республиканской армии, широким фронтом от Теруэля до Сарагосы рвалась к Средиземному морю, чтобы отрезать Каталонию и промышленный район Барселоны от Центральной Испании. Для Центральной Испании это означало потерю сухопутной связи с правительством Негрина.

Приходим на Левантский фронт, к городу Морелья. Начинаются трудные дни и для нас, саперов. Укрепления нужно возводить быстро. Чаще всего в горах. Почва везде каменная. Лопатой и киркой ничего не сделаешь. Бойцы саперной роты своих обязанностей не знают, со взрывчатыми веществами обращаться не умеют.

Однажды батальон им. Масарика получил приказ штаба бригады: одна из рот должна атаковать противника, который занимает высоту метрах в 600 от нас и очистить ее от фашистов.

Когда наша рота спустилась в долину, ее вдруг начали обстреливать пулеметы. Оказывается, слева окопалась марокканская пехота. Этого мы никак не ожидали. Попав под перекрестный пулеметный и винтовочный огонь, наша рота вынуждена прекратить атаку и, неся тяжелые потери, отойти на исходные позиции. Комбат послал против марокканцев несколько пулеметчиков под командованием Барона, а нам было приказано помочь пулеметчикам Барона подготовить позиции, так как у них нет саперных инструментов. Мы — 20 саперов и Павло отправляемся к Барону.

В Республиканской армии Испании саперов не вооружали. Все их оружие — лопаты, топоры, кирки и тому подобное. Захватив все необходимое, отправляемся на выполнение задания.

Подойдя к лощине, которую мы должны преодолеть, чтобы добраться до Барона, мы увидели, что фашисты держат ее под непрерывным огнем. Чтобы избежать ненужных потерь, я оставил своих саперов под прикрытием скал, сам же вместе с Павло отправился на поиски Барона. Он дал нам несколько связных, которые развели саперов по рабочим местам.

Всю ночь саперы усердно работали. Под командованием комиссара батальона Гинцбурга делается попытка выбить марокканцев с их позиций. Но это не удастся. Высота крутая, а марокканцы, заметив атакующих, забрасывают их ручными гранатами. На рассвете саперы прекратили работу и возвратились под прикрытием скал.

Так батальон им. Масарика принял первое «боевое крещение».

В дальнейшем я часто бывал в пулеметной роте Барона.

Артиллерии и авиации у нас нет. В обороне или в наступлении успех зависит от того, насколько выгодные позиции заняли наши пулеметчики. Поэтому мы вместе с Бароном лазим по вершинам испанских гор, чтобы выбрать для пулеметчиков наиболее выгодные позиции.

С каждым днем между мной и Бароном крепнет дружба. На первый взгляд тихий, скромный и неразговорчивый, он оказывается интересным собеседником, человеком больших политических знаний, стойким коммунистом. Его характерные черты — сердечность и человечность, поэтому он пользуется всеобщей любовью и уважением своих подчиненных.

...30 и 31 марта в боях к северо-востоку от Морельи был почти полностью уничтожен занимавший передовые позиции батальон им. Джаковича. Резервов для пополнения батальона нет, и он временно выбыл из строя. В составе 129-й бригады остается только два батальона. Батальон им. Масарика получает приказ занять позиции в том районе, где оборонялся батальон им. Джаковича. Батальон им. Димитрова находится от нас километрах в 30, в тылу.

2 апреля наш батальон занимает позиции. Штаб бригады расположился в тылу примерно в километре от нас. В моем распоряжении группа саперов, человек 40. Получаю приказ построить блиндаж для штаба бригады.

К вечеру из штаба бригады приходит распоряжение — направиться в батальон им. Масарика, чтобы помочь в сооружении оборонительных позиций. 10 человек оставляю на строительстве блиндажа для штаба. Остается с ними также командир роты со всем хозяйством.

С остальными 30 саперами и запасными инструментами я отправляюсь в батальон им. Масарика. Батальон занял небольшую высоту. За ней долина, поросшая редкими, низкорослыми соснами. Дальше, метрах в 800 от нас, на противоположной высоте — фашисты. С командиром батальона и Бароном обходим позиции. Распределяем саперов на работу.

На неприятельской стороне интенсивное автомобильное движение. Видимо, подходят резервы. На нашем участке два трехдюймовых орудия. Командир батальона просит разрешения обстрелять противника. Из штаба бригады отвечают, что

снарядов мало, поэтому стрелять ночью по невидимым целям нельзя

Связи с соседними частями нет. Договариваемся с командиром батальона, что мы с Бароном установим связь с соседями. Берем с собой несколько связных и уходим.

Справа от нас высота, с которой хорошо просматривается вся местность. Там группа бойцов Республиканской армии беспечно расположилась у костра. Это анархисты. Они встречают нас холодно и заявляют, что не нуждаются ни в какой связи. Нам остается только оставить у них одного из наших связных и уйти.

Слева от нас шоссе, оно ведет в сторону противника. Где-то здесь должны быть наши части. Но мы никого не находим. Связь с частями слева нам установить не удастся. Наше левое крыло остается совершенно открытым. Командир батальона посылает на шоссе несколько пулеметов из резерва батальона.

О положении в батальоне докладываем командиру бригады. На рассвете саперов отправляю на отдых в расположение штаба бригады. Мы с Павло остаемся при штабе батальона. Хочу днем получше разведать местность, чтобы в следующую ночь надежно устроить позиции пулеметчиков.

Вскоре раздается гул самолетов. Бойцы батальона залезают в отрытые за ночь укрытия. На командном пункте батальона мы успели вырыть щель длиной в два метра, глубиной в полметра и шириной метра в полтора. Только в ней укрылись, вражеская эскадрилья обрушивается на нас весь свой груз. К небу вздымается пламя, нас оглушает грохот. Вокруг дым, пыль, летят камни.

Несколько минут тишины, затем в небе снова появляется группа самолетов. Все начинается сначала.

Сколько эскадрилий в тот день сбросило на нас свой груз, никто из нас потом не мог сказать. В укрытии мы пролежали больше часа. Когда наконец воцарилась тишина, мы, совершенно оглушенные, стали выбираться оттуда. Пыль и дым закрыли солнце, казалось, наступили сумерки.

Пострадало несколько человек. Нас спасло то, что мы за ночь успели соорудить простейшие укрытия. Никто позиций не оставил. Все тяжело переживаем, что у нас нет никакой противовоздушной обороны.

Сразу же после бомбежки позиции батальона начинает обстреливать вражеская артиллерия. Комбат приказывает мне

без промедления оставить батальон, так как помочь я здесь уже ничем не могу.

— Пойми, — говорит он мне, — каждым лишний человек здесь — это возможная лишняя жертва. Отправляйся в штаб бригады и доложи комбригу, что батальон на месте и каждый его воин готов выполнить свой долг.

Когда мы с Павло пришли к месту, где вчера еще стоял штаб бригады, не находим там никого.

В районе расположения батальона идет бой. С левого фланга по шоссе движутся фашистские танки. Там, где вчера находилась группа анархистов, раздается винтовочная и автоматная стрельба. Теперь мне все понятно: анархисты после бомбежки оставили высоту, и фашисты, не встречая сопротивления, обошли наш батальон.

Ничего другого нам с Павло не остается, как только искать штаб бригады. Идем вдоль дороги, метрах в ста пятидесяти от нее. По дороге идти опасно: пять фашистских «юнкеров» летают совсем низко.

Отойдя подальше от дороги, мы решили передохнуть. Уже полдень. У дороги грохот боя не смолкает ни на минуту.

Наступает вечер. Мы все еще продолжаем путь на юг. Стрельба не прекращается. Значит, части противника опередили нас и теперь наш батальон полностью окружен.

Чтобы выйти из окружения, нам необходимо перейти через шоссе. Дойдя до горной речушки, которую где-то дальше пересекает шоссе, мы решили продвигаться вдоль нее и ночью перебраться на другую сторону шоссе под мостом.

Наступил вечер. Солнце почти ушло за горизонт. На шоссе как будто все тихо. Направляемся вдоль реки к мосту. Он открыт со всех сторон. Недалеко от него на шоссе мы вдруг заметили несколько человек. Уже было повернули обратно, но услышали чешский язык. Пошли на голоса. Группа чехов тоже ищет дорогу: они потеряли связь со своими.

По берегу горной речки мы доходим до долины, поросшей мелким кустарником. Неожиданно раздается свист артиллерийского снаряда, за ним другой.

Снаряды падают недалеко от нас, но не взрываются. Из-за поворота шоссе появились два танка. Мы быстро перебегаем к нескольким чехам, которые стоят здесь недалеко.

Это группа из резерва нашего батальона. Под командованием комиссара Гинцбурга она должна была охранять

дорогу и не допустить окружения. Бойцы ручными гранатами отчаянно сопротивляются наступающим танкам.

Гранаты у бойцов кончились, но и танки остановились.

У меня остались две ручных гранаты. Мы решили переждать до темноты.

Ночью кто-то из чешских бойцов подполз к танку и бросил в него гранату. Через некоторое время танки ушли.

От бойцов мы узнали о положении в батальоне. Комбат в самом начале боя был ранен и эвакуирован. Но батальон своих позиций не оставлял, покуда фашисты не обошли его с двух сторон, тогда начали отходить небольшими группами. Барона ранило в ноги, но никто так и не знает, был ли он эвакуирован...

Ночью мы подошли к Морелье. Чехи хотят зайти в город, но я их отговариваю: в Морелье еще недавно хозяйничали анархисты. Мы голодны, но решили в город не заходить. И все же утром чехи отправились в Морелью. Мы с Павло остались и решили продолжить поиски штаба бригады. Вдруг на дороге показалась машина. Дверь кабины открылась, и вышел комиссар Гинцбург! Увидев нас, он радостно закричал: «Это замечательно, что я вас встретил!»

Он рассказал нам, что батальона как организованной воинской части больше нет. Был получен приказ — отходить группами на Сан-Матео (около 20 километров от нас).

— Садитесь в машину и поезжайте туда! В Сан-Матео надо задержать всех отступающих; свяжитесь с местными органами власти, организуйте для бойцов отдых. Я останусь здесь со своей группой и, сколько смогу, буду оборонять дорогу. Пришлите мне с машиной из Сан-Матео немного продовольствия, а главное — ручные гранаты.

Гинцбург и несколько бойцов с ним остались на дороге, а мы поехали в Сан-Матео.

Алькальд Сан-Матео всячески старается нам помочь. Скоро удастся достать все необходимое. К вечеру — в одиночку или небольшими группами — прибывают бойцы батальона им. Масарика и других отходящих частей. Многие ранены. В полном составе прибывает моя группа саперов, с которой мы в последнюю ночь рыли траншеи на позициях нашего батальона.

На следующий день в Сан-Матео прибывает батальон им. Димитрова. К нему присоединяются оставшиеся в живых бойцы батальона им. Масарика.

Около полудня я получаю от Гинцбурга небольшую

записку. Он просит немедленно прибыть к нему с несколькими саперами и саперным снаряжением для оборудования позиции. Почва каменистая, а у них нет никаких инструментов.

Но и у нас больше нет взрывчатки. Она осталась в бывшем расположении штаба бригады. Павло, я и несколько саперов, захватив инструменты, быстро выезжаем в указанное Гинцбургом место.

Туда прибыли на рассвете. Кругом тихо. Ни единой живой души! Пустые гильзы, окровавленные бинты, куски ваты свидетельствуют о том, что здесь совсем недавно произошла жестокая схватка. Где сейчас Гинцбург со своей группой — неизвестно.

Утром показались фашистские самолеты. Сбросив несколько бомб, они улетели. Значит, противнику еще неизвестно, что защитники шоссе оставили свои позиции.

Отходить по дороге не можем. Решаем идти по тропинке в густом колючем кустарнике по плечо высотой.

Нас начинают обстреливать разрывными пулями. Они надрывно свистя, проносятся над нами или разрываются в кустарнике.

Одна пуля попадает в черенок саперной лопаты, и осколок легко ранит сапера в шею.

Нам надо отходить. Выходим на шоссе, по которому ехали ночью, и идем в направлении Сан-Матео. Пройдя километра два, натываемся на орудие на обочине. Артиллеристы испанцы сказали нам, что находятся здесь еще со вчерашнего вечера. Ночью мимо них прошли бойцы-интербригадовцы. Они несли раненых. Значит, это была группа Гинцбурга.

Мы вернулись в Сан-Матео и встретили там несколько бойцов из группы Гинцбурга. Они рассказали, что в бою многие погибли, Гинцбург и несколько бойцов тяжело ранены. Оставшиеся в живых и легко раненые ночью похоронили погибших товарищей и отошли. Гинцбург в дороге скончался, его похоронили на обочине шоссе.

Батальон расположился в деревне, южнее Сан-Матео. На следующий день возвратился комбат. Он был тяжело контужен, но вернулся в строй. Утром в Сан-Матео прибыл также командир бригады со штабом.

Мы тяжело переживаем гибель Барона и Гинцбурга. Даже те, кто знал их совсем недолго, успели сблизиться с боевыми командирами.

В моей памяти навсегда сохранится светлый образ этих отважных боевых товарищей.

В батальонах им. Димитрова и им. Масарика преимущественно чехи. Из батальона им. Джаковича осталась в живых небольшая группа югославов — человек 20—30. Среди них немало коммунистов с большим опытом революционной работы. Все они — замечательные воины.

После 15 апреля в 129-й бригаде из представителей Латвии остались только Пекайнис и Гуревич. Знакомлюсь с ними ближе. Пекайнис — командир пулеметного взвода батальона им. Димитрова. Хороший боец, впоследствии на Левантском фронте он был тяжело ранен.

Макс Гуревич — замечательный пулеметчик, самоотверженный человек. Я провел с ним бок о бок почти восемь месяцев, но даже не заметил, что после ранения, полученного в сражениях под Мадридом, он перестал видеть одним глазом. Он никогда ни на что не жаловался. В годы Великой Отечественной войны Гуревич снова ушел на фронт, отважно сражался и погиб смертью храбрых.

Фашисты рвались к морю в районе Винарос—Тортоса. 15 апреля 1938 года они заняли Винарос, а к 20 апреля в руках неприятеля было уже несколько десятков километров по берегу Средиземного моря от Винароса до Эбро.

В это время продвижение фашистов в Каталонии по берегам рек Эбро и Сегре удалось приостановить. Фашисты стремились развить наступление в направлении Валенсии. Мы отходили с боями...

129-я бригада в короткий срок восстановила свою боеспособность. Место погибших и раненых воинов заняли испанские бойцы и интернационалисты-добровольцы, оказавшиеся к югу от полосы фашистского прорыва. Вместе с всеми войсками Левантского фронта наша бригада с мая до октября в кровопролитных боях сдержала натиск превосходящих сил врага. Героизм добровольцев. 129-й бригады, проявленный при штурме горной позиции Пенья-Марко. 14—15 июля в стойкой обороне у Торихос, в контратаках на высоты в секторе Мансанеры, на вражеские укрепления у Сариол и Кривентад и во многих других операциях был отмечен правительственной наградой «Медаль за доблесть», благодарностью в приказе командования корпуса и руководства Интернациональных бригад.

В начале октября я получил несколько дней отпуска и уехал в Валенсию. Здесь я встретил нескольких соотечественников — Фрициса Пуце, Георга Брозиня, Яниса Беникиса, Жаниса Фолманиса (Гриву), Беньямина Кура.

В штабе мне стало известно, что все бойцы Интернациональных бригад с фронта отзываются. Мне сказали, что в бригаду мне возвращаться не к чему. Скоро в Валенсию прибыла вся 129-я бригада.

Нас разместили в Катаррохе. Это небольшой городок в 20 километрах к югу от Валенсии. Здесь собраны все бойцы Интернациональных частей, сражавшихся в центральной Испании.

Расположились мы в крестьянских домах, по 2—3 человека. Я живу с Рудиным и Гуревичем. Наши продукты отдаем крестьянам, которые для нас готовят. Продовольственный паек невелик. Несмотря на это, крестьяне нас кормят очень хорошо, намного лучше, чем позволяет наш паек. Идет уборка урожая. Мы охотно помогаем крестьянам. Тем не менее я считаю, что нам следовало бы платить за продукты, которые крестьяне добавляют, чтобы улучшить наше питание. Как-то после обеда завожу об этом разговор с крестьянином, у которого мы живем. Старик рассердился; не сказал ни слова, встал из-за стола и ушел.

— Я что-нибудь неправильно сказал? — спрашиваю у товарищей.

Я плохо знаю испанский язык, поэтому вполне мог допустить какую-нибудь оплошность. Товарищи успокаивают; все правильно и все понятно. Они сами недоумевают, из-за чего он обиделся? Я не могу успокоиться.

Нашел старика. Сели, закурили. Вначале говорили о том о сем. Потом я спросил:

— Мне кажется, что разговор о том, что мы должны платить за продукты, вам был неприятен? Если это так, то очень прошу меня извинить. Но все же я хотел бы знать, чем я вас обидел?

Старик снова рассердился. Встал, посмотрел на меня сурово и сказал:

— За кого вы нас принимаете? Вы здесь не жалеете своей крови, своей жизни, сражаясь за свободу испанского народа. А о нас думаете, что мы для вас тарелку супа пожалеем?

Немного помолчав, он добавил:

Если хотите, чтобы мы остались друзьями, пожалуйста, не говорите больше об этом.

Наступил 1939 год. В конце декабря фашисты форсировали Эбро и начали наступление в направлении Барселоны. Утром 17 января мы поездом прибыли в Валенсию, а вечером того же дня были уже в порту, сели на пароход. Представители

Лиги Наций — офицеры армии различных стран — устраивают нам настоящий допрос. Вскоре судно отправляется. Самочувствие не из приятных. Знаем, что кругом рыщут фашистские подводные лодки и другие суда военного флота. Утром благополучно прибываем в порт Барселоны.

В Барселоне нас разместили на окраине города, в новом, еще недостроенном здании. К нам приезжает премьер-министр Республиканского правительства Негрин. В краткой речи он поблагодарил Интернациональные бригады за ту помощь, которую они оказали республике, и сообщил о решении правительства всем нам предоставить право гражданства Испанской Республики.

Через несколько дней нас направляют в городок Палафружел, в нескольких километрах от моря. Здесь мы встретились с другими добровольцами из Латвии. С большинством из них я вижу впервые.

Радость встречи омрачает известие с фронта 26 января пала Барселона. На общем митинге 13-й бригады единогласно решаем просить правительство республики о разрешении вернуться на фронт.

Снова воюем. Не хватает оружия. Теперь уже не подразделяемся на артиллеристов и саперов. Теперь все мы пехотинцы, вооруженные только винтовками. Пулеметов — легких и тяжелых — у нас очень мало. Организуемся по национальным группам. Все добровольцы из Латвии сейчас вместе. Нами командует капитан Чиспа (Александр Березин).

...С тяжелыми боями отступаем уже десять дней. Мы попали в сложное и опасное положение. Нас, группу из пяти человек Рудин, Гуревич, Пуце, Шмидт и я, — отрезали от остальных. Мы отходим по какой-то дороге в направлении границы. Где-то слева слышна артиллерийская канонада, разрывы авиабомб. Дорога забита отступающими военными частями и машинами. Уходит гражданское население.

Дорогу обстреливают артиллерийскими снарядами. По обеим ее сторонам болото и свернуть некуда. Образовалась пробка.

С несколькими испанскими бойцами мы бежим разведать, откуда стреляют.

Примерно в километре от дороги стоит фашистский танк. Один из танкистов, наполовину высунувшись из открытого люка и глядя в бинокль, корректирует стрельбу. Незаметно подкравшись совсем близко, делаем несколько метких

выстрелов. Фашист с биноклем сваливается в люк. Танк быстро развернулся и ушел.

Вечером мы отходим в горы. В крестьянском доме на склоне горы проводим ночь. Ночью к нам присоединяются еще 10 интернационалистов — итальянцы. Утром крестьяне показывают нам горную тропку, по которой можем перейти французскую границу.

Раннее утро 9 февраля. Солнце светит так же, как тогда, сентябрьским утром 1937 года, когда мы прибыли в Испанию. Мы снова переходим Пиренеи, только в обратном направлении. Во Франции, в первой же деревне, куда мы приходим, нас ожидают жандармы. Обыскав нас, они разрешили нам свободно идти дальше.

На всех дорогах испанские беженцы, уходящие от фашистов. Французские крестьяне выходят навстречу, кормят нас, угощают фруктами. Кое-где попадаются группы интербригадовцев.

Приходим в Сенсиприенский концентрационный лагерь. Здесь нет никаких построек, только колючая проволока. Иностранных добровольцев отделяют от испанцев. На ночь зарываемся в песок. Пронизывающий февральский ночной ветер свистит над нами и гонит колючий прибрежный песок.

Утром сюда прибыла новая группа латвийских добровольцев. Но многих еще недостает. Оказывается, большая группа интербригадовцев отправлена в лагерь в Аржелесе. Среди них и товарищи из Латвии.

Несколько дней мы провели все так же зарывшись в песок. Вскоре нам привозят доски и немного шифера для крыши. Строим что-то вроде жилья и теперь можем кое-как укрыться от ветра.

Мы разделились на национальные группы. Наша группа объединяет прибалтийцев, в нее входят и литовцы, и эстонцы, даже несколько шведов и норвежцев. Но большинство из Латвии.

Всех нас тревожит вопрос что — с нами будет дальше? Мы, то есть те, кто приехал из Советского Союза, не сомневаемся, что скоро получим возможность вернуться обратно. А что будет с остальными, которые сейчас на свою родину — в Латвию, Эстонию и Литву — вернуться не могут? Французские органы власти пользуются этим и начинают наглую вербовку в иностранный легион. Устанавливают громкоговоритель, по лагерю шныряют специальные вербовщики. Контрагитацию мы можем вести только нелегально, привлекая к этому в

основном тех товарищей, которые уже побывали в иностранном легионе. Когда громкоговорители начинают свою «работу», мы шумим, кидаем в них камнями. Скоро агитация затихает, так как желающих завербоваться нет.

Снова прибывает какая-то международная комиссия. Каждого по отдельности выпрашивают, куда он хочет ехать. Интересуются, были ли мы на фронте в последние дни.

10 марта в Москве начал свою работу XVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Получены первые газеты с материалами съезда. Сижу читаю отчетный доклад Центрального Комитета. Неожиданно открывается дверь барака, заходит французский жандарм с бумагой в руках. Он называет фамилии тех, кому разрешено выехать в Советский Союз.

Утром всех нас, кому разрешен отъезд в СССР, доставляют в Перпиньян. Здесь, во дворе одного из домов, заполняют анкеты, снимают отпечатки пальцев, обыскивают. У одного отнимают фотоаппарат, у другого — что-то из одежды. Но теперь мы уже спокойны — знаем, что консул Советского Союза не разрешит задержать наш отъезд.

Когда «очистительная» процедура закончена, нас отводят на бывшую конюшню. Навоз убран, завезена свежая солома, но конюшня остается конюшней. Жандармы больше не ходят за нами по пятам. Но и не выпускают никуда.

После всего, что пришлось перенести в последнее время, конюшня со свежей соломой показалась нам раем. Не дует больше холодный ветер, не засыпает нас колючим, острым песком, не поливает дождем.

Однако и наши требования растут. Нам привозят обед. Еда, кажется, хорошая. Но мы объявляем, что в конюшне есть не станем. Жандармы вначале грозят, потом начинают уговаривать. Наконец, выдвигают такую мотивировку: «Не можем гарантировать вашу безопасность, у нас нет людей, чтобы охранять вас, сопровождать по городу». Это нас возмущает еще больше.

— Нам не нужна никакая охрана, мы не звери! — кричим мы.

Наконец нас выстраивают и в сопровождении жандармов ведут в столовую. Мы добились своего. Идя строем, поем «Бандиера Росса» и другие песни борцов за свободу Испании. Встречные отвечают нам поднятыми кулаками — общепринятым в Испании боевым революционным приветствием.

В феврале 1939 года республиканцы переходят испано-французскую границу

Группа интернационалистов. Справа налево: Фрицис Вальтер. Аугуст Ратник и два венгерских товарища

Янис Берзин

 República Española

 Número de la 49.362
JEFE

BRIGADAS INTERNACIONALES

CARNET MILITAR PARA

Apellidos Stranek

Nombre August

LEER CON ATENCION

- 1) Se ruega a los voluntarios que manden a cada cambio este Carnet Militar al Servicio de **BRIGADAS INTERNACIONALES** ★
- 2) No se extienden duplicados de este Carnet.
- 3) Los portadores del Carnet no tienen derecho a hacer inscripciones.

Военный билет интернационалиста А. Ратника

Через три дня нам выдают временные советские паспорта.
Париж, Гавр...

Наконец мы, группа около 60 человек, садимся на советский пароход «Сибирь» и через несколько дней прибываем в Ленинград. Мы снова на Родине.

1966 г.

На русском языке публикуется впервые

САРА ШВАЛБЕ

ФРОНТОВОЙ ВРАЧ В ИСПАНИИ

В 1934 году я закончила медицинский факультет Пражского университета. Учиться в Праге я начала в 1924 году, но из-за недостатка средств была вынуждена в 1926 году на длительное время учебу прервать. Студенткой третьего курса я вернулась в свой родной Даугавпилс и, чтобы заработать деньги для дальнейшего образования, три года работала медицинской сестрой.

В этот период, в 1928 году, я установила связь с Коммунистической партией Латвии, стала ее членом и выполняла все задания, которые мне поручались. В 1929 году я снова уехала в Прагу и в 1930 году вступила в Коммунистическую партию Чехословакии. В начале я состояла в квартальной ячейке в районе Миле (рабочий район Праги), потом в Нусли-Удоли и в Панкраце, была членом агитационно-пропагандистской коллегии Панкрацкой организации Компартии Чехословакии.

В декабре 1934 года я получила диплом врача, а в 1935 году начала работать в стоматологической клинике Пражского университета. Через год, закончив специальный курс, я получила звание врача-стоматолога.

Когда в 1936 году в Испании начался фашистский мятеж и весь мир был взволнован и возмущен вмешательством фашистских стран — Италии и Германии, — Коммунистическая партия Чехословакии развернула широкую кампанию помощи Испании. На одном из собраний студенческой Коммунистической

организации я дала согласие поехать в Испанию. Вскоре ЦК КПЧ оформил все необходимые для моего отъезда документы.

Из Праги я выехала 26 января 1937 года.

Недалеко от испано-французской границы нас ожидали испанцы. По-дружески и сердечно нас встретили испанские пограничники. К вечеру 29 января наша группа добровольцев прибыла в старинную крепость Фигерас. Толстые стены каземата, куда нас ввели, гостеприимство хозяев, испанские песни, которые в ночной тишине пели молодые работницы — все это произвело на нас неизгладимое впечатление. Этот первый вечер на испанской земле меня так тронул, что еще теперь, спустя долгие годы, я ясно помню чудесное пение молодых испанских работниц, братский прием, совместный ужин. На следующий день мы выехали в Барселону. В нашей группе было 400 добровольцев, я среди них — одна женщина.

Из-за недостатка топлива наш поезд продвигался медленно. Население в пути приветствовало нас, через окна вагонов нам подавали целые мешки апельсинов. Когда поезд останавливался, добровольцы выходили, заготовляли дрова, и поезд продолжал путь. Наконец мы добрались до Барселоны. С песнями строем прошли по широким улицам и бульварам города. Чаще всего мы пели «Bandiera Rossa»¹. Жители города стояли по обеим сторонам улицы и приветствовали нас.

Из Барселоны нас тотчас же направили в Альбасете. Туда прибыли поздно вечером. Нас отвезли в клуб Интернациональных бригад и распределили по различным частям. Меня направили в хирургический госпиталь интербригадовцев в Альбасете, где я проработала два месяца.

Потом меня перевели зубным врачом в санчасть 11-й Интернациональной бригады. Я прибыла в бригаду, когда она после победы, одержанной над фашистским итальянским корпусом, находилась на отдыхе в городе Гвадалахара. В мое распоряжение командир 11-й бригады Ганс Кале передал машину со специально оборудованным кабинетом. В приемные часы мне помогала испанская медицинская сестра Анита.водителем был чех — коммунист, лет 40. Другой чех, Пепик, тоже коммунист, был водителем санитарной машины. Остальные работники санчасти — фельдшеры, медицинские сестры, санитары — были испанцы. 11-я бригада принимала

¹ «Красное знамя» (ит.)

участие в активных боевых действиях. Мою работу как стоматолога пришлось прервать, я переключилась на обработку раненых. Санитарная часть бригады следовала за войсками, мы прибывали в города и села сразу же после их освобождения. Так это было в Брунете, Кинто, Бельчите и др.

Особенно тяжелые условия работы были во время Брунетских боев. На освобожденной территории все было разгромлено, жители эвакуированы. В воздухе носились тучи mosкитов. Трудно было разыскать неповрежденный дом, пригодный под санпункт. Наконец, помещение было найдено, очищено, продезинфицировано, обставлено необходимой мебелью, снабжено бельем и т. п. Санчасть развернула работу. Но пробыли мы здесь недолго. Бригада продвигалась вперед, а мы вслед за ней.

Во время тяжелых боев хирургический госпиталь был развернут очень близко от линии фронта. Здесь работали специальные бригады хирургов. Я работала в палате оперированных больных. Была ответственной по уходу за ними. Транспортабельных эвакуировали в тыловые госпитали — обычно на пятый-шестой день после операции. Работать приходилось и днем, и ночью.

Особого внимания требовал отбор раненых для срочной операции. Их привозили прямо с поля боя. Так было при наступательных боях на Брунетском направлении, когда наш госпиталь располагался близ Эскориала; так было везде. Когда шли бои под Теруэлем, медсанчасть 11-й бригады расположилась в пещерах у самой линии фронта. Там раненым оказывалась первая медицинская помощь.

Начались военные действия у реки Эбро. Республиканская армия с боями форсировала реку и заняла плацдарм на ее южном берегу. Фашистская авиация непрерывно бомбила мосты через Эбро. Это очень осложняло и затрудняло эвакуацию раненых. Их приходилось оставлять прямо на берегу реки, а санитарные машины переправлялись обратно, за другими ранеными.

Когда бомбежка немного утихала, раненых погружали в машины и эвакуировали дальше.

В октябре 1938 года пришел приказ о расформировании Интернациональных бригад. Меня назначили на работу в хирургический госпиталь Интернациональных бригад в Каталонии. Там я встретила врачей и медсестер из Латвии, в том числе доктора Брайну Рудину-Фосс (она была начальником госпиталя) и доктора Мирьям Рудину. Это был базовый

госпиталь на несколько сотен коек. Отсюда всех раненых интербригадовцев эвакуировали во Францию, а затем дальше. Госпиталь разметался на берегу Средиземного моря в отдельных дачах, и это затруднило его обслуживание.

Я работала там начальником медсанчасти. Организация бесперебойного обслуживания раненых, хорошего их лечения и своевременной эвакуации требовала знаний и много энергии.

В одно ясное январское утро 1939 года на горизонте показались два военных судна. Оставаясь на рейде, они начали обстрел Сагаро. Пришлось приступить к эвакуации госпиталя.

Мы двигались в направлении французской границы и в городе Сан-Клементе, расположенном на нашем пути, развернули временный госпиталь, где разместили часть раненых. Начальником назначили меня. Но вскоре мы получили приказ эвакуироваться и отсюда. В это время вновь сформированные интернациональные части снова вступили в бой, прикрывая отступление войск и эвакуацию раненых и гражданского населения в Порт-Боу.

Эвакуация проходила в тяжелых условиях. Дороги были запружены машинами и гражданским населением, отступавшим вместе с армией. Часто санитарные повозки и машины с ранеными лишь с трудом пробивались сквозь эту живую людскую стену. Мы продвигались очень медленно, и бомбы, которые сбрасывали фашистские самолеты, серьезно угрожали нам. Но, к счастью, дорога шла вдоль побережья, и бомбы чаще всего попадали в море. Наконец с огромными трудностями мы достигли границы. Нас встретили французские жандармы.

Больно было смотреть на людей, подвергавшихся их грубостям. Здесь отделили беженцев от бойцов. С каким тяжелым сердцем бойцы складывали оружие, глубоко переживая горечь поражения, несчастье своей страны!

Наконец пропустили и машины с ранеными. Мы ехали по направлению к городу Перпиньян. Надеялись, что там организован прием раненых. Велико же было наше разочарование и негодование, когда мы увидели, что никакого госпиталя здесь нет. Нам велели положить раненых и тяжелобольных прямо на пол, едва прикрытый тонким слоем соломы. Нас, медперсонал, тотчас отделили от раненых, не разрешая даже напоить водой измученных в трудной дороге больных людей.

Распоряжались здесь сестры-монахини. От нашей помощи они категорически отказались.

Так как я по паспорту числилась гражданкой Чехословакии, то мне разрешили въезд в Париж. Надо было решать, куда податься дальше: Чехословакия была оккупирована гитлеровцами. Хотя я сохранила и свой латвийский паспорт, но пребывание в Интернациональной бригаде было достаточным основанием для отказа мне в визе на возвращение в Латвию.

Я начала было искать других возможностей отъезда, но парижская префектура выслала меня из Парижа в Олоронский лагерь, близ испанской границы, где содержались женщины-интербригадовки. В 15 километрах от нас, в Гирсу, был мужской лагерь интербригадовцев. Нас, женщин, было всего 10 и нам разрешили поселиться на квартире, поблизости от полицейского участка, где мы ежедневно должны были регистрироваться. Некоторые из нас на велосипедах ездили в Гирсу, в приемные дни отвозили товарищам продукты. Я там встретила с Л. Черниным. Б. Куром и другими товарищами.

Когда немцы оккупировали Париж и волна беженцев докатилась до Олороны, нам пришлось перебираться в другой лагерь. Я рискнула; без дорожной сумки, в легкой одежде села в автобус и уехала, надеясь, что так не привлеку внимание контроля. При мне был латвийский паспорт. В городе По пересела в поезд, доехала до Виши. С вокзала благополучно добралась в город, зашла в Советское посольство (Латвия в это время уже вошла в состав СССР) и, предъявив свой латвийский паспорт, попросила оформить мне советское гражданство. Это было, если я не ошибаюсь, в сентябре 1940 года. Мне посчастливилось. Теперь я была под защитой Советского посольства. Через некоторое время я получила советский паспорт. До его вручения я успела съездить в Марсель, где жили знакомые чешские товарищи-интербригадовцы, с которыми я в Испании все время поддерживала контакт. К сожалению, я не помню их имен.

Вскоре Советское посольство вызвало меня в Виши и предложило до отъезда в СССР поработать с детьми сотрудников посольства. Я перебралась в Виши. Когда Советский Союз порвал дипломатические отношения с покорным гитлеровской Германии правительством Виши, меня арестовали, выслали на север Франции и заключили в лагерь, где содержались коммунисты. Со мной в одной камере были немецкие женщины-коммунистки.

Советское посольство, покидая Францию, затребовало моего

освобождения из лагеря. Под конвоем женщины-жандарма я была доставлена к франко-итальянской границе, откуда наше посольство на специальном поезде покинуло Францию.

Ехали мы преимущественно на машинах через северную Италию, Балканы, Турцию, до южной границы Кавказа. В Москву прибыли 7 августа 1941 года.

Из Москвы я с Центральным Комитетом МОПРа эвакуировалась в Уфу. Начала работать в хирургическом эвакогоспитале системы Всесоюзного Центрального совета профсоюзов. Заведовала там отделением на 150 коек. Проработала до апреля 1945 года. Когда Совет Министров Латвийской ССР начал реэвакуацию латвийских медицинских работников, я вернулась в Латвию.

1965 г.

На русском языке публикуется впервые

ПЕЙСАХ БЕРНШТАМ

НА МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЕ

В 1934 году я окончил медицинский факультет Парижского университета и по возвращении на родину, в Латвию, стал работать врачом. Будучи активным антифашистом, старался помогать Коммунистической партии Латвии всем, чем только мог. В моей квартире была оборудована нелегальная типография, она работала с 1934 до осени 1935 года; у меня происходили конспиративные собрания, хранилась нелегальная литература.

Осенью 1936 года я попросил разрешения на отъезд в Испанию. Вместе с комсомольцем Вольдемаром Витолом мы через Таллин выехали в Стокгольм. В мою задачу входило связаться с Коммунистической партией Швеции и с Комитетом помощи Республиканской Испании и организовать переброску комсомольцев из Латвии через Стокгольм в Испанию. В. Витол вскоре возвратился в Ригу, чтобы привести товарищей.

Как известно, к берегам Швеции прибыла группа комсомольцев; из них помню Яниса Циниса, Александра Циелена и Вольдемара Витола¹.

В Швеции эти товарищи попали в руки полиции и несколько месяцев провели в заключении. С большим трудом и различными путями, но все они все же добрались до Испании.

¹ Об этом см. письмо Я. Циниса. Ред.

Я уехал в Париж легально. Из Парижа меня отправили в Марсель, а оттуда испанским пароходом до Барселоны, куда я прибыл в мае 1937 года. Наш пароход избежал торпедирования и благополучно пришел в Испанию, но третий рейс этого судна закончился трагически. Его потопили, и 75 добровольцев, которые спешили на помощь Республиканской Испании, погибли.

Из Барселоны меня отправили в Альбасете, там я был назначен главным врачом казарм «Guardia Nacional». В этих казармах размещали только что прибывших добровольцев.

В то время в Альбасете наряду с честными, самоотверженными борцами приезжали и всякие искатели приключений, авантюристы, бездельники, а также провокаторы, засылаемые разведывательными органами различных капиталистических стран. Их надо было разоблачать и как можно скорее от них избавляться. Кроме того, казармы содержались в антисанитарных условиях, которые могли вызвать распространение инфекционных заболеваний.

Установить порядок было нелегко. На помощь мне пришли добровольцы — коммунисты из Австрии во главе с Леоном Вурцелем. Товарищ Вурцель был одним из участников венского восстания. Нам всем сообща удалось быстро оборудовать прачечные и туалеты. При входе и выходе из казарм мы требовали предъявлять медицинский паспорт. Австрийские товарищи, особенно Леон Вурцель, своей настойчивостью добились, чтобы казарменное начальство было укомплектовано из подходящих для этой работы самоотверженных и честных коммунистов. После этого работа пошла полным ходом. Была создана медицинская комиссия, в которую вошли также В. Мицельмахер из Литвы и я.

Годных к военной службе товарищей комиссия направляла в Мадригерасский лагерь для пополнения политических и военных знаний. Негодных к строевой службе устраивали на различные работы. Деморализованных или физически негодных репатриировали. Врачам приходилось ежедневно осматривать до 200—300 человек. К сентябрю 1937 года в казармах был введен строгий порядок, установилась определенная система. Только после этого мне разрешили отбыть на фронт. Меня назначили в 35-ю дивизию, которая дислоцировалась в Ихаре.

По прибытии в дивизию меня в тот же день направили в расположение 15-й бригады. В бригаде было 4 батальона и в каждом свой врач. Санитарный пункт батальона был обес-

печен всеми необходимыми материалами и медикаментами. Все санитарные машины концентрировались только в санитарной части бригады. Кроме машин для эвакуации раненых, в нашей бригаде действовали полевые госпитали, снабженные палатками и машинами с хирургическим оборудованием. Группу хирургов возглавлял известный нью-йоркский врач. Хирурги часто работали совсем рядом с передовой, поэтому раненых удавалось быстро доставлять на операционный стол. В бригаде были машины, оборудованные для хранения консервированной крови. И все же этого не хватало, чтобы спасти жизнь всем раненым.

В нашу задачу входило также и оказание медицинской помощи гражданскому населению. У любой санитарной части всегда выстраивались очереди детей, женщин, стариков. Правда, в первое время нас избегали, но потом, когда мы завоевали доверие, обращались к нам очень часто. Среди населения у нас появилось очень много друзей и сторонников, хотя фашисты распространяли слухи, будто мы приехали грабить Испанию.

19 октября меня назначили врачом 59-го батальона 15-й бригады. В это время бригада находилась на фронте Фуэнтес-де-Эбро. В день моего прибытия наши танки совершили неудачную атаку. Они увязли в болоте и были подбиты. Было много раненых танкистов и пехотинцев. Эвакуацию раненых затруднял недостаток транспорта. Расположенный недалеко батальон 12-й бригады и немногие уцелевшие бойцы 59-го батальона помогли мне организовать перевозку раненых в тыл. Мне удалось заполучить санитарную машину, и к двум часам ночи мы наконец завершили эвакуацию раненых.

В начале ноября 15-я бригада была с фронта Фуэнтес-де-Эбро отведена на отдых. Расположились мы километрах в 50 от Мадрида и занялись материальной и моральной подготовкой нашей санчасти к предстоящей теруэльской операции. Каждый санпункт был обеспечен примусом, термосами, одеялами, электрическими батареями и т. п. Мы выделили людей, ответственных за носилки, организовали при каждом батальоне санитарные курсы и добились более тесного сотрудничества батальонных врачей с командирами и политкомиссарами.

Бои под Теруэлем велись с декабря 1937 по февраль 1938 года. Раненых эвакуировали непрерывно. Были случаи, когда наша санитарная служба доставляла раненых в госпиталь уже через 45 минут после ранения. Наши самоотверженные водители везли раненых даже по дорогам, которые

противник держал под обстрелом. У машины канадца Андрея, когда он вез раненых с Теруэльского фронта, была пулей пробита коробка скоростей.

В декабре всю нашу бригаду разместили в самом Теруэле. Мы сменили изрядно потрепанные испанские части. Целый месяц мы принимали участие в ожесточенных позиционных боях. В это время заболел начальник санитарной части, и мне пришлось принять руководство санчастью бригады. Неожиданно в 15-й бригаде вспыхнула эпидемия гриппа и брюшного тифа. Слег весь штаб бригады за исключением товарища Чопича. Больных было больше, чем раненых. Чтобы не пришлось эвакуировать половину состава бригады, мы оборудовали больницу на 50 коек в самом Теруэле на первом этаже бывшего фашистского клуба. Койки, постельное белье, медикаменты мы собрали в развалинах домов и аптек. За месяц в этой больнице перебивало на лечении около 300 человек, из которых мы эвакуировали только 40 тяжелобольных. Из штабных работников эвакуировать пришлось только двоих. Когда нашу бригаду сменили, эпидемия была ликвидирована, и больницу мы передали вновь прибывшим частям. В то же время была проведена передача медикаментов из всех аптек и со складов Теруэля в дивизионную аптеку. Бригадный классификационный пункт после прорыва нашего фронта перебазировали на несколько километров дальше, в направлении Валенсии. Там дезинфицировались личные вещи всего состава бригады.

В феврале 1938 года я заболел гриппом. Одновременно слег и начальник санчасти врач Сото. Нас эвакуировали в американский госпиталь. В дороге мы узнали, что наша бригада опять направлена на фронт в район Сегура-де-лос-Баньос. Сото, как только его здоровье немного улучшилось, отбыл на фронт. Через неделю на фронт вернулся и я, но операция у Сегура-де-лос-Баньос уже закончилась. Нас сменили испанские воинские части. Я был вынужден без промедления эвакуировать Сото, так как у него начался открытый туберкулезный процесс с кровохарканьем. Мне на время опять пришлось возглавить санитарную часть бригады.

Бригада теперь размещалась недалеко от деревни Ла-Пуэбла-де-Вальверде. Нас уполномочили давать директивы санитарного характера, обязательные для всех бригадных командиров и политкомиссаров. Нам за два дня удалось добиться, чтобы все бойцы бригады сменили белье и одежду и продезинфицировали одеяла. Нарушение этого приказа нака-

зывалось. Так, командира 58-го батальона, который не сумел обеспечить явку всех бойцов в душевые, освободили от должности.

Из Ла-Пуэбла-де-Вальверде бригаду перебросили в Бельчите, т. е. на старое место (15-я бригада отбила Бельчите у фашистов в сентябре 1937 года). Там провели три дня. Это время я использовал для инспектирования испанских воинских частей. Их санитарное состояние оказалось плачевным. Санпункты были расположены далеко от передовой, плохо оборудованы и не обеспечены самыми необходимыми медикаментами и материалами. После прорыва нашего фронта в Арагоне и фашистского наступления испанские санчасти оказались в очень тяжелом положении. Только после прибытия на наш участок фронта санчасти 13-й бригады, в распоряжении которой имелись санитарные машины, удалось нормализовать эвакуацию раненых.

В марте 1938 года 15-я армия вынуждена была оставить Бельчите, так как силы противника намного превосходили наши. Не удалась и попытка закрепиться на 6-м километре от Бельчите, потому что пришлось выходить из окружения. Я эвакуировал свою санитарную часть из Лесеры и организовал санпункт между Лесерой и Альбалате. Раненых в это время было мало, но у многих бойцов были стертые ноги. Мы подбирали всех встреченных по пути бойцов. В штабе я выяснил, что отходим мы только до Альбалате. Поблизости от санпункта я собрал бригадную пулеметную роту, накормил пулеметчиков и на санитарных машинах доставил их в штаб. В Альбалате прибыл и вновь приступил к исполнению обязанностей наш начальник санчасти.

Между расположением наших батальонов под Ихоремой и нашей санчастью нам по дороге встретилось человек 40-50 бойцов из 14-й бригады. Шли они в тыл. На вопрос, куда они направляются, бойцы ответили, что направлены из тыловых госпиталей в свои части, но попасть туда не могут, так как значительный отрезок дороги, по одну сторону которой тянется ущелье, находится под артиллерийским обстрелом. Сопровождавший меня лейтенант английского батальона Дик назвал этих бойцов дезертирами и, вытащив револьвер, потребовал, чтобы они вернулись на фронт. Французским языком он не владел, я переводил. С большим трудом мне удалось успокоить Дика и французов; я предложил идти всем вместе. Когда мы приблизились к опасному участку, то убедились, что преодолеть его действительно трудно, однако все

же возможно. По кромке крутого склона, прячась в кустах и траве, мы, защищенные откосом от бомб и осколков, благополучно добрались до своих. Я отрапортовал, что к нам прибыло подкрепление. В это время (дело происходило в середине марта 1938 года) наш врач получил записку от начальника штаба товарища Мэримена, что в бригаде много раненых и нет патронов. Принес записку водитель штаба 15-й бригады. Он вышел из окружения и пришел к нам пешком.

Водителя усадили за руль санитарной машины, мы сели в другую и поехали в штаб. В дороге нас из засады обстрелял вражеский пулемет. Первая машина прорвалась, а наша, вторая, застряла. Был дан приказ — оставить машину и залечь за косогором. Водитель Андрей ни за что не хотел бросать свою машину. Он подполз к ней и попытался ее завести, за что чуть не поплатился жизнью: вражеский пулемет открыл огонь по машине. Нам вторично приказали оставить машину, и мы с Андреем отползли, досадуя, что при нас нет гранат, чтобы подорвать машину.

Альканьис еще не был занят фашистами, когда мы ночью узнали от гражданского населения, что франкисты захватили Сампер. Вместе с врачом 13-й бригады мы отправились в штаб сообщить об этом, так как, заняв этот город, противник мог отрезать нам путь к отходу. Но у меня создалось впечатление, что наша информация не была принята во внимание. Вернувшись через три часа в санчасть, мы увидели на горизонте фашистские танки и приказали всем машинам срочно отправляться в Альканьис.

В дивизионном и бригадном санпунктах мы оставили по одной машине и по врачу. Одна санитарная машина успела проскочить, вторая угодила под обстрел, ей прорваться не удалось, и врач пропал без вести.

35-я дивизия после отступления на Арагонском фронте остановилась под Каспе. А. Березин (Чиспа) и Я. Палкавниек по горным тропам доставили туда свою противотанковую батарею. Туда же санчасти 13-й и 15-й бригад успешно эвакуировали раненых, хотя вражеские самолеты непрерывно бомбили дорогу. Я тоже вывез много раненых из различных воинских частей.

После боев нас отправили в Корверу на отдых. Оттуда, получив подкрепление, мы опять отправились на фронт. Часть бригады направилась в Батеа, другая, в том числе 57-й английский батальон, заменила бригаду Листера, которая попала в западню и была почти полностью уничтожена.

В июне 1938 года меня назначили начальником классификационного пункта 13-й бригады. На этой должности я работал вплоть до операции на Эбро, т. е. до середины сентября.

Потом меня снова перевели в 15-ю бригаду временно исполняющим обязанности начальника санчасти бригады. Руководство санитарной службы 15-й бригады стремилось подготовить испанские кадры. Нам помогал американский врач 58-го батальона. Каждый врач должен был подготовить себе заместителя. Такого заместителя по окончании курсов делали фельдшером и ему присваивалось звание сержанта.

После демобилизации Интернациональных бригад я в Палафружеле стал помощником Георга Брозиня, начальника военной полиции города. В феврале 1939 года вместе с другими добровольцами я перешел французскую границу. Вместе со всеми был в Сенсиприенском концентрационном лагере, позже в Гирсу и Аржелесе. Из Аржелеса нас перевели в концлагерь в Лемиль, оттуда нас освободило Советское правительство. Мы могли вернуться на Родину. 18 марта 1941 года мы прибыли в Москву. Там каждый из нас дал подробный отчет о своей деятельности в Испании. К счастью, у меня сохранилась копия отчета, поэтому я смог воскресить в памяти все, о чем здесь рассказал.

1965 г.

На русском языке публикуется впервые

ДАУГАВПИЛСЦЫ В ИСПАНИИ

Случайно прочитав в газете о том, что найден дневник Михаила Шварца, и вспомнил давно пережитое, припомнил многих друзей и близких, которые пали жертвой фашизма, и на глаза навернулись слезы. Потому и написал я эти строки о событиях тридцатых годов, которые еще сохранились в памяти.

...В 1929 году из Даугавпилса, где я работал рабочим и приказчиком, я уехал учиться в Чехословакию. С детских лет я любил сельское хозяйство, и поэтому поступил в ветеринарный институт города Брно, который окончил в 1936 году с дипломом ветеринарного врача. В 1933 году я стал членом Коммунистической партии Чехословакии, принимал активное участие в работе городской партийной организации.

В декабре 1936 года с первыми отрядами добровольцев, которые Коммунистическая партия Чехословакии направила в Испанию, выехал и я. В январе 1937 года мы прибыли на базу Интернациональных бригад в Альбасете. В это время здесь был М. Шварц (Э. Шмидт). Он тоже из Даугавпилса. Он меня радушно встретил, взял на партийный учет и был очень доволен тем, что среди добровольцев теперь есть ветеринарный врач. Мы тогда долго и сердечно беседовали. М. Шварц информировал меня о положении, он сказал, что испанский народ в целом настроен революционно, но среди зажиточных есть и враждебно настроенные люди.

Вначале М. Шварц хотел, чтобы я как ветеринарный врач остался на базе, но потом все же решил направить меня в какую-нибудь воинскую часть. Так как я приехал из Чехословакии, то меня направили в чешский батальон 15-й бригады. Эта бригада только начала формироваться. Меня вскоре перевели в штаб бригады в качестве бригадного ветеринарного врача.

В начале февраля 15-ю бригаду отправили на Мадридский фронт, где на берегу реки Харамы развернулись ожесточенные бои за столицу. В моем распоряжении был мотоцикл с коляской и водитель. Однажды, направляясь с базы в штаб бригады, мы попали в полосу обстрела. Осмотревшись кругом, поняли, что заехали на передовую. Укрылись в траншее. Здесь я опять встретился с М. Шварцем. Прежде всего он выругал нас за неосторожность. Он рассказал, что является комиссаром подразделения бригады.

Несмотря на обстрел, под непрерывным вражеским огнем он все же расспросил меня о настроениях на базе и поручил составить список коммунистов.

Через некоторое время я встретился с М. Шварцем при других обстоятельствах. На том же мотоцикле я мчался из Мадрида в Алькала-де-Энарес. Авиация противника начала бомбить дорогу. Мотоцикл налетел на грузовую машину. Водителя отбросило метров на пять в сторону, а я остался на земле контуженный и придавленный коляской мотоцикла. Когда я пришел в себя, то услышал: «Eso el veterinario de nuestra brigada» — «Это ветеринарный врач нашей бригады».

По голосу я узнал М. Шварца. Он со штабом бригады ехал в Мадрид. М. Шварц тотчас организовал доставку нас в госпиталь, а затем уехал в Мадрид.

Выйдя из госпиталя, я служил ветврачом в только что созданном испанском кавалерийском полку. В составе этого полка я сражался на Арагонском фронте. В октябре 1938 года меня снова перевели в 15-ю бригаду. На фронте у Фуэнтес-де-Эбро я в последний раз встретился с Михаилом Шварцем. Я ехал в штаб 35-й дивизии, в состав которой тогда входила 15-я бригада. Неожиданно в небе показались вражеские самолеты. Мы укрылись в траншеях. Здесь я встретил инженера из Латвии, фамилии его не помню.

Самолеты приближались к траншеям. Инженер в бинокль следил за направлением их полета. Неожиданно я услышал команду: «Левинсон, ложись, и ты, инженер, тоже: глупо наблюдать стоя во весь рост».

Самолеты сбросили бомбы, но на этот раз жертв не было. Оказалось, что команду отдал М. Шварц. Эта встреча доставила нам много радости. М. Шварц был тогда командиром саперной роты, а инженер — его помощником.

...После демобилизации Интернациональных бригад и перехода испанско-французской границы я находился в Перпиньянском лагере. Позже меня интернировали в лагерь Гирсу. Здесь была группа добровольцев из Латвии; помню Я. Палкавниека и А. Липкина.

На партийном учете я состоял в группе белорусов, но с латышской группой поддерживал тесную связь. Это была политически выдержанная, дружная и сплоченная группа.

Когда началась война между Германией и Францией, французские органы власти начали вербовать интербригадцев, Им это не удалось. Тогда они попытались добиться этого насильем. Но добровольцы из Латвии оказали упорное сопротивление. На перекличках они не отзывались, фамилий своих не называли. Жандармы избивали интербригадцев резиновыми дубинками, выволакивали за пределы лагеря и таскали по грязи, и все же никто не дал себя завербовать.

Упорно сопротивлялись и другие национальные группы. Французские жандармы были вынуждены отказаться от своих попыток. Интербригадцев перевели в Вернетский лагерь. Здесь я был на партийном учете в русской группе.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны в Вернетский лагерь приехал уполномоченный Советского Союза и организовал репатриацию советских граждан. Я, к сожалению, не попал в ту группу, которая успела уехать, а во вторую, которая из-за начавшейся войны была вынуждена остаться в лагере. Вскоре всех нас, которые готовились к отъезду на родину, отправили в Африку, в Алжир.

Весной 1943 года, когда союзники прогнали немецких и итальянских фашистов из Африки, к нам в лагерь приехали представители Советского Союза и организовали наш отъезд на Родину.

Начался новый этап в моей жизни: борьба с фашистскими захватчиками на Советской земле, а потом — любимая работа в колхозах и совхозах на благо мира и процветания нашего народа.

1965 г.

На русском языке публикуется впервые

ЛЕВ ГУТКИН

**В РУКАХ
У ВРАГОВ СВОБОДЫ**

С сентября 1937 по март 1939 года я находился на Центральном фронте в составе 283-й бригады. Так как это была испанская военная часть, меня не отозвали одновременно с другими иностранными добровольцами и только в феврале 1939 года отослали в Валенсию для эвакуации. В Валенсии я застал интербригадовцев, которые по разным причинам оказались в таком же положении, как и я. 27 марта 1939 года, за день до окончания войны, нас эвакуировали. Мы, сто двадцать интербригадовцев, ехали по шоссе Валенсия—Аликанте, чтобы сесть на пароход и покинуть Испанию.

Позади остались полные тревог дни. Предательский мятеж лидера социалистической партии капитулянта Бестейро и фронтового командира полковника Касадо застал нас в Валенсии, в казармах. 6 марта, в день переворота, нам запретили покидать казарму. Предложили сдать личное оружие. Мы ответили, что без боя его не сдадим.

Среди трудящихся Валенсии переворот вызвал волнение и беспокойство, так как приход к власти фашистов ничего хорошего не сулил.

Через три дня после наших решительных протестов городской комендант Валенсии отменил для нас казарменный режим и обещал обеспечить места на первом отходящем из Испании судне.

В это время сторонники Бестейро и Касадо приступили к

аресту видных испанских коммунистов, чтобы заслужить благосклонность фашистов. Они понимали: чтобы сломить сопротивление испанского народа, необходимо парализовать деятельность Коммунистической партии Испании.

26 марта 1939 года нам наконец сообщили, что на следующий день нас на машинах отвезут в порт Аликанте. У нас была связь с испанскими товарищами, которые уже начали действовать в подполье. Мы их известили, что уезжаем, и по их просьбе выдали 10 испанским товарищам документы, что они являются участниками Интернациональных бригад. Это были документы на чужие фамилии.

Мы полагали, что самым опасным моментом будет посадка в машины, боялись контроля агентов Бестейро. К счастью, наши опасения не подтвердились. В последнюю минуту в машины сели испанские товарищи, и мы немедленно тронулись в путь. Прибыв в порт Аликанте, мы были поражены тем, что здесь собралось множество народу — не только мужчины в гражданском, но и женщины с детьми.

Ударные бригады окружили порт, сдерживая толпу. С большим трудом мы, имея на руках специальные пропуска, протолкались через толпу и наконец оказались за кордоном.

В порту стояло большое судно «Кампилло» водоизмещением в 12-14 тысяч тонн. Но, к нашему удивлению, капитан никого на борт не пускал. Нас направили на стоящее рядом маленькое судно тоннажем не более трех тысяч.

С парохода мы наблюдали, как тысячи бойцов и офицеров буквально наводняли порт. Они уходили от лап фашистских убийц. Позже мы узнали, что «Кампилло» ушел в море, взяв с собой только 50 человек, а ведь сколько тысяч жизней это судно могло бы спасти!

С появлением в Аликанте итальянского фашистского экспедиционного корпуса положение очень осложнилось. Хорошо понимая, что прижатые к морю бойцы и офицеры Республиканской армии будут сражаться до последнего, фашисты придумали предательский трюк: они объявили Аликантский порт нейтральной зоной, обещав после разоружения предоставить воинам Республиканской армии возможность эмигрировать. В действительности республиканцев начали вывозить с территории порта группами, часть расстреляли сразу, другие еще и по сей день томятся в застенках франкистской Испании.

От некоторых бойцов и офицеров, которым удалось

добраться до нас, мы узнали, что фронта больше нет. Бестейро и Касадо безропотно капитулировали.

Скоро наше суденышко было настолько переполнено, что мы в лучшем случае могли только сидеть. Наконец наступила долгожданная темнота, и капитан отдал приказ покинуть порт. Едва мы отошли от берега на 2—3 километра, как показались фашистские самолеты. Сбросив бомбу в порт, они улетели, не заметив нашего судна, огни которого были погашены.

Вдоль берегов Испании рыскали фашистские подводные лодки в надежде потопить республиканские суда. Капитан нашего парохода, боясь их нападения, взял курс не на Францию, как предполагалось, а к берегам Северной Африки.

29 марта 1939 года мы благополучно достигли портового города Оран, тогдашней французской колонии, где нас ожидал новый сюрприз. Мэр Орана, католический священник, не разрешил нам выход на берег и потребовал, чтобы судно покинуло порт. Тогда судовой механик заявил, что машины не в порядке, а в соответствии с международными законами судам с поврежденными машинами выход в морс запрещен.

Снова начались наши мучения. У нас не было ни воды, ни продуктов, а на судне были дети и женщины. Эти 19 дней в Ороне мы сумели выдержать только потому, что оранские антифашистские организации обеспечивали нас небольшим количеством продуктов, необходимым для поддержания нашей жизни.

Наконец 19 апреля из Парижа пришло распоряжение высадить нас на берег и отправить в концентрационные лагеря километрах в 200 от Алжира.

Об условиях нашей жизни в этих лагерях сообщали газета «Юманите» — орган Центрального Комитета Коммунистической партии Франции — и прогрессивная печать всего мира.

Невыносимая жара, антисанитарные условия, плохое снабжение явились причиной того, что в лагере свирепствовали различные болезни.

Так же, как во время войны в Испании, где главной силой в борьбе с фашизмом была Коммунистическая партия Испании, и здесь, в лагере, испанские коммунисты были на высоте положения.

Особое внимание необходимо было уделять молодым испанцам. Очувтившись вдали от родины и семьи, они нуждались в моральной поддержке и чутком руководстве. Коммунисты начали создавать различные кружки, вовлекать туда молодежь,

чтобы поднять ее культурный уровень. Учителя, которые нашлись среди нас в лагере, учили их французскому языку, истории и литературе. Я получал от наших латышских политических эмигрантов из Парижа много книг, чему был очень рад, так как чувствовал, что не забыт товарищами. Книги и газеты из Парижа дали нам возможность познакомиться с материалами XVIII съезда ВКП(б). Все, что нас интересовало, я переводил с русского языка на испанский, чтобы могли прочесть и испанские товарищи. Когда я получил учебник русского языка, то стал обучать товарищей овладеть русским языком желали очень многие.

Вскоре нас распределили по ротам и направили в Сахару. Там мы строили железную дорогу к границе бывшего французского Марокко. Недостаточное питание, палящее африканское солнце, чрезмерные нормы выработки делали работу невыносимой. Плохая вода, которую нам доставляли машинами в цистернах, и низкое качество продуктов вызывали массовые заболевания.

После победы гитлеровской Германии над Францией и установления режима Петена, террор в трудовых ротах усилился. Началась жестокая расправа с заключенными, которые не выполняли норм. Спаги¹ за руки привязывали несчастных к лошадям, гоняли лошадей вскачь по кругу, так что люди вынуждены были бежать до полного изнеможения.

Мне было предоставлено право в случаях заболевания освобождать заключенных от работы на три дня, то есть до очередного приезда французского врача. Но так как я, по мнению администрации, давал освобождение слишком многим и неоднократно протестовал против каторжных условий труда, меня перевели на другую работу: я должен был 15-килограммовым молотом дробить каменные глыбы.

В это время петеновские органы власти начали создавать специальные штрафные лагеря. Когда стало известно, что и мне грозит пересылка в такой лагерь, руководство подпольной партийной организации коллектива заключенных решило направить меня на подпольную работу в Оран, в распоряжение нелегальной Коммунистической партийной организации. С помощью товарищей мне удалось бежать из лагеря. Я принимал участие в агитационной и пропагандистской работе в Ороне. 1 июля 1941 года меня арестовали.

¹ Спаги — вольнонаемные местные жители, которые служили во французских колониальных войсках.

Я был обвинен в коммунистической деятельности и предан военному трибуналу Орана, но по отсутствию доказательств трибунал меня оправдал. После 12 месяцев тюремного заключения меня перевели в лагерь, где содержались так называемые политически опасные заключенные. Об этом лагере мало кто знал. Там людей не расстреливали и не вешали, их морили голодом и забивали до смерти. Зверствами особенно отличался адъютант командира лагеря Дофен и надсмотрщики-подонки, демобилизованные из иностранных легионов. Тех, кого Дофен и надсмотрщики осуждали на смерть, они убивали в два-три приема. Кроме того, заключенные начали умирать от голода и потери сил.

После высадки английских и американских вооруженных сил в Северной Африке нас перевели обратно в прежний лагерь, но на свободу не выпустили. Только после прибытия в Алжир представителя Советского Союза меня в конце 1943 года освободили и отправили на Родину.

Против фашистских элементов в Северной Африке ничего серьезного предпринято не было. Наоборот, фашистов из аппарата Виши всячески поддерживали. Так, например, фашист и убийца Дофен — адъютант коменданта концентрационного лагеря, который убил многих заключенных антифашистов, — после прибытия английских и американских вооруженных сил спокойно покинул лагерь и стал офицером военно-воздушных сил на одном из алжирских аэродромов. И хотя мы, бывшие заключенные, с негодованием протестовали, никакие меры против этого фашиста так и не были приняты.

Такие, как он, впоследствии составили основные кадры оасовцев — угнетателей алжирского народа.

Пусть все здесь рассказанное напомним о том, что в мире еще имеются фашисты и их пособники, что силы мира, демократии и социализма всегда должны сохранять бдительность и готовность дать отпор проидам реакционеров.

1966 г.

На русском языке публикуется впервые

ЯН ТЫКИН

ВСТРЕЧИ В ИСПАНИИ

1. У главного советника

В декабре 1936 года я выехал из Москвы в Испанию и в январе 1937 года был уже в Валенсии. Как специалист-артиллерист я ехал оказать помощь Испании в организации противовоздушной обороны. Все советские добровольцы из СССР по прибытии в Испанию в первую очередь являлись к старшему советнику, чтобы получить соответствующую ориентацию и нужные указания.

Штаб Я. К. Берзина размещался в окрестностях Валенсии, в трехэтажном доме. Кабинет его находился на первом этаже, налево. Войдя к нему, я застал его сидящим за письменным столом. На меня смотрел человек с выразительными, умными глазами, с поседевшими, коротко подстриженными волосами. Мы сразу узнали друг друга и вспомнили свои встречи в Военном Совете Ленинградского Военного округа в 1927—1928 годах.

Ян Карлович Берзин приехал в Испанию на должность старшего советника еще в конце 1936 года, в числе первых советников, которых посылал Советский Союз на помощь Республиканской Испании.

Оценивая сейчас всю сложность внутренней и внешней обстановки в Испании, в которой испанскому народу и Коммунистической партии Испании приходилось тогда бороться с внутренним и внешним врагом, защищая национальную

независимость страны и свободу народа, понимаешь, какая сложная задача была возложена на Яна Берзина.

Яну Карловичу Берзину в это время было 46 лет. За плечами был 30-летний стаж активной революционной деятельности. Еще в 1905—1906 годах 16-летним юношей Петерис Кюзис (настоящая фамилия Я. Берзина) принимал участие в вооруженных налетах рабочих-боевиков. Спасаясь от преследования полиции, он с пистолетом в зубах переплыл реку Огре, но был ранен и схвачен. Его спас от расстрела несовершеннолетний возраст. С 1909 года по выходе из тюрьмы он активно работал в подполье. После вторичного ареста его выслали в Иркутскую губернию. Из ссылки (уже во время первой мировой войны с документами на имя Яна Карловича Берзина) он бежал в Ригу и вступил в ряды социал-демократии Латышского края. Берзин — один из участников штурма Зимнего дворца в 1917 году. В 1919 году он работал в Советской Латвии в Министерстве внутренних дел. Во второй половине 1919 года Берзин — начальник Особого отдела 15-й армии. После гражданской войны он с 1920 года работал в разведуправлении РККА, а с 1924 года возглавлял его. Неустанная работа над собой и богатый революционный опыт сделали Яна Карловича многосторонне развитым человеком, хорошо эрудированным по многим вопросам. Еще в 1920 году товарищи из Особого отдела 15-й армии, провожая Я. К. Берзина на работу в разведуправление РККА, писали: «Ваши знания, опыт, прямота и стойкость были для нас всегда примером».

Для тогдашней Испании Ян Карлович Берзин был одним из самых подходящих и необходимых людей. Тогда нужен был талант умного разведчика и организатора, способного разбираться в сложной обстановке и давать правильные советы всем, кто в этом нуждался.

Когда я вошел, первым вопросом Берзина был:

— Как доехал?

Ехал я официально, как дипломат, из Москвы через Ригу, Берлин, Париж. Я ехал вместе с 5 советниками — воинами-летчиками, артиллеристами и др. Я рассказал Берзину, как в Берлине гитлеровский чиновник, проверяя наши паспорта, совершенно ясно, но злобно сказал: «Alle fahren nach Spanien» («Все едут в Испанию»). Опасаясь провокации со стороны немцев, мы решили даже не выходить из купе. Только когда переехали границу Германии, мы вздохнули свободнее. Я рассказал Берзину, как в Порт-Боу, на сказочном

берегу Средиземного моря, нас встретила немецкая авиация и сбросила штук 5—6 бомб; к счастью, обошлось без жертв. Проезжая по Валенсийской равнине, мы поразились обилию лежавших на земле апельсинов, которые некуда было девать.

Тов. Берзин слушал меня не перебивая. Затем пошла деловая беседа — об организации противовоздушной обороны в Испании. Тут я слушал его с большим интересом и поражаюсь его компетентности. Я был специалистом в этом деле, а он — политическим работником, но его осведомленности мог только удивляться. Он нарисовал мне полную картину воздушного пиратства «юнкерсов» и «фиатов», беззащитность городов, портов. Охарактеризовал политическую картину Испании, правительство и лиц, с которыми я буду иметь дело. Он говорил о министре авиации, Прието — правом социалисте, отнюдь не революционере, но очень влиятельном среди испанцев человеке; о полковнике Сарабия — начальнике противовоздушной обороны, при котором я буду состоять советником; потом уже после отъезда Я. Берзина, я долго вспоминал, насколько правильны и метки были его характеристики.

Сделав первое обследование объектов ПВО, я вновь побывал у т. Берзина. После моего доклада он сказал:

Ян Августович, надо с морского судостроительного завода достать специалистов и перестроить Картахенские батареи.

Специалисты были найдены, и вскоре под руководством наших артиллеристов-зенитчиков эти батареи были переоборудованы. Когда усилилась бомбардировка с воздуха центральных городов республики, тов. Берзин вновь вызвал меня к себе.

Он сохранял спокойствие в разговорах с людьми, невзирая на все тревожные обстоятельства.

— Что делать, Ян Августович? — наша зенитная артиллерия малочисленная, люди гибнут.

Я ответил, что надо использовать гористую местность и построить бомбоубежище.

По совету т. Берзина, правительство приняло решение под руководством моряков и военных комендантов организовать бомбогазоубежище. Через 2—3 месяца были построены прекрасные бомбоубежища, где люди просто отдыхали в жаркую погоду. Такие же бомбоубежища были построены в Мурсии, Аликанте, Мадриде и в других городах.

Наша зенитная артиллерия заставляла вражескую авиацию

летать на большой высоте, разбрасывать бомбы без точности. В цель попадать они перестали, но человеческие жертвы были.

Вопросы противовоздушной обороны Испании и беседы со мной, которые являлись ориентиром в моей работе, это только маленькая, может, сотая часть тех вопросов, которыми занимался т. Берзин. Это был действительно советник, не только военный, но и политический, культурный советник и помощник испанскому народу, который он любил, которому он сочувствовал и страстно желал счастья и свободы.

В последнее время в печати — то в одной, то в другой газете — появляются небольшие очерки, т. е. некоторые документальные сведения из жизни этого замечательного человека. Каждый из этих очерков освещает то одну, то другую страницу его жизни. Мои воспоминания о встречах с Берзиным в Испании тоже не дают полного обзора его деятельности в этот период. Но я выполняю свой долг перед памятью трагически погибшего товарища, восстанавливая, хоть и краткие, но значительные встречи с ним, делюсь впечатлениями о нем.

После отъезда Яна Карловича Берзина на родину это было накануне Брунетской операции, в 1937 году, — обязанности старшего военного советника принял замечательный общевойсковой командир Григорий Михайлович Штерн. С ним я тоже был знаком давно, но совместной службе в Красной Армии, и у нас с ним сразу установился деловой контакт.²

2. Организация противовоздушной обороны

Народное возмущение вынудило Ларго Кабальеро уйти в отставку. Новым премьер-министром республиканской Испании в мае 1937 года стал доктор Негрин. По моей просьбе он созвал в Валенсии совещание по вопросам организации ПВО, на котором был разработан план, как сохранить жизненно важные центры территории страны от разрушительных действий фашистской авиации.

По сей день не могу забыть сказанные Негрином на этом совещании слова:

— Нам всем хорошо известно, что зенитной артиллерии у нас мало, а точнее сказать — ее у нас нет, но, несмотря на это, нам необходимо так организовать, чтобы до минимума уменьшить наши потери от налетов вражеской авиации.

На этом совещании я поделился опытом организации ПВО в городе Баку, где три года командовал артиллерийской

зенитной бригадой и одновременно являлся начальником ПВО пункта Баку. Негрин и присутствующие выслушали меня с большим вниманием. Особенно их заинтересовала светомаскировка и действия команд в населенном пункте по ликвидации последствий воздушного налета вражеской авиации. Обращаясь к полковнику Сарабия, Негрин предупредил его:

— При комплектовании санитарных команд обратите особое внимание, чтобы туда не попали фашисты из пятой колонны. — В заключение Негрин сказал: — Мы бедны вооружением, но сильны духом, и сделав хотя бы половину того, о чем нам тут доложили, наши потери от бомбардировок фашистской авиации уменьшатся больше чем наполовину.

Чтобы подбодрить присутствующих, я доложил Негрину, что мы не так уж бедны: наш только что сформированный зенитный интернациональный артиллерийский дивизион имеет модернизированные орудия с потолком зенитной стрельбы до 10 тысяч метров. Кроме того, он имеет несколько сот крупнокалиберных зенитных пулеметов «эрликон» и несколько десятков устаревших зенитных орудий системы «шкода». Помимо того, мы имеем хоть и малочисленную, но хорошую истребительную авиацию. Выслушав меня внимательно, Негрин, улыбнувшись, ответил:

Все это не так уж грандиозно.

Это была моя первая встреча с Негрином, который мне запомнился как умный и обаятельный человек.

После этого совещания развернулась интенсивная работа по сохранению всего ценного и живого, что могло быть уничтожено авиацией противника. В районе Альбасете в горах были построены подземные хранилища огнеприпасов, что спасло от уничтожения фашистской авиацией большое количество боеприпасов республиканской армии.

По моему предложению в районе Аликанте было сооружено подземное хранилище на полтора миллиона литров бензина. Это сэкономило немало активных средств ПВО. Отдел ПВО при штабе воздушных сил военного министерства развернул работу по организации местной противовоздушной обороны в таких городах, как Мадрид, Картахена, Валенсия, Барселона и многих других населенных пунктах. В первую очередь строились бомбоубежища и щели. Эти мероприятия спасли население от лишних жертв и паники, которая возникала среди населения во время бомбардировок; отныне по сигналу воздушной тревоги население скрывалось в бомбоубежищах и щелях.

Вспоминается такой случай: в районе города Альмерия метким зенитным огнем был сбит фашистский самолет «капрони». Население, увидев, что самолет падает в море, вышло из бомбоубежища и спокойно, без паники, организовало поиск сбитого самолета, его вытащили из моря, погрузили на автомобиль, и весь город в радостном шествии выражал восторг, что наконец-то начинают наказывать воздушных бандитов.

Негрин и полковника Сарабию очень беспокоил вопрос организации защиты от разрушения фашистской авиацией системы электростанций на севере Каталонии: эта мощная база источника электроэнергии питала всю военную промышленность Барселоны.

Возложенную на нас задачу мы с полковником Сарабия выполнили, и упомянутый энергетический источник был надежно защищен от фашистской авиации.

Несмотря на превосходство фашистской авиации, было много случаев, когда истребительная авиация и зенитная артиллерия республиканцев успешно наносили огневой удар по воздушному врагу. Например, военный завод в Сагунто, под Валенсией, был под защитой зенитной артиллерии и истребительной авиации, и, несмотря на то, что мятежники бомбардировали Сагунто не реже раза в декаду, огонь наших зениток и наши истребители не позволили им разрушить этот завод.

Большинство неудач как на фронте, так и в тылу происходили у республиканцев не только из-за недостатка вооружения, но зачастую и из-за неорганизованности; так, при одном из воздушных налетов на Валенсию авиация фашистов забросала электротермитными бомбами одни из цехов судостроительного завода. Начался небольшой пожар; если бы на месте оказалась пожарная команда, его можно было бы ликвидировать за несколько минут, но такой команды не оказалось, пожар усилился и, пока приехала городская пожарная команда, сгорело несколько цехов завода.

Перед полковником Сарабия и мной стояла трудно разрешимая задача: в течение двух месяцев сформировать и обучить интернациональный зенитный артиллерийский дивизион, состоящий из югославов, французов и немцев, не знавших ни испанского, ни русского языков. Но наши опасения оказались напрасными: дивизион был сформирован значительно быстрее. Бойцы по собственному желанию установили такой воинский порядок, что, не считая нескольких часов на принятие пищи, все светлое время суток — с утра до позднего вечера —

изучали сложное зенитное дело. Методика освоения военной техники основывалась не столько на владении тем или иным языком, сколько на практическом показе и на интуиции бойцов. Не надо, конечно, забывать, что эти бойцы — югославы, французы и немцы — приехали в Испанию так же, как и я, добровольно, для того, чтобы выполнить свой интернациональный долг: помочь испанскому народу освободиться от фашистского варварства.

В начале февраля 1937 года интернациональный зенитный артиллерийский дивизион получил боевую задачу и занял огневые позиции в районе реки Харама. Артиллеристы так хорошо замаскировались в оливковой роще, что мы с полковником Сарабия с трудом их нашли. Я задал зенитчикам вопрос:

— Кто научил вас так хорошо маскироваться? Мы потратили много времени, пока нашли вас.

К нам подошел боец из югославской батареи и сказал:

— Не первый день воюем, не молокососы; среди нас есть много участников первой мировой войны; не беспокойтесь, не подведем вас.

Спустя несколько дней начались боевые действия на рубеже реки Харама и, несмотря на то, что участие в этом бою было для зенитчиков днем боевого крещения, они действительно не подвели нас.

Боевые выстрелы по фашистской авиации были достаточно меткими и, если раньше в боях под Мадридом фашистская штурмовая авиация расстреливала республиканскую пехоту, летая чуть ли не на высоте телефонных столбов, то в Харамской операции в первой же половине дня огонь зенитчиков не позволил фашистской авиации снижаться ниже, чем на три-четыре тысячи метров. Но зенитчики боролись не только с фашистской авиацией, заградительным огнем они отразили несколько штурмовых атак марокканской пехоты.

Настало время мне вернуться на родину. Известивший меня об этом Штерн обратился ко мне с вопросом, не соглашусь ли я остаться еще на некоторое время в Испании и принять участие в подготовке и проведении Брунетской операции? Предложение Григория Михайловича очень обрадовало меня, и я дал согласие остаться еще на некоторое время в Испании.

Подготовка к Брунетской операции началась еще в начале июня 1937 года и проводилась очень тщательно, при участии опытных военных командиров.

Когда все расчеты были закончены, мы доложили Штерну, что для проводимой операции не хватает одного — огневой

мощи, то есть полевой и зенитной артиллерии. Григорий Михайлович посмотрел на нас и сказал:

— А авиация? Ее у нас разве достаточно? Несмотря на все это, операцию все-таки будем проводить.

Этот диалог, имевший место в период подготовки Брунетской операции, я привожу в подтверждение того, что несмотря на недостаток у республиканцев вооружения, все участники предстоящих боев были настроены оптимистически,

Ко времени Брунетской операции фашистские страны — Германия и Италия успели хорошо вооружить мятежников, которые в боях под Брунетой применили новые образцы военной техники, например, модернизированный немецкий истребитель «мессершмит». Фашистская Италия опробовала в этих боях свои новейшие самолеты «фиат», а Германия — мощь универсальной 88-миллиметровой зенитной пушки системы «Рейнметалл», а также новейшей системы бомбардировщик «юнкерс», который хорошо знаком и участникам второй мировой войны. Этот самолет уже тогда имел защитную броню против пуль и зенитных снарядов.

Брунетская операция проходила в сильную жару, какая обычно бывает в это время года в Испании. Фашисты учли это обстоятельство и, сбрасывая с самолетов электротермитные бомбы на войска республиканцев, превратили территорию боевых действий в сплошное пожарище.

В пыли и дыму пожарищ, вспыхивали огневые языки наземной и зенитной артиллерии храбрых бойцов республиканской армии, наносивших смертельные удары по мятежникам.

Выдающийся героизм и самопожертвование проявляли испанские и советские летчики-добровольцы. Республиканская авиация была бедна самолетами, но количественный их недостаток летчики восполняли числом вылетов, далеко превосходящим общепринятые нормы человеческой выносливости. Техническое же превосходство новых образцов фашистской летательной техники республиканцы преодолевали мастерским ведением воздушного боя, своей смелостью и героизмом. Над пылающей Брунетой помногу раз в день высоко в небе разыгрывались бои, и то и дело «юнкерс», «фиат» или «мессершмит», объятые пламенем, падали на землю. И на земле контратаки следовали одна за другой. В атаку бросались то республиканцы, то фашисты. Так продолжалось несколько дней, и наступательная операция, не получив размаха, превратилась в типичную фронтовую оборону.

Брунетская операция имела очень большое значение. Она заставила противника оттянуть с северного фронта все резервы и отложить штурм Северной Испании. Кроме того, удача первых дней наступления, взятие Брунеты и Вильянуэва-де-ла-Каньяда продемонстрировали боеспособность республиканской армии и ее наступательные возможности.

В конце июля мы с полковником Сарабией уехали в Валенсию. В воскресенье, в ресторане на берегу Средиземного моря, состоялся прощальный обед, на котором присутствовали члены правительства во главе с премьер-министром Негрином. На этот обед были приглашены зенитчики-артиллеристы. Перед обедом Негрин выступил с краткой речью и вручил мне именные часы.

После обеда Негрин спросил меня, что бы я хотел перед отъездом на родину пожелать испанскому народу. Не задумываясь, я ответил:

— Желая, чтобы Республиканская Испания победила в этой войне, и чтобы вы, господин премьер-министр, пригласили бы всех здесь присутствующих на национальный праздник испанского народа по случаю победы над фашизмом.

Несколько теплых слов сказал товарищ Штерн. Негрин на прощание крепко пожал мне руку и пожелал счастливого пути.

Меня отвезли на французскую пограничную станцию, где, попрощавшись с друзьями, я с грустью и болью в сердце покинул ставшую мне родной Испанию, где осталось много хороших друзей.

1965 г.

На русском языке публикуется впервые

А. К. СТАРИНОВА

СОВЕТНИК КОЛЬМАН

(Вильгельм Кумелан)

В январе 1937 года небольшой партизанским отряд под командованием капитана Доминго, советником при котором был Илья Григорьевич Старинов, прибыл на южный фронт в Хаэн — главным город одноименной провинции. Почти шестидесятитысячный древний город как бы прилепился к подножию невысокой горы и, казалось, утопал в зелени, но это впечатление оказалось обманчивым. Оливковые рощи и виноградники лишь окружали город. Окраина города расположена в суровых камнях. Только кое-где в скверах робко зеленела трава да в центре стройными рядами высились вечнозеленые деревья.

После посещения провинциального комитета Испанской компартии капитан Доминго, его советник И. Г. Старинов, который тогда назывался Родольф Вольф или просто — Родольфо и я, его переводчица, направились к военному советнику на южном фронте, полковнику Кольману.

Он жил в особняке, ничем внешне не привлекательном, окруженном высоким каменным забором. Мы позвонили. Дверь вскоре распахнулась, и перед нами появился высокий парень в брюках-клевш и кожаной куртке на молнии.

Мы представились.

— Сейчас доложу, — сказал он на чистом русском языке. Он оказался шифровальщиком полковника Кольмана.

Во внутреннем дворике — скамейки, небольшие пальмы, цветы в горшках. Был здесь и аквариум с разными рыбками.

Вскоре к нам вышел среднего роста человек, крепко сложенный, бритоголовый, Уже по походке чувствовалась выправка кадрового военного.

Мы назвались.

— Коронель Кольман, — представился военный советник, и на его красивом лице с добрыми зеленоватыми глазами заиграла добродушная улыбка. — Очень рад. Как раз вовремя. Раздевайтесь и прошу к столу. Что-то вы задержались. Мы вас ждали вчера.

— В Альбасете встретил старого знакомого и задержался. И не напрасно: пополнили отряд, — ответил мой начальник.

За обедом завязалась непринужденная беседа.

Неожиданно зазвонил телефон. Высокий испанец Санчо взял трубку и начал разговор. Он записывал услышанное, повторял по-французски, а другой переводчик пересказывал это Кальману по-русски.

Видно, говоривший по телефону испанский офицер нервничал из-за частых перерывов в разговоре, и Санчо его успокаивал. приговаривая: «Уно моменто!»

— Вот так и работаем. — сказал Кольман, когда закончился телефонный разговор. — Вам хорошо, — добавил он, обращаясь к моему начальнику. — у вас русская переводчица, а мне приходится трудно. Вот представьте себе: разговариваю с командующим фронта. Сам говорю по-русски, этот слушает и ничего не понимает. Ждет перевода, а мой переводчик переводит на французский. Командующий его почти понимает, а потом Санчо уже переводит на испанский. Командующий отвечает. И все повторяется в обратном порядке: с испанского на французский и с французского на русский. Получается и долго и не всегда точно.

Тут полковник Кольман сделал паузу, посмотрел на меня и моего начальника и продолжил:

— Я попрошу Родольфо кое-когда выручать меня и для особо важных переговоров отпускать со мной Луизу (так звали меня в Испании), а вам с моими переводчиками даже лучше. Они у меня как гвардия.

— Иногда, конечно, выручим, — ответил мой начальник.

Через несколько дней я встретила с Кольманом на ужине в провинциальном комитете партии. Меня посадили между Родольфо и Кольманом. Развернулась оживленная беседа, в которой больше всего пришлось говорить мне: переводила

испанским товарищам то, что говорили Кольман и Родольфо, а для них то, что им говорили испанские товарищи. При этом живом обмене мнениями и репликами я увидела в полковнике Кольмане политически хорошо подготовленного и знающего военное дело человека. Он быстро и, судя по ответам испанских товарищей, очень удачно отвечал на их вопросы, хорошо знал обстановку на фронте.

Позже мне не раз доводилось ездить с Кольманом в качестве переводчика на наиболее ответственные переговоры.

Однажды мы с Кольманом поехали в штаб, расположенный в Андухаре. Линия фронта в то время проходила всего километрах в 30—35 к западу от Хаэна. Кольман почти каждый день ездил или в штаб фронта или на фронт. Хотя он по специальности был артиллеристом, но на фронте выполнял обязанности общевойскового советника.

— Вот что, Луиза. Переходите ко мне на постоянную работу. Что вы у Вольфа петардами занимаетесь! У него одни петарды да мины, мне же, как вы уже знаете, приходится работать с разными большими военачальниками. Совсем другой размах. А у Вольфа есть югославы, которые знают и русский и испанский языки. Он с ними и так обойдется, сказал Кольман и вопросительно смотрел на меня.

Нет, камрада Кольман, ничего не выйдет. Родольфо не отпустит.

На этом разговоры о моем переводе на постоянную работу к Кольману кончились, но я продолжала работать с Кольманом, выезжая на важные переговоры.

Республиканская армия создавалась на ходу, в боях с врагом. На командные посты часто выдвигались люди, не имевшие нужной военной подготовки, к тому же на фронте были части, находившиеся под влиянием анархистов, которые своим поведением фактически способствовали фашистским мятежникам.

Кольману приходилось работать в этой сложной обстановке. Но его тактичность, спокойствие и мужество обеспечивали успех в работе, укрепляли его авторитет. Полковник Кольман работал очень много: выезды в штабы и на фронт, составление донесений, участие в разработке планов. Он успевал всюду, от большой нагрузки он уставал, но держался всегда бодро, сам отдыхал мало, заботился об отдыхе других. Энергия его была неиссякаема, и всеми его делами двигала любовь к Советской Родине, ненависть к фашизму. Он очень

тяжело переживал неудачи на фронтах, особенно, когда что-либо срывалось на южном фронте.

Даже в сложных ситуациях Кальман не нервничал, а проявлял большой такт и пытался выправить ошибку, избегая обострения отношений. Приходилось полковнику Кольману заниматься и вопросами тыла, обеспечения войск оружием, боеприпасами. Поддерживал он дружбу и с летчиками и обеспечивал взаимодействия авиации с наземными войсками. Большое внимание Кольман уделял и партизанской борьбе, а также действиям специальных республиканских подразделений в тылу фашистов. В результате получалось взаимодействие партизан и диверсионных групп с действиями войск на фронте.

При своей огромной занятости Кольман находил время для чтения советских газет, радовался успехам нашей Родины, рассказывая о достижениях в нашей стране испанским товарищам.

Не раз мне приходилось выезжать с Кольманом в штаб республиканской 16-й бригады, которая блокировала занятый фашистами монастырь. Чтобы попасть в штаб бригады, надо было проехать почти километровый участок по открытой местности на удалении от монастыря всего около одного километра. Засевшим в монастыре фашистским мятежникам сверху с горы было прекрасно видно, что происходит на этом участке.

Подъезжая к этому участку, водитель машины Кольмана Эмилио развивал максимальную скорость и, маневрируя, иногда под пулеметным огнем, проскакивал опасный участок. При выезде на закрытый и потому безопасный участок Эмилио сбавлял скорость и вытирал с лица пот. Конечно, Кольман мог реже ездить в этот штаб, но он предпочитал личный контакт телефонным разговорам. К счастью, все обходилось благополучно.

В быту Кольман был общительным и скромным, говорил он сам мало; был наблюдателен и отличался хорошей памятью.

Прежде чем беседовать с кем-нибудь из командиров или штабных работников испанской армии полковник Кольман тщательно готовился: просматривал свою рабочую карту, делал заметки в полевой книжке, что-то записывал и рассчитывал.

В марте 1937 года, во время наступления фашистов на Пособланко, создалось трудное положение. Кольману стало известно намерение командующего фронтом полковника Перес Саласа о сдаче Пособланко с целью сохранения живой силы и отвода войск на новые, якобы более выгодные рубежи.

Ехать к Перес Саласу со своей «гвардией» Кольман не рискнул. Длительные и нудные переводы раздражали полковника Переса Саласа, и тут никакого успеха нельзя было ожидать.

Кольман попросил Родольфо отпустить меня для поездки в Пособланко.

Когда мы с Кольманом приехали в штаб в Андухаре, нам сказали:

— Нет надобности ехать в Пособланко, Перес Салас уже принял решение отвести войска к востоку от города, и никому его переубедить не удастся.

Но Кольман решил ехать. Ехали ночью. Навстречу нам двигалась огромная лавина беженцев. Шли и ехали на осликах мирные люди, покидавшие свои родные места, спасаясь от фашистских варваров. Беженцы везли свой скарб на животных и на двуколках с огромными колесами, вели коз, коров, на некоторых осликах в корзинах, перекинутых через спину, сидели маленькие дети, а впереди, привязанные на веревке, покачивались куры. Это была скорбная картина. Нет слов, чтобы описать страдания мирных людей, вызванные наступлением фашистских орд. А тут еще полил дождь. Темная ночь; только в свете фар нашей машины мы видели всю эту трагическую картину, все эти страдания, которые принес фашизм испанскому народу, такому мирному и трудолюбивому и такому мужественному в борьбе против своих врагов.

Ехали медленно, иногда останавливались. Прибыли в Пособланко уже за полночь. Нашли командующего.

Когда мы вошли, Перес Салас сидел у камина и курил, видимо, сильно нервничал и о чем-то думал, так что не сразу обратил на нас внимание... Увидев нас, он положил сигарету в пепельницу, встал и галантно поздоровался.

Кольман попробовал начать разговор об обстановке на фронте и о боях на подступах к Пособланко.

— Все уже решено! — резко ответил Перес Салас. — Да, синьор полковник, но может быть вы побеседуете с пленными, — предложил командующий.

Фашистские солдаты выглядели весьма жалко и недоуменно отвечали на вопросы Кольмана.

Наконец подали кофе, и командующий пригласил нас к камину. Разговорились, но говорили не о военных делах. У нас с Перес Саласом как бы продолжалась однажды начатая беседа о быте и жизни в Советском Союзе, о русских женщинах, об искусстве, литературе и других вопросах.

Разговор постепенно становился все более оживленным. Перес Салас иногда улыбался, замкнутость и отчужденность исчезли.

— Можно и о деле поговорить? — спросил меня Кольман.

— Думаю, что можно, — ответила я.

И мы начали разговор о делах на фронте. Проговорили до рассвета — и не зря. Кольман умело подошел к командующему и уговорил его не сдавать Пособланко.

На рассвете началась сильнейшая бомбежка города вражеской авиацией. Фашистские стервятники безнаказанно с небольшой высоты сбрасывали бомбы, разрушая опустевший город. Мы находились на командном пункте, но ни одна бомба туда не попала. И во время бомбежки Кольман вел себя спокойно, спокоен был и командующий.

Вскоре после окончания налета вражеской авиации в город прибыло на машинах подкрепление. Прибыли представители Хаэнского провинциального комитета испанской компартии. Пособланко отстояли.

До самого моего отъезда из Испании я не знала ни настоящей фамилии, ни имени и отчества Кольмана и только, передавая посылку для своей жены, он назвал ее фамилию — Кумелан Анна Ивановна.

Во время поездок для переговоров с испанскими командирами Кольман иногда вспоминал о своей семье, о своих двух дочерях, которых он очень любил.

Его жена приезжала ко мне в Москву с младшей дочерью, которой было тогда около 8 лет. Они останавливались у меня, расспрашивали о Вильгельме Ивановиче. Я им рассказывала о его работе, но ничего не говорила о его опасных поездках.

После возвращения из Испании Кольман заходил ко мне. Мы смотрели с ним фильм «Доктор Калюжный».

В последний раз я случайно встретила с ним перед Великой Отечественной войной — в Москве, в Центральном универмаге Военторга. Очень обрадовалась встрече, долго и о многом говорили. Он тогда учился на курсах в военной академии им. М. В. Фрунзе.

С тех пор я с ним не встречалась. Слышала, что во время войны он был на Дальнем Востоке, что ему было присвоено звание генерал-лейтенанта артиллерии.

1965 г.

На русском языке публикуется впервые

Е. ПАРШИНА
А. СПРОГИС

ПУТИ РАЗВЕДЧИКОВ

Главным советником в Испании тов. Ян Берзин направил советского добровольца Артура Спрогиса на Малагский фронт советником по разведке при штабе.

Переводчицей при Артуре Спрогисе была советская девушка Лиза Паршина. Они работали вместе вплоть до возвращения на родину в конце 1937 года. Совместно написаны ими и эти воспоминания.

Испания больше ста лет не вела войн, и ко дню вспыхнувшего мятежа военного опыта не имели не только рядовые бойцы, но и офицерский состав республиканской армии. Те офицеры, которые в двадцатых годах участвовали в колониальной войне в Марокко, изменили Республике и перешли на сторону фашистов, уведа за собою и большую часть регулярной испанской армии.

Мы приехали в южный портовый город Малагу в то время, когда фронт там удерживали отряды народной милиции. Разведчиков и разведподразделений в этих отрядах практически не существовало.

Создание разведывательных органов фронта пришлось начинать с отбора бойцов и добровольцев из населения, рабочих и крестьян — с обучения владеть оружием и тактикой боя. И то и другое было делом весьма сложным, тем более что советник по разведке совершенно не знал испанского языка, а переводчице пришлось уже в процессе работы осваивать андалузское наречие и своеобразие народного говора.

В создании первого на этом фронте отряда активной разведки главную помощь оказали городской комитет коммунистической партии и комиссар Народной милиции фронта коммунист Боливар. Секретарь молодежной организации города лично принимал участие не только в формировании отряда, но и в некоторых операциях. Это был очень энергичный и смелый юноша по имени Луис. Не было недостатка и в добровольцах, однако на всю подготовительную работу было так мало времени, что обеспечить разведподразделениями все отряды фронта не удалось. По существу был создан один крупный отряд, подчинявшийся непосредственно штабу и обеспечивающий в меру своих сил все участки фронта.

Строго говоря, этот отряд не был войсковым подразделением в предусмотренных уставом формах. Он состоял из людей, никогда ранее не державших в руках оружия, почти неграмотных и при этом самых различных возрастов, в основном непризывных. Был здесь сержант Хосе¹, некогда служивший в армии и потому принявший на себя командование отрядом; в отряде был также его брат Клаудио, хромой от рождения; и сестра Мария с мужем, Бонилья. Они происходили из шахтерской семьи, еще полностью не утратившей связи с крестьянским трудом. В семье Браухо, вступившей в отряд почти в полном составе, только один был призывного возраста; было еще несколько старых шахтеров — Молина, Барранко, и несколько юношей из рабочей молодежи, не достигших призывного возраста.

Отряд действовал на добровольных началах. Любой боец мог выйти из него по своему желанию, но таких случаев не было. Никакие дисциплинарные взыскания и наказания в отряде не применялись, дисциплина поддерживалась коллективными усилиями самих бойцов.

Начало нашей совместной работы совпало с жестоким поражением республиканских войск под Малагой и падением города. Причин поражения на этом участке фронта было более чем достаточно: организационная разрозненность отрядов Народной милиции, территориальная раздробленность оборонявших город войск; отсутствие между ними взаимодействия, вызванное как их малочисленностью, так и условиями гористой местности; нехватка оружия и боеприпасов, отсутствие танков, очень незначительное количество артиллерии и пулеметов,

¹ Здесь и дальше авторы называют своих оставшихся в Испании боевых товарищей только по имени, не упоминая фамилии.

слабая поддержка авиацией, ввиду отсутствия поблизости подходящих аэродромов; равнодушие генерального штаба к судьбе Малаги, нестойкость анархистских подразделений, бездействие республиканского флота — при всем этом на Малагу, которую обороняло всего пять тысяч бойцов, фашисты бросили, помимо своих войск, свежий, хорошо оснащенный техникой экспедиционный итальянский корпус, незадолго до этого переброшенный морским путем.

Судьба Малаги решилась в несколько дней. Незадолго до того мы ночами ездили по тем участкам фронта, где было возможно продвижение войск с техникой, и подрывали мосты через горные проходы — часто на территории, уже оставленной нашими войсками. Седьмого февраля штаб фронта оставил Малагу, потеряв всякую связь с действовавшими на фронте частями и возможность управлять событиями. Мы в это время находились на самом отдаленном участке фронта, на направлении Марбелья. К счастью, Маша Левина, переводчица нашего советника фронта генерала Киселева, перед тем, как сесть в машину, передала по телефону его приказ — немедленно вернуться в Малагу. Мы выехали, не зная, что по нашим следам идет фашистская танковая колонна. Одновременно фашисты высадили на участке, который мы только что покинули, морской десант. Когда мы забирали из городского госпиталя наших раненых, фашистские танки были в пяти километрах от города. Оборона распалась, и сопротивление республиканских войск было сломлено.

На шоссе, оставшееся единственной коммуникацией от Малаги на Альмерию, устремились десятки тысяч беженцев и безоружные бойцы, которых в городе насчитывалось около пяти тысяч. Отсутствие оружия не дало им возможности участвовать в боях.

Мы были свидетелями того, как фашисты с самолетов расстреливали этих несчастных из пулеметов, били по ним шрапнелью из орудий с крейсеров, шедших вдоль берега, параллельно дороге. Это не было вызвано никакой военной необходимостью, это была просто зверская месть за то, что народ уходил, не желая оставаться под фашистским игом.

Вместе с советником Киселевым, комиссаром Боливаром и с группой коммунистов из командного состава Спрогис участвовал в эти дни в организации отрядов заграждения и в наведении порядка среди отступавших войск. Несмотря на все усилия, штабу не удалось в первые дни отступления установить

контакт с войсками: арьергардные бои велись совсем незначительными силами.

На исходе третьего дня штабу стало известно, что на оставленной нашими войсками территории совершил вынужденную посадку скоростной бомбардировщик, конструкция которого еще не была известна противнику. Командование авиацией просило любым способом уничтожить самолет, чтобы он не попал в руки врага. Экипаж был спасен отступавшими испанскими бойцами, но уничтожить самолет они не успели.

Пришлось рискнуть. Выполнить операцию должен был небольшой отряд, который мог бы, пользуясь ночной темнотой, незаметно проскочить через боевые порядки противника.

Мы выехали тотчас же на двух легковых машинах в составе восьми человек с советником и переводчицей. Сначала мы встречали по дороге отставших беженцев и легкораненых бойцов, но вскоре шоссе опустело. Уже затемно нам встретилась еще одна небольшая группа бойцов, имевшая на руках тяжелораненых. Они сказали, что за ними наших войск уже нет.

Вскоре нам пришлось оставить машины и добираться до цели пешком, кое-где и ползком. Самолет мы нашли, подожгли оставшийся в баках бензин и подорвали самолет связкой гранат. Фашистская застава, находившаяся метрах в шестидесяти от самолета, открыла по нас огонь, но найти нас в затопленных тростниках ночью не смогла. На рассвете мы добрались до наших машин. На счастье, фашисты ночью не продвигались и наши машины были целы.

Эту операцию впоследствии описал в своей книге известный немецкий писатель Людвиг Ренн, который, будучи начальником 11-й Интернациональной бригады, оказал нашему отряду на Гвадалахарском фронте значительную помощь.

К 12 февраля фронт был стабилизирован силами перегруппированных отступивших войск и подошедших 6-й испанской и 13-й Интернациональной бригад, поддержанных авиацией и артиллерией. Противник занял Мотриль, километрах в ста с лишним от Альмерии, но далее продвинуться не мог.

За эти трагические дни дружба и сплоченность бойцов нашего отряда неизмеримо выросли. Почти все бойцы были андалузцами, многие потеряли семьи, и отряд теперь стал для них и семьей, и домом. Эта дружба, скрепленная взаимной выручкой в боях, впоследствии помогла отряду выполнить не одно опасное и трудное задание в тылу врага и сохранить его таким же сплоченным до конца 1937 года.

После отступления от Малаги отряд был выведен из подчинения фронту и начал выполнять задания, которые получал непосредственно от генштаба, где советником в то время был тов. Берзин, в зависимости от ситуации, сложившейся на том или ином фронте.

Таких отрядов в течение 1936—1937 годов в Испании организовывалось довольно много, но все они значительно отличались друг от друга и по составу, и по методам действия. Часто их называли партизанскими и для этого было много оснований: они состояли только из добровольцев, включали большое число бойцов непризывного возраста, иногда целые семьи; осуществляли в тылу противника не только разведку, но и диверсионные акты (главным образом подрыв железнодорожных путей и мостов); некоторые отряды вели в тылу противника агитационную работу.

Наиболее крупным из таких отрядов был сводный батальон под командованием Доминго, где советником и инструктором был советский инженер И. Г. Старинов, а переводчицей — Луиза. В сводном батальоне, кроме испанцев их было подавляющее большинство, — были финны, чехи и словаки, американец, черногорец, хорват и бойцы других национальностей. Работа всех отрядов (за исключением тех, которые создавались при частях) координировалась генеральным штабом. Иногда несколько отрядов объединялись для коллективных действий. Как пример можно привести операцию на Толедском фронте, где несколько разведотрядов объединились для того, чтобы вывести из строя железную дорогу, по которой противник перебрасывал с юга на север прибывающие морем из Италии и Германии войска, вооружение и военные материалы. По этой же дороге после стабилизации южного Фронта началась переброска на север итальянского экспедиционного корпуса, введенного впоследствии в бой под Гвадалахарой. Однако в те дни дальнейшие намерения противника были недостаточно ясны, и разведотрядам была поставлена задача в первую очередь воспрепятствовать переброске войск и захватить пленных.

Наш отряд был перебазирован в Мору де Толедо, где располагался штаб бригады. Более месяца (пока шли бои на Хараме и под Гвадалахарой) наши разведчики подрывали железную дорогу на протяжении более семидесяти километров по фронту и выполняли операции на глубине до 10—12 километров. На боевом счету отряда уже было, считая эшелоны, подорванные на южном фронте, несколько десяткой

взрывов. Некоторые операции, требовавшие большой осторожности и опытности, советник проводил с отрядом сам; он выходил на операции также, когда хотел показать бойцам использование на практике новой техники или новой тактики.

В этих случаях он становился командиром отряда и должен был обязательно и неизменно находиться впереди, чтобы бойцы могли соотносить свои действия с действиями командира, ведь объясняться с ними он не мог из-за незнания языка, и его команду просто никто не понял бы. Даже в тех случаях, когда на операцию выходила переводчица, быстро меняющаяся обстановка боя иногда не оставляла времени для перевода команды.

Иногда отряд уходил в тыл врага на несколько дней.

Примером такой операции может служить глубокая разведка, которую отряд провел в Арагоне на теруэльском шоссе.

К этому времени (июль 1937 года) бойцы отряда были достаточно подготовлены, приобрели хороший боевой опыт и навыки действия в составе десяти—пятнадцати человек. В конце июля отряд получил задание захватить на теруэльском шоссе «языка», что было особенно важно, поскольку по этому шоссе поддерживалась связь между войсками на Арагоне и главной ставкой фашистов, находившейся в Бургосе, а республиканские войска в это время проводили крупную и удачную операцию под Бельчите.

Шоссе, на которое мы должны были выйти, находилось в двадцати километрах от линии фронта, в тылу противника, занимавшего оборону по берегу реки Тахо. Командир рассчитал операцию на двое суток. В ней участвовали тридцать коммунистов отряда, советник с переводчицей и проводник-крестьянин. Он согласился вести отряд, несмотря на то, что на фашистской территории в этой местности оставалась вся его семья, и если бы кто-либо увидел проводника с нами, то фашисты, безусловно, расправились бы с его близкими.

Ночью отряд скрытно перешел мост через горную реку, разделявшую фронт. Этот мост в дневное время был открыт для наблюдения с обеих сторон, и фашистская охрана обычно спускалась к нему только с наступлением темноты. Отряду пришлось воспользоваться всего несколькими минутами, когда мост еще не охранялся.

На рассвете следующего дня мы уже были на шоссе и заняли огневые позиции на прилегающем к нему холме, а на дорогу вышла группа из трех человек, которая должна была

выдать себя за дорожный контроль и задерживать машины, если их пассажиры оказались бы подходящими, а шоссе в этот момент — свободно.

В заставу пошли сержант Хосе и два автоматчика, а весь остальной отряд расположился на холме у пулеметов.

В течение некоторого времени шоссе было пустынно, затем показалась легковая машина с тремя военными. Она была задержана после непродолжительной схватки, но в это время следом за ней две грузовые машины с войсками «рекете» мы заметили не сразу. Следует отметить, что «рекете» это фашистские военные формирования, отличавшиеся особым зверством и к тому же прекрасной военной выучкой и дисциплиной. Мотоцикл удалось задержать, а с отрядом «рекете», превосходящим нас по численности в три раза, мы вступили в бой. При задержании легковой машины и мотоцикла часть нашего отряда была на шоссе, в том числе Хосе и Спрогис; переводчица же и семь бойцов оставались на холме при пулеметах.

За две-три минуты боя связь для взаимодействий установить, конечно, не удалось. Тем не менее обе группы действовали настолько четко, что отряд фашистов был полностью разгромлен. Убежало всего три-четыре человека. Наш отряд имел только одного легкораненого. Мы захватили оружие, пленных, документы.

Этот бой произошел около одиннадцати часов утра. Нам пришлось быстро покинуть шоссе и углубиться в горы. Без отдыха, под палящим солнцем, отряд проделал форсированным маршем около пятнадцати километров и к вечеру стал выходить на плато, примыкающее к разделявшей фронт долине реки Тахо. Здесь мы неожиданно наткнулись на второй фашистский отряд, высланный, как потом показали пленные, с карательными целями, и снова приняли бой. На этот раз столкновение было настолько внезапным, что в схватке пришлось участвовать всему отряду, включая проводника и переводчицу. Дошло до рукопашной. И этот отряд фашистов превосходил нас численно, но уступал в огневой силе. В результате нескольких минут боя мы взяли еще семь человек пленными, остальные были уничтожены. У нас потерь не было.

Наступившая ночь была для отряда очень тяжелой. Шли горами, без дорог. Вскоре разразилась гроза, и когда отряд вышел на линию фронта, оказалось, что река Тахо настолько разлилась, что переправиться через нее невозможно. Вспу-

чившийся после грозы поток напоминал Терек в Дарьяльском ущелье, а в отряде, кроме советника и переводчицы, плавать умел только один человек.

Мы оказались на берегу реки между двумя позициями — нашей и фашистской. Приближался рассвет, и отходить обратно, в тыл фашистской позиции, времени не было. Пришлось использовать старую мельницу, чтобы укрыться на день, а с наступлением ночи мы выслали разведку для поиска переправы.

Переправиться нам удалось только на рассвете следующего дня, соорудив подвесную дорогу из электропроводов, которые соединяли оба берега. Последние бойцы перебрались уже за светом под обстрелом противника, однако мы переправили всех пленных и трофейное оружие.

Эту трудную, но безусловную победу над отборными фашистскими отрядами, да еще на их территории бойцы могли одержать только благодаря высокой политической сознательности, моральной устойчивости и безграничному доверию друг другу. Это были люди, глубоко преданные своему народу и своей родине.

Вспоминается один случай. В отряде был немолодой уже боец Бонилья, который в результате тяжелого ранения почти совершенно лишился слуха, но из отряда не ушел. Когда в конце операции, которую мы описали выше, отряд вышел к реке, Бонилья вскарабкался на скалу, сорвал несколько цветов шиповника и преподнес их девушке-переводчице; он знал, что она и советник будут переправляться через реку последними, и хотел приободрить девушку.

Из операций, выполненных отрядом в 1937 году, можно упомянуть еще об одной. Это было в мае. В генеральный штаб поступили сведения, что противник снова сосредоточивает силы против Гвадалахарского фронта. В течение недели силами Мадридского фронта предпринимались попытки захватить «языка» для проверки этих сведений, но они не увенчались успехом. Тогда штаб Мадридского фронта возложил эту задачу на наш отряд.

Нащупав свободный проход в обороне противника на стыке двух частей, группа из пяти разведчиков углубилась на несколько километров в тыл противника и вышла на шоссе. Вскоре послышался цокот копыт, на дороге показалось несколько конных. Схватка была короткой. Трое фашистов было убито, а двоих офицеров разведчики захватили в плен. На допросе в штабе фронта в Гвадалахаре выяснилось, что один

из них был командиром батальона, а второй — бывший лейтенант республиканской армии, предатель, перебежавший незадолго до этого к фашистам и выдавший военные тайны. В портмоне, которое он пытался тайком выбросить по дороге, мы обнаружили документы, содержащие благодарность от имени штаба корпуса фашистских войск.

В течение года — и особенно во второй его половине отряд провел много удачных операций. Почти год учебы и практической подготовки дали очень хорошие результаты. К концу 1937 года бойцы отряда, простые рабочие и крестьяне, недавно не умевшие даже стрелять, стали закаленными бойцами с высокой политической сознательностью. Почти все бойцы вступили в Коммунистическую партию Испании, научились грамоте, несколько человек были посланы на специальные курсы младших командиров, пятнадцать из них впоследствии получили звания сержантов, а командир отряда Хосе звание лейтенанта республиканской армии.

В 1937 году боевой дух армии был довольно высоким. К этому времени уже существовала единая республиканская армия и единое командование; солдаты и офицеры приобрели некоторый военный опыт. В войсковых частях, правда не во всех, начали активно действовать разведподразделения, чему значительно способствовала та помощь, которую им оказали организованные ранее разведотряды, находившиеся в ведении генерального штаба. В частности, из нашего отряда двое разведчиков были посланы в качестве инструкторов на северный фронт в Астурию, несколько человек — в другие части; отряд пополнился новыми бойцами, взятыми с фронта. Мы были очень рады, что смогли оказать им помощь, поскольку главный смысл своей деятельности видели именно в подготовке стойких, преданных демократическим традициям квалифицированных разведчиков.

Исход войны мог быть совершенно иным, если бы не тяжелые внешние условия, в которых протекала борьба испанского народа за демократию, свободу и независимость. Военная интервенция гитлеровской Германии и фашистской Италии была главной причиной того, что эта война в Испании закончилась для испанского народа трагически. У власти укрепились самые реакционные элементы во главе с генералом Франко. Но жертвы, понесенные испанским народом, не пропали даром, они способствовали разгрому фашизма в Европе и падению гитлеровской Германии.

Крепкая дружба связала испанский и советский народы.

И на нашей земле в годы второй мировой войны доблестно сражалось немало испанцев. Усилия, положенные испанским народом и революционерами других стран, сражавшимися бок о бок с ними на фронтах Испании, еще принесут свои плоды, и Испания дождетса часа освобождения.

1965 г.

На русском языке публикуется впервые

II

О ТЕХ, КТО ПОГИБ
НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ
В ИСПАНИИ

МИРДЗА КЕМПЕ

ПАВШЕМУ

Твою могилу, брат мой,
Закапывали с клятвой и
пропустить врагов.
Шумит и плещет море,
И в голубом просторе
Ты слышишь гул шагов.

Валенсия, где пал ты,
Те камни, где шагал ты,
Где отдал жизнь борьбе,
Мадрид, где над домами
Не гаснет битвы пламя, —
Все помнит о тебе.

На страшном поле боя
Лежат друзья с тобою
И ждут великих дней.
Светила угасают.
Но над тобой сияет
Звезда пяти лучей.

На Пиренейских кручах,
Сгущаясь, ходят тучи,
Тая возмездья гром.
Твоя могила, брат мой
Лежит безмолвной клятвой,
Что мы еще придем.

Перев. Л. Хаустов

АДОЛЬФ АКИС

Адо́льф А́кис (А́ке) родился 8 февраля 1904 года. Окончил три класса коммерческого училища. В 1924 году его призвали в армию буржуазной Латвии, до 1926 года он служил в Добельском пехотном полку. После демобилизации Акис был рабочим Рижской телефонной сети. В 1929 году он вступил в профсоюз почтовых и телеграфных работников.

По вечерам Адо́льф А́кис посещал драматическую студию Рабочего театра. Вскоре ему начали поручать небольшие роли в массовках, в которых участвовали студийцы. А. Акис играл талантливо, глубоко проникая в характер своих героев. Его товарищ по студии поэтесса Ва́лия Брута́не рассказывает, что ярче всего Акис сохранился в памяти своих друзей «...в небольшой роли в пьесе Ки́ршона «Рельсы гудят», которая шла в театральном сезоне 1929 — 1930 годов; говорить ему приходилось мало, одну-две фразы... Но он сумел создать образ, яркий и внешне, и внутренне.

Этим Акис убедительно доказал, что нет маленьких ролей, что талантливая игра может любую роль сделать значительной».

Адо́льф А́кис был преданным товарищем, простым, очень сердечным и отзывчивым. Он читал прогрессивную литературу и постоянно интересовался всеми новыми явлениями театрального искусства. У Акиса собирались друзья читать

советские издания, поспорить, обогатить свои знания по театральному искусству.

Адольфу Акису представилась возможность побывать в Германии, Франции, Австрии. В этом путешествии любознательный юноша получил много ярких впечатлений, сделал и немало наблюдений, ценных для дальнейшей работы в студии. Но все же Акис был вынужден оставить театр, так как у него произошел конфликт с руководством.

Адольф Акис был настроен революционно, его интересовало все, что касалось Советского Союза. У него были связи с революционным движением. По заданию подпольной организации «Красной помощи» он содержал конспиративную квартиру, размножал нелегальные издания и распространял их.

В январе 1937 года Акис вместе с актером Художественного театра Эдгаром Екабсоном и моряком Эмилем Кемпе нелегально уехал из Латвии в Испанию, чтобы принять участие в борьбе испанского народа с фашизмом.

После недолгого обучения в Альбасете его вместе с десятью другими латышами зачислили в батальон им. Димитрова, которым командовал кадровый офицер болгарской армии И. Гребенаров.

В феврале того же года батальон им. Димитрова перебросили на Мадридский фронт. Здесь началось наступление фашистов из столицу республики. Всех добровольцев из Латвии зачислили в 1-ю роту батальона. Адольф Акис и Эмиль Кемпе были во втором взводе. Перед ротой поставили боевую задачу — занять высоты на берегу реки Харамы.

Адольф Акис погиб здесь в первые дни боев.

Я. Палкавник

АБРАМ БАРОН

Абрам Барон (Абраша, Алоиз, Карличек) родился 27 июля 1912 года в Даугавпилсе, в зажиточной семье. Школьные годы А. Барона прошли в Даугавпилсе в пору, когда здесь, несмотря на царивший вокруг террор и трудные условия нелегальной работы, росло среди рабочих влияние Коммунистической партии Латвии.

На учащуюся молодежь особенно сильное влияние оказывал комсомол. А. Барон включился в революционное движение. Он выделялся своей серьезностью и знаниями. Свое революционное сознание он закалял в борьбе против устаревших семейных традиций, против буржуазных и религиозных предрассудков. В этой борьбе он укреплял свою волю, принципиальность и непримиримость. Барон читал произведения прогрессивных писателей, которые были популярны среди школьной молодежи, изучал теорию марксизма-ленинизма. Систематически накопленными знаниями он охотно делился с рабочей молодежью: учил ее азбуке коммунизма, политэкономии и общеобразовательным предметам. У себя дома он с помощью комитета комсомола организовал общественную библиотеку, в которой было много нелегальных книг по теории марксизма-ленинизма и художественной литературы. Эти книги он распространял среди рабочей молодежи. А. Барон был не только активным пропагандистом, но и сердечным и чутким товарищем. Товарищи платили ему любовью.

В 1929 году Л. Барон был учеником выпускного класса Даугавпилсской средней школы. Его с товарищем «накрыл» в гардеробе школьный сторож в момент, когда юноши рассовывали по карманам пальто листовки Даугавпилсского городского комитета комсомола. Абрама арестовали, исключили из школы и заключили в Даугавпилсскую тюрьму, где он просидел 8 месяцев. Суд оправдал его за отсутствием улик: сторож, который был единственным свидетелем, отказался от своих первоначальных показаний. А. Барону разрешили сдать выпускные экзамены экстерном.

Абрам Барон вышел из тюрьмы вполне созревшим молодым революционером, нестигаемым комсомольцем, готовым отдать всего себя делу борьбы за коммунизм. Он отказался от увлечения музыкой, так как считал, что теперь не время заниматься этим: перед молодежью стоят другие, более важные задачи.

Осенью 1930 года А. Барон с разрешения комитета комсомола уехал учиться в Чехословакию, в город Брно. Здесь тотчас же включился в партийную работу. В 1931 году стал членом Коммунистической партии Чехословакии и под партийной кличкой «Карличек» работал в партийном аппарате округа Брно.

В 1933 году А. Барон работал в аппарате нелегальной прессы КПЧ и одновременно был инструктором окружной партийной организации Брно. Абрам распространял в армейских частях партийную литературу, а также помогал подпольщикам Коммунистической партии Германии: не раз он переправлял через границу нелегальную «Rote Fahne» («Красное знамя»).

Так как Барон был гражданином Латвии, то в 1934 году прибыл на родину для прохождения военной службы. Как человека, который политически скомпрометировал себя и не пользовался доверием властей фашистской Латвии, его направили в рабочий батальон Даугавпилсской крепости. Солдаты этого батальона содержались под очень строгим контролем. За все время прохождения службы их ни разу не выпустили в город.

После воинской службы А. Барон вернулся в Брно, где в 1935 году окончил Политехнический институт. Короткое время работал на большом заводе в Витковичах, а затем полностью перешел на партийную работу в КПЧ. В связи с усилением агрессивной политики гитлеровской Германии, поднявшей шумную кампанию за отторжение Судетской области от

Чехословацкой Республики, в стране усилилось волнение, народные массы все настойчивее требовали принять меры для защиты Республики.

Л. Барон в это время работал в аппарате «Комитета защиты первого района Праги». Комитет занимался созданием групп сопротивления на случай, если Чехословакия подвергнется нападению.

Осенью 1935 года из Латвии в Прагу эмигрировал Михаил Шварц, который тоже включился в партийную работу. Он встретился с А. Бароном, они стали близкими друзьями.

В декабре 1936 года А. Барон с другими первыми добровольцами из Чехословакии отправился в Испанию. Ему поручили организацию почтовой связи. Здесь и пригодилось его знание языков: он владел русским, латышским, еврейским, чешским, немецким, французским и испанским языками. А. Барону удавалось доставлять почту на самые опасные участки фронта и собирать письма бойцов, адресованные их близким и друзьям.

Осенью 1937 года Барон по заданию КПЧ участвовал в организации батальона им. Масарика, а затем — 129-й бригады.

Весной 1938 года, в первые дни апреля, когда на фронтах Испании положение стало тревожным. А. Барон отправился на фронт. Он принял на себя обязанности политического комиссара 4-й пулеметной роты в батальоне им. Масарика 129-й бригады. Абрам Барон погиб смертью храбрых в ожесточенных боях на Арагонском фронте, в десяти километрах к северу от города Морелья.

Е. Шварц

ЯНИС ВАНАГ

Янис Ванаг родился 13 марта 1912 года в Ливанах, в рабочей семье. По окончании начальной школы, в возрасте 16 лет, он приехал в Ригу, получил паспорт и начал самостоятельную жизнь. Пошел в стекольную промышленность, стал стеклодувом, работал на различных стекольных заводах Латвии.

Положение рабочих на предприятиях стекольной промышленности в то время было ужасным. Вредные условия труда, низкая оплата, произвол и нечестность хозяев, которые месяцами задерживали заработную плату или выдавали в виде аванса стеклотару, — все это толкало рабочих на организацию борьбы с предпринимателями. В 1931 году Янис Ванаг стал членом левого профсоюза рабочих стекольной промышленности. Он принимал активное участие в обсуждении требований рабочих и в организации забастовок. Был членом боксерской секции рабочего спортивного общества.

Деятельный, честный характер молодого стекольщика, его классовое сознание, стремление стать полезным для решающих боев с капиталом привели Ванага в 1932 году в ряды нелегального Коммунистического Союза Молодежи. С захватывающим интересом читал он партийные издания, работал в Рижской и Ливанской организациях КСМЛ. Под предлогом поездки к родителям он часто ездил в Ливаны с большими пачками нелегальной литературы, снабжая местных товарищей

необходимым пропагандистским материалом. Действия Ванага привлекли внимание шпиков политохранки, но поймать умелого подпольщика им не удавалось.

Во второй половине 1936 года Коммунистическая партия, комсомол и «Красная помощь» развернули в Латвии широкую кампанию солидарности с испанскими трудящимися, героически сражавшимися против фашистских мятежников и интервентов. В кампанию активно включились рабочие стекольных предприятий Риги: собирали пожертвования, распространяли антифашистскую литературу, боролись за единый рабочий фронт. Среди наиболее смелых и энергичных рабочих зрела мысль добровольно отправиться в Испанию, чтобы с оружием в руках преградить путь фашистской чуме, угрожавшей завоеванию рабочего класса и демократии во всем мире. Среди них был и Янис Ванаг. Быстро были улажены все дела, связанные с отъездом. Часть денег, необходимых на дорогу, собрали товарищи по работе, часть добыли сами. Янис Ванаг продал свой велосипед и мебель. Вместе с Альбертом Спаланом они первыми были готовы к отъезду. Утром 13 декабря 1936 года они сели в поезд; на Рижском вокзале их сердечно проводили близкие и друзья. До свидания, Рига!

Что принесет завтрашний день? Как будет там, в Испании? Там идет война. Их судьбы теперь будут солдатскими судьбами. Янис Ванаг написал письмо родным.

«...Когда вы получите это письмо, я буду уже далеко от Латвии. Только, мамочка, не плачь и не горюй! Знаю, что я причиняю тебе горе, но иначе я поступить не мог. Вы ведь меня хорошо знаете — я всегда был за рабочих. И теперь уезжаю туда, где рабочие с оружием в руках сражаются и умирают за правду и свободу. Иначе я поступить не мог, так мне велит сердце, я тоже хочу сражаться и, если нужно, умереть за рабочее дело. Ты, мамочка, можешь гордиться таким сыном, поэтому не плачь!.. До свидания, будьте здоровы и не горюйте обо мне.

Янис».

Первое письмо из Испании он написал товарищам по работе 27 декабря в Валенсии. Дальше его путь лежал в Альбасете, в центр формирования Интернациональных бригад. Затем он воевал на различных участках фронта. Потом учился в Мадриде, в школе красных партизан. Участвовал в нескольких опасных операциях в тылу у врага. Янис Ванаг

был бесстрашным, находчивым бойцом. Ему присвоили звание сержанта. Он вступил в ряды Коммунистической партии Испании.

В июле месяце 1938 года Республиканская армия вела ожесточенные бои с врагом у реки Эбро. Здесь сражалась и противотанковая батарея имени Леона Паэгле, которой командовал А. Березин-Чиспа. В расчетах батареи было много латышей. Сержант Ванаг был наблюдателем.

Здесь, на испанской земле, недалеко от Гандесы, 30 июля на высоте 382 погиб сраженный вражеской пулей отважный латышский боец. Его друзья и боевые товарищи тяжело переживали эту утрату.

Янис Ванаг с честью прошел свой жизненный путь. Везде и всегда он был борцом за рабочее дело, за правду и свободу. Он свято выполнил обещание, которое дал матери, уезжая на освободительную войну в Испанию.

Таким сыном может гордиться каждая мать.

Я. Менде

АЛЕКСАНДР ГИНЦБУРГ

Александр Гинцбург родился 17 августа 1909 года в Риге. Свой трудовой путь он начал в семнадцатилетнем возрасте, работая на фабриках и в морском порту.

Первые трудовые шаги А. Гинцбурга были и первыми шагами его революционной деятельности в левых профсоюзах и кружках «Красной помощи» — сначала в Даугавпилсе, потом в Риге. С 1917 по 1930 год А. Гинцбург был председателем правления профсоюза деревообделочников. Трудная, полная суровых испытаний жизнь заставляла А. Гинцбурга задуматься о несправедливости окружающего его мира, об эксплуатации человека человеком и о необходимости борьбы с этим. В 1928 году А. Гинцбург стал членом Союза Коммунистической Молодежи Латвии, а четыре года спустя вступил в ряды Коммунистической партии.

В поисках заработка А. Гинцбург в 1930 году эмигрировал в Бельгию. Здесь он начал изучать химию, но, проучившись семестр, вынужден был прервать учебу из-за недостатка средств. В 1932 году он вернулся в Латвию и стал активным партийным пропагандистом. За три года А. Гинцбурга арестовывали восемь раз. За ним неотступно следила полиция. В 1935 году ему пришлось эмигрировать в Чехословакию. Жил в Праге как политический эмигрант.

Когда в Испании началась народная революционная война против фашизма, А. Гинцбург тотчас отозвался на призыв

Чехословацкой Коммунистической партии и вступил в ряды добровольцев-интернационалистов. С одной из первых групп добровольцев-чехов он уехал в Испанию и в декабре 1936 года был уже там.

А. Гинцбурга направили в офицерское училище в Посорубио. По окончании училища он в звании лейтенанта начал работать инструктором в Мадригерасе.

Своей самоотверженностью, честностью, трудолюбием он завоевал уважение боевых товарищей. А. Гинцбургу доверили один из самых трудных и ответственных боевых постов: он был политическим комиссаром сначала в батальоне им. Домбровского, позже — в батальоне им. Масарика.

В марте 1938 года, когда фашисты рвались к Средиземному морю, чтобы расчленить территорию Республиканской Испании и ее армию. А. Гинцбург как политкомиссар батальона им. Масарика 129-й Интернациональной бригады принимал участие в ожесточенных боях у города Морелья на Арагонском фронте. В апреле фашисты прорвали фронт. Военские части республиканцев оказались в очень тяжелом положении. А. Гинцбург, проявив героизм и силу воли, собрал небольшую группу бойцов для прикрытия отступающих частей. Пытаясь организовать оборону, смельчаки под командованием своего комиссара вступили в неравный бой с наступающим противником. Комиссар А. Гинцбург погиб в этом бою от фашистской пули.

Борьбе за правду, за свободу посвятил свою недолгую, но героическую жизнь Александр Гинцбург.

На снимке Александр Гинцбург с женой — Фридой Гинцбург, которая в 1937 году тоже уехала в Испанию, где работала медицинской сестрой. Фрида Гинцбург погибла в Равенсбрукском концентрационном лагере.

В. Элстиня

НИКОЛАЙ ГУСАРОВ

Николай Гусаров родился 10 ноября 1910 года в Риге, в рабочей семье. В годы первой мировой войны мать Гусарова с детьми эвакуировалась в Смоленск, а в 1921 году вернулась и Латвию и поселилась в Даугавпилсе. Без латвийского гражданства ей с большим трудом удалось устроиться на работу.

Маленький Николай вынужден был рано начать свою трудовую жизнь. Он перебрался в Ригу. В условиях жестокой капиталистической эксплуатации мальчику приходилось нелегко. В 17 лет он ночевал в ночлежке, а днем на улицах и в порту искал случайную работу. Он не имел латвийского гражданства и ему каждый год приходилось возобновлять право на пребывание в Латвии и платить соответствующий налог. В эту пору его положение было настолько тяжелым, что даже чиновник буржуазного правительства, явившийся в ночлежку описать имущество Н. Гусарова за неуплату налога в размере одного лата, вынужден был составить акт, что все имущество Гусарова состоит из надетой на нем крайне поношенной одежды и что уплатить этот один лат он не в состоянии.

22 августа 1928 года вышло постановление буржуазного правительства Латвии о запрещении левых профсоюзов. В знак протеста в Риге началась политическая забастовка, состоялись демонстрации. Активное участие в этом принимали портовые рабочие, среди них был и Гусаров. Демонстранты останавливали на набережной Даугавы трамваи, вступали в

схватку с полицией. Гусаров участвовал в освобождении задержанных, оказал полиции сопротивление и был в конце концов задержан сам. На время следствия его из-под стражи освободили и он бежал из Латвии.

Больше двух лет Гусаров провел за границей — в Германии, Бельгии и других странах. Перебивался случайными заработками, работал в шахтах, плавал на судах.

Когда начался мировой экономический кризис, рабочих увольняли сотнями, не было работы, не на что было существовать. И Гусаров вернулся в Ригу, с большим трудом выхлопотал на один год разрешение проживать в Латвии. В Риге он застал ту же безрадостную картину: лесопилки закрывались, работы в порту сокращались, а о том, чтобы попасть на фабрику, и думать было нечего.

Чтобы не погибнуть, не умереть с голоду, Гусаров предпринял отчаянный шаг: продался вербовщикам французского Иностранного легиона, заключил договор на пять лет и был отправлен в Марокко.

В непривычном климате Сиди-бел-Абеса, в казармах среди потерявших человеческий облик наемников, в режиме кулака и плетки тянулись мучительные годы. Гусарову удалось, наконец, выбраться из этого ада, но он был совершенно измучен, болен, лишен средств и возможности вернуться на родину: фашистское правительство Латвии не дало ему разрешение на въезд.

В это время началась война испанского народа за свободу, против испанского и международного фашизма. Гусаров, который в своей жизни испытал столько горя, столько несправедливости по вине власть имущих, не колеблясь решил, что его место в ряду борцов против фашизма, вместе с испанским народом.

В Республиканской армии его зачислили в батальон им. Димитрова мастером по оружию, так как он хорошо знал французское оружие. Во время Брунетских сражений он был контужен и получил перелом руки. Когда он выздоровел, его направили пулеметчиком во французское подразделение. Он участвовал еще во многих боях.

25 июля 1938 года началось наступление республиканцев у реки Эбро. В атаках участвовало несколько воинских соединений.

Николай Гусаров погиб смертью храбрых в первые дни этой большой битвы.

Я. Менде

ЭДГАР ЕКАБСОН

Эдгар Екабсон родился 6 января 1908 года в Айзгалдкрогсе Ладесской волости. Его отец был сельским кузнецом. В 1915 году семья переехала в Лимбажи. Здесь Эдгар закончил начальную школу и несколько лет посещал гимназию.

Отец Эдгара, работавший на тяжелой физической работе, был виртуозным сельским скрипачом. В квартире Екабсонов часто звучали веселые танцевальные мелодии и песни. Эдгар был неунывающим, подвижным мальчиком. В нем рано проснулся интерес к музыке и театру. На школьных вечерах он пользовался большим успехом, читая юмористические стихи Доку Атиса и Блауманиса.

Отец мечтал дать сыну техническое образование, поэтому Эдгар поехал в Ригу и поступил на механическое отделение Рижского государственного техникума. Но его интерес к театру рос, и, учась в техникуме, он одновременно посещал драматические курсы. По окончании техникума он не стал искать работу по специальности, а устроился делопроизводителем в недавно созданный Рабочий театр. Он выступал в небольших ролях.

На театральный сезон 1928—1929 года Екабсон заключил договор с театром уже как профессиональный актер. В отношениях с руководством театра он был стремителен и несдержан, не терпел нечестности, смело говорил правду о глаза,

не избегая и резких слов. Из-за этого у него нередко возникали конфликты с администрацией театра.

В 1930 году Э. Екабсон перешел в Художественный театр. Здесь он сыграл несколько ролей в разных пьесах. Запоминающиеся комические образы он создал в нескольких комедиях Шекспира и Блауманиса.

В эти годы Екабсон вступил в социал-демократическую партию и работал в обществе «Дарба Яунатне» («Трудовая молодежь»), Столкнувшись ближе с руководящими деятелями социал-демократической партии, он, как и многие другие молодые интеллигенты, понял, что обманут. С чувством негодования он следил за плутнями и двурушничеством «великих мужей». Их революционные фразы отнюдь не соответствовали их темным делишкам.

Фашистский переворот в Латвии окончательно уничтожил его последние иллюзии о погрязшей в оппортунизме социал-демократической партии. Ее лидеры с их громкими фразами о недопустимости фашизма, о сопротивлении ему с оружием в руках предательски капитулировали в решающий момент; рядовых членов партии они отдали на расправу фашистам, сами же сошли с политической сцены и даже получили от фашистского правительства отличные пенсии. Э. Екабсон порвал связь с этой партией и сблизился с Коммунистической партией Латвии — подлинным защитником интересов трудящихся.

Жизнь в фашистской Латвии угнетала Екабсона. У него появилось непреодолимое желание вырваться из ее ограниченности, где тлетворное дыхание фашизма душило все живое и светлое.

Когда в Испании свободолобивый трудовой народ поднялся на борьбу с фашизмом, вызвав симпатии и солидарность всего прогрессивного человечества, Екабсон сделал для себя выбор. Он твердо решил отправиться туда, где свободу не изображают линемерно на сцене, а завоевывают в бою с оружием в руках.

Попытка легально выехать из Латвии не удалась. Но Э. Екабсон сумел уехать нелегально. Уже через несколько недель его письма, полные юмора, рассказывали друзьям в Латвии о событиях по ту сторону Пиренеев.

В Испанию Екабсон прибыл в январе 1937 года. Его сразу направили в батальон им. Димитрова. Боевым друзьям он запомнился как хороший товарищ, отважный, веселый.

В феврале фашисты предприняли новое наступление на Мадрид. На Харамском фронте шли упорные бои. Здесь погибли многие защитники республики. На этом участке фронта 16 апреля 1937 года вражеский снаряд оборвал жизнь Эдгара Екабсона.

Я. Менде

АРВИД ГРИГУЛИС

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

*Актеру Художественного театра,
погибшему в борьбе за свободу Испании*

То было осенью.
Клен за окном скрипел ветвями,
И тяжесть черных дней легла на крышу.
Гостил ты у меня...
В печи пылало пламя.
В углах, как птицы, притаились тени.
Мы говорили о родимом крае.
О водах Лимбажи,
О кузнеце — отце твоём,
О ветре,
 что мечты уносит в море,
И о Кремле,
И о свободе, что придет к нам...
Потом ты смолк,
К огню лицо приблизив,
Рукой пригладив волосы.
Град в полночь застучал по стеклам...
Ты поднялся, сказал с улыбкой:
— Пора...
Твои пылали жарко руки.
Был радостью и счастьем светел взор.
— Скажи друзьям, чтоб верили борьбе!
С победой ждите дома, увидите.
Как паренек из Лимбажи сражался...
До света слушали мы.
Как град о стекла бился...
Вдруг радостные вести из Парижа.
Привет от Пиренейских гор и строчки
О чудесной девушке-испанке.
Но все исчезло в грохоте и громе.
Которыми пришла в глухой наш угол
Великая испанская война...

Как возвращенье перелетных птиц
В края родные.
Как лет стрелы.
Оборванный паденьем,
Как сказка,
Облетевшая планету.
Приходит в дом,
Где сказочник давно скончался, —
Так шла к нам весть
О войне, погибшем в битве.
Так тихо шла
По кручам гор,
По городам,
Тропой пастушьей,
Шла по дорогам, обагрённым кровью,
Шла через рощи.
По пастбищу, мимо ольхи цветущей.
Мимо озер,
Шла по лугам зеленым,
Шла, шла.
Стучалась тихо в двери,
Стучалась тихо...
И все,
 все
 отворялись...
За Пиренеями немало в битве пало,
За то, чтобы другие жили.
Чтобы земля была свободной.
Еще не все решилось...
Нет, не все...
И снова осень,
Снова дождь стучит по стеклам,
Над нашим краем стяг свободы реет.
На сцене на твоей есть множество ролей.
Но самую великую
Себе
 ТЫ
 выбрал...

*Перевод с латышского
Григория Горского*

ЮЛИЙ ЕНШ

Юлий Енш родился 30 декабря 1905 года в России, в Здуньской Боле (теперь — Польская Народная Республика, Львовское воеводство). Его отец — инженер, профессор Латвийского университета — умер в начале 1920 года, когда Юлию было 14 лет.

В 1920 году Енш поступил в Риге в среднюю школу и после ее окончания был призван на действительную военную службу.

Демобилизовавшись, Енш начал подыскивать соответствующую его знаниям работу, но устроиться в Латвии было трудно. У Юлия не было влиятельных знакомств, поэтому ему приходилось обивать пороги различных учреждений. Испробовал он в поисках средств к существованию и физический труд. В 1929 году Ю. Енш уехал в Англию.

В капиталистических странах начался экономический кризис. Иностранцу, тем более гражданину мало кому в Англии известной Латвии было трудно устроиться на постоянную работу. Некоторое время Ю. Енш работал в механической мастерской, а в 1932 году вместе с женой, англичанкой, вернулся в Латвию. Но и здесь свирепствовал экономический кризис. Безработных интеллигентов использовали на низкооплачиваемых общественных работах: посылали в лес за вереском для укрепления дюн Рижского взморья. Не найдя ничего подходящего, Енш решил испытать счастье и открыл в районе

старой Риги небольшую частную мастерскую по ремонту велосипедов. Но из-за отсутствия заказчиков ее вскоре пришлось закрыть.

Енш опять уехал в Англию, оттуда попытался переехать в Чехословакию на постоянное жительство, но это ему не удалось. В годы кризиса к иностранцам везде относились неприязненно, ни одно государство не желало их принимать. В Манчестере Енш сблизился с левым политическим течением, включился в международное антифашистское движение, стал проявлять интерес к учению Маркса.

В 1936 году, когда в Испании разгорелась гражданская война, Енш твердо верил в победу республиканцев. Верил, что справедливое дело не может не победить, что демократические западные державы не допустят укрепления в Испании — в своем тылу — фашизма. Провозглашенная Англией и Францией политика «невмешательства» вызвала в нем недоумение и глубокое возмущение. Теперь вся надежда оставалась на мировые прогрессивные, демократические и революционные силы.

В октябре 1936 года в Испанию отправилась небольшая группа английских добровольцев. В большинстве своем это были члены Коммунистической партии. Среди них и гражданин Латвии Юлий Енш.

Первое боевое крещение английская группа в составе 18 человек приняла уже в начале ноября, участвуя в четырехдневных боях под Мадридом. Группой командовал Юлий Енш, так как он лучше других знал военное дело. 13 ноября эта же группа принимала участие в штурме казарм гражданской гвардии в Университетском городке Мадрида. Несколько дней спустя группа снова участвовала в сражениях.

15 декабря английскую группу, в которой после боев в строю осталось всего 10 человек, придали Интернациональному батальону имени Эрнста Тельмана 20 декабря батальон пошел в атаку. В первых рядах атакующих шла английская группа. Бой был ожесточенным и кровопролитным.

В этом бою смертью храбрых погиб Юлий Енш — борец за правое дело.

Я. Менде

ЭМИЛЬ КЕМПЕ

Мой брат Эмиль родился 30 октября 1908 года. Мы рано потеряли отца. Тогда мне было семь лет, брату — шесть. Наше детство было омрачено болезнью отца, нуждой, горем матери и войной.

Отец умер в 1914 году, немецкие крейсера в это время уже обстреливали Лиепая. Мать после смерти отца, когда Лиепая оккупировали германские войска, стала работницей на судоверфи Лиепайского военного порта. Свое детство мой брат, как и я, провел в Тосмарском рабочем поселке, окруженном зеленым лесом, у Тосмарского озера. Жили в этом поселке рабочие завода — латыши, литовцы, русские, поляки и немцы. Мы, дети, играя вместе, научились говорить на всех этих языках. Вероятно, в этой среде и зародились первые ростки интернационализма в наших сердцах.

Особенно тяжело нам жилось в годы первой мировой войны. Чтобы мы не умерли с голоду, мать приобрела козу. Помню, как мы ночью ждали наступления утра, когда получим кружку горячего эрзац-кофе без сахара и кусок горького черного хлеба, который рассыпался в руках. Когда коза не давала молока, мы с братом пешком отправлялись за 10 километров на Шкедское взморье к рыбакам за коровьим молоком. Вспоминается и ужасный грипп, который свирепствовал в годы войны. Мы обе с матерью лежали в горячке, а маленький

Эмиль, шатаясь от болезни и голода, держась за стены, шел доить козу.

В годы буржуазной Латвии брат, будучи еще совсем маленьким, как-то надумал вместе со своим школьным товарищем бежать в Советский Союз. Оставив учебники в развалинах крепости, пешком отправились они к границе, но уже на десятом километре очень устали, товарищ начал плакать, Эмилю пришлось его нести — так они вернулись обратно. Когда я поступила в гимназию (мама очень хотела, чтобы мы оба получили образование), брат работал учеником кузнеца. Мама с Эмилем трудились, чтобы я могла учиться. Мама в эту пору сблизилась с левым рабочим движением. В 1927 году я приехала в Ригу и поступила в университет.

В 1928 году мама с братом переехали ко мне в Ригу, так как оба они за участие во всеобщей забастовке были уволены с работы. Я в Риге сдружилась с Линардом Лайценом, Эмилем Судмалисом. Часто бывал у нас и мой школьный товарищ Э. Розенбах-Фросс. Мы включились в работу «Красной помощи», наша квартира стала конспиративной — здесь находили приют вышедшие из тюрьмы больные товарищи, подпольщики, жившие на нелегальном положении. Брат работал то на городских фабриках, то на селе; чтобы закончить образование, посещал вечернюю школу, а потом — мореходное училище им. Кр. Валдемара, а затем стал плавать. Он был высокого роста, кудрявый, темноволосый, с ясными голубыми глазами. В детстве ребята прозвали его «Испанцем». Помню, что Эмиль часто играл на отцовской скрипке. Игре на скрипке он научился самостоятельно, мы часто слушали народные песни. Эмиль был тихим, замкнутым и скромным юношей. Он очень мучился ревматизмом, полученным на сквозняках в кузнице и в судовых кочегарках.

Классовое сознание проснулось в нем рано. Он участвовал в забастовках моряков, восхищался советскими моряками, с которыми встречался в Ленинграде и других портах. Говорил, что жизнь на советских судах не сравнить с бытом латышских моряков на частных пароходах. Эмиль ненавидел фашизм. Однажды он приехал с финским моряком; в Данциге они вместе дрались с гитлеровцами, которые сломали финну ребра.

Когда фашисты в Испании выступили против Республиканского правительства и там началась гражданская война, Эмиль тяжело переживал это. Как-то вечером в 1936 году (в каком месяце, я не помню) я заметила, что он с каким-то

особенным настроением упаковывает дорожную сумку. Поздно вечером мама сказала мне, что брат вместе с актером Художественного театра Э. Екабсоном и рабочим парнем А. Анисом уехал в Испанию, чтобы вступить в Интернациональную бригаду. Их спрятали в бункере моряки одного из судов.

Брат писал нам через Англию. Один из английских антифашистов пересылал нам его письма. Прислал он нам и свою фотографию, уже став воином Интернациональной бригады. Однажды, когда Эмиль выносил товарища из-под вражеского огня, его ранило. Позже Я. Цинис и А. Пекайнис — участники боев в Испании — рассказывали мне, что Эмиль в Испании отлично закончил военное училище и проявил в боях истинный героизм и мужество. Он был командиром взвода Интернациональной бригады в батальоне им. Димитрова. В июле 1938 года ему с 40 бойцами удалось выбить фашистов с высоты близ городка Онда, неподалеку от Валенсии. В ожидании подкреплений Эмиль попросил Пекайниса в случае его гибели передать близким в Риге привет, переслать его документы и сказать, что он выполнил свой долг. Когда фашисты перешли в контратаку, Эмиль был тяжело ранен в грудь. Один чех попытался его вынести из боя, но от вражеских зажигательных бомб вспыхнула трава и оба воина сгорели. С трудных дней детства и всю свою дальнейшую жизнь мой брат Эмиль Кемпе — рабочий, моряк, боец Интернациональной бригады — был верным сыном своего класса, мужественным и героическим борцом. Никогда он не стремился к личному счастью, и я не знаю, было ли оно у него. Свое счастье он видел в борьбе за справедливость, в любви товарищей. Я храню его кепку и посвятила его памяти несколько стихотворений. Вот одно из них.

СОНЕТЫ ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ

Долорес, я поведаю о бое.
Там, под Левантом полыхали дали,
Там брата ранило. И в красном шквале
Чех нес его последнею тропюю.

Сожгло их пламя яростью слепую,
Их легкий пепел ветры разметали,
Испанские цветы не расцветали
Над ними, павшими на поле боя.

Они тобой не будут позабыты.
Как не забыт и тот, другой.
Твой сын, над Волгою зарытый.
И косы стали пепельного цвета, –
То пепел павших сыновей планеты
Запорошил тебя пургой.

Перевела И. Черевичник

ВУЛЬФ ЛИХТЕР

Вульф Лихтер родился 4 декабря 1912 года в Лиепае. Вскоре отец мальчика умер. Его мать — учительница математики — одна воспитывала сыновей.

Мать Вульфа, прогрессивный человек (с 1928 года член Компартии Латвии), воспитала и сыновей в революционном духе. В 1928 году Вульф, еще школьник, включился в рабочее движение. Он вступил в профсоюз, активно участвовал в работе секции металлистов, выполняя под руководством комсомола революционные задания.

24 февраля 1931 года он был арестован, но до суда освобожден на поруки. Несмотря на открытое преследование и террор. Лихтер не прекращал революционной деятельности, и в мае 1931 года был арестован вторично и заключен в Лиепайскую тюрьму, где его на основании закона Керенского держали в заключении до октября 1933 года. После освобождения из тюрьмы В. Лихтер, чтобы избежать преследования, вместе с матерью переехал на жительство в Ригу.

Еще в 1929 году по окончании средней школы В. Лихтер стал слесарем. В Риге он получил работу на велосипедной фабрике «Латвелло». Его мать стала воспитательницей детей дошкольного возраста.

С декабря 1933 по 1936 год Лихтер был активным членом Рижской комсомольской организации. Он работал в комсомольской организации Московского района, был организатором

антифашистских групп, «техником» комсомольских ячеек и небольших подпольных типографий. Эта работа требовала большой смелости и находчивости.

В декабре 1936 года Вульф Лихтер получил разрешение ЦК Латвийского Коммунистического Союза Молодежи на отъезд в Испанию. Заграничный паспорт он получил 19 декабря. В Париж приехал 26 декабря. Уезжая в Испанию, Лихтер писал брату: «Что касается меня лично, то я оптимист. Так часто я живым и здоровым выходил из опасности, так часто рисковал, что я почти уверен, — и теперь моя «счастливая звезда» по-прежнему будет мне светить». 31 декабря Лихтер был в Перпиньяне, а 16 января 1937 года — в Испании. После двухнедельного военного обучения Лихтера зачислили в батальон им. Эдгара Андре 11-й Интернациональной бригады.

Знание нескольких языков, в особенности эсперанто, давало ему возможность быстро сблизиться с бойцами разных национальностей. Поэтому его направили в пулеметное подразделение норвежских и шведских добровольцев. Три недели у Харамы шли непрерывные ожесточенные бои с фашистами, которые рвались к Мадриду. В этих боях 20 февраля 1937 года подразделение пулеметчиков погибло. Не вернулся с поля боя и Вульф Лихтер.

Е. Шварц

СЕРГЕЙ ПОТАШОВ

Сергей Поташов родился в 1911 году в Даугавпилсе, в семье столяра. Уже в 17-летнем возрасте он начинает принимать участие в революционном движении. Вступив в левый рабочий клуб «Спекс» («Сила»), Поташов включился в работу нелегальной комсомольской ячейки, здесь он получает начатки политических знаний, активно участвует в делах Даугавпилсского комсомола.

В 1929 году С. Поташова арестовали за участие в нелегальной демонстрации рабочих и безработных. Как несовершеннолетний он был осужден на полтора года тюрьмы. Срок заключения отбыл в Даугавпилсе. Эти полтора года были для Сергея «университетом», здесь, в тюрьме, под руководством опытных товарищей он успешно пополнил свое образование.

В апреле 1931 года С. Поташова арестовали вторично и снова осудили на полтора года тюрьмы. В 1932 году, по выходе Поташова из тюрьмы. Латгальский окружной комитет комсомола выдвинул его организатором по Абренскому уезду в Яунлатгале, куда он переехал на жительство под именем Ивана Базарова. С его прибытием комсомольская работа во всем уезде заметно оживилась. На средства окружного комитета комсомола Сергей Поташов оборудовал столярную мастерскую, куда под видом заказчиков приходили «техники» комсомольских ячеек и партийных групп, чтобы получать нелегальную литературу и указания руководящих органов. По

заданию партии Сергей в августе 1933 года прибыл в Даугавпилс. Здесь его выследила охранка, снова арестовала, на допросах его безжалостно избивали. Сергей держался мужественно и отрицал все обвинения, так как никаких улик против него не было.

В апреле 1934 года его после пятимесячного заключения освободили. С этого момента Сергей Поташов полностью перешел на нелегальное положение. Вскоре его выбрали членом Даугавпилсского комитета КСМЛ, он руководил антифашистскими группами на городских предприятиях.

В 1937 году Сергей Поташов получил разрешение партии на отъезд в Испанию. В конце этого же года, преодолев самые различные препятствия, он уехал и в январе прибыл в Альбасете. После недолгого обучения его 12 февраля зачислили в противотанковое подразделение 13-й бригады, куда входила и группа латышских добровольцев, имени Леона Паэгле. 13-я бригада в это время принимала участие в боях на Эстремадурском фронте. Сергей был связистом; 16 февраля Сергей Поташов участвовал в ожесточенном бою в секторе Пераледы, где 13-я бригада понесла тяжелые потери. С Эстремадурского фронта бригаду перебросили на Арагонский фронт. Здесь снова начались ожесточенные бои против технически хорошо оснащенного врага, наступавшего в районе Бельчите. 16 марта батарея понесла тяжелые потери. В этом бою смертью героя погиб и Сергей Поташов. Ему было всего 26 лет, из них девять были отданы революционной борьбе.

Е. Шварц

ЯНИС ТИЛАК

Янис Тилак родился 17 марта 1910 года в Плявиньской волости, в семье батрака. В детстве был пастухом, посещал начальную школу. Когда подрос, перебивался случайными заработками. Довелось работать и в Рижском порту на погрузке и разгрузке судов. Жизнь моряков, морские дали показались ему заманчивыми. В 1930 году Янису Тилаку удалось наняться на пароход «Кайя». Никакой морской специальности у него не было, приходилось выполнять самую тяжелую и грязную работу в трюме.

В годы экономического кризиса повсюду быстро росла армия безработных. Юный моряк часто оставался без работы, испытывал нужду, ночи проводил в ночлежках для моряков, днем искал случайных заработков. Все чаще стал он задумываться о причинах такой несправедливости. В морских клубах сошелся с революционно настроенными моряками, начал читать нелегальные издания, участвовал в забастовках моряков. Когда в Германии к власти пришли фашисты, Янис включился в антифашистское движение моряков.

В январе 1935 года Я. Тилак распространял среди моряков и портовых рабочих нелегальный журнал «Виенота фронте» («Единый фронт») — орган революционного профсоюза латвийских моряков и портовых рабочих. В журнале публиковались статьи, с которыми непременно следовало ознакомить каждого моряка и портовика. Особенно важной была статья.

содержавшая призыв солидаризироваться с горняками Астурии, которые восстали против фашистского правительства: «...Героическая борьба испанского пролетариата — это и наша борьба. Кровь, которая там льется. — это наша, рабочая кровь. Фашистские бандиты — это наш общий враг. Поспешим же на помощь нашим братьям по классу!.. Вместе с моряками и портовыми рабочими других стран, сделаем все возможное, чтобы поддержать моряков и портовых рабочих Испании, которые вышли на решающий бой! Не допустим доставку оружия и военных материалов фашистскому правительству Испании! Будем собирать средства на поддержку жертв кровавого террора. Да здравствует международная солидарность! Да здравствует единство рабочего класса!..»

Тилака задержали. При нем нашли три экземпляра журнала. Более двух месяцев провел он в следственной камере Рижской центральной тюрьмы.

Доказать, что Тилак распространял нелегальные издания, охранке все же не удалось. Допрошенные свидетели говорили в пользу обвиняемого: моряк моряка не выдавал!

После освобождения из тюрьмы найти работу стало еще труднее. Тилак и его товарищ-моряк пешком прошли через всю Литву, нелегально пробрались в Польшу и в Гданьском порту спрятались на судне, которое шло в Италию.

Тилак надеялся, что там, быть может, удастся наняться на какое-нибудь иностранное судно. В спешке беглецы забыли запастись питьевой водой. Томясь жаждой, в Кильском порту они попытались незаметно выбраться из своего убежища, но были схвачены. Капитан отправил их обратно в Ригу на пароходе «Спербер».

Из многих стран начали отправляться в Испанию группы добровольцев, чтобы во имя пролетарской солидарности сражаться с испанскими, итальянскими и немецкими фашистами. Среди них оказался моряк Тилак. Он был глубоко убежден в том, что его место здесь, в общей антифашистской борьбе на испанской земле, с оружием в руках, лицом к лицу с ненавистными фашистскими бандитами.

Боевой путь Тилака в Испании связан с батальоном им. Димитрова, который участвовал в защите Мадрида. Янис стал пулеметчиком, принимал участие во многих боях. Не раз его пулемет косил атакующие цепи фашистов или поддерживал наступающую пехоту батальона им. Димитрова.

Так это было и 9 июля 1937 года в боях под Брунете и Вильянуэва-де-ла-Каньяда. Своим пулеметом Я. Тилак

поддерживал атаку стрелков. Но вдруг пулемет вышел из строя. Тилак схватил винтовку, выскочил из окопа и бросился вслед за пехотинцами...

Этот бой был последним для отважного латвийского моряка и пламенного антифашиста Яниса Тилака. Он погиб, сраженный вражескими пулями.

Я. Менде

БОРУХ ЦЕЙТЕЛЬ

Борух Цейтель родился 20 июня 1908 года в Риге. В 1926 году он окончил среднюю школу и поступил на юридический факультет Латвийского университета, одновременно учился в Институте английского языка, который окончил в 1929 году. Средства на жизнь и учение он зарабатывал сам, работая типографским корректором, и нередко Б. Цейтель оставался без работы, а в поисках ее испытал не мало лишений. Мать Боруха не могла материально поддерживать сына. Старший брат отбывал срок в Рижской срочной и центральной тюрьмах как политзаключенный.

Борух Цейтель был членом «Общества трудовых студентов», Еврейского народного университета, «Общества культуры трудящихся». Эти организации работали под руководством Коммунистической партии Латвии. Вскоре Борух Цейтель начал принимать участие в деятельности Рижской комсомольской организации. 5 ноября 1928 года он был схвачен при распространении коммунистических прокламаций и отдан под суд. После внесения денежного залога он был до суда освобожден на поруки и продолжал комсомольскую работу. 24 ноября 1929 года Б. Цейтель принял участие в нелегальном рабочем митинге на фабрике «Лента». 13 апреля 1930 года Б. Цейтель выступил с речью на нелегальном массовом собрании в Бабитском лесу. Здесь его арестовали, но вскоре освободили.

Когда шпики явились, чтобы снова арестовать Б. Цейтеля, его в Риге уже не оказалось. Он нелегально уехал во Францию и жил в Париже. Он работал и учился на четвертом курсе юридического факультета.

Б. Цейтель был членом Коммунистической партии Франции и принимал активное участие в партийной жизни ячейки своего района. Когда в 1936 году из Франции в Испанию начали выезжать первые добровольцы, Борух Цейтель был в их числе.

Уже в октябре он стал бойцом батальона имени Тельмана 11-й Интернациональной бригады и героически сражался, защищая Мадрид.

В ноябре 1936 года испанскому народу при поддержке добровольцев всех стран удалось отстоять Мадрид. Эта победа потребовала больших жертв, много жизней испанских и интернациональных борцов. Отдал свою жизнь за Мадрид и студент Борух Цейтель — воспитанник латвийского комсомола, который в мрачные годы подполья твердо держал в руках красное знамя.

Е. Шварц

БОРИС ЦИНИС

Борис Цинис — участник революционного движения и общественный деятель — родился 29 декабря 1906 года в рабочей семье, в Ливберзской волости Добельского уезда. Рано пришлось ему познать трудности жизни, так как зарабатывал себе на пропитание сам на разных случайных работах. Борису Цинису очень хотелось учиться. В 1928 году он успешно закончил Елгавскую среднюю школу для взрослых. Борис твердо решил собственными силами продолжать образование. С 1928 по 1937 год он был студентом сельскохозяйственного, а затем — инженерного факультетов Латвийского университета. Деньги на жизнь и образование зарабатывал службой в Рижской городской управе. Борис Цинис активно участвовал в общественном и революционном движении. В 1930 году он стал членом Коммунистической партии Латвии. По заданию Коммунистической партии Борис Цинис сотрудничал в различных рабочих организациях и обществах: в профсоюзе железнодорожников, в профсоюзе работников Городской управы, в обществе «Фонд памяти Райниса», в Вецпилсетском отделении общества «Борьба» и т. п. В 1932 году он был делегатом Всемирного конгресса мира в Амстердаме. Борис Цинис вошел в революционное ядро прогрессивного студенческого общества «Земгалия» и вел революционную пропагандистскую и агитационную работу среди студентов.

По предложению Коммунистической партии Латвии а 1934

году начала выходить еженедельная прогрессивная газета «Апскатс» («Обзор»), которая должна была помочь подпольным нелегальным изданиям нести в массы революционные идеи. После выхода первых трех номеров газеты ее ответственным редактором стал Борис Цинис. Девятый номер газеты «Апскатс» был конфискован органами власти. Редактора газеты приговорили к нескольким месяцам тюрьмы.

Когда в Испании развернулась борьба против наступающего фашизма, Борис Цинис отправился туда, чтобы вместе с интернационалистами всех стран помочь испанскому народу отстоять демократию и свободу.

Нелегально через Швецию Борис Цинис уехал в Испанию. Он стал командиром взвода в батальоне им. Димитрова 15-й Интернациональной бригады и принимал участие в боях под Харамой.

В июле 1937 года республиканцы предприняли широкое наступление. В первый день Брунетской операции — 6 июля — в атаке на Вильянуэва-де-ла-Каньяда у горы Москито Борис Цинис пал смертью героя.

В. Элстиня

МИХАИЛ ШВАРЦ

(Эгон Шмидт)

Михаил Шварц родился в Минске 27 декабря 1903 года в зажиточной семье.

В 1915 году, во время первой мировой войны семья Шварца эвакуировалась в Москву, где Михаил в 1919 году окончил среднюю школу. Февральскую и Октябрьскую революции он встретил восторженно. С группой гимназистов участвовал в школьных литературных кружках.

В 1921 году семья Шварца переехала в Даугавпилс. В этом городе революционные взгляды Михаила формировались под влиянием комсомола.

В 1922 году Михаил уехал в Прагу и поступил в Политехнический институт. Он принимал активное участие в работе революционных кружков, объединявших студентов из разных стран, изучал марксистско-ленинскую теорию, вел агитационную работу среди студенчества. В 1926 году он вступил в Коммунистический Союз Молодежи Чехословакии, вел пропагандистскую работу среди чешской рабочей молодежи в районе Нусли Удоли.

Закончив институт, М. Шварц вернулся в Латвию. В 1929 году он был принят в КПЛ, работал пропагандистом 1-го района Рижской партийной организации. С 1932 по 1933 год он руководил пропагандистской коллегией этого района и работал в коммунистических фракциях массовых рабочих организаций. Шварц принимал участие и в нелегальной партийной

печати. С 1 августа 1929 года полиция установила за М. Шварцем слежку, и в канун пролетарских праздников и политических кампаний его арестовывали и держали в заключении.

7 ноября 1930 года М. Шварца заключили в Рижскую центральную тюрьму на основании закона Керенского¹. 20 февраля 1931 года его освободили из тюрьмы и призвали в армию.

В сентябре 1933 года М. Шварца арестовали во второй раз на основании все того же закона Керенского. В тюрьме он сидел до 30 февраля 1934 года, а в марте его снова арестовали вместе с группой партийных работников КПЛ. Из-за недостатка улик Шварца осудили на один год тюремного заключения с лишением всех политических прав. Из тюрьмы его освободили 3 мая 1935 года.

В конце этого года ЦК КПЛ разрешил М. Шварцу эмигрировать в Чехословакию. Там он активно включился в деятельность Компартии Чехословакии и сотрудничал в партийной печати под псевдонимом «Герман».

В декабре 1936 года с первыми чешскими добровольцами М. Шварц уехал в Испанию, чтобы с оружием в руках сражаться против фашизма. С 26 декабря 1936 года до 8 февраля 1937 года он был в распоряжении управления кадров Интернациональных бригад в Альбасете. 8 февраля М. Шварца назначили политическим комиссаром саперного подразделения 15-й Интербригады. На этом посту М. Шварц принимал участие в боях у Харамы, за что ему было присвоено звание лейтенанта. 13 марта при инспектировании саперной роты М. Шварц был ранен и до 20 мая находился на излечении в госпитале. По возвращении в бригаду он был назначен командиром саперной роты. М. Шварц участвовал в Брунетской операции, во взятии Кинто, Бельчите, Фуэнтес-де-Эбро. После взятия Бельчите ему присвоили звание капитана, а в ноябре назначили политкомиссаром офицерского училища в Посорубио.

В марте 1938 года, когда училище расформировали, он вернулся на фронт, в 15-ю бригаду, и снова командовал саперной ротой. В июле 1938 года рота помогла подготовить наступление в направлении Эбро, обеспечив переправу через реку.

18 августа 1938 года Михаил Шварц с двумя товарищами

¹ Закон, изданный Керенским во время его пребывания у власти, позволял держать человека о заключении без суда и следствия бессрочно до получения разрешения представительства другой страны на въезд в эту страну. Этот закон был «принят на вооружение» в буржуазной Латвии.
Ред.

отправился в штаб бригады со срочным донесением. Неподалеку от Гандесы, в горах Сьерры-де-Пандоле, Шварц был убит вражеским снарядом.

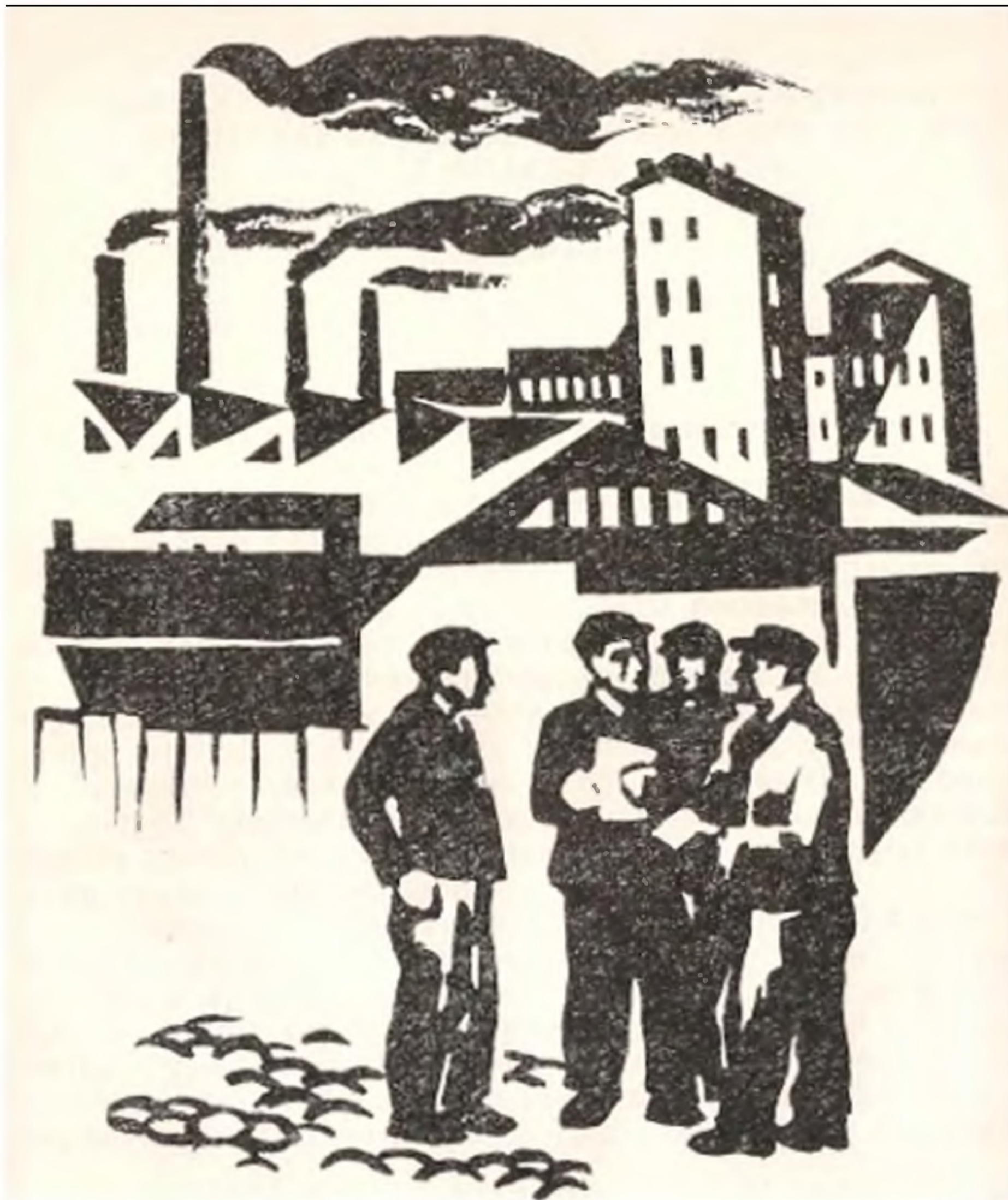
Бывший начальник Шварца Петр Лудвиг, возглавлявший инженерно-саперную часть 15-й Интербригады, пишет в своих воспоминаниях:

«18 августа, около полудня, меня вызвали в штаб и сообщили о гибели М. Шварца. Мы его похоронили на месте гибели. На могиле установили плиту и бетонный памятник, метра в полтора высотой. На памятнике высекли имена тех, кто пал в боях за Сьерру-де-Пандоле».

Активный революционер Михаил Шварц занимался и литературным трудом писал стихи, поэмы, публиковался и как журналист. Сохранились его стихотворения и поэмы, написанные в тюрьмах буржуазной Латвии и в Испании, его письма из Испании, его испанский дневник. Несколько стихотворений было опубликовано в буржуазной Латвии в газетах рабоче-крестьянских фракций. Революционную поэму М. Шварца «Прага» в 1929 году выпустило в свет издательство «Дайле ун Дарбс» были опубликованы в альманахе «Парус» в 1957 году.

Е. Шварц

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

№ 1

ВОЗЗВАНИЕ РИЖСКОГО КОМИТЕТА КПЛ К ТРУДЯЩИМСЯ О ПОДДЕРЖКЕ ИСПАНСКОГО НАРОДА В ЕГО БОРЬБЕ С ФАШИЗМОМ

Август, 1936

(Сокращенное)

Без борьбы нет победы! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Поддержим трудовой народ Испании!

Со второй половины июля фашистская печать Латвии в едином хоре с прессой других капиталистических стран вопит и ликует по поводу гражданской войны в Испании. Она торжествует по поводу каждой победы генералов Франко и Мола, с хищной радостью называет число убитых на фронте воинов Народного правительства, но сознательно умалчивает о зверских истязаниях и о числе убитых в захваченных фашистами городах и селах. Она величает героями-мучениками эксплуататоров народа, воров, убийц. Героических же сынов и дочерей трудового испанского народа, самоотверженных борцов против фашизма она презрительно именуется разбойниками, грабителями, варварами.

С помощью радио и печати демагогией, ложью о разгроме военных сил Народного правительства, о взятии не занятых ими городов, о переходе военного флота и авиации на сторону фашистов, о расколе Народного фронта и т. д. международная буржуазия пытается ввести в заблуждение всех трудящихся мира, которые с напряженным вниманием наблюдают — неужели же действительно в Испании победят фашисты?

Лживыми сообщениями по радио фашистские штабы стремятся поднять боевой дух своих головорезов и внести дезорганизацию в ряды бойцов Народного правительства и сочувствующих им, чтобы таким образом облегчить осуществление своей преступной военной операции.

Вопреки лживым сообщениям фашистов и несмотря на концентрацию фашистских сил всего мира, положение Народного правительства в гражданской войне в Испании отнюдь не является критическим. В такой войне фронты всегда неустойчивы, куда одна из сторон не добьется решающего перевеса. Численное превосходство фашистских сил вынудило борцов Народного фронта оставить ряд городов, чтобы через некоторое время вновь ими овладеть, как это было с Навальмораль. Овьедо, с важнейшими позициями провинции Теруэль и др. Но добиться успеха помогает только широко развернутый Народный фронт.

В современной напряженной международной обстановке гражданская война в Испании приобретает чрезвычайное значение.

Это понимают международная буржуазия и ее главные ударные силы — фашисты Германии и Италии. Для них все средства хороши, только бы укрепить свое господство. Поэтому они мобилизуют материальные, финансовые, моральные средства, вербуют добровольцев, пускают в ход государственный дипломатический аппарат (Германский ультиматум), доходят до неприкрытых угроз интервенции (итальянский адмирал грозит начать бомбежку Барселоны. Гитлер — высадить десант).

Защита трудящимися Испании своей страны от разбойничьего нападения фашистов, поддержанных международным капиталом, является и делом антифашистов Латвии. Допустить победу фашистов в Испании — означает продлить фашистскую деспотию Ульманиса—Балодиса, означает капитуляцию перед угрозой захвата Латвии гитлеровскими ордами.

Чтобы успешно развивать натиск на безумствующий фашизм, трудящиеся Латвии должны направлять в адрес фашистского правительства Латвии, а также иностранных посольств послания и резолюции, требующие вывода военных судов из испанских территориальных вод, прекращения финансовой и дипломатической поддержки испанских фашистов, запрещения посылки им оружия и боеприпасов и подготовки интервенции.

В адрес же Республиканской Испании мы должны посылать

письма и телеграммы, свидетельствующие о наших симпатиях. Мы должны собирать средства в пользу борющейся Испании и, помимо этого, настаивать также на том, чтобы в пользу Народного правительства Испании выделялись средства и из фондов фашистских (легальных) профсоюзов, как это делают профсоюзы других стран. Наряду со всем этим необходимо еще шире развернуть борьбу против наших доморощенных фашистов, как звена единой международной цепи фашизма. Выдвинув на повестку дня неотложные экономические, социальные и организационные требования, которые в современной ситуации перерастают в требования политические, трудящиеся Латвии свяжут руки собственной буржуазии и тем самым ослабят концентрацию сил мирового капитала против испанского трудового народа; а это в настоящий момент — главное.

*Прочь от Испании кровавые руки фашизма!
Да здравствует единый Народный фронт Испании!
Долой фашистское правительство Ульманиса—Балодиса!
За Советскую Латвию!*

Рижский Комитет КПЛ

*LKP, LKJS un Sarkanās palīdzības revolucionārās
latīņu. 1920.-1940., ч. III. ЛГИ. 1963 г., стр. 408
и 409.*

№ 2

ИЗ СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННОЙ В ГАЗЕТЕ «ШКИРАС ФРОНТЕ»¹

о необходимости поддерживать народный фронт

ИСПАНИИ

Август. 1936

Огромное значение испанских событий

Уже больше месяца события в Испании приковывают к себе внимание всего мира. Несмотря на то, что фашистская печать Латвии преступно искажает сообщения... трудящиеся с нетерпением ждут газет и пытаются что-нибудь узнать о действительном ходе событий... ¹

¹ «Классовый фронт» — орган Рижского комитета КПЛ.

Необходимость для трудящихся всеми силами и средствами поддерживать героев Народного фронта Испании вызвана и тем обстоятельством, что испанских заговорщиков поддерживают реакционные группы всего мира, но особенно — все фашистские правительства во главе с Гитлером, который является вдохновителем этого заговорщического мятежа... В таких условиях ни один рабочий, ни один честный труженик на всем земном шаре не может не стремиться помочь своим братьям, своим испанским товарищам по борьбе...

Трудящиеся Латвии, угнетаемые и эксплуатируемые своим фашистским правительством, не должны отставать от других. Везде, где живут, работают, где объединены трудящиеся Латвии, надо создавать комитеты по сбору средств и их отсылке героическим защитникам Республиканской Испании.

Победа трудящихся Испании будет большим ударом по фашистской диктатуре Латвии, но поражение республиканцев несомненно усилит военно-фашистскую диктатуру в Латвии.

*«Skiras Fronte», Nr. 5.,
август. 1936 г.*

№ 3

*ИЗ СООБЩЕНИЯ «КРАСНОЙ ПОМОЩИ» ЛАТВИИ ОБ ОТКРЫТИИ
КАМПАНИИ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ИСПАНСКОМУ НАРОДУ
В ЕГО БОРЬБЕ С ФАШИЗМОМ*

Август. 1936

Гражданская война в Испании

...Со всех концов света трудовой народ спешит на помощь народу Испании...

Помочь жертвам фашизма должен и народ Латвии. КПЛ открывает кампанию помощи и сбор средств для этой цели.

Призываем всех вносить деньги!

Докажем героическому народу Испании свою солидарность!..

Поступили первые взносы. К закрытию редакции собрано 60 латов.

*«Sarkanā palīdzība», Nr. 13.,
Август, 1936 г.*

**ВОЗЗВАНИЕ ЦК И РИЖСКОГО КОМИТЕТА «КРАСНОЙ ПОМОЩИ»
ЛАТВИИ К ТРУДЯЩИМСЯ О СБОРЕ СРЕДСТВ ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ
БОРЦОВ ЗА СВОБОДУ ИСПАНИИ**

Не позднее 9 сентября 1936 г.¹

К народу Латвии!

Испания утопает в крови...

Призраки мрачного прошлого Испании — помещики, капиталисты, монархически настроенные генералы и духовенство — с оружием в руках выступили против испанского народа и его правительства. Они не хотят смириться с тем, что 20-миллионный народ не желает больше терпеть на своей шее дармоедов, и шаг за шагом завоевывает и укрепляет свою свободу и благополучие.

Испания свергла власть короля, свергла и кровавые диктатуры Лерруса и Хилия Роблеса. В парламентских выборах подавляющим большинством победил Народный фронт. Палачи народа, чувствуя, что теряют власть, развязали гражданскую войну, поставив во главе фашистских мятежников убийцу астурийских горняков генерала Франко. Его поддерживает международный фашизм.

В Испании, как и везде, путь фашистов устилают горы трупов и море крови. Массовые убийства, пытки, пожары, насилие и грабеж происходят везде, где проходят бандиты генерала Франко и Мола.

Но испанский народ не подчинился тиранам и не подчинится им. Испанский народ вооружен и борется за свою свободу и независимость не на жизнь, а на смерть. Десятки и сотни тысяч испанцев покинули дом и семью и ушли сражаться со своими поработителями. Не только мужчины, но и испанские женщины и девушки сражаются в окопах за свободу своего народа.

Но тем, кто остается дома — матерям, отцам, детям — им нужна помощь! Многие из их кормильцев больше не вернутся...

Пусть же со всех концов земли протянутся руки помощи жертвам фашизма в Испании, членам семей борцов Народного фронта.¹

¹ Датировано по дате нахождения. ЦГИА ЛССР, ф. 3235, оп. 1/6. д. 615/2, л. 21. *Ред.*

И народ Латвии должен помочь своим братьям и сестрам в далекой Испании! Это обязан сделать каждый честный человек!

«Красная помощь» Латвии начинает сбор средств в пользу жертв фашизма в Испании и обращается ко всему латвийскому народу с призывом:

Поможем испанским борцам за свободу!

Поможем жертвам белого террора в Испании! Каждый сантиметр будет переслан в распоряжение «Красной помощи» Испании.

Докажем героическому испанскому народу свою солидарность!

*Центральный Комитет и Рижский Комитет
«Красной помощи» Латвии*

*LKP. LKJS un Sarbanäs palīdzības revolucionārās
lapinas, 1920,—1940., ч III, ЛГИ. 1963 г., стр. 410
и 411.*

№ 5

*ВОЗЗВАНИЕ ЦК КПЛ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ ЛАТВИИ (СРКПЛ)
К ТРУДЯЩИМСЯ О СОЛИДАРНОСТИ С ИСПАНСКИМ НАРОДОМ,
БОРЮЩИМСЯ ПРОТИВ ФАШИЗМА*

Сентябрь, 1936

Без борьбы нет победы! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОЛИДАРНОСТЬ С БОРЦАМИ ИСПАНИИ!

История не знает более героической борьбы, чем та, что уже два месяца ведут за свою свободу рабочие и крестьяне Испании. Банды фашистских грабителей, остатки различных групп монархистов хотят вернуть старые времена, спасти от гибели свою власть, которая сотни лет держалась на рабстве испанского народа, на том, что знатные испанские гранды, католическая церковь, помещики и капиталисты беспощадно эксплуатировали рабочих и крестьян.

С победой на выборах левого Народного фронта и с образованием демократического государства рабочие начали понимать цену своего трудового пота, а крестьяне стали отнимать у помещиков, у монастырей и церковей землю, политую потом их отцов, дедов и прадедов. В ответ на это грабительские классы спровоцировали гражданскую войну. Фашистские генералы нарушили клятву отечеству, захватили в свои руки оружие, злоупотребили присягой подчиненных им воинов на верность своему народу и отечеству, превратили их из защитников родины в невольных убийц собственного народа и в предателей отчизны.

Но и этого мало! Фашистские генералы подкупают африканцев (Марокко), которых монархические испанские правители когда-то огнем и мечом заставили признать господство Испании. Теперь их натравили на демократическую Испанию, их руками превращают в развалины испанские города, убивают ее рабочих и крестьян. Кто в состоянии проявить еще большую «любовь» к своему народу, кто может превзойти профессиональных убийц, кровавых собак в «патриотизме», в деле «объединения» народа!

Фашизм кровожадней любого хищного зверя, подлее любого подлого предателя...

Наткнувшись на героическое сопротивление народа, испанские фашисты позвали себе на помощь союзников из других фашистских стран — из гитлеровской Германии, Италии, Португалии, — пообещав расчитаться с ними за это «благородное» дело территорией Испании.

По мнению правящей буржуазии, революционный пролетарий предает свою родину, когда в борьбе против отечественной буржуазии ищет помощи у рабочих других стран. А что происходит в Испании? Банда заговорщиков в борьбе против законного, избранного народом правительства своей страны вступила в тайные связи с иностранными государствами, заключила с ними секретные договоры, передала чужеземцам крепости своей страны с целью совместно с интервентами, пользуясь самыми жестокими средствами, свергнуть законное правительство и удушить свой народ. Могут ли предательство к лицемерие быть еще больше!

Гитлеровская Германия, фашистская Италия... знают что делают, посылая мятежникам Испании оружие и деньги. Основой существования фашизма являются грабительские войны, нападения на мирные народы, их закабаление. Ради

достижения этих целей фашизм вооружается. Расходы на пушки, танки и самолеты пожирают народное богатство. Ради вооружения трудящихся облагают высокими налогами, снижают их заработки, вынуждают их умирать с голоду и томиться в неволе. Но долго ли Гитлер и Муссолини в состоянии будут обманывать своих живущих впроголодь рабочих и крестьян, если трудящиеся увидят, что в СССР жизнь расцветает и положение рабочих и крестьян улучшается, что во Франции и в Испании правительства демократического Народного фронта, оттесняя фашизм и разрушая основы буржуазной власти, поднимают благосостояние трудящихся? Подобные примеры за пределами фашистских государств могут стать неотвратимой катастрофой для фашизма Германии и Италии. Поэтому-то фашизм так громко кричит об «угрозе коммунизма», о правительствах левых фронтов во Франции и в Испании. Поэтому Гитлер готовится напасть на СССР, поэтому посылает оружие мятежникам Испании. Фашисты всех стран усердно подвывают этому кровожадному волку, возносят и славят палачей испанского народа, клеветуют, чернят борцов за свободу Испании. К алчущему крови фашистскому полчищу сердцем и душой присоединилась вся без исключения печать фашистской Латвии — такова воля ее фашистского вождя. Если рабочие Латвии, не стерпев фашистского гнета, поднимутся на борьбу, то можем быть уверены, что ульманисовская банда заговорщиков со своими палачами айзсаргами — набросится на трудящихся не менее кровожадно, чем это сейчас делают фашисты в Испании.

События в Испании делят мир на два враждебных лагеря — не по национальности, а по классам. Для поработанного класса каждой страны наступит такое время, когда и ему придется заговорить на языке борцов Испании. К этому его принудят фашизм и правящая буржуазия. Поэтому победа борцов за свободу Испании будет победой рабочих всего мира. Надо помнить об этом и нам, и быть готовыми к борьбе со своим фашизмом. Не будем же равнодушно выжидать, чтобы этот час настал сам по себе, но выполним уже сегодня все обязанности в общей борьбе с фашизмом. Сделаем сегодня все, что зависит от нас, для поддержки героических борцов Испании против фашизма. Принесем свою лепту борцам Испании. Пусть и невелика будет наша помощь, но мы морально включимся в ряды борцов-антифашистов всего мира. Поможем борцам Испании!

Долой фашистских убийц, долой войну!
Слава героическим борцам Испании!

*Центральный Комитет
Социалистической рабоче-крестьянской партии Латвии
Центральный Комитет Коммунистической партии Латвии*

Сентябрь, 1936 г. Рига.

*LKP LKJS un Sarkanās palīdzības revolucionāres
lapinas, 1920.—1940.? ч. III, ЛГИ, 1963 г., стр.
411-413.*

№ 6

ВОЗЗВАНИЕ «КРАСНОЙ ПОМОЩИ» КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ ЛАТВИИ ОБ ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ ИСПАНСКОМУ НАРОДУ В ЕГО БОРЬБЕ ПРОТИВ ФАШИЗМА

Сентябрь. 1936 г.

НА ПОМОЩЬ ИСПАНСКОМУ НАРОДУ!

В Испании льется кровь наших братьев и сестер. С помощью фашистской военной авиации Германии и Италии, опираясь на штыки иностранных легионов и марокканцев, испанские помещики и генералы хотят удушить завоеванную народом свободу. Они убивают, жгут, истязают. Жены и дети борцов за свободу остаются без кормильцев.

Трудящиеся Латвии, интеллигенция, все, в ком еще живы чувства человечности!

Во всех странах с невиданной солидарностью идет сбор средств для оказания помощи пострадавшим. И наша священная обязанность, невзирая на различия политических взглядов, поддержать героический народ Испании.

Поможем «Красной помощи» Испании!

*«Sarkana palīdzības, Nr. 14..
1936. g. septembri.*

СООБЩЕНИЕ «КРАСНОЙ ПОМОЩИ» ЛАТВИИ ОБ ОТСЫЛКЕ
«КРАСНОЙ ПОМОЩИ» ИСПАНИИ СОБРАННЫХ СРЕДСТВ

Сентябрь. 1936 г.

«Красной помощи» Испании уже отосланы собранные 300 латов. Сбор средств продолжается.

«Sarkanā palīdzība», Nr. 14.,
сентябрь, 1936 г.

ВОЗЗВАНИЕ ВРЕМЕННОГО СЕКРЕТАРИАТА КПЛ К ТРУДЯЩИМСЯ
С ПРИЗЫВОМ ОБЪЕДИНИТЬСЯ В ДВИЖЕНИИ СОЛИДАРНОСТИ
ЗА ПОБЕДУ ИСПАНСКОГО НАРОДА В БОРЬБЕ ПРОТИВ ФАШИЗМА

Октябрь. 1936

ПОДДЕРЖИМ ИСПАНСКИЙ НАРОД В БОРЬБЕ
ПРОТИВ ФАШИСТСКОГО ВАРВАРСТВА!

Четвертый месяц испанский народ борется против контрреволюции феодально-монархических фашистских генералов, которые, называя себя испанскими «националистами», потоками проливают кровь испанского народа. Они разрушают деревни и опустошают города. Они расстреливают пленных и с самолетов убивают испанских женщин и детей. *Они устилают землю Испании горами трупов и развалин только потому, что испанский народ не допускает и никогда не допустит, чтобы фашистские насильники сели ему на шею: он хочет жить в свободной демократической республике, которую представляет избранное народом правительство в Мадриде.* Фашистские генералы Франко и Мола, эти типичные представители инквизиции средневековья, не стесняются. Они действуют так, как действовал Ульманис в 1918—1919 годах. За самолеты и танки, за оружие для уничтожения испанского народа они направо и налево *распродают испанскую землю империалистам Германии и Италии,* которые создают здесь новые опорные пункты для своих разбойничьих военных планов. Вся международная реакция, начиная с папы римского и кончая Гитлером, Муссолини и Ульманисом, каркает, как кровожадный

ворон, над испанским революционным народом, предсказывая гибель испанской демократии.

Но напрасно! Замыслы контрреволюции никогда не сбудутся. Весь испанский народ, от мала до велика, поднялся на смертельный бой против фашистских насильников. Каких бы жертв, каких бы страданий это не потребовало, *испанский народ решил победить* фашистскую контрреволюцию. «Лучше погибнуть в борьбе за свободу, чем жить в фашистском рабстве», — таков лозунг испанского народа, начертанный на знамени героических защитников Испанской Республики.

Рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция Латвии! Все, кому дороги культура, мир и цивилизация! Борьба испанского народа против фашизма — не только внутреннее дело испанского народа. Победа фашизма в Испании укрепит силы мировой реакции и провокаторов войны. Если Гитлеру удастся посадить на шею испанского народа феодальных юнкеров, то очередь вскоре может дойти и до немецких юнкеров Прибалтики, которых Гитлер с помощью ульманисовцев хочет посадить на шею латышского народа.

ПОБЕДА ИСПАНСКОГО НАРОДА ЯВИТСЯ ТЯЖЕЛЫМ УДАРОМ ПО РЕАКЦИИ ВСЕГО МИРА!

Это будет крупная победа свободы, культуры и мира на всем земном шаре. Это будет победа интернационализма над мракобесием и кровожадностью фашизма, над преступными планами фашистских провокаторов. Поэтому не должно быть «нейтралитета» по отношению к событиям в Испании! не должно быть выжидания и пассивности! Все обязаны помочь народу Испании в его героической борьбе против фашистского варварства!

Последуем примеру рабочих, колхозников, интеллигенции, женщин СССР, которые собирают средства в помощь испанским борцам за свободу!

Последуем примеру трудящихся Франции, Англии, Скандинавии и других стран, которые демонстрируют свою солидарность с испанским народом и собирают средства в его поддержку! Выполним свой классовый долг перед испанской демократией, которая борется за наше общее дело — за мир, за свободу, за прогресс, против фашистского вандализма!

Мы вместе с демократией всего мира горячо приветствуем выступление правительства СССР против проводимой капиталистическими государствами преступной политики «нейтралитета», которая разрешает немецко-итальянским фашистам

снабжать оружием фашистских заговорщиков, но в то же время ставит в положение блокады законное испанское правительство в Мадриде. Мы выражаем свой глубокий протест против грязной клеветы на испанский народ, против восхваления фашистских генералов, чем изо дня в день занимается фашистская печать. Эта ее гнусная и подлая политика оскорбляет весь трудовой народ Латвии. Мы призываем рабочих и все прогрессивные силы народа объединиться в движении за солидарность с демократией Испании, за победу испанского народа!

Долой убийц испанского народа — фашистских генералов и их прихвостней — ульманисовцев!

Да здравствует народ Испании и его победа над фашистско-монархической контрреволюцией!

Долой фашизм! Да здравствует фронт антифашистской борьбы за мир, хлеб, свободу, демократию!

*Временный секретариат
Коммунистической партии Латвии*

*LKP, LKJS un Sarkanais palīdzības revolucionārās
Lapas. 1920.—1940. ч: III. ЛГИ. 1963 г., стр.
417-419.*

№ 9

*ИЗ ОТЧЕТА О КАМПАНИИ СОЛИДАРНОСТИ
С ИСПАНСКИМ НАРОДОМ И О ПЕРВЫХ УСПЕХАХ
ЭТОЙ КАМПАНИИ В ЛАТВИИ*

29 ноября 1936 г.

В этой кампании принимают участие все революционные организации. Центральные комитеты Коммунистической и социалистической партий выпустили совместное воззвание¹...

Специальные воззвания выпустили Рижский Комитет КПЛ и Центральный и Рижский комитеты «Красной помощи». Борьба трудящихся Испании против кровожадного фашизма, поддержанного мировым капиталом, является и делом антифашистов Латвии. Победа фашистов в Испании укрепила бы и диктатуру клики Ульманиса—Балодиса. Она усилила бы опасность нападения гитлеровской Германии на народ

¹ См. документ № 5. *Ред.*

Латвии. Рижский комитет призывает народ собирать средства, а также требовать выделения средств из фондов фашизированных профсоюзов; призывает посылать протесты посольствам тех стран, которые снабжают оружием палачей испанского народа — фашистов, и усилить «борьбу против доморощенных фашистов, как звено единой цепи международного фашизма»...¹

КП Латвии призывает помогать испанским борцам за свободу, и, в первую очередь, их семьям — детям и матерям. «Докажем героическому испанскому народу свою солидарность! Это долг каждого честного человека!»

Помимо воззваний, события в Испании довольно широко освещаются в нелегальной печати. В газете Рижского комитета партии «Шкирас фронте» (в августе месяце) были опубликованы 2 статьи о событиях в Испании под заголовками: «Ложь не поможет» (разоблачение лживых выступлений ульманисовской печати об Испании) и «Большое значение испанских событий». Горячие призывы поддержать испанский народ были опубликованы в сентябрьских и октябрьских номерах «Красной помощи». Несколькими статьями откликнулся на события в Испании и орган объединенной Коммунистической и Социалистической Молодежи — «Брина яунатне» («Свободная молодежь»), который в сентябре этого года отметил свою первую годовщину.

Это только часть нелегальной литературы Латвии, в которой появились статьи о событиях в Испании. Трудящиеся Латвии живо реагируют на героическую борьбу испанского народа. Рабочие Риги уже собрали 1200 латов на поддержку испанского народа. Сбор средств начался и в провинции. 48 латов собрала группа «Тераудс» («Сталь»). Видиенской организации. Не обходится и без репрессий. «Красная помощь» сообщает, что в Риге, на фабрике «Фельдхун», арестовано за сбор средств для испанского народа 12 рабочих и работниц. Аресты прошли и на других фабриках. Но кампания солидарности продолжается и находит самый горячий отклик среди рабочих...

29. XI -1936.

Партархив ЦК КПЛ.

ф. 240. оп. 2, д. 1029. лл. 1—2.

¹ См. документ № 1. *Ред.*

*ИЗ СООБЩЕНИЯ О ПОДДЕРЖКЕ ТРУДЯЩИМИСЯ ЛАТВИИ
ЗАЩИТНИКОВ ИСПАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ*

Ноябрь, 1936 г.

**Солидарность международной демократии с народом
Испании**

...Симпатии прогрессивной общественности Латвии на стороне борцов за свободу Испании. Организованный КПЛ сбор средств в поддержку семей защитников Испанской Республики дал отличные результаты: к концу октября собрано было 1300 латов, но взносы продолжают поступать. Все дают деньги с большой радостью. Наши сборщики нередко слышат сердечные слова: «Мы будем помогать испанскому народу до его окончательной победы над фашизмом!» Некоторые спрашивают: «Нельзя ли поехать в Испанию, чтобы с оружием в руках отстаивать испанскую демократию?» Невиданное единодушие и воодушевление объединяют всю прогрессивную общественность Латвии вокруг помощи испанскому народу.

КПЛ продолжит начатую акцию помощи Испании и развернет ее вширь. Этого требует единая воля демократии Латвии:

ПОМОГАТЬ ИСПАНСКОМУ НАРОДУ ДО ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПОБЕДЫ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ АНТИФАШИСТСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ!

*«Sarkanā palīdzība», Nr. 16.,
ноябрь, 1936 г.*

*СООБЩЕНИЕ О ПОДДЕРЖКЕ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫМИ РИЖСКОЙ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТЮРЬМЫ ЖЕРТВ ФАШИЗМА в ИСПАНИИ*

Ноябрь, 1936 г.

Политзаключенные Рижской центральной тюрьмы сообщают, что они на целый месяц отказываются получать поддержку от «Красной помощи», чтобы и со своей стороны

помочь героической борьбе испанского народа с международным фашизмом.

Пусть пример политзаключенных побудит всех нас, находящихся на свободе, оказывать чем только можем братскую поддержку жертвам фашизма в Испании. Ибо фашизм, нарушив мир, разрушая культуру и прогресс, обильно поливает землю Испании кровью ее народа. Поэтому помогать испанскому народу обязанность каждого прогрессивного человека.

*«Sarkanä palidziba», Nr. 16.,
ноябрь, 1936 г.*

№ 12

СООБЩЕНИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ, ХУДОЖНИКОВ И ЖУРНАЛИСТОВ О СОЛИДАРНОСТИ С ИСПАНСКИМ НАРОДОМ В ЕГО БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ И НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ

Ноябрь, 1936 г.

ПОДДЕРЖИМ ИСПАНСКИЙ НАРОД!

Уже несколько месяцев в Испании полыхает гражданская война. Мятежники надеялись захватить власть в свои руки без серьезной борьбы. Испанские генералы уже не раз совершали успешные перевороты; опираясь на наемные военные силы, не раз низвергали законные власти. Но на этот раз все произошло иначе, так как на сторону Испанской Республики встал весь народ. Во всех важнейших центрах фашистский мятеж был подавлен. Началась длительная и тяжелая борьба, которая не закончилась еще и сегодня.

У мятежников дисциплинированные и обученные воинские силы — иностранный легион и арабо-марокканские полки. Им помогает фашизм всего мира. Оружие, самолеты, боеприпасы — всем этим фашистских генералов снабжают в изобилии, за что они готовы отдать всю Испанию германскому и итальянскому империализму. В то же время законное правительство и испанский народ не могут приобрести вооружение, так как даже демократические государства не продают его республиканским властям Испании. Франция и Англия спокойно разрешают снабжение мятежников военными материалами. Более того, фашизм запретил демократическим государствам — Франции и Англии — оказывать помощь законному

правительству Испании, какую сами Германия и Италия оказывают мятежникам. И демократии повинуются! Даже латвийские фашисты ослиным копытом лягнули народ Испании, не признав полномочного посла испанского правительства в Латвии. Советский Союз — единственная держава, выступившая против помощи мятежникам со стороны Италии, Германии и Португалии и выразившая свою солидарность с героически сражающимся испанским народом.

Значение войны в Испании далеко выходит за ее границы. Защищая свою свободу, испанский народ обороняет интересы всего прогрессивного человечества, всей культуры; сражаясь с международным фашизмом, он борется за мир во всем мире. Поэтому все, кто против войны, все, кому дорога культура, все, кто борется с фашизмом, — все они на стороне испанского народа. Мы не ошибемся, если скажем, что и подавляющее большинство латышского народа сочувствует народу Испании. С волнением берем мы каждый день в руки газеты, пытаюсь сквозь лживые фашистские строки угадать правду о героической борьбе испанского народа. Это не легко. Фашистские газеты печатают только те сообщения, которые исходят из лагеря мятежников. Корреспонденты фашистских газет, такие, как Отто Зелтиньш, — ползают на брюхе перед генералами мятежников и шлют в Латвию сознательно недостоверные, лживые очерки. Нам лгут о зверствах испанского народа, полностью умалчивая тот факт, что мятежники в Испании не находят ни малейшей поддержки, что народ Испании их смертельно ненавидит и что власть мятежников опирается только на голое насилие и бесчеловечный террор. Нам лгут о распрях и внутренней борьбе испанского народа, полностью скрывая невиданное единство и героизм, с каким испанский народ идет на борьбу за свою свободу. Это единство и энтузиазм — залог того, что никакая иностранная поддержка не поможет мятежным генералам. Слишком велика и сильна в испанском народе воля к победе, чтобы враг мог его одолеть. Вместе со всем культурным миром и мы, латышские писатели, встаем в ряды защитников Испании. Мы призываем всеми силами, морально и материально, поддерживать правительство демократической Испании и испанский народ в его героической борьбе за свободу и национальную независимость.

Объединение революционных писателей,
художников и журналистов Латвии

Ноябрь, 1936 г.

№ 13

*ИЗ СООБЩЕНИЯ «КРАСНОЙ ПОМОЩИ» ЛАТВИИ О СРЕДСТВАХ.
СОБРАННЫХ И ОТОСЛАНЫХ В ИСПАНИЮ К КОНЦУ НОЯБРЯ
1936 г.*

Ноябрь. 1936 г.

К концу ноября собрано и отослано в Испанию 1700 латов.

*«Sarkana palidziba». Nr. 17.,
ноябрь, 1936 г.*

№ 14

*СООБЩЕНИЕ О ПЕРЕДАЧЕ СОБРАННЫХ В ЛАТВИИ ДЕНЕГ
ЗАЩИТНИКАМ МАДРИДА*

9 декабря 1936 г.

Первые деньги, собранные революционными рабочими Латвии, уже переданы героическим защитникам Мадрида. Из Парижа, от Международной комиссии по оказанию помощи республиканской Испании, получена следующая квитанция за подписью секретаря комиссии: «Получено от Латвии 4710 фр. для республиканцев Испании».

Париж, 9 XII/1936.

*«Сіпа». Nr. 1.,
январь. 1937 г.*

№ 15

*БЛАГОДАРНОСТЬ РАБОЧИМ ЛАТВИИ ОТ МЕЖДУНАРОДНОГО
КОМИТЕТА ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ИСПАНИИ*

15 декабря 1936 г.

Дорогие товарищи по борьбе! Выражаем вам свою самую сердечную благодарность за ту помощь, которую вы оказали испанской демократии. 4710 франков, которые мы получили от вас, являются большой поддержкой в нашей работе и борьбе. Примите еще раз от нас глубочайшую благодарность и заверения в дружбе.

Секретарь Комитета Международной помощи
Париж, 15 XII/1936 г.

*«Сіпа», Nr. 2.—3.,
февраль—март, 1937 г.*

№ 16

СООБЩЕНИЕ «КРАСНОЙ ПОМОЩИ» ЛАТВИИ О ПОЛУЧЕНИИ В ИСПАНИИ ПЕРВЫХ ВЗНОСОВ, СОБРАННЫХ В ЛАТВИИ

Декабрь, 1936

«Красная помощь» Испании получила первые деньги от «Красной помощи» Латвии

В газете «Требал», выходящей в Барселоне, в номере от 26 октября «Красная помощь» Испании с благодарностью сообщает, что первый денежный перевод от «Красной помощи» Латвии в размере 1500 франков получен.

*«Sarkana palidziba». Nr. 18.,
декабрь, 1936 г.*

№ 17

СООБЩЕНИЕ «КРАСНОЙ ПОМОЩИ» ЛАТВИИ О СБОРЕ СРЕДСТВ ГРУППОЙ ТЕКСТИЛЬЩИКОВ «ПАСИОНАРИЯ» И ИХ ПИСЬМО ЗАЩИТНИКАМ ИСПАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Декабрь, 1936

ЗАЩИТНИКАМ ИСПАНИИ

Помощь текстильщиков и их письмо

Группа текстильщиков прислала 100 латов для оказания помощи жертвам фашизма в Испании. К деньгам приложено письмо: «Защитникам испанской демократии! Взволнованно следим мы за вашей героической борьбой. Каждый ваш успех наполняет наши сердца огромной радостью. Ваши выдержка и героизм вдохновляют и ободряют нас.

С глубокой болью и негодованием мы читаем о зверствах фашистов на вашей земле, об истязаниях и убийствах ваших товарищей, о том, как фашисты обещивают, калечат и убивают ваших жен и детей.

Ваша борьба трудна. Вам приходится сражаться не только с испанским фашизмом — с ним вы давно бы справились, — но и с фашизмом Германии, Италии и Португалии, которые помогают вашим врагам.

Мы знаем, что победа фашизма в Испании означала бы победу самых черных сил мира, победу самой лютой реакции, но мы уверены, что вы одолеете черную реакцию, террор и варварство, ибо вы боретесь за свободу, за светлое будущее. Весь народ Испании, все лучшие силы мира с вами!

Вместе с самыми сердечными пожеланиями посылаем вам собранные 100 латов. Пусть наш маленький взнос поможет заживлять раны, нанесенные фашизмом!

«Пасионария», группа текстильщиков
организации «Красная помощь»

«*Sarkanā palīdzība*». Sr. 18.,
декабрь, 1936 г.

№18

*СООБЩЕНИЕ О ПРИБЫТИИ НА МАДРИДСКИЙ ФРОНТ
ПЕРВЫХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ ИЗ ЛАТВИИ*

Декабрь, 1936

Гражданская война в Испании

...На Центральный боевой участок фронта прибыли *батальоны международных бригад*. Это иностранцы... среди них и несколько латышей.

«*Revolucionarais socialistis*». Nr. 7.,
стр 9. декабрь, 1936 г.

№ 19

*ПОСТАНОВЛЕНИЕ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В СВЯЗИ С ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМ ЗАПРЕТОМ ДЛЯ ЛАТВИЙСКИХ
ГРАЖДАН УЧАСТВОВАТЬ В ИСПАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ВОЙНЕ*

23 февраля 1937 г.

Постановление

Основываясь на принятом Кабинетом Министров решении от 28 февраля с. г. — о запрете гражданам Латвии участвовать в гражданской войне в Испании, — постановляю:

1. Запретить:

а) открытие контор по вербовке добровольцев на гражданскую войну в Испании;

б) вербовку добровольцев при помощи публикации в печати или сообщений по радио и на собраниях; запрещена также вербовка на дому и рассылка циркуляров по почте или каким-либо иным путем, как группам, так и отдельным лицам;

в) подношения и вознаграждения, обещания или угрозы, злонамеренное использование полномочий или прав с целью вербовки добровольцев.

2. Гражданам Латвии запрещается предлагать свои услуги той или иной из воюющих сторон Испании, а также поступление на службу одной из этих воюющих сторон.

Граждане Латвии сим предупреждаются, что поступление на такого рода службу является противозаконным и что им по возвращении в Латвию грозит предусмотренное законом наказание.

3. Чтобы пресечь возможность отъезда в Испанию из Латвии или транзитом через Латвию:

а) отменить, поскольку это относится к Испании, все имеющиеся сейчас силу иностранные паспорта;

б) гражданам Латвии, которые по особо важным обстоятельствам желают выехать в Испанию, следует обращаться за разрешением в Административный департамент Министерства Внутренних Дел, которое снабдит паспорт специальной пометкой;

в) запретить транзит в Испанию лицам (к гражданам Испании это не относится), чьи паспорта не снабжены специальными пометками выдававших их учреждений о разрешении на въезд в Испанию.

Постановление вступает в силу со дня его опубликования

Рига, 23 февраля 1937 г. 50638

Министр внутренних дел В. Гулбис
Директор Административного департамента А н ш м и т *

«Valdibas Vestnesis», Nr. 43.,
23 февраля 1937 года.

*ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА ЧЛЕНА ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРИАТА
КПЛ Р. САЛНЫ ИСПОЛКОМУ МОПРа. О ПРЕСЛЕДОВАНИИ
В ЛАТВИИ ВСЕХ ТЕХ, КТО ОКАЗЫВАЕТ ПОДДЕРЖКУ
ЗАЩИТНИКАМ ИСПАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ*

13 марта 1937 года.

...В порядке информации о Латвийской «Красной помощи» сообщаю, что в январе месяце в Риге произошли большие провалы, главным образом людей, обвиняемых в принадлежности к «Красной помощи» Латвии. Было арестовано около 100 человек, из которых часть потом освобождена...

С политической стороны интересно то, что в печати обвиняют их за антиправительственную работу, а на деле главное обвинение состоит в том, что «Красная помощь» и эти люди собирали деньги в помощь испанскому народу и организовали движение солидарности с испанским народом, подвергшимся нападению фашистов.

13. III. 37.

Представитель КПЛ (Сална)

*Партархив ЦК КПЛ,
ф. 240. оп. 1. д. 644, л. 4.*

*ВОЗЗВАНИЕ ВРЕМЕННОГО СЕКРЕТАРИАТА КПЛ. ЦК СТМЛ
И ЦК СРКПЛ КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ С ПРИЗЫВОМ
ПОДДЕРЖАТЬ ИСПАНСКИЙ НАРОД В ЕГО БОРЬБЕ
ПРОТИВ ФАШИЗМА*

Не позднее 19 апреля 1937 г.¹

**ВСЕМИ СИЛАМИ ПОДДЕРЖИМ ГЕРОИЧЕСКУЮ
БОРЬБУ ИСПАНСКОГО НАРОДА!**

Девять месяцев длится гражданская война в Испании. Весь мир с восхищением следит за самоотверженностью, которую в борьбе с бандами международного фашизма проявляют испанские рабочие и крестьяне, прогрессивная интеллигенция.¹

¹ Датировано числом, когда было найдено. ЦГИЛ ЛССР, ф. 3235. оп. 1/6. д. 616/2, стр. 8.

все демократы, объединенные единым несокрушимым Народным блоком. Девять месяцев длится война, но, несмотря на ее опустошающие последствия, огромные человеческие жертвы, она все же не ослабила блок подавляющего большинства испанского народа. Наоборот, — в непрекращающемся огне боев закалилась и окрепла воля народа к победе, стремление одолеть фашизм. Историческая трагедия заключается в том, что Народный фронт Испании вынужден бороться с фашистами и реставраторами монархии не только своей страны, но должен отражать и открытое вооруженное наступление германо-итальянского фашизма на пролетариат и демократические права тех стран Европы, которые не хотят идти на поводу у фашизма. Поэтому борьба, которая сейчас ведется в Испании, приобретает огромное значение в международной политике всего мира не только с точки зрения мира и благополучия человечества во всем мире, но и с точки зрения перспектив развития рабочего движения в Европе. Нет никакого сомнения, что с одними только фашистско-монархическими бандами генерала Франко Народный фронт Испании давно справился бы. Борьба затягивается потому, что Франко получает от гитлеровской Германии и от фашистской Италии не только новейшее военное снаряжение и фашистских вояк под маской добровольцев, не только материальную помощь и большие денежные средства; в последнее время в наступлениях под Малагой и под Мадридом участвуют регулярные воинские итальянские части, которые уже получили боевую закалку в захватнической войне в Абиссинии. Поэтому героическая борьба Народного фронта в Испании уже переросла в национально-освободительную войну испанского народа против германо-итальянских фашистских захватчиков. Все это свидетельствует об агрессивных замыслах фашизма, для которого события в Испании являются лишь репетицией, проверкой сил, испытанием новейшего вооружения и военной тактики. Поэтому события в Испании несут в себе величайшую угрозу миру всего земного шара. Фашизм, обанкротившись во внутренней политике, ищет выхода в военных авантюрах. Уничтожив все демократические свободы народа, властвуя с помощью лютого террора, фашизм не только не решил ни единого противоречия капиталистического строя, а наоборот, — углубил их. Такое состояние войны — фашизм против народа — долго длиться не может. Недовольство фашизмом в поработанных им странах растет. Поэтому фашизму нужен новый враг, против которого направить растущее недовольство

народных масс, их гнев из-за полной лишений жизни, которую принес фашизм. Если раньше мы говорили, что фашизм означает подготовку к войне, то сейчас, ввиду событий в Испании, можно утверждать, что подготовительный период кончился — теперь фашизм означает *развязанную агрессию*, означает войну против государств, которые не приемлют фашизма и не желают действовать его преступными методами, стремятся к миру между народами и к свободному развитию в пределах своих стран.

Приняв на себя первый удар наступающего международного фашизма, Народный фронт Испании в полной мере понял его значение. В отражении этого наступления трудящиеся Испании продемонстрировали нам удивительный пример укрепления своего боевого единства. Они полны решимости выдержать эту битву до конца и победить. Но воля к победе может стать бессильной, если борьба затянется и если ее придется вести против все возрастающего превосходства вооруженных сил противника. Поэтому борьба против фашизма и гражданская война в Испании приобретают исключительное значение. Не вызывает сомнения, что германо-итальянский фашизм, уже так много поставив на карту, не остановится на полпути, не откажется от своих агрессивных замыслов. Мы не можем оставаться равнодушными к тому, что наемники Гитлера и Муссолини проливают кровь испанских рабочих, крестьян, демократических граждан; к тому, что фашистские банды хотят лишить испанский народ свободы, заковать его в оковы и посадить ему на шею какого-нибудь идиота — отпрыска бывшего королевского двора.

Победа фашистов в Испании означала бы серьезный удар по всей демократии Европы и по всемирному фронту мира. Она придала бы новые силы и смелость фашистским провокаторам войны и означала бы прямую угрозу для СССР, Франции, Чехословакии и Прибалтийских государств. Она непосредственно угрожала бы и Латвии, национальной независимости латышского народа. Поэтому каждый трудящийся Латвии, каждый честный демократ, каждый друг мира и прогресса обязан *всеми силами поддерживать героическую борьбу Народного фронта Испании, способствовать победе испанского народа над фашистской контрреволюцией.*

Немецко-итальянским фашистам и палачам испанского народа активно помогает и латвийская фашистская клика Ульманиса во главе с «великим вождем» и его министром иностранных дел. Фашистская пресса Латвии изо дня в день

распространяет подлые и лживые сообщения об Испании, восхваляя «героические деяния» палачей испанского народа. Более того — фашисты Латвии посылают испанским фашистам оружие и военное имущество; рабочих же, которые собирают средства для республиканцев Испании, бросают в тюрьмы, и преследуют каждого, который чем-либо проявляет симпатию к испанской демократии. Не является ли это лучшим доказательством того, что судьба латышского народа тесно связана с героической борьбой испанского народа, что победа демократии будет и нашей победой, а ее разгром — нашим разгромом?

Поэтому будем активными в поддержке Испанского Народного фронта!

Рабочие, все трудящиеся Латвии из своих скудных средств уже собрали несколько тысяч латов для борцов Народного фронта Испании. Многие сыны трудового народа Латвии сражаются в героических рядах Интернациональных бригад. *Всеми средствами укрепим эту помощь!* Включимся в антифашистский фронт борьбы латышского народа против фашистской диктатуры Ульманиса, за демократическую республику. Борьба в Испании и в Латвии это единая борьба, борьба против фашистской контрреволюции, против войны, за свободу народа и национальную независимость, за мир. Пролетариат Латвии, имеющий богатый опыт борьбы против царизма и немецких помещиков, пойдет в этой борьбе в первых рядах.

Да здравствует свобода испанского народа!

Да здравствует солидарность рабочих о борьбе с международным фашизмом!

Долой режим 15-го¹ мая, долой прислужников международного фашизма в Латвии!

Да здравствует революционный народный фронт в Латвии!

Центральный Комитет

Социалистической рабоче-крестьянской партии Латвии

Секретариат Компартии Латвии

Центральный Комитет

Союза Трудовой Молодежи Латвии

LKP. LKJS un Sarkanās patidzibas revolucionārās lapinas. 1920.—1940., III, ЛГИ. 1963 г., стр. 427—429.

¹ 15 мая 1934 года в Латвии произошел возглавленный кликой Ульманиса фашистский переворот. Ред.

*СООБЩЕНИЕ О СРЕДСТВАХ, СОБРАННЫХ К 10 ИЮНЯ 1937 Г.
ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ ИСПАНСКИХ БОРЦОВ*

Июнь. 1937 г.

К 10 июня с. г. собраны следующие средства для республиканцев Испании:

От районных организации 823,86 лата, от молодежной организации 239,10 лата, от отдельных лиц 65 латов, от революционных студентов 10 латов.

Итого 1137,96 лат.

Ранее собрано 2028 латов.

Получено от отдельных лиц и отдельно переслано в республику Испанию 94 лата.

Всего собрано для республиканцев Испании 3259,96 лата.

*«Сина». Nr. 4.,
июнь, 1937 г.*

*ПИСЬМО КОНФЕРЕНЦИИ РИЖСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА
ТРУДОВОЙ МОЛОДЕЖИ МАДРИДСКОМУ КОМИТЕТУ
ОБЪЕДИНЕННОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
МОЛОДЕЖИ С ЗАВЕРЕНИЕМ О СОЛИДАРНОСТИ
В СОВМЕСТНОЙ БОРЬБЕ ПРОТИВ ФАШИЗМА*

Август, 1937 г.

**МАДРИДСКОМУ КОМИТЕТУ ОБЪЕДИНЕННОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Дорогие товарищи и друзья!

В условиях тяжелой фашистской реакции и террора собрались мы на первую Рижскую конференцию Союза Трудовой Молодежи Латвии. В докладах, выступлениях и прениях мы вновь и вновь возвращались к вам, наши героические испанские сестры и братья, выдвигая одной из основных задач нашей дальнейшей работы усиление помощи вам в вашей борьбе против вооруженных фашистских банд Германии и Италии.

Нас глубоко трогает ваша героическая борьба за независимость и свободу своей страны. Вся прогрессивная молодежь Латвии восхищается вашим героизмом, мужеством, энтузиазмом и самоотверженностью, с какой вы сражаетесь под Мадридом, Гвадалахарой и на других фронтах гражданской войны.

Ваша борьба свидетельствует о том, что силы объединенной молодежи и всего народа опрокидывают один за другим все планы интервентов. Мы знаем, что, сражаясь с бандами фашистских грабителей, вы боретесь за демократию против фашизма, за мир против войны, за прогресс против реакции, за свободу против фашистского рабства, за человечность против варварства не только на своей земле, но и во всем мире. Мы знаем, что вы в Испании защищаете дело всего прогрессивного человечества против поджигателей войны и поработителей народов.

Ваша борьба особенно близка молодежи Латвии, которой в 1918 году довелось пережить ужас оккупации нашей страны бандами грабителей империалистической Германии, а в настоящее время угрожает вторжение гитлеровской Германии. Поэтому среди вас, в рядах славной Интернациональной бригады, героически и самоотверженно сражается несколько десятков представителей молодежи Латвии. Мы знаем, что ваша победа над бандами фашистских грабителей, в которой мы не сомневаемся, будет и нашей победой, будет смертельным ударом по мировой реакции.

Год назад коммунистическая и социалистическая молодежь Латвии объединилась¹. Мы горды тем, что были первыми, которые последовали вашему замечательному примеру такого объединения. Прошедший трудовой год сплотил нас в единый коллектив, который приложит все свои пусть и небольшие силы для сплочения интернациональной молодежи. Единение трудовой молодежи, как это доказывает жизнь, является самым большим достижением молодежи Латвии и залогом будущих побед над фашистским деспотизмом.

Посылая это приветствие, мы заверяем вас, что утроим и учетверим нашу помощь вам в вашей борьбе против сил реакции.

¹ Речь идет об объединении в 1936 году Коммунистического Союза Молодежи Латвии и Социалистического Союза Молодежи Латвии в одну организацию — Союз Трудовой Молодежи Латвии. *Ред.*

*Да здравствует республиканская Испания!
Да здравствует непобедимый Мадрид!
Да здравствует объединенная молодежь Испании!
Да здравствует интернациональный отряд трудовой молодежи!*

Участники конференции Рижских организаций
Союза трудовой молодежи Латвии:
(подписи)

Август. 1937 г., Рига

№ 24

*ВЫПИСКА ИЗ ДОКЛАДА «ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
И ЗАДАЧИ РИЖСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ», ЗАЧИТАННОГО
НА КОНФЕРЕНЦИИ РИЖСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ КПЛ.
ПОСВЯЩЕННОЙ ЗНАЧЕНИЮ КАМПАНИИ ПО ПОДДЕРЖКЕ
ЗАЩИТНИКОВ ИСПАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В РАЗВЕРТЫВАНИИ
АНТИФАШИСТСКОЙ И АНТИВОЕННОЙ БОРЬБЫ В ЛАТВИИ
Сентябрь, 1937 г.*

Наши важнейшие политические задачи

...В борьбе против угрозы войны и гитлеризма наша важнейшая задача теперь — всеми силами разворачивать вширь кампанию по поддержке республиканцев в Испании, тесно увязывая ее с борьбой против предательской политики клики Ульманиса и против объявленного ею лицемерного нейтралитета. Мы должны требовать присоединения Латвии к системе коллективной безопасности и заключения договора о взаимопомощи с СССР. В кампании по поддержке республиканской Испании мы пока охватили главным образом рабочих. А следует стремиться к охвату самых широких антифашистских сил народа, только тогда эта кампания будет успешной. Мы не можем мириться и с тем, что кампания проходит лишь в узких рамках нелегальности. Надо изыскать возможности и способы легального ее проведения, как ни трудно это в наших условиях. Эта кампания является важнейшим фактором сколачивания широкого народного фронта, способом втянуть в антивоенную борьбу поистине широкие народные массы...

*Партархив ЦК КПЛ. ф. 240
оп. 1, д. 326, А. 6 и 7.*

*ВЫПИСКА ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРИАТА
КПЛ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ И ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ
КП ЛАТВИИ: СОЗДАНИЕ В ЛАТВИИ АНТИФАШИСТСКОГО ФРОНТА
СВЯЗАНО С ПОДДЕРЖКОЙ БОРЬБЫ ПРОТИВ ФАШИЗМА
В ИСПАНИИ*

19 ноября 1937 года.

...Война в Китае и итало-германская интервенция в Испании, создание японо-германо-итальянского военного блока агрессоров привели к резкому обострению всех международных отношений и в небывало острой форме ставит также перед латышским народом вопрос о новой мировой войне. Недовольство прогитлеровской политикой фашизма, глубокая, все усиливающаяся тревога за судьбу своей национальной независимости охватывают самые широкие массы латышского народа.

В этих условиях первая и основная задача партии и рабочего класса Латвии заключается в том, чтобы организовать это растущее недовольство масс на *народную борьбу за мир, против войны и гитлеризма.*

Демонстрируя свою солидарность с борьбой китайского народа, партия должна всемерно продолжать кампанию поддержки (как средствами, так и людьми) республиканской Испании, борющейся за общее дело мира и прогресса человечества против фашистских агрессоров. Сочетая борьбу за мир с борьбой за демократическую свободу, партия должна направлять антивоенное и антигитлеровское движение масс на рельсы антифашистского народного фронта...

*ИЗ ВОЗЗВАНИЯ ВРЕМЕННОГО СЕКРЕТАРИАТА КПЛ
К ТРУДЯЩИМСЯ — О ПОДДЕРЖКЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ
БОРЬБЫ НАРОДОВ ИСПАНИИ И КИТАИ*

Январь, 1938 г.

**Без борьбы нет победы! Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!**

ДОЛОЙ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ!

Трудящиеся Латвии! Весь латвийский народ!

Уже полтора года тянется немецко-итальянская грабительская война в Испании. В это же время империалисты Японии

ужс пятый месяц безжалостно убивают народ Китая. Их артиллерия и авиация сметают с лица земли целые города, калечат и уничтожают сотни тысяч мирных жителей, женщин и детей. Такого зверского уничтожения народов, какое сейчас идет в Испании и Китае, еще не знала история человечества. Зверства фашистов в горах Астурии, в городах и селах Китая превосходят все изведенные до сей поры ужасы войны.

Но это только начало! Это репетиция чудовищной, всеуничтожающей мировой войны. Фашистские и империалистические державы — Германия, Япония и Италия — заключили так называемый союз «борьбы с Коминтерном». Это лишь маска! Весь мир видит и понимает, что их союз в действительности является *военным союзом фашистских грабителей с целью нового передела мира*. Он направлен не только против СССР, но и против всех демократических стран. *Особенно угрожает он свободе и национальной независимости малых стран*. Союз фашистских захватчиков топчет кровавым сапогом права народов и международные договоры. Убивая народ Китая и Испании, он готовит такую же кровавую расправу и с другими народами...

Весь мир поднялся в широком и мощном движении солидарности миллионных масс с народами Испании и Китая, которые с невиданным героизмом защищают как собственную свободу и независимость, так и мир во всем мире. Рабочие и другие демократические организации во Франции, в Англии, Америке, Австралии, Канаде, Бельгии, Чехословакии, Скандинавских странах, Финляндии — везде, где только фашистские насильники не подавили воли народа к свободе, — организуют широкую помощь, призывают к бойкоту японских товаров, собирают деньги, продукты, одежду, медикаменты. Моряки и портовые рабочие в крупных мировых портах бойкотируют японские суда. Широкие народные массы всех стран знают и понимают: на полях Испании и Китая решается сейчас и их судьба, там решается вопрос — быть миру или войне во всем мире; быть свободе или фашистскому рабству; быть культуре, прогрессу и правам для народов — или фашистскому варварству и жестокому истреблению народов.

Поэтому надо во что бы то ни стало разгромить японских империалистов в Китае и немецко-итальянских захватчиков в Испании. Непоколебимая уверенность в этом поднимает миллионы людей во всем мире на беспощадную борьбу и невиданные героические дела.

Трудящиеся Латвии! Молодежь! Все друзья мира, свободы и демократии! Все, кому дорого будущее народа!

Фашистские министры Ульманиса пытаются убедить нас, что события в Китае и Испании очень мало касаются Латвии. Правительство Ульманиса хвастает своим «нейтралитетом», своим стремлением жить в дружбе и с гитлеровской Германией, и с СССР. *Это ложь, гнусный обман народа!* События в Китае и Испании касаются Латвии так же, как и всех других народов, которым угрожают фашистские захватчики. Победа этих грабителей в Испании и Китае означала бы угрозу точно такого же опустошения и истребления народа в Чехословакии, Бельгии, Голландии, Прибалтике и Скандинавии. Гитлеровская Германия отнюдь не скрывает своих агрессивных намерений против этих народов. Она требует себе свободы действий в Центральной и Восточной Европе, и империалисты Англии готовы ей такую свободу предоставить. Министр внутренних дел Германии Фрик открыто заявляет об уничтожении независимости этих народов и создании «Великой Германии». Шпионы и агенты Гитлера наводнили все эти страны, а в ульманисовской Латвии они действуют совершенно открыто и даже занимаются военной подготовкой. Разве деятельность фашистских заговорщиков во Франции еще не является достаточным доказательством того, на какие зверства способны эти международные гангстеры? Разве бряцание направленным против Востока оружием а оно опять усилилось за последнее время — не является убедительным предупреждением для всех народов Прибалтики? Какой может быть нейтралитет по отношению к захватчикам, которые мечтают снова загнать латышский народ под ярмо прусских юнкеров! Как можно говорить о нейтралитете, когда эти грабители готовят для Латвии такую же кровавую бойню, какую они устроили в Абиссинии, Испании и Китае!

Нет! Такой предательский «нейтралитет» на руку только Гитлеру, он нужен не латвийскому народу, а лишь клике Ульманиса, которая и экономически, и политически зависит от гитлеровской Германии и уже четвертый год ведет непрерывную борьбу против латышского народа, не решаясь хотя бы на день отменить военное положение.

Жизненные интересы трудящихся Латвии и всего народа требуют организации активного контрудара по фашистским узурпаторам. Этого можно добиться, всеми силами поддерживая героическую борьбу народов Испании и Китая. Этого можно добиться, заключив договор о взаимопомощи с самым

верным и сильным оплотом мира и прав народов, с СССР, как это уже сделали Франция и Чехословакия.

Но этого не может и не хочет сделать фашистское правительство Ульманиса. Видя растущее недовольство народа открытой прогитлеровской ориентацией и рассчитывая завоевать благосклонность и доверие буржуазии Франции и Англии, правительство Ульманиса маневрирует, лавирует, своим лицемерным нейтралитетом обманывает народ и ведет Латвию навстречу катастрофе.

Трудящиеся Латвии!

Коммунистическая партия Латвии обращается к вам, ко всему народу, с призывом:

Долой равнодушие и пассивность! Все наши жизненные интересы, национальная независимость нашего народа находятся под непосредственной угрозой! В такой момент никто не должен оставаться пассивным.

Требуем организовать отпор фашистским узурпаторам, прекратить предательскую, выгодную Гитлеру, политику «нейтралитета». Требуем активной политики мира и заключения договора о взаимопомощи с СССР. Укрепим объединенный фронт рабочих, организуем мощный народный фронт борьбы против фашистского деспотизма, за мир, за хлеб и свободу, за демократическую Латвию. Только свободный, сбросивший фашистское ярмо народ сможет надежно охранить свою независимость в борьбе с фашистскими захватчиками.

Всеми силами поддержим героическую борьбу народов Испании и Китая. Их победа — это и наша победа. Рабочие Латвии уже собрали из своих жалких грошей несколько тысяч латов! На помощь должны прийти и самые широкие слои народа. Собирайте деньги, продукты, одежду! Тысячи детей в республиканской Испании страдают от холода и недостатка продовольствия. Поможем им!

Бойкотируйте японские товары, они запятнаны кровью китайского народа! Пусть ни один честный человек не покупает в японском магазине в Риге на улице Калькю, 38! Пошлем протест посольству Японии против зверских убийств в Китае. Пусть эти грабители слышат не только лесть клики Ульманиса, но и голос латышского народа!

Будем бороться за возможность свободно и открыто поддерживать борьбу народов Испании и Китая.

Будем расширять и укреплять движение Народного фронта в Латвии!

*Долой фашистских захватчиков!
Долой фашистское правительство Ульманиса!
Да здравствует борьба народов Испании и Китая за свободу и независимость!
Да здравствует движение народного фронта в Латвии!
Да здравствует великая социалистическая держава — самый верный и мощный оплот мира во всем мире!*

Секретариат Компартии Латвии

LKP. LKJS un Sarkanās palīdzības revolucionāres lapinas. 1920.-1940., ч. III. ЛГИ. 1963 г. стр. 461—463.

№ 27

*ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ
БОРЦАМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ БРИГАД¹*

Не ранее октября 1938 г.

До скорой встречи, братья...

Очень трудно, прощаясь с героями Интернациональных бригад, рассказать, кто они и кого представляют.

Чувства волнения, тревоги и бесконечной боли поднимаются в нас и сжимают горло... Волнение и тревога за тех, кто уходит — борцов за высокие идеалы освобождения человечества, изгнанников, преследуемых тиранией всех стран...

Боль за тех, кто навеки погребен здесь, слившись с нашей землей, кто остался в глубине наших сердец, сиянием нашей вечной благодарности.

От всех народов, от всех рас пришли вы к нам, как наши братья, как сыны бессмертной Испании. В самые трудные дни нашей войны, когда под угрозой была столица республики, вы, героические товарищи из Интернациональных бригад, своим боевым энтузиазмом, своим героизмом и духом самопожертвования помогли отстоять Мадрид.

Харама и Гвадалахара, Брунета и Бельчите, Левант и Эбро — в бессмертных стихах воспевается слава сражавшихся

¹ Перевод с испанского языка. *Ред.*

здесь воинов Интернациональных бригад, их героизм, самоотверженность, смелость и дисциплина.

Впервые в истории народной борьбы наблюдалась подобная картина, удивительная по своему благородству: создание Интернациональных бригад, пришедших на помощь испанскому народу, чтобы спасти находящуюся под угрозой страну, отстаивать свободу и независимость нашей Испании.

Коммунисты, социалисты, анархисты, республиканцы — люди разных убеждений, различных идеологий и антагонистических религий, но все глубоко любящие свободу и справедливость, пришли сюда, отдали себя в наше распоряжение без каких-либо условий. Они нам отдали все: молодость и зрелость; знания и опыт, кровь свою и саму жизнь; надежды свои и свои горячие стремления. И ничего не просили взамен. Лишь одного они требовали для себя — места в бою, готовые с честью умереть за нас.

Знамена Испании! Склонитесь перед героями! Перед величием их жертв!

Матери! Жены! Когда пройдут годы и заживут раны войны; когда — в дни свободы, мира и благополучия — память о тяжелых и кровавых днях потеряет остроту; когда смягчится ненависть; когда все испанцы будут гордиться своим свободным отечеством, — расскажите вы своим сыновьям о воинах Интернациональных бригад.

Расскажите им, как, преодолевая моря и горные хребты, пересекая границы, охраняемые штыками и свирепыми псами, готовыми вонзить в них клыки, они явились на нашу землю крестоносцами свободы, чтобы сразиться и умереть за свободу и независимость испанского народа, которому угрожал немецкий и итальянский фашизм. Они бросили все: любимых, родину, семейный очаг, благополучие, матерей, братьев, детей и пришли к нам, чтобы сказать: «Мы здесь! Ваше дело, дело Испании — это и наше дело, дело всего прогрессивного человечества».

Сегодня они уходят. Но тысячи остаются: для многих саваном стала земля Испании. Сердца всех испанцев преисполнены чувством глубочайшего уважения к ним.

Товарищи из Интернациональных бригад! Политические соображения, государственные интересы, — интересы того самого дела, за которое вы с невиданной самоотверженностью проливали свою кровь, — вынуждают нас возвратит одних из вас на родину, а других обречь на эмиграцию. Вы вправе

уйти с чувством гордости. Вы — сама История, вы — сама легенда; вы героический пример демократической солидарности, в противоположность презренным и сговорчивым душонкам, которые о демократических принципах только рассуждают, на деле же думают о сейфах, о том, как убереечь промышленные акции от какого бы то ни было риска.

Мы вас не забудем. Когда зацветут, переплетаясь с лавром нашей победы, оливы мира — возвращайтесь!

Возвращайтесь к нам! Здесь найдут отечество те из вас, у кого его нет; найдут друзей те, у кого они отняты; и все, все найдут любовь и благодарность всего испанского народа, который и сегодня и завтра с энтузиазмом будет повторять: Да здравствуют герои Интернациональных бригад!

Долорес Ибаррури
«Пасионария».

*Brigadas Internationales octubre 1936 octubre
1938. Imp. Cooperative Etoile 18, Fbg du Temple.
Paris*

№ 28

*ВЫПИСКА ИЗ ДОКЛАДА ЧЛЕНА ВРЕМЕННОГО СЕКРЕТАРИАТА
КПЛ, Ф. ДЕГЛАВА О ПОДДЕРЖКЕ АНТИФАШИСТСКИХ БОРЦОВ
В ИСПАНИИ.*

Ноябрь. 1938 года

...Мы неослабно продолжали кампанию помощи республиканской Испании. Фашистское правительство жестоко преследует всякое проявление солидарности с респ. Испанией, и все же, одними лишь силами организаций, мы до сентября с. г. собрали и отослали в Испанию 6800 (лат.). В рядах республиканской армии сражалось около 100 добровольцев-антифашистов из Латвии...

*Партархив ЦК КПЛ.
ф. 240, оп. 4. д. 10 Е. стр. 9.*

*ОТЧЕТ О СРЕДСТВАХ ДЛЯ БОРЦОВ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ
ИСПАНИИ*

Февраль, 1939

КВИТАНЦИЯ

Получено для республиканской Испании:

От членов «Красной помощи»	180,00 лата
” ” ” ”	95,50 лата
” ” ” ”	50,00 лата
От района Р. О. Н.	117,05 лата

По листу № 172 - 19 латов, № 173 — 18,20 лата, № 71-26 латов (деревообделочники).

(от сапожников), Г. К.,	9 лат.
От Лиепайского КД	20,00 латов
От алшвандзниеков	40,00 латов
От вентспилсцев	18,00 латов
Через редакцию латгальской «Правды»	26,00 латов
(от Илукстского района	13 латов)
(от Абренского района	13 латов)
Ранее было собрано	7778,57 лата
Итого 8325,12 лата.	

*«Сина», № 2.,
февраль, 1939 г.*

*ВЫПИСКА ИЗ ДОКЛАДА ЧЛЕНА ВРЕМЕННОГО СЕКРЕТАРИАТА
КПЛ, Ф. ДЕГЛАВА, ОБ ОРГАНИЗАЦИОННОМ СОСТОЯНИИ КПЛ.
ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РИЖСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КПЛ
И ЕЕ БЕСПАРТИЙНОГО АКТИВА ПО ПОДДЕРЖКЕ БОРЦОВ
РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ИСПАНИИ*

Апрель, 1939 г.

...Вокруг наших партячек группируется беспартийный рабочий актив в гор. Риге; по оценке Рижского комитета, таких активных рабочих, помогающих нам в работе, насчитывается около 300—400 чел. Они распространяют нашу прессу. (ЦО

партии «Циня», воззвания организации единого фронта...) Они собирают средства в пользу республиканской Испании (до января с. г. собрано и отправлено в Испанию 7000 латов)...

On I. d. 251, стр. 5.

№ 31

*ДОКЛАД ДОБРОВОЛЬЦЕВ ИЗ ЛАТВИИ О ВЫПОЛНЕНИИ
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ДОЛГА И О РЕШИМОСТИ ПРОДОЛЖАТЬ
БОРЬБУ С ФАШИЗМОМ*

Май, 1939

Привет от героических волонтеров Латвии

Мы, латвийские борцы за свободу Республиканской Испании, рапортуем, что были готовы отдать жизнь за Испанскую Республику, до последнего момента оставаясь в Каталонии.

Получив 9 февраля с. г. распоряжение покинуть Испанию, мы последними из воинов Интернациональных бригад четким строем продефилировали мимо командования и перешли границу Франции.

Каталония пала, но во всем мире продолжается борьба за демократические права, национальное самоопределение и независимость народов. Мы знаем, что фашистские интервенты стремятся поглотить не только Испанию, но и Латвию и другие страны.

Несмотря на то, что мы находимся в концентрационном лагере, обещаем всеми силами способствовать борьбе за свободу и демократические права. Изменив форму борьбы, мы продолжим свою работу и всегда будем готовы, если этого потребуют обстоятельства, снова взять в руки оружие для новых побед.

**Латвийские воины-добровольцы
в Республиканской Испании**

*«Briviba», Nr. 2. (6).,
май, 1939 г.*

СТАТЬИ ЗАГРАНИЧНОГО КОМИТЕТА СРКПЛ, ОПУБЛИКОВАННАЯ
 В ЖУРНАЛЕ «БРИВИБА» О ПОЛОЖЕНИИ ЛАТВИЙСКИХ
 ДОБРОВОЛЬЦЕВ В КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ
 И ОБ ОТНОШЕНИИ К НИМ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЛАТВИИ

Май, 1939

**Судьба латышских борцов в Испании
 во французских лагерях**

В связи с поражением испанской Республики во Францию хлынула огромная волна испанских беженцев около 400 000 человек. Основную массу составили воины республиканской армии. Среди них и добровольцы бывших Интернациональных бригад. Правительство Франции, обеспокоенное таким наплывом левых элементов и скупясь на средства, загнало всех бывших борцов за свободу Испании в концентрационные лагеря, очень плохо оборудованные, особенно вначале. Продуктовые нормы ничтожны. Поэтому бывшим воинам за свободу Испании приходится жить в очень тяжелых условиях.

Среди беженцев во французских лагерях находится и около 60 латышских добровольцев. Их судьба незавидна еще и потому, что они остались без родины, без возможности найти себе пристанище. Фашистские страны — в том числе и ульманисовская Латвия — участие в испанской войне на стороне демократии рассматривают, как преступление и о судьбе своих граждан — добровольцев — не заботятся. Отказываются принять этих несчастных и другие страны, ибо беженцев из Испании повсюду рассматривают, как тяжкое бремя для государства. Поэтому защиту и поддержку эти люди могут получить только от своих товарищей по классу, от единомышленников. А поддержки они более чем достойны. Многие сложили свои головы за свободу на чужой земле, а те, кто жив, готовы защищать свою землю от чужеземных захватчиков. Ни от кого нельзя требовать больших жертв, чем принесли они. Поэтому святая обязанность рабочих и всех антифашистов Латвии: 1) *требовать их амнистии с правом возвращения в Латвию и 2) пока это невозможно, поддерживать их материально.* Эмигранты из Латвии, со своей стороны, сделали все возможное для облегчения судеб добровольцев, сражавшихся в Испании, как сбором средств, так и поисками возможности освобождения их из лагерей. Но последнее

пока не удалось. Все же мы вправе требовать, чтобы правительство Латвии не ставило этих людей вне закона из-за их политических убеждений!

*«Brīvība». Nr. 2. (6).,
май, 1939 г.*

№ 33

*ВЫДЕРЖКА ИЗ СТАТЬИ «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРАСНОЙ ПОМОЩИ».
ОПУБЛИКОВАННОЙ В ГАЗЕТЕ «ПРОЛЕТАРСКАЯ ПРАВДА».
ПО ВОПРОСУ О ВОЗВРАЩЕНИИ НА РОДИНУ ДОБРОВОЛЬЦЕВ.
УЧАСТНИКОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВОЙНЫ
В ИСПАНИИ*

18 июля 1940 г.

...Следующая — главная задача «Красной помощи» — помочь вернуться на родину еще находящимся за границей политическим эмигрантам. Из Швейцарии уже вернулись многие товарищи, но большее число латышских граждан находится во Франции. Многие из них — во французских концентрационных лагерях. В Гирсу, в департаменте Восточных Пиреней, вместе с другими участниками международных бригад есть и большое число латышских товарищей. Их судьба особенно тревожит «Красную помощь», так как по сведениям, которые получены из Франции, воины испанской республиканской армии содержатся в особо тяжелых, нечеловеческих условиях. Их бьют, заставляют выполнять самые трудные работы, а тех, кто не хочет работать или не может, заключают в тюрьму. Оказать помощь этим товарищам, которые три года героически сражались на фронтах войны за свободу Испании, святая обязанность каждого трудящегося. «Красная помощь» обратилась по этому вопросу к правительству Латвии. Уже приняты первые шаги, чтобы эти товарищи могли бы возвратиться на освобожденную Родину...

*«Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā».
Документы и материалы. Издательство АН ЛССР,
1963 г., стр. 184-185.*

ХАРАКТЕРИСТИКА НА П. И. ПУМПУРА

Комбриг Пумпур Петр Иванович, 1900 года рождения, латыш, член ВКП(б).

В Испании находился с октября 1936 по 11 мая 1937 г. в качестве командира авиационной истребительской группы. В характеристике, подписанной комкором Урицким в июне 1937 г., указывается:

Его заслугой является создание и непосредственное руководство бесстрашной группой республиканской истребительной авиации на Мадридском фронте, завоевавшей господство в воздухе над Мадридом. Сумел в ходе боев создать блестящую тактику борьбы в воздухе, обеспечивающую постоянный и неизменный успех, своим героизмом и руководством воздушными боями создал кадры неустрашимых воздушных бойцов, ни разу не уступивших поле боя противнику. Лично участвовал в большинстве воздушных боев. Налетал около 250 часов. Сам сбил несколько самолетов противника. Окружил имя советского летчика ореолом героизма и непобедимости, являясь сам общепризнанным боевым авторитетом во всей республиканской авиации.

Партархив Института истории партии при ЦК КП Латвии, ф. 200, оп. 5, д. 1, л. 136.

ХАРАКТЕРИСТИКА НА ФРИЦИСА ПУЦЕ

(фотокопия на испанском языке)

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ИСПАНИИ
(ИСПАНСКАЯ СЕКЦИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ИНТЕРНАЦИОНАЛА)

КОМИТЕТ ПРОВИНЦИИ КОРДОВА

У д о с т о в е р я е м :

Что товарищ Пуце Фрицис, по национальности латыш, состоящий на службе в **восемьдесят шестой бригаде**, постоянно, активно и с энтузиазмом трудился на благо Партии, подчиня партийной дисциплине свою политическую деятельность и все свои действия.

Что и подтверждаем своими подписями в Вильянуэва-де-Кордова пятого октября тысяча девятьсот тридцать восьмого года.

Секретарь комитета Провинции Кордова

БЛАГОДАРНОСТЬ КАПИТАНУ ТЕЛЛЕРУ

Фотокопия на испанском языке

Сеньор дон Хуан Негрин Лопез председатель Совета Министров и министр национальной обороны и, по его полномочию, сеньор дон Антонио Кордон Гарсиа, полковник артиллерии заместитель секретаря по сухопутным войскам

у д о с т о в е р я ю т ,

что дон Рудольф Теллер защищал свободу испанского народа, сражаясь в Испании в Интернациональной бригаде в звании капитана, числясь в штабе базы Интербригады.

Настоящим удостоверением Правительство республики выражает капитану, — в момент, когда он покидает территорию, которую прибыл защищать, благодарность нации, признательность которой капитан заслужил участием во Второй войне Испании за ее независимость.

Барселона, 15 января, 1939 г.

Печать

*Министерство национальной Обороны
Секретариат Сухопутных войск, Антонио Кордон.*

К Р А Т К И Е БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ КНИГИ И ОБ УПОМЯНУТЫХ В НЕЙ ДОБРОВОЛЬЦАХ ИЗ ЛАТВИИ, СРАЖАВШИХСЯ В ИСПАНИИ

Абол Янис (1911—1941); в Испании — боец-связист. Член КП Латвии с 1940 г.

Родился в Лиепаве. Работал слесарем. С 1932 г. — член подпольной комсомольской организации, член Лиепайского комитета КСМЛ. В 1933 г. арестован и осужден к 2 годам 6 месяцам тюремного заключения.

В декабря 1936 г. отправился в Испанию, пройдя пешком несколько стран. В Испании с февраля 1937 г., боец 1-й роты батальона им. Димитрова. Участвовал в боях на реке Хараме и под Брунете. Был тяжело ранен, лишился ноги. По выходе из госпиталя работал на базе Интербригад и Альбасете. Член КП Испании. В мае 1938 г. уехал во Францию, оттуда в Швецию. После восстановления в Латвии Советской власти вернулся в Лиепаву, работал в комсомоле и в советских учреждениях. В июне 1941 г. был убит в первые дни войны, защищая родной город.

А к и с Адольф — см. биографию, стр. 436—437,

А р м а н Поль (настоящее имя Тилтинь Петр) (1903-1943); В Испании — майор Пауль Грейзе, командир танковой группы. Член Коммунистической партии с 1920 г.

Родился в Елгавском уезде. С 1920 г. был пропагандистом в Земгальской организации нелегальной КП Латвии. В 1923 г. поступил в Латвийский университет. В 1925 г. уехал в Париж, учился в Радиоинституте. С 1926 г. в СССР. Окончил военную школу, служил в бронетанковых частях.

В Испании с октября 1936 г. командовал танковой ротой, затем был советником при штабе учебного центра в Арчене. В боях за Мадрид проявил исключительную храбрость и инициативу. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В начале 1937 года вернулся в СССР. Окончил Военную академию им М. В. Фрунзе. В годы Великой Отечественной войны командовал танковой бригадой, танковой дивизией и другими механизированными частями. Погиб на Волховском фронте, в районе Поречья, 7 августа 1943 г.

А р т м а н Жанис (1897-1963); в Испании — капитан Рудольф Теллер. советник. Член КПСС с 1917 г.

Родился в Риге. Работал шофером-механиком. В 1915 году призван в армию, служил в латышских стрелковых полках. Сражался на фронтах гражданской войны. После войны учился в Высшей военно-химической академии, служил в Управлении противохимической обороны Красной Армии и в воинских частях. С 1930 г. — на хозяйственной и советской работе.

В Испании с 1937 г., начальник противохимической обороны Интернациональных бригад. Член КП Испании. С февраля 1939 г. находился

в концлагере во Франции. В том же году вернулся в СССР, работал в Москве в госучреждениях, с 1945 г. — а аппарате Центрального Комитета КП Латвии.

Барон Абрам — см. биографию, стр. 438—440.

Бейка Давид (1883—1946) — видный деятель революционного движения Латвии, член Коммунистической партии с 1903 г. Активный участник революции 1905—1907 гг., организатор партизанского движения «лесных братьев». В 1907—1917 гг. — деятель революционной латышской эмигрантской организации в США. В 1919 г в Советской Латвии — народный комиссар промышленности и член бюро ЦК КПЛ. В 1920—1921 гг. работал в Исполкоме Коминтерна, затем был на руководящей партийной работе в Смоленске и Архангельске.

В 1927—1932 гг. он — председатель Всесоюзного Совета промышленной кооперации; и 1932—1935 гг — уполномоченный Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР в Совете Народных Комиссаров РСФСР.

В 1936—1937 гг. участвовал в народно-революционной войне в Испании. По возвращении в СССР в конце 30-х годов занялся литературным творчеством.

Беникис Янис (1907—1943); в Испании — старший лейтенант, командир артиллерийского дивизиона. Член КП Латвии с 1938 г.

Родился в Рижском уезде. Учился в театральном институте в Риге. с 1936 г. состоял в нелегальном Объединении революционных писателей, художников и журналистов Латвии.

В Испании с июня 1937 г. наблюдатель батареи, затем командир 1-го Славянского дивизиона тяжелой артиллерии. Член КП Испании. С февраля 1939 до марта 1941 года находился в концлагерях во Франции. По возвращении в Латвию пом. директора по политчасти Рижского передвижного театра. В начале Великой Отечественной войны — начальник штаба 3-го батальона Рабочей гвардии, позже — командир батареи артполка Латышской стрелковой дивизии. Умер от ранений, полученных в бою 2 мая 1943 года под Старой Руссой.

Березин Александр (1906—1970); в Испании — капитан Чиспа Клаудиус, командир батареи. Член КПСС с 1930 г.

Родился в гор. Елгаве. В 1915 г. эвакуировался в Москву. Член ВЛКСМ с 1920 г., делегат III Всероссийского съезда комсомола. Учился в Высшей советско-партийной школе. Работал фрезеровщиком и мастером на автозаводе.

В Испании с мая 1937 г., командир 6-й Славянской батареи противотанковой артиллерии. Участвовал в боях на многих участках Центрального, Восточного и Южного фронтов. С февраля 1939 г. во французском концлагере. В апреле того же года вернулся в СССР. Работал инженером на автозаводе им. Лихачева. Умер 2 апреля 1970 года.

Берзин Ян Карлович (настоящее имя Кюзис Петр) (1889—1937); в Испании — генерал Гришин, главный военный советник. Член КПСС с 1905 года.

Родился в Латвии в Яунпилсской волости. Участник революции 1905 г. В 1906 г. был арестован. В 1909 году по выходе из тюрьмы работал в IV районе Рижской организации Социал-демократии Латышского края. В 1911 году был выслан в Иркутскую губернию. Из ссылки бежал и продолжал подпольную работу в Риге, Пскове, Петрограде. Активный

участник Февральской и Октябрьской революций. В 1919 г. — заместитель народного комиссара внутренних дел Советской Латвии. Затем начальник Особого отдела 15-й армии. С 1920 года работал в Генеральном штабе Красной Армии, вначале — начальником отдела, затем — начальником Управления. В 1935 году — заместитель командующего Отдельной Краснознаменной Дальневосточной Армией.

С октября 1936 по май 1937 г. — главный военный советник в Республиканской армии Испании.

Бернштам Пейсах; в Испании — капитан медицинской службы, батальонный и бригадный фронтовой врач. Участник антифашистского движения Латвии.

Родился в 1907 г. в Бауске. Изучал медицину в Вене и Париже. С 1934 г. работал врачом в больнице в Риге, состоял в подпольном антифашистском кружке.

В Испании с мая 1937 г., главный врач в казармах Интернациональных бригад в Альбасете, с октября 1937 г. — батальонный врач 15-й Интернациональной бригады.

С февраля 1939 г. находился в концлагере во Франции. В марте 1941 г. вернулся в СССР. С 1946 г. работает врачом в г. Риге.

Брозинь Георг (1909—1943); в Испании — майор, командир батальона. Член Коммунистической партии с 1934 г.

Родился в Лиепаяе. Работал механиком, учился на юридическом факультете Латвийского университета. Был пропагандистом в Рижской организации нелегальной КП Латвии.

В Испании с февраля 1937 г. командовал взводом, пулеметной ротой, затем пехотным батальоном 86-й бригады. Участвовал в боях на Эстремадурском фронте, где ему последовательно были присвоены звания сержанта, лейтенанта, капитана и майора. Член КП Испании. В 1939—1941 гг. находился в концлагере во Франции. В 1941 г. — зам. председателя Исполкома Кировского района г. Риги, Во время Великой Отечественной войны участвовал в боях на территории Эстонии, под Москвой и под Старой Руссой в качестве начштаба батальона, затем — полка Латышской стрелковой дивизии. Погиб при авиационной катастрофе 19 декабря 1943 года во время полета в тыл противника.

Ванаг Янис — см. биографию, стр. 441—443.

Вейхманис Карл; в Испании — шофер в артиллерийской части.

Родился в 1907 г. в Вентспилсе. Работал шофером и механиком, участвовал в забастовках.

В январе 1937 г. нелегально уехал в Бельгию, а оттуда в Испанию. Был шофером в противотанковой батарее. Участвовал в боях на Центральном, Восточном и др. фронтах. С 1939 г. находился во французском концлагере. В марте 1941 г. вернулся в Латвию.

Вельков Илья; в Испании — сержант Карл Вакс, командир броневика. Член КПСС с 1944 года.

Родился в 1909 г. в г. Себеже. Проживал в г. Риге, работал заготовщиком на обувной фабрике. Состоял в левом профсоюзе обувщиков. С 1928 г. член нелегального комсомола Латвии. Подвергался арестам. В 1931 г. эмигрировал в Советский Союз. Работал в Москве фрезеровщиком на автозаводе им. Сталина.

В Испании с мая 1937 г., участвовал в боях в составе Интернациональной роты броневиков. Член КП Испании. С февраля 1939 г. находился

в концлагере во Франции. В мае того же года вернулся в СССР. С 1945 г. в Риге на хозяйственной работе, в настоящее время — персональный пенсионер.

В е ц г а й л и с Вольдемар; в Испании — старший лейтенант, военный инженер, инструктор. Член КПСС с 1918 года.

Родился в 1893 г. в Баурском уезде. В 1914—1917 гг. служил в армии. После Октябрьской революции работал в ВЧК, затем в горнопромышленных организациях, а с 1924 г. инструктором и инспектором Московской контрольной комиссии Рабоче-крестьянской инспекции (МКК-МРКИ). В 1935 г. окончил Московский институт водного хозяйства.

В Испании с август 1937 г. Служил в 44-й дивизии, руководил фортификационными работами в районе р. Эбро и на др. фронтах. В апреле 1939 г. вернулся в Москву. С 1944 г. в Латвийской ССР. В 1951-1956 гг. зам. министра коммунального хозяйства, затем — зав. отделом Государственного комитета коммунальных предприятий Совета Министров ЛССР и начальник Управления министерства коммунального хозяйства Латвийской ССР.

В и т о л Вольдемар. (Бржозовский, Айре) (1907—1942); в Испании — артиллерист. Член Коммунистической партии с 1940 г.

Родился в Риге. Работал кузнецом и механиком. С 1934 г. — член подпольного комсомола Латвии, работал в нелегальной типографии. В апреле 1937 г. выехал в Швецию, организовал переброску на моторной лодке группы добровольцев из Латвии в Швецию, а оттуда их выезд в Испанию.

В Испании с июля 1937 г., боец противотанковой батареи, член КП Испании. С февраля 1939 г. в концлагере во Франции, оттуда бежал и, устроившись кочегаром на судне, вернулся в Латвию. В начале Великой Отечественной войны сражался в партизанском полку «За Советскую Латвию». Погиб в бою с фашистами в мае 1942 г.

В о л к о в Янис (1906 - 1941); в Испании — артиллерист. Член КСМ Латвии с 1929 г.

Родился в Кулдиге. Работал в Вентспилском порту. С 1929 г. член Вентспилской организации подпольного КСМ Латвии. В 1933 г. арестован и осужден к 3 годам тюремного заключения.

По отбытии наказания в апреле 1937 г. через Швецию и Голландию уехал в Испанию. Был бойцом противотанковой батареи. В боях ранен. В 1938 г. вернулся в Латвию. При Советской власти в 1940—1941 гг. работал в НКВД. В начале Великой Отечественной войны сражался в рядах Рабочей гвардии и погиб под Цесисом.

Г и н ц б у р г Александр (Шайка) — см. биографию, стр. 444—445.

Г и н ц б у р г Фрида (урожд. Горон) (1909—1942); в Испании — медицинская сестра. Член КП Латвии с 1933 г.

Родилась в Даугавпилсе. Студентка Латвийского университета. В 1929 г. вступила в Даугавпилскую организацию нелегального комсомола Латвии. С 1933 г. член КПЛ.

В 1937 г. уехала в Испанию, где уже находился ее муж. Работала медсестрой в госпиталях в Альбасете, в 15-й Интернациональной бригаде и в Матаро. В 1938 г. после демобилизации уехала в Бельгию, где затем была схвачена гестапо и погибла в Равенсбрукском концлагере.

Г р и г о р ь е в Иван; в Испании — танкист, механик-водитель.

Родился в 1912 г. в Брянской области. Работал в кузнечно-слесарной

мастерской. Член ВЛКСМ с 1930 г. В 1934 г. был призван в Красную Армию, учился в полковой школе, служил в танковых частях водителем танка.

В Испании с октября 1936 г. В составе танковой роты под командованием Поля Армана участвовал в боях под Мадридом.

В марте 1937 г. вернулся в СССР. Учился в танко-техническом училище, служил в танковой бригаде. С 1941 г. — командир танковой роты, ст. лейтенант, участник Великой Отечественной войны. С 1946 г. в Латвийской ССР — электросварщик на заводе в Даугавпилсе, затем мастер производственного обучения в техучилище.

Гуревич Макс (1915—1942); в Испании — пулеметчик.

Родился в Пскове, с 1918 г. жил в Латвии. Работал на текстильной фабрике.

В Испании с ноября 1936 г. В составе батальона им. Димитрова участвовал в боях на Хараме, под Брунете и на Арагонском фронте. Затем — боец пулеметной роты 129-й бригады. В боях 3 раза ранен. Принят в члены КП Испании.

С февраля 1939 г. находился в концлагере во Франции, в мае 1941 г. вернулся в Советскую Латвию. В начале Великой Отечественной войны сражался в рядах истребительного батальона и Латышской стрелковой дивизии. Погиб в бою под Старой Руссой.

Гусаров Николай — см. биографию, стр. 446 - 447.

Гуткин Лев; в Испании — лейтенант медицинской службы, военврач.

Родился в 1909 г. в Риге. Изучал медицину в Пражском университете. Окончил университет в Турине (Италия). В 1935 г. работал врачом-ординатором в частной клинике в Риге.

В Испании с 1937 года, был врачом 283-й бригады на Центральном фронте, затем 4-го Валенсийского батальона.

С 1939 по 1943 г. находился в концлагерях и тюрьмах в Северной Африке. Освободившись, вернулся в Советский Союз. С 1946 г. работает врачом в Риге.

Доихин Тувия (1912—1941); в Испании — капитан, картограф и переводчик. Член КСМ Латвии с 1930 г.

Родился в Риге. Работал на лесопилке. В 1930 г. вступил в нелегальный КСМЛ, был членом районного комитета. Подвергался арестам. В 1932 г. уехал во Францию, учился в Химическом институте в Тулузе, где вступил в компартию Франции. В 1935 г. был членом районного комитета комсомола в г. Тулузе.

В Испании с сентября 1936 г., боец в 35-й бригаде, затем картограф при штабе бригады. С августа 1937 г. — переводчик при советнике штаба 1-го корпуса. Член КП Испании.

С февраля 1939 г. — в концлагере во Франции, с июня — на авиационном заводе в Тулузе. В мае 1941 г. вернулся в Советскую Латвию. В начале Великой Отечественной войны сражался в рядах Рабочей гвардии в Риге и на территории Эстонии. Погиб в бою под Нарвой.

Дукальский Болеслав; в Испании — капрал, телефонист артиллерийской батареи. Участник революционного движения Латвии.

Родился в 1907 г. в Вильнюсе. Работал в Риге стеклодувом. Состоял в левом профсоюзе стекольщиков. С 1936 г. вступил в нелегальную организацию «Красная помощь».

В Испании с июня 1937 г. был телефонистом в батарее тяжелой артиллерии.

С 1939 г. находился в концлагере во Франции. В марте 1941 г. вернулся в Советский Союз. Работал в Чувашской АССР и в Бурят-Монгольской АССР. С 1945 г. — в Риге, в настоящее время пенсионер.

Е к а б с о н Эдгар — см. биографию, стр. 448—450.

Е н ш Юлий — см. биографию, стр. 453—454.

И з р а е л ь с о н Яков (1917—1942); в Испании — боец; артиллерийский наблюдатель Член КСМ Латвии с 1932 г.

Родился в Лиепе. Работал столяром. С 1932 г. — член подпольной Лиепайской организации КСМ Латвии, был «оргом»¹ ячейки. В 1935 году был осужден на год заключения в тюрьме.

В Испании с 1938 г. Был картографом 4-й роты 42-го батальона, затем — наблюдателем 4-й батареи 14-й Интернациональной бригады. Участвовал в боях у реки Эбро.

С 1939 г. находился во французских концлагерях. В 1940 г. вернулся в Латвию. Во время Великой Отечественной войны — командир хозвзвода полка Латышской стрелковой дивизии, лейтенант. Погиб в бою под Старой Руссой в марте 1942 года.

Кадикис Янис; в Испании — артиллерист. Член КСМ Латвии с 1931 г.

Родился в 1905 г. в Лиепе, Работал чертежником, служил матросом в морском авиационном дивизионе. С 1931 г. — член Лиепайской подпольной комсомольской организации. В 1933 г. был осужден к 3 годам тюремного заключения.

В Испании с апреля 1937 г. Учился на артиллерийских курсах 11-й Интернациональной бригады. Был бойцом противотанковой батареи. С февраля 1939 г. по март 1941 г. находился во французских концлагерях, затем вернулся в Советскую Латвию.

Кемпе Эмиль — см. биографию, стр. 455 - 458.

К л е й н м а н Леон (1913—1945); в Испании — телефонист-наблюдатель артиллерийской батареи. Член КП Латвии с 1940 г.

Родился в Риге. Работал механиком и ткачом на текстильной фабрике. С 1930 г. — член Рижской организации КСМ Латвии. В 1932 г. был арестован.

В Испании с мая 1937 г. Участвовал в боях на Центральном и Южном фронтах телефонистом-наблюдателем 1-го Славянского дивизиона тяжелой артиллерии.

С февраля 1939 до апреля 1940 г. находился в концлагере во Франции. Оттуда бежал, вернулся в Латвию. Во время Великой Отечественной войны — гвардии майор, старший инструктор политотдела 1-й танковой армии. Умер 22 апреля 1945 года от ранения, полученного в бою.

Климкан Юрий; в Испании — артиллерист. Участник рабочего движения Латвии.

Родился в 1903 г. в Риге. Работал в Рижском порту. В 1931 г. вступил в левый профсоюз моряков, плавал на судах дальнего плавания.

¹ «орг» (организатор) нелегальной ячейки (комсомола или партии), соответствует секретарю первичной организации.

В 1936 г. был задержан в Голландии с нелегальными изданиями, которые предназначались для переправки в Латвию.

В Испании с января 1937 г., боец батальона им. Димитрова 15-й Интернациональной бригады. В боях на Хараме был ранен, а под Брунете контужен. По излечении направлен в противотанковую батарею. С февраля 1939 по март 1941 г. находился в концлагерях Франции. Участник Великой Отечественной войны — артиллерист и боец Латышской стрелковой дивизии. В 1943 г. был тяжело ранен. Инвалид Отечественной войны I группы, персональный пенсионер.

К у м е л а н Вильгельм (1898—1952); в Испании — полковник Кольман, советник, генерал-лейтенант артиллерии. Член КПСС с 1931 г.

Родился в Даугавпилсском уезде. В рядах Красной Армии с 1918 г. В годы гражданской войны — начальник связи дивизиона легкой артиллерии, командир батареи, командир артдивизиона. В 1930—1934 гг. учился в Артиллерийской академии им. Дзержинского. Затем командовал артполком.

В Испании с января по ноябрь 1937 г., советник при 9-м корпусе на Южном фронте. В годы Великой Отечественной войны начальник армейской артиллерии (1941—1943 гг.). В 1943—1944 гг. слушатель Академии Генерального штаба, потом заместитель командующего артиллерией 2-го Украинского фронта. В 1945—1947 гг. заместитель начальника Артиллерийской академии. С 1947 г. заместитель командующего артиллерией Дальневосточной армии.

К у р Бенъямин; в Испании — старший сержант, артиллерист. Член КП Латвии с 1938 г.

Родился в Даугавпилсе. Работал корректором. С 1928 г. — член нелегальной комсомольской организации, пропагандист, член горкома. В 1930 г. осужден на 4 года тюремного заключения. В 1936 г. эмигрировал в Чехословакию.

В Испании с мая 1937 г., боец дивизиона тяжелой артиллерии, затем переводчик. Член КП Испании. С февраля 1939 г. находился в концлагере во Франции. В 1940 г. бежал из лагеря и в феврале 1941 г. вернулся в Латвию. После восстановления Советской власти — инструктор Даугавпилсского горкома партии.

В начале Великой Отечественной войны сражался в рядах Латышской стрелковой дивизии. Пал в бою под Москвой 13 января 1942 г.

Лацис Рудольф (Вилкс); в Испании — майор, инструктор. Член КПСС с 1925 г.

Родился в 1903 г. в Кулдигском уезде. Работал на лесопилках. В 1926 г. поступил в Латвийский университет. Был «оргом» III района Рижской организации КП Латвии. Несколько раз арестован. В 1930 г. эмигрировал в Советский Союз. Учился в Коммунистическом университете народов Запада.

В Испании с марта 1937 г. инструктор 108-й бригады, позже офицер для поручений при советнике Мадридского, затем Левантского фронтов. С февраля 1939 г. находился в концлагере во Франции. В апреле того же года вернулся в Советский Союз. С 1942 г. сражался в рядах Латышской стрелковой дивизии, был ранен под Старой Руссой. После войны работал в Риге редактором Латгосиздата. В настоящее время персональный пенсионер.

Л е в и н с о н Семен; в Испании — ветеринарный врач.

Родился в 1906 г. в Бельске (Белоруссия). С 1914 г. жил в Даугавпилсе, работал продавцом. Окончил ветеринарный институт в Брно в Чехословакии. В 1936 г. уехал в Испанию. Был ветеринарным врачом 15-й Интернациональной бригады и кавалерийского полка 35-й дивизии. С февраля 1939 года находился в концлагерях во Франции, оттуда в 1940 г. был перевезен в Алжир. В 1944 г. вернулся в Советский Союз. Служил в Советской Армии. В настоящее время — ветеринарный врач в Красноярском крае.

Лейбович Рива (урожд. Волшонок); в Испании — медсестра. Член КПСС с 1932 года.

Родилась в 1909 г. в Западной Белоруссии. С 1914 г. жила в Даугавпилсе. В 1927 г. переехала в Ригу, работала на фабрике. С 1929 г. — член Рижской подпольной организации КСМЛ, затем член КП Латвии. Подвергалась арестам.

В Испании с апреля 1937 г. Работала медсестрой в тыловых и фронтовых госпиталях. В ноябре 1939 г. вернулась в Латвию. После восстановления в Латвии Советской власти — инструктор, а затем секретарь райкома партии в Риге. В годы Великой Отечественной войны — медсестра эвакогоспиталя. С 1945 г. на партийной и советской работе. Персональный пенсионер.

Липкин Арон (1913—1941); в Испании — лейтенант, пом. командира артиллерийской батареи Участник революционного движения Латвии.

Родился в Валкском уезде, учился в Народной консерватории в Риге. С 1933 г. — пропагандист организации «Красная помощь». Работал в подпольной типографии. В мае 1935 г. эмигрировал в Чехословакию, оттуда во Францию. В Париже участвовал в работе группы антифашистов — эмигрантов из Латвии.

В Испании с мая 1937 г. Сержант, затем лейтенант противотанковой батареи, помощник командира. В марте 1938 г. был ранен в бою под Каспе. Член КП Испании, секретарь партийных групп в госпитале в Матаро и казармах Интернациональных бригад в Ласпланосе.

С февраля 1939 г. в концлагерях во Франции. В мае 1941 г. вернулся в Латвию. В начале Великой Отечественной войны — ротный политрук батальона Рижской рабочей гвардии. Пал в бою в Эстонии 27 июля 1941 г.

Лихтер Вульф — см. биографию, стр. 459 -460.

М а р к о в н и к о в Михаил (1915—1941); в Испании — телефонист. Член КСМ Латвии с 1932 г.

Родился в Риге. Работал слесарем и механиком. С 1932 г. — член Рижской подпольной организации КСМ Латвии. Подвергался арестам.

В Испании с мая 1937 г., был бойцом-телефонистом дивизиона тяжелой артиллерии. Член КП Испании. С февраля 1939 г. находился в концлагере во Франции. В мае 1941 г. вернулся в Латвию. В начале Великой Отечественной войны — ротный политрук истребительного батальона, участвовал в боях на территории Эстонии. Пал в бою под Тудулинна в июле 1941 г.

Новак Анатолий (1909 - 1969); в Испании — командир танкового взвода. Член КПСС с 1930 года.

Родился в г. Чите. Учился в сельскохозяйственном техникуме в Новосибирске и работал подручным слесаря на электростанции. В 1931 г.

поступил в Саратовское Краснознаменное бронетанковое училище. В 1932—1936 гг. служил в танковых частях.

В Испании с октября 1936 до мая 1937 года. Участвовал в боях за Мадрид.

По возвращении в СССР работал преподавателем в Саратовском бронетанковом училище. В 1940 - 1941 гг. был помощником командира танкового полка.

Во время Великой Отечественной войны был зам. командира и командиром танковой бригады на Брянском и Воронежском фронтах, а с 1943 по 1945 г. — командующим бронетанковыми и механизированными войсками на Центральном и на 1-м и 2-м Белорусских фронтах. Окончил Военную Академию им. М. В. Фрунзе и основной курс Высшей военной Академии Генштаба. До 1965 г. занимал ответственные должности в Советской Армии. Последняя должность—помощник командующего Северной группой войск по танковым и автомобильным войскам. Затем — генерал-майор танковых войск в отставке. Умер 25 июля 1969 года.

О з о л Вольдемар (1884—1949); в Испании — советник. Окончил Петербургскую военную академию. Во время первой мировой войны был начальником штаба бригады 2-го латышского стрелкового полка. После Февральской революции — председатель Исколастрела. С 1919 г. в буржуазной Латвии — отставной полковник.

В Испании с 1936 по 1938 г. Затем находился во Франции. В 1945 г. вернулся в Латвию, работал преподавателем Латвийского госуниверситета и Рижского педагогического института.

П а л к а в н и е к Янис; в Испании — старший лейтенант, заместитель командира противотанковой батареи. Член КПСС с 1927 г.

Родился в 1905 г. в Риге. Работал каменщиком. Член нелегальной КП Латвии — пропагандист в IV районе Рижской организации, член Рижского комитета. Подвергался арестам. В 1936 г. эмигрировал во Францию.

В Испании с мая 1937 г. В составе 6-й Славянской противотанковой батареи принимал участие во многих боях, был ранен. Член КП Испании.

С февраля 1939 г. находился в концлагерях Франции, где был секретарем партийного комитета Прибалтийской группы. Из лагеря бежал и через США вернулся в СССР.

После восстановления Советской власти в Латвии — прокурор Кировского района Риги. В годы Великой Отечественной войны сражался в рядах Латышской стрелковой дивизии. Был командиром отдельного минометного дивизиона и заместителем командира полка по артиллерии в звании майора. Несколько раз в боях ранен. С 1946 г. — директор Государственного художественного театра им. Райниса в Риге. С 1965 г. персональный пенсионер.

Паршина Елизавета; в Испании — переводчица. Член КПСС с 1939 г.

Родилась в 1913 г. в г. Кушве. В 1935 г. окончила Московский институт новых языков и стала работать в ВАО «Интурист» переводчицей.

В Испании с октября 1936 г., была переводчицей на военном аэродроме под Мадридом, а с января по октябрь 1937 г. — переводчицей при военном советнике на Южном, затем на Центральном фронте. Участвовала в боевых операциях под Малагой, Толедо, Гвадалахарой и Теруэлем.

По возвращении в СССР работала на руководящих должностях в ВАО «Интурист», с 1940 г. училась в Военной Академии им. М. В. Фрунзе. Во время Великой Отечественной была на оперативной работе в органах

госбезопасности на Центральном и Северо-Кавказском фронтах в звании ст. лейтенанта. С 1960 г. работает ст. инженером во Всесоюзном научно-исследовательском институте медицинского приборостроения и является действительным членом Советской Ассоциации научного прогнозирования.

Пекайнс Антон; в Испании — пулеметчик. Участник рабочего движения в Латвии.

Родился в 1907 г. в Валмиерском уезде. Работал кузнецом. С 1926 г. в Бельгии — рабочий на угольной шахте. С 1927 г. кочегар на бельгийских и французских судах дальнего плавания. Член Международного Союза моряков. В 1934 г. перевозил на латвийских судах нелегальную литературу для КП Латвии.

В Испании с декабря 1936 г. Командир взвода пулеметной роты батальона им. Димитрова, в боях на Хараме был ранен. По излечении служил в Альбасете и Посорубио. С января 1938 г. сержант в 129-й бригаде, вторично ранен.

С февраля 1939 г. находился в концлагерях во Франции.

В мае 1941 г. вернулся в Советскую Латвию.

Перманд Хайм; в Испании — боец. Член КПСС с 1938 г.

Родился в 1918 г. в Даугавпилсе. Работал слесарем. С 1934 г. — член нелегальной организации КСМЛ Даугавпилса. В 1935 г. переехал в Ригу, где два года спустя был арестован и заключен в тюрьму.

В Испании с июня 1938 г. боец отдельного батальона 45-й дивизии. Был ранен в боях на Эброском фронте. Член КП Испании. С февраля 1939 г. находился в концлагерях во Франции. В мае 1941 г. вернулся в Латвию. В начале Великой Отечественной войны — комиссар батальона 76-го отдельного латышского стрелкового полка, ранен в боях под Ленинградом.

В Латышской стрелковой дивизии — ротный политрук. Ранен под Старой Руссой. С 1945 года работает в Риге в системе профессионально-технического образования.

Пецис Герман (1907—1942); в Испании — боец.

Родился в Валмиерском уезде, был портовым рабочим в Айнажах. С 1929 г. — матрос и кочегар на латвийских судах дальнего плавания.

В Испании с 1938 г. Боец батальона 45-й дивизии. С февраля 1939 г. находился в концлагерях во Франции. В том же году бежал из лагеря, нанялся мотористом на пароход линии Норвегия — Америка и в 1940 г. вернулся на родину. В 1940—1941 гг. служил в Народном комиссариате внутренних дел. В годы Великой Отечественной войны работал в тылу у врага. В 1942 г. был схвачен гитлеровцами и замучен в Валмиерской тюрьме.

П о т а ш о в Сергей — см. биографию, стр. 461—462.

Пумпур Петр (1900 - 1942); в Испании — летчик-истребитель. Член КПСС с 1919 г.

Родился в Елгавском уезде. Учился в ремесленном училище в Козельске. С 1918 г. — шофер и авиамоторист в Красной Армии. В 1922—1924 гг. учился о летных школах в Борисоглебске, Москве и Серпухове. Продолжая службу в Красной Армии, стал старшим летчиком, командиром звена, командиром эскадрильи. С 1934 г. командовал авиабригадой.

В Испании с октября 1936 по лето 1937 г. Командовал истребительской группой Республиканской авиации, участвовал в воздушных боях по обороне Мадрида. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Пуце Фрицис (1913—1941); в Испании — старший лейтенант, политкомиссар и командир роты. Член КП Латвии с 1933 года.

Родился в Лиенае. Работал в столярных мастерских. С 1932 г. — член нелегальной Лиепайской организации КСМ Латвии. С 1934 г. — «орг» Леяскурземской областной организации КСМЛ. В марте 1934 г. арестован и приговорен к двум годам заключения в тюрьме. По отбытии наказания работал «оргом» Рижского комитета нелегального Союза Трудовой Молодежи Латвии.

В Испании с февраля 1937 г. Боец, затем сержант, политкомиссар роты 20-го батальона 86-й смешанной бригады на Эстремадурском фронте. В октябре 1937 г. в боях был ранен. Член КП Испании. По выходе из госпиталя — командир пулеметной роты 342-го батальона в звании ст. лейтенанта. С февраля 1939 г. находился в концлагере во Франции. В мае 1941 г. вернулся в Латвию. В начале Великой Отечественной войны в боях на территории Эстонии командовал истребительным батальоном, затем — стрелковым полком. Пал в бою 29 сентября 1941 г. под Ленинградом у с. Ропша.

Ратниек Аугуст, в Испании — старший лейтенант, военный инженер, инструктор. Член КПСС с 1920 г.

Родился в 1898 г. в Рижском уезде. Работал батраком. В годы первой мировой войны был призван в армию. В годы гражданской войны служил в Красной Армии, в отряде воздухоплавания. После войны работал по подразверстке в продовольственных органах и принимал участие в ликвидации бандитизма. С 1922 г. учился в Оренбурге на рабфаке, затем окончил Ленинградский политехнический институт, получил специальность инженера-электрика. Работал в научно-исследовательских учреждениях.

В Испании с сентября 1937 г. Командир инженерного батальона в Альбасете. С января по октябрь 1938 г. на Южном и Арагонском фронтах — инструктор саперной роты 129-й Интернациональной бригады. Был контужен в бою. В 1939 г. вернулся в Москву. В 1941 г. директор энергокомбината в Риге. С 1944 г. на руководящей работе в энергохозяйстве ЛССР. Сейчас персональный пенсионер.

Розенберг Карл (Кулий) (1911 — 1941); в Испании капитан, командир батальона. Комсомольский работник, член Коммунистической партии с 1935 года.

Родился в Вентспилсе. Работал маляром. С 1928 г. — член подпольной комсомольской организации Вентспилса. В 1932 г. был арестован и приговорен к трем годам тюремного заключения. В 1935 г., после освобождения из тюрьмы, перешел на нелегальное положение, был «оргом» Рижского комитета комсомола; член ЦК ВЛКСМ. С 1936 г. секретарь ЦК Союза Трудовой Молодежи Латвии и редактор органа ЦК «Брива Яунатне» («Свободная молодежь»).

В Испании с января 1937 г. Учился в офицерской школе. Участвовал в боях на Арагонском фронте — в составе 130-й, затем 246-й бригад. Два месяца был командиром отделения партизанского отряда; затем — командир пулеметной роты 38-й бригады Временно командовал батальоном. В январе 1938 г. получил звание капитана. С февраля 1939 года находился в концлагере во Франции. В мае 1941 г. вернулся в Советскую Латвию.

В начале Великой Отечественной войны — нач. штаба 2-го батальона рижской рабочей гвардии, сражался на территории Эстонии, был ранен, захвачен в плен и убит.

Рудин Самуил (1911 — 1941); в Испании — артиллерист. Родился в Риге. Работал бракером.

В Испании с февраля 1938 г. Был направлен наводчиком в 4-ю арт-группу батареи Балканских народов. Участвовал в боях под Теруэлем, Кастельеной и др. С февраля 1939 г. находился во французских концлагерях. В 1941 г. вернулся в Советский Союз. В начале Великой Отечественной войны был заброшен с заданием в тыл врага, где вскоре погиб.

Рудина (Фосс) Брайна; в Испании — капитан медицинской службы, военврач. Член КПСС с 1965 г.

Родилась в 1902 г. в Риге. Окончила в 1927 г. медицинский факультет Венского университета. Работала врачом в Германии. Член Компартии Германии с 1931 по 1933 г., затем член КП Югославии до 1938 г. В 1933 г. уехала в СССР. В 1937 г. по дороге в Испанию в Югославии была арестована и 8 месяцев находилась в тюрьме.

В Испании в январе 1938 г. работала в санитарной части Интернациональных бригад в Альбасете. С марта 1938 г. — начальник госпиталя в Вильянуэве-де-ла-Хара, затем начальник госпиталя в Сагаро. Член КП Испании. В 1939 г. вернулась в Москву. Была начальником санитарной части ЦК МОПРа. В годы Великой Отечественной войны — начальник госпиталя. С 1945 г. — врач в Риге. Сейчас персональный пенсионер.

Рудина Мирьям; в Испании — лейтенант медицинской службы, военврач. Член КПСС с 1940 г.

Родилась в 1898 г. в Риге. В 1925 г. окончила медицинский факультет Иенского университета, работала в берлинских клиниках. С 1931 г. участвовала в деятельности МОПРа и «Общества друзей Советского Союза».

В Испании с октября 1937 г. Была начальником госпиталя под Альбасете и в Сагаро. В 1939 г. вернулась в Латвию. В годы Великой Отечественной войны работала врачом в эвакогоспиталях. Сейчас персональный пенсионер.

Салнин Христофор (1885—1939); в Испании — советник. Член Коммунистической партии с 1902 г.

Родился в Риге, в семье рабочего-революционера. Во время революции 1905—1907 гг. — под кличкой «Гришка» — был одним из наиболее активных организаторов и руководителей партийных боевиков, принимал участие во многих дерзких операциях боевиков в Риге, Лиепае и др. городах. Позднее был представителем прибалтийских боевиков в бюро боевой технической группы Петербургского комитета РСДРП. Участвовал в организации транспорта оружия и литературы из-за границы. В США работал в революционных латышских эмигрантских организациях. В 1917 г. вернулся в Россию. С 1920 г. — в Красной Армии на Дальнем Востоке, затем — зам. нач. отдела в Генеральном штабе РККА, в звании бригадного комиссара.

В Испании находился с июля 1937 до марта 1938 г. в качестве советника 14-го корпуса.

Спалан Альберт (1911 — 1942); в Испании — старший лейтенант, связист, партизан. Член Коммунистической партии с 1938 года.

Родился в Даугавпилсском уезде. Работал на лесопилках, в порту и стеклодувом. С 1934 г. принимал участие в деятельности Рижской нелегальной организации «Красной помощи».

В Испании с декабря 1936 г., боец батальона им. Димитрова; в феврале 1937 г. в боях на Хараме ранен. По излечении был командиром подразделения команды связи 15-й дивизии. С ноября 1937 г. в Мадридской партизанской группе, а с марта 1938 г. командир взвода связи 13-й Интернациональной бригады, член КП Испании.

С февраля 1939 г. находился в концлагерях во Франции. В мае 1941 г. вернулся в Советскую Латвию. В начале Великой Отечественной войны — ротный политрук Рабочей гвардии, затем комиссар 1-го Истребительного батальона, участвовал в боях на территории Эстонии. В Латышской стрелковой дивизии командир роты и командир батальона. В боях под Москвой был два раза ранен. Пал в бою в декабре 1942 г. под Старой Руссой.

Спрогис Артур; в Испании — советник. Член КПСС с 1920 года.

Родился в 1904 г. о семье рабочего-революционера. В 1919 г. добровольно вступил в Красную Армию, принимал участие в боях на Западном фронте в качестве стрелка 7-го латышского стрелкового полка и на Южном фронте против Врангеля. Позднее был пограничником, а затем оперативным работником ВЧК—ОГПУ.

В Испании с конца 1936 по октябрь 1937 г. Был советником по разведке на Малагском фронте, затем под Толедо. Мадридом и в Гвадалахаре. По возвращении в СССР окончил Военную Академию им. М. В. Фрунзе. В годы Великой Отечественной войны был особо уполномоченным Военного совета Западного фронта по организации партизанского движения. Осенью 1942 г. выполнял задание на оккупированной территории в качестве командира разведывательных соединений Западного фронта. В 1943 г. в звании полковника был начальником штаба партизанского движения Латвии». В настоящее время в отставке.

Старинова Анна; в Испании — переводчица. Член КПСС с 1927 г.

Родилась в 1903 г. в Архангельской области Мезенского района. Работала батрачкой. С 1926 г. на партийной работе в качестве волженорганизатора. С 1929 г. училась в Севкрайкомвузе г. Архангельска. В 1935 г. окончила Ленинградский Восточный институт (Латиноамериканское отделение), после чего работала в Международной Ленинской школе переводчицей.

В Испании с ноября 1936 по июнь 1937 г., переводчица при советнике Рудольфе Вольфе (Старинове). По совместительству работала переводчицей при советнике Южного фронта полковнике Кольмане (Кумелане В. И.), выполняя отдельные важные поручения.

По возвращении в СССР в 1938 г. работала в Наркомпросе РСФСР ст. инспектором по испанским детдомам.

В настоящее время персональный пенсионер.

Стекол Соломон (1914—1940); в Испании — старший лейтенант, командир батареи. Участник революционного движения Латвии,

Родился в Даугавпилсе, учился в средней школе. Был членом Даугавпилсской и Рижской организаций нелегального КСМ Латвии. Подвергался арестам. В 1932 г. уехал во Францию, поступил на механический факультет Гренобльского университета.

В Испании с мая 1937 г. В составе 14-й Интернациональной бригады принимал участие в боях на Мадридском фронте. Командир противотанковой батареи, член КП Испании. В боях был ранен. С февраля 1939 г.

находился в концлагере во Франции, откуда бежал. Скрывался в Бордо и в Париже. Во время оккупации Парижа гитлеровцами был арестован гестапо и замучен.

Т и л а к Янис — см. биографию, стр. 463—465.

Тимме Александр; в Испании — боец, телефонист артбатареи. Участник революционного движения Латвии.

Родился в 1902 г. в Риге. Работал на цементной фабрике. С 1928 г. матрос на судах дальнего плавания. Член профсоюза моряков, участвовал в деятельности Интернационального клуба моряков в Роттердаме и в забастовках моряков. С 1932 г. перевозил коммунистическую литературу из-за границы в Латвию. В 1933 г. в Роттердаме был арестован. По дороге в Ригу бежал и вернулся в Голландию.

В Испании с января 1938 г., телефонист в противотанковой батарее. С 1939 г. в концлагере во Франции, бежал оттуда, нанялся на судно дальнего плавания, В 1941 г. вернулся в Латвию. С 1944 г. работал мастером на мебельных предприятиях Риги. В настоящее время пенсионер.

Тихомиров Михаил; в Испании — телефонист артбатареи, партизан. Участник революционного движения Латвии

Родился в 1905 г. в Риге. Работал стеклодувом. С 1930 г. — член нелегальной организации «Красной помощи».

В Испании с декабря 1936 г., боец и телефонист батальона им. Димитрова 15-й Интернациональной бригады, участвовал в боях на Хараме и в Гвадалахаре. С ноября 1937 г. боец в партизанской группе.

С апреля 1938 г. командир орудия противотанковой батареи 13-й Интернациональной бригады.

С февраля 1939 г. находился в концлагере во Франции. В Латвию вернулся в мае 1941 г. В начале Великой Отечественной войны — в рядах Рабочей гвардии, был ранен в боях за Ригу. С 1946 г. работал в Риге на стекольном заводе. В настоящее время пенсионер.

Тройслит Александр (1905—1940); в Испании — майор, помощник советника, партизан.

Родился на Кубани. С 1924 г. жил в Латвии, работал в Риге трамвайным кондуктором.

В ноябре 1936 г. уехал во Францию, затем в Испанию. Принимал участие в боях на Хараме и под Брунете, ему было присвоено звание капитана. Позднее, в Валенсии, он — помощник советника при частях 14-го корпуса. Получил звание майора. В 1939 г. был интернирован в Аржелесском концлагере во Франции, затем уехал в Советский Союз.

Трокша Янис; в Испании — телефонист артбатареи, участник революционного движения в Латвии.

Родился в 1911 году в Даугавпилсском уезде. Работал стеклодувом. С 1935 г. принимал участие в деятельности нелегальной организации «Красная помощь».

В Испании с июня 1937 г. Телефонист батареи тяжелой артиллерии. Участвовал в боях на Центральном и Южном фронтах. С февраля 1939 г. находился в концлагере во Франции. В 1945 г. вернулся в СССР и до 1948 г. работал в Красноярском крае, затем в Риге, в стекольной промышленности. С 1964 года пенсионер.

Тыкин Ян; в Испании — советник Член КПСС с 1918 г.

Родился в 1895 г. в Латвии. В 1914 г. был призван на военную службу.

В 1917 г. правительством Керенского заключен в Петропавловскую крепость за участие в июльской демонстрации. Участвовал в штурме Зимнего дворца. В 1918—1920 гг. был на фронтах гражданской войны. Красный латышский стрелок. Занимал различные политические и командные должности в Красной Армии. В 1936 г. окончил Военную Академию им. М. В. Фрунзе. Доцент по кафедре «Тактика ПВО».

В Испании с декабря 1936 по август 1937 г. был советником по противовоздушной обороне. По возвращении из Испании — командир и военный комиссар ПВО Ленинграда. Участник Великой Отечественной войны. В 1945 г. демобилизовался по болезни в звании генерал-майора артиллерии.

Упеслея Эдуард (1914 - 1944); в Испании — боец Комсомольский работник, член КП Латвии с 1935 г.

Родился в Лиенае. Работал на лесопилках. В 1930 г. вступил в подпольную ячейку КСМЛ в Алсунге. С 1932 г. — член областного комитета КСМЛ Леяскурземской организации. В 1933 г. был арестован и полтора года провел в тюрьме. По освобождении работал в Елгавской организации Союз Трудовой Молодежи Латвии, затем в Риге, где проживал нелегально. Сотрудничал в подпольной газете «Брива Яунатие» («Свободная молодежь»).

Летом 1938 г. нелегально уехал в Голландию, пешком пересек Францию и в середине августа прибыл в Испанию. Сражался на фронте у р. Эбро в составе 13-й Интернациональной бригады, в бою ранен. Затем — связист при штабе. Член КП Испании. С февраля 1939 г. находился в концлагере во Франции. В июле того же года уехал в СССР. В 1940—1941 гг. работал в Риге зав. отделом ЦК ЛКСМЛ. В начале Великой Отечественной войны — командир роты Рижской рабочей гвардии, на территории Эстонии — командир батальона. В бою был ранен, попал в плен к гитлеровцам. Из плена бежал, скрывался в окрестностях Риги. В июне 1943 г. был схвачен гестапо. Содержался в Рижской центральной тюрьме, где в мае 1944 г. был расстрелян.

Фельс Рувим; в Испании — артиллерист. Член КПСС с 1938 г.

Родился в 1914 г. в Крустпилсе. Работал служащим торговой фирмы в Риге. С 1934 г. член нелегальной антифашистской группы и комсомольской ячейки.

В Испании с июля 1937 г. боец батареи тяжелой артиллерии. Член КП Испании. С февраля 1939 г. находился в концлагере во Франции. В начале 1940 г. бежал из лагеря, плавал на судах. В марте 1941 г. вернулся в Советскую Латвию. В годы Великой Отечественной войны был помощником начальника разведки 44-й гвардейской стрелковой дивизии в звании капитана. После войны — на хозяйственной работе в Риге.

Фолманис Жанис (Жан Грива); в Испании — сержант, артиллерист, политделегат. Член КПСС с 1934 г., писатель.

Родился в 1910 г. в Айзупской волости. Учился в Риге в ремесленном училище, откуда был исключен за организацию забастовки в мастерских училища. Работал в типографии. В 1931 г. вступил в нелегальный КСМ Латвии, а в 1934 г. в Рижскую организацию КПЛ. Печатался в нелегальных органах «Брива Яунатне» («Свободная молодежь»), «Фронт» и др. Член нелегального комитета Объединения революционных писателей, журналистов и художников Латвии. В 1935 г. был арестован.

В Испании с июня 1937 г. Участвовал в боях в составе 1-го Славянского дивизиона тяжелой артиллерии. Член КП Испании, старший группы

наблюдателей батареи, политделегат, член партбюро батареи, член редколлегии журнала артиллерийской группы «Фуэго» («Огонь»).

С 1939 г. в концлагере во Франции, член комитета партийной группы. В мае 1941 г. вернулся в Латвию. Работал зав. отделом газеты «Яунайс Комунарс («Молодой коммунист»). В начале Великой Отечественной войны сражался в рядах Рабочей гвардии. На территории Эстонии и под Ленинградом — командир батальона. В Латышской стрелковой дивизии работал зам. нач. штаба по разведке. В боях был ранен.

Лауреат Государственной премии ЛССР, председатель Латвийского Республиканского Комитета защиты мира, заслуженный деятель культуры ЛССР.

Цейтель Борух — см. биографию, стр. 466—467.

Циелен Лаймон — Александр (1916 - 1942); в Испании — телефонист артбатареи. Член СТМ Латвии с 1936 г.

Родился в Валмиере. Работал маляром. С 1936 г. член Валмиерской организации нелегального Союза Трудовой Молодежи Латвии.

В Испании с июля 1937 г., телефонист батареи тяжелой артиллерии. С февраля 1939 г. в концлагерях во Франции. В Латвию вернулся в мае 1940 г. В Советской Латвии служил в Комиссариате внутренних дел. В годы Великой Отечественной войны был бойцом стрелкового полка Латышской стрелковой дивизии. Погиб в бою 17 февраля 1942 года под Старой Руссой.

Цинис Борис — см. биографию, стр. 466—469.

Цинис Янис (1911—1942); в Испании — артиллерист. Член КП Латвии с 1932 г.

Родился в Риге. Работал маляром. С 1927 г. член Видиенской организации нелегального КСМ Латвии. В 1932 г. был арестован и осужден на 2 года тюремного заключения. По отбытии наказания в 1936 г. был «оргом» Видненского комитета КПЛ и КСМЛ.

В Испании с июля 1937 г. Участвовал в боях на Центральном фронте. Был ранен. По излечении в школе политкомиссаров в Посорубио. В марте 1938 г. в составе 4-й артгруппы участвовал в боях на Левантском фронте, где был вторично ранен. Член КП Испании.

С февраля 1939 г. находился в концлагерях во Франции, оттуда бежал, нанялся на судно дальнего плавания и через США вернулся в СССР. После восстановления в Латвии Советской власти работал в органах государственной безопасности.

Участвовал в Великой Отечественной войне в составе Латышской стрелковой дивизии в звании подполковника. 28 июля 1942 г. под Старой Руссой пал смертью храбрых.

Чернин Леон; в Испании — сержант, артиллерист. Член КСМ Латвии с 1928 г.

Родился в 1913 г. в Даугавпилсе. Работал слесарем и механиком. С 1928 г. — член нелегальной Рижской организации КСМЛ. В июне 1930 г. был арестован на Рижской районной конференции КСМЛ. 3 года 7 месяцев находился в заключении в тюрьме.

В Испании с мая 1937 г., боец противотанковой батареи. В сентябре 1937 г. был ранен. После излечения — командир мортиды 11-й Интернациональной бригады, затем снопя в противотанковой батарее.

С февраля 1939 г. в концлагере во Франции. Оттуда бежал. В г. Бордо нанялся на судно, чтобы уехать в Данаю, но попал в Африку. С 1941 г. в

Марселе работал в нелегальной организации МОИ при ФКП, затем в Гренобле сражался во французских отрядах движения Сопротивления. Командовал партизанским отрядом «Либерте». В 1946 г. вернулся в Латвийскую ССР.

Чернобров Исаак; в Испании — связист. Член КПСС с 1945 г.

Родился в 1915 г. в Риге. С 1932 г. член нелегальной Рижской организации КСМЛ. В мае 1934 г. был арестован и на 3 года заключен в тюрьму. В декабре 1937 г. уехал в Париж. В Испании с апреля 1938 г. — боец роты связи 45-й дивизии. Участвовал в боях у реки Эбро. С февраля 1939 г. находился в концлагере во Франции. Осенью 1939 года вернулся в Латвию.

Ш а л и т Абрам; в Испании — лейтенант медицинской службы, военврач.

Родился о 1908 г. в Риге. Изучал медицину в Пражском университете. В 1935 г. окончил Йенский университет.

В Испании с апреля 1937 г. Врач батальона «Парижская коммуна» 14-й Интернациональной бригады. С мая 1938 г. работал в тыловых госпиталях. В апреле 1939 г. вернулся в Латвию. В годы Великой Отечественной войны был капитаном медицинской службы на фронте. С 1945 г. работает в Риге по специальности.

Швалбе Сара (Соня) (1904—1966); в Испании — капитан медицинской службы, военврач. Член КПСС с 1928 г.

Родилась в Даугавпилсе. Работала в больнице медсестрой. Член нелегальной Даугавпилсской организации КП Латвии. С 1929 г. изучала медицину в Пражском университете и работала в клиниках. Была членом КП Чехословакии.

В Испании с января 1937 г. Работала в госпитале в Альбасете, затем и 11-й Интернациональной бригаде, а с мая 1938 г. — в санитарной части 15-го корпуса и 35-й дивизии. Член КП Испании.

С февраля 1939 г. находилась в концлагере во Франции, бежала оттуда в Виши, где была принята на работу в Советское посольство. В августе 1941 г. вернулась в СССР, работала в эвакогоспитале в Уфе. С 1945 г. работала врачом в поликлиниках Риги. С 1962 г. — персональный пенсионер.

Шварц Михаил (Эгон Шмидт) — см. биографию, стр. 471)—472.

Шмидт Рудольф (1916—1941); в Испании — пулеметчик, артиллерист. Член КСМ Латвии с 1933 г.

Родился в Лиепе. Учился в Лиепайском государственном техникуме. С 1933 г. — член подпольной Лиепайской организации КСМЛ. В августе 1933 г. был арестован, но по суду оправдан. Работал в Риге на заводах ВЭФ и «Эренпрейс».

В Испании с февраля 1937 г., боец пулеметной роты и зенитной батареи батальона им. Тельмана 11-й Интернациональной бригады. С января 1938 г. артиллерист дивизиона тяжелой артиллерии. Член КП Испании.

С 1939 г. в концлагере во Франции, дважды пытался бежать, за что на 6 месяцев был заключен в тюрьму. В феврале 1941 г. вернулся в СССР. Служил в погранвойсках в Советской Латвии. Погиб в июне 1941 г., защищая Лиепею.

Ш п о н б е р г Ганс; член КПСС с 1925 года

Родился в 1896 г. в г. Риге. Участвовал в первой мировой войне. В Красной Армии с 1919 г., сражался против Юденича и Деникина, затем на

руководящих должностях в жел. дор. войсках. В 1934 г. окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. С 1931 по 1937 г. работал в Управлении штаба РККА и Генштаба РККА.

В 1937 г. участвовал в народно-революционной войне испанского народа. С 1938 г. преподаватель Военно-транспортной Академии РККА. С января 1942 г. зам. командира и командир 1-го Отдельного латышского запасного стрелкового полка. С октября 1944 г. командир 121-го гвардейского латышского стрелкового полка 43-й гвардейской Латышской стрелковой дивизии, участвовал в боях в Курземе. С 1946 по 1948 г. ст. преподаватель спецкафедры ЛГУ. С 1948 по 1949 г. военный комиссар райвоенкоматов г. Риги, затем зам. председателя Республиканского комитета ДОСААФ Латв. ССР. С 1954 г. полковник в отставке.

Эглитис Арнольд (1901 - 1944); в Испании — старший лейтенант, артиллерист, командир группы. Член Коммунистической партии с 1932 г.

Родился в Рижском уезде в семье крестьянина-революционера, убитого в 1906 г. карательной экспедицией. С 1924 г. работал в торгпредстве СССР в Латвии. Пропагандист Рижской нелегальной организации «Красная помощь». В 1926 г. был арестован. В 1927 г. уехал в СССР. Окончил Институт внешней торговли и работал экономистом в Народном комиссариате торговли СССР.

В Испании с сентября 1937 г. Учился в Артиллерийской базе в Алмансе, затем направлен на Андалузский фронт командиром 3-й артиллерийской группы. В оборонительных боях в Каталонии в январе 1939 г. командовал батареей. С февраля 1939 г. находился в концлагере во Франции. В августе этого же года вернулся в Советский Союз.

Эмбрик Карл; в Испании — артиллерист, сержант.

Родился в 1903 г. в Лиепаве. Матрос на судах дальнего плавания, член профсоюза моряков. В 1937 г. работал на голландском пароходе «Рамбон», перевозившем продовольствие в Республиканскую Испанию.

В июне 1937 г. остался в Испании. Участвовал в боях артиллеристом противотанковой батареи. В боях ранен и контужен. Присвоено звание сержанта. С февраля 1939 г. находился в концлагере во Франции. После капитуляции Франции был перевезен во Франкфурт-на-Майне в лагерь военнопленных, оттуда его освободила американская армия. В 1946 г. вернулся в Ригу. Два года служил в Советской Армии. В настоящее время персональный пенсионер

Янон Кирилл (1894—1937); в Испании — советник. Член Коммунистической партии с 1917 г

Родился в Эргли. Работал в Риге землемером. В 1916 г. был призван на военную службу и отправлен на фронт. После Февральской революции — член солдатского комитета 1-й армии и пропагандист Исколастрела. В дни Октябрьской революции был в охране Смольного. Затем — председатель совета Главного управления по довольствию войск Народного комиссариата по военным и морским делам. С 1918 г. занимал ответственные посты в штабе войск Западного фронта. В 1921 г. окончил Академию Генерального штаба. В 1925—1927 гг. — военный атташе посольства СССР в Италии. Затем — помощник начальника вооружений РККА. В 1936 г. окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, командовал бригадой, затем дивизией в звании комбрига.

С октября 1936 по май 1937 г. находился в Испании в качестве советника Северного фронта.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абол. Янис — см. краткие биографические сведения и стр. 79, 80, 105, 147, 173, 338.

Абрам — см. Барон Абрам.

А к и с, Адольф см. биографию, стр. 114, 119, 436- 437, 457.

Алымов, Николай Николаевич — доброволец из Советского Союза, военный инженер. Родился в 1907 г., член КПСС.

В Испании с октября 1936 по февраль 1937 г. Инженер по вооружению. Участник Великой Отечественной войны, генерал-майор инженерно-танковой службы. — 34.

Андрей — доброволец из Канады, украинец, политический эмигрант 1905 года. Шофер санитарной части 15-й Интернациональной бригады. — 395, 397.

А н и т а — испанская девушка из города Бордо. Оказывала помощь борцам Интернациональных бригад, бежавшим из концентрационных лагерей. — 263-266.

Анита — испанская медицинская сестра в санитарной части 11-й Интернациональной бригады. — 387.

Антонио — испанский танкист. — 43.

Аншмит, Янис — директор административного департамента Министерства внутренних дел Латвии в годы фашистской диктатуры. — 494.

Арахуэте боец саперной роты 15-й Интернациональной бригады. Член Компартии Испании. — 325.

Арман, Поль — см. краткие биографические сведения и стр. 7, 15, 18-43.

Артман, Жанис — см. краткие биографические сведения и стр. 72, 73, 166, 167, 516.

Асанья, Мануэль (1880- 1940) — испанский политический деятель, лидер буржуазной левореспубликанской партии. С мая 1936 по 1939 г. был президентом Испанской Республики. Сторонник компромисса с фашистскими мятежниками и интервентами. Умер в эмиграции во Франции.— 153.

Балодис, Янис (1901—1940) — партийный и профсоюзный работник, член КП Латвии с 1926 г. В 1928—1931 гг. был депутатом рабочей-крестьянской фракции сейма. С 1934 г. — член ЦК КПЛ и член Загранбюро ЦК КПЛ. — 46.

Балодис, Янис — генерал, военный министр в фашистском правительстве Латвии. — 476, 477, 486.

Б а р в и н с к и й Ян (Янек) — см. Стрельчик. Иозеф.

Барон, Абрам — см. биографию и стр. 114, 133, 234, 245, 324, 373—376, 378, 379, 438-440.

Барранко — боец отделения разведчиков, испанец, бывший шахтер. — 423.

Барсело, Луис — полковник испанской армии. В 1936 г. принимал участие в подавлении фашистского мятежа в Мадриде. Член Компартии Испании. В 1939 г. командовал корпусом на Центральном фронте. Расстрелян в марте 1939 г. по приказу Касадо за сопротивление контрреволюционному перевороту. — 131.

Бауман, Кристап — доброволец из Югославии, капитан, командир батальона им. Джуро Джаковича. По национальности серб, настоящее имя Демниевский, Алексей. — 128.

Бейка, Давид — см. краткие биографические сведения и стр. 7.

Беккер, Клаус (в Испании — полковник Клаус) — доброволец из Германии; в первую мировую войну был офицером. Член Компартии Германии. В декабре 1936 г. при формировании батальона им. Чапаева 13-й Интернациональной бригады был его командиром. С февраля по август 1937 г. начальник штаба 15-й Интернациональной бригады. 304, 306, 309, 312—314, 340.

Белич, Стефан — доброволец из Югославии, политический комиссар батальона им. Джуро Джаковича. — 128.

Б е л о в — см. Луканов, Карло.

Беляв, Серафим Григорьевич доброволец из Советского Союза, лейтенант. Род. в 1910 г., член КПСС. В Испании с октября 1936 по март 1937 г. командир танкового взвода, затем роты. Участник обороны Мадрида. Ранен и контужен в бою. — 39, 42.

Б е н и к и с, Янис — см. краткие биографические сведения и стр. 93, 94, 185—188, 193, 195, 199, 201, 203—205, 207, 208, 212, 214, 215, 219, 220, 224, 225, 227, 228, 233, 235-238, 243, 244, 246, 254-256, 269, 274, 292, 381.

Березин, Александр (капитан Чиспа) — см. краткие биографические сведения и стр. 65, 73, 94, 101, 109, 118, 121, 125, 128-140, 142, 147, 151, 152, 154-158, 160, 161, 172, 173, 176, 179, 183, 233, 234, 240, 245, 247, 258, 362-365, 382, 397, 443.

Берзин, Ян Карлович (в Испании генерал Гришин) — см. краткие биографические сведения и стр. 7, 407—410, 422, 426.

Бернштам, Пейсах — см. краткие биографические сведения и стр. 233, 258, 392.

Беронич, Иван — доброволец словен из Канады. Боец противотанковой батареи. Погиб в боях под Брунете в июле 1937 г. — 123.

Бестейро, Хулиан (1870 - 1940) — лидер правого крыла Испанской социалистической рабочей партии. Во время национально-революционной войны 1936—1939 гг. стоял за капитуляцию перед фашизмом. Один из организаторов контрреволюционного заговора марта 1939 г. Сдался фашистам, но был арестован. Умер в тюрьме. — 402—404.

Б л а ж е к — см. Шимачек. Рудольф.

Б л у с, Ливша (Люба); родилась в 1908 г., член КПСС с 1934 г. В 1930 г. за подпольную комсомольскую работу была осуждена на 4 года каторги. В 1936 г. эмигрировала в Париж, помогала латвийским добровольцам, направляющимся в Испанию. На родину вернулась в 1941 году. — 112.

Блюм, Леон (1872—1950) — французский политический деятель, лидер социалистической партии. В 1936—1937 гг. глава правительства, опиравшегося на Народный фронт. Был противником единства действий с коммунистами. Один из инициаторов политики «невмешательства» по отношению к агрессии фашистской Германии и Италии против Испанской Республики. — 48, 112, 113.

Боливар, Каetano — деятель КП Испании, член ЦК КПИ, первый депутат-коммунист, избранный в 1933 году в кортессы. Комиссар народной милиции в Малаге, один из руководителей обороны Малаги. Убит фашистами. — 423, 424.

Б о л ю к — см. Дукальский, Болеслав.

Бонилья — испанец, боец отделения разведки. — 423, 429.

Б р а у х о — семья испанцев, разведчики. — 423.

Б р ж о з о в с к и й В. — см. Витол, Вольдемар.

Брозинь, Георг — см. краткие биографические сведения и стр. 78, 84, 89, 92-96, 165, 234, 258, 261, 381, 398.

Бруган, Рудольф — (1904—1942) — член Рижской организации КП Латвии. Погиб в Великой Отечественной войне. — 110.

Брутане, Валя (р. 1911) — латышская советская поэтесса. — 436.

Бубе — см. Долвецель, Гейнрих.

Быстров, Сергей Михайлович — доброволец из Советского Союза. Род. в 1911 г., член ВЛКСМ. Механик-водитель танка в роте Поля Армана. Пал в бою под Мадридом, посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. — 35, 37.

В а й я н - Кутюрье, Поль (1892 - 1937) — деятель французского рабочего движения, писатель и публицист. Один из основателей и руководителей компартии Франции. С 1926 г. редактор газеты «Юманите». — 253.

Вальтер, генерал — см. Сверчевский, Кароль.

Вальтер, Вилли — доброволец из Германии, коммунист, политэмигрант в Советском Союзе. В Испании — боец Интернациональной роты броневиков. Пал в бою под Бельчите в марте 1938 г. — 43—49, 51, 57, 58, 60.

Вальтер, Фриц — доброволец венгр. В Испанию прибыл из Советского Союза. Во время первой империалистической войны попал в русский плен, участвовал в гражданской войне в рядах Красной Армии, затем работал инженером. В Испании военный инженер, инструктор. — 345—347, 370-372.

Ванаг, Янис — см. биографию и стр. 441, 433, 63—65, 72, 74, 75, 114, 146, 149, 182, 183.

Ванденберг — доброволец из Бельгии, военный инженер, капитан. В 1937 г. — адъютант командира батальона им. Линкольна, позднее — начальник инженерной службы 45-й дивизии. — 303, 305, 307, 308, 314, 317, 321, 322, 327.

В а ц е к — см. Комар, Вацлав.

Вейхманис, Карл — см. краткие биографические сведения и стр. 132, 135, 138, 140, 141, 166, 172, 180.

В е л ь к о в, Илья — см. краткие биографические сведения и стр. 45, 240.

Вернус — доброволец из Чехословакии. В Испании был командиром пулеметной роты им. Яна Жижки. Пал в бою под Бельчите 3 сентября 1937 г. — 321.

В е ц г а й л и с, Вольдемар — см. краткие биографические сведения и стр. 157, 240, 335, 344, 370.

В и л к с — см. Лацис, Рудольф.

В и т о л, Вольдемар — см. краткие биографические сведения и стр. 125, 131, 132, 172, 392.

Волков, Янис — см. краткие биографические сведения и стр. 125, 129, 131, 173, 214.

Волшонок, Рива — см. Лейбович Рива, краткие биографические сведения и стр. 112.

Вурцель, Леон — доброволец из Австрии, коммунист, участник вооруженной борьбы в Вене в феврале 1934 г. В Испании — с 1936 г., командир пулеметной роты батальона им. Чапаева, затем работал на базе Интернациональных бригад в Альбасете. — 393.

Гал, генерал — см. Галич, Янош.

Галан, Хосе — майор Республиканской армии, член КП Испании. Во время обороны Мадрида командовал отрядом народной милиции, затем 3-й бригадой, одной из первых регулярных частей народной Республиканской армии. Опубликовал работу «Крушение испанской монархии» (Москва, 1959 г.) и воспоминания. — 35.

Г а л и ч, Янош (в Испании — генерал Гал) (1897—1938) — по национальности венгр. В первую империалистическую войну попал в русский плен. Участвовал в революционном движении, занимал командные должности в Красной Армии. В Испании — с декабря 1936 г. В феврале 1937 г. — командир 15-й Интернациональной бригады, затем — командир 15-й дивизии. — 309, 310, 316.

Галло — см. Лонго, Луиджи.

Гамбара, Гастон (1885—1962) — фашистский генерал, командовал в Испании дивизией «Литорио» и другими итальянскими интервентскими войсками. — 358.

Г а н с — доброволец из Австрии, боец Интернациональной роты броневиков. — 50.

Г е р а с и, Г. майор Испанской республиканской армии. В мае—июне 1937 г. командовал вновь сформированной Интернациональной бригадой им. Домбровского. Убит на Арагонском фронте. — 121.

Гечко, Иосиф (в Испании — Пепик) — доброволец из Чехословакии. Родился в 1907 г. Член Компартии Чехословакии. В Испании — с апреля 1937 г., шофер 11-й Интернациональной бригады. Участвовал в Великой Отечественной войне на стороне СССР. Был заброшен в составе десанта на оккупированную территорию Чехословакии. — 387.

Гинцбург, Александр — см. биографию и стр. 133, 173, 314, 323, 337, 373, 374, 379, 387, 444—445.

Г и н ц б у р г, Фрида — см. краткие биографические сведения и стр. 327

Глушков, Василий Дмитриевич — доброволец из Советского Союза. Воентехник 2-го ранга. Род. в 1907 г., член КПСС. В Испании — с октября 1936 по январь 1937 г. — пом. по техчасти командира танковой роты. Ранен в бою 13 октября. Участник Великой Отечественной войны, последняя занимаемая должность — нач. штаба танковой дивизии. В настоящее время — полковник запаса. — 34.

Гомес — испанский боец противотанковой батареи. — 181.

Гонценбах, Кирилл Владимирович — доброволец из Советского Союза. Воентехник 2-го ранга. Род. в 1910 г., член ВЛКСМ. В Испании — с октября 1936 по март 1937 г. — пом. по техчасти танковой роты, инструктор в танковой школе. Ранен под Мадридом. В настоящее время — подполковник запаса. — 34.

Г о ш н я к, Иван — доброволец из Югославии, в 1937 году командир роты батальона им. Димитрова. — 66.

Гранель — в 1937 г. офицер саперной роты 15-й Интернациональной бригады. — 305, 325, 328, 330, 336, 340, 341.

Граудс — один из богатейших судовладельцев буржуазной Латвии. — 70.

Гребенаров — см. Паунов Иван Иванович.

Грив а, Жанис — см. Фолманис, Жанис.

Григорьев, Иван Семенович — см. краткие биографические сведения и стр. 39, 42, 43.

Грозев, Симеон (Драганов) — доброволец из Болгарии. Род. в 1909 г. В Испанию прибыл из Франции. Врач 15-й Интернациональной бригады, лейтенант медицинской службы. Убит в боях под Брунете 26 июля 1937 г. — 310.

Гросфельд — врач батальона им. Димитрова, погиб в бою в июле 1937 г. — 308, 314.

Гулбис, Вилис — министр внутренних дел в фашистском правительстве Латвии. — 494.

Гуревич, Макс — см. краткие биографические сведения и стр. 66, 79, 381, 382.

Г у с а р о в, Николай — см. биографию и 446—447, 64.

Гуткин, Лев — см. краткие биографические сведения и стр. 402.

Даладье, Эдуард (1884—1970) — французский политический деятель, один из лидеров левобуржуазной радикал-социалистической партии. Проводил политику «невмешательства» по отношению к агрессии Гитлера против Испанской Республики. С апреля 1938 г. премьер-министр. В феврале 1939 г. правительство Даладье признало режим Франко. — 150, 359.

Деглав, Фрицис (1898—1957) — видный деятель Коммунистической партии Латвии. Член КПСС с 1920 г., с 1931 г. — член Центрального Комитета КПЛ. С 1951 г. — академик, вице-президент Академии наук Латвийской ССР. — 508, 509.

Диас, Хосе (1894—1942) деятель испанского и международного рабочего движения. С 1926 г. член Коммунистической партии Испании. С 1932 по 1942 г. — генеральный секретарь КПИ. В 1935 г. избран членом Исполкома Коминтерна. Во время фашистского мятежа и итало-германской интервенции 1936 -1939 г: КПИ во главе с Диасом руководила все-народным отпором врагу. Пользовался большим уважением и влиянием среди рабочих Испании. Умер в Тбилиси. — 202.

Дик — доброволец из Англии, лейтенант, офицер штаба 15-й Интернациональной бригады. — 396.

Димитров, Георгий Михайлович (1882—1949) — выдающийся деятель болгарского и международного рабочего движения. С 1919 г. — член ЦК Болгарской коммунистической партии. Герой Лейпцигского процесса (1933 г.), на котором смело разоблачил гнусный облик фашизма и призвал народы к борьбе против фашизма и войны В 1935—1943 гг. генеральный секретарь Исполкома Коминтерна. В докладе на VII конгрессе Коминтерна (1935 г.) обосновал тактику единого рабочего и народного фронта против фашизма и надвигавшейся империалистической войны. С 1946 г. — председатель Совета Министров Народной Республики Болгарии — 70, 232.

Дирба, Карл (1887—1968) — участник революционного движения Латвии. В 1907 г. эмигрировал в США. Видный деятель латышской секции Компартии США и объединенной организации латышских социал-демократов в США. — 113.

Д о й ч, Иован — доброволец из Польши. Сержант противотанковой батареи. — 126, 127.

Долвецель, Гейнрих (Гейнрих Вольф, Бубе) — доброволец из Германии. В Испании, с лета 1937 до февраля 1939 г., капитан, некоторое время был командиром Интернациональной роты броневиков. Из Испании уехал в Советский Союз. С 1945 г. в Германии. С 1960 г. генерал-майор Национальной Народной армии ГДР. Умер в 1966 г. — 49, 51.

Доминго — капитан Испанской республиканской армии, в 1937 г. командовал партизанскими отрядами. — 416, 426.

Донской, Марк Семенович — советский кинорежиссер и киносценарист. — 346.

Д о н х и н, Тувия — см. краткие биографические сведения и стр. 258, 293.

Доран, Дейв — доброволец из США, деятель профсоюзного движения. С сентября 1937 г. — политический комиссар 15-й Интернациональной бригады. Пал в бою под Бельчите в марте 1938 г. — 336.

Д о ф е н — адъютант коменданта концентрационного лагеря в Хеджераде М'Гиле в Алжире. — 406.

Д р а б и к, Рудольф — доброволец из Польши. Род. в 1915 г., член компартии Польши. В Испании — командир орудия противотанковой батареи, сержант. — 151.

Дукальский, Болеслав — см. краткие биографические сведения и стр. 63, 94, 166, 185-187, 193, 209, 211, 212, 214, 215, 219, 220, 225, 228, 230, 255, 292.

Дюкло, Жак (род. в 1896 г.) — видный деятель французского и международного рабочего движения. С 1926 г. — член ЦК КПФ, с 1931 г. — член Политбюро и секретарь ЦК. С 1935 по 1943 г. — член Исполкома Коминтерна. — 133, 253.

Екабсон, Эдгар — см. биографию и стр. 72, 79, 81, 82, 114, 119, 215, 437, 418—450, 457.

Е н ш. Юлий — см. биографию и стр. 453—454.

Жак — см. Липкин, Арон.

Жанис — см. Фолманис, Жанис.

Жорес, Жан (1859—1914) — видный деятель французского и международного социалистического движения. Активный борец против милитаризма и войны. 31 июля 1914 г., накануне первой мировой войны, был убит агентом милитаристско-шовинистических кругов — 114.

Загорда — политкомиссар 1-й роты батальона им. Димитрова. Скончался от раны, полученной в бою у высоты Москито вблизи Брунете в июле 1937 г. — 82, 83.

Залка, Матэ (в Испании — генерал Лукач) (1896 — 1937) венгерский писатель. В первую мировую войну был офицером австро-венгерской армии, в 1916 г. попал в русский плен. В годы гражданской войны сражался в рядах Красной Армии. Член Коммунистической партии с 1920 г. В Испании — с ноября 1936 г. В боях за Мадрид и в сражениях на Хираме и Гвадалахаре был командиром 12-й Интернациональной бригады Погиб у Уэски 11 июля 1937 г. — 118, 302, 303.

З а р и н ь, Янис (род. в 1892) — театральный деятель, режиссер И педагог В настоящее время режиссер Государственного театра оперы и балета Латвийской ССР. — 271.

Затлер, Вильгельм — доброволец из Австрии. Род. в 1905 г., слесарь-лекальщик, член Компартии Австрии с 1939 г. Участник вооруженной борьбы против фашизма в Вене в феврале 1934 г. В Испанию прибыл в июне 1937 г. из СССР. Участвовал в боях как командир броневика Интернациональной роты броневиков, в звании лейтенанта. Живет в СССР, член КПСС, с 1964 г. — персональный пенсионер. — 55.

Зелтинь (настоящая фамилия Гольдфельд), Отто — корреспондент латышской буржуазной газеты «Яунакас Зиняс» в Испании. Восхвалял франкистов и интервентов. Бывший белогвардейский офицер — 490.

Зильберман, Масья (Маша) — участница революционного движения в Латвии. Род в 1904 г. В 1936 г. уехала во Францию. В Париже была связной между Комитетом по оказанию помощи борцам за свободу Испании и латышскими добровольцами, пересылала им литературу, письма, посылки. В 1940 г. вернулась в Латвию в 1941 г. эвакуировалась в глубь СССР, где вскоре умерла. — 64, 111, 112, 170, 171, 232, 272, 291.

Ибаррури, Долорес (Пасионария) (род. в 1895 г.) — выдающийся деятель испанского и международного рабочего движения, одна из основателей Компартии Испании в 1920 г. С 1930 г. — член ЦК, с 1932 г. — член политбюро КПИ. С 1942 по 1960 г. — генеральный секретарь КПИ. С 1960 г. — председатель КПИ. 1935—1943 гг. — кандидат в члены Исполкома Коминтерна. С 1945 г. вице-президент Исполкома международной демократической федерации женщин. С 1964 г. — лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Пламенный организатор и руководитель всенародного отпора фашизму во время национально-революционной войны испанского народа против фашистских мятежников и итало-германской интервенции (1936—1939 гг.). Пользовалась большой любовью и уважением в народе и среди воинов-антифашистов. Ее автобиографическая книга «Единственный путь» переведена на многие языки, в том числе и на латышский. — 8, 10, 11, 37, 100, 130, 152—154, 182, 280, 457, 492, 493, 506, 508.

Израельсон, Яков — см. краткие биографические сведения и стр. 258, 261-263.

И л ь г и с — см. Прейкшас, Казис.

Ионас — см. Беникис, Янис.

Кава, Франц — сержант, затем лейтенант, командир орудия противотанковой батареи. 129-й Интернациональной бригады. — 131, 132.

Каган в Испанию прибыл из Чехословакии, политэмигрант из Прибалтики, студент. В Праге проживал под фамилией Бергер. Был политкомиссаром батальона им. Димитрова, затем политкомиссаром и командиром роты им. Я. Жижки. Убит в феврале 1939 г. в бою под Каса-де-ла-Сельва. — 302, 303, 305, 325, 326, 336.

Кадикис, Янис — см. краткие биографические сведения и стр. 118, 125, 166.

Казимир — доброволец из Польши, сержант, механик Интернациональной роты броневиков. — 55.

Кале, Ганс (1899—1947) — один из первых германских добровольцев в Испании. Во время первой мировой войны был офицером. Член Компартии Германии с 1928 г., в 1933 г. эмигрировал в Швейцарию. В Испании входил в состав организационного комитета Интернациональных бригад. С октября 1936 г. командовал батальоном им. Эдгара Андре, потом 11-й Интернациональной бригадой и 45-й дивизией. В Германской Демократической Республике с 1946 г., занимал в Мекленбурге пост начальника Народной полиции. — 387.

К а р л ю к, Карлитис — см. Вейхманис Карл.

Кармен — медицинская сестра американского военного госпиталя в Тарранконе. — 301.

Касадо, Сигизмунд — полковник Испанской республиканской армии, в 1938-1939 гг. — командующий Центральным фронтом. В марте 1939 г. совершил в Мадриде контрреволюционный военный переворот и создал совместно с правыми социалистами и анархистами «хунту национальной обороны», которая открыла фронт войскам Франко. — 107, 402, 404.

Катлап, Жанис (1907—1968) — актер и режиссер, народный артист Латвийской ССР. — 271.

Кашен, Марсель (1869—1958) — деятель французского и международного рабочего движения. Один из основателей Французской коммунистической партии, с 1920 года — член ЦК и политбюро ЦК ФКП. В 1924 - 1943 гг. — член Исполкома и Президиума Исполкома Коминтерна. — 113.

Кемпе, Эмиль — см. биографию и стр. 81, 114, 427, 455—457.

Киршон, Владимир Михайлович (1902—1938) — русский советский драматург. — 436.

Киселев, Василий Иванович (1895—1968) — член КПСС. В Испании — с ноября 1936 по октябрь 1937 г. — советник на Южном фронте. Участник Великой Отечественной войны, генерал-майор. — 424.

Клаудио — боец отделения разведки. — 423.

Клаус — см. Беккер, Клаус.

Клейнман, Леон — см. краткие биографические сведения и стр. 185 - 187, 199, 200—205, 207, 211, 212, 214, 221, 222, 228, 240, 243, 254, 255, 263-266, 268, 272.

К л и м б е р г — см. Коска, Георг.

К л и м к а н, Юрий — см. краткие биографические сведения и стр. 64, 68, 166, 167, 173.

К л и м о в, Андрей Ильич — доброволец из СССР, лейтенант. Род. в 1906 г., член КПСС. В Испании с октября 1936 г., командир взвода танковой роты Поля Армана. Пропал без вести в бою у Сесеньи 29 октября 1936 г. — 26, 30.

Колман — см. Кумелан Вильгельм.

Колосов, Николай Михайлович — доброволец из СССР, лейтенант, член КПСС. В Испании с октября 1936 по март 1937 г., командир танкового взвода, ранен в бою под Мадридом. — 33, 39, 40.

Кольцов, Михаил (1898—1942) — советский писатель, журналист, член КПСС с 1918 года. В 1936—1937 гг. был специальным корреспондентом «Правды» в Испании. В 1938 г. вышла в свет его книга «Испанский дневник», в которой он рассказал о мужественной борьбе испанского народа против фашизма. 43, 316, 369.

Комар, Вацлав (Вацек) — доброволец из Польши. Род. в 1909 г. Деятель польского рабочего и коммунистического движения в Испании, в звании майора, командовал ротой, затем батальоном им. Домбровского. С февраля 1938 г. — командир 129-й Интернациональной бригады. — 133.

Кордон. Антонио — деятель КП Испании, полковник, затем генерал. В августе 1937 г. был назначен начальником штаба Восточного фронта. С апреля 1938 г. — заместитель военного министра в правительстве Негрина. — 146, 516.

Коска, Георг (в Испании Ганс Климберг) — доброволец из Эстонии, лейтенант. Участник рабочего движения в г. Тарту, член КП Эстонии. В 1925 г., по «процессу 78», осужден на 10 лет каторги. После отбытия наказания жил в СССР. В Испании — с 1937 г. — командир батареи Республиканской армии, член КП Испании. — 202, 206, 208

Коханек, Антони — майор, один из первых польских добровольцев, которые в августе 1936 г. прибыли в Барселону. Командир роты батальона им. Домбровского. В боях за Мадрид командовал этим батальоном, был ранен. 2 января 1937 г., у селения Алмадронес на Гвадалахарском направлении, ведя бойцов в наступление, пал смертью храбрых. Его похороны в Мадриде превратились в грандиозную демонстрацию интернациональной солидарности. — 131, 155, 161.

Крамер, Эрвин — доброволец из Германии, инженер. Род. в 1902 г., член Компартии Германии с 1929 г. В 1932 г. эмигрировал в Советский Союз. В Испании — с августа 1937 г., ст. лейтенант, инструктор фортификационных работ в 44-й дивизии и в батальоне им. Тельмана. В 1939 г. вернулся в СССР. С 1945 г. — в ГДР на ответственной государственной и партийной работе. С 1954 г. — министр транспорта ГДР, член ЦК СЕПГ, — 346, 348, 349, 352, 355.

Кривошеин, Семен — Герой Советского Союза, генерал-лейтенант танковых войск. Род. в 1899 г, член КПСС с 1919 г. С 1918 по 1921 г. сражался на фронтах гражданской войны в составе Первой Конной армии Буденного С. М. В 1931г. окончил Военную Академию им. М В Фрунзе, затем командир механизированного полка. В Испании находился с октября 1936 по февраль 1937 г., был советником начальника танковой базы в Арчене, руководил подготовкой и боевыми действиями испанских танкистов. В 1938 г. участвовал в боях у озера Хасан. В 1934—1940 гг. как командир танковой бригады воевал с белофиннами. В 1940—1941 гг. командовал

танковой дивизией и мех. корпусом в Прибалтийском Особом и в Харьковском Военных округах. Во время Великой Отечественной войны был командиром мех. корпуса на 1-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. После войны начальник кафедры БТ и МВ в Военной Академии имени М. В. Фрунзе и в должности командующего БТ и МВ военного округа. Награжден медалью «Золотая звезда» с присвоением звания Героя Советского Союза, тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова II ст., Кутузова I ст. и Красной Звезды. Польским крестом Грюнвальда и 14 медалями.

К р е м а н о в и ч, Брайко (1915—1941) — доброволец из Югославии, член КП Югославии. В Испании — комиссар противотанковой батареи. В 1939 г. вернулся в Югославию. Один из организаторов партизанских частей, член Главного штаба партизан Сербии. Погиб, выполняя боевое задание. — 118, 124, 125, 161.

Ксенжарчик, Францишек (в Испании — майор Франек) — доброволец из Польши. Род. в 1906 г. С июля 1937 г. командовал батальоном 13-й Интернациональной бригады. Имел воинское звание ст. лейтенанта, затем майора. В Польской Народной Республике — генерал. — 122.

Кумелан, Анна Ивановна — супруга генерал-лейтенанта В. Кумелана. — 421.

К у м е л а н, Вильгельм — см. краткие биографические сведения и стр. 7, 416-421.

Куприянов, Павел Емельянович — доброволец из Советского Союза, младший командир, командир танка группы Поля Армана. Пал в бою под Мадридом 8 ноября 1936 г. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. — 35, 37.

Кур, Бенъямин — см. краткие биографические сведения и стр. 8, 61, 62, 119, 163, 171, 174, 185, 186, 190, 195, 196, 202, 204, 208, 209, 211, 221—228, 233, 240, 243, 244, 255, 291, 331, 381, 390.

Л а й ц е н, Линард (1883—1938) — латышский революционный писатель. член КП Латвии с 1929 г., депутат рабоче-крестьянской фракции сейма. В 1930 г. был избран в Президиум Международного объединения революционных писателей (МОРП). — 456.

Лапинь, Рудольф (1898—1969) — член КП Латвии с 1926 г. Активный деятель левых профсоюзов, с октября 1932 г. — депутат рабоче-крестьянской фракции сейма. — 46.

Ларго Кабальеро, Франсиско (1869—1946) — один из лидеров испанской социалистической партии и объединения профессиональных союзов — Всеобщего Рабочего Союза. С сентября 1936 по май 1937 г. — премьер-министр и военный министр Республики. Сектантская, раскольническая политика, которую он проводил, нанесла большой ущерб Республике. Умер в эмиграции, после 4-летнего заключения в гитлеровском концентрационном лагере. — 410.

Латинович, Лазарь — доброволец из Югославии, сержант, командир орудия противотанковой батареи. Затем в звании старшего лейтенанта служил в 129-й бригаде. — 118, 122.

Л а ц и с, Рудольф — см. краткие биографические сведения и стр. 167, 228, 234, 240, 245, 292, 314.

Лаштовичка, Богуслав (род. в 1905 г.) — доброволец из Чехословакии. Член КПЧ с 1931 г. В 1931-1933 гг. редактор «Руде Право». В Испании с начала 1937 г. Командир Интернациональной чехословацкой зенитной батареи им. Клемента Готвальда. После освобождения Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков — на ответственной государственной и партийной работе. — 328—330.

Левина, Мария — доброволец из Советского Союза. Род. в 1908 г. В Испании — с сентября 1936 г., переводчица. В настоящее время — пенсионерка. — 424.

Л е в и и с о н, Семен — см. краткие биографические сведения и стр. 399, 401.

Лейманис, Янис (1883—1964) — участник революционного движения в Латвии. После революции 1905 г. эмигрировал в США, был одним из редакторов газеты «Америкас Латвиетис» («Американский латыш»). — 113.

Л е о, Леон — см. Клейнман, Леон.

Леррус, Алехандро (1864—1949) — лидер испанской буржуазной «радикальной партии». В 1933—1935 гг. — глава профашистского правительства, жестоко подавлял революционное движение в стране. — 479.

Либкнехт, Карл (1871—1919) — выдающийся деятель германского и международного революционного движения. Один из основателей Коммунистической партии Германии. Решительно выступал против милитаризма и империализма. 15 ноября 1919 года был зверски убит контрреволюционерами. — 212, 346.

Лидле — доброволец из Германии, политкомиссар транспортной роты 15-й Интернациональной бригады, пал в июле 1937 г. в бою под Брунете. — 307.

Липкин, Арон — см. краткие биографические сведения и стр. 78, 112, 114, 118, 125, 133, 141, 155, 159, 163, 167, 168, 172, 177, 215, 216, 258, 324, 401.

Листер, Энрике (род. в 1907 г.) — выдающийся полководец Испанской Республиканской армии, полковник, затем генерал. Член ЦК Компартии Испании с 1937 г. По профессии — рабочий, каменотес. Один из первых организаторов народной милиции. В годы национально-революционной войны попеременно командовал: 4-м полком. 1-й бригадой. 11-й дивизией. 5-м корпусом. Сейчас — член Исполкома ЦК КПИ. — 25, 26, 28, 29, 31, 32, 35, 304, 317, 318, 320, 325, 335, 336.

Лихтер, Вульф — см. биографию и стр. 459—460.

Лобач, Иван — доброволец из Советского Союза. Род. в 1908 г., лейтенант. В Испании с октября 1936 г. командир танкового взвода группы Поля Армана. Пал в бою под Мадридом 29 октября 1936 г. — 26, 30, 39.

Л о н г о, Луиджи (в Испании — генерал Галло) (род. в 1900 г.) — деятель итальянского и международного коммунистического движения. Один из создателей Итальянской коммунистической партии. Долгие годы был членом ЦК и Политбюро Итальянской компартии. В 1936—1939 гг. в Испании

— генеральный инспектор Интернациональных бригад. С 1964 г. — генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии, — 119, 152, 338, 339.

Лоцова, Гита (Маня) (1889—1941) — член подпольного комсомола и КП Латвии. В 1936 г. нелегально уехала во Францию. Работала в группе политэмигрантов, оказывала помощь латвийским добровольцам, направлявшимся в Испанию. В 1940 г. вернулась в Латвию. Погибла во время гитлеровской оккупации. — 111.

Лудвиг, Петр (Перси) — инженер, род в 1907 г. в Лондоне. С 1921 г. живет в Советском Союзе; член КПСС с 1941 г. С мая 1937 по февраль 1939 г. — в Испании, фортификационный инженер 15-й Интернациональной бригады. — 298, 472.

Луиза — см. Старинова Анна.

Луис — секретарь испанской молодежной организации в г. Малаге, принимал участие в операциях отделения разведки. — 423.

Луканов, Карло (в Испании — полковник Белов) — деятель болгарского рабочего движения, член Болгарской коммунистической партии с 1919 года. С 1936 г. был в Испании начальником штаба 12-й Интернациональной бригады, с июля по ноябрь 1937 г. — начальник базы Интербригад в Альбасете. После освобождения Болгарии от немецко-фашистской оккупации занимает ответственные партийные и государственные должности. 337-340.

Лукач — см. Залка. Мате.

Лысенко, Федор Иосифович — доброволец из СССР. В Испании с октября 1936 г. — командир танка роты Поля Армана, ранен в бою под Мадридом. С ноября 1936 по май 1937 г. — инструктор учебного танкового центра в Арчене. — 15, 16, 28, 33.

Люксембург, Роза (1871 — 1919) деятель германского и польского рабочего движения. Вела решительную борьбу против империализма. 15 января 1919 г. была зверски убита контрреволюционерами. — 212, 346.

Макс — см. Кур, Бенъямин.

Малино — шофер Интернациональной роты броневиков. — 49.

Мария — медицинская сестра американского военного госпиталя в Тарранконе. — 300.

Мария — боец отделения разведки. — 423.

Марко — см. Марковников, Михаил.

Маркович, Мирко — доброволец из Югославии, писатель, член Коммунистической партии с 1928 г. С 1937 г. — командир батальона 15-й Интернациональной бригады. Позднее — начальник штаба этой бригады. Во время второй мировой войны принимал активное участие в партизанской борьбе в Югославии. — 304, 317.

Марковников, Анатолий — с 1936 г. член Рижской организации Союза Трудовой Молодежи Латвии. — 282.

Марковников, Михаил — см. краткие биографические сведения, стр. 187, 201, 205, 209, 225, 233, 255, 256, 279, 281—283, 285.

Марковников, Савелий — с 1936 г. член Рижской организации Союза Трудовой Молодежи Латвии. — 282.

Масарик, Томаш (1850-1937) — чехословацкий буржуазный политический деятель. В 1918 -1933 гг. президент Чехословацкой республики. — 326.

Матушак, Станислав (1897-1955) — доброволец из Польши. Руководитель польской секции Французской компартии, деятель Профинтерна. В Испании с октября 1936 г., политкомиссар сначала батальона им. Домбровского, затем, с июля 1937 по март 1938 г., Интернациональной бригады им. Домбровского. — 131.

Мачадо, Антонио — (1875—1939) — испанский поэт, активный борец против фашизма. В 1937 г. вышел в свет сборник его стихов «Война». В феврале 1939 г. эмигрировал во Францию, был заключен в концлагерь, где вскоре умер. — 341.

М а ш а — см. Зильберман, Машья.

Мерино, Матэо Педро — майор испанской республиканской армии. С мая 1938 г. — командир 35-й дивизии. — 146, 152.

Мерсон, Леонид Федорович — доброволец из Советского Союза. Род. в 1912 г. член ВЛКСМ. В Испании с октября 1936г., механик-водитель танка роты Поля Армана, затем инструктор учебного танкового центра в Арчене. В боях ранен и контужен. — 15, 16.

М и а х а, Хосе (1878—1958) — генерал, до фашистского мятежа — командующий Мадридским военным Округом, затем — командующий Мадридским фронтом и группой армий Центральной и Южной зоны. В марте 1939 г. стал членом организованной полковником Касадо предательской «Хунты обороны». — 311.

Михкельсоо, Айн — доброволец из Эстонии. В Испании с марта 1938 г. В сентябре 1938 г. был ранен в боях у р. Эбро. Весной 1939 г. вернулся в Эстонию. После восстановления Советской власти работал милиционером. В начале Великой Отечественной войны убит фашистами. — 155.

Михоэлс, Соломон Михайлович (наст. фамилия Вовси), (1890-1948) — советский актер и режиссер, народный артист СССР. — 15.

М и ц е л ь м а х е р, Виктор — доброволец из Литвы. Род. в 1904 г., член КПСС с 1934 г. В Испании с 1937 г., председатель Центральной военно-медицинской комиссии в Альбасете, врач в фронтовых госпиталях. Вернулся в Литву в сентябре 1939 г. В 1940—1941 гг. — на ответственной государственной работе в Литовской ССР. В настоящее время — доцент кафедры гигиены Вильнюсского университета, доктор медицинских наук. — 393.

Модесто, Хуан — выдающийся полководец Испанской Республиканской армии, член КП Испании. Принимал участие в военных операциях с первого дня войны. Командовал сперва батальоном, затем бригадой, 4-й дивизией, 5-м корпусом. В августе 1938 г. во время наступления у р. Эбро

был командующим армией. В 1939 г. ему присвоено звание генерала. В эмиграции — член ЦК КП Испании. Умер в 1969 г. — 147, 133, 339.

Мозилев, Дмитрий Николаевич — доброволец из Советского Союза. Член ВЛКСМ, механик-водитель танка. Пал в бою под Мадридом 29 октября 1936 г. — 29.

Мола, Эмилио (1887—1937) — испанский генерал, один из руководителей фашистского мятежа. 3 июня 1937 г. погиб в авиационной катастрофе - 475, 479, 484.

Молина — боец отделения разведки, бывший шахтер. — 423.

Мольнар, Иштван (1911—1943) — доброволец из Венгрии. Член Компартии Чехословакии с 1938 г. В Испании с апреля 1937 г. В составе 12-й и 13-й Интернациональных бригад участвовал в боях в Арагоне и Каталонии. Член КП Испании. В 1942 г. командовал ротой бельгийской партизанской армии. Погиб в бою с гитлеровцами. — 155.

Мора, Пабло — испанский юноша 16 лет. боец противотанковой батареи. Умер от ранения, полученного в бою 16 марта 1938 г. под Каспе. — 142.

Моранди — полковник Испанской Республиканской армии. В 1938 г. командовал 20-м батальоном 86-й бригады. — 88.

Мэримен, Роберт (1907—1938) — доброволец из США, доцент Калифорнийского университета. В Испании — в звании майора командовал батальоном им. Авраама Линкольна. С августа 1937 г. — начальник штаба 15-й Интернациональной бригады. Пал в бою у Бельчите в марте 1938 г. — 314, 320, 321, 326, 327, 329, 331, 333, 336, 397.

Мюллер — доброволец из Германии, капитан батальона им. Эдгара Андре 11-й Интернациональной бригады. — 323, 324.

Мюльман — доброволец на Германии, офицер 15-й Интернациональной бригады. Пал в августе 1938 г. в бою под Гандесой. — 331, 341

Мюнних, Ференц (в Испании — майор Отто Флатер) (1886—1967) — венгерский политический деятель, один из основателей Венгерской КП и венгерской Красной Армии в 1919 г. В Испании с 1936 г. — зам. командира 12-й Интернациональной бригады, затем начальник штаба 15-й дивизии. С апреля по август 1938 г. — командир 11-й Интернациональной бригады. С 1957 г. — член политбюро Венгерской СРП и первый заместитель председателя правительства. С 1958 по 1961 г. — председатель правительства. — 278.

Мяновский, Петр Викторович — доброволец из Советского Союза. Родился в 1909 году, член ВКП(б), лейтенант, командир танкового взвода. В Испании с октября 1936 по май 1937 г. Был ранен в 1936 г. под Мадридом; затем работал инструктором танковой школы в Арчене. — 34, 36.

Наплатанов, Делчо Николов (в Испании Рашев) — доброволец из Болгарин. Род. в 1897 г. Член Болгарской КП, участник Сентябрьского восстания 1923 г. В 1926 г. эмигрировал в СССР, стал инженером. В Испании — с декабря 1936 г., командир саперной роты. После поражения Испанской Республики вернулся в СССР, в 1941 г. в составе партизанской группы заброшен на территорию Болгарии. Был арестован фашистами и 6 июля 1942 г. по приговору суда расстрелян. — 299, 300, 303, 311, 313, 314, 319, 324, 325, 335, 337.

Н а т а н, Джордж — доброволец из Англии, участник первой мировой войны. В Испании — командир роты английских добровольцев батальона «Марсельеза», затем майор — начальник штаба 15-й бригады. Во время Брунетской операции командовал группой батальонов и погиб в сражении и июле 1937 г. — 310.

Н е г р и н, Хуан (1889—1956) — испанский государственный деятель. Член социалистической партии. С мая 1937 г. — премьер-министр Испанской Республики. В марте 1939 г. эмигрировал во Францию. — 145, 152, 153, 227, 257, 259, 382, 410-412, 415, 516.

Н е й о, Йоханн — доброволец из Эстонии, род. в 1916 г. В Испании — с мая 1938 г. Боец учебного батальона 11-й Интернациональной бригады, затем, на фронте Эбро, боец подразделения связи батальона им. Тельмана. Весной 1939 г. вернулся в Эстонию. — 155.

Н е л ь с о н, Стив — доброволец из США. С февраля 1937 г. — политкомиссар батальона им. Линкольна, с августа того же года — политкомиссар 15-й Интернациональной бригады. В боях у Бельчите был ранен. — 314, 320, 326.

Н е с т е р е н к о, Иван — дивизионный комиссар в отставке. Родился в 1901 г., член КПСС с 1919 г. Участник гражданской войны на Украине и Северном Кавказе. В 1923—1936 гг. — начальник политотдела дивизии. В 1930 г. окончил Военную Академию им. М. В. Фрунзе.

В 1936—1937 гг. в Испании — советник при центральном военно-политическом органе Республиканской армии — Генеральном военном Комиссариате. В настоящее время — член Советского Комитета ветеранов войны. С 1962 г. председатель бюро советских ветеранов национально-революционной войны испанского народа 1936-1939 гг. — 8.

Новиков, Василий доброволец из Советского Союза, член КПСС. В Испании — с ноября 1936 по сентябрь 1937г., командир танка. Тяжело ранен в бою в июле 1937 г.

Ему присвоено звание Героя Советского Союза. В настоящее время полковник в отставке. — 37.

О з о л, Вольдемар — см. краткие биографические сведения и стр. 80.

О с а д ч и й, Семен — доброволец из Советского Союза, лейтенант. Род. в 1904 г., член КПСС. В Испании с октября 1936 г., командир танкового взвода. Скончался от раны, полученной в бою. Ему присвоено звание Героя Советского Союза. — 28, 33, 37.

П а в л о — доброволец из Франции, родился в России, переводчик в саперной роте батальона им. Масарика, затем боец батальона пулеметчиков 130-й дивизии — 361, 373, 374, 376—379.

П а в л о в, Семен — доброволец из Советского Союза, ст. лейтенант. Род. в 1906 г., член КПСС. В Испании с октября 1936 г., командир танкового взвода. Умер от ранения, полученного в бою 3 ноября 1936 г. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. — 28.

П а л к а в н и е к, Янис — см. краткие биографические сведения и стр. 64, 72, 95, 101, 105, 109, 118, 160, 163, 164, 166, 172, 180, 181, 215, 216, 221, 233, 234, 240, 245, 258, 263, 294. 255, 324, 363-366, 397, 401, 437.

Паредес, Санчес — полковник; с октября 1936 г. — начальник танковой базы в Арчене. В 1938 г. — командующий бронетанковыми войсками Республиканской армии. — 22, 23.

Паршина, Елизавета — см. краткие биографические сведения и стр. 8, 422.

Пасионария — см. Ибаррури, Долорес.

Паунов, Иван — (в Испании — Гребенаров) — доброволец из Болгарии. Род. и 1899 г. Бывш. лейтенант запаса Болгарской армии. С 1925 г. проживал в Советском Союзе. В Испании с декабря 1936 г., командир 18-го Интернационального батальона, впоследствии переименованного в батальон им. Димитрова, входившего в состав 15-й Интербригады. Погиб 17 февраля 1937 г. в бою на Хараме. — 64, 437.

Педро — испанец, водитель танка. Погиб в бою под Мадридом. — 43.

Пекайнис, Антон — см. краткие биографические сведения и стр. 64, 70-72, 81, 101, 258, 457.

Пепик — см. Гечко, Иосиф.

Перес Салас, Хесус — полковник Республиканской армии Испании, симпатизировал анархистам. Вначале командовал колонной народной милиции, затем 30-й дивизией. Был командиром 8-го корпуса на Южном фронте — 86, 420, 421.

Перманд, Хайм — см. краткие биографические сведения и стр. 97, 258.

Перманд, Эсфирь (1910-1969). — Член Рижской организации КП Латвии. В 1938 г. приговорена к 4 годам тюрьмы. Умерла в 1969 г. и Риге. — 97.

Пермяков, Николай Андреевич — доброволец из Советского Союза. Род. в 1912 г., член ВЛКСМ, младший командир. В Испании с октября 1936 по май 1937 г. башенный стрелок танковой роты Поля Армана и др. подразделений. — 41.

Петен, Анри Филипп (1856—1951) — французский военный и политический деятель, маршал. В 1940—1944 гг. возглавлял прогитлеровское правительство «Виши». В 1945 г. французским судом осужден как предатель родины. — 102, 241, 405.

Петрайтис, Винцас — литовский политэмигрант из Люксембурга. В Испании — боец батальона им. Димитрова. Был дважды ранен. В годы Великой Отечественной войны сражался в рядах 16-й Литовской дивизии. Пал в бою. — 82.

Пецис, Герман — см. краткие биографические сведения и стр. 167.

Пик, Вильгельм (1876—1960) — деятель германского и международного коммунистического движения. Один из основателей Компартии Германии Член ПК КПГ с 1919 г. С 1928 г. — член Исполкома Коминтерна. Первый президент ГДР — 47, 70.

П о г о д и н, Дмитрий — доброволец из Советского Союза. Род в 1907 г., член КПСС, лейтенант. В Испании с октября 1936 по март 1937 г. Участвовал в боях под Мадридом. В декабре 1936 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. — 34, 37, 38.

Поллит, Гарри (1890—1960) — деятель английского и международного коммунистического движения, один из основателей Компартии Великобритании. С 1922 г. — член ЦК и политбюро ЦК Компартии Великобритании. С 1922 г. — ее генеральный секретарь. В 1924—1943 гг. член Исполкома Коминтерна. — 323.

Попов, Николай (1907-1951) — доброволец из Болгарии, член Болгарской компартии, секретарь окружного комитета. В Испании — с 1937 г., политкомиссар батареи им. Василя Коларова и 1-го Славянского дивизиона тяжелой артиллерии. Умер в Болгарии. — 208, 211, 212, 224, 246.

П о с а с, Себастьяно (1875—1946) — кадровый генерал, начальник Гражданской гвардии (жандармерии), остался верен республиканскому правительству. С осени 1936 г. командовал Центральным, а с весны 1937 г. — Восточным фронтом. — 24, 31, 33.

П о т а ш о в, Сергей — см. биографию и стр. 113, 142, 162, 177, 210, 221, 461—462.

П р е й к ш а с, Казис (Ильгис) (1903 - 1961) — член КП Литвы с 1920 г. Секретарь подпольного ЦК КПЛ. В Испании с 1937 г., участвовал в боях, был преподавателем офицерской школы. В 1939 г. уехал в СССР. В 1940 г. - секретарь ЦК КП Литвы. С 1948 г. — заместитель председателя Совета Министров Литовской ССР. — 166.

Прието, Индалесио (1883—1962) — один из лидеров Испанской социалистической рабочей партии, возглавлял фракцию т. наз. «центра». С сентября 1936 по май 1937 г. был министром флота и авиации, затем по апрель 1938 г. — министром обороны. Добивался компромиссного мира с мятежниками и интервентами. Умер в Мексике. — 409.

П у м п у р, Петр — см. краткие биографические сведения и стр. 7, 145, 513

Пурен, Янис (1894—1968) — рабочий, участник революционного движения Латвии. — 45.

П у ц е, Марта — член Рижской организации «Красная помощь». В 1935 г. была арестована, бежала из арестного помещения и нелегально уехала во Францию. Работала в группе политэмигрантов, оказывала помощь латвийским добровольцам в Испании. — 112, 170.

Пуце, Фрицис — см. краткие биографические сведения и стр. 72, 76, 78, 88, 92-95, 105, 114, 155, 164, 165, 173, 234, 248, 258, 261, 381, 382, 513.

Пшездецкий, Александр — доброволец из Польши. Род. в 1909 г. Член компартия Польши. В Испании сражался в противотанковой батарее, имел звание сержанта, затем лейтенанта. — 131, 132, 138, 140, 142, 144, 145.

Р а т н и е к, Аугуст — см. краткие биографические сведения и стр. 157, 240, 345-347, 358-362, 364, 369.

Р а ш е в — см. Наплатанов, Делчо Николов.

Р е н н, Людвиг (род. в 1889 г.) — немецкий писатель, член Компартии Германии. В Испании командовал батальоном им. Тельмана, затем был начальником штаба 11-й Интернациональной бригады, имел звание майора. Написал книгу воспоминаний — «Испанская война», — 425.

Решетцев, Дмитрий Сергеевич — доброволец из Советского Союза, арттехник. Род. в 1919 г., член КПСС. В Испании с октября 1936 по август 1937 г. — 34.

Р и ц, Яков — рабочий В 1940 г. состоял в Рабочей гвардии в Риге. Умер в декабре 1940 г. — 97.

Роберт, Робис — см. Фельс Рувим.

Родек, Владислав — доброволец из Польши. Род. в 1904 г., шахтер, член компартии Польши. В Испании — сержант, командир орудия противотанковой батареи, затем — политкомиссар батареи. — 132, 138, 146.

Р о з е н б а х, Эмиль (Фрос) (1904 -1943) — член КП Латвии с 1928 г., литературный критик, переводчик В 1930 г. эмигрировал в Германию, с 1932 г. жил в Советском Союзе. — 456.

Розенберг, Карл — см. краткие биографические сведения и стр. 7, 95, 114, 258, 361.

Рондан, Хосе — испанец, младший сержант противотанковой батареи. Пал в бою в марте 1938 г. — 141.

Рудин, Самуил — см. краткие биографические сведения и стр. 381, 382.

Рудина (Фосс), Брайна — см. краткие биографические сведения и стр. 73, 388.

Рудина, Мирьям — см. краткие биографические сведения и стр. 388.

Рудольф — см. Шмидт, Рудольф.

Саар, Иоганнес — доброволец из Эстонии. В Испании — с весны 1938 г. Участвовал в боях в Каталонии. В Эстонию вернулся весной 1939 г. В начале Великой Отечественной войны сражался в рядах истребительного батальона. Раненый попал в руки врага и был убит в г. Пярну. — 155.

С а д ч е н к о, Тихон Родионович — доброволец из Советского Союза. Род. в 1911 г., член ВЛКСМ. В Испании с октября 1936 г., младший командир танковой роты Поля Армана. — 33.

Сакс, Александр (1902-1949) — революционный литератор и журналист. В 1932 г. работал в редакции левого журнала «Информатор», принимал участие в издании антифашистской «Коричневой книги» (1934 г). Был членом нелегального революционного Объединения писателей, журналистов и художников Латвии. — 270.

Салваи, Михай (в Испании — майор Чапаев) (1899-1955) — доброволец из Венгрии. Член компартии Венгрии с 1919 г., работал в компартиях

Австрии, Чехословакии, Германии, Франции. С августа 1936 г. командовал в Испании батальонов, полком, бригадой. До 1944 г. находился в концлагерях во Франции, затем уехал в СССР, сражался в рядах Советской Армии и в югославских партизанских отрядах. С марта 1945 г. — в армии Венгерской Народной Республики, последнее звание генерал. — 135, 155-157, 303, 305, 308, 322, 360.

Сална, Рудольф (1892—1938) — деятель КП Латвии (член партии с 1911 г.), в 1932 г. был пом. секретаря Латвийской секции Коминтерна. С 1936 г. — член временного секретариата КП Латвии. — 495.

С а л н и н ь, Христофор — см. краткие биографические сведения и стр. 7.

Санчес Лопес, Хосе — боец противотанковой батареи. Пал в бою в марте 1938 г. — 142, 162.

С а н ч о — переводчик и радист советника Кумелана. — 417.

С а р а б и я (полковник) — см. Эрнандес Сарабия.

Саша — см. Тройслит, Александр.

Сверчевский, Кароль (в Испании — генерал Вальтер) (1897 - 1947) — деятель польского рабочего движения, государственный и военный деятель Польши. В рядах Красной Армии сражался на фронтах гражданской войны. С 1936 г. командовал в Испании 14-й Интернациональной бригадой, затем 35-й Интернациональной дивизией. В 1941—1943 гг. сражался в рядах Советской Армии. Один из организаторов Польской армии в СССР. Командовал 2-й армией Войска Польского. Член КП Польской рабочей партии, зам. министра национальной обороны Польши. Убит фашистскими бандитами — 130, 138, 141, 329.

Селицкий, Николай Александрович — доброволец из Советского Союза, лейтенант. Род. в 1907 г. В Испании — с октября 1936 г., командир танкового взвода. Погиб в бою под Сесеньей в октябре 1936 г. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. — 28—30, 17, 39, 41.

Селихар, Ольдржих — доброволец из Чехословакии. Род. в 1908 г. В Испании с ноября 1936 г.; старший лейтенант, участвовал в боях в составе 12, 13, 14 и 129-й Интернациональных бригад. В 12-й бригаде был командиром противотанковой батареи. С февраля 1939 г. находился в концлагерях во Франции. Участвовал во французском партизанском движении. — 132.

С и л л е н б е р г, Иоханнес — рабочий, участник революционного движения Эстонии. В Испании — с 1938 г., был в учебном батальоне 11-й Интернациональной бригады, затем в подразделении связи батальона им. Тельмана. Член КП Испании. В 1939—1941 гг. находился во французских концлагерях, затем вернулся в Эстонию. В 1939—1941 гг. Участник Великой Отечественной войны. После войны — на партийной и хозяйственной работе. Сейчас персональный пенсионер. — 155.

Скулме, Уго (1895—1963) — живописец, график, искусствовед. С 1941 г. — педагог Государственной академии художеств Латвийской ССР. С 1947 г. — профессор. — 276.

С м у к — доброволец из Югославии, боец батареи им. Коларова 1-го Славянского дивизиона тяжелой артиллерии. Умер в декабре 1937 г. — 203.

Соловьев, Александр Иванович — доброволец из Советского Союза. Род. в 1907 г., член КПСС, лейтенант. В Испании с октября 1936 г., командир танкового взвода роты Поля Армана. — 26, 29, 41.

Сонли — мотоциклист саперной роты 15-й Интернациональной бригады. — 300.

Сото, Диас — врач, доброволец из Кубы. Коммунист, член ЦК Компартии Кубы. Заместитель начальника, а потом начальник санитарной части 15-й Интернациональной бригады. — 395.

С п а л а н, Альберт — см. краткие биографические сведения и стр. 63, 64, 72, 74, 106, 114, 164, 442.

С п р о г и с, Артур — см. краткие биографические сведения и стр. 422, 424

Старинов, Илья (в Испании — Рудольф Вольф) — доброволец из Советского Союза. Род. в 1900 г., военный инженер, член КПСС с 1924 г. В Испании с ноября 1936 по октябрь 1937 г., советник в партизанских частях. Участник Великой Отечественной войны. Работал в штабах партизанского движения на Украине и в Польше. Сейчас — полковник в отставке. — 416—418, 426.

Старинова, Анна — см. краткие биографические сведения и стр. 8, 416, 417, 426.

Стекол, Соломон — см. краткие биографические сведения и стр. 101, 118, 155.

Стефанович — капитан, офицер оперативной части штаба батальона им. Джуро Джаковича. — 326.

Стрельчик, Иозеф (в Испании — Ян Барвинский, «Янек») (1907—1942) — деятель КП Польши. В ноябре 1936 г. в Испании — ротный командир батальона им. Домбровского, затем зам. командира, а с февраля 1937 г. — командир того же батальона. С июля 1937 по апрель 1938 г. — командир Интернациональной бригады им. Домбровского. Погиб в борьбе с гитлеровцами в Польше. — 121, 130, 134, 138, 140, 141.

Судмалис, Эмиль (1897—1964) — революционный журналист, член КП Латвии с 1930 г. В 1931-1933 гг. был депутатом рабоче-крестьянской фракции сейма. — 476.

Табаков, Петр (Продан) — доброволец из Болгарии. Род. в 1904 г., член комсомола с 1922 г., член ВКП(б) с 1929 г. В СССР был преподавателем политэкономии. В Испании — с марта 1937 до июля 1937 г. — политкомиссар батальона им. Димитрова. В бою под Брунете тяжело ранен. С ноября 1937 по апрель 1938 г. — в звании капитана — начальник славянского отделения школы политкомиссаров в Посорубио, затем комиссар учебного батальона 129-й бригады. — 64, 83, 304.

Т е л л е р — см. Артман, Жанис.

Т и л а к, Янис — см. биографию и стр. 64, 79, 305, 463—465.

Тилтинь, Альфред (1897—1938) — советский кадровый офицер. Родился в Алтайском уезде (брат Поля Армана). Член Коммунистической партии с 1917 г., участник гражданской войны. С 1923 по 1925 г. учился в Политехническом институте в Париже. В Красной Армии — командир роты, командир бригады, начальник автобронетанковых войск военного округа. — 21.

Тимме, Александр — см. краткие биографические сведения и стр. 69, 133, 176, 240, 293.

Тимушка, Георг — корреспондент латышской буржуазной газеты «Яунакас зиньяс» («Последние известия»). Посылал из Испании тенденциозные материалы, клеветал на республиканцев и восхвалял фашистов. — 206.

Тихомиров, Михаил — см. краткие биографические сведения и стр. 63, 72, 75, 114, 146, 149, 151, 166.

Ткачев, Ян (1892—1938) — доброволец из Польши, деятель польского революционного движения. В Испании — капитан, командир батальона им. Палаfoxа. Во время Сарагосской операции командовал моторизованной ударной группой. Убит в бою в феврале 1938 г. 126.

Толлер, Эрнст (1893—1939) — немецкий писатель, антифашист. В 1933 г. эмигрировал из Германии. — 342.

Тольятти, Пальмиро (Эрколи) (1893—1964) — деятель итальянского и международного коммунистического движения. С 1927 г. — генеральный секретарь компартии Италии. С 1928 г. — член Президиума Исполкома Коминтерна, с 1935 г. секретарь ИККИ. Представитель Коминтерна в Испании в 1937-1939 гг. — 47, 70.

Тони — см. Фестл, Антон.

Торез, Морис (1900-1964) — выдающийся деятель Французского и международного рабочего движения. С 1924 г. — член ЦК ФКП с 1930г. — генеральный секретарь. В 1928—1943 гг. — член Исполкома Коминтерна, 1939—1943 гг. — член Президиума ИККИ. — 113, 232, 253.

Торунчик, Генрих (1909—1966) — доброволец из Польши. С апреля 1938 г. — начальник штаба 13-й Интернациональной бригады. В январе 1939 г. командовал в Каталонии группой, в которую вошли бойцы 11, 13 и 15-й Интернациональных бригад. — 147, 155, 158.

Тройслит, Александр — см. краткие биографические сведения и стр. 64, 65, 74, 75, 80, 106, 114, 339.

Трокша, Янис — см. краткие биографические сведения и стр. 63, 185 — 187, 212, 214, 231, 233, 240, 243, 255.

Тыкин, Ян — см. краткие биографические сведения и стр. 407.

Удальцов, Алексей Иванович — доброволец из Советского Союза. Член КПСС, воентехник 2-го ранга. В Испании с октября 1936 по февраль 1937 г., техник по ремонту танков. — 34.

Упесля, Эдуард — см. краткие биографические сведения и стр. 104, 166, 293.

Урицкий, Семен Петрович (1895—1937) — советский военный деятель, член Коммунистической партии с 1912 г. В Красной Армии с 1918 г. на командной и штабной работе. С 1935 г. — начальник управления в Генштабе РККА. В 1936—1937 гг. руководил направлением в Республиканскую Испанию снабжения, отбором кадров военных советников и эвакуацией испанских детей из разрушенных фашистами городов. — 513.

Фейгин, Виктор (1910—1941) — доброволец из Эстонии. В Испании — сержант, командир орудия противотанковой батареи. В боях был ранен. Член КП Испании. В 1939 г. вернулся в Эстонию. В июне 1940 г. принимал активное участие в свержении фашистской диктатуры. В начале Великой Отечественной войны сражался в рядах партизан, попал в руки гитлеровцев и был замучен. — 123, 138, 141, 145, 146, 181.

Фелс, Гилельс (род. в 1912) — рижский рабочий. — 268.

Фельс, Рувим — см. краткие биографические сведения и стр. 185, 187, 189, 201, 204-206, 209, 212, 214, 215, 217, 228, 233, 240, 243, 249, 272.

Фестл, Антон (Тони) — доброволец из Австрии. Род. в 1910 г. Участник февральского восстания в Вене в 1934 г. Эмигрировал в СССР. В Испании с 1937 г., командир броневика Интернациональной роты броневиков, член КП Испании. С 1939 г. в СССР, Умер в 1941 г. во время эвакуации. — 55.

Финикельман — доброволец из Бессарабии. Боец 1-й роты отдельного Интернационального батальона 45-й дивизии. — 99.

Ф л а т е р — см. Мюнних, Ференц.

Фолманис, Жанис (Жанис Грива) — см. краткие биографические Сведения и стр. 92, 101, 103 119, 136, 185-188, 196, 201, 203—206, 208, 209, 212, 214, 213, 224, 228, 233, 236, 243, 251-256, 269, 275, 276, 292, 381.

Фор — доброволец из Франции. Участник первой мировой войны, офицер французской армии, член социалистической партии, майор. С января 1937 г. командир французско-бельгийского батальона 15-й Интернациональной бригады. В боях у Брунете тяжело ранен и ослеп. — 303-305.

Франек — см. Ксенжарчик, Францишек.

Франк, Карл — доброволец из Германии, коммунист. С 1936 г. участвовал в боях в составе 11-й Интернациональной бригады, имел звание капитана. 1 апреля 1938 г. убит в бою или пропал без вести —301.

Франко, Франсиско (род. 1892) — генерал, один из главных организаторов фашистского мятежа 18 июля 1936 г. против Испанской Республики. С 1939 г. — фашистский диктатор Испании. — 3, 34, 61, 106, 112, 113, 217, 231, 256, 267, 268, 358-360, 430, 475, 479, 484, 496.

Франциско — испанец, боец Интернациональной роты броневиков. — 59. 60.

Ф р и д а — см. Гинцбург, Фрида.

Фридланд, Сима (1916—1942) — Член подпольного комсомола Латвии. ткачиха. Погибла во время немецко-фашистской оккупации. — 250.

Ф р и к, Вильгельм — министр внутренних дел фашистского правительства Германии. На Нюрнбергском процессе в 1946 г. Международным военным трибуналом был приговорен к смертной казни как военный преступник. — 504.

Фройнд, Якоб — член КП Германии, политический эмигрант. В Испании лейтенант, военный инженер 14-й дивизии Республиканской армии. — 346, 348, 349, 352, 354.

Фурманов, Дмитрий Андреевич — (1891-1925) — русский советский писатель, автор романа «Чапаев». — 299.

Хиль, Роблес Хосе (род. в 1898 г.) в 30-х гг. возглавил реакционную католическую организацию СЭДА (испанская конфедерация автономных правых), пытался установить тоталитарный режим конституционными средствами, путем постепенной фашизации страны. — 479.

Хосе — командир отделения разведчиков, сержант, затем лейтенант. — 423, 428, 430.

Х р с т и ч, Петар — доброволен из Канады, по национальности хорват. Сержант противотанковой батареи. Член КП Испании. Погиб 16 марта 1938 г. у Каспе. — 142, 162.

Ц а п л и н, Павел Алексеевич — доброволен из Советского Союза, член КПСС, капитан. Командир танковой роты, умер от ранения, полученного в бою в январе 1937 г. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза. — 37.
Ц е й т е л ь, Борух — см. биографию и стр. 466—467.

Цеплис, Алвил (1897-1937) латышский советский поэт и прозаик.

С 1918 г. жил в Советском Союзе. — 206.

Цеткин, Клара (1857—1933) — видный деятель германского и меж-

дународного рабочего движения Одна из основателей Компартии Германии. Член ЦК КПГ с 1919 г. С 1921 г. — член Исполкома Коминтерна и Президиума ИККИ. — 47.

Цесарец, Август (1893-1941) — хорватский писатель, публицист,

видный деятель Коммунистической партии. В 1937—1939 гг. участвовал в народно-революционной войне в Испании. По возвращении в Югославию был арестован и в 1941 г. расстрелян фашистами. — 327.

Циелен, Лаймон Александр — см. краткие биографические сведения

и стр. 186-188, 205, 209, 233, 243, 247, 255, 271, 392.

Ц и н и с, Борис — см. биографию и стр. 64, 72, 79, 82, 83, 114, 245, 271,

306, 468-469.

Ц и н и с, Янис — см. краткие биографические сведения и стр. 81, 166,

186, 210, 243, 258, 271, 288, 392, 457.

Ч а п а е в — см. Салвай Михай.

Ч е м а з а р, Михаил — сержант противотанковой батареи. — 123.

Чемберлен, Невилл (1869—1940) — английский государственный

деятель, консерватор. В 1937—1940 гг. — премьер-министр. Правительство

Чемберлена проводило политику поощрения фашистской агрессии, согласившись на немецко-итальянскую интервенцию в Испании. — 283.

Чернин, Леон — см. краткие биографические сведения и стр. 61, 72, 101, 105, 118, 128, 129, 160, 169, 258, 294, 295, 390.

Чернобров, Исаак — см. краткие биографические сведения и стр. 258, 293.

Ч и с п а — см. Березин, Александр.

Чопич, Владимир — (1891—1938) — деятель КП Югославии, юрист.

В 1920 г. был оргсекретарем ЦК КПЮ, депутатом народной скупщины.

С 1925 г. — в СССР. Представитель КПЮ в Коминтерне. В Испании с 1936 г., политкомиссар, затем — с февраля 1937 по март 1938 г. — командир 15-й Интернациональной бригады. — 299, 302—304, 306, 313, 314, 318, 321—333, 336—339, 395.

Ш а б о х и н, Алексей Алексеевич — доброволец из Советского Союза. Родился в 1907 г., член КПСС. Воентехник 2-го ранга. В Испании с октября 1936 по февраль 1937 г. техник по ремонту танков. В настоящее время инженер-полковник, начальник танкоремонтного завода. — 84.

Ш а й к а — см. Гинцбург, Александр.

Шалит, Абрам — см. краткие биографические сведения и стр. 258.

Шахурин, Виктор — доброволец из Советского Союза, член КПСС. Воентехник 2-го ранга. В Испании с октября 1936 по февраль 1937 г. — техник по ремонту танков. — 34.

Ш в а л б е, Сара — см. краткие биографические сведения и стр. 173, 302, 386.

Шварц, Елена — род. в 1904 г., член КПСС с 1938 г. В 1923—1928 гг. училась в Лейпцигском и Пражском университетах. В 1925 г. вступила в КП Германии. С 1928 г. была пропагандистом Рижской организации КП Латвии. С 1934 по 1937 г. политзаключенная в тюрьмах буржуазной Латвии. По восстановлении Советской власти в Латвии работала в партийно-советских органах и культучреждениях. Персональный пенсионер. — 328.

Шварц, Михаил — см. биографию и стр. 8, 64, 72, 79, 114, 119, 130, 148, 173, 298—300, 302, 349, 350, 372, 373, 399—401, 440, 470—472.

Шверма, Ян (1903—1944) — деятель чехословацкого рабочего движения, член КП Чехословакии с 1921 г. В 1929 г. избран членом Политбюро ЦК КПЧ. С 1935 по 1943 г. был кандидатом в члены Исполкома Коминтерна В 1935—1938 гг. — депутат национального собрания Чехословакии. В 1937 г. в составе делегации депутатов коммунистов посетил Испанию. Погиб в 1944 г., направляясь на помощь словацкому восстанию против гитлеровцев — 323.

Шимачек, Рудольф (в Испании — Блажек) — доброволец из Чехословакии. Род. в 1906 г. Член КП Чехословакии с 1925 г. С 1931 г. в СССР. С мая 1937 г. в Испании — башенный стрелок и командир броневика Интернациональной роты броневиков, участвовал в боях под Брунете, Теруэлем, Пособланко. В мае 1939 г. вернулся в СССР. С 1942 г. сражался на фронтах Великой Отечественной войны в составе 1-й Чехословацкой бригады. — 55, 59.

Шмидт, Отто (1891-1956) — видный советский ученый, исследователь Арктики, академик. Герой Советского Союза. — 300.

Шмидт. Эгон — см. Шварц, Михаил.

Шмидт, Рудольф см. краткие биографические сведения и стр. 114, 174, 209, 210, 212—215, 225, 234, 240, 246, 256, 287, 289, 290, 382.

Шпонберг, Ганс — см. краткие биографические сведения и стр. 7.

Ш т е й н б е р г, Рудольф — доброволец из Югославии. С сентября 1937 г. в Испании — политкомиссар противотанковой батареи. — 125, 130, 139, 140, 145, 161.

Штерн, Григорий (в Испании — генерал Григорович), главный военный советник в Испании в 1937—1938 гг. Родился в 1900 г., член КПСС. Участник гражданской войны с 1918 г., комдив. После возвращения из Испании занимал крупные посты в Советской Армии. Герой Советского Союза. — 410, 413—415

Эглитис, Арнольд — см. краткие биографические сведения и стр. 240, 277, 370.

Э м б р и к, Карл — см. краткие биографические сведения и стр. 118, 123, 128, 131, 132, 135, 138, 141, 155, 166, 172, 176.

Эмилио — шофер военного советника В. Кумелана в Испании. — 419.

Эрнандес, Сарабия (1880—1962) — до сентября 1936 г. — заместитель военного министра в правительстве Республиканской Испании. В 1937 г. — начальник противовоздушной обороны. Позже — генерал, командир Восточного фронта. — 409, 411—413, 415.

Юдин, Михаил — доброволец из Советского Союза. Род. в 1912 г., член ВЛКСМ. В Испании с декабря по июль 1937 г., танкист, башенный стрелок. Ему присвоено звание Героя Советского Союза. — 37.

Яворский — офицер саперной роты 15-й Интернациональной бригады. 299.

Янек — см. Стрельчин, Йозеф.

Янис — см. Беникис, Янис.

Я н с о н, Кирилл — см. краткие биографические сведения и стр. 7.

Я р ы м о в, Панайот — доброволец из Болгарии. Род. в 1902 г. Член Болгарской компартии с 1923 г., участник Сентябрьского восстания в 1923 г., был приговорен к смертной казни, но в порядке обмена выслан в СССР. В Испании — с 1937 г. — начальник разведки батальона им. Домбровского, затем инструктор 227-й испанской бригады. В 1944 г. вернулся в Болгарию. — 122.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ...5
Мы не забываем вас, Долорес Ибаррури.....11
Испания. Фрицис Рокпелнис.....12

I

УЧАСТНИКИ СРАЖЕНИЙ РАССКАЗЫВАЮТ

Танкисты

П. Арман. Вспоминая Испанию....15
А. Новак. Командир танковой части Поль Арман....19
И. Григорьев. В бой за Мадрид.....39
И. Вельков. Под Брунете и Сарагосой.....43

С винтовкой и пулеметом

М. Тихомиров. Латвийские стекольщики на фронтах в Испании...63
М. Гуревич. Мой отчет об Испании....66
Ю. Климкан. Боевой путь бездомного рижанина....68
А. Спалан. Пехотинец, партизан, связист.....74
К. Розенберг. В Испании и во Франции...76
Б. Цинис. Будем ядром грядущих сражений в Латвии79
Я. Цинис. Так они сражались и погибали....81
Г. Брозинь. В боях и на учениях...84
Ф. Пуце. Моя деятельность за границей....88
Ж. Грива. Воспоминания о героях.....92
Х. Перманд. Бои у Эбро97
Э. Упеслея. Из биографии революционера....104
А. Тройслит. Прощание с Испанией.....106

Истребители танков

Я. Палкавниек. Боевой путь противотанковой батареи109
А. Липкин. Противотанковая артиллерия на учениях и в бою....159
Л. Чернин. У Гвадаррамы и Эбро.....169
А. Тимме. Сражения в Арагоне и в Каталонии.....176

Тяжелая артиллерия

Дневник группы тяжелой артиллерии им. Я. Янсона-Брауна185

В. Дукальский. Боевой путь артиллеристов....	230
Я. Трокша. На Эстремадурском фронте.....	243
Р. Фельс. Путь в Испанию и обратно.....	249
Ж. Грива. Памяти товарища-героя.....	269
Ж. Грива. Из письма фронтовому топорщику.....	275
А. Эглит. Польская батарея и 3-я артгруппа.....	277
М. Марковников. Письма из Испании и Франции.....	279
Р. Шмит. Из биографии.....	287
Б. Кур. Возвращение.....	291

Саперы и военные инженеры

М. Шварц. Из записной книжки.....	298
В. Вецгайлис. Тревожные дни.....	344
А. Ратник. На саперной службе в Испании.....	369

Работники медицинской службы

С. Швалбе. Фронтовой врач в Испании.....	386
П. Бернштам. На медицинской службе.....	392
С. Левинсон. Даугавпилсцы в Испании.....	399
Л. Гуткин. В руках у врагов свободы.....	402

В качестве советников, инструкторов и переводчиков

Я. Тыкни. Встречи в Испании.....	407
А. Старинова. Советник Кольман....	416
Е. Паршина, А. Спрогис. Пути разведчиков.....	422

II

О ТЕХ, КТО ПОГИБ НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЯ В ИСПАНИИ

Павшему. Мирдза Кемпе. Стихотворение....	435
Адольф Акис....	436
Абрам Барон.....	438
Янис Ванаг.....	441
Александр Гинцбург....	444
Николай Гусаров	446
Эдгар Екабсон.....	448
Последняя встреча. А. Григулис. Стихотворение.....	451
Юлий Енш.....	453
Эмиль Кемпе.....	455
Вульф Лихтер....	459
Сергей Поташов....	461
Янис Тилак.....	463
Борух.....	466
Борис Цинис.....	468
Михаил Шварц.....	470

III

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Краткие биографические сведения.....	515
Именной указатель....	533